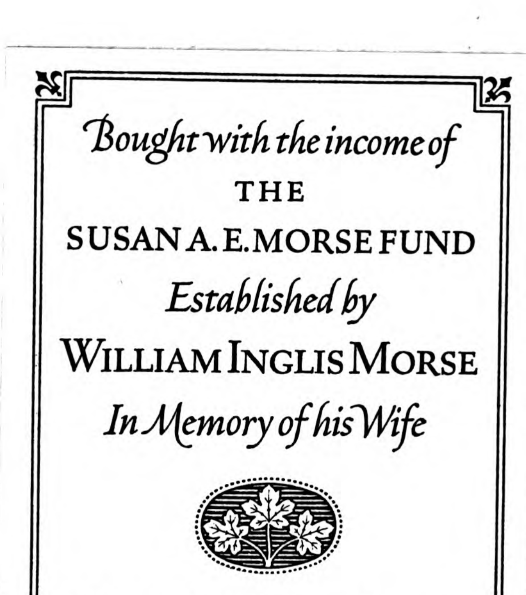

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

АПРѢЛЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ: отъ Костецкаго—1 р.; отъ любит. драмат. искусства въ Харбинѣ, черезъ газ. „Новый Край"—100 р.; отъ Е. Луниной, изъ г. Бѣжецка—12 р.; отъ Е. Д.—10 р.; отъ пастора И. Шепетиса, изъ Линкова—25 р.; отъ М. Чеботарева, изъ Орла—5 р.; отъ фельдшерицы В. Агриколянской, изъ Шлиссельбурга—10 р.; черезъ Л. Чупихина, отъ служащ. по переселенч. управл. въ Сыръ-Дарьинскомъ раіонѣ—55 р.; отъ подписчицы „Р. Б". № 8215—4 р.; отъ у-въ 2-хъ клас. училища при рудникѣ „Желтая Рѣка"—5 р.; черезъ Н. Овчинникова, собран. служащ. 4-ой Алтайской землеустр. партіи—45 р. 65 к.; черезъ О. Яковлеву отъ ученицъ, изъ Барнаула—10 р.; отъ М.—2 р.; отъ группы у-въ Батумской муж. гимназіи 6 и 7 кл., собран. въ память безврем. скончавш. товар. уч. VI кл. Яши Карповскаго—29 р. 50 к.; отъ В. Сукова, въ память Ф. Н. Б.—10 р.; отъ херсонскихъ учащихся, черезъ

(См. 3-ю стр. обложки).

АПРѢЛЬ. 1907.

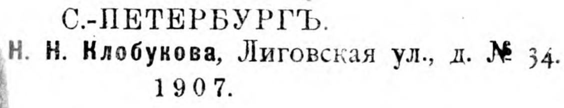
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку **журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.**

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ **своими жалобами на неисправность доставки, а** также съ **заявленіями** о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно **въ контору** редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать **его №.**

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

На главной гауптвахтѣ.

Вечеръ.

Въ сѣрой мглѣ корридора тускло мерцаютъ лампы... Лязгаютъ ружья. Ругаются часовые. И тюрьма, засыпая, дышетъ смѣсью пота, махорки и керосина...

Въ сѣрой мглѣ свиваются тѣни... Незамѣтно ползутъ вдоль стѣны. Оживаютъ... Хохочутъ вѣтромъ, скребутся мышью у печки, сжимаютъ въ тиски и пляшутъ... Пляшутъ, вьются, кружатся безъ конца, безъ предѣла... и хочется вскрикнуть...

А утромъ сторожъ Егорка выметаетъ ихъ вмѣстѣ съ вчерашнею грязью. Онъ скребетъ метелкой по корридору и гонитъ передъ собой груды мусора, щепокъ, окурковъ, яичныхъ скорлупъ... И отъ пола до потолка стѣною виснетъ густая и смрадная пыль. И опять ругаются часовые...

Всходитъ солнце, опускается ночь, и снова настаетъ утро. Липкая мгла по прежнему обнимаетъ тюрьму. И въ ней, въ ея гнилой сердцевинѣ, скучно родятся слова и дѣла... Слова и дѣла тюрьмы.

А гдѣ-то строятся плахи. Трещатъ пулеметы. Штыками роютъ могилы...

И прощаются человѣку грѣхи его...

I.

Подпоручикъ Воронковъ дѣлаетъ повѣрку.

Онъ очень юнъ и очень малъ ростомъ. Когда онъ ходитъ, то выпячиваетъ грудь колесомъ и подымаетъ голову такъ высоко, что кажется, у него сейчасъ слетитъ съ затылка фуражка, и хочется его объ этомъ предупредить. Его сопровождаетъ цѣлая свита: жандармъ, караульный унтеръ-офицеръ и разводящій.

— Часовые, не разговаривать съ арестованными,—еще

издали кричитъ Воронковъ.—Замѣчу—подъ судъ! У меня живо!.. Понялъ?.. Эй, ты... лежать?!. Кто те-бѣ доз-во-лилъ ле-жать? Встать! Не разговаривать! Молчать! Вотъ новости!.. Ты, арестованный, лежишь, ничего не дѣлаешь, блаженствуешь... А я, офицеръ... Понялъ,—офи-церъ!.. Цѣлый день на ногахъ, работаю, за тебя отвѣчаю... Что?.. Молчать! Не то прикажу связать! Понялъ?.. Час-совые, наблюдать, чтобы арестованные не курили, не пѣли, на окнахъ не сидѣли, не разговаривали, записокъ не передавали... Замѣчу,—подъ судъ!..

Онъ уже повѣрилъ насъ, „политикантовъ", и теперь очередь за „прокламаторами", т. е. солдатами, арестованными за пропаганду и распространеніе прокламацій.

— А, здравствуй, сознательный человѣкъ,—слышу я изъ сосѣдняго карцера.—Ну, что, какъ живешь? А? Хорошо?.. Ну, и слава Богу... Жандармъ, обыскать его! Ну, а бѣжать не собираешься? Какъ?.. Знаемъ мы васъ, мечтателей... Что, все мечтаешь, небось? А?..

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчаетъ чей-то глухой, едва слышный изъ-за стѣны, голосъ.

— Что?.. Какъ?.. А земля? Вѣдь, по твоему, землю надо отнять у законныхъ владѣльцевъ и подѣлить? Такъ?..

— Такъ точно.

— Ну, вотъ... Ну, не дуракъ ли ты? У за-кон-ныхъ владѣльцевъ!.. Ну, слушай. Только слушай внимательно, что я буду говорить. Допустимъ, землю подѣлили. Всѣмъ по 15 десятинъ. Тебѣ 15 десятинъ и мнѣ 15 десятинъ. Такъ?..

При послѣднихъ словахъ часовой, стоящій у моей двери, какъ бы вростаетъ въ землю. Шея у него вытягивается, какъ у журавля, и пальцы начинаютъ сами собой шевелиться. Онъ слушаетъ,—не проронитъ ни слова.

— Прекрасно,—продолжаетъ Воронковъ такимъ тономъ, будто диктуетъ задачу.—Великолѣпно... Теперь, что я сдѣлаю со своею землей?.. Я буду работать. Въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ... Ну, а ты?.. Что ты сдѣлаешь со своей?.. Чего же ты молчишь? Отвѣчай. Ну, отвѣчай, когда офицеръ спрашиваетъ...

— Не могу знать.

— Дуракъ. Все у тебя „не могу знать"... Ты ее пропьешь. Вѣдь ты ее пропьешь?—торжествующе переспрашиваетъ Воронковъ.

— Никакъ нѣтъ.

— А?.. Что?.. Что такое?.. Что это еще за „никакъ нѣтъ"?... Ты ее пропьешь. Это тебѣ каждый скажетъ... Жандармъ, развѣ онъ ее не пропьетъ?

Жандармъ, высокій и красивый кубанскій казакъ, улы-

бается такъ, что нельзя понять, надъ кѣмъ онъ смѣется,— надъ Воронковымъ или надъ тѣмъ, кто долженъ пропить свою землю. Затѣмъ рѣшаетъ небрежно:

— Онъ?.. Онъ ее безпремѣнно пропьетъ.

Лицо у моего часового блѣднѣетъ. Онъ судорожно прижимаетъ къ груди винтовку и что-то тихо бормочетъ. Потомъ опять замираетъ.

— Ну, вотъ видишь,—наставительно замѣчаетъ Воронковъ.—Вотъ и жандармъ то же говоритъ. И всякій скажетъ... Значитъ, ѣсть тебѣ нечего. Значитъ, ты землю продалъ. Прекрасно. Кому? Кто работалъ... Я работалъ. Значитъ, мнѣ. Вотъ у меня уже 30 десятинъ, а у тебя ничего... Понялъ?.. Что же, по твоему, опять землю дѣлить, а?..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе... Такъ что ни продавать, ни покупать землю нельзя... Она—Божья. Какъ, напримѣръ, воздухъ или вода.

Голосъ, который это произноситъ, дрожитъ отъ негодованія. Воронковъ негодуетъ тоже.

Съ минуту оба молчатъ. Лицо у Воронкова покраснѣло, глаза вытаращены, и фуражка совсѣмъ съѣхала на макушку. Онъ, видимо, не можетъ понять, въ чемъ дѣло, и это его волнуетъ и сердитъ:

— А? Что? Что такое? Что ты такое говоришь?.. Ма-алчать! Не разговаривать! Разсуждать?!. А? Что? Ничего понять нельзя... Божья!.. Вотъ новости... Что такое Божья?.. Я работалъ, деньги платилъ... Почему Божья? Моя, а не Божья... А?.. Какъ?.. Вотъ новости...

Онъ окончательно сбивается съ толку, пыхтитъ, плюется и всетаки ничего не можетъ придумать. Наконецъ, жандармъ приходитъ къ нему на помощь. Все еще улыбаясь, онъ ласково шепчетъ ему:

— Такъ что не стоитъ съ имъ, ваше благородіе, говорить... Глупыя у нихъ эти слова...

— Ну, да. Что же я говорю? Я то же самое и говорю. Какъ? Что?.. Ну, прекрасно,—вдругъ успокаивается Воронковъ,—пусть Божья. Великолѣпно, пусть будетъ Божья. Ты только слушай. Слушай внимательно, что я говорю.

Онъ нашелъ рѣшеніе задачи. И теперь торопится побѣдить, сразить наповалъ, безъ возраженій.

— Вотъ ты книжки читаешь... О конституціяхъ... О соціализмахъ... И другое тамъ разное... Ну, а про французовъ слыхалъ? Что? Слыхалъ?.. Да?..

— Такъ точно.

— Прекрасно. Всякій знаетъ,—нарочно растягиваетъ слова Воронковъ,—что французы народъ культурный, то

есть образованный, то есть умный. Умнѣе насъ, русскихъ... Такъ?..

Пауза. И затѣмъ вдругъ быстро и радостно:

— А подѣлена у нихъ земля? Что?.. Нѣтъ, не подѣлена и не будетъ подѣлена, и не можетъ быть подѣлена... А ты хочешь отнять землю... У кого?.. У за-кон-ныхъ владѣльцевъ, и подѣлить... Значитъ, ты хочешь быть умнѣе... французовъ!.. Ты, арестованный нижній чинъ, хочешь быть умнѣе французовъ... ха-ха-ха... Онъ хочетъ быть умнѣе французовъ!.. Умнѣе французовъ!..

— Хе-хе-хе-хе-е... — ухмыляется въ бороду жандармъ. Караульный унтеръ-офицеръ и разводящій молчатъ. Они держатъ руки по швамъ и угрюмо ѣдятъ начальство глазами.

— Ну, вотъ,—торжествуетъ Воронковъ.—Ну, не дуракъ ли ты?.. Теперь понялъ?.. Что?.. А то кричатъ, требуютъ, безпокоятъ начальство. А чего кричатъ, что требуютъ,—неизвѣстно. Сами не понимаютъ... Знаемъ мы васъ... Знаемъ... Ну, сиди, сознательный человѣкъ, сиди...

Въ сопровожденіи всей свиты, онъ съ шумомъ семенитъ къ выходу. И когда за нимъ затворяется тяжелая желѣзная дверь, въ корридорѣ внезапно настаетъ тишина. Ее нарушаетъ мой часовой. Сперва онъ долго и ожесточенно шагаетъ взадъ и впередъ, затѣмъ останавливается, что-то соображаетъ, плюетъ и, наконецъ, говоритъ убѣжденно:

— Ось, якій дуже розумной!..

II.

Жандармскій унтеръ-офицеръ Охрименко, потный и красный человѣкъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и двумя нашивками на рукавѣ, пришелъ ко мнѣ въ гости. Онъ сидитъ въ моемъ карцерѣ на табуретѣ и съ присвистомъ сосетъ съ блюдечка чай. И по тому, какъ онъ нервно то и дѣло вытирается кумачнымъ платкомъ и какъ старательно избѣгаетъ моего взгляда, я вижу, что онъ хочетъ что-то сказать и не смѣетъ.

— Лѣтомъ комари ѣдятъ,—говоритъ онъ, наконецъ, авторитетно.

— Что?

— Комари, говорю, ѣдятъ.

— Ѣдятъ.

— Вотъ и москиты тоже.

— Да, и москиты.

— Пренепріятно. Такъ-такъ-такъ...—барабанитъ онъ гряз-

ными пальцами по столу.—Такъ-съ... Спасибо за чай, за сахаръ... Пожелаю.

Онъ жметъ мнѣ руку, и мы оба молчимъ. Жарко. Слышно, какъ на дворѣ разводящій учитъ часового: „Ежели который на окнѣ, не стрѣляй, елова голова, понялъ? А кричи: слѣзавай съ окна... Понялъ?"

— Да... такъ я говорю: комари,—все еще не рѣшается Охрименко.

— Что вы?

— Нѣтъ .. такъ... пустяковина... насчетъ комарей... Та-акъ.. А дозвольте вамъ сказать, дѣльце я къ вамъ одно имѣю...

— Къ вашимъ услугамъ.

— Такъ... ерунда...—У, ты проклятущій,—вдругъ хлопаетъ онъ руками по комару,—какой маленькій, а какой ехидный...

— Въ чемъ же дѣло, Максимъ Ильичъ?

— Ничего... Не стоющее вниманья...

Онъ конфузливо умолкаетъ. Его большое и тучное тѣло наполняетъ весь карцеръ. Онъ чувствуетъ это и мучительно ищетъ, куда дѣвать свои руки. Поправляетъ погоны, теребитъ шнуры револьвера, трогаетъ зачѣмъ-то шашку. Наконецъ, беретъ папиросу, отворачивается къ окну и говоритъ небрежно и равнодушно, какъ бы вовсе не интересуясь отвѣтомъ:

— А что, ничего не слыхать, расформируютъ насъ?

— Кого это насъ?

— Отдѣльный корпусъ.

— Когда?

— Да вотъ когда эти всѣ тайныя права будутъ...

— Когда права?.. Должно быть, расформируютъ.

— Такъ-съ... И которые унтеръ-офицеры съ десятилѣтней выслугой срока, тѣмъ пенсіи не оставятъ?—вдругъ оборачивается онъ ко мнѣ.

— Не знаю. Не могу вамъ сказать.

Онъ встаетъ, звеня шпорами, ходитъ по карцеру, останавливается, о чемъ-то думаетъ, опять ходитъ. Наконецъ, садится рядомъ со мной на койку и, озираясь на дверь, таинственно шепчетъ мнѣ на ухо:

— Сами знаете, время какое... Очень даже большой скандалъ можетъ выйти... Иные, которые не видятъ, а я примѣчаю. Къ тому идетъ. То есть, очень просто послѣдніе могутъ стать даже первыми... Да... такъ съ умомъ надо... чтобы не прошибиться...

— Ну?

Онъ опять вскидываетъ глазами на дверь.

— Какъ бы часовые не нагавкали... Тоже народъ... Из-

волите видѣть,—шепчетъ онъ еще тише, однѣми губами,—имѣю два билета выигрышнаго займа, 4-хъ-процентной государственной ренты. Безпорочною службой скопилъ... Какъ скажете, продавать или придержать?.. А?..

— Зачѣмъ же, Максимъ Ильичъ, продавать?

— За-а-чѣмъ?!—Теперь онъ откинулся къ стѣнѣ и смотритъ на меня съ недовѣріемъ, почти съ озлобленіемъ.—Зачѣмъ продавать? Платить не будете... По займамъ платить не будете!—негодующе выпаливаетъ онъ, наконецъ.

— Не знаю... Можетъ быть, и не будемъ.

Онъ сразу теряетъ весь свой авторитетъ. Потъ градомъ катится съ него. Лицо побагровѣло. Глаза слезятся, и весь онъ какъ-то грузно осѣлъ всѣмъ тѣломъ на бокъ и внизъ И, вздыхая, смотритъ на меня своими круглыми, какъ у птицы, глазами и бормочетъ скороговоркой:

— Господи!.. Какъ свѣча передъ Истиннымъ! Вѣрьте слову... ей-Богу.., сами знаете, я для васъ завсегда... не глядите, что я жандармъ. Довѣрьтесь... никому не скажу... видитъ Богъ... ни Боже мой, никому... Вѣдь жена, малолѣтнія дѣти... по расформированіи по міру пойдемъ... одна надежда на васъ... не утаите... откройтесь... Какъ слышно: будете платить, или нѣтъ?.. О, Господи милосердный...

Въ корридорѣ звякаютъ шпоры. Караульный начальникъ Охрименко вскакиваетъ, поправляетъ Георгія, вытягивается во фронтъ и, дѣлая „глаза направо“, рапортуетъ:

— Дозволилъ въ личномъ своемъ присутствіи раскрыть въ № 9 двери для просвѣженья...

III.

— Кипячій кипятокъ вамъ несу,—говоритъ жандармскій унтеръ-офицеръ Ершаковъ, подавая мнѣ чайникъ...—Почайничайте, а я посижу, чтобы не скучно было...

Онъ садится ко мнѣ на койку и задумчиво смотритъ куда-то, въ окно, за ограду, гдѣ начинается воля.

— Да-а... Многаго на свѣтѣ понять невозможно...—замѣчаетъ онъ философски...—даже до чрезвычайности многаго...

— Чего, напримѣръ?

— Да всего. И свѣтскаго, и духовнаго... Насчетъ Писанья я и штунду опрашивалъ, и къ монахамъ теперь хожу... Да куды!.. Что въ нихъ, въ монахахъ... Штунда не разбериберй что плететъ, а монахи... Богъ съ ними совсѣмъ. Самый нестоющій народъ, и при томъ пьющіе...

Онъ безнадежно машетъ рукой и, какъ бы нехотя, продолжаетъ:

— Думаешь этакъ, выходитъ такъ. Думаешь такъ, выходитъ этакъ... И ничего понять невозможно... Вотъ одновà со мной случай былъ. Прислали къ намъ агентовъ изъ Петербурга. Живутъ въ номерахъ, 75 въ мѣсяцъ получаютъ, а съ какого конца чтобы, напримѣръ, ухватиться—не понимаютъ. Въ городѣ имъ ничего неизвѣстно, а къ намъ не идутъ,—гордятся. Хорошо... Вотъ стали мы примѣчать, куда мы, туда они, куда мы, туда они... Значитъ, такъ на прицѣлъ берутъ, чтобы черезъ насъ дойтить, гдѣ вашъ братъ собирается... Вотъ я, значитъ, и говорю товарищу: сем-ка мы, Ференчукъ, ихъ накроемъ да маленько поучимъ, дураковъ учить надо... Однова глядимъ, слѣдятъ такъ за нами. А мы, какъ при формѣ были и при револьверахъ, прямо, знаете, значитъ, къ имъ. Кто такіе и позвольте, говоримъ, ваши паспорта-съ. Мы, говорятъ, агенты... Агенты?... Знаемъ, какіе вы агенты. Пожалуйте въ управленье. Черезъ сутки отпустили ихъ съ миромъ: идите и впередъ не грѣшите... Позвольте и мнѣ стаканчикъ...

Я наливаю ему чай, и онъ, откусывая сахаръ, улыбается себѣ въ бороду и смотритъ на меня большими, ласковыми и невинными глазами.

— Что же тутъ непонятнаго?

— Слушайте дальше.. Ну, разумѣется, пиво было. Такъ что выпили мы всѣ вмѣстѣ, говоримъ: давай, ребята, на кругъ работать. А ротмистру всетаки доложились. А ротмистръ у насъ—ухъ!.. Говоритъ: гляди, ребята, не зѣвай, мелочь имъ отдай, а крупнаго не тронь, ни-ни Боже мой. Значитъ, тоже свою политику имѣлъ... Хорошо. Наслѣдили мы разныхъ тамъ вашихъ, которые помельче, гимназистокъ тамъ всякихъ, изъ мореходныхъ классовъ которыхъ, и ночью этакъ, разъ, Господи благослови, бацъ... ко всѣмъ съ обыскомъ сразу. Я, какъ на обыскѣ былъ, барышня одна плачетъ, какъ рѣка льется... Все убивается. Конечно, дѣвченка еще, годовъ ей такъ было пятнадцать, испужалась значитъ. Такъ я утѣшалъ даже ее. Ей-Богу. Что-й-то вы, говорю, барышня, и какъ вамъ не стыдъ, не извольте, говорю, убиваться, ничего вамъ не будетъ... Дитё, что съ ей возьмешь?.. Отвезли, значитъ, всѣхъ къ намъ въ управленіе, а оттуда въ гражданскую. Сидятъ. А агенты-то и рады: мы, молъ, петербургскіе, изловили, молъ, всѣхъ волосатиковъ... Такъ и начальству своему доложили... Да. А ротмистръ, какъ дѣло все разобралъ, тотчасъ всѣхъ-то и повыпускалъ. Невинные были. И въ Петербургъ отписалъ: такъ и такъ-де, агенты ваши однихъ снятковъ ловить могутъ и ничего-де не понимаютъ. Впередъ ихъ къ намъ не присылайте, мы и безъ нихъ очень прекрасно дѣйствовать

можемъ... Значитъ, это онъ чтобы агентамъ носъ наклеить. Да... Ну, и скандалъ большой вышелъ. Ха-ха-ха...

— Вотъ что бываетъ,— заключаетъ онъ опять философски. — Развѣ агенты на то надежду имѣли? А?.. Службу свою исполняли, для награды, можетъ быть, старались... У кого жена, у кого дѣти... А что вышло? Говорятъ, такъ даже съ должности ихъ погнали... А почему? Ничего неизвѣстно... И мы не причинны. Вмѣстѣ съ ими работали... Да и то взять,— вдругъ мѣняетъ онъ тонъ,— 75 въ мѣсяцъ получаютъ... Денегъ-то тьма. А за что? За тьфу, съ позволенья сказать. Пьяницы, воры, дѣла не дѣлаютъ, отъ дѣла бѣгаютъ. А туда же... Въ калашный рядъ... Да... А мы на 20-ти рубляхъ сиди да присягу помни... Тьфу!..

Я не выдерживаю, наконецъ:

— Бога вы, Ершаковъ, не боитесь и людей не стыдитесь...

— Кого?—переспрашиваетъ онъ удивленно.

И затѣмъ обиженно добавляетъ:

— Что-й-то вы право... Развѣ мы что? Намъ что прикажетъ начальство.

Въ корридорѣ лампы чадятъ... Душно—нечѣмъ дышать.

IV.

Онъ входитъ ко мнѣ, сытый, красный, довольный. Потираетъ весело руки и шаркаетъ ножкой:

— Рекомендуюсь. Приказомъ командующаго войсками назначенъ васъ защищать...

Садится ко мнѣ на кровать, дружески, какъ старый пріятель, хлопаетъ меня по плечу и говоритъ, отдуваясь:

— Жарко... Только что былъ у товарища вашего. Прекраснѣйшій молодой человѣкъ... Великолѣпное впечатлѣніе... Только зачѣмъ запираться? Ну, скажите, зачѣмъ?.. Врешь, говорю, меня не надуешь, запирательствомъ ничего не возьмешь. Вѣдь, дорогой мой, военный судъ не игрушки... Тутъ ужъ дѣло, знаете, того, какъ его... Понимаете сами... Тутъ ужъ каюкъ, крышка, ничего не попишешь...

Онъ вынимаетъ серебряный портсигаръ, не спѣша, чиркаетъ спичкой и, закуривъ, начинаетъ опять:

— Я, батенька вы мой, старый служака, 20 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ состою. Могу сказать — стрѣляный воробей. Все знаю, все испыталъ и народу всякаго видѣлъ гибель. И прямо вамъ скажу, какъ солдатъ: терпѣть не могу жидовъ. Жидовъ не люблю и террора не понимаю. Вы ужъ меня извините... Все, что угодно, но не терроръ... Помилуйте, что же это такое,—почтеннаго старика и вдругъ

бомбой... А жидъ, знаете, всегда жидомъ остается. Сколько его ни скреби, сколько его ни мой, а все вмѣсто души лукомъ воняетъ... Ха-ха-ха... Ужъ повѣрьте мнѣ на слово... Да... Ну-съ, батенька мой, приступимъ къ дѣлу...

Онъ вытираетъ потную лысину, подсаживается ближе ко мнѣ и лѣзетъ рукою въ карманъ сюртука:

— Вотъ и рѣчь приготовилъ... Господа судьи, гнусное злодѣянье...

— Позвольте,—прерываю я его,—о рѣчи потомъ...

— Хорошо, дорогой мой, не къ спѣху, пусть будетъ потомъ... А пока я вамъ новость имѣю... Затрудненьице, знаете, было,—нагибается онъ къ моему уху,—палача найти не могли. Ужъ и какъ быть—не знали. Къ разстрѣлу, что ли... Такъ можете себѣ представить, вчера, уголовный одинъ, отцеубійца, въ гражданской тюрьмѣ сидитъ, — подалъ прошенье: такъ и такъ, пишетъ, прошу разрѣшить мнѣ привести казнь въ исполненье... А?.. Каково?.. Совѣсть заговорила... Понимаете... Что?.. Отцеубійца—и тотъ возмущенъ... Ну, теперь дѣло готово. Разрѣшатъ, конечно...

Онъ смотритъ на меня круглыми, сѣрыми, добродушными глазами и, какъ будто, хочетъ сказать: ну, слава Создателю, все обошлось, и горевать больше не о чемъ... И видно, что ему только жарко, и ничего больше.

Молчанье. Въ корридорѣ кто-то кричитъ, — монотонно, упорно и долго:

— Раз-во-дящій!.. Раз-во-дящій!.. Раз-во-дящій!..

И чей-то голосъ его убѣждаетъ:

— Обожди... Не кричи... Чего горло-то драть... Не придетъ разводящій...

И никто не придетъ...

— Благодарю васъ, капитанъ,—говорю, наконецъ, я,—мнѣ защиты вашей не нужно.

Онъ вскакиваетъ съ кровати:

— Что это вы, дорогой мой?.. Какъ же это возможно?.. Всетаки знаете... того... защитникъ, какъ его... того... на судѣ... Нѣтъ, ужъ вы не упрямьтесь. Этакъ нельзя... Въ вашихъ же, знаете, интересахъ...

На порогѣ онъ опять оборачивается ко мнѣ, качаетъ съ укоризною головой и по-пріятельски, дружески убѣждаетъ:

— Ну, что это вы?.. Какъ же такъ безъ защиты?.. Все же неловко, знаете... Вы подумайте, право... Можетъ быть, и рѣшитесь еще... Эхъ!.. Ну, прощайте...

Я остаюсь одинъ. А въ корридорѣ кто-то все еще не теряетъ надежды, все еще зоветъ монотонно:

— Раз-во-дящій, раз-во-дящій, раз-во-дящій...

И никто не придетъ...

V.

„Милостивый государъ и великодушный господинъ номеръ девятый, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ молился въ Геѳсиманскомъ саду: да минетъ меня чаша сія обаче не моя воля, но твоя да будетъ, такъ и я молюсь о томъ же. Но ваша пролитая невинно кровь обагрится и таковою же моею. Ибо, бывъ изгнанъ за пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ изъ класса реторики духовной семинаріи и претерпѣвъ заневинно по приговору полкового суда искаріотовъ пять недѣль строгаго ареста съ правомъ горячей пищи разъ въ трое сутокъ, вступаю нынѣ на путь революціоннаго и соціальнаго переустройства, какъ войскъ, такъ равно и флота. Сіе рѣшеніе мое неизмѣнно и да будетъ! Къ сему имѣю прибавить, что зная вашу доброту и революціонныя убѣжденія, разрѣшаю себѣ обратиться къ вамъ съ наипокорнѣйшей просьбой, къ каковой вынужденъ прибѣгнуть въ виду безвыходности положенія и послѣдней крайности. Симъ почтительнѣйше ходатайствую о присылкѣ мнѣ таковымъ же путемъ, какъ и сіе письмо, двухъ папиросъ и нѣсколькихъ спичекъ (по возможности, въ коробкѣ, дабы можно было зажечь), а равно и хлѣба (по возможности. бѣлаго), ибо казенный кандеръ имѣлъ третьяго дня и ближайшій буду имѣть завтра, и хотя въ писаніи сказано, что не единымъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ, но и таковой совершенно необходимъ для поддержанія бреннаго существованія. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Съ почтеніемъ невинно страждущій рядовой минной роты Василій Рябкинъ“.

VI.

Только что смѣнился караулъ, и у двери моего карцера стоитъ новый, незнакомый мнѣ еще, часовой. Громаднаго роста, неуклюжій и добродушный. То и дѣло заглядываетъ ко мнѣ и смотритъ на меня, какъ на диковинку, какъ на какое-то чудо морское. Наконецъ, мы встрѣчаемся глазами. Онъ прильнулъ къ оконцу съ одной стороны, я съ другой. Молчаніе.

— Отчините двери, землякъ.

— Ни. Не можно.

— Ничего. Отчиняйте.

— Та-жъ, офицеръ побачитъ.

Ему и самому хочется поговорить со мной. Кабы не

офицеръ... Онъ чешетъ въ затылкѣ, и вдругъ начинаетъ возиться съ замкомъ. Долго не попадаетъ въ скважину, пыхтитъ, ругается и всетаки отворяетъ. Я выхожу на порогъ, и онъ опять разсматриваетъ меня съ любопытствомъ

— Ну, што? За бонбы?..

— А если за бомбы,—усмѣхнулся я въ отвѣтъ.

— Ось якъ... Дежурный по карауламъ сегодня намъ на разводѣ сказывалъ: глядите у номеръ девятый. Тамъ, говоритъ, унутренній врагъ сидитъ... Такъ вы, значитъ, это самое и будете, который унутренній врагъ?..

— Ну, да.

— Эге... А еще сказывалъ, что жиды да студенты бунтуютъ. Чи-жъ вы жидъ?

— Нѣтъ.

— Чи студентъ?..

— И не студентъ.

— Кто же вы такій будете?

— Кто?.. Внутренній врагъ...

Онъ, какъ будто, силится что-то понять. Таращитъ глаза, шевелитъ бровями и затѣмъ, подумавъ, говоритъ убѣжденно:

— Та-жъ то самое и офицеръ сказывалъ...

И, помолчавъ:

— Въ енерала бонбой бросали?

— Ну, пусть въ генерала.

— О!.. Можетъ, въ нашего?

— Нѣтъ.

— Шкода.

— Чего шкода?

— Што не въ нашего. Такой собака...

Онъ опять умолкаетъ.

— Эй, землякъ, какъ я вижу, то и вы, стало быть, тоже внутренній врагъ...

У него дѣлается обиженное лицо. Онъ даже не смотритъ на меня. Разсердился. Наконецъ, удостаиваетъ отвѣтомъ:

— Вы, извинить, брешете. Якій я внутренній врагъ? Я солдатъ, значитъ—воинскаго званія вѣрный слуга и защитникъ. А не врагъ. Вотъ...

И побѣдоносно оглядываетъ меня сверху внизъ...

— Да вѣдь вотъ вы хотѣли бы, чтобъ командира убили?

— Ну, и хотѣлъ бы.

— Бомбой?..

— Ну, и бонбой...

— Такъ какъ же вы не врагъ?..

— Э... Та я же вамъ говорю: собака... Такая собака, штобы вы знали...

Въ корридорѣ густо пахнетъ солдатскими щами. Вече-

рѣетъ. Сторожъ Егорка уже тащитъ изъ кухни котелъ съ казенной баландой и уже кричитъ издалека:

— Кан-деръ... Кан-деръ... Кандеръ...

— Ось, кандеръ несутъ. Зачинять надо. Только дозвольте спросить, что же вамъ за это будетъ?

— За что?

— За енерала.

— Георгія дадутъ.

— О?.. Опять брешете. Еоргія за подвигъ отечества даютъ. Если, напримѣръ, бунтъ, который усмирять, или што...

И опять презрительно мѣряетъ меня глазами.

— А вы усмиряли?..

— Мы?.. Усмиряли... Артиллерію...

— А евреевъ били?

— Жидовъ? Жидовъ били.

— И не стыдно?

Онъ удивленъ. Даже не понимаетъ вопроса.

— Чего ихъ жалѣть?.. Я жъ вамъ сказалъ: жиды.

— А Георгія получили?..

— Ни. Намъ по два бублика выдали.

Онъ вздыхаетъ, плюетъ тонкою струйкой на бокъ и сразу мѣняетъ тему, будто обиженъ за бублики:

— Васъ къ свиньямъ собачьимъ...

— Какъ?..

— Къ свиньямъ собачьимъ.

— То есть какъ?..

— Такъ что убьютъ. Безпремѣнно убьютъ васъ. Ну, и значитъ—къ свиньямъ собачьимъ.

И, помолчавъ, прибавляетъ совсѣмъ равнодушно:

— Ну, погуляли, землякъ. Заходьте теперь. Зачиню... Еоргій... Чего Еоргій?.. Къ свиньямъ собачьимъ, а не Еоргій...

Затворивъ двери, онъ уже болѣе не интересуется мною. Не подходитъ къ глазку. Очевидно, у него уже есть готовое, вполнѣ сложившееся обо мнѣ мнѣніе. Онъ только что-то бормочетъ себѣ подъ носъ и до меня урывками долетаетъ:

— Ось якъ... Еоргій... Брешетъ... Якій Еоргій... Ось...

А я остаюсь въ раздумьи:

— Пожалуй, и вправду къ свиньямъ собачьимъ...

VII.

Ночь. Тюрьма давно уже спитъ, и только въ концѣ коридора, у самыхъ моихъ дверей, слышенъ сдержанный шепотъ. Тамъ цѣлый клубъ. Двое часовыхъ и дневальный. Они говорятъ о себѣ, о своемъ, о житейскомъ, о мелкомъ.

— И-и-и, Боже ты мой милосердный,—какъ шмель, жужжитъ чей-то голосъ, — ни тебѣ поспать, ни тебѣ вздохнуть, ни тебѣ отдохнуть, ни тебѣ покурить... Вотъ такъ служба... Жить вовсе нельзя... Вотъ смѣнимся завтра, послѣ обѣда на пристрѣлку пойдемъ, а во вторникъ опять на караулъ... И за все замѣчанье, судомъ грозятся, норовятъ морду побить... Отчего, такой-сякой, рубахи не помылъ, отчего, такой-сякой, погонъ рваный?.. Да, Господи, когда же мнѣ рубаху мыть, либо погонъ зашивать?.. А кандеръ?.. Кандеръ завсегда съ червемъ. Вчерась дежурный по карауламъ взялъ пробу, выплюнулъ, говоритъ: кандеръ хорошъ... А потомъ какъ закричитъ: ты, хамъ, дармоѣдъ, дома что жралъ? Небось одну мякину лопалъ, а здѣсь тебѣ щи даютъ, кашу, хлѣба сколько хочется, а тебѣ все, дармоѣду, мало?.. О, Господи, Владыко праведный...

— Не скули, — прерываетъ его чей-то угрюмый басъ.— Чего скулишь? И безъ тебя тошно...

— О-охъ, грѣхи наши тяжкіе,—не унимается шепотъ,— призываетъ меня завѣдующій швальней. Будешь, говоритъ, на роту рубахи шить? Такъ точно, говорю, буду... И штаны? говоритъ. Такъ точно, и штаны... Ну, ступай, говоритъ... Дозвольте,—говорю, ваше благородіе,—какая цѣна?.. А цѣна что-жъ?.. Цѣна извѣстная: 7 копѣекъ рубаха, 12 копѣекъ— штаны... Цѣна?!. Ка-акъ онъ закричитъ: а машина у тебя есть?.. Никакъ нѣтъ, говорю, машины нѣтъ, потому какъ машина казенная... Ну, и цѣна, говоритъ, казенная... И пошелъ, говоритъ, вонъ... Это какъ?.. По-божьи?..

— Это у нихъ завсегда такъ,—зѣваетъ кто-то въ отвѣтъ. —Скоро-ли смѣна?

— Кого?..

— Смѣна, говорю, скоро?..

Кто-то крестится, кто-то опять зѣваетъ. Затѣмъ, по прежнему, жужжитъ шепотъ:

— Въ прошломъ годѣ, слышь, тутъ часовой на батареѣ стоялъ. Ну, стоялъ и стоялъ. Да и заснулъ... Спитъ. А дежурный по карауламъ уже тутъ, какъ тутъ. Змѣемъ вьется, посты повѣряетъ... Да... Подобрался это къ нему. Потянулъ за штыкъ, тянетъ. Однако, пустилъ. Проснется, молъ, штыкомъ

со сна ударитъ... Присѣлъ, значитъ, на корточки, вынялъ замокъ, въ карманъ положилъ, пошелъ. А часовой и проснись. Глядь—гдѣ замокъ? Нѣту. Что тутъ дѣлать?.. Побѣгъ сейчасъ на другой постъ. А тамъ часовой, гляди, тоже спитъ. Ну, вынялъ замокъ, къ винтовкѣ приставилъ, бѣгитъ обратно на постъ... Стоитъ... Ждетъ... А дежурный по карауламъ взялъ это унтеръ-офицера, идетъ... Что бы, значитъ, изловить и подъ судъ. Ну, часовой и кричитъ, какъ по закону. Кто ты тутъ?.. Молчитъ... Второй разъ, — кто ты тутъ?... Опять молчитъ... Въ третій разъ опять, — кто ты тутъ?.. А тотъ и отвѣтъ: врешь, говоритъ, такой-сякой, стрѣлить все равно не можешь... А часовой разъ-разъ,—прямо въ его... Да...

— Что-жъ, померъ офицеръ?

— Померъ. Часу не жилъ... Часовому ничего... Онъ по закону. Три раза окликалъ... Темно было... И унтеръ-офицеръ подтвердилъ даже...

— Да-а... А срокъ кончишь, домой придешь, дома чего? Какъ есть ничего тебѣ нѣту. Хоть ложись и помирай... Теперича, къ примѣру, вотъ у меня... Земли мало, семья большая, дома отецъ старикъ, братъ малолѣтній, баба, да дѣтей двое... Кто кормить будетъ?.. О-охъ, Мать Богородица Пречестная...

— Мал-чи,—вмѣшивается вдругъ третій съ сильнымъ грузинскимъ акцентомъ голосъ.—Нэ гавари... Слушай мине. Видишь винтовка?.. Зачѣмъ винтовка?.. Видишь солдатъ?.. Зачѣмъ солдатъ?.. Винтовка бросалъ. Солдатъ уходилъ. Совсѣмъ уходилъ... Домой. Понялъ?

— Куды пойдешь-то? Некуда-те идтить. Поймаютъ, подъ судъ... О Господи, Господи...

— Зачѣмъ падъ судъ? Нэ нада падъ судъ... Афицеръ прихадилъ—офицера рѣзалъ, генералъ прихадилъ—генерала рѣзалъ... Всѣхъ рѣзалъ... Нэ хачу солдатъ. Хочу домой. Самъ буду судъ дѣлать.

— Или вотъ тоже бонбой очень хорошо,—спокойно подтверждаетъ басъ, — всѣхъ собрать вмѣстѣ, р-разъ — и готово дѣло... И всего только.

Лязгаютъ ружья. Смѣна... Я засыпаю... И во снѣ мнѣ чудится громадный, въ косую сажень, солдатъ съ поднятой бомбой въ рукѣ... Р-разъ—и готово дѣло!..

VIII.

Въ тюрьмѣ сегодня событіе. Часовой Цыганокъ ночью, стоя у наружной стѣны, застрѣлилъ проходящаго человѣка. Ни съ того, ни съ сего. Зря. По инструкціи.

Теперь Цыганокъ у насъ въ смѣнѣ. Онъ оперся рукою о штыкъ и обстоятельно, съ сознаніемъ своей правоты, излагаетъ, какъ было дѣло:

— Только что я это въ смѣну вступилъ... Стою на посту. Ночь темная. Не видать. Чу... шаги... Взялъ винтовку на руку, жду... Кто идетъ? Не откликается. Молчитъ. Я еще разъ: кто идетъ? Опять ничего. Ну, тутъ я, Господи благослови, два раза... Въ грудь и подъ сердце попало... Должно, помретъ... Потому, какъ подъ самое сердце...

Его слушаютъ разводящій и часовые. Слушаютъ молча. Внимательно и серьезно.

— Тебѣ, Цыганокъ, награда будетъ,—говоритъ, наконецъ, разводящій...—Какъ ты по инструкціи...

— Я и самъ думаю. Потому что же? Велѣно стрѣлять въ случаѣ, ежели что... Може, онъ нападеніе дѣлалъ... Кто его знаетъ...

— Ефрейтора теперь получишь...

— Деньгами тоже дадутъ...

Цыганокъ сіяетъ. Доволенъ. Видимо, мысль о томъ, что онъ убилъ человѣка, мало тревожитъ его. Впереди—нашивки, благоволенье начальства, три рубля денегъ... И онъ улыбается во весь ротъ и глупо бормочетъ:

— Потому, какъ я по закону. Ежели которые иные зря... А я по закону.

И вдругъ:

— Тебѣ, дураку, не ефрейтора, а мало тебя вѣшать... Потому, можетъ быть, у него дѣти, и имъ нечего кушать...

Это—Шиффъ. Солдатъ телеграфнаго парка. Онъ сидитъ уже пятый мѣсяцъ... И каждый день, встрѣчаясь со мной, онъ хитро прищуриваетъ глаза и, скрывая подъ усами улыбку, бросаетъ на ходу:

— Доброе утро и соціалистическій вамъ привѣтъ!

Теперь онъ прильнулъ губами къ глазку своей двери и говоритъ быстро-быстро, волнуясь. И оттого, что онъ говоритъ въ глазокъ, его голосъ звучитъ громче, настойчивѣе и глуше.

— Странное дѣло... Идетъ себѣ человѣкъ, ничего не знаетъ, тихо, спокойно... И вотъ стоитъ себѣ такой дуракъ, телеграфный столбъ, такой Ѳома Цыганокъ... И этому чело-

вѣку отъ этого смерть... Почему? За что? Что онъ дѣлалъ? Что его дѣти дѣлали? Почему они не должны кушать? Развѣ человѣкъ три рубля стоитъ? Говори мнѣ, дуракъ, развѣ три рубля человѣкъ стоитъ?

Цыганокъ отъ неожиданности замираетъ на мѣстѣ. Онъ силится что-то сказать, возразить, доказать свою правоту, но только сопитъ и, наконецъ, съ трудомъ выговариваетъ—всего одно слово:

— Жидъ...

— Мало чего? Ну, пусть я жидъ... Ты слушай, дуракъ... Ефрейтора тебѣ будутъ давать, пива бутылку, на смотру его благородіе благодарить будетъ... Все равно, ты передъ Богомъ хамъ и подлецъ. Убилъ невиннаго человѣка, и мало тебя за это на висѣлицѣ вѣшать... Вотъ и все. Да.

Въ корридорѣ настаетъ тишина. Всѣ замолкаютъ какъ-то сразу, словно по уговору.

Первымъ приходитъ въ себя разводящій. Онъ смотритъ куда-то въ бокъ и говоритъ смущенно и осторожно:

— Ты, Цыганокъ, може, того... може, ты не того маленько...

— Чего не того?—прерываетъ его дневальный:—Вѣрно Шиффъ говоритъ: сволочь ты, Цыганокъ, и ничего больше!..

Онъ съ озлобленьемъ вскидываетъ винтовку на плечо и быстрыми шагами уходитъ къ себѣ на постъ,—къ моей двери.

Цыганокъ какъ бы оцѣпенѣлъ. Онъ не можетъ понять, въ чемъ дѣло, что такое случилось, почему вдругъ такая къ нему перемѣна. И онъ безпомощно поводитъ глазами и обращается то къ одному, то къ другому:

— Братцы, что-же это? Неужто дѣти остались?..

— Шестеро, говорятъ...

— О, Господи, Владыко, Спаситель милостивый...

Онъ растерянно умолкаетъ. Разставилъ ноги, опустилъ голову, и у глазъ его что-то мигаетъ. Не то рѣсницы дрожатъ.

— О, Господи, да неужто же я?—вдругъ вырывается у него.—Что же это будетъ такое? Братцы? А?..

Разводящій угрюмо молчитъ и смотритъ теперь внизъ, на полъ.

— Да вѣдь я по закону... Что-жъ я? Какъ приказано...—почти кричитъ Цыганокъ...—Братцы... Ей-Богу...

Въ корридорѣ темнѣетъ. Егорка разноситъ лампы. А Цыганокъ все стоитъ въ той же позѣ. Разставилъ широко ноги, держитъ винтовку наперевѣсъ и все еще шепчетъ:

— Господи, по закону... Господи... Шесть человѣкъ дѣтей... Господи...

Опускается ночь.

IX.

Завтра судъ... Я не сплю... Я слышу молчаніе ночи. И это роднитъ меня съ волей. Тамъ за стѣной тоже ночь и тоже молчанье...

И вдругъ шепотъ, чуть внятный:

— Землячокъ... Слышь, землячокъ...

И опять:

— Зе-е-млячокъ...

Сквозь дверное оконце я вижу крѣпкіе, бѣлые зубы и русые молодые усы.

— Когда судъ-то?

— Завтра.

— Къ разстрѣлу, значитъ?

— Къ разстрѣлу.

— За правду?

— За землю и волю.

— Ахъ-ахъ-ахъ...

Кто-то качаетъ сочувственно головой. Кто-то тяжко вздыхаетъ.

— Такъ ты утекай!

— Какъ?

— Въ окно...

— А рѣшетка?

— Да-а... рѣшетка... вѣрно... рѣшетка...

И снова молчаніе. Только ружья бряцаютъ.

Я не вижу его, я даже не знаю, кто онъ. Знаю только, что часовой. И ничего больше.

— Слышь, я за тобой поставленъ слѣдить... Такъ я не буду... открою двери... Иди. Чего ты? Иди...

— Куда идти? На штыки?..

— На шты-ыки... стой. Обожди. Неужто погибнешь, какъ муха?.. За правду... Какъ же намъ быть-то?.. А?..

Онъ отошелъ теперь отъ дверей и шепчется съ кѣмъ-то. Долго, какъ бы убѣждая...

— Слышь... Обожди... Я пойду,—тутъ все наши стоятъ... Поспрошаю маленько. Може, и согласятся... Если, дастъ Богъ пропустятъ,—уйдешь...

Тихо. Ни звука. Даже шопотъ умолкъ...

Вотъ опять чьи-то шаги. Снова вздохъ и голосъ въ оконце:

— Землячокъ... Бѣда, землячокъ... Видно пострадать придется за правду... Спрашивалъ, нѣтъ ихъ согласу... Кото-

рые говорятъ: жена, дѣти... Да вѣдь, чай, и у тебя есть хозяйка?..

Я снова ложусь. А чей-то невидимый глазъ все еще смотритъ ко мнѣ: долго, упорно, съ любовью...

Завтра судъ...

Борисъ С.

ВЪ ГОРАХЪ.

Съ могучимъ грохотомъ и звономъ
Летитъ потокъ сѣдой,—
Звучитъ ущелье дикимъ стономъ
И бѣшеной грозой!

Зловѣщій блескъ зари багровой
Дрожитъ въ сѣдой волнѣ...
А надъ потокомъ—лѣсъ сосновый,
Весь въ бурѣ и въ огнѣ!

Н. Шрейтеръ.

КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ.

XX.

Оставшись одинъ, я разставилъ козла, уложилъ на нихъ доски и, бросивъ въ головы на свою постель пальто, легъ навзничь... Мнѣ было невыносимо грустно, обидно, больно за себя и за свою жизнь, настоящую и прошлую, въ которой среди горя и мрака только давнымъ давно, въ дѣтствѣ, проскальзывали, какъ свѣтлые лучи, воспоминанія о ласкахъ матери, отца, которые лежатъ теперь гдѣ-то далеко на родномъ кладбищѣ, не видя, не чувствуя, не зная, какой омутъ грязи, пороковъ, лжи, лицемѣрія окружаетъ ихъ „блуднаго" сына...

Въ кельѣ было тихо,—такъ тихо, какъ навѣрно бываетъ тихо подъ землею въ могилѣ... Да она, собственно, и была похожа на могильный каменный склепъ. Не одну, вѣроятно, сотню лѣтъ пережили эти толстыя, холодныя, молчаливыя стѣны... Какіе люди жили здѣсь? Какъ они жили?.. Что думали?.. Какія, можетъ быть, горячія молитвы возносились отсюда къ Богу?... Какія невидимыя другимъ слезы проливались здѣсь?..

Молодой человѣкъ что-то позамѣшкался и не шелъ... Между тѣмъ, стало помаленьку смеркаться. Какой-то мутный свѣтъ сквозь двойныя рамы съ замерзшими стеклами необыкновенно грустно, какъ-то робко, проникалъ въ келью, точно боясь нарушить ея могильную страшную тишину...

Мнѣ стало жутко... Я поднялся съ койки и прошелся по кельѣ отъ стола до двери. Старыя, сѣрыя, замѣтно выбитыя каблуками половицы вздрагивали, и одна изъ нихъ, какъ-то странно нарушая тишину, жалобно скрипѣла каждый разъ, какъ я наступалъ на нее...

Въ кельѣ становилось все темнѣе и темнѣе... Декабрьскія

печальныя, холодныя сумерки, ведущія за собой долгую, темную, страшную ночь, тихо ползли, какъ черныя змѣи въ окно кельи, пугая и нагоняя мнѣ на душу тупую скорбь...

— Зачѣмъ я здѣсь?—спросилъ я какъ-то неожиданно вслухъ самъ себя, остановившись посреди кельи... Спросилъ и испугался: до того страненъ и глухъ показался мнѣ звукъ собственнаго голоса. Точно это сказалъ не я, а кто-то другой крикнулъ откуда-то изъ-подъ земли глухо и страшно.

— Спасите! — опять неожиданно, чувствуя леденящій ужасъ, громко крикнулъ я.

— Спасите! -- глухо раздалось въ кельѣ и моментально смолкло, и стало еще тише...

Я не вытерпѣлъ и тихо заплакалъ... Передо мной проходила моя жизнь, и мнѣ до боли было жаль этой загубленной жизни, самого себя и людей, жаль, что я теперь одинъ въ этомъ мѣшкѣ, далекій отъ всего родного, забытый, никому ненужный, полуголодный, обтрепавшійся, съ разбитымъ сердцемъ, чего-то ищущій, къ чему-то стремящійся, но ничего, кромѣ подлости, ненависти, насмѣшекъ, лжи, грязи не находящій, нищій!..

Я отворилъ дверь и заглянулъ въ корридоръ. Въ корридорѣ было почти совсѣмъ темно и такъ же тихо печально, какъ въ кельѣ... Только гдѣ-то въ углу капала изъ умывальника вода, рѣдко и глухо ударяясь о дно таза. Я захлопнулъ дверь и опять легъ на свою койку, уткнувшись лицомъ въ пальто и заткнувъ пальцами уши, стараясь всѣми силами сдержать душившія меня рыданія и успокоить не въ мѣру и не у мѣста разыгравшіеся нервы...

XXI.

Совсѣмъ почти смерклось, когда, наконецъ, пришелъ молодой человѣкъ и принесъ съ собой чѣмъ-то наполненный большой и, повидимому, тяжелый мѣшокъ.

— Вы что же это,—спросилъ онъ, положивъ его на полъ около лежанки,—въ потьмахъ-то сидите? Надо лампу зажечь... А я,—продолжалъ онъ,—земляка встрѣтилъ... разговорились... Оттого и не приходилъ долго.

Все это онъ говорилъ какъ-то весело, совсѣмъ по другому, чѣмъ давеча, и лицо его стало радушнѣе и лучше... Я смотрѣлъ на него, и онъ, догадавшись, что я замѣтилъ въ немъ эту перемѣну и точно угадавъ мои мысли, улыбнувшись, сказалъ.

— Ничего...какъ-нибудь проживемъ.. Вы, небось, и вправду подумали, какъ я вамъ давеча сказалъ, что не люблю бол-

тать и т. д.... Вздоръ это... Я это потому сказалъ, что думалъ, вы уже тертый калачъ, жившій по монастырямъ... А вы, оказывается, въ первый разъ... Это хорошо... Я вѣдь знаю этихъ бѣгуновъ-то... насмотрѣлся.. да и самъ такой... Противный народъ... особенно изъ нашего брата, изъ кутейниковъ... Назойливые... попрошайки... то дай, другое дай... Я самъ кутейникъ, а не люблю ихъ...

— А какъ же вы давеча говорили совсѣмъ другое?— спросилъ я.

Онъ засмѣялся, ничего не отвѣтилъ и сталъ готовить лампочку.

— Чайку бы попить,— сказалъ онъ, зажигая ее и ставя на столъ.—Воды вотъ только гдѣ бы добыть?.. Ну, да это я раздобуду,—продолжалъ онъ.—Нате-ка самоваръ, потрите его тряпкой... Да что вы какой?—спросилъ онъ, вдругъ пристально посмотрѣвъ на меня,—вотъ сейчасъ и видно, что въ первый разъ... А мнѣ такъ отлично... Я въ свою сферу попалъ... какъ рыба въ водѣ.. Вѣдь я давеча „владыкѣ-то",— съ ироніей въ голосѣ подчеркнулъ онъ слово „владыкѣ то",—совралъ, что только у Николы на Угрѣши жилъ... Ха, на Угрѣши!.. Да я этихъ Угрѣшь-то перемѣнилъ штукъ десятокъ!.. Погодите, я вамъ поразскажу послѣ, посвящу во всѣ тайны... Инока изъ васъ вотъ какого устрою—барышни будутъ влюбляться!.. Гдѣ кувшинъ-то? Давайте!.. Иду за водой...

Онъ сбросилъ съ себя пальто, взялъ подрясникъ, встряхнулъ его, улыбнулся и, надѣвая, сказалъ:

— „Вѣнчается рабъ Божій Степанъ рабѣ Божіей Аксиньѣ, во имя отца и сына и святаго духа!.."

Потомъ надѣлъ на голову „колпакъ" и сказалъ:

— „Вѣнчается раба Божія Аксинья рабу Божьему Степану, во имя отца и сына и святаго Духа!"

Продѣлавъ это, онъ взялъ кувшинъ и, хлопая длинными, засаленными полами подрясника по икрамъ ногъ, скрылся за дверь.

Я кое-какъ, на скорую руку, протеръ самоваръ, и поставилъ его на лежанку въ уголъ, гдѣ въ печкѣ была устроена отдушина, въ которую, какъ я понялъ, наставлялась самоварная труба, и, сдѣлавъ это, сталъ ждать возвращенія заинтересовавшаго меня своимъ превращеніемъ молодого человѣка.

Онъ ходилъ недолго и возвратился, неся съ собой кувшинъ воды, корзиночку угольевъ, лучины и небольшую прожженную насквозь самоварную трубу.

— Разводите самоваръ,—сказалъ онъ, ставя кувшинъ и другія вещи у порога,—а я другимъ дѣломъ займусь... Раз-

беру свое приданое.:. Пока поспѣваетъ самоваръ, можетъ быть, и у меня кое-что поспѣетъ...

Онъ взялъ свой мѣшокъ, положилъ его на койку и началъ развязывать закрученный сверху веревочкой узелъ. Это ему не давалось. Тогда онъ, видимо обозлившись, началъ растаскивать его зубами и сталъ похожъ на собаку, грызущую кость...

Развязавъ, наконецъ, узелъ, онъ открылъ мѣшокъ и началъ выгружать изъ него, къ крайнему моему удивленію, книги...

Я управился съ самоваромъ и, заинтересовавшись, подошелъ и сталъ разглядывать эти книги.

Ихъ было много, разныхъ размѣровъ: маленькія, большія, тоненькія и толстыя. Между ними попадались какіе-то „листки“, „поученія“ и, между прочимъ, два №№ „Домашней бесѣды“... Книжки были исключительно „божественныя“, „Житія святыхъ“, „Разсказы про Аѳонъ“, „Описаніе монастырей“, „О блудѣ“, „О пьянствѣ“, „Какъ спастись“, „Что есть инокъ“ и т. д. и т. д....

— Неужели вы всю эту благодать на себѣ таскали?— спросилъ я.

— На себѣ,—отвѣтилъ онъ,—а что?..

— Зачѣмъ?..

— Зачѣмъ?.. Гм!.. Надо, милый братецъ, надо... такъ надо... тружусь... плоть умерщвляю, — улыбнувшись, подмигнувъ глазомъ, съ ироніей добавилъ онъ и, вынувъ еще какую-то книжонку, весело проговорилъ:—У насъ вѣдь въ мѣшкѣ-то не одно божественное... есть и еще кое-что... Заприте-ка дверь то... Да окно завѣсьте, вонъ хоть подрясникомъ, что ли...

— Зачѣмъ?—удивился я.

— Зачѣмъ, зачѣмъ!—передразнилъ онъ меня,—затѣмъ, что надо... Не увидали бы... вотъ зачѣмъ... Знаю я порядки то... Любопытство у этихъ отцовъ-прохвостіевъ пуще бабьяго... Я удивляюсь, какъ еще не идетъ никто?.. Должно быть, не знаютъ... не пронюхали... Ну ихъ къ чорту! Заприте, пожалуйста.

Я исполнилъ его желаніе и заперъ дверь.

— Такъ-то лучше,—сказалъ онъ, наблюдая за мной,— не видятъ—не брешутъ... Какъ самоваръ-то?.. Скоро?.. Шумитъ?.. Ну и отлично!.. Передъ чайкомъ-то мы того...

Онъ засмѣялся и вынулъ изъ мѣшка бутылку водки.

— Вотъ она, святыня-то. Мы ее пока въ уголокъ, матушку, поставимъ... вотъ сюда... А вотъ и закусочка,—продолжалъ онъ, доставая изъ мѣшка фунтъ колбасы, баранокъ, коробочку съ капчушками,—хорошо, а?..

Онъ прищурилъ глазъ и лукаво, съ улыбкой на тонкихъ губахъ, посмотрѣлъ на меня.

— Не худо,—отвѣтилъ я, тоже усмѣхаясь.—По монастырски.

— Не удивляйся сему странному зраку и не ужасайся,—сказалъ онъ и спросилъ, взглянувъ на самоваръ,—скоро?..

— Готовъ!—отвѣтилъ я.

— Тащи его за уши на столъ.

XXII.

Мы сѣли къ столу. Онъ на табуреткѣ, а я на койкѣ... Самоваръ бурлилъ, выпуская паръ, разстилавшійся по кельѣ... Лампочка горѣла плохо, какъ-то мигала, и отъ нея шелъ противный запахъ керосина... Поверхность стола была загаженная, неопрятная, съ жирными пятнами, очевидно, никогда не мывшаяся и издававшая особенный отвратительный запахъ...

— Пьешь?—спросилъ онъ, наливая въ чайную чашку водки и переходя съ „вы“ на „ты“.—Ну, конечно... Цопъ!..

Онъ выпилъ и постучалъ ладонью себя по головѣ.

— Нашъ Евсей пьетъ по всей!—сказалъ онъ и налилъ еще.

— Пей!.. Тебя какъ звать?—продолжалъ онъ, разрѣзывая перочиннымъ ножомъ колбасу на тоненькіе кружочки.—Тутъ вѣдь въ монастырѣ „выкать“ не полагается... Здѣсь на ты... Меня зовутъ Степаномъ, фамилія Клеоповъ... самая кутейная: Кле-о-повъ!.. Чудно вѣдь, а?.. Помнишь: шли въ Еммаусъ Лука и Клеопа... Въ Московской консисторіи у меня родственникъ служитъ, тоже Клеоповъ... ей-Богу!.. Коли придется когда быть по дѣлу, не миновать его... онъ прошенія строчитъ... обдеретъ, особенно коли увидитъ, что дуракъ пришелъ... Ѣшь колбасу-то... не стѣсняйся... Ну-ка, еще!..

Онъ налилъ еще полъ-чашки и, морщась, выпилъ.

— Вотъ теперь такъ... отошло... Хо-о-о-рошо!.. Тебѣ налить?

— Наливай,—отвѣтилъ я, чувствуя, что въ головѣ начинаетъ мутить, а сердце усиленно биться,—зачѣмъ добру пропадать...

— Съ новосельемъ, а?—сказалъ онъ, наливая и прищурившись глядя на меня.—А ты,—продолжалъ онъ,—здѣсь долго не проживешь... сбѣжишь...

— Почему?..

— Да такъ... я уже вижу... ничего ты не знаешь.. Тутъ вѣдь что?.. Тутъ вѣдь надо быть мудрымъ, какъ змій, и крот-

... зачѣмъ нужно... выдѣлиться ... чтобы его признавали, ... рабочая лошадь, и каждый на ... вѣдь да и вообще по монасты- ... и кто здѣсь, собственно, живетъ?.. ... хочетъ быть „хозяйчикомъ" т. е. ... хоть надъ отхожими мѣстами да ... хозяинъ"... И, боже мой, сколько ... казначей, келарь, экономъ, наряд- ... нарядчика, рухальный, квасникъ, садов- ... главный конюхъ, лѣсникъ, рыбакъ, пра- ... икъ и т. д., и т. д. ихъ же имена Ты, ... Все это, такъ или иначе, начальство или ... которые чувствуютъ себя на мѣстѣ... Все же ... рабочая сила, лошади, хламъ. Къ числу коихъ ... принадлежать и ты...

— А я и хочу,—сказалъ я,—быть этой „рабочей силой", а не какимъ-нибудь „хозяйчикомъ"...

— Ну, конечно, конечно, — съ насмѣшкой заговорилъ ... мы спастись хотимъ... мы „святъ мужъ", мы „...оскверниввшійся съ женою", мы „иже во святыхъ отецъ нашихъ"... Ха, спастись!.. „Аще хощешь душу свою спасти, погубиши ю"... Погубишь именно здѣсь... Здѣсь не люди... Людей здѣсь нѣтъ... здѣсь какія-то старыя протоптанныя подошвы, а не люди, ей-Богу!..

— Такъ зачѣмъ же ты поступилъ сюда?

— Зачѣмъ!?. А за тѣмъ, что я больше никуда не годенъ... Ни-куда! трубы мной затыкать только... Работать я ничего не могу да и не стану... ненавижу работу!.. Способностей нѣтъ... Отовсюду меня гнали... Изъ семинаріи прогнали, въ телеграфисты поступилъ,—прогнали... Нигдѣ не годенъ... Да и больной я: у меня падучая, и пьяница я, и развратникъ, и... и, однимъ словомъ, мнѣ или въ омутъ, или въ монастырь...

— Если ты нигдѣ не годенъ,—сказалъ я,—то и здѣсь вѣдь тоже будешь негоденъ...

— Ну, здѣсь сойдетъ.

— Да вѣдь жилъ уже по монастырямъ, самъ говорилъ... Тоже гнали?..

— Нѣтъ... самъ уходилъ...

— Зачѣмъ?

— Ищу, гдѣ лучше.

— Чего?..

— Жизнь... т. е. харчи, водка, дѣвки, доходъ, ничего не дѣлать и быть кѣмъ-нибудь.

— Да кѣмъ же... игуменомъ, что-ли?..

— Ну, какъ тебѣ сказать: сначала, ну, хоть тар-

тюфчикомъ... не настоящимъ тартюфомъ, а такъ хоть покамѣстъ маленькимъ тартюфчикомъ... Я теперь вотъ начну молиться... для виду, понятное дѣло... спать на голыхъ доскахъ... читать божественное, смирюсь... всякому: „благословите, отецъ"... „какъ ваше святое имя... Въ церковь буду ходить усердно... а тамъ... а тамъ, почемъ знать, можетъ и выплыву... Лѣтомъ можно землянку вырыть гдѣ-нибудь... тамъ спасаться... бабы, глядишь, ходить начнутъ... подаяніе.. Стоитъ вѣдь только мало-мальски хвостъ-то завязить, а тамъ и пойдетъ... Вшей на себя напущу... волосищами обросту... босикомъ ходить буду... Ну, однимъ словомъ, смирюсь, а тамъ послѣ наверстаю...

— А ты уже пробовалъ эдакія штуки-то продѣлывать?— спросилъ я, глядя на него съ нѣкоторымъ страхомъ. Лицо его отъ выпитой водки и вообще отъ сильнаго возбужденія сдѣлалось какое-то звѣриное, страшное, бѣлое, какъ бумага, съ посинѣвшими, трясущимися губами, съ оловянными, тупыми, холодными глазами.

— Пробовалъ,—проговорилъ онъ и скрипнулъ зубами.— Пробовалъ... сорвалось!..

— Ну и теперь сорвется,—сказалъ я.

Онъ помолчалъ, налилъ чаю и сказалъ:

— Увидимъ... не думаю... Надоѣло мнѣ шляться, надоѣло... Я вѣдь гдѣ только не былъ и гдѣ не жилъ!..

Онъ опять помолчалъ, закурилъ согнутую, помятую, такъ называемую „этапную" папироску и воскликнулъ:

— А главное, ходить страшно, вотъ именно теперь, зимой!.. О-о-о, какая это штука!.. Да вотъ въ такомъ-то костюмѣ, какъ мой: въ шляпѣ и брюки на выпускъ... Мука... ей-Богу... Я бы могъ, конечно, въ подрясникѣ вотъ таковскомъ путешествовать, да дѣло въ томъ, что рѣдко примутъ въ монастырь въ такомъ-то костюмѣ... сразу вѣдь видно, что за птица прилетѣла... Ну и стараешься одѣться хоть и плоховато, а всетаки, какъ говорится, „прилично"... Игуменъ, вонъ, скотина, надъ шляпой смѣется... дубина... мужикъ!.. Эта шляпа-то мнѣ доступъ дѣлаетъ заходить къ помѣщикамъ, къ попамъ и вообще къ людямъ, такъ сказать, понимающимъ... Но за-то,—продолжалъ онъ, бросивъ плохо дымившуюся папироску и закуривая другую,—среди этихъ, какъ ихъ величаютъ, „мужичковъ"-то православныхъ, будь они прокляты, смерть!.. О-о-о!—злобно воскликнулъ онъ и опять скрипнулъ зубами,—что можетъ быть подлѣе, отвратительнѣе, нахальнѣе нашего одурѣлаго, отупѣлаго, оскотинившагося, дикаго „мужичка"?.. Медвѣди! Черти!.. Тьфу!.. Сколько я вынесъ насмѣшекъ по поводу шляпы и брюкъ на выпускъ... Какими только кличками не крестили меня! А

...деревней, а на тебя
...ать... Для нихъ по-
...детъ!" „А-а-а, дикой
...жалте!.. Бѣлка, Шарикъ,
...А на ночлегъ, когда по
...день, съ одного конца на
...Вотъ мука-то!.. Идетъ подлецъ
...греха, а ты готовъ сквозь землю
...разговариваетъ... Дѣвки
...нихъ поведетъ... Ну, конечно,
...общее вниманіе... остроты начи-
...критикованіе костюма, насмѣшки,
...ты такого взялъ?" „Да вотъ пришелъ...
...въ шляпѣ... ба-а-ринъ... хо, хо,
...убёгъ... Эй ты, стрюкъ, какъ тебя..
...и т. д. и т. д.

...продолжалъ онъ, опять помолчавъ и что-то по-
...ненавидитъ нашъ „православный мужичекъ" всё
...такъ сказать, имѣетъ форму, похожую, по его поня-
...на „барина", и умѣетъ допечь этого барина, коли ви-
...что онъ безсиленъ, обѣднѣлъ, опустился, не можетъ
...крикнуть на него цыцъ...

— Да вѣдь причинъ-то для этого много, — сказалъ я,— есть за что и ненавидѣть... Баринъ тоже въ долгу не оставался... Любить-то не за что...

— Ну да, конечно,—согласился онъ,—ты по своему судишь... свой братъ... Да лежачаго-то бить зачѣмъ?..

— А мужика не били?

— Да его и надо, скотину, бить... а то нако: „мужичекъ", „бѣдный", „мужичекъ" такой, сякой, немазанный... „Антонъ горемыка"... А по моему, сволочь дикая это и больше ничего!.. Налить, что ли, еще водочки, а?..

— Наливай себѣ... мнѣ не надо,—сказалъ я.

— Разсердился?..

Я промолчалъ и, чувствуя къ этому человѣку всё больше и больше поднимавшуюся злобу, поднялся съ мѣста и, закуривъ, легъ на свою койку.

— Поѣла свинья, да и на бокъ, — сказалъ онъ, кривя губы,—и спасибо не сказалъ... Сейчасъ видно, что человѣкъ въ скотопригонномъ институтѣ курсъ кончилъ...

Онъ налилъ въ чашку водки, выпилъ, закусилъ колбасой и, посидѣвъ минуты двѣ молча, что-то думая, установившись глазами въ полъ и низко опустивъ голову, поднялся и началъ ходить отъ стола къ двери по узкому проходу между коекъ, задѣвая полами подрясника то за мою койку, то за свою и скребя сапогами по полу, отчего жа-

лобно скрипѣла половица и по временамъ вспрыгивалъ въ лампочкѣ огонекъ, точно собираясь выскочить и улетѣть...

— Спать? — вдругъ спросилъ онъ, остановившись. — Ты вотъ что,—видя, что я молчу, заговорилъ онъ,—убери мою водку... положи подъ голову къ себѣ... не давай мнѣ... убери... на!

Онъ взялъ бутылку съ оставшейся водкой и подалъ мнѣ.

— Убери, не давай!..

— Зачѣмъ?..

— Убери, убери... а я—спать... пить мнѣ не давай... будетъ... Я... не-е-могу...

Я посмотрѣлъ на него —и опять испугался; до того лицо у него было отвратительное, злобное, отталкивающее...

— Я,—продолжалъ онъ, начиная плохо ворочать языкомъ,—пьяный не-е-хорошъ... я... зарѣжу... ножемъ... я... о-о-о!..

Онъ вдругъ,—точно щенокъ затявкалъ,—какъ-то неожиданно дико и страшно заплакалъ.

Я съ испугомъ вскочилъ и, схватя его въ охапку, повалилъ на свою койку.

Онъ захрипѣлъ и началъ биться съ пѣной у рта, дергая ногами, точно зарѣзанный пѣтухъ, дѣлающій въ предсмертной агоніи послѣднее движеніе.

— Падучая!—съ ужасомъ подумалъ я, — что же теперь дѣлать?

Я чувствовалъ, какъ меня бьетъ лихорадка... какъ трясутся мои руки, и ужасъ или что-то страшнѣе ужаса наполняетъ душу...

Въ страхѣ, не зная что дѣлать, боясь взглянуть на его исказившееся, посинѣвшее съ пѣной у рта лицо, я схватилъ съ лежанки подрясникъ и накрылъ ему голову.

Онъ какъ-то сразу стихъ...

Я потихоньку поднялъ подрясникъ и посмотрѣлъ ему въ лицо, боясь—не умеръ ли онъ.

Лицо было темносинее, глаза закрыты... Онъ спалъ, рѣдко и съ трудомъ открывая и медленно закрывая ротъ, и былъ похожъ на пойманнаго въ рѣкѣ и засыпающаго на берегу большого сома.

Я опять прикрылъ его и, убавя въ лампочкѣ огня, прилегъ на его койку, всё еще чувствуя, что весь трясусь, и что вотъ-вотъ начну плакать...

XXIII

[illegible] слыша сквозь дремоту. [illegible] мой будущій и, по правдѣ [illegible] сожитель...

[illegible] дыханья, стояла мертвая, пугаю- [illegible]

[illegible] лампочка чуть горѣла, освѣщая только [illegible] край койки, часть подоконника, а во [illegible] мѣстахъ кельи, по угламъ наверху и [illegible] я съ разстроенными нервами боялся гля- [illegible] углы. Мнѣ чудилось, что тамъ стоятъ [illegible] мантіяхъ фигуры давно умершихъ и [illegible] въ этой кельѣ старцевъ, которые смотрятъ на меня [illegible] презрительными, осуждающими глазами и шевелятъ своими тонкими, высохшими губами неслышныя, но понятныя мнѣ слова:

— „Зачѣмъ ты здѣсь?.. Зачѣмъ ты здѣсь?..“

Кто-то точно вдругъ ударилъ меня по головѣ... Я проснулся, открылъ глаза и сразу закрылъ отъ той картины, которую увидалъ.

Сосѣдъ мой сидѣлъ на койкѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и спалъ съ открытыми глазами. Глаза эти глядѣли прямо на меня, не видя меня, съ какимъ-то особенно невыразимо-страшнымъ выраженіемъ.

— Что ты?—спросилъ я, думая, что онъ не спитъ, и еще больше испугался отъ звука своего собственнаго, странно поразившаго тишину кельи, голоса.

Онъ молчалъ... Я потихоньку, чувствуя леденящій ужасъ, спустился съ койки и прибавилъ въ лампѣ огня.

— Что ты?—снова спросилъ я и дотронулся до его плеча рукой. Онъ молчалъ... Лицо его было блѣдно... Углы губъ спущены, и съ нихъ свисла запекшаяся пѣна...

Отъ страха я началъ трясти его за плечи, повторяя:

— Что ты? Что ты? Что ты?!..

Онъ, какъ тетеревъ на току, заболталъ что-то языкомъ, съ какимъ-то особеннымъ булька183ьемъ въ глоткѣ, точно кто полоскалъ бутылку, и вдругъ, соскочивъ съ койки, растопырилъ руки, словно играющій въ жмурки, и побѣжалъ къ двери, громко крича:

— Мамаша! Мамаша! Мамаша!..

Наткнувшись на стѣну, онъ началъ шарить по ней руками, точно стараясь поймать кого-то, и повторялъ:

— Мамаша! Мамаша! Мамаша!...

Я бросился къ нему и, схвативъ сзади въ охапку, потащилъ и посадилъ на койку... Онъ проснулся, долго (очевидно, не понимая, гдѣ находится), глядѣлъ на меня, моргая глазами, потомъ сказалъ: „ты что, а?"—повалился внизъ лицомъ и сейчасъ же уснулъ снова...

Я опять легъ. Но спать уже больше не могъ... Сонъ прошелъ совсѣмъ, и снова гнетущія, тяжелыя мысли начали терзать меня, нагоняя на сердце мучительную скорбь...

Времени, по моему разсчету, было немного: часъ второй пополуночи... Что же дѣлать и какъ провести другую, болѣе долгую часть этой ужасной, мучительно-безконечной ночи?..

Я всталъ, поднялъ изъ груды валявшихся на полу книжекъ первую попавшуюся подъ руку и, усѣвшись на табуретку къ столу, сталъ читать.

„На утро слѣдующаго дня,—читалъ я крупную на сѣрой мятой бумагѣ печать,—Діоклитіанъ сѣлъ на судилище и, призвавъ къ себѣ св. Георгія, началъ ласково говорить съ нимъ, удерживая гнѣвъ: „не видишь ли ты, Георгій, какъ я человѣколюбивъ и милостивъ къ тебѣ, что до сихъ поръ терплю тебя" и т. д., и т. д.

Я перевернулъ листы и прочелъ заглавіе книжки съ начала до конца, какъ Чичиковъ афишку: „Житіе, страданія и чудеса св. Георгія великомученика и побѣдоносца (Съ изображеніемъ). Составлено по Четьи-Минеѣ. Москва. Въ университетской типографіи. (М. Катковъ). На Страстномъ бульварѣ. 1879 г."... Я закрылъ книжку и, тоскуя и не зная, какъ отвязаться отъ тоски, снова легъ на койку,—не съ тѣмъ, чтобы спать, а просто полежать и подумать. Долго ли я лежалъ такъ—не знаю. Время для меня не существовало. Мнѣ только казалось, что оно тянется безконечно долго,—какъ вдругъ совершенно неожиданно въ дверь кельи изъ корридора постучали, и вслѣдъ за этимъ стукомъ раздался въ замочную дырку голосъ, часто и немного въ носъ говорившій: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!"

— Аминь!—радостно отозвался я и, соскочивъ съ койки, отперъ дверь.

Въ келью вошелъ молодой, прихрамывающій на лѣвую ногу, румяный (отъ мороза) послушникъ и, окинувъ както подозрительно глазами всю келью и нюхая воздухъ, сказалъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой на тонкихъ губахъ и скаля желтые большіе зубы:

— Картошку чистить ступайте... На трапезну... Что жъ ты это не спишь-то?—задалъ онъ вопросъ, подходя къ столу и глядя на оставшуюся не прибранной колбасу. — Ишь ты, продолжалъ онъ, — какъ живете, по господски... Колбаса... Хы!.. А энтотъ-то что-жъ спитъ? — показалъ онъ на Клеопова, — аль напился здорово? Водкой-то какъ у васъ тутъ пахнетъ—страсть!.. Хы!.. У васъ дѣвки нѣтъ ли тутъ, а?.. По первому разу, а ужъ за водку... Не боитесь? Гдѣ жили-то допрежь... въ какомъ монастырѣ?.. — И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—Буди пріятеля-то... картошку чистить пойдемте...

— Онъ боленъ,—сказалъ я,—нечего его и будить...

— О-о-о!.. Ну, ладно, мнѣ все едино: пущай спитъ... Мнѣ велѣли сходить за вами, я и пошелъ... Одѣвайся... Ты одѣвайся теплѣе,—продолжалъ онъ, глядя, какъ я надѣваю подрясникъ и подпоясываюсь ремнемъ, — на дворѣ морозно страсть. Рукавицъ то у тебя нѣтъ? Не дали? Холодно безъ рукавицъ-то... А подъ утро, гляди, еще лютѣе будетъ...

— А теперь сколько времени?—спросилъ я.

— Третій въ началѣ, — отвѣтилъ онъ и, немного помолчавъ и глядя на меня, потихоньку и словно конфузясь, спросилъ:

— А что, рабъ Божій, водочки у васъ не осталось?.. Глотнуть бы чутокъ, а?..

— Нѣтъ, не осталось,—сказалъ я,—какая водка!..

— Ну, колбаски дай кусочекъ,—какъ то жалобно, точно ребенокъ конфетку, попросилъ онъ.

Мнѣ стало и смѣшно, и жалко его; налилъ ему немножко въ чашку водки и отрѣзалъ колбасы.

Онъ взялъ у меня изъ рукъ чашку правой, сильно трясущейся отъ волненія, рукой и сталъ какъ то медленно, противно „сосать“ водку, словно черезъ соломенку, чмокая губами и закрывъ, вѣроятно, отъ сильнаго удовольствія, глаза...

— Спаси Христосъ, — произнесъ онъ, выпивъ и принимаясь за колбасу. — Хо-о-о-рошо! Спаси Христосъ! Этимъ только и дышемъ... пра, ей-Богу! Выпьешь — другой человѣкъ... а то помирать надо, рабъ Божій, ей-Богу... Скука! Работа, а денегъ нѣтъ... Вотъ кабы деньги... Эхъ!.. Сюда на ночь въ келью бабу можно... Ей-Богу! Нѣмая ходитъ изъ села, водку носитъ... Дешево беретъ... Сколько угодно... У нашего Гааза нѣтъ отказа... ей-Богу...

— Пойдемъ!—сказалъ я.

— Погоди... Не торопись прежде отца въ петлю... Успѣемъ. Покурю, вотъ, погоди...

Онъ сѣлъ на край койки, вытянулъ ноги, досталъ изъ

кармана подрясника небольшой мѣшечекъ-кисетъ, свернулъ „крючекъ" и, закуривъ его отъ лампы, опять сѣлъ.

— А ты пѣвчій?—спросилъ онъ, сплевывая какъ-то особенно противно, по фабричному, сквозь зубы, „цыкая" на полъ,—пѣть умѣешь?..

— Нѣтъ не умѣю,—отвѣтилъ я, чувствуя къ нему сразу явившееся отвращеніе. — Вотъ онъ пѣвчій, — кивнулъ я на спящаго Клеопова.

— Ишь ты,—произнесъ послушникъ.—Гы! Ишь ты!.. Ему хорошо... На работу гонять не будутъ... Деньги у васъ, должно быть, есть, а?.. Водку пьете,—какъ, чай, не быть?.. Хорошо съ деньгами-то!.. Одежу то свою продавать, небось, станешь?.. Давай я продамъ!..

— Какую одежу?..

— Свою... вонъ пальто, шапку, сапоги... Чудакъ,—деньги дадутъ... Здѣсь готовая, монастырская... Всѣ продаютъ...

— Какъ же такъ?—удивился я.—А если мнѣ уйти придется... если я не стану здѣсь жить?..

— Эка штука!.. Нукштожъ!.. Дадутъ, голаго не пустятъ... Подрясникъ дадутъ... все!.. Знамо, ужъ не безъ ругани... Наплевать, пущай ругаютъ... Ругай, не ругай, а ничего не попишешь... Я-бъ тебѣ продалъ... Я знаю, кому... И цѣну возьму... Ты, смотри, самъ то вновѣ, наскочишь... Ну, знамо, мнѣ за хлопоты... Дорого не возьму... всего за половинку...

— Пойдемъ!—опять сказалъ я.

Онъ бросилъ окурокъ, поднялся съ мѣста и, потянувшись, сказалъ:

— Нну-у, пойдемъ!.. Еще бы выпить, а?.. Осталось... Я поутру раздобылъ бы опохмѣлиться-то, а?..

Я молча убавилъ въ лампѣ огня, убралъ бутылку съ оставшейся водкой и, взявъ колпакъ, опять сказалъ:

— Пойдемъ?..

— Пойдемъ, — нехотя повторилъ онъ, поглядѣвъ на то мѣсто, куда я поставилъ бутылку,—дверь-то запрешь?..

— А что?..

— Да такъ, молъ... проснется товарищъ-то... захочетъ до вѣтру... анъ заперто!..

— Ничего, — отвѣтилъ я, выходя вслѣдъ за нимъ изъ кельи въ корридоръ, и, заперевъ дверь, сунулъ ключъ къ себѣ въ карманъ...

— Знамо, такъ-то лучше,—сказалъ онъ, слѣдя за мной,— а то тутъ недавно обокрали одного, дьякона Ивана... Не заперъ, позабылъ, ушелъ къ заутрени, а тутъ его и схолили... А то лѣтось въ окно къ одному тоже влѣзли... все обобрали.

— Кто же?..

беру свое приданое... Пока поспѣваетъ самоваръ, можетъ быть, и у меня кое-что поспѣетъ...

Онъ взялъ свой мѣшокъ, положилъ его на койку и началъ развязывать закрученный сверху веревочкой узелъ. Это ему не давалось. Тогда онъ, видимо обозлившись, началъ растаскивать его зубами и сталъ похожъ на собаку, грызущую кость...

Развязавъ, наконецъ, узелъ, онъ открылъ мѣшокъ и началъ выгружать изъ него, къ крайнему моему удивленію, книги...

Я управился съ самоваромъ и, заинтересовавшись, подошелъ и сталъ разглядывать эти книги.

Ихъ было много, разныхъ размѣровъ: маленькія, большія, тоненькія и толстыя. Между ними попадались какіе-то „листки", „поученія" и, между прочимъ, два №№ „Домашней бесѣды"... Книжки были исключительно „божественныя", „Житія святыхъ", „Разсказы про Аѳонъ", „Описаніе монастырей", „О блудѣ", „О пьянствѣ", „Какъ спастись", „Что есть инокъ" и т. д. и т. д....

— Неужели вы всю эту благодать на себѣ таскали?—спросилъ я.

— На себѣ,—отвѣтилъ онъ,—а что?..

— Зачѣмъ?..

— Зачѣмъ?.. Гм!.. Надо, милый братецъ, надо... такъ надо... тружусь... плоть умерщвляю, — улыбнувшись, подмигнувъ глазомъ, съ ироніей добавилъ онъ и, вынувъ еще какую-то книжонку, весело проговорилъ:—У насъ вѣдь въ мѣшкѣ-то не одно божественное... есть и еще кое-что... Заприте-ка дверь то... Да окно завѣсьте, вонъ хоть подрясникомъ, что ли...

— Зачѣмъ?—удивился я.

— Зачѣмъ, зачѣмъ!—передразнилъ онъ меня,—затѣмъ, что надо... Не увидали бы... вотъ зачѣмъ... Знаю я порядки то... Любопытство у этихъ отцовъ-прохвостіевъ пуще бабьяго... Я удивляюсь, какъ еще не идетъ никто?.. Должно быть, не знаютъ... не пронюхали... Ну ихъ къ чорту! Заприте, пожалуйста.

Я исполнилъ его желаніе и заперъ дверь.

— Такъ-то лучше,—сказалъ онъ, наблюдая за мной,—не видятъ—не брешутъ... Какъ самоваръ-то?.. Скоро?.. Шумитъ?.. Ну и отлично!.. Передъ чайкомъ-то мы того...

Онъ засмѣялся и вынулъ изъ мѣшка бутылку водки.

— Вотъ она, святыня-то. Мы ее пока въ уголокъ, матушку, поставимъ... вотъ сюда... А вотъ и закусочка,—продолжалъ онъ, доставая изъ мѣшка фунтъ колбасы, баранокъ, коробочку съ капчушками,—хорошо, а?..

Онъ прищурилъ глазъ и лукаво, съ улыбкой на тонкихъ губахъ, посмотрѣлъ на меня.

— Не худо,—отвѣтилъ я, тоже усмѣхаясь.—По монастырски.

— Не удивляйся сему странному зраку и не ужасайся,—сказалъ онъ и спросилъ, взглянувъ на самоваръ,—скоро?..

— Готовъ! —отвѣтилъ я.

— Тащи его за уши на столъ.

XXII.

Мы сѣли къ столу. Онъ на табуреткѣ, а я на койкѣ... Самоваръ бурлилъ, выпуская паръ, разстилавшійся по кельѣ... Лампочка горѣла плохо, какъ-то мигала, и отъ нея шелъ противный запахъ керосина... Поверхность стола была загаженная, неопрятная, съ жирными пятнами, очевидно, никогда не мывшаяся и издававшая особенный отвратительный запахъ...

— Пьешь?—спросилъ онъ, наливая въ чайную чашку водки и переходя съ „вы" на „ты".—Ну, конечно... Цопъ!..

Онъ выпилъ и постучалъ ладонью себя по головѣ.

— Нашъ Евсей пьетъ по всей!—сказалъ онъ и налилъ еще.

— Пей!.. Тебя какъ звать?—продолжалъ онъ, разрѣзывая перочиннымъ ножомъ колбасу на тоненькіе кружочки.—Тутъ вѣдь въ монастырѣ „выкать" не полагается... Здѣсь на ты... Меня зовутъ Степаномъ, фамилія Клеоповъ... самая кутейная: Кле-о-повъ!.. Чудно вѣдь, а?.. Помнишь: шли въ Еммаусъ Лука и Клеопа... Въ Московской консисторіи у меня родственникъ служитъ, тоже Клеоповъ... ей-Богу!.. Коли придется когда быть по дѣлу, не миновать его... онъ прошенія строчитъ... обдеретъ, особенно коли увидитъ, что дуракъ пришелъ... Ѣшь колбасу-то... не стѣсняйся... Ну-ка, еще!..

Онъ налилъ еще полъ-чашки и, морщась, выпилъ.

— Вотъ теперь такъ... отошло... Хо-о-о-рошо!.. Тебѣ налить?

— Наливай,—отвѣтилъ я, чувствуя, что въ головѣ начинаетъ мутить, а сердце усиленно биться,—зачѣмъ добру пропадать...

— Съ новосельемъ, а?—сказалъ онъ, наливая и прищурившись глядя на меня.—А ты,—продолжалъ онъ,—здѣсь долго не проживешь... сбѣжишь...

— Почему?..

— Да такъ... я уже вижу... ничего ты не знаешь.. Тутъ вѣдь что?.. Тутъ вѣдь надо быть мудрымъ, какъ змій, и крот-

со сна ударитъ... Присѣлъ, значитъ, на корточки, вынялъ замокъ, въ карманъ положилъ, пошелъ. А часовой и проснись. Глядь—гдѣ замокъ? Нѣту. Что тутъ дѣлать?.. Побѣгъ сейчасъ на другой постъ. А тамъ часовой, гляди, тоже спитъ. Ну, вынялъ замокъ, къ винтовкѣ приставилъ, бѣгитъ обратно на постъ... Стоитъ... Ждетъ... А дежурный по карауламъ взялъ это унтеръ-офицера, идетъ... Что бы, значитъ, изловить и подъ судъ. Ну, часовой и кричитъ, какъ по закону. Кто ты тутъ?.. Молчитъ... Второй разъ, — кто ты тутъ?... Опять молчитъ... Въ третій разъ опять, — кто ты тутъ?.. А тотъ и отвѣтъ: врешь, говоритъ, такой-сякой, стрѣлить все равно не можешь... А часовой разъ-разъ,—прямо въ его... Да...

— Что-жъ, померъ офицеръ?

— Померъ. Часу не жилъ... Часовому ничего... Онъ по закону. Три раза окликалъ... Темно было... И унтеръ-офицеръ подтвердилъ даже...

— Да-а... А срокъ кончишь, домой придешь, дома чего? Какъ есть ничего тебѣ нѣту. Хоть ложись и помирай... Теперича, къ примѣру, вотъ у меня... Земли мало, семья большая, дома отецъ старикъ, братъ малолѣтній, баба, да дѣтей двое... Кто кормить будетъ?.. О-охъ, Мать Богородица Пречестная...

— Мал-чи,—вмѣшивается вдругъ третій съ сильнымъ грузинскимъ акцентомъ голосъ.—Нэ гавари... Слушай мине. Видишь винтовка?.. Зачѣмъ винтовка?.. Видишь солдатъ?.. Зачѣмъ солдатъ?.. Винтовка бросалъ. Солдатъ уходилъ. Совсѣмъ уходилъ... Домой. Понялъ?

— Куды пойдешь-то? Некуда-те идтить. Поймаютъ, подъ судъ... О Господи, Господи...

— Зачѣмъ падъ судъ? Нэ нада падъ судъ... Афицеръ прихадилъ—офицера рѣзалъ, генералъ прихадилъ—генерала рѣзалъ... Всѣхъ рѣзалъ... Нэ хачу солдатъ. Хочу домой. Самъ буду судъ дѣлать.

— Или вотъ тоже бонбой очень хорошо,—спокойно подтверждаетъ басъ, — всѣхъ собрать вмѣстѣ, р-разъ — и готово дѣло... И всего только.

Лязгаютъ ружья. Смѣна... Я засыпаю... И во снѣ мнѣ чудится громадный, въ косую сажень, солдатъ съ поднятой бомбой въ рукѣ... Р-разъ—и готово дѣло!..

VIII.

Въ тюрьмѣ сегодня событіе. Часовой Цыганокъ ночью, стоя у наружной стѣны, застрѣлилъ проходящаго человѣка. Ни съ того, ни съ сего. Зря. По инструкціи.

Теперь Цыганокъ у насъ въ смѣнѣ. Онъ оперся рукою о штыкъ и обстоятельно, съ сознаніемъ своей правоты, излагаетъ, какъ было дѣло:

— Только что я это въ смѣну вступилъ... Стою на посту. Ночь темная. Не видать. Чу... шаги... Взялъ винтовку на руку, жду... Кто идетъ? Не откликается. Молчитъ. Я еще разъ: кто идетъ? Опять ничего. Ну, тутъ я, Господи благослови, два раза... Въ грудь и подъ сердце попало... Должно, помретъ... Потому, какъ подъ самое сердце...

Его слушаютъ разводящій и часовые. Слушаютъ молча. Внимательно и серьезно.

— Тебѣ, Цыганокъ, награда будетъ,—говоритъ, наконецъ, разводящій...—Какъ ты по инструкціи...

— Я и самъ думаю. Потому что же? Велѣно стрѣлять въ случаѣ, ежели что... Може, онъ нападеніе дѣлалъ... Кто его знаетъ...

— Ефрейтора теперь получишь...

— Деньгами тоже дадутъ...

Цыганокъ сіяетъ. Доволенъ. Видимо, мысль о томъ, что онъ убилъ человѣка, мало тревожитъ его. Впереди—нашивки, благоволенье начальства, три рубля денегъ... И онъ улыбается во весь ротъ и глупо бормочетъ:

— Потому, какъ я по закону. Ежели которые иные зря... А я по закону.

И вдругъ:

— Тебѣ, дураку, не ефрейтора, а мало тебя вѣшать... Потому, можетъ быть, у него дѣти, и имъ нечего кушать...

Это—Шиффъ. Солдатъ телеграфнаго парка. Онъ сидитъ уже пятый мѣсяцъ... И каждый день, встрѣчаясь со мной, онъ хитро прищуриваетъ глаза и, скрывая подъ усами улыбку, бросаетъ на ходу:

— Доброе утро и соціалистическій вамъ привѣтъ!

Теперь онъ прильнулъ губами къ глазку своей двери и говоритъ быстро-быстро, волнуясь. И оттого, что онъ говоритъ въ глазокъ, его голосъ звучитъ громче, настойчивѣе и глуше.

— Странное дѣло... Идетъ себѣ человѣкъ, ничего не знаетъ, тихо, спокойно... И вотъ стоитъ себѣ такой дуракъ, телеграфный столбъ, такой Ѳома Цыганокъ... И этому чело-

есть образованный, то есть умный. Умнѣе насъ, русскихъ... Такъ?..

Пауза. И затѣмъ вдругъ быстро и радостно:

— А подѣлена у нихъ земля? Что?.. Нѣтъ, не подѣлена и не будетъ подѣлена, и не можетъ быть подѣлена... А ты хочешь отнять землю... У кого?.. У за-кон-ныхъ владѣльцевъ, и подѣлить... Значитъ, ты хочешь быть умнѣе... французовъ!.. Ты, арестованный нижній чинъ, хочешь быть умнѣе французовъ... ха-ха-ха... Онъ хочетъ быть умнѣе французовъ!.. Умнѣе французовъ!..

— Хе-хе-хе-хе-е... — ухмыляется въ бороду жандармъ. Караульный унтеръ-офицеръ и разводящій молчатъ. Они держатъ руки по швамъ и угрюмо ѣдятъ начальство глазами.

— Ну, вотъ,—торжествуетъ Воронковъ.—Ну, не дуракъ ли ты?.. Теперь понялъ?.. Что?.. А то кричатъ, требуютъ, безпокоятъ начальство. А чего кричатъ, что требуютъ,—неизвѣстно. Сами не понимаютъ... Знаемъ мы васъ... Знаемъ... Ну, сиди, сознательный человѣкъ, сиди...

Въ сопровожденіи всей свиты, онъ съ шумомъ семенитъ къ выходу. И когда за нимъ затворяется тяжелая желѣзная дверь, въ корридорѣ внезапно настаетъ тишина. Ее нарушаетъ мой часовой. Сперва онъ долго и ожесточенно шагаетъ взадъ и впередъ, затѣмъ останавливается, что-то соображаетъ, плюетъ и, наконецъ, говоритъ убѣжденно:

— Ось, якій дуже розумной!..

II.

Жандармскій унтеръ-офицеръ Охрименко, потный и красный человѣкъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и двумя нашивками на рукавѣ, пришелъ ко мнѣ въ гости. Онъ сидитъ въ моемъ карцерѣ на табуретѣ и съ присвистомъ сосетъ съ блюдечка чай. И по тому, какъ онъ нервно то и дѣло вытирается кумачнымъ платкомъ и какъ старательно избѣгаетъ моего взгляда, я вижу, что онъ хочетъ что-то сказать и не смѣетъ.

— Лѣтомъ комари ѣдятъ,—говоритъ онъ, наконецъ, авторитетно.

— Что?

— Комари, говорю, ѣдятъ.

— Ѣдятъ.

— Вотъ и москиты тоже.

— Да, и москиты.

— Пренепріятно. Такъ-такъ-такъ...—барабанитъ онъ гряз-

ными пальцами по столу.—Такъ-съ... Спасибо за чай, за сахаръ... Пожелаю.

Онъ жметъ мнѣ руку, и мы оба молчимъ. Жарко. Слышно, какъ на дворѣ разводящій учитъ часового: „Ежели который на окнѣ, не стрѣляй, елова голова, понялъ? А кричи: слѣзавай съ окна... Понялъ?"

— Да... такъ я говорю: комари,—все еще не рѣшается Охрименко.

— Что вы?

— Нѣтъ .. такъ... пустяковина... насчетъ комарей... Та-акъ.. А дозвольте вамъ сказать, дѣльце я къ вамъ одно имѣю...

— Къ вашимъ услугамъ.

— Такъ... ерунда...—У, ты проклятущій,—вдругъ хлопаетъ онъ руками по комару,—какой маленькій, а какой ехидный...

— Въ чемъ же дѣло, Максимъ Ильичъ?

— Ничего... Не стоющее вниманья...

Онъ конфузливо умолкаетъ. Его большое и тучное тѣло наполняетъ весь карцеръ. Онъ чувствуетъ это и мучительно ищетъ, куда дѣвать свои руки. Поправляетъ погоны, теребитъ шнуры револьвера, трогаетъ зачѣмъ-то шашку. Наконецъ, беретъ папиросу, отворачивается къ окну и говоритъ небрежно и равнодушно, какъ бы вовсе не интересуясь отвѣтомъ:

— А что, ничего не слыхать, расформируютъ насъ?

— Кого это насъ?

— Отдѣльный корпусъ.

— Когда?

— Да вотъ когда эти всѣ тайныя права будутъ...

— Когда права?.. Должно быть, расформируютъ.

— Такъ-съ... И которые унтеръ-офицеры съ десятилѣтней выслугой срока, тѣмъ пенсіи не оставятъ?—вдругъ оборачивается онъ ко мнѣ.

— Не знаю. Не могу вамъ сказать.

Онъ встаетъ, звеня шпорами, ходитъ по карцеру, останавливается, о чемъ-то думаетъ, опять ходитъ. Наконецъ, садится рядомъ со мной на койку и, озираясь на дверь, таинственно шепчетъ мнѣ на ухо:

— Сами знаете, время какое... Очень даже большой скандалъ можетъ выйти... Иные, которые не видятъ, а я примѣчаю. Къ тому идетъ. То есть, очень просто послѣдніе могутъ стать даже первыми... Да... такъ съ умомъ надо... чтобы не прошибиться...

— Ну?

Онъ опять вскидываетъ глазами на дверь.

— Какъ бы часовые не нагавкали... Тоже народъ... Из-

волите видѣть,—шепчетъ онъ еще тише, однѣми губами,—имѣю два билета выигрышнаго займа, 4-хъ-процентной государственной ренты. Безпорочною службой скопилъ... Какъ скажете, продавать или придержать?.. А?..

— Зачѣмъ же, Максимъ Ильичъ, продавать?

— За-а-чѣмъ?!—Теперь онъ откинулся къ стѣнѣ и смотритъ на меня съ недовѣріемъ, почти съ озлобленіемъ.—Зачѣмъ продавать? Платить не будете... По займамъ платить не будете!—негодующе выпаливаетъ онъ, наконецъ.

— Не знаю... Можетъ быть, и не будемъ.

Онъ сразу теряетъ весь свой авторитетъ. Потъ градомъ катится съ него. Лицо побагровѣло. Глаза слезятся, и весь онъ какъ-то грузно осѣлъ всѣмъ тѣломъ на бокъ и внизъ И, вздыхая, смотритъ на меня своими круглыми, какъ у птицы, глазами и бормочетъ скороговоркой:

— Господи!.. Какъ свѣча передъ Истиннымъ! Вѣрьте слову... ей-Богу.., сами знаете, я для васъ завсегда... не глядите, что я жандармъ. Довѣрьтесь... никому не скажу... видитъ Богъ... ни Боже мой, никому... Вѣдь жена, малолѣтнія дѣти... по расформированіи по міру пойдемъ... одна надежда на васъ... не утаите... откройтесь... Какъ слышно: будете платить, или нѣтъ?.. О, Господи милосердный...

Въ корридорѣ звякаютъ шпоры. Караульный начальникъ Охрименко вскакиваетъ, поправляетъ Георгія, вытягивается во фронтъ и, дѣлая „глаза направо“, рапортуетъ:

— Дозволилъ въ личномъ своемъ присутствіи раскрыть въ № 9 двери для просвѣженья...

III.

— Кипячій кипятокъ вамъ несу,—говоритъ жандармскій унтеръ-офицеръ Ершаковъ, подавая мнѣ чайникъ...—Почайничайте, а я посижу, чтобы не скучно было...

Онъ садится ко мнѣ на койку и задумчиво смотритъ куда-то, въ окно, за ограду, гдѣ начинается воля.

— Да-а... Многаго на свѣтѣ понять невозможно...—замѣчаетъ онъ философски...—даже до чрезвычайности многаго...

— Чего, напримѣръ?

— Да всего. И свѣтскаго, и духовнаго... Насчетъ Писанья я и штунду опрашивалъ, и къ монахамъ теперь хожу... Да куды!.. Что въ нихъ, въ монахахъ... Штунда не разбери-бери что плететъ, а монахи... Богъ съ ними совсѣмъ. Самый нестоющій народъ, и при томъ пьющіе...

Онъ безнадежно машетъ рукой и, какъ бы нехотя, продолжаетъ:

— Думаешь этакъ, выходитъ такъ. Думаешь такъ, выходитъ этакъ... И ничего понять невозможно... Вотъ одновà со мной случай былъ. Прислали къ намъ агентовъ изъ Петербурга. Живутъ въ номерахъ, 75 въ мѣсяцъ получаютъ, а съ какого конца чтобы, напримѣръ, ухватиться—не понимаютъ. Въ городѣ имъ ничего неизвѣстно, а къ намъ не идутъ,—гордятся. Хорошо... Вотъ стали мы примѣчать, куда мы, туда они, куда мы, туда они... Значитъ, такъ на прицѣлъ берутъ, чтобы черезъ насъ дойтить, гдѣ вашъ братъ собирается... Вотъ я, значитъ, и говорю товарищу: сем-ка мы, Ференчукъ, ихъ накроемъ да маленько поучимъ, дураковъ учить надо... Однова глядимъ, слѣдятъ такъ за нами. А мы, какъ при формѣ были и при револьверахъ, прямо, знаете, значитъ, къ имъ. Кто такіе и позвольте, говоримъ, ваши паспорта-съ. Мы, говорятъ, агенты... Агенты?... Знаемъ, какіе вы агенты. Пожалуйте въ управленье. Черезъ сутки отпустили ихъ съ миромъ: идите и впередъ не грѣшите... Позвольте и мнѣ стаканчикъ...

Я наливаю ему чай, и онъ, откусывая сахаръ, улыбается себѣ въ бороду и смотритъ на меня большими, ласковыми и невинными глазами.

— Что же тутъ непонятнаго?

— Слушайте дальше.. Ну, разумѣется, пиво было. Такъ что выпили мы всѣ вмѣстѣ, говоримъ: давай, ребята, на кругъ работать. А ротмистру всетаки доложились. А ротмистръ у насъ—ухъ!.. Говоритъ: гляди, ребята, не зѣвай, мелочь имъ отдай, а крупнаго не тронь, ни-ни Боже мой. Значитъ, тоже свою политику имѣлъ... Хорошо. Наслѣдили мы разныхъ тамъ вашихъ, которые помельче, гимназистокъ тамъ всякихъ, изъ мореходныхъ классовъ которыхъ, и ночью этакъ, разъ, Господи благослови, бацъ... ко всѣмъ съ обыскомъ сразу. Я, какъ на обыскѣ былъ, барышня одна плачетъ, какъ рѣка льется... Все убивается. Конечно, дѣвченка еще, годовъ ей такъ было пятнадцать, испужалась значитъ. Такъ я утѣшалъ даже ее. Ей-Богу. Что-й-то вы, говорю, барышня, и какъ вамъ не стыдъ, не извольте, говорю, убиваться, ничего вамъ не будетъ... Дитё, что съ ей возьмешь?.. Отвезли, значитъ, всѣхъ къ намъ въ управленіе, а оттуда въ гражданскую. Сидятъ. А агенты-то и рады: мы, молъ, петербургскіе, изловили, молъ, всѣхъ волосатиковъ... Такъ и начальству своему доложили... Да. А ротмистръ, какъ дѣло все разобралъ, тотчасъ всѣхъ-то и повыпускалъ. Невинные были. И въ Петербургъ отписалъ: такъ и такъ-де, агенты ваши однихъ снятковъ ловить могутъ и ничего-де не понимаютъ. Впередъ ихъ къ намъ не присылайте, мы и безъ нихъ очень прекрасно дѣйствовать

можемъ... Значитъ, это онъ чтобы агентамъ носъ наклеить. Да... Ну, и скандалъ большой вышелъ. Ха-ха-ха...

— Вотъ что бываетъ,— заключаетъ онъ опять философски.— Развѣ агенты на то надежду имѣли? А?.. Службу свою исполняли, для награды, можетъ быть, старались... У кого жена, у кого дѣти... А что вышло? Говорятъ, такъ даже съ должности ихъ погнали... А почему? Ничего неизвѣстно... И мы не причинны. Вмѣстѣ съ ими работали... Да и то взять,— вдругъ мѣняетъ онъ тонъ,— 75 въ мѣсяцъ получаютъ... Денегъ-то тьма. А за что? За тьфу, съ позволенья сказать. Пьяницы, воры, дѣла не дѣлаютъ, отъ дѣла бѣгаютъ. А туда же... Въ калашный рядъ... Да... А мы на 20-ти рубляхъ сиди да присягу помни... Тьфу!..

Я не выдерживаю, наконецъ:

— Бога вы, Ершаковъ, не боитесь и людей не стыдитесь...

— Кого?—переспрашиваетъ онъ удивленно.

И затѣмъ обиженно добавляетъ:

— Что-й-то вы право... Развѣ мы что? Намъ что прикажетъ начальство.

Въ корридорѣ лампы чадятъ... Душно—нечѣмъ дышать.

IV.

Онъ входитъ ко мнѣ, сытый, красный, довольный. Потираетъ весело руки и шаркаетъ ножкой:

— Рекомендуюсь. Приказомъ командующаго войсками назначенъ васъ защищать...

Садится ко мнѣ на кровать, дружески, какъ старый пріятель, хлопаетъ меня по плечу и говоритъ, отдуваясь:

— Жарко... Только что былъ у товарища вашего. Прекраснѣйшій молодой человѣкъ... Великолѣпное впечатлѣніе... Только зачѣмъ запираться? Ну, скажите, зачѣмъ?.. Врешь, говорю, меня не надуешь, запирательствомъ ничего не возьмешь. Вѣдь, дорогой мой, военный судъ не игрушки... Тутъ ужъ дѣло, знаете, того, какъ его... Понимаете сами... Тутъ ужъ каюкъ, крышка, ничего не попишешь...

Онъ вынимаетъ серебряный портсигаръ, не спѣша, чиркаетъ спичкой и, закуривъ, начинаетъ опять:

— Я, батенька вы мой, старый служака, 20 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ состою. Могу сказать — стрѣляный воробей. Все знаю, все испыталъ и народу всякаго видѣлъ гибель. И прямо вамъ скажу, какъ солдатъ: терпѣть не могу жидовъ. Жидовъ не люблю и террора не понимаю. Вы ужъ меня извините... Все, что угодно, но не терроръ... Помилуйте, что же это такое,—почтеннаго старика и вдругъ

бомбой... А жидъ, знаете, всегда жидомъ остается. Сколько его ни скреби, сколько его ни мой, а все вмѣсто души лукомъ воняетъ... Ха-ха-ха... Ужъ повѣрьте мнѣ на слово... Да... Ну-съ, батенька мой, приступимъ къ дѣлу...

Онъ вытираетъ потную лысину, подсаживается ближе ко мнѣ и лѣзетъ рукою въ карманъ сюртука:

— Вотъ и рѣчь приготовилъ... Господа судьи, гнусное злодѣянье...

— Позвольте,—прерываю я его,—о рѣчи потомъ...

— Хорошо, дорогой мой, не къ спѣху, пусть будетъ потомъ... А пока я вамъ новость имѣю... Затрудненьице, знаете, было,—нагибается онъ къ моему уху,—палача найти не могли. Ужъ и какъ быть—не знали. Къ разстрѣлу, что ли... Такъ можете себѣ представить, вчера, уголовный одинъ, отцеубійца, въ гражданской тюрьмѣ сидитъ, — подалъ прошенье: такъ и такъ, пишетъ, прошу разрѣшить мнѣ привести казнь въ исполненье... А?.. Каково?.. Совѣсть заговорила... Понимаете... Что?.. Отцеубійца—и тотъ возмущенъ... Ну, теперь дѣло готово. Разрѣшатъ, конечно...

Онъ смотритъ на меня круглыми, сѣрыми, добродушными глазами и, какъ будто, хочетъ сказать: ну, слава Создателю, все обошлось, и горевать больше не о чемъ... И видно, что ему только жарко, и ничего больше.

Молчанье. Въ корридорѣ кто-то кричитъ, — монотонно, упорно и долго:

— Раз-во-дящій!.. Раз-во-дящій!.. Раз-во-дящій!..

И чей-то голосъ его убѣждаетъ:

— Обожди... Не кричи... Чего горло-то драть... Не придетъ разводящій...

И никто не придетъ...

— Благодарю васъ, капитанъ,—говорю, наконецъ, я,—мнѣ защиты вашей не нужно.

Онъ вскакиваетъ съ кровати:

— Что это вы, дорогой мой?.. Какъ же это возможно?.. Всетаки знаете... того... защитникъ, какъ его... того... на судѣ... Нѣтъ, ужъ вы не упрямьтесь. Этакъ нельзя... Въ вашихъ же, знаете, интересахъ...

На порогѣ онъ опять оборачивается ко мнѣ, качаетъ съ укоризною головой и по-пріятельски, дружески убѣждаетъ:

— Ну, что это вы?.. Какъ же такъ безъ защиты?.. Все же неловко, знаете... Вы подумайте, право... Можетъ быть, и рѣшитесь еще... Эхъ!.. Ну, прощайте...

Я остаюсь одинъ. А въ корридорѣ кто-то все еще не теряетъ надежды, все еще зоветъ монотонно:

— Раз-во-дящій, раз-во-дящій, раз-во-дящій...

И никто не придетъ...

V.

„Милостивый государъ и великодушный господинъ номеръ девятый, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ молился въ Геѳсиманскомъ саду: да минетъ меня чаша сія обаче не моя воля, но твоя да будетъ, такъ и я молюсь о томъ же. Но ваша пролитая невинно кровь обагрится и таковою же моею. Ибо, бывъ изгнанъ за пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ изъ класса реторики духовной семинаріи и претерпѣвъ заневинно по приговору полкового суда искаріотовъ пять недѣль строгаго ареста съ правомъ горячей пищи разъ въ трое сутокъ, вступаю нынѣ на путь революціоннаго и соціальнаго переустройства, какъ войскъ, такъ равно и флота. Сіе рѣшеніе мое неизмѣнно и да будетъ! Къ сему имѣю прибавить, что зная вашу доброту и революціонныя убѣжденія, разрѣшаю себѣ обратиться къ вамъ съ наипокорнѣйшей просьбой, къ каковой вынужденъ прибѣгнуть въ виду безвыходности положенія и послѣдней крайности. Симъ почтительнѣйше ходатайствую о присылкѣ мнѣ таковымъ же путемъ, какъ и сіе письмо, двухъ папиросъ и нѣсколькихъ спичекъ (по возможности, въ коробкѣ, дабы можно было зажечь), а равно и хлѣба (по возможности, бѣлаго), ибо казенный кандеръ имѣлъ третьяго дня и ближайшій буду имѣть завтра, и хотя въ писаніи сказано, что не единымъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ, но и таковой совершенно необходимъ для поддержанія бреннаго существованія. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Съ почтеніемъ невинно страждущій рядовой минной роты Василій Рябкинъ“.

VI.

Только что смѣнился караулъ, и у двери моего карцера стоитъ новый, незнакомый мнѣ еще, часовой. Громаднаго роста, неуклюжій и добродушный. То и дѣло заглядываетъ ко мнѣ и смотритъ на меня, какъ на диковинку, какъ на какое-то чудо морское. Наконецъ, мы встрѣчаемся глазами. Онъ прильнулъ къ оконцу съ одной стороны, я съ другой. Молчаніе.

— Отчините двери, землякъ.

— Ни. Не можно.

— Ничего. Отчиняйте.

— Та-жъ, офицеръ побачитъ.

Ему и самому хочется поговорить со мной. Кабы не

офицеръ... Онъ чешетъ въ затылкѣ, и вдругъ начинаетъ возиться съ замкомъ. Долго не попадаетъ въ скважину, пыхтитъ, ругается и всетаки отворяетъ. Я выхожу на порогъ, и онъ опять разсматриваетъ меня съ любопытствомъ

— Ну, што? За бонбы?..

— А если за бомбы,—усмѣхнулся я въ отвѣтъ.

— Ось якъ... Дежурный по карауламъ сегодня намъ на разводѣ сказывалъ: глядите у номеръ девятый. Тамъ, говоритъ, унутренній врагъ сидитъ... Такъ вы, значитъ, это самое и будете, который унутренній врагъ?..

— Ну, да.

— Эге... А еще сказывалъ, что жиды да студенты бунтуютъ. Чи-жъ вы жидъ?

— Нѣтъ.

— Чи студентъ?..

— И не студентъ.

— Кто же вы такій будете?

— Кто?.. Внутренній врагъ...

Онъ, какъ будто, силится что-то понять. Таращитъ глаза, шевелитъ бровями и затѣмъ, подумавъ, говоритъ убѣжденно:

— Та-жъ то самое и офицеръ сказывалъ...

И, помолчавъ:

— Въ енерала бонбой бросали?

— Ну, пусть въ генерала.

— О!.. Можетъ, въ нашего?

— Нѣтъ.

— Шкода.

— Чего шкода?

— Што не въ нашего. Такой собака...

Онъ опять умолкаетъ.

— Эй, землякъ, какъ я вижу, то и вы, стало быть, тоже внутренній врагъ...

У него дѣлается обиженное лицо. Онъ даже не смотритъ на меня. Разсердился. Наконецъ, удостаиваетъ отвѣтомъ:

— Вы, извинить, брешете. Якій я внутренній врагъ? Я солдатъ, значитъ—воинскаго званія вѣрный слуга и защитникъ. А не врагъ. Вотъ...

И побѣдоносно оглядываетъ меня сверху внизъ...

— Да вѣдь вотъ вы хотѣли бы, чтобъ командира убили?

— Ну, и хотѣлъ бы.

— Бомбой?..

— Ну, и бонбой...

— Такъ какъ же вы не врагъ?..

— Э... Та я же вамъ говорю: собака... Такая собака, штобы вы знали...

Въ корридорѣ густо пахнетъ солдатскими щами. Вече-

рѣетъ. Сторожъ Егорка уже тащитъ изъ кухни котелъ съ казенной баландой и уже кричитъ издалека:

— Кан-деръ... Кан-деръ... Кандеръ...

— Ось, кандеръ несутъ. Зачинять надо. Только дозвольте спросить, что же вамъ за это будетъ?

— За что?

— За енерала.

— Георгія дадутъ.

— О?.. Опять брешете. Еоргія за подвигъ отечества даютъ. Если, напримѣръ, бунтъ, который усмирять, или што...

И опять презрительно мѣряетъ меня глазами.

— А вы усмиряли?..

— Мы?.. Усмиряли... Артиллерію...

— А евреевъ били?

— Жидовъ? Жидовъ били.

— И не стыдно?

Онъ удивленъ. Даже не понимаетъ вопроса.

— Чего ихъ жалѣть?.. Я жъ вамъ сказалъ: жиды.

— А Георгія получили?..

— Ни. Намъ по два бублика выдали.

Онъ вздыхаетъ, плюетъ тонкою струйкой на бокъ и сразу мѣняетъ тему, будто обиженъ за бублики:

— Васъ къ свиньямъ собачьимъ...

— Какъ?..

— Къ свиньямъ собачьимъ.

— То есть какъ?..

— Такъ что убьютъ. Безпремѣнно убьютъ васъ. Ну, и значитъ—къ свиньямъ собачьимъ.

И, помолчавъ, прибавляетъ совсѣмъ равнодушно:

— Ну, погуляли, землякъ. Заходьте теперь. Зачиню... Еоргій... Чего Еоргій?.. Къ свиньямъ собачьимъ, а не Еоргій...

Затворивъ двери, онъ уже болѣе не интересуется мною. Не подходитъ къ глазку. Очевидно, у него уже есть готовое, вполнѣ сложившееся обо мнѣ мнѣніе. Онъ только что-то бормочетъ себѣ подъ носъ и до меня урывками долетаетъ:

— Ось якъ... Еоргій... Брешетъ... Якій Еоргій... Ось...

А я остаюсь въ раздумьи:

— Пожалуй, и вправду къ свиньямъ собачьимъ...

VII.

Ночь. Тюрьма давно уже спитъ, и только въ концѣ коридора, у самыхъ моихъ дверей, слышенъ сдержанный шепотъ. Тамъ цѣлый клубъ. Двое часовыхъ и дневальный. Они говорятъ о себѣ, о своемъ, о житейскомъ, о мелкомъ.

— И-и-и, Боже ты мой милосердный,—какъ шмель, жужжитъ чей-то голосъ, — ни тебѣ поспать, ни тебѣ вздохнуть, ни тебѣ отдохнуть, ни тебѣ покурить... Вотъ такъ служба... Жить вовсе нельзя... Вотъ смѣнимся завтра, послѣ обѣда на пристрѣлку пойдемъ, а во вторникъ опять на караулъ... И за все замѣчанье, судомъ грозятся, норовятъ морду побить... Отчего, такой-сякой, рубахи не помылъ, отчего, такой-сякой, погонъ рваный?.. Да, Господи, когда же мнѣ рубаху мыть, либо погонъ зашивать?.. А кандеръ?.. Кандеръ завсегда съ червемъ. Вчерась дежурный по карауламъ взялъ пробу, выплюнулъ, говоритъ: кандеръ хорошъ... А потомъ какъ закричитъ: ты, хамъ, дармоѣдъ, дома что жралъ? Небось одну мякину лопалъ, а здѣсь тебѣ щи даютъ, кашу, хлѣба сколько хочется, а тебѣ все, дармоѣду, мало?.. О, Господи, Владыко праведный...

— Не скули,— прерываетъ его чей-то угрюмый басъ.— Чего скулишь? И безъ тебя тошно...

— О-охъ, грѣхи наши тяжкіе,—не унимается шепотъ,— призываетъ меня завѣдующій швальней. Будешь, говоритъ, на роту рубахи шить? Такъ точно, говорю, буду... И штаны? говоритъ. Такъ точно, и штаны... Ну, ступай, говоритъ... Дозвольте,—говорю, ваше благородіе,—какая цѣна?.. А цѣна что-жъ?.. Цѣна извѣстная: 7 копѣекъ рубаха, 12 копѣекъ— штаны... Цѣна?!. Ка-акъ онъ закричитъ: а машина у тебя есть?.. Никакъ нѣтъ, говорю, машины нѣтъ, потому какъ машина казенная... Ну, и цѣна, говоритъ, казенная... И пошелъ, говоритъ, вонъ... Это какъ?.. По-божьи?..

— Это у нихъ завсегда такъ,—зѣваетъ кто-то въ отвѣтъ. —Скоро-ли смѣна?

— Кого?..

— Смѣна, говорю, скоро?..

Кто-то крестится, кто-то опять зѣваетъ. Затѣмъ, по прежнему, жужжитъ шепотъ:

— Въ прошломъ годѣ, слышь, тутъ часовой на батареѣ стоялъ. Ну, стоялъ и стоялъ. Да и заснулъ... Спитъ. А дежурный по карауламъ уже тутъ, какъ тутъ. Змѣемъ вьется, посты повѣряетъ... Да... Подобрался это къ нему. Потянулъ за штыкъ, тянетъ. Однако, пустилъ. Проснется, молъ, штыкомъ

со сна ударитъ... Присѣлъ, значитъ, на корточки, вынялъ замокъ, въ карманъ положилъ, пошелъ. А часовой и проснись. Глядь—гдѣ замокъ? Нѣту. Что тутъ дѣлать?.. Побѣгъ сейчасъ на другой постъ. А тамъ часовой, гляди, тоже спитъ. Ну, вынялъ замокъ, къ винтовкѣ приставилъ, бѣгитъ обратно на постъ... Стоитъ... Ждетъ... А дежурный по карауламъ взялъ это унтеръ-офицера, идетъ... Что бы, значитъ, изловить и подъ судъ. Ну, часовой и кричитъ, какъ по закону. Кто ты тутъ?.. Молчитъ... Второй разъ, — кто ты тутъ?... Опять молчитъ... Въ третій разъ опять, — кто ты тутъ?.. А тотъ и отвѣтъ: врешь, говоритъ, такой-сякой, стрѣлить все равно не можешь... А часовой разъ-разъ,—прямо въ его... Да...

— Что-жъ, померъ офицеръ?

— Померъ. Часу не жилъ... Часовому ничего... Онъ по закону. Три раза окликалъ... Темно было... И унтеръ-офицеръ подтвердилъ даже...

— Да-а... А срокъ кончишь, домой придешь, дома чего? Какъ есть ничего тебѣ нѣту. Хоть ложись и помирай... Теперича, къ примѣру, вотъ у меня... Земли мало, семья большая, дома отецъ старикъ, братъ малолѣтній, баба, да дѣтей двое... Кто кормить будетъ?.. О-охъ, Мать Богородица Пречестная...

— Мал-чи,—вмѣшивается вдругъ третій съ сильнымъ грузинскимъ акцентомъ голосъ.—Нэ гавари... Слушай мине. Видишь винтовка?.. Зачѣмъ винтовка?.. Видишь солдатъ?.. Зачѣмъ солдатъ?.. Винтовка бросалъ. Солдатъ уходилъ. Совсѣмъ уходилъ... Домой. Понялъ?

— Куды пойдешь-то? Некуда-те идтить. Поймаютъ, подъ судъ... О Господи, Господи...

— Зачѣмъ падъ судъ? Нэ нада падъ судъ... Афицеръ прихадилъ—офицера рѣзалъ, генералъ прихадилъ—генерала рѣзалъ... Всѣхъ рѣзалъ... Нэ хачу солдатъ. Хочу домой. Самъ буду судъ дѣлать.

— Или вотъ тоже бонбой очень хорошо,—спокойно подтверждаетъ басъ, — всѣхъ собрать вмѣстѣ, р-разъ — и готово дѣло... И всего только.

Лязгаютъ ружья. Смѣна... Я засыпаю... И во снѣ мнѣ чудится громадный, въ косую сажень, солдатъ съ поднятой бомбой въ рукѣ... Р-разъ—и готово дѣло!..

VIII.

Въ тюрьмѣ сегодня событіе. Часовой Цыганокъ ночью, стоя у наружной стѣны, застрѣлилъ проходящаго человѣка. Ни съ того, ни съ сего. Зря. По инструкціи.

Теперь Цыганокъ у насъ въ смѣнѣ. Онъ оперся рукою о штыкъ и обстоятельно, съ сознаніемъ своей правоты, излагаетъ, какъ было дѣло:

— Только что я это въ смѣну вступилъ... Стою на посту. Ночь темная. Не видать. Чу... шаги... Взялъ винтовку на руку, жду... Кто идетъ? Не откликается. Молчитъ. Я еще разъ: кто идетъ? Опять ничего. Ну, тутъ я, Господи благослови, два раза... Въ грудь и подъ сердце попало... Должно, помретъ... Потому, какъ подъ самое сердце...

Его слушаютъ разводящій и часовые. Слушаютъ молча. Внимательно и серьезно.

— Тебѣ, Цыганокъ, награда будетъ,—говоритъ, наконецъ, разводящій...—Какъ ты по инструкціи...

— Я и самъ думаю. Потому что же? Велѣно стрѣлять въ случаѣ, ежели что... Може, онъ нападеніе дѣлалъ... Кто его знаетъ...

— Ефрейтора теперь получишь...

— Деньгами тоже дадутъ...

Цыганокъ сіяетъ. Доволенъ. Видимо, мысль о томъ, что онъ убилъ человѣка, мало тревожитъ его. Впереди—нашивки, благоволенье начальства, три рубля денегъ... И онъ улыбается во весь ротъ и глупо бормочетъ:

— Потому, какъ я по закону. Ежели которые иные зря... А я по закону.

И вдругъ:

— Тебѣ, дураку, не ефрейтора, а мало тебя вѣшать... Потому, можетъ быть, у него дѣти, и имъ нечего кушать...

Это—Шиффъ. Солдатъ телеграфнаго парка. Онъ сидитъ уже пятый мѣсяцъ... И каждый день, встрѣчаясь со мной, онъ хитро прищуриваетъ глаза и, скрывая подъ усами улыбку, бросаетъ на ходу:

— Доброе утро и соціалистическій вамъ привѣтъ!

Теперь онъ прильнулъ губами къ глазку своей двери и говоритъ быстро-быстро, волнуясь. И оттого, что онъ говоритъ въ глазокъ, его голосъ звучитъ громче, настойчивѣе и глуше.

— Странное дѣло... Идетъ себѣ человѣкъ, ничего не знаетъ, тихо, спокойно... И вотъ стоитъ себѣ такой дуракъ, телеграфный столбъ, такой Ѳома Цыганокъ... И этому чело-

вѣку отъ этого смерть... Почему? За что? Что онъ дѣлалъ? Что его дѣти дѣлали? Почему они не должны кушать? Развѣ человѣкъ три рубля стоитъ? Говори мнѣ, дуракъ, развѣ три рубля человѣкъ стоитъ?

Цыганокъ отъ неожиданности замираетъ на мѣстѣ. Онъ силится что-то сказать, возразить, доказать свою правоту, но только сопитъ и, наконецъ, съ трудомъ выговариваетъ— всего одно слово:

— Жидъ...

— Мало чего? Ну, пусть я жидъ... Ты слушай, дуракъ... Ефрейтора тебѣ будутъ давать, пива бутылку, на смотру его благородіе благодарить будетъ... Все равно, ты передъ Богомъ хамъ и подлецъ. Убилъ невиннаго человѣка, и мало тебя за это на висѣлицѣ вѣшать... Вотъ и все. Да.

Въ корридорѣ настаетъ тишина. Всѣ замолкаютъ какъ-то сразу, словно по уговору.

Первымъ приходитъ въ себя разводящій. Онъ смотритъ куда-то въ бокъ и говоритъ смущенно и осторожно:

— Ты, Цыганокъ, може, того... може, ты не того маленько...

— Чего не того?—прерываетъ его дневальный:—Вѣрно Шиффъ говоритъ: сволочь ты, Цыганокъ, и ничего больше!..

Онъ съ озлобленьемъ вскидываетъ винтовку на плечо и быстрыми шагами уходитъ къ себѣ на постъ,—къ моей двери.

Цыганокъ какъ бы оцѣпенѣлъ. Онъ не можетъ понять, въ чемъ дѣло, что такое случилось, почему вдругъ такая къ нему перемѣна. И онъ безпомощно поводитъ глазами и обращается то къ одному, то къ другому:

— Братцы, что-же это? Неужто дѣти остались?..

— Шестеро, говорятъ...

— О, Господи, Владыко, Спаситель милостивый...

Онъ растерянно умолкаетъ. Разставилъ ноги, опустилъ голову, и у глазъ его что-то мигаетъ. Не то рѣсницы дрожатъ.

— О, Господи, да неужто же я?—вдругъ вырывается у него.—Что же это будетъ такое? Братцы? А?..

Разводящій угрюмо молчитъ и смотритъ теперь внизъ, на полъ.

— Да вѣдь я по закону... Что-жъ я? Какъ приказано...— почти кричитъ Цыганокъ...—Братцы... Ей-Богу...

Въ корридорѣ темнѣетъ. Егорка разноситъ лампы. А Цыганокъ все стоитъ въ той же позѣ. Разставилъ широко ноги, держитъ винтовку наперевѣсъ и все еще шепчетъ:

— Господи, по закону... Господи... Шесть человѣкъ дѣтей... Господи...

Опускается ночь.

IX.

Завтра судъ... Я не сплю... Я слышу молчаніе ночи. И это роднитъ меня съ волей. Тамъ за стѣной тоже ночь и тоже молчанье...

И вдругъ шепотъ, чуть внятный:

— Землячокъ... Слышь, землячокъ...

И опять:

— Зе-е-млячокъ...

Сквозь дверное оконце я вижу крѣпкіе, бѣлые зубы и русые молодые усы.

— Когда судъ-то?

— Завтра.

— Къ разстрѣлу, значитъ?

— Къ разстрѣлу.

— За правду?

— За землю и волю.

— Ахъ-ахъ-ахъ...

Кто-то качаетъ сочувственно головой. Кто-то тяжко вздыхаетъ.

— Такъ ты утекай!

— Какъ?

— Въ окно...

— А рѣшетка?

— Да-а... рѣшетка... вѣрно... рѣшетка...

И снова молчаніе. Только ружья бряцаютъ.

Я не вижу его, я даже не знаю, кто онъ. Знаю только, что часовой. И ничего больше.

— Слышь, я за тобой поставленъ слѣдить... Такъ я не буду... открою двери... Иди. Чего ты? Иди...

— Куда идти? На штыки?..

— На шты-ыки... стой. Обожди. Неужто погибнешь, какъ муха?.. За правду... Какъ же намъ быть-то?.. А?..

Онъ отошелъ теперь отъ дверей и шепчется съ кѣмъ-то. Долго, какъ бы убѣждая...

— Слышь... Обожди... Я пойду,—тутъ все наши стоятъ... Поспрошаю маленько. Може, и согласятся... Если, дастъ Богъ пропустятъ,—уйдешь...

Тихо. Ни звука. Даже шопотъ умолкъ...

Вотъ опять чьи-то шаги. Снова вздохъ и голосъ въ оконце:

— Землячокъ... Бѣда, землячокъ... Видно пострадать придется за правду... Спрашивалъ, нѣтъ ихъ согласу... Кото-

рые говорятъ: жена, дѣти... Да вѣдь, чай, и у тебя есть хозяйка?..

Я снова ложусь. А чей-то невидимый глазъ все еще смотритъ ко мнѣ: долго, упорно, съ любовью...

Завтра судъ...

Борисъ С.

ВЪ ГОРАХЪ.

Съ могучимъ грохотомъ и звономъ
Летитъ потокъ сѣдой,—
Звучитъ ущелье дикимъ стономъ
И бѣшеной грозой!

Зловѣщій блескъ зари багровой
Дрожитъ въ сѣдой волнѣ...
А надъ потокомъ—лѣсъ сосновый,
Весь въ бурѣ и въ огнѣ!

Н. Шрейтеръ.

КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ.

XX.

Оставшись одинъ, я разставилъ козла, уложилъ на нихъ доски и, бросивъ въ головы на свою постель пальто, легъ навзничь... Мнѣ было невыносимо грустно, обидно, больно за себя и за свою жизнь, настоящую и прошлую, въ которой среди горя и мрака только давнымъ давно, въ дѣтствѣ, проскальзывали, какъ свѣтлые лучи, воспоминанія о ласкахъ матери, отца, которые лежатъ теперь гдѣ-то далеко на родномъ кладбищѣ, не видя, не чувствуя, не зная, какой омутъ грязи, пороковъ, лжи, лицемѣрія окружаетъ ихъ „блуднаго" сына...

Въ кельѣ было тихо,—такъ тихо, какъ навѣрно бываетъ тихо подъ землею въ могилѣ... Да она, собственно, и была похожа на могильный каменный склепъ. Не одну, вѣроятно, сотню лѣтъ пережили эти толстыя, холодныя, молчаливыя стѣны... Какіе люди жили здѣсь? Какъ они жили?.. Что думали?.. Какія, можетъ быть, горячія молитвы возносились отсюда къ Богу?... Какія невидимыя другимъ слезы проливались здѣсь?..

Молодой человѣкъ что-то позамѣшкался и не шелъ... Между тѣмъ, стало помаленьку смеркаться. Какой-то мутный свѣтъ сквозь двойныя рамы съ замерзшими стеклами необыкновенно грустно, какъ-то робко, проникалъ въ келью, точно боясь нарушить ея могильную страшную тишину...

Мнѣ стало жутко... Я поднялся съ койки и прошелся по кельѣ отъ стола до двери. Старыя, сѣрыя, замѣтно выбитыя каблуками половицы вздрагивали, и одна изъ нихъ, какъ-то странно нарушая тишину, жалобно скрипѣла каждый разъ, какъ я наступалъ на нее...

Въ кельѣ становилось все темнѣе и темнѣе... Декабрьскія

печальныя, холодныя сумерки, ведущія за собой долгую, темную, страшную ночь, тихо ползли, какъ черныя змѣи въ окно кельи, пугая и нагоняя мнѣ на душу тупую скорбь...

— Зачѣмъ я здѣсь?—спросилъ я какъ-то неожиданно вслухъ самъ себя, остановившись посреди кельи... Спросилъ и испугался: до того страненъ и глухъ показался мнѣ звукъ собственнаго голоса. Точно это сказалъ не я, а кто-то другой крикнулъ откуда-то изъ-подъ земли глухо и страшно.

— Спасите! — опять неожиданно, чувствуя леденящій ужасъ, громко крикнулъ я.

— Спасите! -- глухо раздалось въ кельѣ и моментально смолкло, и стало еще тише...

Я не вытерпѣлъ и тихо заплакалъ... Передо мной проходила моя жизнь, и мнѣ до боли было жаль этой загубленной жизни, самого себя и людей, жаль, что я теперь одинъ въ этомъ мѣшкѣ, далекій отъ всего родного, забытый, никому ненужный, полуголодный, обтрепавшійся, съ разбитымъ сердцемъ, чего-то ищущій, къ чему-то стремящійся, но ничего, кромѣ подлости, ненависти, насмѣшекъ, лжи, грязи не находящій, нищій!..

Я отворилъ дверь и заглянулъ въ корридоръ. Въ корридорѣ было почти совсѣмъ темно и такъ же тихо печально, какъ въ кельѣ... Только гдѣ-то въ углу капала изъ умывальника вода, рѣдко и глухо ударяясь о дно таза. Я захлопнулъ дверь и опять легъ на свою койку, уткнувшись лицомъ въ пальто и заткнувъ пальцами уши, стараясь всѣми силами сдержать душившія меня рыданія и успокоить не въ мѣру и не у мѣста разыгравшіеся нервы...

XXI.

Совсѣмъ почти смерклось, когда, наконецъ, пришелъ молодой человѣкъ и принесъ съ собой чѣмъ-то наполненный большой и, повидимому, тяжелый мѣшокъ.

— Вы что же это,—спросилъ онъ, положивъ его на полъ около лежанки,—въ потьмахъ-то сидите? Надо лампу зажечь... А я,—продолжалъ онъ,—земляка встрѣтилъ... разговорились... Оттого и не приходилъ долго.

Все это онъ говорилъ какъ-то весело, совсѣмъ по другому, чѣмъ давеча, и лицо его стало радушнѣе и лучше... Я смотрѣлъ на него, и онъ, догадавшись, что я замѣтилъ въ немъ эту перемѣну и точно угадавъ мои мысли, улыбнувшись, сказалъ.

— Ничего...какъ-нибудь проживемъ.. Вы, небось, и вправду подумали, какъ я вамъ давеча сказалъ, что не люблю бол-

тать и т. д.... Вздоръ это... Я это потому сказалъ, что думалъ, вы уже тертый калачъ, жившій по монастырямъ... А вы, оказывается, въ первый разъ... Это хорошо... Я вѣдь знаю этихъ бѣгуновъ-то... насмотрѣлся.. да и самъ такой... Противный народъ... особенно изъ нашего брата, изъ кутейниковъ... Назойливые... попрошайки... то дай, другое дай... Я самъ кутейникъ, а не люблю ихъ...

— А какъ же вы давеча говорили совсѣмъ другое?— спросилъ я.

Онъ засмѣялся, ничего не отвѣтилъ и сталъ готовить лампочку.

— Чайку бы попить,— сказалъ онъ, зажигая ее и ставя на столъ.—Воды вотъ только гдѣ бы добыть?.. Ну, да это я раздобуду,—продолжалъ онъ.—Нате-ка самоваръ, потрите его тряпкой... Да что вы какой?—спросилъ онъ, вдругъ пристально посмотрѣвъ на меня,—вотъ сейчасъ и видно, что въ первый разъ... А мнѣ такъ отлично... Я въ свою сферу попалъ... какъ рыба въ водѣ.. Вѣдь я давеча „владыкѣ-то",— съ ироніей въ голосѣ подчеркнулъ онъ слово „владыкѣ то",—совралъ, что только у Николы на Угрѣши жилъ... Ха, на Угрѣши!.. Да я этихъ Угрѣшь-то перемѣнилъ штукъ десятокъ!.. Погодите, я вамъ поразскажу послѣ, посвящу во всѣ тайны... Инока изъ васъ вотъ какого устрою—барышни будутъ влюбляться!.. Гдѣ кувшинъ-то? Давайте!.. Иду за водой...

Онъ сбросилъ съ себя пальто, взялъ подрясникъ, встряхнулъ его, улыбнулся и, надѣвая, сказалъ:

— „Вѣнчается рабъ Божій Степанъ рабѣ Божіей Аксиньѣ, во имя отца и сына и святаго духа!.."

Потомъ надѣлъ на голову „колпакъ" и сказалъ:

— „Вѣнчается раба Божія Аксинья рабу Божьему Степану, во имя отца и сына и святаго Духа!"

Продѣлавъ это, онъ взялъ кувшинъ и, хлопая длинными, засаленными полами подрясника по икрамъ ногъ, скрылся за дверь.

Я кое-какъ, на скорую руку, протеръ самоваръ, и поставилъ его на лежанку въ уголъ, гдѣ въ печкѣ была устроена отдушина, въ которую, какъ я понялъ, наставлялась самоварная труба, и, сдѣлавъ это, сталъ ждать возвращенія заинтересовавшаго меня своимъ превращеніемъ молодого человѣка.

Онъ ходилъ недолго и возвратился, неся съ собой кувшинъ воды, корзиночку угольевъ, лучины и небольшую прожженную насквозь самоварную трубу.

— Разводите самоваръ,—сказалъ онъ, ставя кувшинъ и другія вещи у порога,—а я другимъ дѣломъ займусь... Раз-

беру свое приданое.:. Пока поспѣваетъ самоваръ, можетъ быть, и у меня кое-что поспѣетъ...

Онъ взялъ свой мѣшокъ, положилъ его на койку и началъ развязывать закрученный сверху веревочкой узелъ. Это ему не давалось. Тогда онъ, видимо обозлившись, началъ растаскивать его зубами и сталъ похожъ на собаку, грызущую кость...

Развязавъ, наконецъ, узелъ, онъ открылъ мѣшокъ и началъ выгружать изъ него, къ крайнему моему удивленію, книги...

Я управился съ самоваромъ и, заинтересовавшись, подошелъ и сталъ разглядывать эти книги.

Ихъ было много, разныхъ размѣровъ: маленькія, большія, тоненькія и толстыя. Между ними попадались какіе-то „листки“, „поученія“ и, между прочимъ, два №№ „Домашней бесѣды“... Книжки были исключительно „божественныя“, „Житія святыхъ“, „Разсказы про Аѳонъ“, „Описаніе монастырей“, „О блудѣ“, „О пьянствѣ“, „Какъ спастись“, „Что есть инокъ“ и т. д. и т. д....

— Неужели вы всю эту благодать на себѣ таскали?— спросилъ я.

— На себѣ,—отвѣтилъ онъ,—а что?..

— Зачѣмъ?..

— Зачѣмъ?.. Гм!.. Надо, милый братецъ, надо... такъ надо... тружусь... плоть умерщвляю, — улыбнувшись, подмигнувъ глазомъ, съ ироніей добавилъ онъ и, вынувъ еще какую-то книжонку, весело проговорилъ:—У насъ вѣдь въ мѣшкѣ-то не одно божественное... есть и еще кое-что... Заприте-ка дверь то... Да окно завѣсьте, вонъ хоть подрясникомъ, что ли...

— Зачѣмъ?—удивился я.

— Зачѣмъ, зачѣмъ!—передразнилъ онъ меня,—затѣмъ, что надо... Не увидали бы... вотъ зачѣмъ... Знаю я порядки то... Любопытство у этихъ отцовъ-прохвостіевъ пуще бабьяго... Я удивляюсь, какъ еще не идетъ никто?.. Должно быть, не знаютъ... не пронюхали... Ну ихъ къ чорту! Заприте, пожалуйста.

Я исполнилъ его желаніе и заперъ дверь.

— Такъ-то лучше,—сказалъ онъ, наблюдая за мной,— не видятъ—не брешутъ... Какъ самоваръ-то?.. Скоро?.. Шумитъ?.. Ну и отлично!.. Передъ чайкомъ-то мы того...

Онъ засмѣялся и вынулъ изъ мѣшка бутылку водки.

— Вотъ она, святыня-то. Мы ее пока въ уголокъ, матушку, поставимъ... вотъ сюда... А вотъ и закусочка,—продолжалъ онъ, доставая изъ мѣшка фунтъ колбасы, баранокъ, коробочку съ капчушками,—хорошо, а?..

Онъ прищурилъ глазъ и лукаво, съ улыбкой на тонкихъ губахъ, посмотрѣлъ на меня.

— Не худо,—отвѣтилъ я, тоже усмѣхаясь.—По монастырски.

— Не удивляйся сему странному зраку и не ужасайся,—сказалъ онъ и спросилъ, взглянувъ на самоваръ,—скоро?..

— Готовъ!—отвѣтилъ я.

— Тащи его за уши на столъ.

XXII.

Мы сѣли къ столу. Онъ на табуреткѣ, а я на койкѣ... Самоваръ бурлилъ, выпуская паръ, разстилавшійся по кельѣ... Лампочка горѣла плохо, какъ-то мигала, и отъ нея шелъ противный запахъ керосина... Поверхность стола была загаженная, неопрятная, съ жирными пятнами, очевидно, никогда не мывшаяся и издававшая особенный отвратительный запахъ...

— Пьешь?—спросилъ онъ, наливая въ чайную чашку водки и переходя съ „вы“ на „ты“.—Ну, конечно... Цопъ!..

Онъ выпилъ и постучалъ ладонью себя по головѣ.

— Нашъ Евсей пьетъ по всей!—сказалъ онъ и налилъ еще.

— Пей!.. Тебя какъ звать?—продолжалъ онъ, разрѣзывая перочиннымъ ножомъ колбасу на тоненькіе кружочки.—Тутъ вѣдь въ монастырѣ „выкать“ не полагается... Здѣсь на ты... Меня зовутъ Степаномъ, фамилія Клеоповъ... самая кутейная: Кле-о-повъ!.. Чудно вѣдь, а?.. Помнишь: шли въ Еммаусъ Лука и Клеопа... Въ Московской консисторіи у меня родственникъ служитъ, тоже Клеоповъ... ей-Богу!.. Коли придется когда быть по дѣлу, не миновать его... онъ прошенія строчитъ... обдеретъ, особенно коли увидитъ, что дуракъ пришелъ... Ѣшь колбасу-то... не стѣсняйся... Ну-ка, еще!..

Онъ налилъ еще полъ-чашки и, морщась, выпилъ.

— Вотъ теперь такъ... отошло... Хо-о-о-рошо!.. Тебѣ налить?

— Наливай,—отвѣтилъ я, чувствуя, что въ головѣ начинаетъ мутить, а сердце усиленно биться,—зачѣмъ добру пропадать...

— Съ новосельемъ, а?—сказалъ онъ, наливая и прищурившись глядя на меня.—А ты,—продолжалъ онъ,—здѣсь долго не проживешь... сбѣжишь...

— Почему?..

— Да такъ... я уже вижу... ничего ты не знаешь.. Тутъ вѣдь что?.. Тутъ вѣдь надо быть мудрымъ, какъ змій, и крот-

кимъ, какъ голубь... угодить всѣмъ нужно... выдѣлиться чѣмъ-нибудь... свое *я* выставить, чтобы его признавали, а то, братъ, будешь только рабочая лошадь, и каждый на тебѣ ѣздить будетъ... Здѣсь вѣдь, да и вообще по монастырямъ, я знаю, какіе порядки, и кто здѣсь, собственно, живетъ?.. Во-первыхъ, здѣсь каждый хочетъ быть „хозяйчикомъ“ т. е. хоть надъ чѣмъ-нибудь, хоть надъ отхожими мѣстами да показать свое: „я здѣсь хозяинъ“... И, боже мой, сколько тутъ хозяевъ... Игуменъ, казначей, келарь, экономъ, нарядчикъ, помощникъ нарядчика, рухальный, квасникъ, садовникъ, гостинникъ, главный конюхъ, лѣсникъ, рыбакъ, прачечникъ, рукавишникъ и т. д., и т. д. ихъ же имена Ты, Господи, вѣси!.. Все это, такъ или иначе, начальство или вообще люди, которые чувствуютъ себя на мѣстѣ... Все же остальное—рабочая сила, лошади, хламъ. Къ числу коихъ будешь принадлежать и ты...

— Да я и хочу,—сказалъ я,—быть этой „рабочей силой“, а не какимъ-нибудь „хозяйчикомъ“...

— Ну, конечно, конечно, — съ насмѣшкой заговорилъ Клеоповъ, — мы спастись хотимъ... мы „святъ мужъ“, мы „неоскверниівшійся съ женою“, мы „иже во святыхъ отецъ нашихъ“... Ха, спастись!.. „Аще хощешь душу свою спасти, погубишь ю“... Погубишь именно здѣсь... Здѣсь не люди... Людей здѣсь нѣтъ... здѣсь какія-то старыя протоптанныя подошвы, а не люди, ей-Богу!..

— Такъ зачѣмъ же ты поступилъ сюда?

— Зачѣмъ!?. А за тѣмъ, что я больше никуда не годенъ... Ни-куда! трубы мной затыкать только... Работать я ничего не могу да и не стану... ненавижу работу!.. Способностей нѣтъ... Отовсюду меня гнали... Изъ семинаріи прогнали, въ телеграфисты поступилъ,—прогнали... Нигдѣ не годенъ... Да и больной я: у меня падучая, и пьяница я, и развратникъ, и... и, однимъ словомъ, мнѣ или въ омутъ, или въ монастырь...

— Если ты нигдѣ не годенъ,—сказалъ я,—то и здѣсь вѣдь тоже будешь негоденъ...

— Ну, здѣсь сойдетъ.

— Да вѣдь жилъ уже по монастырямъ, самъ говорилъ... Тоже гнали?..

— Нѣтъ... самъ уходилъ...

— Зачѣмъ?

— Ищу, гдѣ лучше.

— Чего?..

— Жизнь... т. е. харчи, водка, дѣвки, доходъ, ничего не дѣлать и быть кѣмъ-нибудь.

— Да кѣмъ же... игуменомъ, что-ли?..

— Ну, какъ тебѣ сказать: сначала, ну, хоть тар-

тюфчикомъ... не настоящимъ тартюфомъ, а такъ хоть покамѣстъ маленькимъ тартюфчикомъ... Я теперь вотъ начну молиться... для виду, понятное дѣло... спать на голыхъ doскахъ... читать божественное, смирюсь... всякому: „благословите, отецъ"... „какъ ваше святое имя... Въ церковь буду ходить усердно... а тамъ... а тамъ, почемъ знать, можетъ и выплыву... Лѣтомъ можно землянку вырыть гдѣ-нибудь... тамъ спасаться... бабы, глядишь, ходить начнутъ... подаяніе.. Стоитъ вѣдь только мало-мальски хвостъ-то завязить, а тамъ и пойдетъ... Вшей на себя напущу... волосищами обросту... босикомъ ходить буду... Ну, однимъ словомъ, смирюсь, а тамъ послѣ наверстаю...

— А ты уже пробовалъ эдакія штуки-то продѣлывать?— спросилъ я, глядя на него съ нѣкоторымъ страхомъ. Лицо его отъ выпитой водки и вообще отъ сильнаго возбужденія сдѣлалось какое-то звѣриное, страшное, бѣлое, какъ бумага, съ посинѣвшими, трясущимися губами, съ оловянными, тупыми, холодными глазами.

— Пробовалъ,—проговорилъ онъ и скрипнулъ зубами.— Пробовалъ... сорвалось!..

— Ну и теперь сорвется,—сказалъ я.

Онъ помолчалъ, налилъ чаю и сказалъ:

— Увидимъ... не думаю... Надоѣло мнѣ шляться, надоѣло... Я вѣдь гдѣ только не былъ и гдѣ не жилъ!..

Онъ опять помолчалъ, закурилъ согнутую, помятую, такъ называемую „этапную" папироску и воскликнулъ:

— А главное, ходить страшно, вотъ именно теперь, зимой!.. О-о-о, какая это штука!.. Да вотъ въ такомъ-то костюмѣ, какъ мой: въ шляпѣ и брюки на выпускъ... Мука... ей-Богу... Я бы могъ, конечно, въ подрясникѣ вотъ таковскомъ путешествовать, да дѣло въ томъ, что рѣдко примутъ въ монастырь въ такомъ-то костюмѣ... сразу вѣдь видно, что за птица прилетѣла... Ну и стараешься одѣться хоть и плоховато, а всетаки, какъ говорится, „прилично"... Игуменъ, вонъ, скотина, надъ шляпой смѣется... дубина... мужикъ!.. Эта шляпа-то мнѣ доступъ дѣлаетъ заходить къ помѣщикамъ, къ попамъ и вообще къ людямъ, такъ сказать, понимающимъ... Но за-то,—продолжалъ онъ, бросивъ плохо дымившуюся папироску и закуривая другую,—среди этихъ, какъ ихъ величаютъ, „мужичковъ"-то православныхъ, будь они прокляты, смерть!.. О-о-о!—злобно воскликнулъ онъ и опять скрипнулъ зубами,—что можетъ быть подлѣе, отвратительнѣе, нахальнѣе нашего одурѣлаго, отупѣлаго, оскотинившагося, дикаго „мужичка"?.. Медвѣди! Черти!.. Тьфу!.. Сколько я вынесъ насмѣшекъ по поводу шляпы и брюкъ на выпускъ... Какими только кличками не крестили меня! А

бабы?.. А мальчишки?.. О-о-о!.. Идешь деревней, а на тебя какъ на диво глазѣютъ... Да диво и есть... Для нихъ потѣха... спектакль... „Дикой баринъ идетъ!“ „А-а-а, дикой баринъ! Строганныя ляжки... па-а-жалте!.. Бѣлка, Шарикъ, Борзой, втюзы его!.. втюзы его!“ А на ночлегъ, когда по всей деревнѣ, да въ праздничный день, съ одного конца на другой поведетъ десятскій... Вотъ мука-то!.. Идетъ подлецъ потихоньку, ему занятіе, потѣха, а ты готовъ сквозь землю провалиться... Останавливается... разговариваетъ... Дѣвки тутъ гуляютъ, парни... мимо нихъ поведетъ... Ну, конечно, своей особой привлекаешь общее вниманіе... остроты начинаются... разборъ фигуры, критикованіе костюма, насмѣшки, злоба какая-то... „Гдѣ ты такого взялъ?“ „Да вотъ пришелъ... ночевать“... „Глядико-сь, въ шляпѣ... ба-а-ринъ... хо, хо, хо! Пропился, знать... убёгъ... Эй ты, стрюкъ, какъ тебя.. гдѣ шляпу-то упёръ?“ и т. д. и т. д.

— Да,—продолжалъ онъ, опять помолчавъ и что-то подумавъ,—ненавидитъ нашъ „православный мужичекъ“ всё то, что, такъ сказать, имѣетъ форму, похожую, по его понятію, на „барина“, и умѣетъ допечь этого барина, коли видитъ, что онъ безсиленъ, обѣднѣлъ, опустился, не можетъ крикнуть на него цыцъ...

— Да вѣдь причинъ-то для этого много, — сказалъ я,— есть за что и ненавидѣть... Баринъ тоже въ долгу не оставался... Любить-то не за что...

— Ну да, конечно,—согласился онъ,—ты по своему судишь... свой братъ... Да лежачаго-то бить зачѣмъ?..

— А мужика не били?

— Да его и надо, скотину, бить... а то нако: „мужичекъ“, „бѣдный“, „мужичекъ“ такой, сякой, немазанный... „Антонъ горемыка“... А по моему, сволочь дикая это и больше ничего!.. Налить, что ли, еще водочки, а?..

— Наливай себѣ... мнѣ не надо,—сказалъ я.

— Разсердился?..

Я промолчалъ и, чувствуя къ этому человѣку всё больше и больше поднимавшуюся злобу, поднялся съ мѣста и, закуривъ, легъ на свою койку.

— Поѣла свинья, да и на бокъ, — сказалъ онъ, кривя губы,—и спасибо не сказалъ... Сейчасъ видно, что человѣкъ въ скотопригонномъ институтѣ курсъ кончилъ...

Онъ налилъ въ чашку водки, выпилъ, закусилъ колбасой и, посидѣвъ минуты двѣ молча, что-то думая, установившись глазами въ полъ и низко опустивъ голову, поднялся и началъ ходить отъ стола къ двери по узкому проходу между коекъ, задѣвая полами подрясника то за мою койку, то за свою и скребя сапогами по полу, отчего жа-

лобно скрипѣла половица и по временамъ вспрыгивалъ въ лампочкѣ огонекъ, точно собираясь выскочить и улетѣть...

— Спать? — вдругъ спросилъ онъ, остановившись. — Ты вотъ что,—видя, что я молчу, заговорилъ онъ,—убери мою водку... положи подъ голову къ себѣ... не давай мнѣ... убери... на!

Онъ взялъ бутылку съ оставшейся водкой и подалъ мнѣ.

— Убери, не давай!..

— Зачѣмъ?..

— Убери, убери... а я—спать... пить мнѣ не давай... будетъ... Я... не-е-могу...

Я посмотрѣлъ на него—и опять испугался; до того лицо у него было отвратительное, злобное, отталкивающее...

— Я,—продолжалъ онъ, начиная плохо ворочать языкомъ,—пьяный не-е-хорошъ... я... зарѣжу... ножемъ... я... о-о-о!..

Онъ вдругъ,—точно щенокъ затявкалъ,—какъ-то неожиданно дико и страшно заплакалъ.

Я съ испугомъ вскочилъ и, схватя его въ охапку, повалилъ на свою койку.

Онъ захрипѣлъ и началъ биться съ пѣной у рта, дергая ногами, точно зарѣзанный пѣтухъ, дѣлающій въ предсмертной агоніи послѣднее движеніе.

— Падучая!—съ ужасомъ подумалъ я, — что же теперь дѣлать?

Я чувствовалъ, какъ меня бьетъ лихорадка... какъ трясутся мои руки, и ужасъ или что-то страшнѣе ужаса наполняетъ душу...

Въ страхѣ, не зная что дѣлать, боясь взглянуть на его исказившееся, посинѣвшее съ пѣной у рта лицо, я схватилъ съ лежанки подрясникъ и накрылъ ему голову.

Онъ какъ-то сразу стихъ...

Я потихоньку поднялъ подрясникъ и посмотрѣлъ ему въ лицо, боясь—не умеръ ли онъ.

Лицо было темносинее, глаза закрыты... Онъ спалъ, рѣдко и съ трудомъ открывая и медленно закрывая ротъ, и былъ похожъ на пойманнаго въ рѣкѣ и засыпающаго на берегу большого сома.

Я опять прикрылъ его и, убавя въ лампочкѣ огня, прилегъ на его койку, всё еще чувствуя, что весь трясусь, и что вотъ-вотъ начну плакать...

XXIII.

Прошло часа два... Я дрожалъ, слыша сквозь дремоту, какъ дышетъ и сопитъ носомъ мой будущій и, по правдѣ сказать, непріятный для меня сожитель...

Въ кельѣ, помимо его дыханья, стояла мертвая, пугающая тишина...

Стоявшая на столѣ лампочка чуть горѣла, освѣщая только поверхность стола, край койки, часть подоконника, а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ кельи, по угламъ наверху и внизу была тьма, и я съ разстроенными нервами боялся глядѣть въ эти темные углы. Мнѣ чудилось, что тамъ стоятъ черныя въ длинныхъ мантіяхъ фигуры давно умершихъ и жившихъ въ этой кельѣ старцевъ, которые смотрятъ на меня суровыми, презрительными, осуждающими глазами и шевелятъ своими тонкими, высохшими губами неслышныя, но понятныя мнѣ слова:

— „Зачѣмъ ты здѣсь?.. Зачѣмъ ты здѣсь?..“

Кто-то точно вдругъ ударилъ меня по головѣ... Я проснулся, открылъ глаза и сразу закрылъ отъ той картины, которую увидалъ.

Сосѣдъ мой сидѣлъ на койкѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и спалъ съ открытыми глазами. Глаза эти глядѣли прямо на меня, не видя меня, съ какимъ-то особенно невыразимо-страшнымъ выраженіемъ.

— Что ты?—спросилъ я, думая, что онъ не спитъ, и еще больше испугался отъ звука своего собственнаго, странно поразившаго тишину кельи, голоса.

Онъ молчалъ... Я потихоньку, чувствуя леденящій ужасъ, спустился съ койки и прибавилъ въ лампѣ огня.

— Что ты?—снова спросилъ я и дотронулся до его плеча рукой. Онъ молчалъ... Лицо его было блѣдно... Углы губъ спущены, и съ нихъ свисла запекшаяся пѣна...

Отъ страха я началъ трясти его за плечи, повторяя:

— Что ты? Что ты? Что ты?!..

Онъ, какъ тетеревъ на току, заболталъ что-то языкомъ, съ какимъ-то особеннымъ бульканьемъ въ глоткѣ, точно кто полоскалъ бутылку, и вдругъ, соскочивъ съ койки, растопырилъ руки, словно играющій въ жмурки, и побѣжалъ къ двери, громко крича:

— Мамаша! Мамаша! Мамаша!..

Наткнувшись на стѣну, онъ началъ шарить по ней руками, точно стараясь поймать кого-то, и повторялъ:

— Мамаша! Мамаша! Мамаша!...

Я бросился къ нему и, схвативъ сзади въ охапку, потащилъ и посадилъ на койку... Онъ проснулся, долго (очевидно, не понимая, гдѣ находится), глядѣлъ на меня, моргая глазами, потомъ сказалъ: „ты что, а?"—повалился внизъ лицомъ и сейчасъ же уснулъ снова...

Я опять легъ. Но спать уже больше не могъ... Сонъ прошелъ совсѣмъ, и снова гнетущія, тяжелыя мысли начали терзать меня, нагоняя на сердце мучительную скорбь...

Времени, по моему разсчету, было немного: часъ второй пополуночи... Что же дѣлать и какъ провести другую, болѣе долгую часть этой ужасной, мучительно-безконечной ночи?..

Я всталъ, поднялъ изъ груды валявшихся на полу книжекъ первую попавшуюся подъ руку и, усѣвшись на табуретку къ столу, сталъ читать.

„На утро слѣдующаго дня,—читалъ я крупную на сѣрой мятой бумагѣ печать,—Діоклитіанъ сѣлъ на судилище и, призвавъ къ себѣ св. Георгія, началъ ласково говорить съ нимъ, удерживая гнѣвъ: „не видишь ли ты, Георгій, какъ я человѣколюбивъ и милостивъ къ тебѣ, что до сихъ поръ терплю тебя" и т. д., и т. д.

Я перевернулъ листы и прочелъ заглавіе книжки съ начала до конца, какъ Чичиковъ афишку: „Житіе, страданія и чудеса св. Георгія великомученика и побѣдоносца (Съ изображеніемъ). Составлено по Четьи-Минеѣ. Москва. Въ университетской типографіи. (М. Катковъ). На Страстномъ бульварѣ. 1879 г."... Я закрылъ книжку и, тоскуя и не зная, какъ отвязаться отъ тоски, снова легъ на койку,—не съ тѣмъ, чтобы спать, а просто полежать и подумать. Долго ли я лежалъ такъ—не знаю. Время для меня не существовало. Мнѣ только казалось, что оно тянется безконечно долго,—какъ вдругъ совершенно неожиданно въ дверь кельи изъ корридора постучали, и вслѣдъ за этимъ стукомъ раздался въ замочную дырку голосъ, часто и немного въ носъ говорившій: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!"

— Аминь!—радостно отозвался я и, соскочивъ съ койки, отперъ дверь.

Въ келью вошелъ молодой, прихрамывающій на лѣвую ногу, румяный (отъ мороза) послушникъ и, окинувъ какъ-то подозрительно глазами всю келью и нюхая воздухъ, сказалъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой на тонкихъ губахъ и скаля желтые большіе зубы:

— Картошку чистить ступайте... На трапезну... Что жъ ты это не спишь-то?—задалъ онъ вопросъ, подходя къ столу и глядя на оставшуюся не прибранной колбасу. — Ишь ты, продолжалъ онъ, — какъ живете, по господски... Колбаса... Хы!.. А энтотъ-то что-жъ спитъ? — показалъ онъ на Клеопова, — аль напился здорово? Водкой-то какъ у васъ тутъ пахнетъ—страсть!.. Хы!.. У васъ дѣвки нѣтъ ли тутъ, а?.. По первому разу, а ужъ за водку... Не боитесь? Гдѣ жили-то допрежь... въ какомъ монастырѣ?.. — И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—Буди пріятеля-то... картошку чистить пойдемте...

— Онъ боленъ,—сказалъ я,—нечего его и будить...

— О-о-о!.. Ну, ладно, мнѣ все едино: пущай спитъ... Мнѣ велѣли сходить за вами, я и пошелъ... Одѣвайся... Ты одѣвайся теплѣе,—продолжалъ онъ, глядя, какъ я надѣваю подрясникъ и подпоясываюсь ремнемъ, — на дворѣ морозно страсть. Рукавицъ то у тебя нѣтъ? Не дали? Холодно безъ рукавицъ-то... А подъ утро, гляди, еще лютѣе будетъ...

— А теперь сколько времени?—спросилъ я.

— Третій въ началѣ, — отвѣтилъ онъ и, немного помолчавъ и глядя на меня, потихоньку и словно конфузясь, спросилъ:

— А что, рабъ Божій, водочки у васъ не осталось?.. Глотнуть бы чутокъ, а?..

— Нѣтъ, не осталось,—сказалъ я,—какая водка!..

— Ну, колбаски дай кусочекъ,—какъ то жалобно, точно ребенокъ конфетку, попросилъ онъ.

Мнѣ стало и смѣшно, и жалко его; налилъ ему немножко въ чашку водки и отрѣзалъ колбасы.

Онъ взялъ у меня изъ рукъ чашку правой, сильно трясущейся отъ волненія, рукой и сталъ какъ то медленно, противно „сосать" водку, словно черезъ соломенку, чмокая губами и закрывъ, вѣроятно, отъ сильнаго удовольствія, глаза...

— Спаси Христосъ, – произнесъ онъ, выпивъ и принимаясь за колбасу. — Хо-о-о-рошо! Спаси Христосъ! Этимъ только и дышемъ... пра, ей-Богу! Выпьешь — другой человѣкъ... а то помирать надо, рабъ Божій, ей-Богу... Скука! Работа, а денегъ нѣтъ... Вотъ кабы деньги... Эхъ!.. Сюда на ночь въ келью бабу можно... Ей-Богу! Нѣмая ходитъ изъ села, водку носитъ... Дешево беретъ... Сколько угодно... У нашего Гааза нѣтъ отказа... ей-Богу...

— Пойдемъ!—сказалъ я.

— Погоди... Не торопись прежде отца въ петлю... Успѣемъ. Покурю, вотъ, погоди...

Онъ сѣлъ на край койки, вытянулъ ноги, досталъ изъ

кармана подрясника небольшой мѣшечекъ-кисетъ, свернулъ „крючекъ“ и, закуривъ его отъ лампы, опять сѣлъ.

— А ты пѣвчій?—спросилъ онъ, сплевывая какъ-то особенно противно, по фабричному, сквозь зубы, „цыкая“ на полъ,—пѣть умѣешь?..

— Нѣть не умѣю,—отвѣтилъ я, чувствуя къ нему сразу явившееся отвращеніе. — Вотъ онъ пѣвчій, — кивнулъ я на спящаго Клеопова.

— Ишь ты,—произнесъ послушникъ.—Гы! Ишь ты!.. Ему хорошо... На работу гонять не будутъ... Деньги у васъ, должно быть, есть, а?.. Водку пьете,—какъ, чай, не быть?.. Хорошо съ деньгами-то!.. Одежу то свою продавать, небось, станешь?.. Давай я продамъ!..

— Какую одежу?..

— Свою... вонъ пальто, шапку, сапоги... Чудакъ,—деньги дадутъ... Здѣсь готовая, монастырская... Всѣ продаютъ...

— Какъ же такъ?—удивился я.—А если мнѣ уйти придется... если я не стану здѣсь жить?..

— Эка штука!.. Нукштожъ!.. Дадутъ, голаго не пустятъ... Подрясникъ дадутъ... все!.. Знамо, ужъ не безъ ругани... Наплевать, пущай ругаютъ... Ругай, не ругай, а ничего не попишешь... Я-бъ тебѣ продалъ... Я знаю, кому... И цѣну возьму... Ты, смотри, самъ то вновѣ, наскочишь... Ну, знамо, мнѣ за хлопоты... Дорого не возьму... всего за половинку...

— Пойдемъ!—опять сказалъ я.

Онъ бросилъ окурокъ, поднялся съ мѣста и, потянувшись, сказалъ:

— Нну-у, пойдемъ!.. Еще бы выпить, а?.. Осталось... Я поутру раздобылъ бы опохмѣлиться-то, а?..

Я молча убавилъ въ лампѣ огня, убралъ бутылку съ оставшейся водкой и, взявъ колпакъ, опять сказалъ:

— Пойдемъ?..

— Пойдемъ, — нехотя повторилъ онъ, поглядѣвъ на то мѣсто, куда я поставилъ бутылку,—дверь-то запрешь?..

— А что?..

— Да такъ, молъ... проснется товарищъ-то... захочетъ до вѣтру... анъ заперто!..

— Ничего, — отвѣтилъ я, выходя вслѣдъ за нимъ изъ кельи въ корридоръ, и, заперевъ дверь, сунулъ ключъ къ себѣ въ карманъ...

— Знамо, такъ-то лучше,—сказалъ онъ, слѣдя за мной,—а то тутъ недавно обокрали одного, дьякона Ивана... Не заперъ, позабылъ, ушелъ къ заутрени, а тутъ его и схолили... А то лѣтось въ окно къ одному тоже влѣзли... все обобрали.

— Кто же?..

— Да кто же... знамо, свои... чужой не полѣзетъ... свои воры, знамые...

— Ну, ну, — невольно съ горечью подумалъ я, выходя вслѣдъ за нимъ изъ корридора въ холодныя, темныя, вонючія сѣни.—Вотъ такъ тихое пристанище!..

XXIV.

На дворѣ было, дѣйствительно, страшно холодно... Морозъ, когда мы пошли отъ крыльца, какъ-то особенно скрипѣлъ подъ ногами, точно громко плакалъ ребенокъ... На темно-синемъ небѣ тихо горѣло, въ невыразимо-прекрасной красотѣ, несмѣтное количество звѣздъ... Внизу, въ стѣнахъ монастыря, было темно, печально и какъ-то страшно...

Мнѣ невольно пришли на память мои недавніе попутчики въ дорогѣ, Гурей и Гультикъ... Гдѣ они теперь? Навѣрно, спятъ на страннѣ, среди такихъ же несчастныхъ, голодныхъ, безпріютныхъ людей, въ грязи, обсыпанные вшами, а я вотъ здѣсь... иду „на послушаніе", потомъ приду въ келью, буду пить чай въ сравнительно чистой обстановкѣ, въ теплѣ, одѣтый и обутый...

Что-то нехорошее закопошилось у меня въ душѣ, и снова, какъ будто, кто-то началъ нашептывать въ уши:

— Зачѣмъ ты здѣсь? Зачѣмъ ты здѣсь?

Вдали тускло и слабо мерцалъ одинокій огонекъ... Послушникъ шелъ на него по твердой и ровной, какъ полъ, утоптанной тропинкѣ... Огонекъ, какъ оказалось, горѣлъ въ фонарѣ, висѣвшемъ при входѣ въ трапезную...

Мы вошли въ темныя сѣни, а затѣмъ поднялись наверхъ на площадку, гдѣ тускло, чуть-чуть пущенная, горѣла на стѣнѣ лампочка, освѣщавшая площадку, уголъ лѣстницы и обитую старой засаленной клеенкой дверь...

Послушникъ дернулъ эту прилипшую къ косякамъ дверь, чмокнувшую при открытіи, и я вслѣдъ за нимъ вошелъ по черному ходу въ кухню монастырской трапезной...

Въ кухнѣ было жарко... Топилась огромная русская печка, ярко освѣщавшая, вмѣстѣ съ висѣвшей подъ потолкомъ лампой, всю обстановку кухни.

Старый, сѣдой, сутуловатый монахъ, о. поваръ, въ одной длинной, бѣлой, засаленной рубашкѣ, въ такихъ же штанахъ, въ опоркахъ на босую ногу, съ волосами, подвязанными ремешкомъ, чтобы не лѣзли на глаза, какъ у портныхъ, „орудовалъ" около печки, въ которой стояли огромные чугуны, которые вытаскивались въ случаѣ нужды ухватомъ, пристроеннымъ на колесикахъ...

Съ боку печки была устроена длинная, съ отдѣльной топкой, плита, на которой иногда въ торжественныхъ случаяхъ, по большимъ праздникамъ или во время пріѣзда „особъ“, готовились болѣе изысканныя блюда...

Между этой плитой и длиннымъ столомъ, заставленнымъ деревянными крашенными красной краской чашками и сваленными, какъ попало, грудой, ложками былъ довольно широкій проходъ къ двери, ведущій въ трапезную, и другой проходъ, поуже, налѣво, между печкой и стѣной, ведущій въ помѣщеніе, гдѣ обѣдали монастырскіе рабочіе и гдѣ происходила чистка картошки, рыбы, рѣзка на ровныя части „укрухи“ хлѣба и т. д....

— Ты что-жъ это, анафема,—накинулся поваръ на приведшаго меня послушника,—за смертью тебя, дармоѣда, посылать, а?.. Разорваться мнѣ одному-то тутатко, а?.. Ахъ ты, сукинъ сынъ, обормотъ!..

— Залаялъ...—равнодушно отвѣтилъ послушникъ.—Ну, ну, потявкай, потявкай, борзой...

— Убью!—закричалъ поваръ, замахиваясь на него какой-то палкой, —ма-а-шенникъ. Необузданный аммаликъ!.. Игумену скажу... пьяница, мучитель!..

Послушникъ ничего не отвѣтилъ и, молча, провелъ меня по узкому проходу въ помѣщеніе, гдѣ происходила чистка картошки...

Это была узкая комната, похожая на корридоръ, заставленная во всю длину съ одного конца до другого двумя длинными столами и такими же длинными около нихъ скамейками... Надъ столами съ обѣихъ концовъ висѣли двѣ лампы, ярко освѣщавшія всю комнату.

Въ переднемъ углу висѣла большая, почернѣвшая отъ времени и копоти, икона Николая Чудотворца... Стѣны, выкрашенныя какой-то темно-желтой краской, были „расписаны“ изображеніями святыхъ и сценами изъ исторіи Іосифа, начиная отъ продажи его братьями, эпизодомъ съ женой Пентефрія и т. д.

За длиннымъ столомъ, когда мы пришли, сидѣли уже человѣкъ десять и чистили картошку. У каждаго былъ небольшой, одинаковой формы, сдѣланный изъ обкосковъ, ножикъ... По концамъ стола и посрединѣ стояли три большихъ чашки, въ которыя кидалась очищенная отъ шелухи картошка...

— Садись,—сказалъ мнѣ приведшій меня послушникъ,—сейчасъ я тебѣ ножикъ дамъ... А фартука-то у тебя нѣтъ? Какъ же ты безъ фартука-то?.. Неловко... фартукъ—присяга наша... На пока мой, садись вотъ сюда... ладно! Вотъ тебѣ картошка... чисти со Христомъ...

Стѣсняясь и чувствуя, что на меня смотрятъ, я присѣлъ на указанное мѣсто и принялся за свое первое „послушаніе“...

XXVI.

Въ комнату, между тѣмъ, входили новые „чистильщики“, монахи и послушники... Въ общемъ, въ концѣ концовъ, собралось человѣкъ пятнадцать... Большинство изъ нихъ были послушники,—народъ все молодой, недавно поступившій, не успѣвшій еще путемъ отростить на головѣ волосъ и, судя по ухваткамъ и разговорамъ, отпѣтый, видавшій виды и поступавшій въ монастырь не съ цѣлью „спастись“, а просто, чтобы приткнуться на зиму, на холодное время...

Среди этой гогочущей, курящей, сыплющей сквернословіемъ, „отпѣтой братіи“ сидѣло человѣкъ шесть угрюмыхъ и странныхъ съ виду, очень плохо одѣтыхъ, монаховъ.. Двое совсѣмъ старики, съ бѣлыми на головѣ и бородахъ волосами... Всѣ они сидѣли молча и съ какой-то жалкой покорностью старательно чистили картошку, робко и быстро, испуганными глазами поглядывавя направо и налѣво, съ странными улыбками на старыхъ лицахъ.

Въ особенности страненъ и жалокъ былъ одинъ изъ этихъ монаховъ, сидѣвшій насупротивъ меня, по ту сторону стола, худощавый, высокаго роста, съ рыженькой общипанной бороденкой, съ очень жидкими и жалкими усиками на тонкой сѣровато-синей губѣ...

Монахъ этотъ, въ свою очередь, почему-то обратилъ на меня вниманіе. Всякій разъ, какъ я взглядывалъ на него, онъ уже глядѣлъ на меня и, казалось, точно ждалъ моего взгляда, для того, чтобы какъ-то по-идіотски открыть ротъ съ лошадиными черными зубами и неслышно засмѣяться, щуря маленькіе, безсмысленно-жалкіе глазки.

— Я... у... у... ѣду,—заговорилъ вдругъ онъ, поймавъ мой взглядъ и ухмыляясь,—рабъ Божій, я... я... уѣду... ей-Богу...

— Куда вы уѣдете?—невольно спросилъ я, видя, что слова его относятся ко мнѣ, и что онъ глядитъ на меня своими глупыми и вмѣстѣ жалкими „глядѣлками“, точно моля, чтобы и я сказалъ что-нибудь...

— Хо, хо, хо!—заржалъ вдругъ послушникъ, сидѣвшій рядомъ со мною, молодой, толстолицый, здоровенный, обросшій черными, курчавыми, тщательно расчесанными волосами.—„Вы“,—передразнилъ онъ меня и, обратившись къ другимъ, закричалъ:—Братцы! Гляди-ка-сь, нашъ Ваня-то Ду-

раня въ господа попалъ... „вы“ ему говорятъ... „Куда вы поѣдете?“—опять передразнилъ онъ меня и заржалъ еще пуще...

Молодые послушники тоже засмѣялись и всѣ, какъ-то сразу, обратили вниманіе на меня и на моего визави...

— Куда вы поѣдете?—опять повторилъ мой сосѣдъ:—го, го, го!.. „Вы“!.. Да ты, чудородъ Иванычъ, нешто не видишь: дурачекъ онъ, полоумный!.. Гляди-ка, рожа-то! Мы его такъ и зовемъ „Ваня Дураня“... Эй, ты,—грубо обратился онъ къ не перестававшему глупо ухмыляться Ванѣ,—куда ты, рыжій чортъ, поѣдешь-то?..

— Въ Москву поѣду... уйду... что-жъ... меня за насилку,—какимъ-то скрипучимъ, жалкимъ голосомъ, не спуская съ меня глазъ, заговорилъ монахъ.—Я,—онъ прищурилъ лѣвый глазъ, стараясь изобразить на своемъ лицѣ хитрость,—потихоньку... а то они не пустятъ... черти-то не пускаютъ... че-е-е-рные черти-то... ей-Богу...

— Хо, хо, хо!—смѣялись послушники:—Ваня-Дураня кого чертями-то величаешь?..

— Заперли меня,—продолжалъ, не обращая на нихъ вниманія и все съ той же улыбкой „Ваня-Дураня“:—держутъ здѣся... а я не хочу... я въ Москву, я потихоньку отсюда... ночью... ей-Богу... а то черти-то... игуменъ чортъ!.. бо-о-о-льшой чортъ! У него хвостъ есть... а рога-то, погляди-ка-сь, какъ у быка... че-е-е-рные!.. Ей-Богу... хи, хи, хи!..

Я смотрѣлъ на его жалкое лицо, и мнѣ вдругъ стало жутко...

— Меня не удержишь,—продолжалъ идіотъ-монахъ.—Я потихоньку... насилкой держутъ, а? Черти-то... че-е-е-рные... ей-Богу.

— Нѣтъ, братъ, Ваня - Дураня, отседа не уйдешь... Нѣ-ѣ-тъ, шалишь, мамонишь, на грѣхъ наводишь!—сказалъ мой сосѣдъ и, обернувшись ко мнѣ, прибавилъ:— Его, землякъ, взаправду,—не вретъ онъ,—занасилку здѣся держутъ... Дурачекъ онъ... Да и эти-то вотъ всѣ,—кивнулъ онъ на остальныхъ, молча сидѣвшихъ пожилыхъ монаховъ,—неплошь его полоумные... Имъ только и дѣло—картошку чистить, навозъ рыть, самую сволочную работу дѣлать... А этотъ-то,—продолжалъ онъ, показавъ ножомъ на моего визави,—московскій... купеческій сынокъ... отецъ-то у него бо-о-о-гатый!.. Магазинъ свой имѣетъ... сюды вотъ его и законопатилъ, на поправку... съ глазъ долой... Двадцать пять бумажекъ каждый мѣсяцъ платитъ... отчитываетъ его здѣсь одинъ... Амфилоѳіемъ звать... Ну, да только этого Амфилоѳія слѣдовало бы за хвостъ да объ уголъ... Ужъ онъ, Ваня-то, не одинъ разъ бѣгалъ,—разъ верстъ пятнадцать по боль-

шаку удралъ.. догнали... Плохо ему здѣсь... обовшивѣлъ... Кому нуженъ-то?.. Игумену только денежки подай... любитъ лучше водки...

— Да вѣдь здѣсь не сумасшедшій домъ,— сказалъ я,— нельзя вѣдь держать такихъ...

— Ну, нельзя! Здѣсь все льзя... кому нужно-то?.. Монахъ и монахъ... Ишь его въ одежу ангельскую нарядили, чтобы, значитъ, глаза не мозолилъ... Когда народу много, его и на дворъ не пускаютъ... Запрутъ въ кельѣ, сиди... а то въ башню... каморка тамъ есть такая,—гробъ каменный... посиживай... любота! И не хошь съ ума сойти, такъ сойдешь... Его, главная причина, нельзя выпускать-то... пристаетъ ко всякому, жалуется... плакать примется... конфузно!

— Эй, Ваня-Дураня,— обратился онъ снова къ больному,—нука-сь, разскажи про любовницу-то про свою, про невѣсту то, а? Про Дуняшу-то, про „Дудочка"-то своего... Какъ ты съ ней погуливалъ, ночки просиживалъ, въ баню ѣздилъ?.. Обнимались, цѣловались... ну-ка, ну-ка! Только, чуръ, не плакать, а плакать начнешь—прибью... за волосья оттаскаю... ей-Богу. Вѣдь онъ у насъ,—снова заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, послушникъ,—женихъ: у него невѣста въ Москвѣ, Дунька какая-то... Начнетъ разсказывать, плакать примется... И смѣхъ на него, и жалко... ей-Богу. Загубили ни за что малаго, сволочи... Дунька-то эта, ишь, портниха какая-то... спутался онъ съ ней, ребенка прижили... жениться хотѣлъ... ну, а отецъ, извѣстно, на дыбашки... Онъ съ огорченья пить... Пилъ, пилъ, да и съ копыльевъ долой... спятилъ!.. Его, вотъ, сюда любезный родитель и заладилъ на поправку... А здѣсь поправятъ! Здѣсь свое дѣло знаютъ!.. Самъ посуди: худо ли двадцать пять бумажекъ получать задаромъ... Здѣсь и здоровый-то очумѣетъ... Такъ вотъ и живетъ... Горе, истинный Господь... А ты самъ-то откеда? Дальній?—спросилъ онъ и, видя, что я не отвѣчаю, обернулся къ послушникамъ и сказалъ:— Споемъ-ка, ребята... Носъ, валяй за канонарха...

Молодой, долгоносый послушникъ, сидѣвшій на другомъ концѣ стола и носившій названіе „Носъ", ухмыльнулся и затянулъ, подражая канонарху, высочайшимъ теноромъ:

— Монаховъ мно-о-о-о-жество!

— Монаховъ мно-о-о-жество!— повторили на разные голоса послушники...

— И всѣ они пья-я-я-ницы!—началъ опять канонархъ.

— И всѣ они пья-я-я-ницы!—дружно, весело, вслѣдъ за нимъ, подхватили послушники, и началось пѣніе такихъ „куплетовъ", которые повторять здѣсь неудобно...

XXVI.

Начиствивъ картошки сколько было надо, о. поваръ „благословилъ“ насъ кончать и расходиться.

Вмѣстѣ съ другими и я вышелъ изъ трапезной... На дворѣ было еще совсѣмъ темно, тихо и очень морозно...

Въ одной изъ церквей шла ранняя служба... Я вошелъ туда и, неловко путаясь въ своемъ долгополомъ костюмѣ, стѣсняясь, стыдясь и думая, что на меня всѣ смотрятъ и осуждаютъ, на цыпочкахъ, осторожно ступая, пробрался направо въ дальній уголъ. Здѣсь стоялъ только одинъ бѣлобородый древній „старецъ“ и спалъ стоя, по привычкѣ, какъ казакъ на лошади... Я сталъ позади его, прижавшись въ углу. Въ церкви было тихо, полутемно и совсѣмъ малолюдно. Издали, съ праваго клироса, доносились звуки дребезжащаго старческаго голоса, читавшаго что-то и для кого то, но что именно и для кого—неизвѣстно... Слушателей вообще, какъ я уже и упомянулъ, было не много, и эти немногіе, по большей части все какіе-то древніе старцы, слушали поневолѣ, т. е. отбывали свои обязанности,—явиться въ церковь, отстоять здѣсь извѣстное время, кланяться, когда надо, по заведенному порядку, отдыхать во время „поученій“, пошептаться съ сосѣдомъ по поводу какой-нибудь мелочной сплетни и, отбывъ такимъ образомъ свое „послушаніе“, идти къ себѣ домой, въ келью, гдѣ есть самоваръ, жарко натопленная лежанка, „табачишко“,—гдѣ все: каждая книжка, картинка, какая-нибудь коробочка, чашка съ отбитой ручкой, хрустальная отъ графина пробка, все это лежитъ или стоитъ по разъ навсегда опредѣленнымъ мѣстамъ...

Наверху, гдѣ были узкія окна въ толстыхъ стѣнахъ, стояла глубокая тьма, и туда какъ-то страшно было смотрѣть, точно вотъ-вотъ изъ этого чернаго, какъ чернила, мрака упадетъ что-то большое, могучее, страшное и придавитъ всѣхъ и все находящееся внизу.

На душѣ у меня было нехорошо. Неотвязная грусть, какъ змѣя, съ каждой минутой, все больше и больше опутывала и сдавливала мое сердце...

Постоявъ немного, я почувствовалъ ясно, что я далекъ отъ того, что называется молитвой, и что все это, и полумракъ, и запахъ ладана, и темныя фигуры монаховъ,—все это чуждо для меня, непріятно, невыносимо... Я пошелъ изъ угла по направленію къ выходнымъ дверямъ, чтобы пойти въ келью и лечь спать...

Около двери, по обѣимъ сторонамъ ея, направо и налѣво, сидѣли на скамейкахъ монахи и, похожіе на вороновъ, по обыкновенію клевали носами... Я уже подошелъ къ двери, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, сидѣвшій съ краю, протянулъ руку, поймалъ меня за полу подрясника и прошепталъ охрипшимъ, точно съ сильнѣйшаго перепоя, голосомъ:

— Ты чего шатаешься?.. Гулять сюда пришелъ?

— А тебѣ какое дѣло?—грубо отвѣтилъ я.

Монахъ потихоньку засмѣялся и, поднявшись со скамейки, вышелъ вмѣстѣ со мной на паперть..

На паперти, передъ дверью въ церковь, горѣлъ привѣшенный на цѣпочкѣ, въ мѣдной оправѣ, фонарь и довольно ярко свѣтилъ.

Я посмотрѣлъ на монаха... Онъ, къ моему удивленію, былъ еще совсѣмъ не старый, но уже посвященный „въ ангельскій чинъ", т. е. носилъ уже мантію...

Лицо у него было пухлое, бѣлое, точно сквозное; глаза небольшіе, узкіе, налитые какой-то мутью, непріятные и даже какіе-то жуткіе... Онъ щурилъ ихъ, глядя на меня, и отъ этого вмѣстѣ съ какой-то отвратительной улыбкой на тонкихъ блѣдныхъ губахъ они дѣлались еще противнѣе...

— Ты куда-жъ это торопишься, бѣжишь? — шутливо, хриплымъ голосомъ, скаля зубы и подмигивая глазами, ухвативъ меня за подрясникъ, спросилъ онъ.

— Домой,— отвѣтилъ я,—къ себѣ въ келью.

— Та-а-а-къ... Пойдемъ ко мнѣ!..

— Зачѣмъ? — спросилъ я и пошелъ съ паперти. Монахъ послѣдовалъ за мной и, выйдя на дворъ, гдѣ все еще было темно, схватилъ меня опять, какъ и въ церкви, за полу, и шепотомъ сказалъ:

— Водку пьешь?—и, не дожидаясь моего отвѣта, зашепталъ, стараясь схватить меня за руку:—Какъ, чай, не пить—пьешь... Я тебя угощу... ты не бойся... у меня и деньги есть... ты не бойся... ты вновѣ, не знаешь, а я здѣсь съ малыхъ лѣтъ, я привыкъ... Погоди, и ты поживешь, узнаешь... Я никому не скажу... Пойдемъ! Чай будемъ пить съ вареньемъ земляничнымъ... Хо-о-о-рошее варенье... ей-Богу... Пойдемъ!

Онъ поймалъ меня за руку и потащилъ было куда-то въ сторону, шепча:

— Иди, иди... иди, *дурочка,* не бойся!.. Ахъ ты, глупая, гусливая... тебя какъ звать-то, цвѣточекъ... го-о-о-лубенокъ! Цыпка... цыпъ, цыпъ, цыпъ...—защелкалъ онъ и неожиданно потянулся ко мнѣ цѣловаться...

Съ чувствомъ отвращенія, я, не утерпѣвъ, ткнулъ его кулакомъ въ грудь... Онъ отскочилъ, согнулся и торопливо, почти бѣгомъ, бросился назадъ къ церкви...

— Тьфу!—плюнулъ я со злостью и пошелъ по направленію къ святымъ воротамъ, откуда я уже зналъ какъ попасть, обойдя кругомъ башню съ флюгеромъ, къ себѣ, въ келью.

XXVII.

Оставленный мною взаперти въ кельѣ, „братъ" Степанъ Клеоповъ уже не спалъ. Онъ лежалъ навзничь, подложивъ подъ голову руки, и смотрѣлъ въ потолокъ. На столѣ горѣла ярко пущенная лампочка...

Въ кельѣ былъ тяжелый, спертый, отвратительный запахъ перегара, смѣшавшагося съ прокислымъ и тоже отвратительнымъ запахомъ дешевыхъ папиросъ... На столѣ, подъ краномъ самовара, стояла лужа... Вся убогая обстановка этой похожей на гробъ кельи, вмѣстѣ съ валявшимся на койкѣ полупьянымъ „братомъ", произвела на меня, и такъ уже переполненнаго по горло гадкими чувствами, еще болѣе тягостное впечатлѣніе...

— Помолился?—спросилъ „братъ", щуря глаза и ухмыляясь.

— Нѣтъ... картошку чистилъ,—отвѣтилъ я и тоже, глядя на него, легъ навзничь на свою койку.

— Ишь, подлецы, не успѣлъ человѣкъ поступить, сейчасъ и того... пожалуйте... Ну, а я-то какъ же?

— Ты спалъ... Я сказалъ, что ты нездоровъ.

— Спасибо! А водки осталось?

— Есть немного.

— Давай-ка!

Онъ сѣлъ, выпилъ всю оставшуюся водку, закурилъ и опять легъ.

— Скверно!—сказалъ онъ.

— А что?

— На душѣ скверно... злость какая-то... тоска... провалиться бы сквозь землю и съ монастыремъ-то!.. Чортъ знаетъ, что за жизнь. Удавиться развѣ?—веревки не стою... Утопиться?—воду опоганишь... тьфу! И на кой только чортъ меня мой покойный Кондратій Терентьевичъ на свѣтъ пустилъ?.. Съ пьяныхъ глазъ, навѣрно, да отъ нечего дѣлать... Не было бы меня, какъ бы хорошо было, а?..

Онъ подождалъ, что̀ я скажу, и, не дождавшись, продолжалъ:

— Что молчишь?.. Обдумываешь, какъ въ монастырѣ жить?.. Ха! какіе мы, братъ, монахи! Мы не монахи... мы старые опорки... дармоѣды... язва... тьфу! Насъ удавить мало... Ну,

зачѣмъ ты сюда пришелъ, а?.. По убѣжденію, что ли?.. Эдакой, подумаешь, Савонарола!..

Онъ захихикалъ, бросилъ окурокъ и, повернувшись на бокъ, лицомъ ко мнѣ, спросилъ:

— У тебя родители-то живы?.. Что не отвѣчаешь, а?.. Аль тебѣ тамъ на картошкѣ-то языкъ отшибли... А у меня такъ вотъ мать еще жива,—продолжалъ онъ,—зда-а-а-ровая, братъ, еще бабища... Отца, Кондратія Терентьича, того нѣтъ давно... умеръ.. Паче всего покойникъ водочку любилъ.. Помню, пьяненькій любилъ напѣвать: „когда умру, то не пишите, каковъ онъ былъ и что онъ былъ, а только два слова скажите: па-а-а-койникъ водочку любилъ"... Пилъ здо-о-рово!.. А вѣдь замѣть,—и самъ-то весь былъ точно глистъ!.. Длинный, паршивый, нескладный, съ кадыкомъ огромнымъ на шеѣ... Бывало, кричитъ на клиросѣ пьяный: „Подай, Господи!"—а кадыкъ-то этотъ трясется и булькаетъ въ немъ что-то... Противно! Вотъ я на него похожъ отчасти...

— Девять человѣкъ насъ, ребятъ, у него было... Девять, замѣть! Постольку дѣтей, при анаѳемской жизни и условіяхъ, только кутейники и способны имѣть... Насчетъ этого они всѣ таланты... Постель такъ по цѣлымъ суткамъ и не убирается...

— И какъ жили только,—уму непостижимо, ей-Богу... Отца я всегда помню пьянымъ, и постоянно его мать колотитъ... Мать—женщина здоровая, высокая, гвардеецъ: стукнетъ если кулакомъ—вола убьетъ! Ужъ и била она покойника... Н-да! плачетъ онъ, бывало: „матушка, не буду! голубушка, не буду!" А она его за волосья волочитъ по полу, ногами куда попало, у самой пѣна изо рта... глаза страшные... У-у-у, братъ, страшно!.. Страшно, братъ, ей-Богу...

— Н-да!—заговорилъ онъ опять, помолчавъ,—помню такого рода случай: мнѣ въ то время было лѣтъ восемь—понималъ ужъ я все, грамотѣ учился... Постомъ дѣло было, на страстной недѣлѣ, въ четвергъ... Все ужъ таяло, апрѣль былъ... Скворцы прилетѣли, жаворонки, журавли, вода это вездѣ, солнышко яркое, тепло... праздникъ великій на носу... „Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!" радуются всѣ... ждутъ... Охъ,—воскликнулъ Клеоповъ, перевернувшись снова навзничь—хорошее время! Люблю я этотъ праздникъ... А тогда-то, въ ребячествѣ-то... Господи, Создатель! Такъ, бывало, сердчишко и прыгаетъ... и самъ не знаешь, что такое, а радостно, и счастливо, и весело!.. Всю ночь, бывало, не спишь,—ждешь... Мать готовится... пироговъ напечетъ, куличъ, пасха, яйца крашеныя, жареное, лампадки горятъ... въ комнатѣ полумракъ... все прибрано—и все ждетъ чего-то

великаго, радостнаго, торжественнаго!.. Въ двѣнадцатомъ часу ночи идемъ въ церковь... Ночь теплая, тихая... Подъ ногами шлепаетъ... Гдѣ-то въ оврагѣ шумитъ вода, кто-то ѣдетъ въ гору и кричитъ: „Н-о-о! родная! Н-о-о, матушка!“ На небѣ. точно висятъ маленькія лампадочки, горятъ звѣзды... Около церкви народъ и въ сторожкѣ народъ... иные, изъ дальнихъ деревень, пришли еще съ вечера за свѣтло... всѣ ждутъ... разговариваютъ вполголоса, точно боясь потревожить что-то святое, тихо движущееся въ темнотѣ ночи...

— „Сколько теперь время... который?“ — спрашиваетъ кто-то...

— „Скоро... теперь скóро...“

— „Пора засвѣчать плошки“...

— „Погоди“...

Гдѣ-то далеко, верстъ за шесть, въ другомъ селѣ ударяютъ въ колоколъ.

— „Ударили... въ Кустовѣ ударили! Пора!“—раздаются голоса...

Начинаютъ зажигать плошки... дегтярныя бочки... Сторожъ забрался на колокольню и кричитъ оттуда:

— Готово?

— Готово!—отвѣчаетъ ему снизу отставной николаевскій солдатъ Ермолаичъ, приготовившій небольшую мѣдную пушку, какую-то чудную, поставленную на чурбашку, и держащій въ рукахъ длинное съ согнутымъ концомъ раскаленное „жигало“..

— Слу-у-у-шай!—кричитъ онъ, вытаращивъ глаза, и тычетъ раскаленнымъ концомъ жигала въ затравку пушки.

— Бухъ!—раздается сухой, рѣзкій ударъ, и пушка вмѣстѣ съ чурбашкой летятъ въ сторону.

— Бо-о-мъ!—раздается съ колокольни и, подождавъ, когда замретъ звукъ, другое бо-о-мъ... И, опять подождавъ: бо-о-мъ! бо-о-мъ! бо-о-мъ!..

Ермолаичъ, захвативъ пушку, бѣжитъ въ сторонку, чтобы зарядить ее еще разъ... Изъ церкви, между тѣмъ, выносятъ иконы, идетъ батюшка отецъ Прохоръ, пьяница не плоше моего родителя, но на этотъ разъ трезвый, несетъ крестъ, свѣчи... Сзади его идетъ мой Кондратій Терентьевичъ, пѣвчіе... Всѣ съ какими то особенно радостными лицами, разодѣтые во все лучшее, что имѣютъ, и поютъ: „Воскресеніе твое Христе спасе“... Шествіе двигается вокругъ храма и, обойдя его, останавливается на паперти... О. Прохоръ, обратившись лицомъ къ народу, поетъ „Христосъ Воскресе“... Ермолаичъ, успѣвшій въ то время, какъ обходили вокругъ церкви, зарядить пушку, вдругъ палитъ за дверьми до того неожи-

дапно и до того „здорово“ что всѣ, въ особенности молодыя бабенки и дѣвки, вскрикиваютъ „ахъ!“ и вздрагиваютъ...

— „Воскресенія день, просвѣтимся людіе“...

— Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе! Христосъ Воскурсе!—вдругъ часто заговорилъ Клеоповъ и, сѣвъ на койкѣ, посмотрѣлъ на меня какими-то полоумными и страшными глазами,—спишь, а?..

— Нѣтъ.

— Братъ... братъ Семенъ, хорошо это, а? Хорошо... а?.. а?.. братъ Семенъ, а?..

— Хорошо!—отвѣтилъ я, чувствуя, что у меня дрожитъ сердце и подступаютъ къ горлу слезы, и что мнѣ жалко и его, и себя, и всѣхъ, и хочется чего-то хорошаго, обширнаго, могучаго, но чего—я не могу понять и не могу сдѣлать, а только бьюсь, какъ какой-нибудь снѣгирь, запутавшійся шеей въ петляхъ силка...

XXVIII.

Клеоповъ опять легъ, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и началъ вдругъ „дрыгать“ ногами, ударяя ими по доскамъ... Мнѣ казалось, что этимъ онъ хотѣлъ заглушить въ себѣ то, что въ настоящую минуту мучило его и не давало ему покоя...

— Ты что?—спросилъ я, чувствуя къ нему жалость.

Онъ повернулся ко мнѣ и, посмотрѣвъ, сказалъ:

— Чахотка, брать, у меня... Да, чувствую, развивается... больной я совсѣмъ... ей-Богу. Ты не сердись на меня, сдѣлай милость... я самъ себѣ не радъ, въ особенности вотъ по утрамъ... чортъ я, осатанѣю — убить готовъ... И замѣть: гнѣвъ, бѣшенство какое-то приходятъ изъ-за какихъ-нибудь вниманія не стоющихъ пустяковъ... Самъ сознаю, что глупо это, дико, а совладать съ собой не могу... Такъ бы вотъ, понимаешь, взялъ глотку зубами да и перегрызъ всякому...

— У насъ,—продолжалъ онъ, опять помолчавъ,—очевидно, въ роду это: мать, напримѣръ, такая же бѣшеная. А можетъ быть, и другое: условія жизни, возмутительныя картины въ дѣтствѣ... потомъ бродяжничество, голодовки... вши, грязь, зависть... чортъ ихъ знаетъ... не знаю. Чувствую только, что конецъ мой скоро... Скоро, братъ, по лавкѣ протяну лапки... И... какъ это въ пѣснѣ поется: „никто меня не пожалѣетъ, и никого-то мнѣ не жаль“.

— А смерти я боюсь... до того боюсь, что и сказать тебѣ не могу... Фу-у-у, ужасъ!.. Много я видалъ мертвецовъ, но одинъ... одинъ бродяга, умиравшій на моихъ глазахъ въ

больницѣ,—такъ и стоитъ передъ глазами... Ужасъ... Умеръ онъ отъ чахотки, весной, въ концѣ марта... Ночью его привезли откуда-то... подобрали гдѣ-то... лохматый, страшный... Остригли, обрили, а вши-то какъ горохъ... страсть!.. Положили... говорить ужъ онъ почти не могъ, только кашлялъ: кха! кха! кха! всю ночь, день весь не ѣлъ... высохъ, какъ спичка... Ужасъ!.. А помирать ему все-таки не охота, и видно, что еще человѣкъ надѣется... Лежитъ это и во всѣ глаза въ окно глядитъ. А тамъ, понимаешь, за окномъ-то солнце; видно, какъ воробьи въ бузинѣ возятся, обрадовались теплу и солнцу... Облака видно, какъ проходятъ высоко-высоко, похожія на горы, съ блестящими макушками... Такъ бы и улетѣлъ съ ними... А ему помирать... Н-да! Хорошо... Пришелъ наконецъ его „часъ"... Днемъ дѣло было... День былъ веселый, солнечный, теплый... Лежалъ онъ навзничь... Руки длинныя, похожія на палки, какъ-то дико лежали одна съ одного боку, другая съ другого... вотъ такъ... Нога одна—правая—поднята, вотъ такъ, въ колѣнкѣ согнута, другая протянута, и концы пальцевъ, съ огромными почернѣвшими ногтями, просунуты скрозь прутья койки, и одинъ палецъ, большой, потихоньку шевелится, точно, понимаешь, говоритъ: „я еще живъ! я еще живъ!" Хорошо... Ну, я это лежу и наблюдаю за нимъ съ сосѣдней койки, и въ сердцѣ у меня невыразимый ужасъ, и трясется все мое тѣло отъ страха, и чувствую я, какъ она идетъ къ нему... тихо крадется наципочкахъ, высокая, страшная, съ голымъ черепомъ на плечахъ... Шагнетъ шагъ—остановится... приподнимется, посмотритъ страшными дырами... опять шагнетъ...

— Ну, хорошо... Лежалъ онъ, лежалъ, да, понимаешь, братъ, какъ закричитъ вдругъ,—откуда только голосъ взялся,—пронзительно-громко, невыразимо страшно: „помогите, помогите, помогите!" Я отъ ужаса уцѣпился за койку руками, да такъ и замеръ весь, глядя на него... Столько въ этомъ его крикѣ было муки, слезъ и жажды жизни!.. Ужасъ! Началъ онъ послѣ этого тутъ же храпѣть, отходить... Голову закинулъ, посипѣлъ, долго, долго эдакъ воздухъ въ себя вбиралъ... Насильно его хочетъ загнать, а въ груди-то клокочетъ, переливается... *Она* уже схватила его своими костяжками за тощую грудь—и терзаетъ, и дышетъ на него могильнымъ смрадомъ...

Клеповъ пересталъ говорить и, закуривъ папироску, задумался, пуская дымъ къ потолку... На его худое тощее лицо легла, казалось, какая-то тѣнь, точно кто-то загородилъ его рукой...

— Ну,—произнесъ я, подождавъ,—ну, потомъ?

— Да ничего... померъ.

— А то отецъ, помню, помиралъ... Подожди, впрочемъ,— воскликнулъ онъ, перебивая самъ себя,—я вѣдь тебѣ не разсказалъ случай-то... на Пасхѣ-то... Собственно говоря, онъ отъ этого и померъ... Дѣло-то, братъ, простое... видишь ли: у матери висѣли гдѣ-то тамъ, на чердакѣ, грибы сушеные, бѣлые... Онъ ихъ и укралъ. А она ихъ берегла, подарокъ кому-то хотѣла сдѣлать... Ну, вотъ, укралъ онъ ихъ, продалъ, а идти домой боится... напился пьяный... Ну, дѣвченки шли мимо насъ, сказали... Мать туда и бросилась, а онъ идетъ оттуда уже, т. е. изъ кабака-то... сапоги у него были огромные... идетъ и то на этотъ бокъ упадетъ, то на другой... Подбѣжала къ нему мать... схватила обѣими руками за волоса и начала таскать по грязи и бить ногой по лицу... „Мосевна, Мосевна, отстань!—кричитъ онъ,—будетъ! Мосевнушка!“ А она его волочитъ, и пѣна у ней изо рта и... И гадко все это... и ну тебя къ чорту... не хочу я больше говорить... нехорошо мнѣ... гадко... омерзительно, отстань отъ меня, отвяжись!—визгливо закричалъ Клеповъ со слезами въ голосѣ,—отстань!..

Я молчалъ. Онъ опять повернулся къ стѣнѣ и опять задрыгалъ ногами... Въ окна сталъ проникать тусклый свѣтъ утра... Свѣтъ лампочки дѣлался съ каждой минутой печальнѣе, блѣднѣе, похожій на лицо чахоточнаго... Я завернулъ ее... Въ кельѣ сдѣлалось полутемно и необыкновенно тихо, точно то мертвое, которое тайно жило въ ней, вдругъ вошло и сказало: „тише... я здѣсь“...

Мнѣ стало страшно.

— Братъ!—сказалъ я.

Онъ промолчалъ.

— Братъ, Степанъ!—повторилъ я.

Онъ опять промолчалъ... Въ это время по ту сторону двери изъ корридора кто-то постучалъ и произнесъ обычное: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ“...

— Аминь!—отвѣтилъ я и, соскочивъ съ койки, отворилъ дверь...

XXIX.

— Вы что тутотка дѣлаете, а?—съ улыбкой на тонкихъ губахъ произнесъ, входя въ келью, высокій, сутуловатый монахъ, съ огромной, совершенно бѣлой бородой, одѣтый въ теплый засаленный подрясникъ, подпоясанный ремнемъ, за которымъ торчали съ праваго и лѣваго боку „голицы“, т. е. рабочія изъ кожи рукавицы. Водочку пьете, а?..

— А ты кто такой?.. Тебѣ какое дѣло?—спросилъ, приподнявшись съ койки, братъ Степанъ.

— Я-то?—переспросилъ старикъ.—А я, братчикъ, помощникъ нарядчику... вотъ кто я... н-да. За вами, вотъ, пришелъ... на работу пожалуйте... н-да!.. Трудившійся да ястъ... А здѣсь обитель, хлѣбъ задаромъ ѣсть не полагается...

— Ты бы пораньше пришелъ,—насмѣшливо произнесъ Степанъ,—а то опоздалъ, поздно... Черти еще на кулачки не дрались...

Старикъ-монахъ пристально посмотрѣлъ на него и, улыбаясь и вынувъ изъ кармана тавлинку, понюхалъ табачку, жадно всасывая его длиннымъ носомъ, и сказалъ:

— А ты, братчикъ, того—не чертыхайся... нехорошо во святомъ мѣстѣ чертыхаться, грѣхъ... Самъ, небось, знаешь,—продолжалъ онъ, кладя тавлинку обратно въ карманъ:—въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ... У насъ порядокъ такой заведенъ: какъ, значитъ, свѣтаетъ—на работу... Солнышко встало, и мы встали... солнышко спать, и мы спать... Сряжайтесь-ка!

— Я не пойду,—сказалъ мой сожитель,—я пѣвчій... Вонъ его запрягай,—кивнулъ онъ съ улыбкой на меня.—А мнѣ еще хомутъ не готовъ.

— Что, аль шея толста?—тоже съ улыбкой произнесъ монахъ.—Сшить не потрафятъ?.. А ты вотъ что, братчикъ,—уже серьезно продолжалъ онъ:—пѣвчій ты тамъ аль кто, може генералъ какой, не мое дѣло, а идти долженъ на послушаніе... Мнѣ приказано взять васъ обоихъ... Ты ужъ таматко толкуй со старшими, какъ знаешь, а со мной идти долженъ.

— Не пойду.

— Я жаловаться стану.

— Жалуйся.

— Въ монастырь пришелъ, первое дѣло—кротость нужна, послушаніе... безропотность... а ты, братчикъ, того...

— Ну ужъ это дѣло не твое... нечего учить... Ученаго учить – только портить...

— А ты, видать, ученъ?..

— Видать...

— Гм! Видать свинью по корыту, видать, трепался не мало... Къ намъ пришелъ, думаешь: здѣсь даромъ кормить станутъ... Ишь ты... гм!.. Даромъ только вшу кормятъ, да и таё раздавить норовятъ... Ну, а ты,—перемѣнивъ рѣчь, обратился монахъ ко мнѣ,—тоже изъ пѣвчихъ?.. Не пойдешь, а?.. Ишь вы господа прибыли... пра, ей-Богу!.. Откеда такіе?..

— Я пойду,—сказалъ я,—а какая работа?..

— А ужъ это дѣло не твое... Твое дѣло дѣлать, а не

спрашивать... Что заставятъ, то и дѣлай... Заставятъ камни съ мѣста на мѣсто перекладать—перекладай!.. На то и обитель... Ты сюды зачѣмъ пришелъ-то, а?.. Спасаться?.. Ну, а коли хочешь спастись, терпи... послушаніе паче молитвы... Такъ-то вотъ, сударь, пойдемка-сь!..

Я одѣлся, и мы вмѣстѣ съ нимъ покинули келью...

XXX.

За монастырской стѣной, на западной сторонѣ, на берегу рѣчки, протекавшей подъ самыми стѣнами, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка, сдѣлавъ колѣно, круто поворачивала съ юга на западъ, стояла довольно высокая башня странной формы, съ флюгеромъ наверху и съ окнами внизу.

Старикъ-монахъ, выйдя за святыя ворота, молча повелъ меня къ этой башнѣ. Онъ шелъ впереди, высокій, сутуловатый, узкоплечій и, идя, какъ-то все тыкался впередъ, точно собирался упасть, и махалъ руками. Я молча шелъ за нимъ, недоумѣвая: на какое такое „послушаніе" ведетъ онъ меня, раба Божьяго...

Подойдя къ башнѣ, монахъ остановился около обитой рогожкой двери и, подержавшись немного за скобку, точно думая, отворять или нѣтъ,—дернулъ... Дверь не отворялась... Монахъ дернулъ шибче—то же самое...

— Заперто, знать, а?—сказалъ онъ, вопросительно глядя на меня.

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Гей!.. Спитъ... до этихъ поръ...

Онъ отошелъ отъ двери и побарабанилъ пальцами въ раму оконца.

— Афанасій... эй... Афанасій! Аль спишь все?.. Вставай!..

Онъ опять подошелъ къ двери и опять дернулъ ее.

— Сейчасъ выйдетъ,—точно извиняясь, обратился онъ ко мнѣ.—Онъ у насъ чудакъ... Слышитъ да не слышитъ... упрямъ... Все, братъ, какъ тебя не знаю, норовитъ какъ бы по его было... ругательникъ... съ нарядчикомъ у него постоянно ругань... выше себя никого не ставитъ. Анъ вотъ бодливой-то коровѣ Богъ рогъ-то и не даетъ... Да что-жъ это онъ, взаправду... смѣется, что ли?.. Эй!—задергалъ онъ дверь:—эй, Афанасій... отпирай!..

— Кто тамъ?—раздался за дверью, какъ мнѣ показалось, насмѣшливый голосъ...

— Свои... пускай!—отвѣтилъ монахъ.—Свои,—повторилъ онъ,—я!..

— Кто я-то?

— Да я!.. Кто я... не узналъ... эва!..

Дверь отворилась, и отворившій ее, средняго роста, коренастый, растрепанный, въ калишкахъ на босу ногу, монахъ сердито сказалъ:

— Экъ тебя черти-то носятъ... ни свѣтъ, ни заря... не спится старому кобелю, онъ и людямъ покою не даетъ... Не успѣешь, что-ль. И что чорту надо только? Дивное дѣло! Сидѣлъ бы у себя въ конурѣ, тявкалъ бы „Господи помилуй"... Нѣтъ, тоже въ хозяева лѣзетъ!.. Кто я!.. Антипъ косопузый!.. Ну, что тебѣ?..

— Чего... небось, видишь чего... человѣка привелъ!

— Вижу, что не пса... что-жъ одного?.. Одного мало.

— А гдѣ его взять другого-то?.. Не идетъ никто...

— Такъ какого-жъ ты чорта! Я, что ли, буду качать-то?.. Э-э-э, братъ! Вижу я, чьи это штуки-то... нарядчикъ все, сукинъ сынъ, мастеритъ... Дескать: „пущай самъ качаетъ"... На-ка, вотъ чего не хошь ли... скажи ему...

— Нешто со странни прислать какого?—не отвѣчая на его слова, спросилъ приведшій меня монахъ.—Затычку нешто? Онъ, небось, таматко околачивается, а?..

— Мнѣ хоть затычку, хоть отмычку, а только давай человѣка, а то я, скажи своему нарядчику, машину испорчу, качать не станетъ... Я ему качать не мальчикъ...

— Ладно,—отвѣтилъ старый монахъ,—пришлю кого-нибудь... прощай покеда... спаси Христосъ...

Онъ повернулся и пошелъ по той же тропочкѣ, по которой мы пришли, прочь отъ башни, по направленію къ святымъ воротамъ.

XXXI.

— Иди... чего-жъ стоишь-то на холоду?—сказалъ растрепанный монахъ и, отворивъ дверь настежь, кивнулъ головой и добавилъ:—Иди сюда... въ сѣнцы...

Я шагнулъ черезъ порогъ. Монахъ захлопнулъ дверь и сказалъ:

— Новенькій?..

— Да,—отвѣтилъ я, оглядывая помѣщеніе, въ которомъ мы очутились...

„Сѣнцы" были круглыя, сырыя, съ каменнымъ поломъ, освѣщавшіяся откуда-то сверху тусклымъ, печальнымъ, желтоватымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь узкое окно безъ стеколъ, похожее на какую-то лазейку. Деревянная съ поворотами и съ деревянными же перильцами лѣстница вела куда-то наверхъ подъ потолокъ, гдѣ былъ устроенъ

„люкъ“, т. е. квадратная дыра, служившая проходомъ на потолокъ...

— Что смотришь?—спросилъ монахъ.—Водокачка, братъ, здѣсь,—воду на трапезную подаемъ отсюда... работа ручная... по другимъ мѣстамъ лошади качаютъ, а здѣсь нашъ братъ послушникъ... устроили отцы святые... Ну, пойдемъ въ келью,—добавилъ онъ, отворяя маленькую въ стѣнѣ направо дверку, которую я и не примѣтилъ.—У меня келья просторная!.. Палаты..

Я вошелъ въ его келью... Маленькая, узенькая, съ однимъ оконцемъ каморка, до крайности неряшливая, загаженная, съ низкимъ потолкомъ, сырая, съ потемнѣвшими стѣнами, пропитанная запахомъ махорки, полутемная и страшная, какъ подземный казематъ... Въ ней царствовалъ невообразимый безпорядокъ: все валялось, гдѣ и какъ попало... Столъ, табуретка, кровать—все было старо, поломано и до крайности грязно. Стоптанные, старые рыжіе опорки, грязная, длинная рубашка, подрясникъ, рукавицы, какія-то жестянки, слесарный инструментъ, пилы, подпилки, зубила—все это валялось неприбранное - какъ попало... На лежанкѣ была разсыпана махорка, валялись окурки, коробки изъ-подъ спичекъ и тутъ же какія-то рваныя, засаленныя книжки... На стѣнѣ висѣли двѣ картинки въ рамкахъ съ разбитыми стеклами: одна „пришествіе Христа въ міръ“, другая — „Моленіе о чашѣ“...

— Сейчасъ самоваръ разбундорю,—сказалъ хозяинъ каморки,—чайку погоняемъ... Я еще не пилъ... Ишь его черти принесли... Старатели!.. Садись!—добавилъ онъ, показывая на табуретку.—На̀ табакъ... верти, кури...

Я сѣлъ на указанное мѣсто, а онъ началъ возиться съ самоваромъ, напѣвая что-то себѣ подъ носъ...

— Ты откуда?—спросилъ онъ, покончивъ съ этимъ дѣломъ и вытирая замазанныя углями руки объ рубашку.

— А я изъ Вышняго-Волочка,—выслушавъ мой отвѣтъ, сказалъ онъ и, свернувъ огромную, изъ газетной бумаги, „прямую“ папироску, продолжалъ:—Я на Валаамѣ жилъ... у Троицы жилъ, на Бѣлыхъ берегахъ жилъ, у Николы на Угрѣши жилъ, въ Новомъ Іерусалимѣ жилъ... а ты?..

— Да я еще только, Господи благослови, здѣсь,—отвѣтилъ я.

— Ну-у-у!—удивился онъ.—Что-жъ это ты... пропился?..

— Нѣтъ, такъ...—отвѣтилъ я, стыдясь почему-то сказать правду.

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ,—зиму-то проболтаешься, благо взяли... Только народъ, братъ, здѣсь... гы-ы-ы... сволота! Харчишки ничего.. ну, а насчетъ того, деньжонокъ... плохо...

Всѣ, братъ, мѣста здѣсь захватаны... не пообѣдаешь!.. Копѣечкѣ течь неоткуда... украдешь только нешто гдѣ, ну, говори слава Богу... Ѣдятъ здѣсь другъ дружку... Меня вотъ нарядчикъ Ильюшка жретъ... поперекъ горла я ему сталъ, такъ бы и съѣлъ... Анъ шалишь!.. Анъ шалишь!—повторилъ онъ и вдругъ злобно, со сверкающими глазами, крикнулъ, грозясь кулакомъ въ окно, по направленію къ обители:—Погоди... погоди, сволочь, воткну я тебѣ ножикъ въ бокъ... живъ не не разстанусь... Сибирь, такъ Сибирь... мнѣ все одно... и тамъ хлѣбъ ѣдятъ... погоди!!. Не любитъ, сволочь, коли ему правду говорятъ... сплетничаетъ про меня самому. Съ язычкомъ, какъ дѣвка гулящая: та, та, та, та, та, та.. тьфу!.. Пью, говоритъ, я... А ты, чортъ паршивый, не пьешь, а?.. Постоянно четверть въ кельѣ не переводится... Любовницу содержитъ... щенки отъ нея... Нахапалъ денегъ-то... Ты еще его не видалъ?

— Кого?..

— Да про кого говорю-то... Илюшку... нарядчика...

— Нѣтъ.

— Ну, ужо за обѣдомъ я тебѣ покажу... Ему только поддайся—заѣздитъ... Игуменъ-то, ишь, ему сродни, изъ одной, ишь, деревни... Стачка у нихъ у всѣхъ: грабятъ, да и вся не долга... денегъ нахапали конца-краю нѣтъ... а братіи коли когда въ праздникъ утѣшеніе сдѣлать,—шалишь... на всѣхъ полведерки... хоть пей, хоть смотри...

Онъ подложилъ въ самоваръ угольевъ и продолжалъ:

— Мнѣ бы давно хозяйчикомъ надо быть: слесарь я и по садовой части знаю. Лѣтомъ садъ за мной... А все что: все онъ меня жретъ, нарядчикъ... жалко ему, досадно человѣку доходъ дать, все бы самому лопать... Вишь вотъ, въ какую конуру упрятали... Уйти хотѣлъ,—нельзя: голый я, пропоица... а теперь зима... одѣться не во что. Что было свое—пропилъ. Эхъ!—махнулъ онъ рукой,—надо бы хуже, да нельзя...

— Вонъ затычка ползетъ,—сказалъ онъ, помолчавъ и заглянувъ въ оконце.—Штучка тоже.. огурчикъ!..

Въ сѣнцахъ хлопнула дверь.

— „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ“,—раздался за дверью голосъ...

— Да ужъ иди, иди,-перебилъ его монахъ,—„молитвами святыхъ“ тоже... ха.. тьфу... ты!..

Дверь отворилась, и въ келью потихоньку, какъ-то бочкомъ, скокнувъ черезъ порогъ, вошелъ маленькій человѣчекъ, оборванный, въ коротенькомъ пиджачишкѣ, въ такихъ же брюченкахъ на выпускъ, паршавый, похожій на ежа...

Онъ остановился у порога, дунулъ на пальцы, нѣсколько

разъ торопливо покрестился въ переднiй уголъ, пошелъ съ улыбочкой и, наклонясь впередъ, сказалъ:

— Аѳанасiю Игнатичу!.. Все ли здоровы-съ!..

— Здравствуй,—отвѣтилъ монахъ.—Пришелъ?..

— Ну, вотъ-съ... помилуйте!.. мы... Мы за всякое время-съ...

— Ну, садись,—опять сказалъ монахъ,—гость будешь, вина купишь—хозяинъ будешь...

— Хи, хи, хи!—засмѣялся человѣчекъ и, потирая красныя, озябшiя руки, сѣлъ на край койки.—Самоварчикъ готовите? Гоже!.. Благословите, значитъ, чайку.

— А ты слѣзь съ койки-то,—сказалъ монахъ,—садись вонъ на лежанку... Напустишь тутъ мнѣ крокодиловъ-то... и такъ клопы съѣли...

— У меня,—торопливо вскочивъ съ койки и оглядывая себя, воскликнулъ человѣчекъ,—вотъ какъ передъ истиннымъ-съ, нѣту ихъ... я... я... чище хрусталю-съ...

— Ладно, ладно... тащи-ка на столъ самоваръ-то... поспѣлъ... Знаю я тебя... Затычка ты, братъ, горькая... и врешь все... Небось, ужъ чеколдыкнулъ нонче?..

— Гдѣ же... помилуйте-съ...

Онъ поставилъ на столъ самоваръ и, отойдя, сѣлъ на край лежанки. Монахъ заварилъ чаю въ грязный съ отбитымъ носикомъ чайникъ и досталъ изъ стола три чашки: одну большую съ надписью: „дарю въ день вашего ангела“ и двѣ поменьше: одна съ трещиной, другая безъ ручки...

— Селедошная голова у меня осталась,—сказалъ онъ, ставя чашки на столъ,—да молоки... не хошь ли, Затычка?.. Я вечоръ ѣлъ да не доѣлъ...

— Съ удовольствiемъ-съ!—воскликнулъ Затычка и соскочилъ съ лежанки, — передъ чайкомъ-то солененькаго гоже!..

— Копченая,—сказалъ монахъ, доставая изъ стола толстую синюю сахарную бумагу, очевидно служившую у него вмѣсто тарелки, такъ какъ на ней, кромѣ головы и „молоковъ“, лежали обсосанныя кости, шелуха и еще какая-то красная гадость.—На, братъ, ѣшь на здоровье...

— Спаси Христосъ! — принимая бумагу, сказалъ Затычка.—До головъ я охотникъ... мозжечекъ это... всякая штука... въ родѣ Володи... ей-Богу-съ... а хлѣбца-то?.. Благословите, Аѳанасiй Игнатичъ, хлѣбца...

— На... ѣшь...

Затычка взялъ хлѣбъ и, разложивъ на уголкѣ лежанки бумагу, перекрестился и принялся грызть селедочную голову.

— Зубы-то у меня плохи,—сказалъ онъ,—крошатся...

Богъ ихъ знаетъ съ чего... болятъ... ужъ я и такъ, и сякъ— нѣтъ... смерть! Истинный Господь-съ...

— Отъ водки,—сказалъ монахъ.

— Можетъ быть... все можетъ быть-съ!..—согласился Затычка и, высморкавшись пальцами и обтеревъ ихъ о пиджакъ, засмѣялся и сказалъ:—А я разъ, Аѳанасій Игнатичъ, зубъ вытащилъ... вотъ этотъ... корневатикъ-съ... Не разсказывалъ я вамъ-съ?

— Нѣтъ.

— Ка-а-къ-же... и смѣхъ, и грѣхъ-съ, истинный Господь-съ!.. Я въ тѣ поры у папаши жилъ... при лавкѣ находился... Образа звѣринаго еще на себя не пріялъ-съ... картузы по два съ четвертью на головѣ нашивалъ-съ... украшалъ себя снаружи-съ... хорошо жилъ-съ!..

Онъ догрызъ голову, проглотилъ „молоки", завернулъ оставшіяся кости въ ту же бумагу и, бросивъ ее въ стоявшее у порога ведро, обтеръ руки, усы, бороду и, покосившись на налитую чашку съ чаемъ, не смѣя, очевидно, взять ее безъ спросу, продолжалъ:

— Отлично-съ. Разболѣлись у меня разъ зубы-съ.. простудился, что ли... ножки промочилъ али тамъ еще что, не знаю-съ, только принялись они у меня.. батюшки свѣты!.. День болятъ, другой, недѣлю-съ... Господи, твоя воля, хоть въ петлю-съ. Истинный Господь!.. Я туды, я сюды... То приложу, другое приложу... только, съ позволенія сказать, дерьма не прикладывалъ-съ, а то все перепробовалъ... нѣту пользы да и шабашъ... осатанѣлъ. Давайте, кричу, ножикъ, за-а-рѣжусь. Смерть моя, терпѣнья нѣтъ!

— Бери чай-то... пей!—перебилъ его монахъ.

— Покорно благодарю... Спаси Христосъ!—обрадовавшись и осторожно взявъ со стола чашку, сказалъ Затычка. Затѣмъ, поставивъ ее на лежанку, продолжалъ:

— Только вотъ разъ катаюсь я по лавкѣ, реву бѣлугой, шасть въ лавку кузнецъ Терентій Иванычъ... За гвоздями пришелъ... „Ты, говоритъ, Гришь, чего это"?—Да зу-у-у-бы, говорю, проклятые, бѣлый свѣтъ не милъ... вторую недѣлю маюсь, какъ сукинъ сынъ... Не знаешь ли какого средства?"— „Эва, говоритъ, какъ не знать, знаю... Приходи, говоритъ, ко мнѣ ужо черезъ часокъ, я тебѣ его вытащу"...—А больно?.. спрашиваю.—„Да ужъ, что толковать, говоритъ, есть отчасти... Ну только, говоритъ, маментъ одинъ, а тамъ и шабашъ"... Хорошо... ушелъ это онъ, принялись у меня зубы пуще прежняго... побѣжалъ я въ кузницу... Тамъ онъ... съ молотобойцемъ, съ Колбасой по прозванію, кровать какую-то желѣзную починяютъ... „Пришелъ?"—говоритъ...— Пришелъ... тащи скорѣй... Смерть! Душа съ тѣломъ раз-

стается... — „Погоди, говоритъ, не торопись... успѣешь на тотъ свѣтъ... Нука-сь, говоритъ, покажь—который... разинь пасть-то... не бойся“... Разинулъ я, показалъ ему пальцемъ: Эва говорю, вотъ этотъ... „Ладно, говоритъ, вижу... обожди“... Благословите еще черепушку?..

— Пей, пей на здоровье,—сказалъ монахъ, наливая ему еще чашку,—ну!..

— Ну, гляжу, взялъ конецъ варной, шнурокъ эдакой, петельку какую-то устроилъ... А другой-то конецъ, мнѣ и не вдомекъ, привязанъ у него гдѣ-то тамъ за крюкъ... все это онъ до моего прихода обстряпалъ... „Нука-сь, говоритъ, разинь опять пасть-то“... Разинулъ я. Исхитрился онъ какъ-то, закрутилъ мнѣ этимъ самымъ шнуркомъ зубъ крѣпко на крѣпко... „Закрой, говоритъ, пасть... обожди чутокъ, пока я тутъ вотъ одно дѣльце сдѣлаю“... Ну, я это сдуру-то, прости Господи, зажалъ ротъ, стою, жду... Колбаса мѣхи раздуваетъ... въ горнушкѣ какая-то длинная желѣзная палка лежитъ вродѣ какъ шомполъ али жигало.

— Ла-а-дно, жду... Вдругъ, понимаете, Аѳанасій Игнатичъ, кузнецъ этотъ самый, дери его чортъ, схватилъ конецъ-то этотъ желѣзный, жигало-то, выхватилъ изъ горнушки, раскалился онъ тамъ, индо бѣлый сталъ,—стряхнуль, искры, да, ни слова не говоря, какъ сунетъ мнѣ имъ подъ самое рыло... Я со страху-то какъ дергану вотъ эдакимъ манерцемъ головой-то кверху... Такъ зубъ-то инда съ мясомъ выскочилъ... Истинный Господь!

Мы съ монахомъ засмѣялись.

— Свѣту не взвидѣлъ, — продолжалъ Затычка, — такъ словно все подо мной и поплыло... Думалъ, истинный Господь, всю голову онъ мнѣ, сукинъ сынъ, оторвалъ на прочь... Ну, а потомъ ничего, отошло... бутылку ему поставилъ за это,— закончилъ онъ и осторожно поставилъ на столъ выпитую чашку.

— Врешь ты, Затычка, все, а?..—сказалъ монахъ.

— Ну, вотъ-съ... помилуйте!

— Бутылку поставилъ?

— Поставилъ-съ!

— Гм! Вотъ бы ты ее теперь поставилъ... Не обмозгуешь ли какъ, а? Послѣ завтра отдамъ.

— Гдѣ-же... помилуйте-съ!.. Расколотаго гроша нѣтъ... Истинный Господь!

— Плохо!—сказалъ монахъ и посмотрѣлъ на меня.—У тебя нѣтъ ли?.. Ей-Богу, послѣ завтра отдамъ.—Ты не бойся,—продолжалъ онъ, видя, что я молчу,—я въ своемъ словѣ вѣренъ... Не вѣришь? Возьми вонъ сапоги подъ закладъ... Послѣ завтра получку съ одного человѣчка отдамъ.

Я не зналъ, какъ быть: сказать, что у самаго нѣтъ, было неловко, такъ какъ монахъ, вѣроятно, догадался по моему лицу, что у меня есть, а сказать: не дамъ—было еще больше какъ-то неловко... Я колебался... Денегъ у меня было очень мало—рубля два—и потерять полтинникъ было съ моей стороны неблагоразумно...

— Не знаю, какъ быть,—сказалъ я,—у меня очень мало...

— Ей-Богу, отдамъ! — вскочивъ съ мѣста, забожился монахъ,—вотъ икона святая,—онъ перекрестился,—умереть дай Богъ мнѣ безъ покаянія, коли не отдамъ... ей-Богу отдамъ... Вотъ, Затычка свидѣтель будетъ.

— Что объ этомъ толковать-съ,—сказалъ Затычка не допускающимъ сомнѣнія тономъ,—ваше слово—печать-съ.

Монахъ опять принялся клясться и божиться такой страшной божбой и прибиралъ такія ужасныя слова, что мнѣ стало стыдно, и я поскорѣе, чтобы не вводить его „во искушеніе", далъ полтинникъ.

Онъ до того обрадовался, что даже прослезился и, схвативъ меня за руку и тряся ее, нѣсколько разъ повторилъ:

— Душа, душа... вижу: душа человѣкъ!

— Къ Володѣ-съ?—остановилъ вопросомъ этотъ чувствительный порывъ Затычка.

— Къ нему... сыпь скорѣе... На посуду-то...

Затычка торопливо, съ уморительно-озабоченнымъ лицомъ, подсунулъ подъ пиджакъ бутылку и не вышелъ, а какъ-то чудно выскочилъ изъ каморки, точно его кто-то стукнулъ на порогѣ по шеѣ...

XXXII.

Онъ вскорѣ возвратился, принесъ съ собой въ бутылкѣ какой-то подозрительно мутной, очевидно „разсыропленной" водки, и они, усѣвшись къ столу, принялись пить ее сначала чайной чашкой, а потомъ небольшимъ граненымъ стаканчикомъ...

Оба они какъ-то скоро запьянѣли. Монахъ сдѣлался необыкновенно мраченъ, задумчивъ... Изрѣдка онъ подымалъ голову, оглядывалъ насъ посоловѣвшими глазами и произносилъ, ни къ селу ни къ городу, какія то несуразныя слова. Затычка, наоборотъ, сдѣлался необыкновенно разговорчивъ... Онъ безпрестанно курилъ, какъ-то особенно ловко и быстро свертывая изъ бумаги толстыми пальцами новыя папироски, и разсказывалъ осипшимъ голосомъ, исключительно обращаясь ко мнѣ, про то, какъ онъ жилъ съ женой и какъ дошелъ, наконецъ, „до дѣла". Разсказъ его былъ

страшенъ своими подробностями. Мнѣ было невыразимо грустно слушать его, и я невольно поражался, какъ могъ этотъ тщедушный, плюгавенькій съ виду человѣчекъ перенести столько горя, „человѣческой подлости“ и остаться все-таки „жить“...

— И теперь вотъ я, господинъ (онъ почему-то все время величалъ меня „господиномъ), Затычка... А почему я Затычка—это понятно-съ... Потому, господинъ, я ношу сію позорную кличку, что мною, такъ сказать, затыкаютъ всѣ дыры. Куда никто не пойдетъ, сейчасъ меня: „Затычка, пожалуйте-съ!..“

Онъ засмѣялся, заморгалъ глазами и, сдѣлавъ новую папироску, началъ жадно затягиваться, поминутно сплевывая къ себѣ подъ ноги.

Бесѣда наша продолжалась долго... О „послушаніи“, на которое меня привели сюда, не было и помину... Затычка, по приказанію монаха, снова подогрѣлъ самоваръ, и мы опять принялись за чай, разсчитывая, такимъ образомъ, продлить бесѣду еще, какъ вдругъ она была прервана самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ келью, какъ „тать въ нощи“, явился самъ нарядчикъ о. Илья.

Хотя я ни разу еще не видалъ его, но сразу догадался, что это именно онъ. Высокаго роста, чернобородый, еще не старый, съ нахмуренными дугообразными бровями, изъ-подъ которыхъ глядѣли небольшіе, но „пронзительные“ и бѣгающіе во всѣ стороны глаза, — онъ остановился на порогѣ, окинулъ глазами нашу компанію и, покачавъ головой, сказалъ, обращаясь къ Аѳанасію Игнатьевичу:

— Что-жъ это ты, Ахванасій, дѣлаешь? Смутьянъ ты!!.

„Ахванасій“, какъ бѣшенный, вскочилъ съ мѣста, схватилъ ножикъ и съ какимъ-то звѣринымъ рычаньемъ, бросился на нарядчика... Тотъ тоже, съ своей стороны, что-то закричалъ, и оба они повалились...

— Вотъ то-то вотъ и оно-то,—сердясь, говорилъ мнѣ спустя часа два послѣ этого у себя въ „покояхъ“ игуменъ, когда я пришелъ къ нему за паспортомъ, — не успѣлъ, братъ, ты горы увидать, а ужъ шлею обгадилъ... Неважно эдакъ-то... Поступилъ, — жить надо! Поживешь—полюбится... Райское житье!.. Спасайся!.. А ты какъ думаешь?.. Ишь ты какой!..

Нѣтъ, братъ, не все съ припасомъ, порой и съ квасомъ. Брось гордыню-то!..

— Не могу!—сказалъ я.

— Ну, не можешь, дѣло твое... съ Богомъ!..

Онъ отдалъ мнѣ паспортъ, „благословилъ", и я въ тотъ же день покинулъ „Тихое пристанище"...

С. Подъячевъ.

Конецъ.

ВЪ ГОРОДѢ.

Въ полѣ вербы надъ рѣкою зацвѣли,
Закачались въ бѣлыхъ почкахъ, какъ въ снѣгу...
Не могу я жить безъ солнца, не могу,
Задыхаюсь въ тѣсныхъ стѣнахъ и въ пыли!
Утромъ теплый, нѣжный вѣтеръ прилетѣлъ,
Опахнулъ лицо ласкающимъ крыломъ
И о комъ-то одинокомъ и родномъ
Тихой пѣсней въ грустномъ сердцѣ прозвенѣлъ.
И зоветъ меня съ надеждой и тоской
Милый голосъ изъ невѣдомой дали...
Распустились въ полѣ вербы, зацвѣли
Надъ веселой серебристою рѣкой.

Г. Галина.

Н. К. Михайловскій о религіи.

I.

Даже противники Михайловскаго признавали за нимъ, какъ его выдающуюся заслугу передъ русскимъ обществомъ, его рѣдкую способность будить мысль въ другихъ. Къ этому надо прибавить, что онъ будилъ не только отрицательную критику мысли, но и положительную душевную работу. И въ этомъ была его отличительная особенность, которую долженъ высоко цѣнить каждый, кто въ знакомствѣ съ нашими большими писателями и выдающимися умами ищетъ помощи не только въ борьбѣ со старымъ, но и для завоеванія новыхъ горизонтовъ Вообще, не слѣдовало бы забывать, что въ борьбѣ новыхъ запросовъ жизни съ устарѣвшими и потерявшими прежнюю силу идеями и лозунгами, очень часто повторяется одна крупная и роковая ошибка. Упускаютъ изъ виду, что дѣйствительная побѣда надъ старыми руководящими идеями наступаетъ только тогда, когда онѣ замѣнены новыми. А пока этого нѣтъ, устарѣвшія тенденціи продолжаютъ жить, хотя бы наперекоръ обстоятельствамъ,—разлагаясь и умирая, но продолжая заражать душную атмосферу, внося въ нее застой и разложеніе.

Это относится также и къ религіи, и знаменательно, что въ темѣ о религіи, которую Михайловскій называетъ «обширнѣйшей изъ всѣхъ, какія только могутъ представиться человѣческому уму», его интересовала на первомъ планѣ положительная сторона. Михайловскій считалъ глубокой ошибкой ту ходячую мысль, что если кто отвергаетъ устарѣвшіе идеалы, то изъ этого слѣдуетъ, будто онъ самъ лишенъ идеальныхъ побужденій. Кто разсуждаетъ объ идеалахъ, — говоритъ онъ—тотъ «долженъ понимать, что если противникъ имѣетъ иной идеалъ, такъ это еще не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ вовсе. Съ практической же стороны просто невыгодно, объявляя идеалъ противника отсутствующимъ, тѣмъ самымъ лишать себя возможности доказать ложность этого идеала. И нѣтъ ничего мудренаго, если противникъ, при видѣ такого полемическаго пріема, не только подумаетъ, а и въ слухъ заявитъ: Эге! братъ, видно дѣло-то твое плохо, коли ты уклоняешься отъ

оцѣнки моего идеала, подъ предлогомъ его отсутствія». Точно также, если религія въ ея цѣломъ имѣетъ въ своемъ прошломъ много темныхъ страницъ, то Михайловскій считаетъ за предразсудокъ, затемняющій значеніе религіи, считать всякую религію, религію, какъ таковую, только собраніемъ заблужденій и вздорныхъ вымысловъ, порожденныхъ невѣжествомъ дикихъ массъ и завѣдомыми обманами... Невѣжество было однимъ изъ главнѣйшихъ условій появленія, укрѣпленія, распространенія и переживанія многихъ вѣрованій и культовъ, поражающихъ своей очевидною безсмысленностью или чудовищною жестокостью. Но эти вѣрованія и культы утоляли вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую непреходимую потребность человѣческой природы, не менѣе сильно дающую себя чувствовать и намъ» (Посл. Соч. II, 2—3).

Эта потребность заключается въ стремленіи къ глубокой неразрывной связи между тремя основными элементами человѣческаго существованія: областью знаній и вѣрованій, областью чувствъ и побужденій и, наконецъ, сферой дѣйствій. «Сущность всякой религіи, говоритъ Михайловскій, составляетъ та сила, которая направляетъ нашу волю къ дѣйствію въ соотвѣтствіи съ идеаломъ, построеннымъ совокупнымъ трудомъ разума и чувства... Жить значитъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать, при чемъ всѣ эти три элемента должны быть въ полномъ согласіи, ибо это равноправныя и другъ друга поддерживающія функціи или стороны жизни. Формула ихъ сочетанія мѣняется въ исторіи, но она всегда есть или составляетъ великое искомое». Это «великое искомое» дается религіей и религіознымъ чувствомъ «тѣмъ великимъ дѣйственнымъ элементомъ, безъ котораго мертвы и наука, и нравственная доктрина».

При этомъ, и Михайловскій это подчеркиваетъ, совершенно не вѣрно и произвольно—отождествлять понятія религіи и вѣры. «Вѣра, какъ и знаніе, входятъ въ составъ религіи, представляя собой, однако, лишь одинъ изъ ея элементовъ. Можно исповѣдывать извѣстное вѣроученіе и дѣйствительно вѣровать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть религіи, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Это даже очень обыкновенный случай. Человѣкъ религіозенъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его этическіе идеалы, его пониманіе добра и зла и его поведеніе находятся въ гармоніи съ его міропониманіемъ, состоитъ ли послѣднее изъ вѣрованій, или знаній, или изъ комбинаціи тѣхъ и другихъ. Религія начинается тамъ, гдѣ вѣра или знаніе, согласованныя съ нравственными идеалами человѣка, властно побуждаютъ человѣка къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи. Поэтому, заключаетъ Михайловскій, понятія вѣры и религіи отнюдь не покрываютъ другъ друга, какъ и вообще часть не можетъ покрыть цѣлое» (Посл. Соч., II, 300). Вообще, «можно имѣть вѣрныя и многостороннія понятія о фактическомъ ходѣ вещей, стоять на высотѣ знаній современнаго уровня, и въ то

же время не имѣть руководящихъ принциповъ дѣятельности. Можно, наоборотъ, обладать высокими руководящими принципами, но или содержать ихъ внѣ всякой связи съ объективной наукой, или же только знать ихъ, но не руководиться ими въ дѣйствительности, принимать ихъ только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію. Эта «разсыпанная храмина», эти membra disjecta жизни духа должны быть приведены къ гармоническому единству. И въ этомъ состоитъ функція религіи» (Посл. Соч., II, 6).

Было бы интересно сравнить это опредѣленіе понятія религіи съ опредѣленіями другихъ мыслителей. Но мы здѣсь на этомъ останавливаться не будемъ. Ограничимся только замѣчаніемъ, что опредѣленіе Михайловскаго, подходя и примыкая ко многимъ другимъ, выгодно отличается отъ нихъ своей чрезвычайной ясностью, и обратимся къ главной темѣ Михайловскаго, къ выясненію психологической или, вѣрнѣе, общественно-психологической основы религіи.

II.

Задавшись цѣлью изслѣдовать «психическое зерно религіи, въ разныя времена и у разныхъ народовъ разростающееся въ разныя формы», Михайловскій, въ своей наиболѣе обширной работѣ на эту тему, въ «Отрывкахъ о религіи», только положилъ начало своему изслѣдованію. Но уже въ этомъ отрывкѣ онъ, къ счастью, успѣлъ обнаружить свою основную мысль, которую можно сформулировать такъ: всякій религіозный культъ есть культъ какой-нибудь индивидуальности, какъ воплощенія того единства, къ которому влекутъ человѣка высшія требованія «борьбы за индивидуальность». Въ этомъ смыслѣ исторія религіозныхъ культовъ представляетъ смѣну различныхъ индивидуальностей, къ которымъ человѣчество привязывало самое высшее въ жизни и которымъ оно готово было жертвовать самымъ дорогимъ въ своемъ существованіи.

Согласно ученію о борьбѣ за индивидуальность, надъ человѣческой инвивидуальностью высится цѣлый рядъ концентрическихъ круговъ—общественныхъ индивидуальностей. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, семья, родъ, фратрія, триба, цехъ, городъ, община, государство. Все это ступени общественной индивидуальности. Всѣ эти общественныя группы—не организмы, а индивидуальности, разумѣя подъ этимъ «цѣлое, вступающее въ отношенія къ внѣшнему міру, какъ обособленная единица». Михайловскій при этомъ мимоходомъ отмѣчаетъ, что столь знаменитыя въ наше время «классовая точка зрѣнія», «классовое сознаніе», «классовая борьба», все это—проявленія общественной индивидуальности «класса». Но «классы» не единственныя индивидуальности общественной категоріи. Римская gens или родъ является такой же общественной

группой, связанной единствомъ вѣры и солидарностью во всѣхъ областяхъ жизни. Члены рода отвѣчаютъ за долги своихъ членовъ, въ судъ обвиняемый приходитъ въ сопровожденіи всѣхъ членовъ своего рода, членъ рода не можетъ свидѣтельствовать противъ сочлена, и т. д. Этому же соотвѣтствуютъ сохранившіеся у многихъ народовъ институты родовой собственности и кровной мести. Ромео и Джульетта встрѣчаютъ въ своей любви упорныя преграды во взаимныхъ отношеніяхъ родовъ Монтекки и Капулетти.

Вотъ, въ подобныхъ индивидуальностяхъ и заключается разгадка самыхъ разнообразныхъ, какъ самыхъ темныхъ, такъ и свѣтлыхъ, сторонъ религіозной жизни.

Михайловскій пользуется извѣстной книгой Фюстель-де-Куланжа «La cité antique», чтобы показать тѣсную связь религіи съ общественными индивидуальностями. На зарѣ исторіи такой индивидуальностью Фюстель выставляетъ семью. И въ связи съ этимъ, первобытная религія есть религія семьи. Въ каждомъ жилищѣ былъ свой алтарь или священный очагъ, на которомъ постоянно тлѣлъ огонь. Подъ священнымъ очагомъ хоронили покойниковъ и около него собиралась вся семья для молитвы. Глава семьи былъ жрецомъ, произносившимъ молитвы и совершавшимъ жертвоприношенія. Съ этой ролью семьи связаны были всевозможныя, на первый взглядъ непонятныя, вѣрованія, заботы и дѣйствія, которымъ приписывалась первостепенная важность. Такъ, напримѣръ, кромѣ членовъ семьи никто не могъ присутствовать на религіозныхъ обрядахъ, потому что у каждаго посторонняго была своя семья, свои Маны и Геніи, и при томъ жречество переходило отъ отца къ сыну.

Въ связи съ этой ролью семьи на зарѣ исторіи «было столько религій, сколько семей». И какъ религіи, такъ и семьи находились другъ къ другу въ отношеніяхъ отчужденности съ оттѣнкомъ враждебности. Съ теченіемъ времени семья разросталась и превращалась въ родъ, включая въ ея составъ рабовъ, отпущенниковъ, кліентовъ, молившихся тѣмъ же семейнымъ богамъ. Семейные боги обращались въ родовыхъ deos gentiles, которые покровительствовали только лишь своимъ. Затѣмъ семьи или роды соединялись въ группы, которыя по-гречески назывались фратріями, а по-латыни куріями. Фюстель не рѣшается утверждать, была ли кровная связь между семьями, входившими въ составъ куріи. Но достовѣрно, говоритъ онъ, что эта новая ассоціація сложилась въ связи съ извѣстнымъ расширеніемъ религіозной идеи. Явилось новое божество, высшее, чѣмъ домашніе боги, общее имъ всѣмъ и покровительствовавшее всей группѣ. Когда нѣсколько курій или фратрій сливались въ трибу, то въ ней создавался свой алтарь и возникало свое божество. Обыкновенно это былъ обожествленный человѣкъ, «герой». Трибы, въ свою очередь, соединялись въ гражданскую общину въ городъ-государство, la cité. Каждая изъ этихъ общественныхъ индиви-

дуальностей входила въ составъ новой индивидуальности, подъ условіемъ сохраненія каждой своего культа, надъ которымъ высился новый общій всѣмъ культъ и общее высшее божество. И каждый человѣкъ, какъ выражается Михайловскій, будучи членомъ семьи, куріи, трибы и гражданской общины, имѣлъ четыре религіи, которыя мирно уживались рядомъ, но изъ которыхъ каждая послѣдующая объединяла болѣе широкій кругъ.

Рядомъ съ семейной и домашней религіей, съ ея осложненіями и развѣтвленіями и съ обожаніемъ предковъ, возникла и развивалась другая, обожествлявшая силы природы—въ образѣ громовержца Юпитера, морского бога Нептуна и другихъ. Это была тоже не единая религія. Она возникла въ пору господства семейныхъ религій и семейныхъ культовъ, и ея боги заняли мѣсто въ семейномъ культѣ рядомъ съ Ларами и Геніями. «Отсюда, по словамъ Фюстеля, множество мѣстныхъ культовъ, между которыми никогда не могло установиться единство. Отсюда борьба между богами, которою полонъ политеизмъ и которая отражаетъ борьбу между семьями, округами и городами». Михайловскій приводитъ соображенія изслѣдователей, доказывавшихъ, что, собственно, обожествленіе физической природы сводится, въ концѣ концовъ, къ культу предковъ. Такого взгляда держался, между прочимъ, Спенсеръ. Михайловскій образно рисуетъ себѣ это такъ: «Древній міръ представлялъ собой рядъ семейныхъ единицъ, связанныхъ общностью происхожденія, санкціонируемыхъ въ своей индивидуальности религіей, рѣзко отграниченныхъ отъ подобныхъ имъ сосѣднихъ индивидуальностей. Религія постепенно расширяетъ каждую такую группу, такъ сказать, въ вертикальномъ направленіи, присоединяя къ ней души предковъ, вовлекая ихъ, равно какъ и персонифицированныя силы природы, въ ея земную жизнь». Кромѣ того, какъ мы это уже видѣли, семейная индивидуальность расширяется въ другомъ направленіи. Прибѣгая къ аналогичной метафорѣ, Михайловскій называетъ это горизонтальнымъ направленіемъ. Это расширеніе происходитъ частію путемъ размноженія, частію путемъ присоединенія къ семейному культу рабовъ, кліентовъ и слугъ.

Въ придачу къ этимъ концентрическимъ наслоеніямъ изъ общественныхъ индивидуальностей, съ теченіемъ времени возникалъ третій родъ коллективныхъ индивидуальностей, какъ бы пересѣкавшій предыдущія въ поперечномъ направленіи: это—классы. Въ нихъ связь, главнымъ образомъ, основывалась на имущественныхъ и вообще экономическихъ интересахъ. Сюда относится въ Римѣ союзъ вождей или отцовъ,—патриціатъ. Римское государство, въ противовѣсъ этимъ «патриціанскимъ» классамъ, возникшимъ еще на основахъ рожденія, ввело «безродныя» трибы плебеевъ. Затѣмъ наиболѣе богатые плебеи вошли въ составъ сословія «всадниковъ», а неимущіе образовали «пролетаріатъ».

Каждая изо всѣхъ этихъ общественныхъ группировокъ связы-

валась своей особой категоріей интересовъ и задачъ, своими особыми заботами, радостями и горестями. И такъ какъ связи этого рода никогда не бываютъ только общественными, а глубоко проникаютъ въ весь душевный строй личности, то отсюда объясняется воздѣйствіе каждой такой группировки, каждой такой общественной коллективности или индивидуальности на религію. Каждая общественная индивидуальность налагаетъ на личность свои особенныя, своеобразныя узы, и тѣмъ самымъ является источникомъ особыхъ религіозныхъ культовъ и особыхъ теченій въ религіи.

Михайловскій не успѣлъ дать этому положенію достаточнаго развитія въ примѣненіи къ различнымъ сторонамъ жизни общества. Но онъ остановился на одномъ крупномъ историческомъ явленіи этого рода, самомъ по себѣ достойномъ вниманія, какъ интересная картина жизни и особенно—въ качествѣ иллюстраціи своеобразной логики и своеобразныхъ противорѣчій культа индивидуальности. Это—культъ цезарей, историческій фактъ, къ которому Михайловскій возвращался не одинъ разъ съ особымъ вниманіемъ.

Культъ цезарей въ Римѣ, т. е. въ буквальномъ смыслѣ обоготвореніе ихъ, — явленіе поразительное. Когда мы видимъ безсмысленныя съ нашей культурной точки зрѣнія вѣрованія, безобразныя божества и ужасные культы у дикарей, то это не можетъ насъ удивлять. Совсѣмъ другое дѣло Римъ, этотъ источникъ права, литературы, ораторскаго искусства и культуры. А между тѣмъ, въ Римѣ мы встрѣчаемъ культъ цезарей, настоящій культъ, съ жертвоприношеніями, молитвами, особыми храмами и жрецами. И титулъ бога присвоивался цезарямъ, жизнь которыхъ была исполнена безумія и всяческой мерзости.

Калигула требовалъ себѣ и получалъ поклоненіе, молитвы, жертвоприношенія въ качествѣ бога, причемъ являлся то Геркулесомъ, то Аполлономъ, Меркуріемъ, Марсомъ и т. д. Юлій Цезарь былъ провозглашенъ богомъ по иниціативѣ сената. То же самое Октавій Августъ. Его соперникъ Антоній объявилъ себя Вакхомъ Діонисіемъ и разъѣзжалъ по Греціи въ костюмѣ бога, предаваясь всякому распутству. Сначала цезари довольствовались титуломъ Divus, божественный. Домиціанъ же объявилъ себя Dominus et Deus, т. е. буквально «Господомъ Богомъ».

Во всемъ этомъ было, разумѣется, много фальши, — льстиваго низкопоклонства, съ одной стороны, наглой дерзости и безумнаго шутовства—съ другой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была и значительная доля искренности и убѣжденности. «Какъ ни велика, говоритъ Михайловскій, въ иные историческіе моменты способность человѣческой природы стираться и терпѣть, все же одною лестью и низкопоклонствомъ нельзя объяснить обожествленіе цезарей. Отрицательные примѣры инако вѣровавшихъ евреевъ и христіанъ сами собою наводятъ на мысль, что въ массѣ римскаго и варварскаго общества существовала искренняя религіозная вѣра въ божественность

главъ имперіи». Какъ замѣчаетъ Ж. Ревиль, авторъ «Религіи въ Римѣ при Северахъ»,—«мы не должны забывать, что почести воздавались населеніемъ не столько государю самому по себѣ, сколько представителю могущества имперіи». По словамъ Буассье, цезарь «непосредственнѣе всего изображалъ собою Римъ и его могущество, а ничто такъ не поражало міръ, какъ римское могущество. Народы, любящіе видѣть во всякомъ успѣхѣ руку Божію,... должны были быть поражены нѣкотораго рода суевѣрнымъ ужасомъ при видѣ столь длиннаго ряда побѣдъ и завоеванія всего міра».

И Михайловскій заключаетъ: «Культъ цезарей былъ культомъ Рима, какъ общественной индивидуальности, и въ качествѣ таковаго олицетворялъ единство этой пестрой смѣси «племенъ, нарѣчій, состояній». Какъ нѣкогда отецъ былъ представителемъ и какъ бы символомъ маленькой семейной индивидуальности, такъ цезарь былъ представителемъ и символомъ огромной индивидуальности римской имперіи, поглотившей безчисленное множество низшихъ индивидуальностей разныхъ типовъ и ступеней» (Посл. соч. II, 50—51).

Въ этомъ Михайловскій видитъ полное объясненіе удивительныхъ особенностей этого своеобразнаго и на первый взглядъ дикаго культа цезарей.

Въ этомъ объясненіи особенно интереснымъ является первостепенное значеніе общественности въ религіи. Въ частности, тутъ заслуживаетъ особеннаго вниманія интимная связь религіи съ государствомъ, — обстоятельство, очевидно, имѣющее значеніе не только по отношенію къ такому спеціальному явленію, какъ культъ римскихъ цезарей.

III.

Культъ индивидуальности, воплощаемой въ различныя индивидуальности и ихъ представителей, имѣетъ свою особенную своеобразную логику, И эта особенная логика опредѣляетъ собой основныя черты религіозной жизни человѣчества.

Чѣмъ опредѣляется смѣна тѣхъ индивидуальностей, которыя въ разныя времена являются предметомъ религіознаго культа?

Она опредѣляется общимъ ходомъ процесса смѣны индивидуальностей и «борьбы» ихъ между собой, то есть, иначе выражаясь,— процессомъ смѣны общественныхъ группировокъ и коллективностей.

Общественныя группировки съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ шатаются, разлагаются, и узы, ихъ связывающія, слабѣютъ. Въ нихъ происходятъ расслоенія, которымъ трудно ужиться въ рамкахъ прежняго единства, — и на смѣну имъ является если не готовое новое единство, то жажда

его. Навстрѣчу этой жаждѣ идутъ новыя общественныя организаціи и группировки.

И среди этого сложнаго и иногда запутаннаго процесса яркой линіей пробивается жажда такого высшаго единства, которое разрѣшило бы всѣ частныя столкновенія и противорѣчія жизни, которое способно было бы поглотить и объединить всѣ стороны существованія человѣка, его вѣрованія, знанія и его нравственные идеалы, и властно направлять его дѣйствія. Такой высшей объединяющей силой являлось въ разныя времена исторіи государство. Въ эпохи крупныхъ общественныхъ несчастій, — гражданскихъ войнъ, нашествія иноплеменниковъ, моровыхъ язвъ и т. п., когда колеблется вѣра въ состоятельность прежнихъ боговъ, въ ихъ способность помочь,—жаждѣ новой религіи идетъ навстрѣчу все то, что поражаетъ воображеніе своимъ величіемъ и могуществомъ, т. е. прежде всего государство и тѣ, кто его представляетъ или то, что его символизируетъ. Такія времена, это—эпохи переворотовъ въ жизни государствъ и въ то же время эпохи религіозныхъ катастрофъ. Не напрасно одной изъ любимыхъ идей Михайловскаго было сопоставленіе политическихъ самозванцевъ съ самозванцами религіозными, какъ характернаго проявленія смутныхъ, критическихъ періодовъ въ жизни народныхъ массъ. Въ такія времена идея государства, обаяніе его могущества и величія является высшей объединяющей (т. е. согласно опредѣленію Михайловскаго — религіозной) силой, которая способна дать наиболѣе широкому кругу народныхъ массъ единство вѣрованій, общность идеаловъ и побужденій.

Чтобы правильно оцѣнить съ точки зрѣнія Михайловскаго культъ государства и его аттрибутовъ, въ качествѣ религіознаго культа, не надо забывать, что съ точки зрѣнія его основнаго ученія это только частное проявленіе общей тенденціи къ культу индивидуальности вообще. Для правильной перспективы необходимо имѣть въ виду, что государство не единственная индивидуальность, способная играть эту роль. На это способна всякая индивидуальность, которая только обладаетъ достаточнымъ обаяніемъ, чтобы дать личности высшее единство—единство вѣрованій, нравственныхъ началъ и дѣйствій. Исканіе такихъ индивидуальностей лежитъ въ основѣ многихъ блужданій и шатаній религіозной мысли и религіознаго чувства, и механика происходящихъ на этой почвѣ движеній и душевныхъ конфликтовъ есть собственно механика взаимодѣйствія разныхъ индивидуальностей различныхъ степеней и типовъ развитія; это—механика того, что Михайловскій назвалъ «борьбой за индивидуальность».

При этомъ особенно важно принять во вниманіе, что кромѣ индивидуальностей общественнаго порядка, которыя высятся надъ человѣкомъ, согласно ученію Михайловскаго, имѣются еще индивидуальности низшаго порядка; онъ утверждаетъ, что «каждый ин-

дивидуальный организмъ состоитъ изъ индивидуальностей низшаго порядка, сохраняющихъ извѣстную степень самостоятельности и, пожалуй, зачаточную форму сознанія». И длинный рядъ явленій религіозной жизни человѣчества проникнутъ мотивами борьбы человѣка (а также взаимодѣйствія) съ индивидуальностями именно этого порядка.

На этой сторонѣ дѣла Михайловскій остановился по поводу прибавленія ко второму тому знаменитыхъ «Soirées de St. Petersbourg» Жозефа де-Местра, подъ заглавіемъ «Eclaircissement sur les sacrifices».

Де-Местръ, будучи ультра-правовѣрнымъ католикомъ, съ негодованіемъ отвергаетъ принципъ primus in orbe deos fecit timor. Онъ убѣжденъ, что источникъ религіи—не страхъ, а радость бытія. Но тѣмъ не менѣе люди, по его мнѣнію, всегда были увѣрены въ той «страшной истинѣ, что они живутъ подъ рукой нѣкоторой гнѣвной силы, которая можетъ быть умилостивлена только жертвами». Чрезъ всю исторію человѣчества проходитъ убѣжденіе, что боги добры, но справедливы, а люди виновны, грѣшны и должны искупать свои вины и умилостивлять боговъ жертвами.

Въ чемъ же коренится грѣхъ и вина? Откуда они происходятъ?

Они коренятся въ раздвоенности человѣка. Въ человѣкѣ, согласно де-Местру, происходитъ постоянная борьба между двумя различными началами. Де Местръ называетъ ихъ «двумя душами», то «тѣломъ и духомъ», то «разумомъ и страстями», то «тѣло» замѣняется у него «органами животныхъ функцій», или «жизнью» (чувственное начало), или, наконецъ, «кровью». Этой двойственностью природы человѣка объясняется постоянно наблюдаемая нами внутренняя борьба побужденій въ человѣческой жизни. Благодаря ей, человѣкъ можетъ одновременно тяготѣть къ добру и злу, любить и ненавидѣть одинъ и тотъ же предметъ, одновременно испытывать страданіе и наслажденіе, заразъ хотѣть и не хотѣть чего-нибудь и т. д.

Въ этой раздвоенности человѣка и заключается его вина, его грѣхъ, который онъ долженъ искупать жертвами,—какъ онѣ предписываются различными религіозными культами.

Де-Местръ ссылается на многіе факты изъ религіозныхъ вѣрованій различныхъ народовъ, подтверждающихъ этотъ взглядъ на значеніе грѣха и на роль искупительныхъ жертвъ. Религіозный культъ искупительныхъ жертвъ является въ этомъ отношеніи особымъ пріемомъ борьбы съ элементами человѣческой личности, разрывающими ее на части: это особый пріемъ борьбы за цѣльность человѣческой природы,—«борьбы за индивидуальность».

Необходимо замѣтить, что идея объ элементахъ человѣческой личности, являющихся причиной внутренней борьбы въ человѣкѣ, входитъ въ составъ распространенныхъ по всему міру представленій и вѣрованій о душѣ. Тэйлоръ, Спенсеръ, Леббокъ, Бастіанъ

и др. собрали огромную коллекцію фактовъ, сюда относящихся — иллюстрирующихъ распространеніе идеи о дуализмѣ души и тѣла. Идеи эти возбуждаются снами, во время которыхъ человѣкъ какъ бы раздваивается,—одинъ остается неподвижнымъ, а другой гдѣ-то витаетъ, разговаривая и слушая разговоры, сражаясь съ врагами и убѣгая отъ нихъ и т. д. То же самое происходитъ во время обмороковъ, летаргіи, экстаза и тому подобныхъ болѣзненныхъ явленій. Такое же толкованіе дается первобытными народами тѣни, эхо, отраженіи въ зеркальной поверхности воды. Какъ указываетъ де-Местръ, сама душа для многихъ древнихъ народовъ представляетъ собою нѣчто множественное, по крайней мѣрѣ двойственное. Онъ отмѣчаетъ подобныя вѣрованія у древнихъ египтянъ и индусовъ и особенно въ классическомъ мірѣ. Михайловскій указываетъ на данныя изъ болѣе широкой области, собранныя у Тэйлора. Идея множественности душъ свойственна современнымъ дикарямъ, европейцамъ въ средніе вѣка и современнымъ мистикамъ.

Присоединивъ къ этому данныя современной психологіи, свидѣтельствующія о способности душевнаго міра дробиться на части, Михайловскій во всей совокупности этихъ явленій выдвигаетъ центральный процессъ жизни: здѣсь передъ нами основной процессъ борьбы между группами («индивидуальностями»), которыя входятъ въ составъ человѣческой личности; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это часть всеобщаго процесса борьбы за индивидуальность.

Борьбой за индивидуальность, согласно Михайловскому, покрывается вся жизнь. «Исторія жизни, говоритъ онъ, во всемъ ея разнообразіи, со всей ея красотой и безобразіемъ состоитъ изъ ряда возникающихъ отсюда побѣдъ и пораженій», а именно—вслѣдствіе «тяготѣнія всякой индивидуальности, въ силу закона развитія, все къ большей сложности и цѣлости, то есть къ количественному увеличенію и качественной подчиненности частей». Всѣ процессы жизни въ человѣкѣ совершаются группами. Всѣми своими дѣйствіями — воспріятіями, познаваніемъ, ощущеніями, сужденіями, чувствами, побужденіями человѣкъ непремѣнно примыкаетъ разными сторонами своего «я» къ различнымъ группамъ физіологическимъ, психическимъ, общественнымъ. Каждая по своему направляетъ центръ вниманія, тѣмъ самымъ отклоняя отъ вниманія, такъ сказать, на боковой планъ, центръ другихъ группъ. И съ точки зрѣнія задачъ религіи, положеніе сводится къ тому, какая группа или какія комбинаціи группъ наиболѣе содѣйствуютъ высшему единству вѣрованій, побужденій и дѣйствій.

Съ точки зрѣнія человѣка, всякое такое столкновеніе группъ («индивидуальностей») обязываетъ его къ отстаиванію своей спеціально человѣческой задачи въ двухъ направленіяхъ. Личность должна, съ одной стороны, подчинять себѣ, какъ цѣлому, входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; а съ другой—она должна противодѣйствовать тенденціямъ высшихъ индивидуальностей къ

нарушенію ея цѣльности. «Этими двумя требованіями, говоритъ Михайловскій, въ сущности исчерпывается антропологическая или—что то же, какъ въ буквальномъ, такъ и въ условномъ смыслѣ слова—гуманная точка зрѣнія на міръ. Всякія другія точки зрѣнія будутъ лишь попытками стать либо выше, либо ниже той ступени индивидуальности, на которой человѣкъ стоитъ по самой природѣ своей, а слѣдовательно, не приличествуютъ человѣческой мысли» (Посл. Соч. II, 386).

Въ обоихъ этихъ направленіяхъ человѣка влекутъ подчасъ очень возвышенныя побужденія; но въ конечномъ счетѣ они сходятся въ одной точкѣ и дѣйствуютъ за одно—урѣзываютъ личность, распатываютъ ея единство, и тѣмъ самымъ поражаютъ и принижаютъ личныя начала въ человѣкѣ.

Въ совершающемся тутъ сложномъ процессѣ столкновенія и взаимодѣйствія группъ, въ этой борьбѣ, въ которой замѣшаны высшіе интересы человѣка, съ чрезвычайнымъ упорствомъ возвращаются ошибки перспективы, мѣшающія различать въ сложной сѣти явленій совокупность и единство того, что опредѣляетъ собой человѣческую точку зрѣнія на міръ. Въ области религіозной жизни въ этомъ смыслѣ особенная роль принадлежитъ аскетизму, какъ его вскрываетъ ученіе Михайловскаго.

Аскетизмъ есть въ такой же степени явленіе внутренней, душевной жизни, какъ и явленіе общественное.

Какъ явленіе внутренняго міра, оно означаетъ побѣду надъ человѣческой личностью со стороны душевныхъ побужденій, проистекающихъ изъ мысли, что надо бороться съ самой природой человѣка. Здѣсь противъ человѣческой личности и ея природы борется одна часть ея, какъ бы вырвавшаяся изъ подъ власти цѣлаго и желающая сокрушить это цѣлое. Ничше даетъ аскетизму объясненіе именно въ этомъ же смыслѣ; онъ говоритъ, что когда жажда власти надъ другими не находитъ себѣ удовлетворенія, то человѣкъ тиранствуетъ надъ собственной личностью и, щеголяя при этомъ своей властью надъ собой, наслаждается сознаніемъ своего превосходства надъ другими. Въ этомъ объясненіи заключается уже не одно психологическое освѣщеніе аскетизма, но отчасти зачатокъ общественнаго. Личность мститъ тутъ человѣческой природѣ въ своемъ собственномъ лицѣ за извѣстныя общественныя обиды. Но это объясненіе Ничше сводитъ все къ неопредѣленной «жаждѣ власти». У Михайловскаго общественная сторона выдвинута ярче и поставлена яснѣе.

Въ его глазахъ аскетизмъ меньше всего относится къ области одиночныхъ психологическихъ курьезовъ: это—широкое явленіе массовой психологіи. Оно коренится въ томъ, что совокупность нѣкоторыхъ общественныхъ отношеній (по типу «раздѣленія труда») влечетъ за собой нарушеніе извѣстныхъ нормъ, которыя по самой природѣ вещей существуютъ для удовлетворенія потребностей

человѣческой природы. Это такія нормы, что когда человѣкъ переходитъ черезъ ихъ предѣлы, то онъ испытываетъ чувство пресыщенія. «Онъ, такъ сказать, объѣлся, ему ничто не мило въ той сферѣ, гдѣ онъ съ такою жадностью искалъ наслажденій, и онъ не только отказывается отъ нихъ, но идетъ навстрѣчу лишеніямъ, ищетъ казни для той плоти, которая соблазнила его». И что замѣчательно,—«тотъ же результатъ получается и въ противоположномъ случаѣ хроническаго неудовлетворенія потребностей. Зовущія къ себѣ, но не дающіяся наслажденія кажутся человѣку грѣховными, онъ стремится заглушить требованія своей природы, для чего опять таки отдается болѣе или менѣе жестокой аскетической практикѣ» (Посл. Соч. II, 282) *).

При этомъ Михайловскій (Соч. VI, 240) различаетъ еще то обстоятельсто, что объѣвшіеся пессимисты живутъ и дѣйствуютъ въ одиночку, каждый въ берлогѣ своей, голодные же пессимисты наоборотъ, группируются въ кружки, общины, «корабли», живутъ и даже умираютъ, какъ, напр., самосожигатели, сообща. И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ аскетизмъ—явленіе, повторяющееся въ обширныхъ размѣрахъ у разныхъ народовъ и во всѣ времена, въ Индіи, въ древней Іудеи, на всемъ Востокѣ, въ древней Греціи и Римѣ съ ихъ возстаніями рабовъ и гладіаторскими войнами, въ средніе вѣка и на Руси. Во всѣ эпохи и вездѣ аскетизмъ является результатомъ общественныхъ отношеній, систематически разрывающихъ человѣческую природу на части, отдѣляющихъ трудъ отъ наслажденія, умственную дѣятельность отъ физической работы, пассивное подчиненіе стихійнымъ силамъ отъ доли личной иниціативы, отъ контроля сознанія и воли.

Когда эти условія переходятъ извѣстные предѣлы, тогда ослабляется цѣльность личности вообще,—ослабляется общая ея способность бороться противъ всевозможныхъ «эксцентрическихъ» порываній и силъ, которыя надвигаются на нее съ двухъ фронтовъ—со стороны ея внутренняго, душевнаго строя и со стороны общества. Въ этомъ состояніи личность борется за какія-то высшія (можетъ быть, смутно сознаваемыя) задачи человѣческой индивидуальности путемъ принесенія въ жертву части своего «я».

То же самое происходитъ въ актахъ религіозныхъ жертвоприношеній. Жозефъ де-Местръ утверждаетъ, что грѣхъ долженъ быть очищенъ жертвами кровавыми. «Такъ какъ человѣкъ грѣшенъ своимъ чувственнымъ началомъ, своимъ тѣломъ, своею жизнью, то проклятіе падало на кровь, ибо кровь была началомъ жизни или, вѣрнѣе, кровь была жизнь». По его мнѣнію, не только грѣхъ искупается кровью, но даже невинная кровь можетъ быть пролита за виновную. «Такъ люди всегда вѣрили и будутъ всегда

*) Подробнѣе объ этомъ см. Соч. VI, 232 и д. въ статьѣ „Палка о двухъ концахъ“.

вѣрить».—Михайловскій, съ своей стороны, указываетъ на аскетическія жертвы, получившія развитіе рядомъ съ кровавыми, какъ на примѣръ того, что искупленіе вины возлагалось не только на кровь, но и на другіе элементы личности. Точно такъ же древніе египтяне, передъ бальзамированіемъ трупа, вынувъ изъ него внутренности («органы животныхъ функцій», согласно де-Местру) и обмывъ ихъ пальмовымъ виномъ, помѣщали ихъ въ особый ящикъ, надъ которымъ произносили слѣдующую молитву: «Солнце, верховный владыко, даровавшій мнѣ жизнь, благоволи принять меня къ себѣ. Я неизмѣнно слѣдовалъ культу моихъ отцовъ; я всегда почиталъ родителей, никого не убивалъ. Если же я совершилъ другіе грѣхи, то не самъ собою, а вотъ этими вещами». И вслѣдъ затѣмъ «эти вещи», то есть внутренности, бросались въ воду.

Въ данномъ обрядѣ явственно выражено, что одна часть личности отвѣчаетъ за цѣлое,—она его замѣняетъ. Въ этой замѣнѣ, точно такъ же, какъ и въ актѣ жертвоприношенія, который, согласно Михайловскому, есть актъ обмѣна между людьми и богами, замѣстительство является вообще основнымъ пріемомъ, проникающимъ всю область религіозныхъ явленій. Это есть пріемъ поручительства или представительства, пріемъ перенесенія задачъ отъ одной коллективной группы, или «индивидуальности», къ другой. И въ примѣненіи къ религіознымъ задачамъ этотъ пріемъ является источникомъ исключительнаго значенія.

Фейербахъ считаетъ, что въ основѣ религіи лежитъ чувство зависимости, чувство или сознаніе человѣка, что существованіе его зависитъ отъ какого-то другого существа или другихъ существъ, отличныхъ отъ него, но въ то же время ему подобныхъ. По представленіямъ первобытныхъ народовъ, вся вселенная населена человѣкоподобными существами. Даже солнце, луна, звѣзды—это люди или бывшіе люди. Эти существа обладаютъ большими силами, чѣмъ человѣкъ, и этимъ объясняется зависимость отъ нихъ человѣка. Человѣкъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но не ограниченъ въ своихъ желаніяхъ и мечтахъ. И слабый человѣкъ, будучи не въ силахъ совладать съ противорѣчіемъ между своими побужденіями и дѣйствительностью, передаетъ эту задачу своимъ богамъ, въ которыхъ осуществляется то, что доступно его желаніямъ, но не доступно его силамъ. Боги—это олицетворенныя, облеченныя въ образы желанія. Имъ онъ поручаетъ исполнять его желанія и бороться съ тѣмъ зломъ, которое онъ самъ не въ состояніи одолѣть. «Испаренія слезъ сердца сгущаются въ небѣ фантазіи въ туманные образы божественныхъ существъ» и эти «боги могутъ то, чего люди желаютъ, то есть они приводятъ въ исполненіе законы человѣческаго сердца...» Съ этой точки зрѣнія въ богахъ человѣкъ сосредоточиваетъ наиболѣе дорогое изъ человѣческаго: можно сказать, что homo homini deus est.

При этомъ, какъ замѣчаетъ Михайловскій, «человѣкъ, представляющій собою источникъ религіи, но долго не сознающій этого и поклоняющійся въ лицѣ своихъ боговъ порожденіямъ своихъ же, человѣческихъ желаній, не есть первое встрѣчное индивидуальное «я». «Я» и вообще немыслимо безъ «ты». Ближайшимъ подтвержденіемъ этого служитъ взаимная любовь мужчины и женщины, въ которой эгоистическое счастье одного лица сливается со счастьемъ другого. «Человѣкъ» Фейербаха есть носитель всѣхъ чертъ человѣческой природы, человѣческаго рода. Не «я» стоитъ въ центрѣ его философіи, а человѣкъ въ рамкахъ родовыхъ признаковъ, которому, слѣдовательно, не чуждо все человѣческое».

Человѣкъ — «носитель всѣхъ чертъ человѣческой природы», какъ высшая цѣль стремленій,—это не чисто отвлеченное понятіе. Этотъ комплексъ задачъ вырабатывается жизнью путемъ совокупной общественной работы мысли и духа. И какъ степень, такъ и размѣры содѣйствія, которыя въ данномъ отношеніи можетъ оказать человѣку общество, зависитъ отъ характера общества, или, выражаясь болѣе точно—отъ формъ общественныхъ отношеній.

Выясненіе этой зависимости, казалось бы, должно было остановить на себѣ вниманіе Гюйо, задавшагося цѣлью выяснить соціологическую сторону религіи. Согласно Гюйо, «идея общественной связи между человѣкомъ и высшими, но болѣе или менѣе подобными ему силами объединяетъ всѣ религіозныя концепціи. Человѣкъ становится истинно религіознымъ, когда строитъ надъ человѣческимъ обществомъ, въ которомъ онъ живетъ, другое общество, болѣе высокое и сильное, общество всемірное, такъ сказать, космическое. Общественность, составляющая одну изъ чертъ человѣческаго характера, при этомъ, расширяется и поднимается до небесъ. Эта общественность составляетъ прочную основу религіознаго чувства и религіозное существо можно опредѣлить, какъ существо, тяготѣющее къ сообществу не только со всѣмъ живымъ, что открывается ему опытомъ, но и съ мысленными существами, которыми онъ населяетъ міръ».

Гюйо такимъ путемъ замѣняетъ «антропоморфизмъ»—какъ онъ выражается, «соціоморфизмомъ» (см. Посл. Соч. 11, 23, 24). Но, тѣмъ не менѣе, какъ отмѣчаетъ Михайловскій, мы не находимъ у Гюйо «именно того, чего въ правѣ были бы ожидать: сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія того, какъ отражается на религіи форма общественныхъ отношеній». Между тѣмъ, Михайловскаго эта задача больше всего интересовала въ изученіи религіи. Самому ему, къ сожалѣнію, не удалось посвятить ей какую-нибудь систематическую спеціальную работу. Но нѣкоторыя соображенія, сюда примыкающія, выяснены имъ въ примѣненіи къ частному, очень замѣчательному кругу явленій религіозной жизни,—религіознымъ движеніемъ народныхъ массъ въ эпохи катастрофъ—въ эпохи

шатанія вѣры, напряженныхъ усилій мысли, исканій, блужданій и созданія новыхъ религіозныхъ сектъ и ученій.

IV.

Факты, сюда относящіеся, въ изобиліи представляетъ исторія: напримѣръ, въ эпоху, ближайшую къ христіанской эрѣ, т. е. до и послѣ рожденія Христа. То же самое относится къ среднимъ вѣкамъ, столь богатымъ колоссальными движеніями народныхъ массъ религіознаго характера. Цѣлыя историческія полосы этого рода Михайловскій отмѣчаетъ также и въ исторіи Россіи.

Всѣ такіе періоды характеризуются тѣмъ, что предшествующій историческій ходъ вещей или какія-нибудь крупныя общественныя катастрофы,—государственные и политическіе кризисы, нашествія иноплеменниковъ, война или физическія бѣдствія—голодъ, эпидеміи, моровыя язвы—шатаютъ въ большихъ массахъ народныхъ довѣріе къ установившимся связямъ общественнымъ, государственнымъ и другимъ. Тутъ, въ напряженныхъ исканіяхъ новыхъ связей, на которыя можно было бы положиться, выступаетъ обостренная жажда религіи, какъ стремленіе къ наиболѣе полной, всеобъемлющей связи. И личность въ этихъ условіяхъ, растерзанная своей общественной безпріютностью и растерянная, ищетъ удовлетворенія своей религіозной потребности высшаго единства—за предѣлами человѣка и человѣческой природы, въ мистически-загадочномъ. Чувство безпомощности въ предѣлахъ установившагося строя естественно направляетъ чувство и воображенія внѣ привычнаго, обыденнаго круга существованія—къ чему-то, лежащему далеко за предѣлами даннаго, въ загадочно далекомъ.

Это естественный исходъ стремленій для всякаго, кто такъ или иначе чувствуетъ, что никакимъ даннымъ моментомъ существованія не исчерпывается вся сумма дѣйствительности, для всякаго, передъ кѣмъ не закрыты далекіе горизонты широкообъемлющей природы человѣка. И въ напряженныхъ усиліяхъ раскрыть эти горизонты, нетерпѣливому въ своихъ порываніяхъ, измученному неудачами духу человѣческому свойственно слагать всю тяжесть задачи съ сознательныхъ элементовъ личности и перелагать ее цѣликомъ на загадочные голоса чего-то далекаго, сверхъ-человѣческаго, неземного.

Уильямъ Джемсъ, въ своихъ новѣйшихъ лекціяхъ о религіи (The Varieties of religions experience), въ результатѣ обширнаго психологическаго изслѣдованія, высказывается слѣдующимъ образомъ объ этомъ стремленіи за предѣлы сознательной области.

Въ нашемъ душевномъ строѣ въ его цѣломъ заключается больше жизни, чѣмъ мы это сознаемъ въ какой бы то ни было отдѣльный моментъ. «Каждый изъ насъ, по выраженію одного изслѣдователя,—

есть постоянное психическое существо, которое охватываетъ гораздо болѣе вширь, чѣмъ оно само это сознаетъ: это индивидуальность, которая никогда не въ состояніи обнаружить себя полностью какими бы то ни было тѣлесными проявленіями. «Я» проявляется черезъ посредство организма, но всегда остается часть этого «я», которая не проявлена; и всегда, повидимому, имѣется нѣкоторая сила органическаго выраженія — незанятая, въ запасѣ». Очень замѣтная часть этаго широкаго фона, на которомъ выдѣляется наше сознательное существо, состоитъ изъ самихъ по себѣ незначительныхъ элементовъ. Сюда входятъ неясныя воспоминанія, обрывочныя и разрозненныя впечатлѣнія. Но въ этой же сферѣ коренятся также многія изъ проявленій геніальнаго творчества. И именно эта область, заключающая въ себѣ подсознательное продолженіе сознательной жизни, есть та область, въ которой религіозныя стремленія черпаютъ свою силу. Она составляетъ необходимое дополненіе человѣческой личности до цѣлаго, и въ ней религіозное чувство находитъ источникъ своего вдохновенія. Близкое общеніе съ этой областью очень часто связано съ глубокими разстройствами душевнаго міра; оно сопровождается тяжелыми нервными припадками и болѣзненнымъ нарушеніемъ нормальныхъ душевныхъ способностей. Но невропатическое состояніе, утверждаетъ Джемсъ, еще рѣшительно ничего не говоритъ ни за, ни противъ истинности взглядовъ того, кто ему подверженъ. Ни въ наукѣ, ни въ техникѣ для того, чтобы судить о достоинствѣ какихъ-нибудь мнѣній или теорій, мы не спрашиваемъ, обладаетъ ли ихъ авторъ невропатической конституціей или нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ мы прибѣгаемъ къ совершенно другимъ критеріямъ. То же самое примѣнимо и къ вопросамъ религіи. Если критерій религіознаго достоинства говоритъ въ пользу даннаго направленія, то оно въ нашихъ глазахъ не можетъ потерпѣть ущерба вслѣдствіе того, что исходитъ отъ личности съ разстроенной нервной системой.

На этихъ соображеніяхъ Джемсу пришлось остановиться вслѣдствіе того, что наиболѣе выдающіяся проявленія религіозной жизни во всѣ времена обнаруживаютъ склонность сочетаться съ душевными комбинаціями, отмѣченными печатью исключительности и эксцентричности. Инииціаторы религіозныхъ движеній почти сплошь душевнонеуравновѣшенные люди, сплошь и рядомъ подверженные нервнымъ припадкамъ и всевозможнымъ нервнымъ страданіямъ, вплоть до конвульсій.

Михайловскій также не разъ возвращается къ этимъ явленіямъ, когда изслѣдуетъ психологію массовыхъ движеній и въ частности— религіозныхъ движеній народныхъ массъ. Онъ приводитъ относящіяся сюда соображенія Ломброзо, который въ своей книгѣ «Геній и помѣшательство» выставляетъ тезисъ о близости сумасшествія и геніальности. А въ брошюрѣ, въ которой онъ разсматриваетъ массовыя народныя волненія, Ломброзо излагаетъ особенную теорію,

согласно которой народныя движенія всегда нуждаются въ толчкѣ со стороны вожаковъ, выдающихся изъ массы своей энергіей и при томъ всегда—ненормальныхъ: это—«маттоиды». Вотъ это послѣднее соображеніе Михайловскій подчеркиваетъ и сближаетъ со взглядомъ же того Ломброзо на родственность геніальности и сумасшествія. Самъ по себѣ этотъ тезисъ, на взглядъ Михайловскаго, не выдерживаетъ критики, являясь просто слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніемъ изъ такихъ историческихъ фактовъ, какъ, напримѣръ, тотъ, что Магометъ, Лютеръ, Кардано, Контъ, Шопенгауеръ и многіе другіе имъ подобные страдали тѣмъ или другимъ видомъ душевнаго разстройства. Но полнаго вниманія, полагаетъ Михайловскій, заслуживаетъ связующее звено этихъ двухъ теорій—ученіе о маттоидахъ (ненормальныхъ людяхъ), какъ о «герояхъ» или вожакахъ массовыхъ движеній. «Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, отнюдь не всегда; но очень часто всетаки во главѣ толпы становятся эти безкорыстные, хотя и самолюбивые, и властолюбивые, и честолюбивые, увлекательные, хотя и полубезумные люди, которыхъ я, впрочемъ, предпочелъ бы характеризовать не двухсмысленнымъ и вмѣстѣ слишкомъ одностороннимъ словомъ «маттоидъ», а цѣлымъ выраженіемъ, именно тѣмъ удивительнымъ выраженіемъ, которое лѣтописецъ Выговскій старообрядческой пустыни употребляетъ, говоря объ Андреѣ Денисовѣ: «И тако Богомъ поставляемъ, приходитъ самозванъ паче же рещи богозванъ, къ подвигу». Какъ ни дерзко это выраженіе, но оно едва прикрываетъ дерзость и безуміе самихъ лжепророковъ. «Такой пророкъ» «можетъ и совсѣмъ не вѣрить въ свое провиденціальное назначеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренно вѣрить въ надобность и справедливость того дѣла, ради котораго онъ носитъ личину. Можетъ вѣрить тою странною, но не рѣдко встрѣчающеюся полу-вѣрою, которая какъ бы говоритъ человѣку: есть въ тебѣ высшая сила, говоритъ въ тебѣ неземной голосъ, но слабъ онъ, но всетаки говоритъ, и потому не грѣхъ будетъ, если ты, для убѣжденія толпы, прибѣгнешь къ какому нибудь фокусу и ложному чуду или, по выраженію пророка, Іереміи „мечты сердца своего" выдать за дѣйствительность". (Соч. II, 217—8).

Въ основѣ этого обмана и самообмана—толпы, съ одной стороны, пророковъ-самозванцевъ и мистиковъ вообще, съ другой стороны—лежитъ болѣзненая ненормальность и тѣхъ, и другихъ. Толпа слѣпо идетъ за своимъ вожакомъ, иногда совершенно случайнымъ, когда она соотвѣтственнымъ образомъ «приготовлена»: когда она доведена до такого состоянія, что испытываетъ своеобразныя, но весьма реальныя «жажду подчиненія» и «наслажденіе отдачи себя и своей воли въ чужія руки» (Соч. II, 232).

Это слишкомъ отвлекло бы насъ отъ нашей темы, если бы мы захотѣли остановиться на выясненіи тѣхъ условій, которыя «приготовляютъ» къ этому общество и обращаютъ его въ «толпу». Мы

ограничимся только краткой формулой: это тѣ условія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ въ человѣкѣ «ослаблена индивидуальность». Главная особенность этого состоянія заключается въ ослабленіи связности личности—въ нарушеніи того, что дѣлаетъ личность однимъ цѣлымъ. Выражаясь научнымъ терминомъ, это есть децентрализація человѣческаго «я». Личность какъ бы развинчена на составныя части, которыя дѣйствуютъ внѣ зависимости отъ цѣлаго, т. е. внѣ высшаго контроля центральнаго сознанія и центральной воли. О крайнихъ проявленіяхъ такого распаденія читатель найдетъ много интереснаго матеріала, собраннаго Михайловскимъ въ его работѣ о «Патологической магіи» (особенно въ главахъ отъ 1-ой до 8-ой и 12-ой).

Распаденіе и децентрализація личности есть ослабленіе того самаго, къ возстановленію чего въ конечномъ счетѣ стремится всякая религія, какъ ее опредѣляетъ Михайловскій. И въ высокой степени знаменательно чрезвычайное распространеніе среди разныхъ первобытныхъ народовъ вѣрованій и культовъ, связанныхъ съ вѣрой въ эти явленія распаденія, какъ источникъ высшихъ, сверхъ-человѣческихъ знаній и общенія съ трансцендентнымъ міромъ. Мы имѣемъ здѣсь проявленіе того любопытнаго закона, по которому людей, потерявшихъ равновѣсіе, какъ нарочно тянетъ къ тому самому, что усугубляетъ ихъ неуравновѣшенность. Къ области подобныхъ вѣрованій относится, напримѣръ, вѣра въ вѣщіе сны и родственныя имъ явленія общенія человѣка съ высшимъ міромъ. Въ связи съ этимъ находится обширное примѣненіе у многихъ народовъ всевозможныхъ наркотиковъ, опьяняющихъ и одуряющихъ средствъ; сюда же относятся такія явленія, какъ пляски дервишей на Востокѣ, у сектантовъ во время «радѣній» и т. п.

«Мы можемъ,—говоритъ Михайловскій, (Соч., II, 319),—съ полной увѣренностью отвергнуть мнѣніе всѣхъ дикарей, будто состояніе омраченнаго тѣмъ или другимъ способомъ сознанія поднимаетъ человѣка на какую-то высшую ступень. Но, независимо отъ квалификаціи этого состоянія, оставляя оцѣнку его, какъ высшаго или низшаго, совсѣмъ въ сторонѣ, трудно допустить, чтобы цѣлые народы и цѣлые вѣка рѣшительно и грубо заблуждались, ожидая отъ своихъ одуренныхъ чудодѣевъ такихъ проявленій духа, которыя не мыслимы въ нормальномъ состояніи. Какіе-нибудь дикіе мундрукусы ошибаются, вѣря, что ихъ духовидецъ побывалъ гдѣ-то внѣ чувственнаго міра и оттуда принесъ имъ нужныя для нихъ свѣдѣнія, но свѣдѣнія-то онъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ принесъ: и если дѣйствительно принесъ, то надо доискаться, откуда и какимъ путемъ онъ ихъ получилъ».

Какъ видимъ, мысль тутъ та же самая, что и приведенныя выше соображенія Джемса. Только Михайловскій идетъ дальше и совершенно точно указываетъ источникъ «подсознательныхъ» мистическихъ внушеній. У гипнотиковъ, у находящихся въ состояніи

экстаза и другихъ децентрализованныхъ вообще наблюдается ненормально повышенная чувствительность различныхъ органовъ чувствъ: обонянія, слуха, осязанія, зрѣнія, мышечнаго чувства. Они у нихъ доходятъ до такой степени тонкости, какая совершенно недоступна нормальному человѣку. Этимъ же объясняются, напримѣръ, чудеса ловкости, обнаруживаемыя лунатиками. Эти явленія отнюдь не означаютъ, что даннымъ субъектамъ удалось перейти границы, которыя природа наложила на человѣка вообще. Они только раздвигаютъ тѣ границы, въ которыхъ живутъ и чувствуютъ нормальные люди. Какъ это формулируетъ Михайловскій метафорически, у такихъ людей «внѣшній міръ входитъ въ тѣ же двери, что у обыкновенныхъ людей, но у нихъ эти двери отворены настежь» (Соч. II, 321). Кромѣ того, у людей въ этомъ состояніи достигаютъ крайняго напряженія память, воображеніе и вообще способности къ ассоціаціи, группировкѣ, связыванію и сближенію элементовъ, ускользающихъ отъ подобныхъ же операцій нормальнаго духа. Въ этомъ заключается вѣрная сторона сравненія между геніальностью и сумасшествіемъ. Въ работѣ генія—художественнаго, научнаго, философскаго, практическаго—цѣлыя полосы захвачены совершенно аналогичными процессами. Ходъ работы генія Михайловскій рисуетъ себѣ въ такомъ видѣ. «Мысль сознательно и подъ давленіемъ опредѣленнаго волевого импульса направляется на извѣстный планъ и разрабатываетъ его; но по прошествіи нѣкотораго времени въ работу врывается быстрая, кипучая волна автоматизма». Этотъ процессъ автоматизма «вызываетъ памятью изъ нѣдръ сознательно и безсознательно усвоенныхъ фактовъ подходящіе элементы и комбинируетъ ихъ воображеніемъ въ стройное цѣлое; на это время сознаніе какъ бы удаляется, воля бездѣйствуетъ, образы и идеи самостоятельно текутъ и группируются, повинуясь лишь собственнымъ механическимъ законамъ ассоціаціи. Затѣмъ сознаніе и воля опять вступаютъ въ свои права и кладутъ на работу послѣдніе штрихи, но періодъ безсознательнаго, автоматическаго творчества, повидимому, необходимъ, и вотъ почему, говоритъ Михайловскій, труднѣйшія части работы дѣйствительно могутъ совпадать съ моментами алкоголическаго возбужденія или другихъ видовъ помраченнаго сознанія, даже просто сна. Въ подкрѣпленіе этого Михайловскій приводитъ слова Карпентера: «есть сильное основаніе думать, что лучшими своими сужденіями умъ нашъ часто, особенно въ трудныхъ случаяхъ, бываетъ обязанъ безсознательнымъ выводамъ, разрѣшающимъ всѣ затрудненія въ то время, когда (послѣ предварительнаго внимательнаго разсмотрѣнія) вопросъ былъ предоставленъ самому себѣ». И Михайловскій въ поясненіе этого прибавляетъ: «вотъ это-то предоставленіе самому себѣ» и составляетъ истинную задачу тѣхъ разнообразныхъ пріемовъ устраненія контроля сознанія

и воли, которые практикуются кудесниками, духовидцами, чудодѣями всѣхъ странъ и народовъ» (Соч. II, 323—4).

Другими словами, вся ихъ задача въ этомъ отношеніи сводится къ тому, чтобы дать возможно безпрепятственно проявиться «подсознательнымъ» составнымъ частямъ все той же человѣческой личности, которая у нормальныхъ людей въ обыденномъ ихъ состояніи тоже дѣйствуетъ, но только другими своими частями. У каждаго изъ насъ въ организмѣ происходятъ иногда патологическія измѣненія, которыя не доходятъ до порога сознанія, вслѣдствіе того, что сознаніе усиленно занято. Но случается, что именно поэтому, когда сознаніе не такъ занято, во снѣ, ощущеніе этихъ измѣненій доходитъ до насъ, въ видѣ сновидѣній (Соч. II, 325). Точно такъ же въ насъ бываютъ иногда безсознательныя предчувствія, которыя толкаютъ насъ въ извѣстномъ направленіи, но бодрствующее сознаніе не поддается имъ, хотя эти предчувствія не всегда обманываютъ. Михайловскій категорически оговаривается, что «отнюдь не каждый человѣкъ можетъ, безъ вреда для себя и для другихъ, полагаться на внутренніе безсознательные голоса, въ ущербъ голосу сознанія». Но онъ столь же категорически обращаетъ вниманіе на то, что въ данныхъ явленіяхъ заключается реальное объясненіе, «какимъ образомъ помраченное сознаніе разныхъ чудодѣевъ можетъ не только не мѣшать правильнымъ предчувствіямъ, предвидѣніямъ и предсказаніямъ, а даже обусловливать собою эту правильность».

Совокупность явленій, бѣгло отмѣченныхъ нами сейчасъ, на которыхъ Михайловскій останавливается иногда очень подробно—въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Паталогическая магія», «Герои и толпа» и др.—даетъ нѣкоторое представленіе о тѣхъ плюсахъ, которые способны вносить въ общую духовную сокровищницу люди децентрализованнаго «я». Въ этихъ плюсахъ заключается источникъ ихъ обаянія на массы, особенно когда массы страдаютъ тѣми же страданіями, какъ и они, и обуреваемы тѣми же чаяніями. Въ специфическомъ характерѣ этого источника заключается разгадка способности поражать воображеніе особеннымъ способомъ, заставляя его приписывать исключительнымъ, ненормальнымъ людямъ происхожденіе сверхъ-естественное и общеніе съ чѣмъ-то неземнымъ: рѣзкая расколотость душевнаго строя на части при нѣкоторыхъ формахъ ослабленія сознанія и воли, съ одной стороны, доводитъ иногда до утраты чувства боли, что, само по себѣ, производитъ впечатлѣніе чего-то сверхъ-естественнаго, а съ другой—до склонности говорить и дѣйствовать не отъ своего личнаго имени. «Человѣкъ, опьяненный настоемъ или отваромъ мухомора, приписываетъ всѣ свои ни съ чѣмъ несообразные поступки велѣніямъ мухомора: мухоморъ приказалъ идти туда-то и сдѣлать то-то. Вообще, людей децентрализованнаго «я» всегда кто-нибудь послалъ, а кто именно послалъ,—это опредѣляется частью личной фантазіи, но гораздо

большей частью существующими въ данной средѣ повѣрьями и миѳами» (Соч. II, 363).

Отсюда прямой путь къ самозванству, начиная съ приписыванія себѣ общенія съ невидимыми духами, вплоть до пророчествъ отъ имени боговъ и до отождествленія себя съ ними.

И въ тѣхъ невольныхъ обманахъ и самообманахъ, которые въ этомъ направленіи совершаются, есть одинъ особенно важный элементъ. Къ самозванству толкаетъ вожаковъ религіозныхъ (также и политическихъ) движеній не только сбивчивость и неясность безсознательныхъ побужденій. Тутъ имѣется болѣе существенная причина—въ склонности, на которую, какъ приведено выше, указываетъ Фейербахъ. Она выражается въ томъ, что человѣкъ, чувствующій себя безсильнымъ совладать съ извѣстными задачами, передаетъ ихъ своимъ богамъ. Въ нихъ осуществляется то, что доступно его желаніямъ, но не доступно его силамъ. Имъ онъ поручаетъ исполнять свои желанія и бороться съ тѣмъ зломъ, которое онъ самъ не въ состояніи одолѣть. И вотъ, въ пріемѣ этой передачи и этого поручительства рѣшающее вліяніе должны оказывать формы общественныхъ отношеній. Массы народныя возлагаютъ на общественный союзъ и его представителей исполненіе задачъ, которыя требуютъ постоянной провѣрки и постояннаго выясненія путемъ упорной работы сообща. Поэтому, напримѣръ, когда вся данная среда страдаетъ слабостью общественной солидарности, отсутствіемъ того, что цементируетъ общество, то въ этихъ условіяхъ естественно выработаться принципу: «вы, наши заступники, хлопочите о насъ, а мы даже не будемъ касаться той области, которая вамъ поручена». Когда «передача», о которой говоритъ Фейербахъ, совершается въ такой атмосферѣ, то совершенно естественно, что избранники, вожаки-герои, на которыхъ возлагается высокая функція борьбы за общее дѣло, находясь внѣ живаго соприкосновенія съ тѣми, кому это дѣло близко и внѣ ихъ контроля — попадаютъ на наклонную плоскость самозванства. Если общее дѣло становится приватнымъ и даже освящается санкціей неприкосновенности, тогда самозванство неизбѣжно: избранники людей, обязанные передъ ними отвѣтственностью, начинаютъ самозванно считать себя безотвѣтственными и избранниками судьбы, боговъ и т. п.

На этомъ частномъ примѣрѣ, полагаемъ, не трудно усмотрѣть, какимъ образомъ критика извѣстной категоріи явленій религіозной жизни должна свестись къ критикѣ соотвѣтственныхъ типовъ общественныхъ отношеній. Гюйо, задавшійся цѣлью взглянуть на религію со стороны соціологической, какъ отмѣчаетъ Михайловскій, въ этомъ отношеніи «довольствуется указаніемъ на параллелизмъ эволюціи религіи и общественныхъ отношеній: и то, и другое единовременно развивается, эволюціонируетъ, совершенствуется». Но при этомъ у Гюйо «не дается опредѣленнаго критерія совершенствованія, конечно, въ томъ предположеніи, что на этотъ счетъ

нѣтъ и не можетъ быть разногласія». Но такъ ли это?—спрашиваетъ Михайловскій. Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтить на него отрицательно. Для самаго Михайловскаго такимъ критеріемъ являлось, согласно его формулѣ прогресса, требованіе возможной «однородности» общества.

V.

Пріемъ передачи высшихъ задачъ въ другія руки проходитъ черезъ всю область религіозной жизни и практики. И въ выводахъ, къ которымъ Михайловскій пришелъ въ своемъ анализѣ взаимныхъ отношеній массы къ выдающейся личности, заключаются цѣнныя указанія на существо самыхъ задачъ, которыя подлежатъ вообще такого рода передачѣ.

Въ своемъ изслѣдованіи о герояхъ-вожакахъ, ведущихъ за собой массы, онъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ.

Вожаки вообще являются тамъ, гдѣ народъ, истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ, ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія, чтобы двинуться. Вождемъ народныхъ стремленій является тотъ, кто, повинуясь своей энергичной природѣ, не умѣетъ сносить, подобно другимъ, нерѣшительнаго положенія, кто, не умѣя ждать, первый произноситъ роковое слово, первый двигается. Онъ дорогъ массѣ и дѣйствуетъ на массу своей «нераздвоенной рѣшительностью». Нераздвоенная рѣшительность—вотъ то первое требованіе, которое масса предъявляетъ своимъ вождямъ и которое опредѣляетъ ихъ обаятельность и притягательную силу. Это есть основное свойство всякой вѣры и убѣжденности. И въ то же время это исходный пунктъ всякаго самоопредѣленія личности. Больше того, это основа всякаго истиннаго индивидуальнаго существованія въ душевной сферѣ, такъ какъ ею опредѣляется существо воли и личной иниціативы.

При этомъ вся внутренняя обаятельность даннаго свойства, вся сила воздѣйствія его обладателя на массу коренится въ томъ, что онъ не просто самъ обладаетъ способностью къ нераздѣльной, «нераздвоенной сосредоточенности», но что онъ уловилъ тотъ пунктъ, къ которому можно привлечь столь же безраздѣльное вниманіе другихъ. По словамъ Михайловскаго, обаяніе крупныхъ историческихъ личностей объясняется тѣмъ, что, «врѣзываясь всею своею крупной, яркою фигурой въ ходъ событій или въ исторію мысли, они разрываютъ плотную ткань разсчетовъ пользы и выгоды, равно какъ и установившихся традицій, и, сосредоточивъ на себѣ общее вниманіе, ведутъ людей, куда хотятъ» (Соч. II, 404). Здѣсь отмѣчено двойное воздѣйствіе крупной личности. Она разбиваетъ нѣчто готовое, разрываетъ ту «плотную ткань», на которую раньше направлялось вниманіе и которая не давала ему сосредо-

точиться. И затѣмъ она поворачиваетъ и сосредоточиваетъ его въ другомъ направленіи. Это двойной актъ единаго процесса—процесса столкновенія, борьбы и смѣны разныхъ группъ интересовъ и задачъ. И шансы побѣды въ немъ тѣмъ выше, чѣмъ шире и устойчивѣе кругъ тѣхъ высшихъ задачъ, на которыя удается достаточно настойчиво направлять вниманіе массъ.

Михайловскій какъ-то приводитъ слѣдующую мысль Луи-Блана о значеніи личности въ исторіи. «Личность,—говоритъ Луи-Бланъ,—можетъ играть въ исторіи большую роль только подъ тѣмъ условіемъ, если она есть то, что я желалъ бы назвать представительнымъ человѣкомъ. Сила, которою обладаютъ личности, почерпается ими изъ себя только весьма меньшею частью: большею частью онѣ почерпаютъ ее изъ окружающей ихъ среды. Жизнь ихъ есть не что иное, какъ только сосредоточеніе коллективной жизни, въ которую онѣ погружены. Импульсъ, который онѣ даютъ обществу, въ сущности не великъ въ сравненіи съ импульсомъ, который онѣ получаютъ отъ него... Великіе люди управляютъ обществомъ только при помощи силы, которую получаютъ отъ него же. Они освѣщаютъ его, только сосредоточивая въ одномъ фокусѣ всѣ исходящіе изъ него лучи». Легко видѣть, что именно «представительные» люди, въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, имѣютъ больше всего шансовъ сосредоточить на себѣ вниманіе другихъ и вести ихъ за собой. Въ качествѣ «сосредоточія коллективной жизни», эти собирательные люди (или «люди-маяки», по выраженію Михайловскаго) могутъ предъявить вниманію такую совокупность чисто человѣческихъ свойствъ, которой одной подъ силу прорѣзать «плотную ткань» традицій и всевозможныхъ историческихъ наростовъ. И потому, что имъ это болѣе подъ силу, масса склонна передавать имъ свои высшія задачи борьбы за человѣческую индивидуальность. Она охотно поручаетъ имъ это въ разныхъ областяхъ духовнаго творчества. Въ области искусства они борются въ этомъ смыслѣ обаяніемъ художественныхъ образовъ, тоже всегда собирательныхъ и представительныхъ—«типичныхъ» и «символичныхъ». Въ области нравственной они въ этой борьбѣ опираются на силу личнаго человѣческаго достоинства. А въ области религіи—на связь личной душевной силы съ общимъ міровымъ порядкомъ вещей.

И во всѣхъ этихъ областяхъ духовной жизни разрѣшеніе высшихъ задачъ, съ точки зрѣнія Михайловскаго, невозможно внѣ рѣшенія задачъ общественнаго порядка, такъ какъ отъ формъ общественныхъ отношеній зависитъ, въ какой степени личности доступно представительство за достоинство человѣка въ его цѣломъ, а не враздробь, по классамъ, сословіямъ и другимъ общественнымъ группамъ. Въ концѣ концовъ, все тутъ зависитъ отъ того, какъ складывается общественная солидарность: степенью и качествомъ этой солидарности, свойствами того, что цементируетъ

данную общественную среду, опредѣляется содѣйствіе, которое общество оказываетъ личности въ ея высшихъ исканіяхъ художественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ. Въ этомъ же—критерій цѣнности этихъ исканій и высшая ихъ санкція.

Чтобы понять мысль Михайловскаго до конца, мы должны имѣть въ виду, что существуетъ два вида общественной солидарности: одна солидарность устанавливается благодаря сходству людей между собой, а другая—благодаря ихъ различію (см. Откл. II, 64—99). Къ этому надо прибавить существенную оговорку, что не слѣдуетъ смѣшивать сходство съ единообразіемъ. И съ точки зрѣнія Михайловскаго, плохи шансы достиженія высшаго гдѣ бы то ни было—въ области ли художественно прекраснаго, въ области нравственно, возвышеннаго или въ области религіозной убѣжденности — внѣ условій общественной солидарности, основанной на сходствахъ между людьми, т. е. на общественной однородности.

А. Красносельскій.

НА ВЫБОРАХЪ.

II.

Въ городѣ.

Въ Самару пріѣхалъ я ночью. Долго искали мы съ извозчикомъ номеръ двѣсти семнадцатый на Соборной улицѣ. Проѣхали освѣщенную часть города, заѣхали въ темныя окраины. Съ коробкой спичекъ ходилъ я около домовъ и, вставая на носки, старался зажженной спичкой освѣтить заржавленную дощечку съ номеромъ дома, прибитую иногда подъ самымъ карнизомъ.

— И какъ не знать, между какими улицами этотъ домъ!—ворчалъ извозчикъ.—Да у насъ въ Самарѣ собака— и та не побѣжитъ никуда, если улицы не знаетъ.

— Такъ я же говорю, номеръ двѣсти семнадцатый...

— Номеръ, номеръ! Намъ плевать на номеръ. Нѣтъ, ты скажи, между какими улицами этотъ самый номеръ. Заѣдемъ-ка, вотъ, въ часть; тамъ тебѣ разъяснятъ...

— Зачѣмъ же въ часть...

— Хе, хе, хе! Испугался! Ну, ужъ ладно. Я пошутилъ.

Наконецъ, мнѣ удалось прочитать номеръ сто восемьдесять третій.

— Ну, садись да держи хорошенько счетъ,—сказалъ мнѣ кучеръ, взявшись за вожжи.

Я сидѣлъ на саняхъ и держалъ счетъ домамъ, а кучеръ употреблялъ все свое искусство, чтобы благополучно проѣхать по громаднымъ валунамъ снѣга, завалившаго всѣ улицы Самары. Чѣмъ дальше, тѣмъ дорога становилась все хуже и хуже. Сани сваливались на бокъ, падали внизъ, подъ хвостъ лошади, потомъ поднимались на гору и, казалось, готовы были вскочить лошади на спину. Должно быть, за снѣжными холмами отъ моего вниманія ускользнуло нѣсколько домовъ. Когда я позвонилъ въ предполагаемомъ двухсотъ семнадцатомъ номерѣ, то, вмѣсто знакомаго, услы-

шалъ за дверями чей-то незнакомый, злой, утробный, какъ у чревовѣщателя, голосъ:

— Это двѣсти двадцать третій! Налакаются, чортъ бы васъ взялъ, да и лѣзутъ съ пьяныхъ-то глазъ въ чужой домъ. Эхъ...

На другой день я съ утра отправился въ редакцію мѣстной газеты, чтобы войти въ курсъ городской жизни и узнать предвыборныя новости. На улицахъ встрѣчалось много учащейся молодежи, хозяекъ съ провизіей и рыжихъ мужиковъ. За время войны Самара очень выросла. Тутъ, какъ и во всѣхъ городахъ по Сибирской желѣзной дорогѣ, остался не одинъ кровавый милліонъ денегъ... Но Самара городъ не промышленный. Какъ и большинство русскихъ городовъ, она оживаетъ только на зиму, начиная съ осени, когда крестьяне уберутъ хлѣбъ. Тогда городъ превращается въ гигантскій ворохъ зернового хлѣба. Тутъ закипаетъ вся жизнь: свѣтятся магазины, театры, рестораны. Сюда, какъ вороны на добычу, съѣзжаются торговцы, монахи, генералы, проститутки; сюда же тянется, въ разсчетѣ на заработокъ, голодный, рабочій людъ. Даже крысы и мыши сбѣгаются сюда вслѣдъ за хлѣбомъ изъ опустѣвшихъ мужицкихъ гуменъ и амбаровъ. Городъ оживаетъ, какъ больной, принявшій обычную дозу морфія: на лицѣ появляется подозрительный румянецъ, глаза блестятъ, движенія становятся увѣренны и размашисты, голосъ звенитъ вызывающе-крикливо. Но за то вокругъ города глохнетъ и мертвѣетъ вся жизнь. Въ городѣ пиръ и ликованье. Тутъ переливается изъ одного помѣщенія въ другое золотое хлѣбное море, а въ деревняхъ— пустые амбары и желудки, худосочныя дѣти, голодный тифъ и всѣ болѣзни проклятой мужицкой жизни. И чѣмъ меньше у мужиковъ родится хлѣба, тѣмъ тороплилвѣе они вывозятъ его сюда изъ своихъ амбаровъ и ссыпаютъ въ барки и купеческіе амбары за безцѣнокъ.

Но торговыя площади, базары и теперь кишатъ мужиками. Везутъ остатки деревенскаго богатства: сѣно, солому, скотину, птицу. Мычатъ телята, визжатъ нервныя свиньи... Голодная деревня молча, угрюмо приноситъ себя въ жертву у ногъ всемогущаго города.

Въ провинціальномъ городѣ трудно имѣть секреты. Тамъ даже обывательскія мысли и тайныя намѣренія непостижимыми путями становятся извѣстны всѣмъ раньше своего осуществленія. Редакція газеты „Волжское Слово“ находится на одной изъ людныхъ центральныхъ улицъ Самары. Она и была такимъ мѣстомъ, куда ежедневно съ ранняго утра стекались всѣ городскія новости. Сюда забѣгали подозрительные, пугливые, оглядывающіеся по сторонамъ эсэры, само-

увѣренные кадеты и эсдеки, раздраженные и на правительство, и на революцію октябристы, а также всѣ „дикіе" политики и политиканы,—рабочіе, доктора, чиновники, адвокаты... Всѣ здѣсь курили, торопливо обмѣнивались нѣсколькими фразами и бѣжали дальше, каждый по своимъ дѣламъ: кто—разнести по постоялымъ дворамъ революціонныя прокламаціи, а кто—въ судъ, судить революціонеровъ за распространеніе прокламацій. И вотъ къ концу дня, непостижимымъ для всѣхъ образомъ, всѣ знали о намѣреніяхъ и планахъ другъ друга.—Кто же донесъ?!—восклицаютъ и правые, и лѣвые.—Тутъ безъ шпіонства невозможно. Такія подробности могутъ знать только близкіе люди! Надо слѣдить...

Въ редакціи было тѣсно, душно и людно. Три стола сотрудниковъ занимали почти всю комнатку. Посѣтители вертѣлись между столами, сидѣли на столахъ, на диванѣ и громко разговаривали о городскихъ выборахъ.

— Это все эсдеки, черти, мутятъ! — говоритъ мѣстный адвокатъ.—Они вздумали свои отдѣльные списки по всѣмъ частямъ проводить. „Намъ, говорятъ, классовое самосознаніе дорого... Подсчетъ силъ..." До подсчета ли силъ тутъ, когда черная сотня на носу. Вонъ вчера опять въ трехъ мѣстахъ собранія истинно-русскихъ были. Кореневъ со своими дочерьми молебны пѣлъ.

— Къ чорту истинныхъ! Ничего не сдѣлаютъ!—кричитъ толстый, бритый артистъ мѣстной труппы.—Все равно пройдутъ лѣвые! Губернаторъ, говорятъ, ужъ въ департаментъ полиціи телеграмму далъ, что, несмотря на всѣ принятыя имъ мѣры, лѣвые вездѣ проходятъ. Проситъ указаній...

Взрывъ смѣха. Шутки.

— Ну, положимъ, они еще не всѣ средства-то исчерпали,—многозначительно говоритъ судейскій чиновникъ.—Они еще кое-что въ запасѣ имѣютъ. Погодите, придетъ рѣшительный моментъ, такъ они намъ кузькину мать покажутъ...

Начались знакомства.

— Наконецъ-то. Давно васъ ждемъ,—здоровался со мной сотрудникъ газеты, В. А. Кудрявцевъ.—Только, къ несчастью, уѣздная коммиссія въ порядкѣ надзора исключила шестерыхъ изъ состава уполномоченныхъ, а въ томъ числѣ и васъ...

— Не можетъ быть...

— Это вѣрно. Я встрѣтилъ сегодня секретаря дворянской опеки. Онъ мнѣ сообщилъ.

— На какомъ основаніи?

Собесѣдникъ мой пожалъ плечами.

— На какомъ основаніи? На такомъ, что вы своими руками землю не пашете. Поэтому же и еще пятерыхъ исключили. Уѣздная коммиссія постановила: „Такъ какъ такіе-то не проживаютъ въ мѣстѣ своего домохозяйства, а слѣдовательно, не могутъ вести такового, то...“ Вы понимаете: „Не проживаютъ, слѣдовательно, не могутъ вести“... Какова логика! Только они въ калошу сѣли съ этимъ заключеніемъ. Этого не только въ законѣ, даже въ сенатскомъ разъясненіи не отыщешь. Кромѣ того, четверо изъ исключенныхъ, дѣйствительно, не живутъ въ мѣстѣ своего домохозяйства; но двое, Бѣловъ и Солововъ, всегда живутъ въ своемъ селѣ и домохозяйство сами ведутъ. Тутъ ужъ прямо что-то непостижимое. Дневной разбой...

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ въ Самарѣ начался тотъ предвыборный бѣгъ съ препятствіями, который для всей оппозиціи устроила русская реакція. Въ зданіи уѣзднаго съѣзда мы имѣли разговоръ съ предсѣдателемъ уѣздной коммиссіи, г. Ставровскимъ. На его желтомъ и сморщенномъ лицѣ плавала любезная улыбка, когда онъ излагалъ намъ постановленіе уѣздной коммиссіи. Изъяснялся онъ при помощи безличнаго глагола „стало“, который сопровождалъ каждое его слово.

— Земскіе начальники, стало, доносятъ намъ, стало, что вы не сами ведете хозяйство... Ну, вотъ, стало, васъ и исключили, стало, поэтому. Но вы можете обжаловать, стало, въ губернскую коммиссію...

Вечеромъ того же дня мы всѣ, лишенные избирательныхъ правъ, собрались въ квартирѣ одного присяжнаго повѣреннаго и до полночи писали жалобу въ губернскую коммиссію. Ссылки на законъ, тяжеловѣсныя юридическія фразы и цѣлыя страницы разсужденій о томъ, что ясно безъ словъ, какъ Божій день. Если бы правительство не было заинтересовано въ изгнаніи интеллигентныхъ силъ изъ состава выборщиковъ, то сенатъ не „разъяснялъ“ бы избирательнаго закона, никто не исключалъ бы насъ изъ списковъ, и сомнѣнія въ нашемъ избирательномъ правѣ всякому показались бы просто сумасшествіемъ. Но правящему классу нужно обезсилить своего врага; въ его рукахъ сила, вотъ онъ и гонитъ насъ... Нужно ли писать мудреныя слова, приводить статьи закона и притворяться, что не понимаешь сущности дѣла. Не лучше ли бросить всю эту словесную дребедень и написать: господа, вы поступили нечестно; у васъ есть время исправить это, и вотъ мы вамъ объ этомъ напоминаемъ...

Жалобы, однако, написаны и поданы. Но увѣренности на успѣхъ у насъ было мало. Если уѣздная коммиссія исклю-

чила, то губернская, думалось, подтвердитъ... Не терялъ надежды только, кажется, одинъ Ф. К. Бѣловъ. Это энергичный старикъ, похожій на Черномора: низенькій, коренастый, съ большой бородой, кверху широкій, книзу тонкій, точно волчекъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ безъ устали день и ночь ѣздилъ изъ Самары въ свое село Обшаровку и обратно, доставалъ какіе-то приговоры, копіи, удостовѣренія, вообще былъ въ полной готовности доказать то, что и безъ бумагъ ясно, т. е. что онъ, Бѣловъ, крестьянинъ: родился, жилъ и думаетъ умереть въ Обшаровкѣ; у него свой домъ, два надѣла земли, которую онъ и обрабатываетъ; и, вообще, онъ, Бѣловъ, полноправный членъ сельскаго общества... Возможно, что на случай сомнѣнія въ его рожденіи, крещеніи и существованіи на свѣтѣ онъ захватилъ и метрики...

Къ великому нашему удивленію, губернская коммиссія подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружного суда, г. Филиппова, отмѣнила постановленіе уѣздной и такимъ образомъ возстановила насъ въ избирательныхъ правахъ. Постановленіе губернской коммиссіи было формулировано весьма опредѣленно и рѣзко. Она признала за всѣми нами безспорныя избирательныя права и рѣшила, не довѣряя уѣздной коммиссіи, увѣдомить насъ о своемъ рѣшеніи непосредственно.

Это вызвало негодованіе уѣзднаго дворянства и администраціи и нападки мѣстной октябристской газеты „Голоса Самары“. У губернатора состоялся совѣтъ. Постановили обжаловать рѣшеніе губернской коммиссіи въ сенатъ, но не по существу, что̀ сдѣлать было затруднительно, а по формальнымъ соображеніямъ. Нашли, что составъ губернской коммиссіи былъ незаконный. Когда объ этомъ узналъ предсѣдатель коммиссіи, то, говорятъ, въ раздраженіи отвѣтилъ: „Еже писахъ—писахъ. Пусть жалуются, куда хотятъ“.

Но, какъ бы то ни было, перепрыгнувъ первое препятствіе, мы продолжали нашъ предвыборный бѣгъ.

Въ девять часовъ утра 23 января тѣсныя и грязныя помѣщенія уѣзднаго съѣзда были полны народомъ. Въ дверяхъ стоятъ полицейскіе. Въ передней привѣтливой улыбкой встрѣчаетъ меня швейцаръ.

— Что, господинъ, выплыли? Ну, слава Богу. А я думалъ ужъ, что вамъ капутъ будетъ.

Уполномоченные переходятъ изъ комнаты въ комнату, сталкиваются, сходятся кучками и снова расходятся. Всѣ вглядываются другъ другу въ лица, заговариваютъ, нащу-

пываютъ, стараются рѣшить мучительный вопросъ: кто другъ и кто врагъ? Какъ бы не промахнуться и не ввѣриться тому, кто не будетъ въ силахъ или не захочетъ отстаивать народныя нужды!

Часто изъ толпы выдѣляются взволнованные люди, сплетаются парами, отходятъ въ сторону или темный уголъ и долго шепчутся и машутъ руками. Нѣкоторые переходятъ отъ одной группы къ другой съ тупымъ и безнадежнымъ выраженіемъ лица. Дескать, все равно, ничего изъ этого не выйдетъ.

Тамъ спорятъ о томъ, за плату или безъ платы нужно взять землю отъ частныхъ владѣльцевъ. Выскакиваетъ низкорослый, бойкій мужикъ и начинаетъ горячо говорить и махать мозолистой рукой. Но слова его не слушаются. Онъ чувствуетъ въ себѣ глубокую, яркую, выношенную въ теченіе всей трудовой мужицкой жизни мысль, но у него нѣтъ такихъ же яркихъ и сильныхъ словъ. Онъ безнадежно взмахнулъ рукой и отошелъ въ сторону, только блестящіе отъ волненія глаза говорили ясно, что онъ не высказалъ того, что хотѣлъ высказать.

Спорятъ, какъ выбирать. Многіе предлагаютъ выбрать въ кандидаты по два человѣка отъ каждаго участка земскаго начальника. Такъ говорятъ, главнымъ образомъ, тѣ, которые мѣтятъ въ выборщики, но не надѣются выдѣлиться чѣмъ-нибудь изъ массы. Когда имъ возражаютъ, что интересы крестьянъ въ первомъ и въ пятомъ участкѣ одинаковы, а потому нужно выбирать не участки, а людей, они умолкаютъ, отходятъ въ сторону и въ другой кучкѣ снова заводятъ тѣ же пѣсни.

Часовъ въ одиннадцать появились списки кандидатовъ, предложенныхъ эсэровскимъ комитетомъ: большинство съ юга. Это произвело переполохъ среди сѣверянъ. Многіе усмотрѣли въ этомъ „захватъ власти“.

Ко мнѣ подходитъ уполномоченный съ сѣвера, здоровый мужикъ, съ виду напоминающій собою старшину: толстая шея, кулаки по самовару и умное вкрадчивое лицо. Его въ спискѣ не было.

— Это нехорошо, Степанъ Семенычъ! Къ чему эти списки? Конечно, мы не противъ нѣкоторыхъ. Вотъ васъ, къ примѣру, или Макарова мы ужъ знаемъ и выберемъ А другихъ намъ пусть не навязываютъ...

Около насъ собирается толпа. Кто-то проситъ у собесѣдника списокъ кандидатовъ и спрашиваетъ его:

— Вы не согласны голосовать за этотъ списокъ цѣликомъ?

— Никакъ не согласенъ.

— Такъ вотъ что сдѣлайте съ нимъ. .

Онъ разрываетъ списокъ и бросаетъ обрывки на полъ. Простота, съ какой все это произошло, возбуждаетъ общій смѣхъ. Но сѣверянъ это не удовлетворяетъ. Тамъ нѣмцы, имѣющіе по нѣскольку десятковъ, даже сотенъ десятинъ земли, богатые мужики и татары. Всѣ они насторожились и стали сплачиваться около своихъ вожаковъ. Прогрессивный югъ и консервативный, разноплеменный сѣверъ начали разслаиваться на двѣ враждебныя силы.

Прошелъ предсѣдатель, уѣздный предводитель дворянства, чисто вымытый, маленькій, прилизанный человѣчекъ, съ деревянными движеніями. Онъ старался не глядѣть на мужиковъ, ибо не ожидалъ почтительныхъ поклоновъ. Однако, нѣкоторые невольно поднялись и покорно пагнули свои лохматыя головы.

— Здравствуйте, ваше сіятельство!

Сдержанные протесты и насмѣшливые взгляды молодежи.

— Кому кланяетесь? Тому, кто изъ насъ же кровь сосетъ! Такъ вы ужъ у него и ручку поцѣлуйте!

Ровно въ 12 часовъ засѣданіе было открыто. Предсѣдатель прочиталъ статьи закона о выборахъ и предложилъ намѣтить кандидатовъ при помощи записокъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ запискахъ повторились имена почти всѣхъ участниковъ съѣзда. Абсолютное большинство по запискамъ получилъ одинъ я. Остальные—отъ 31 и ниже. Многіе имѣли по одной и по двѣ записки.

Началась долгая и томительная баллотировка. Баллотировали сразу въ четыре ящика. Крестьяне потребовали, чтобы тѣ, кого будутъ баллотировать, вставали сначала каждый у своего ящика, показались бы всѣмъ, а потомъ уже шли въ отдѣльную комнату. Я вмѣстѣ съ другими тремя кандидатами удалился въ сосѣднюю комнату. И странное чувство испытывалъ я, прислушиваясь къ сдержаннымъ звукамъ, которые доносились черезъ закрытую дверь изъ зала собранія. Мнѣ казалось, что въ сосѣднемъ залѣ за закрытыми дверями судьба пишетъ своей рукой нашъ приговоръ. Стальные шары скатывались въ ящики съ легкимъ стукомъ. Ноги шаркали объ полъ. Словъ почти не слышно. Чувствуется только, что за закрытыми дверями совершается таинственное и важное дѣло. Напряженіе чувства передается изъ зала ко мнѣ и властно охватываетъ все мое существо.

— Пожалуйте въ залъ!

Вотъ они, эти таинственные ящики, выкрашенные наполовину въ черный, наполовину въ бѣлый цвѣтъ. Они притаились и молчатъ, хотя знаютъ уже тайну народной совѣ-

сти; они, точно невѣдомые пестрые звѣрьки, свернулись клубками на длинномъ столѣ и ждутъ послѣднихъ нашихъ шаровъ.

Разъ, два, три. Я положилъ другимъ свои шары и отошелъ въ сторону. Предсѣдатель открылъ клапаны.

— Кондурушкинъ! Сорокъ восемь направо и двадцать налѣво. Избранъ. Макаровъ! Тридцать семь направо, тридцать одинъ налѣво. Избранъ.

Остальные двое оказались неизбранными.

Ко мнѣ тянутся съ поздравленіями десятки закорузлыхъ рукъ. Передо мной мелкаютъ бородатыя лица съ широкими улыбками.

— Пишите намъ, извѣщайте, пріѣзжайте къ намъ изъ Думы!—слышу я возгласы.

Дальше пошла долгая, молчаливая и упорная война. На баллотировку ставили одну смѣну кандидатовъ за другой, и всѣ оказывались забаллотированными. Сѣверяне клали влѣво южанамъ, южане—сѣверянамъ. Съ брезгливымъ выраженіемъ лица предсѣдатель спрашиваетъ мужиковъ:

— Желаете ли баллотироваться?

— Пусть ужъ просѣютъ! Что же дѣлать, быть баллотироваться,—отвѣчали даже тѣ, у кого было по двѣ, по одной запискѣ, становились около ящиковъ, потомъ удалялись въ сосѣднюю комнату. Все это дѣлалось упорно, сосредоточенно. Многіе считали, что они не въ правѣ отказываться отъ баллотировки. И только немногіе на предсѣдательскій вопросъ отвѣчали:

— Не желаю, ваше сіятельство! Покорно благодаримъ за приглашеніе.

Воронкой пятнадцать разъ обернулось собраніе около избирательныхъ ящиковъ. Пробаллотировали почти всѣхъ 69 человѣкъ. Все напрасно. Никто, кромѣ меня и Макарова, выбранъ не былъ.

Около пяти часовъ приступили къ повторной баллотировкѣ. Предсѣдатель предупредилъ собраніе, что если второй баллотировкой не будутъ избраны остальные выборщики, то Самарскій уѣздъ останется при двухъ представителяхъ. Снова и снова шестьдесятъ девять человѣкъ проходятъ мимо длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, снова предсѣдатель вскрываетъ ящики, уполномоченные собираются около него толпою и нервно затихаютъ.

— Двадцать два направо, сорокъ шесть налѣво... Не избранъ!

— Чортъ знаетъ, что такое!—раздаются возгласы.—Товарищи, нужно сговориться. Вѣдь дѣло серьезное.

На скамьяхъ отдѣльными кучками сидятъ угрюмые сѣ-

веряне и смотрятъ на всѣхъ исподлобья. Подхожу къ нимъ.

— Господа, поговорите между собой. Нужно же кого-нибудь выбрать.

Встрѣчаю холодные, даже враждебные взгляды.

-- Выбрать? Надо бы выбрать, да, видно ужъ, не станемъ. Нашихъ закатали, ну и ваши не пройдутъ.

Зажгли огни. Въ полумракѣ комнатъ вяло двигается голодная толпа людей. Осунувшіяся лица, воспаленные глаза мелькаютъ въ дымномъ, туманномъ воздухѣ. Полицейскіе или спятъ у дверей, или мучаются приступами зѣвоты и съ ненавистью смотрятъ на движущіяся лохматыя фигуры. Кто-то изъ уполномоченныхъ лежитъ въ темной комнатѣ на диванѣ голоднымъ животомъ внизъ и безнадежно спрашиваетъ проходящихъ:

— Ну, что, не выбрали? Нѣтъ! О-о-о!..

А въ залѣ воронкой вертится около урнъ толпа. Въ дымномъ, липкомъ воздухѣ мелькаютъ бородатыя маски, слышатся подавленные вздохи, раздраженныя слова. Здѣсь, около избирательныхъ ящиковъ столкнулась старая и молодая Россія, богатые мужички—съ обычнымъ, голоднымъ, рядовымъ крестьянствомъ, темные старики—съ новымъ, молодымъ поколѣніемъ. Но между этими двумя силами находилась еще какая-то третья сила, нерѣшительная, безвольная, которая топила своей тяжестью и правыхъ, и лѣвыхъ. Пестрые избирательные ящики и тѣмъ, и другимъ выносили неувѣренный, но неизмѣнно отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, не избранъ. Было много такихъ: 34 и 34—не избранъ; 33—35, 32—36 и т. д.

Баллотируются снова всѣ. Предсѣдатель со злобой смотритъ на упорныя лица мужиковъ: ему хочется ѣсть. Только къ своимъ онъ относится ласково и даже подсказываетъ мужикамъ ихъ кандидатуры. Баллотируется вторично истинно-русскій нѣмецъ, членъ земской управы Мейзенгельтеръ. Онъ въ нерѣшительности.

— Вотъ ужъ и не снаю, што мнѣ дѣлайть?

— Конечно, баллотируйтесь, — предлагаетъ предсѣдатель.—Чай, образумятся, наконецъ...

Но избиратели не образумились. Мейзенгельтеръ снова получилъ только восемнадцать бѣлыхъ.

Наконецъ, раздались возгласы:

— Избранъ! Шишкинъ избранъ,—Потомъ вскорѣ были избраны Комариковъ, Хаяровъ, Денисовъ, Гришинъ, Грачевъ и Кириллинъ, избраны въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые при первой баллотировкѣ сами отказались отъ своихъ

кандидатуръ. Вѣроятно, они большинству казались безразличными по своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Послѣ выборовъ всѣ мы, выборщики по Самарскому уѣзду, отправились въ ближайшую гостиницу пить чай. Никаноръ Ивановичъ Шишкинъ—степенный, спокойный и уравновѣшенный; онъ всегда долго наблюдаетъ, потомъ скажетъ что-нибудь дѣльное, нужное. Дмитрій Ѳедоровичъ Денисовъ—коренастый мужикъ, борода лопатой, быстрыя, но мягкія движенія и быстрая рѣчь. Его слова бѣгутъ одно за другимъ, и самъ онъ готовъ тотчасъ же броситься за ними въ погоню. Михаилъ Ивановичъ Хаяровъ,—сухощавый, высокій, чисто одѣтый, похожъ на землевладѣльца средней руки; онъ рѣзокъ, вспыльчивъ, съ замашками деревенскаго деспота, но толковый и энергичный человѣкъ. Комариковъ—худощавый мужикъ, старшина, ведетъ политику на обѣ стороны. Гришинъ и Грачевъ—скромные, тихіе, симпатичные крестьяне. Кириллинъ—рыжій, желтый, поломанный трудомъ мужикъ, но все еще искренній, увлекающійся и живой, точно юноша. Иванъ Ѳедоровичъ Макаровъ, бывшій сельскій учитель—желтый, нервный, порывистый и подозрительный человѣкъ.

Недолго продолжалась наша первая бесѣда. Многіе торопились уѣхать изъ города, и всѣ устали до послѣдней крайности. Зашелъ разговоръ о томъ, какія свѣдѣнія дать о нашихъ политическихъ направленіяхъ въ газету. Сначала одобрили слово „прогрессисты".

— А кто такіе прогрессисты?—спросилъ Шишкинъ.

— Прогрессисты, это безпартійные люди, которые, однако, не назадъ тянутъ, не говорятъ, что у насъ все хорошо, а стремятся къ улучшеніямъ, къ измѣненію существующаго строя,—пояснилъ Макаровъ.

— Что же, это ничего. Назовемся прогрессистами,—одобрили нѣкоторые.

Кто-то предложилъ назваться трудовиками.

— Вотъ это дѣло! Трудовики—это намъ самое подходящее слово. И русское, и понятное, ой, какое понятное!..

Слово соціалисты отвергли, какъ страшное и опасное.

Подходитъ Кириллинъ и грустно говоритъ:

— Не возьму я, Степанъ Семеновичъ, на себя такого позора—трудовикомъ прозываться. Я—соціалистъ, такъ ужъ и въ газетѣ написать нужно это слово...

Милый Кириллинъ! Газета поименовала его прогрессистомъ, но правительственные отчеты поименовали его, вѣроятно, какъ и повсюду крестьянъ: православный, монархистъ.

Съ тяжелой головой ѣхалъ я домой. Колеса конки визжали отъ мороза и стучали по рельсамъ. Въ вагонѣ, кромѣ

меня, никого не было. Только на площадкѣ стояли кондукторъ и контролеръ, спрятавъ озябшія головы въ заиндевѣвшіе башлыки и отъ нечего дѣлать смотря на окруженную туманнымъ кольцомъ луну. Контролеръ пошевелился, и подъ его ногами захрустѣлъ морозъ.

— А вѣдь вотъ луна!.. Слышишь, Митричъ?

— Слышу,—отвѣчаетъ, не шевелясь, кондукторъ.

— Вотъ говорю я, луна. Если вдуматься, что такое луна, такъ и страшно станетъ.

— Отчего же?—недовѣрчиво спрашиваетъ Митричъ.

— Да вотъ, къ примѣру, ходитъ луна вокругъ земли и не падаетъ...

Митричъ молчитъ. Должно быть, ему не понятенъ мистическій страхъ своего собесѣдника.

— Или свѣтитъ она,—продолжаетъ контролеръ,—а свѣтъ у ней не свой, а отъ солнца. Отраженіемъ она свѣтитъ. Слышишь, Митричъ?

— Слышу. Не знаю, какъ это такъ она отражаетъ...

— А очень просто,—оживляется контролеръ.—Вотъ, къ примѣру, губернаторъ. Развѣ онъ отъ себя власть имѣетъ? Отъ царя? А царь отъ кого? Отъ народа. Значитъ, они тоже отраженнымъ свѣтомъ...

Митричъ крякнулъ. Оба покосились въ мою сторону и затопали мерзлыми ногами.

Въ концѣ января, вечеромъ, ко мнѣ пришелъ юноша и таинственно пригласилъ на засѣданіе. Долго мы шли по темнымъ улицамъ и переулкамъ, такъ что я потерялъ имъ всякій счетъ и не зналъ, въ какой части города мы находимся. Наконецъ, мой спутникъ остановился, оглядѣлся кругомъ и юркнулъ въ покривившуюся калитку, пригласивъ меня въ полголоса:

— Пойдемте сюда.

Узкій, длинный дворъ; въ самомъ его концѣ стоялъ небольшой каменный флигель. Въ подвальномъ этажѣ флигеля сквозь темную занавѣску просвѣчивалъ огонь. Юноша остановился около двери и прислушался. За дверью было тихо.

— Должно быть, никого еще нѣтъ,—бросилъ онъ мнѣ полувопросомъ и дернулъ звонокъ.

— Кто тамъ?—послышался хриповатый, вѣроятно, отъ долгаго молчанія, голосъ.

— Это я, Николай.

Насъ встрѣтилъ пожилой человѣкъ, похожій на отставного чиновника. Онъ былъ въ войлочныхъ туфляхъ, въ мяг-

кой рубашкѣ съ галстухомъ изъ голубого пояска и въ сѣромъ, тоже мягкомъ, пиджакѣ. Вообще, весь видъ у него былъ крадущійся, мягкій, какъ у стараго, нѣсколько полинявшаго и посѣдѣвшаго, но все еще довольно пушистаго кота.

— Аркадій не заходилъ? — спросилъ мой спутникъ, назвавшійся Николаемъ.

— Нѣтъ, никого еще не было,—отозвался пожилой человѣкъ, подавая ему руку.—Съ кѣмъ имѣю честь?—обратился онъ ко мнѣ.

Я назвался.

— Очень пріятно, весьма даже. А моя фамилія Груздевъ, Алексѣй Прохорычъ Груздевъ. Ничѣмъ не замѣчателенъ и никому не извѣстенъ, кромѣ своихъ враговъ. Да-съ. А вы—писатель. Читалъ, читалъ и, такъ сказать, заочно съ вами знакомъ, духовно знакомъ. Милости прошу.

Груздевъ вышелъ мягкими шагами изъ комнаты, а Николай сообщилъ мнѣ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Онъ не партійный, но намъ очень сочувствуетъ и квартиру свою даетъ для собраній. У него—манія преслѣдованія со стороны высшихъ властей. Онъ обличаетъ чиновниковъ въ служебномъ небреженіи,въ мошенничествѣ, пишетъ письма царю, министрамъ, ихъ женамъ и любовницамъ, все раскрываетъ какія-то милліонныя кражи. Часто ѣздитъ въ Петербургъ, подаетъ жалобы въ сенатъ и на высочайшее имя. Со службы его давно уже выгнали. Онъ увѣренъ, что ему удастся, наконецъ, раскрыть всѣ преступленія, воровство, какое творится властями, и прославить свое имя.

Я теперь только разглядѣлъ Николая. Это былъ еще не вполнѣ сложившійся, но крѣпкій молодой человѣкъ. У него были длинныя, мускулистыя руки съ крѣпкими жилистыми кистями. Поверхъ красной рубашки на немъ было теплое ватное полупальто, въ которомъ онъ ходилъ дома и на улицѣ. Вообще, онъ имѣлъ видъ человѣка, который не имѣетъ постояннаго пристанища, готовъ идти, куда угодно, спать, гдѣ его застанетъ ночь, и ѣсть, гдѣ накормятъ. Все свое онъ носилъ съ собой. Эти неудобства жизни, повидимому, его нимало не безпокоили, потому что на его загрубѣломъ отъ морозовъ, безусомъ лицѣ часто появлялась беззаботная дѣтская улыбка. А наивные голубые глаза его были прямо прелестны. Только при малѣйшемъ шорохѣ на дворѣ онъ настораживалъ уши, какъ чуткая дворовая собака.

— Извините, я немного замѣшкался,—заговорилъ Груздевъ, входя въ комнату.—Мнѣ бы вѣдь ужъ пора на покой, на кровати бы день и ночь лежать да ногами небо ко-

вырять. А у меня все хлопоты, все безпокойство... Очень я хотѣлъ съ вами познакомиться, а въ особенности теперь. Вамъ, какъ будущему члену Государственной Думы, я хочу передать проектъ одинъ...

Алексѣй Прохорычъ подвинулся ко мнѣ поближе, съ явнымъ намѣреніемъ изложить дѣло основательно. Николай, вѣроятно, не разсчитывалъ услышать ничего новаго, взялъ газету и уткнулся въ нее носомъ.

— Ахъ, если бы вы знали, что̀ я пережилъ!—словоохотливо началъ Груздевъ.—Если бы вамъ всю мою жизнь разсказать, такъ не то что сто,—тысячу томовъ можно написать, и то всего не упишешь. Да. Я самъ написалъ повѣсть: „Zwei und zwanzig Jahre unter Höllenstrahlen"... Я вѣдь по матери нѣмецъ, и нѣмецкій языкъ—мой первый родной языкъ. Да-съ, повѣсть „Двадцать два года подъ лучами ада". Тамъ всѣ мои страданія описаны... И теперь рукопись лежитъ у редактора за границей... Мнѣ одинъ нѣмецкій издатель шесть тысячъ марокъ предлагалъ, да я еще погожу немного. Тамъ я всѣ ихнія дѣла описалъ, всѣ милліонныя кражи, всѣ подлоги и насилія. О-о-о! Это адъ, истинный, я вамъ скажу, адъ! У меня все готово къ печати въ заграничныхъ редакціяхъ. Мнѣ стоитъ только нажать кнопку, и весь міръ узнаетъ о васъ, звѣро-люди! Только троньте меня! Вы ходите по вулкану!.

Груздевъ выкатилъ злобно глаза и покраснѣлъ отъ негодованія.

— Чьи же вы дѣла описали?—спросилъ я.

— Всѣхъ описалъ. Министры у меня тамъ, Витте, напримѣръ; государственный контролеръ, директоръ департамента полиціи и теперешніе многіе министры и сенаторы есть... Да... Еще при Плеве я написалъ царю письмо, изложилъ ему, что кругомъ въ Россіи грабежъ, несправедливость; чиновники-боги дѣлаютъ все, что захотятъ. Чтобы искоренить это зло, я предлагалъ царю проектъ: для разслѣдованія злоупотребленій разсылать по провинціи флигель-адъютантовъ со всѣми полномочіями... Виновнымъ вѣшать въ награду пудовыя чугунныя медали на пеньковыхъ лентахъ. И повѣрьте, тогда бы никакихъ злоупотребленій не было. При Николаѣ первомъ одному чиновнику повѣсили такую медаль... Но вѣдь одному только, а это не дѣйствительно. Мой отецъ и наблюдалъ, чтобы этотъ чиновникъ ее каждый день носилъ... Ну, вотъ, и я проектъ...

Тутъ Груздевъ засмѣялся. Смѣхъ его походилъ на старческій кашель, когда, закашлявшись, старикъ не можетъ вздохнуть и долго, безсильно хрипитъ. При этомъ глаза его, цвѣта мыльной воды, покрывались слезой и блестѣли.

— Когда тамъ получили мой проектъ,—продолжалъ онъ послѣ смѣха,—такъ Плеве-министръ, говорятъ, ногами топалъ. „Кто такой, говоритъ, Груздевъ? Да какъ онъ смѣетъ! Бить его, сукина сына, въ морду"... Недавно былъ я въ Петербургѣ, такъ они меня чуть-чуть не затравили. Хотѣли въ сумасшедшій домъ посадить, звѣро-люди! Случай спасъ меня...

Старикъ остановился, чтобы провѣрить, заинтересовался ли я его случаемъ. О своемъ пеньковомъ проектѣ онъ уже, повидимому, позабылъ.

— Какой же случай?—спросилъ я.

— Видите ли, встрѣтилъ я тамъ, въ Петербургѣ, одного знакомаго литовца. И сказалъ онъ мнѣ случайно въ разговорѣ, что привезъ продавать вино такое, старовуткой прозывается, столѣтнее вино, можетъ быть, еще его дѣдомъ въ землю зарыто. А великій князь одинъ—пьяница страшнѣющій!—эту самую старовутку прямо, можно сказать, обожаетъ. Я ему письмо и написалъ, великому-то князю, что вотъ, молъ, я, такой-то, могу достать старовутки цѣлый боченокъ. Ко мнѣ на другой же день вечеромъ княжескій адъютантъ прискакалъ, съ письмомъ отъ князя. Приглашаетъ во дворецъ къ себѣ по извѣстному дѣлу. Понимаете, „по извѣстному дѣлу!" Я обѣщался завтра быть; письмо себѣ въ карманъ положилъ...

— А въ тотъ вечеръ мнѣ какъ разъ назначенъ былъ пріемный часъ у одного сенатора, который въ прошлую войну, можетъ быть, десять милліоновъ укралъ. Хорошо. Прихожу. Смотрю, у него въ кабинетѣ всѣ мои враги: министры, сенаторы, генералы разные. Такъ на меня и уставились, окружили... Смотрю я на нихъ, щеки у нихъ трясутся, глаза по сторонамъ бѣгаютъ. Сенаторъ-то мнѣ и говоритъ: „По моему, говоритъ, вы устали, глубокоуважаемый Алексѣй Прохорычъ, и вамъ не мѣшаетъ отдохнуть, полѣчиться. За всѣ ваши труды родина должна о васъ позаботиться. Мы вамъ и мѣстечко нашли... Эй!.."

— Входятъ два жандарма! Вижу, дѣло дрянь. Конецъ мой приходитъ. Похолодѣлъ я весь. Да вдругъ вспомнилъ про письмо. Эврика! Спасенъ! „Погодите, говорю, ваше превосходительство, немного. Вотъ тутъ у меня письмо есть. Можетъ быть, вы отгадаете, чей это почеркъ?" Да письмо-то имъ и показалъ! Они такъ и вытаращили глаза. „Смотрятъ, рука великаго князя". „Узнали?"—спрашиваю.—„Узнали", говорятъ. „Такъ вотъ, говорю, завтра я долженъ у него быть. Если вы меня хотите арестовать, такъ, можетъ быть, вы сами исполните данное мнѣ порученіе, сами съѣздите къ великому князю?"...

Въ голосѣ Груздева зазвучало злобное, насмѣшливое торжество.

— „Можетъ быть, говорю, вы лучше меня сдѣлаете это?“ продолжалъ онъ.—Всѣ они отъ меня, какъ раки, въ разныя стороны расползлись. „Это, говорятъ, чортъ, а не человѣкъ!“—„Что же, говорю, ваше превосходительство, можетъ, вы меня арестуете?“—„Ну, полно, говоритъ, эта была шутка, испытать мы васъ хотѣли“.

Груздевъ опять засмѣялся.

— Потомъ я былъ у этого сенатора на другой день,— продолжалъ Груздевъ.—Увидалъ онъ меня,—сдѣлалъ видъ, что обрадовался. Говоритъ: „А-а, милости просимъ! Хорошо, что вы заѣхали“.—„Да, говорю, такой-сякой, я заѣхалъ“...

Груздевъ вытаращилъ глаза, и лицо его задрожало злобой.

— „Пріѣхалъ“, говорю. „А вотъ этого ты не желаешь отъ меня?“.. Да револьверомъ ему въ морду какъ ткну. А въ другой рукѣ у меня нагайка... Онъ и осѣлъ, совсѣмъ повялъ, затрясся. Протягиваетъ руку.—„Ну, говоритъ, ладно, будетъ, давай помиримся“...

— И вездѣ у васъ этотъ пистолетъ, да нагайка участвуютъ!—не утерпѣлъ и насмѣшливо сказалъ Николай, оторвавшись отъ газеты.

— А вы какъ же думаете съ ними поступать?—убѣжденно воскликнулъ Груздевъ.—По вашему, можетъ, съ ними добромъ да непротивленіемъ злу? Да ужъ вы не толстовецъ ли?—закончилъ онъ съ ѣдкой ироніей въ голосѣ.

Очевидно, всѣ эти сцены съ пистолетомъ и нагайкой Алексѣй Прохорычъ создалъ въ своемъ воображеніи, давно тысячи разъ пережилъ мысленно и самъ увѣровалъ въ нихъ безповоротно.

— Я имъ, врагамъ-то своимъ, говорю всегда: „Не троньте меня! Лайте, да не кусайтесь!“—опять вдохновенно заговорилъ Груздевъ. — Но они стали кусать меня; они сами суютъ мнѣ подъ ноги свои глупыя башки. Такъ я ихъ растопчу, растопчу (вытаращенные глаза и страшный голосъ)! Подалъ недавно въ сенатъ. Три ночи писалъ. Будетъ верховный судъ. Всѣхъ ихъ въ каторжныя работы. Пусть ихъ царь милуетъ—его воля, но судъ ихъ осудитъ. Я ихъ изъ могилы выкопаю, внуковъ ихъ въ острогѣ сгною (опять вытаращенные глаза и страшный голосъ). Вѣдь они все еще не знаютъ, кто я! Не понимаютъ, кто такой Алексѣй Прохорычъ Груздевъ! Я на Ивана Великаго босикомъ по раскаленнымъ ступенямъ войду и всѣ зубы себѣ на ходу вырву, а до правды дойду. Настанетъ же правда когда-нибудь въ Россіи. Мы имъ устроимъ! Не такъ ли, Николай?—

обратился онъ къ юношѣ.—Мы имъ скоро устроимъ. Ихъ, видно, бумагой не проймешь. Вотъ какъ поднимется народъ, тогда они запоютъ...

Помолчавъ немного, онъ, однако, какъ бы въ раздумьи, грустно глядя въ пространство, добавилъ:

— Только, ухъ, страшенъ русскій народъ! Это не Франція, не Германія! Если да весь русскій народъ, все это море заволнуется,—о-о-о, Боже мой! Самъ адъ содрогнется, сатана перекрестится! Избави Богъ...

И вдругъ, какъ бы устыдившись своего сожалѣнія, задорно добавилъ:

— А вѣдь они доведутъ, черти! Они мертвыхъ на возстаніе поднимутъ, не то что живыхъ... Не такъ ли, Николай?

Въ это время въ передней позвонили. Алексѣй Прохорычъ пошелъ отворять. Въ передней слышался его голосъ:

— А вотъ Гогъ и Магогъ нашей революціи пришелъ, Аркадій! Кто еще здѣсь? А, вы, Соколъ! Давно васъ ждемъ. Проходите.

Вошелъ Аркадій, глава самарской эсеровской группы, человѣкъ очень скромный, тихій. Большую часть послѣднихъ десяти лѣтъ онъ провелъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Казалось, Аркадій заплѣсневѣлъ въ сырыхъ подвалахъ тюрьмы, да такимъ и остался на волѣ: сѣрый лицомъ и волосами, онъ иногда походилъ на старика, хотя, по всей вѣроятности ему было не больше тридцати лѣтъ. Сгорбленный, въ очкахъ, онъ ходилъ постоянно на носкахъ, точно боялся разбудить тяжело больного. На лицѣ его была постоянная улыбка. Точно онъ улыбнулся еще давно, когда въ первый разъ сознательно взглянулъ на божій міръ, улыбнулся доброй, любящей улыбкой, да такъ и забылъ стереть ее съ лица. И вотъ, всю жизнь горе, болѣзни и всѣ невзгоды онъ выносилъ съ одинаковой улыбкой на лицѣ, встрѣчалъ добрымъ, грустнымъ, ласкающимъ взглядомъ.

Другой, котораго звали Соколомъ, былъ молодой человѣкъ въ форменной тужуркѣ. У него было подвижное, какъ у кролика, лицо съ нервно вздрагивающими ноздрями. Онъ часто вспыхивалъ, дѣлалъ порывистыя движенія и нервно щипалъ ногтями едва пробивавшійся на губахъ пушокъ. Казалось, что внутри его горитъ постоянно огонь, и ему стоитъ большихъ усилій сдерживать себя, сидѣть на одномъ мѣстѣ, молчать, когда говоритъ другой что-нибудь несогласное съ его мнѣніемъ, въ особенности, когда кто-нибудь въ чемъ-нибудь сомнѣвается. Сомнѣній у него не было ни въ чемъ, и если онъ иногда говорилъ съ язвительной улыбкой: „ну, въ этомъ я сомнѣваюсь!“—то видно было, что употреблялъ это выраженіе лишь изъ деликатности.

Вскорѣ пришло еще нѣсколько человѣкъ. Кудрявый парень лѣтъ двадцати-пяти, молчаливый, угрюмый, съ толстой головой, которою онъ постоянно моталъ вмѣсто отвѣта, точно лошадь въ жаркій полдень, когда около нея вьются мухи. Звали его Петромъ Иванычемъ. Былъ одинъ пожилой господинъ въ полосатомъ жилетѣ и красномъ галстухѣ. Обращалъ на себя вниманіе высокій молодой человѣкъ, крѣпкій, съ гладкимъ, румянымъ, невыразительнымъ лицомъ, одѣтый не особенно модно и богато, но такъ, что всѣ обращали вниманіе на его чистенькій коричневый пиджакъ, свѣтлыя брюки, золотое колечко на лѣвомъ мизинцѣ и цвѣтной галстухъ; обращали вниманіе потому, что самъ онъ каждую минуту ощущалъ на себѣ свой нарядъ, снималъ съ рукава пушинку, волосокъ, глядѣлся въ зеркало, поправлялъ галстухъ и т. д. Соколъ, здороваясь съ нимъ, насмѣшливо оглядѣлъ его и сказалъ:

— А ты сегодня, Павелъ Гордѣичъ, похожъ на... полицеймейстера.

Всѣ засмѣялись шуткѣ, потому что, дѣйствительно, въ фигурѣ Павла Гордѣича и его лицѣ было что-то такое самодовольно-полицейское. Гордѣичъ и самъ засмѣялся, но въ душѣ, несомнѣнно, очень обидѣлся, весь вечеръ молчалъ и ушелъ раньше всѣхъ.

Многіе курили. Разговаривали въ полголоса парами и кучками. Николай разсказывалъ Аркадію о своей поѣздкѣ въ уѣздъ. Въ одной кучкѣ разговаривали объ изданіи народной газеты. Въ другомъ шелъ горячій споръ о томъ, на какихъ лозунгахъ сплотить во время выборовъ лѣвую группу: развивать ли вполнѣ свою партійную программу, или же держаться ближе къ непосредственнымъ крестьянскимъ интересамъ. Соколъ въ возбужденіи что-то кричалъ. Слышны были только слова „знамя“ и „идеалъ“. Груздевъ входилъ въ комнату и снова выходилъ, видимо хлопоталъ о чаѣ и закускѣ.

Пришли еще двое. Плечистый, сухощавый, но мускулистый брюнетъ и низкорослый, подслѣповатый блондинъ, съ деревяннымъ лицомъ, въ сѣрой блузѣ.

— Запоздали,—встрѣтилъ ихъ Аркадій съ мягкимъ упрекомъ.

— Могли бы совсѣмъ „запоздать“,—утирая платкомъ заиндевѣвшіе усы, сказалъ насмѣшливо брюнетъ.—Чуть-чуть въ лапы полиціи не попались.

— Какъ такъ? Гдѣ?—послышались вопросы.

— Да около памятника,—отвѣчалъ брюнетъ.—Были мы въ номерахъ. Я въ треухѣ да въ мѣховой шубѣ, въ родѣ помѣщика, чтобы не узнали, а онъ—въ своемъ видѣ (ука-

залъ брюнетъ на товарища въ блузѣ), ему нечего пока скрываться. Выходимъ изъ номеровъ, а на лѣстницѣ трое полицейскихъ навстрѣчу. Я запахнулся поплотнѣе воротникомъ, да скорѣе внизъ. Слышу сзади разговоръ. „А вѣдь это онъ?"—„Нѣтъ, не онъ!"—„Я тебѣ говорю, онъ! Эй, господинъ, остановись-ка!" Думаю себѣ: „вишь, какой ласковый!" Выбѣжали мы съ нимъ, да на извозчика. Шепнулъ я извозчику: „скорѣе, другъ!" Онъ понялъ и припустилъ. Полицейскіе выбѣжали, кричатъ: „остановись!" Свистѣть начали. Да куда тутъ, не догонишь.

Онъ обходилъ всѣхъ и, въ возбужденіи, крѣпко пожималъ руки своей сильной, костистой ладонью.

— Все равно, быть бычку на веревочкѣ,—сказалъ Груздевъ, хлопая его по широкой спинѣ.

— Ну, это мы еще посмотримъ, сказалъ слѣпой, — засмѣявшись, бросилъ брюнетъ.

— Господа, занимайте мѣста. Ужъ поздно; нужно поговорить,—предложилъ Аркадій.

Всѣ сѣли. Аркадій вынулъ нѣсколько листовъ бумаги и сказалъ:

— Отъ нашихъ товарищей изъ уѣздовъ получены свѣдѣнія о выборщикахъ съ краткими характеристиками. Желаете выслушать?

— Читайте! Просимъ.

Аркадій долго читалъ характеристики. Такой-то сознательный, безпартійный, лѣвый, хочетъ въ Думу, вѣрный голосъ. Такой-то черносотенецъ и кулакъ; послѣ выборовъ ѣлъ съ княземъ N селянку, до смерти хочетъ въ Думу. Или: пройдоха и плутъ, отца, мать за пятакъ продастъ, довѣрять невозможно. Или: сознательный эсъ-эръ, вѣрный голосъ, кандидатъ въ Думу...

Послѣ чтенія характеристикъ произвели подсчетъ прогрессивныхъ голосовъ по губерніи. Оказалось, что по самому скромному разсчету у лѣвыхъ будетъ больше половины. Собраніе оживилось.

— Ну, а какъ настроеніе въ деревнѣ?—спросилъ брюнетъ. Николай, Петръ Иванычъ и Соколъ, пріѣхавшіе недавно изъ уѣздовъ, начали отвѣчать на вопросъ. Соколъ съ увлеченіемъ разсказалъ разговоръ свой съ кучеромъ, молодымъ мужикомъ, который предлагалъ немедленно начать вооруженное возстаніе.

— И чего, говоритъ, думать! Въ каждомъ селѣ найдется сто—двѣсти человѣкъ, которые присоединятся. Вотъ и пойдемъ...

Николай разсказалъ, какъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ осенью назначенъ былъ день для выступленія. Кто назна-

чилъ, съ какой цѣлью—неизвѣстно. Только крестьяне приготовились. Николай въ это время былъ въ селѣ. Съ утра никто не выѣхалъ изъ села на работу; всѣ сидѣли по домамъ. На улицѣ ни души. Ждали, пока пріѣдутъ вооруженные изъ сосѣдняго села. Прождали до десяти часовъ утра—никого нѣтъ. Послали гонца. Гонецъ воротился къ вечеру и сказалъ, что тамъ все спокойно. Тогда и здѣсь всѣ успокоились.

Петръ Иванычъ одобрительно моталъ головой, и когда дошла очередь до него, заявилъ, что деревня готова.

— А я, когда слышу подобные разговоры, — вдругъ заговорилъ до сихъ поръ молчавшій пожилой господинъ въ полосатомъ жилетѣ, — всегда припоминаю прекрасную повѣсть о томъ, какъ евреи ушли изъ Египта...

Онъ остановился. Всѣ съ недоумѣніемъ взглянули на него. Кто-то спросилъ:

— Ну, при чемъ же тутъ евреи?

— Ушли евреи изъ Египта и подошли къ обѣтованной землѣ, очутились на порогѣ своей родины, своей свободы. И испугались они враговъ, заселившихъ ихнюю землю, испугались потому, что были рабы. Они начали роптать на Моисея: „Зачѣмъ ты вывелъ насъ изъ Египта?“ Тогда сказалъ Господь: „Сорокъ лѣтъ вы будете странствовать въ пустынѣ. Дѣтей вашихъ, о которыхъ вы говорили, что они достанутся въ добычу врагамъ, я введу туда, и они узнаютъ землю, которую вы презрѣли. А ваши трупы падутъ въ пустынѣ сей...“ Какая правда дышетъ въ этихъ словахъ! Отбросьте элементъ религіозный, а возьмите общечеловѣческое... И вы увидите, что все это подходитъ и къ намъ. Развѣ мы не были на порогѣ обѣтованной земли годъ тому назадъ? Были, но испугались и не вошли, потому что мы—рабы. И вотъ теперь намъ предстоитъ сорокалѣтнее странствованіе въ пустынѣ, пока не умрутъ всѣ, которыхъ вспоило и вскормило рабство. Оглянитесь кругомъ, оглянитесь на себя, на всѣ наши дѣла—и вы поймете, что насъ ожидаетъ участь евреевъ, выведенныхъ изъ Египта. Развѣ мы слышимъ кругомъ ропотъ рабовъ, усталость, тоску по египетскому мясу, которое ѣли мы, дѣлая на фараона глиняные кирпичи? Мы говоримъ: „ахъ, гибнетъ наука! ахъ, пропала красота! ахъ, гдѣ-то нашъ покой!“ Это—интеллигенція. А что же сказать о народныхъ массахъ...

Всѣ смотрѣли на пожилого господина,—кто съ недоумѣніемъ, кто съ раздраженіемъ, кто съ насмѣшкой. Одинъ Аркадій оглядывалъ его теплымъ, ласкающимъ взглядомъ.

— Но вы понимаете,—въ волненіи говорилъ Соколъ,—что сравненіе еще не доказательство!..

— А что же намѣрены дѣлать вы во время этихъ сорокалѣтнихъ странствій? — насмѣшливо приставалъ Петръ Иванычъ.

Пожилой господинъ метался въ разныя стороны.

— Господа! Если я неправъ, то зачѣмъ же вы сердитесь? Давайте обсудимъ спокойно...

Начались шумные споры. Дѣлались ссылки на Францію, Германію, Италію. Даже Груздевъ вмѣшивался въ разговоръ. Слышно было, какъ онъ кричалъ что-то о пудовой медали на пеньковой лентѣ. Отъ него отмахивались съ досадливой усмѣшкой. Разбились на группы. Аркадій переходилъ отъ одной кучки къ другой и своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ вносилъ повсюду успокоеніе.

Разошлись послѣ полуночи. Выходили по одному, по двое. Мы съ Николаемъ пошли вмѣстѣ.

Ночь была темная, морозная. Мы шли молча, прислушиваясь къ хрустѣнью снѣга подъ ногами да къ отдѣльнымъ звукамъ, какими бредилъ уснувшій городъ. Недалеко отъ редакціи „Волжскаго Слова" начало замѣчаться движеніе. Попадались рабочіе, извозчики, мелькнулъ полицейскій. Николай насторожился, оглядѣлся кругомъ и сказалъ:

— Чую, что тутъ полиціей пахнетъ. Для меня это удовольствіе среднее... До свиданья.

Въ редакціи и типографіи газеты происходилъ обыскъ. Задушить прогрессивный органъ въ самый разгаръ предвыборной кампаніи было, конечно, весьма выгодно. У воротъ и на дворѣ стояли конные и пѣшіе полицейскіе и жандармы. Всѣ проходы заняты стражей. Съ всклокоченной бородой и круглыми, испуганными глазами стоитъ въ углу редакціонный сторожъ. Въ типографіи между печатными станками кучка жандармовъ и наборщиковъ. Нашли наборъ съ какими-то партійными списками и совѣщаются, какъ унести его съ собой. Бородатый наборщикъ лукаво предлагаетъ ссыпать наборъ въ мѣшечекъ.

— Такъ будетъ удобнѣе нести, вашблародіе.

— Ну, ну, ты научишь!—ворчитъ жандармскій начальникъ.—Пентюховъ, не ссыпай, чортъ!—кричитъ онъ на жандарма.

Перебираютъ бумаги, всякую рухлядь, стараясь отыскать слѣды государственныхъ преступленій. Среди жандармовъ стоитъ редакторъ, молодой человѣкъ съ насмѣшливымъ лицомъ, и мучается сомнѣніями. Не завалилось ли какой-нибудь бумаженки, не бросилъ ли кто-нибудь въ бумажный мусоръ вздорной каррикатуры, памфлета, стиховъ!.. О, чортъ!..

Жандармы заглядываютъ въ углы, въ печки, подъ ди-

ваны, тычутъ шашками даже въ полы, потолки и стѣны. Вѣроятно, гдѣ бы ни находился жандармъ, всѣ вещи и люди должны возбуждать его подозрѣніе: дома, магазины, прохожіе, фонари, тумбы, даже тротуарныя плиты онъ долженъ подозрѣвать въ укрывательствѣ непокорной человѣческой мысли, революціоннаго слова. И мнѣ хочется крикнуть имъ: „Не тутъ ищете, не тутъ!“

Кончили обыскъ и вышли гурьбой на широкій, заваленный снѣгомъ дворъ. Нужно запечатать двери. Нѣтъ сургуча.

— Ильичовъ, ѣзжай въ часть, привези сургучъ!—слышится приказаніе начальника.

Конный жандармъ ударилъ шпорами и нагайкой задремавшую лошадь. Животное подпрыгнуло съ испуга и метнулось вь сторону, какъ бѣшеное. Сдѣлавъ по двору полукругъ, всадникъ скрылся за воротами. Толпа осталась ждать на морозномъ воздухѣ. Всѣ, позѣвывая, смотрятъ на яркія звѣзды. Жандармскому начальнику становится конфузно за только что совершенное имъ дѣло. Онъ старается заговорить съ редакторомъ о вещахъ постороннихъ, и въ тонѣ его ясно слышится: „Я исполнилъ порученіе начальства! И я не виноватъ“.

Гдѣ же тотъ человѣкъ въ Россіи, тотъ великій инквизиторъ, который одинъ знаетъ оправданіе всѣмъ ужасамъ русской жизни и одинъ ничего не стыдится?

Разговоръ не клеится. Кто-то скулитъ, мучась зѣвотой. Начальникъ бормочетъ ругательства, потому что Ильичовъ долго не возвращается. Наконецъ, на дворѣ появляется Ильичовъ пѣшкомъ.

— Вашбродь, сюргучу не нашелъ,—говоритъ Ильичовъ, останавливаясь передъ начальникомъ и дѣлая подъ козырекъ.

— Какъ же не нашелъ, свиная морда?!

Въ голосѣ начальника звенитъ негодованіе.

— Всѣ спятъ тамъ... И никто не знаетъ.

— Что же ты пѣшкомъ? Ты пьянъ!

— Никакъ нѣтъ, вашбродь. Я не пьянъ. А лошадь у меня украли.

Это выходитъ такъ неожиданно, что многіе смѣются. Начальникъ уже злобно кричитъ на Ильичова и топаетъ ногами. Оказывается, пока Ильичовъ ходилъ въ часть, лошадь кто-то увелъ съ улицы.

Гдѣ-то раздобыли сургучъ и запечатали двери. Улица и дворъ опустѣли.

На другой день, за бутылкой водки, сотрудники газеты слушали печальную повѣсть редактора о ночномъ обыскѣ

и закрытіи редакціи газеты и ея типографіи. Онъ уже былъ у губернатора и получилъ игривый отвѣтъ:

— Газету вашу мы не закрыли. Закрыли типографію.

— Такъ мы будемъ печатать въ другой типографіи.

— А мы и ту закроемъ... И вообще, во время выборовъ вамъ придется помолчать. Да, помолчать. Такъ-то спокойнѣе.

И мы молчали во время выборовъ.

Первое губернское предвыборное собраніе состоялось второго февраля въ домѣ общества приказчиковъ. Наканунѣ былъ арестованъ выборщикъ по Бузулукскому уѣзду, г. Костромитиновъ, бывшій членъ Государственной Думы. Съ самаго начала собраніе занялось обсужденіемъ этого случая. Составили телеграмму Столыпину и послали депутацію къ губернатору съ просьбой освободить выборщика изъ тюрьмы. Губернаторъ жаловался депутаціи на то, что арестъ произведенъ по приказанію жандармскаго начальника, а этотъ начальникъ на хорошемъ счету въ департаментѣ полиціи, поэтому онъ, губернаторъ, ничѣмъ помочь не можетъ и т. д. „Они и за мной слѣдятъ“, плакался губернаторъ.

— Стою я сзади губернатора,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ депутаціи,—смотрю, голова у него дряблая, въ родѣ гнилой дыни; волосы мѣстами повылѣзли. Слушаю его жалобы, и такая меня злоба взяла! „Зачѣмъ же ты сидишь у власти, если у тебя ея нѣтъ!“ говорю себѣ: „всѣ вы, вѣрно, такъ: какъ хочешь зови, только сладко корми“. И такъ у меня руки судорогой злобной свело, чуть удержался... Даже страшно стало. А потомъ самому противно сдѣлалось...

Много усилій было потрачено на то, чтобы убѣдить крестьянъ отказаться отъ поуѣзднаго представительства, а выбирать достойныхъ изъ общаго состава прогрессивныхъ выборщиковъ. Но вполнѣ эту точку зрѣнія разбить не удалось, и уѣзды оставили за собой право рекомендовать непремѣнно своихъ кандидатовъ въ Думу. А это вызвало въ уѣздахъ сильную борьбу, которая продолжалась до пятаго февраля.

Въ особенности много вышло разногласій въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ численныхъ и наилучше представленныхъ уѣздовъ. Народъ все больше интеллигентный, энергичный, молодой. Но съ самаго начала онъ разбился на два враждебныхъ лагеря, которые къ пятому февраля помирились на томъ, что „ни вы, ни мы“.

Новоузенскій уѣздъ выставилъ безъ всякихъ споровъ только кандидатуру ссыльнаго инспектора народныхъ училищъ, г. Архангельскаго.

Въ другихъ уѣздахъ тоже было не мало споровъ, даже ссоръ. Только одинъ Самарскій уѣздъ безъ всякихъ разногласій выставилъ кандидатуры мою и г. Макарова. И до тѣхъ поръ, пока уѣзды не пришли къ окончательному соглашенію относительно своихъ кандидатовъ, общія собранія носили унылый характеръ. Чувствовалось какое-то общее упорство, недовѣріе, раздраженіе и даже недоброжелательство.

Землевладѣльцы тоже не дремали. Среди крестьянъ они составили небольшую кучку своихъ единомышленниковъ и черезъ нихъ вносили въ уѣзды и на общія собранія постоянныя разногласія и вражду.

— Вы думаете, что вы насъ побѣдили!—говорилъ мнѣ хвастливо одинъ изъ землевладѣльцевъ.—Ничуть не бывало. Мы всю вашу музыку разстроимъ. Вы намѣтите кандидатовъ, а мы предложимъ въ Думу тѣхъ, кого у васъ обошли. Они и разобьютъ ваши голоса. А за десять рублей въ сутки, которые даютъ въ Думѣ, мужичишки не только васъ, а отца, мать продадутъ. Хе, хе, хе!

Дѣйствительность показала, что помѣщикъ былъ неправъ. Но нельзя сказать, чтобы десять рублей въ сутки оказали благотворное вліяніе на выборы въ русскій парламентъ...

— Депутатъ Шарковъ въ прошломъ году привезъ изъ Питера семьсотъ рублей!—говорили мужики. И это дѣйствуетъ обаятельно на воображеніе бѣднаго крестьянина. Нѣсколько сотъ рублей! Да вѣдь это же богатство! На эти деньги можно купить лошадь, корову, построить домъ, пріобрѣсти землю... Тамъ когда-то мы еще отберемъ у помѣщиковъ землю, а ужъ коли купишь, такъ хорошо будетъ. У мужика послѣднее не отнимутъ. Такого закону не будетъ...

Для выборщиковъ была снята гостиница съ номерами, гдѣ съ ранняго утра до поздней ночи толпился народъ, главнымъ образомъ—крестьяне. Часто туда заходили и землевладѣльцы и одиноко бродили отъ одной кучки мужиковъ къ другой, возбуждая со всѣхъ сторонъ ядовитыя замѣчанія:

— Пришли передъ выборами-то мужицкаго духу понюхать. Теперь—граждане, али—господа, а послѣ выборовъ—сукины дѣти. Знаемъ мы васъ.

Началось самое тяжелое и самое непріятное время предвыборной кампаніи.

Никогда я не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ среди людей, какъ въ эти нѣсколько дней предвыборнаго кипѣнія.

Знаешь хорошо, что если ты упадешь, то тебя никто не подниметъ. Съ кѣмъ бы ни встрѣтился,—въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ его движеніи чувствуешь что-то недосказанное и враждебное. Нѣчто подобное испыталъ я на морѣ во время крушенія парохода. „Тамъ, гдѣ могу спастись я,—ты не становись мнѣ на дорогѣ!“ читалъ я на лицахъ всѣхъ, раньше такихъ милыхъ и деликатныхъ пассажировъ. И меня, помню, тогда привела въ ужасъ не столько близость смерти, сколько именно это отчаяніе одиночества, сознаніе полной враждебности всѣхъ людей... И въ предвыборной борьбѣ тоже были такіе моменты всеобщаго отчужденія людей другъ отъ друга. Временами, въ особенности когда я, утомленный, возвращался ночью на квартиру, на меня нападала страшная тоска по близкимъ, роднымъ людямъ, которымъ можно все разсказать и которые подъ видомъ ласки не готовятся тебя потопить. И когда я вспоминалъ о такихъ близкихъ и дорогихъ, то мнѣ казалось, что они существуютъ только въ моемъ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ и не можетъ быть.

А тутъ еще подлая и грязная клевета, которая ползла изъ враждебнаго политическаго лагеря и цѣлилась въ наиболѣе опасныхъ враговъ. При этомъ господа землевладѣльцы обнаруживали очень слабую изобрѣтательность. Они уподоблялись гоголевской офицерской вдовѣ, которая, какъ извѣстно, сама себя высѣкла. Если они хотѣли кого-нибудь изъ насъ уронить во мнѣніи крестьянъ, то позорили его своимъ позоромъ,—называли черносотенцемъ.

— Онъ хоть и Аладьинъ, а черносотенецъ страшнѣющій,—говорили обо мнѣ крестьянамъ дворяне.

Правда, это успѣха не имѣло, но дѣйствовало на нервы, и безъ того издерганные всевозможными непріятностями.

Лучшимъ днемъ всей этой предвыборной сумятицы былъ день пятаго февраля.

Я былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ всѣхъ нашихъ предвыборныхъ собраній, а потому вынесъ изъ нихъ, можетъ быть, нѣсколько своеобразныя впечатлѣнія. Чаще всего я представляю себѣ выборщиковъ въ видѣ одного большого взволнованнаго лица съ сотнями возбужденныхъ глазъ, которые свѣтятся сквозь синеватый воздухъ зала. Это многоглазое лицо охватываетъ меня взоромъ со всѣхъ сторонъ; оно то напряженно молчитъ, слушаетъ оратора, то смѣется, то сердится, и на его глазахъ блестятъ слезы негодованія или восторга. Собраніе, какъ какое-то большое существо, то сидитъ смирно, то вдругъ начинаетъ шумѣть, кричать, хлопать въ ладоши; но стоитъ позвонить въ колокольчикъ — и

оно покорно свертывается, затихаетъ и снова напряженно слушаетъ, слушаетъ.

Съ десяти часовъ утра пятаго февраля было назначено общее собраніе. Но такъ какъ уѣзды въ своей средѣ еще не пришли къ полному соглашенію, то рѣшено было на это собраніе утромъ всѣмъ не ходить, а сойтись предварительно въ упомянутой гостиницѣ, покончить тамъ между собой всѣ разговоры и явиться на собраніе уже съ намѣченными кандидатами, которыхъ и пробаллотировать.

Въ десять часовъ утра я былъ въ домѣ общества приказчиковъ. Туда же начали приходить землевладѣльцы и всѣ правые. Нашихъ было немного, но и тѣ вскорѣ ушли. За отсутствіемъ выборщиковъ, я объявилъ перерывъ до пяти часовъ вечера и пошелъ въ гостиницу.

Тамъ были въ сборѣ почти всѣ уѣзды. Выборщики изъ тѣхъ уѣздовъ, которые уже пришли къ соглашенію, уныло ходили по длинному грязному залу гостиницы, не зная, чѣмъ заняться, подходили ко мнѣ съ однимъ и тѣмъ же назойливымъ вопросомъ:

— Чего же мы ждемъ? Надо бы скорѣе кончать.

Крестьянинъ Пустовойтовъ стучалъ ладонью по столу и нервно кричалъ:

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что вы думаете дѣлать? Вы мнѣ не теоретически, а конкретно...

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было не изъ завидныхъ. Въ присутствіи землевладѣльцевъ крестьянскіе выборщики совсѣмъ свертываются, умолкаютъ, точно воды въ ротъ набрали. О кандидатахъ въ Думу раньше времени не говорятъ,—боятся ареста. Значитъ, на собраніе надо явиться съ намѣченными кандидатами по всѣмъ уѣздамъ, а тамъ все еще вражда, и неизвѣстно, когда она кончится. Подбѣгаетъ молодой выборщикъ отъ Николаевскаго уѣзда и съ подергивающимся отъ волненія лицомъ хриплымъ голосомъ торопливо говоритъ:

— У насъ баллотировку производили гривенниками. Гривенники клали въ шапки... въ двѣ шапки. Руки опускали сразу въ двѣ шапки, чтобы незамѣтно было, кто куда кладетъ. А развѣ нельзя захватить гривенники изъ одной шапки, а потомъ переложить въ другую?.. Развѣ невозможно?..

— Конечно, возможно. Но...

— Вотъ видите, вы говорите—возможно. Значитъ, наша баллотировка недѣйствительна..

— Такъ вы и обсудите между собой.

— Да, но у насъ есть черносотенцы. Они меня не желаютъ...

И такъ далѣе, безъ конца.

Встрѣчаю Никанора Иваныча Шишкина. Онъ, какъ всегда, степенный, спокойный, дѣловитый.

— Если ихъ ждать, — насмѣшливо говоритъ онъ, — такъ они и еще два дня прокапителятся. Скажите, что надо кончать и идти на собраніе. Они и кончатъ. Право, такъ...

Шишкинъ былъ правъ. Какъ разъ въ это время пришла полиція и объявила, что если выборщики желаютъ собраться, то пусть идутъ въ помѣщеніе, на которое подано заявленіе, а здѣсь собраніе не разрѣшается. Споры кончились, и часа въ два пополудни мы большими толпами съ баллотировочнымъ ящикомъ, какъ съ какой-то святыней, двинулись въ домъ общества приказчиковъ.

Такъ какъ уѣзды рекомендовали кандидатовъ больше, чѣмъ полагается отъ Самарской губерніи депутатовъ, то долго спорили о томъ, какъ нужно относиться къ рекомендованнымъ уѣздами лицамъ: считать ли всѣхъ одинаковыми въ уѣздѣ, или которому-нибудь изъ нихъ отдать предпочтеніе передъ другими. Снова уѣзды разбились на кучки, и опять больше часу продолжались споры, пока, наконецъ, не установили такой порядокъ: каждый уѣздъ сообщаетъ имена своихъ кандидатовъ подъ номерами—первый, второй, третій—при чемъ наиболѣе рекомендуется уѣздомъ первый изъ нихъ, затѣмъ второй и т. д.

Часовъ въ пять сдѣланъ былъ перерывъ передъ баллотировкой.

Наступило то торжественное, праздничное настроеніе, которое уже не покидало выборщиковъ до конца засѣданія. Споры окончены; кандидаты рекомендованы; нужно ждать, что скажетъ баллотировка. И только тутъ начала чувствоваться та общность и сплоченность нашихъ силъ, какой до сихъ поръ все еще, какъ будто, не было. Тѣ, которые желали попасть въ Думу и не были рекомендованы, тоже примирились со своей участью. Однимъ словомъ, нарывъ былъ разрѣзанъ—и наступило то желанное успокоеніе, котораго такъ ждалъ политическій организмъ.

Во время перерыва прямо изъ тюрьмы зашелъ на собраніе г. Костромитиновъ. Выборщики встрѣтили его привѣтливо. Онъ сказалъ, что слишкомъ разстроенъ и измученъ, чтобы присутствовать на собраніи, и удалился.

Послѣ перерыва одинъ изъ ораторовъ произнесъ короткую рѣчь:

— Товарищи! Мы только что радовались тому, что изъ тюрьмы выпустили нашего товарища, выборщика Костромитинова. Можетъ быть, его отпустили по нашимъ настояніямъ, можетъ быть—по другимъ какимъ соображеніямъ. Мнѣ неизвѣстно. Но этотъ случай лишній разъ напоминаетъ намъ о

томъ, что для нашего правительства нѣтъ ничего святого; ему не дороги ни свобода, ни благо, ни даже жизнь гражданъ. Оно душитъ все, что стремится къ свободѣ. Мы сейчасъ радовались маленькому случаю,—освобожденію изъ тюрьмы одного человѣка. Но не должны мы забывать, что народъ передалъ намъ въ руки неизмѣримо важнѣйшее дѣло. И это дѣло мы можемъ совершить только общими усиліями: мы должны освободить изъ тюрьмы всю Россію!..

Эти слова произвели поразительное впечатлѣніе. Нѣсколько минутъ въ залѣ стоялъ шумъ отъ апплодисментовъ и криковъ. Въ волненіи ораторъ вставалъ нѣсколько разъ, а крики съ шумомъ все росли и росли. Корявыя мужицкія ладони издаютъ не звонкіе хлопки, поэтому многіе стучали объ полъ ногами, двигали свободными стульями, сжимали въ изступленіи кулаки и кричали:

— Вѣрно! Браво! Пр-р-авильно! Дышать невозможно, тюрьма давитъ...

Передъ моими глазами волновалось одно широкое, бородатое стоглазое восторженное лицо. И еще долго потомъ его яркіе глаза свѣтились въ сумракѣ догорающаго зимняго дня.

Долго бились съ вопросомъ о томъ, кто можетъ принять участіе въ баллотировкѣ. Теперь на собраніи было уже много правыхъ, и всѣ они, очевидно, будутъ вносить путаницу въ подсчетъ нашихъ силъ, будутъ класть менѣе желательнымъ для насъ кандидатамъ вправо, а влѣво—остальнымъ. Наконецъ, рѣшено было такъ: въ баллотировкѣ намѣченныхъ кандидатовъ примутъ участіе всѣ тѣ, которые участвовали въ поуѣздныхъ собраніяхъ при рекомендаціи кандидатовъ общему собранію. Вообще же, право того или другого выборщика на участіе въ пробной баллотировкѣ предоставляется рѣшить каждому уѣзду въ отдѣльности. Землевладѣльцы сначала было протестовали, потомъ начали расходиться.

Часовъ въ семь приступили къ баллотировкѣ. Всего было рекомендовано двадцать одно лицо. Изъ нихъ подлежали выбору двѣнадцать. Рѣшено было, что каждый кандидатъ передъ баллотировкой выскажетъ свои политическія убѣжденія.

Баллотировка тянулась съ семи часовъ вечера до часу ночи, и все время чувствовалось то свѣтлое, хорошее настроеніе, которое овладѣло собраніемъ съ начала вечера. Временами мнѣ казалось, что мимо моего предсѣдательскаго стола проходитъ длинная вереница мужиковъ не къ баллотировочному ящику, а къ церковному амвону во время пасхальной заутрени. На амвонѣ стоитъ съ крестомъ сельскій батюшка и христосуется со всѣми прихожанами, а я, малень-

кій мальчикъ, стою около перилъ и любуюсь на убогіе наряды, крашеныя яйца, смотрю на подсвѣчники, которые кажутся мнѣ пучками зажженныхъ свѣчей, и мое маленькое сердце бьется радостнымъ боемъ. Въ ушахъ стоитъ смутный, сдержанный говоръ, слышится шуршанье ногъ, видны радостныя, освѣщенныя какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ лица, и мнѣ чудятся сдержанные возгласы: „Христосъ Воскресъ!"

— Неужели сегодня воскресъ богъ русской жизни,—думаю я,—неужели съ настоящаго дня онъ взглянетъ съ неба на измученный, голодный народъ и потребуетъ къ суду притѣснителей?.. Неужели...

Увы, то былъ пріятный самообманъ подъ наплывомъ дѣтскихъ воспоминаній!

Одни за другимъ выходятъ намѣченные кандидаты и высказываютъ передъ народомъ свою политическую вѣру. Нѣкоторые говорятъ заученными словами; но въ голосѣ иныхъ чувствуется упорная вѣра, наболѣвшее сердце, глубокая рѣшимость.

— Товарищи! Я не буду излагать передъ вами свою программу. Скажу кратко: я буду бороться за всю землю и всю волю для трудящагося народа. Въ доказательство же того, что я честно понимаю свою задачу, я разскажу вамъ, сколько разъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ..

Дальше идетъ повѣсть о томъ, какъ его гоняло правительство изъ одной тюрьмы въ другую, какъ высылало на сѣверъ и востокъ обширной Россіи, какъ морило голодомъ безъ работы и какъ отравляло жизнь тысячью тѣхъ способовъ, какіе всегда найдутся у него подъ руками. И весь залъ шумно рукоплещетъ. Какая перемѣна совершилась въ понятіи деревни! Я помню, какой ужасъ возбуждало во всѣхъ слово „острожникъ". Острожникъ-воришка внушалъ страхъ, но былъ понятенъ: онъ воровалъ по нуждѣ, а нужда всѣмъ была извѣстна. А политическій острожникъ былъ менѣе понятенъ,—онъ бросалъ вызовъ устоямъ жизни, Богу и царю, и казался страшнѣе вора и убійцы. Теперь же всѣ знаютъ, что тотъ, кто вызываетъ гнѣвъ правительства, достоинъ благодарности народа.

— Товарищи-крестьяне! Я сынъ помѣщика и буду говорить о дворянахъ. Крестьяне не довѣряютъ намъ, дворянамъ. Вполнѣ понятно, почему. Что видѣли мужики отъ помѣщиковъ? Жестокія насилія и обиды. Но теперь, товарищи-крестьяне, настало время общей работы. И если плотнѣе сомкнулись ряды стараго дворянства, все еще не желающаго выпускать власти изъ своихъ рукъ, за то дальше отошли отъ нихъ, сдѣлались ихъ врагами тѣ изъ дворянъ, которые сознали вѣковое зло русской жизни и стали въ ряды бор-

цовъ за обще-народную свободу и благо вмѣстѣ съ рабочими и крестьянами... Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ намъ статистика сосланныхъ въ отдаленныя мѣста, замученныхъ, разстрѣлянныхъ.. Пролитая въ борьбѣ за свободу дворянская кровь давно побраталась съ крестьянской, и въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири участь дворянъ и крестьянъ одинакова. Теперь нужно чуждаться не сословій, а людей...

— Товарищи, — слышится новый, нервный, звенящій голосъ. — Теперь мы переживаемъ судную недѣлю, вторую судную недѣлю для всей Россіи! Кто въ эти дни не спроситъ свою совѣсть: зачѣмъ ты жилъ, что ты сдѣлалъ хорошаго и дурного, кому ты служилъ? И многіе, друзья мои, у кого не пропалъ еще стыдъ и сердце не заросло бурьяномъ, многіе ужаснутся въ эти дни своей старой жизни и съ воплями закричатъ, протянутъ руки къ народу: „я съ вами, не оставляйте меня среди мертвецовъ!“ И я громко говорю всей старой Россіи: покайся, преступница!..

А мимо моего стола снова и снова проходитъ длинная вереница людей къ баллотировочному ящику. Многіе улыбаются, киваютъ привѣтливо головами, шепчутъ что-то мнѣ на ухо, и нечесаныя бороды щекочутъ щеку.

Когда получилъ большинство голосовъ одинъ изъ ставропольскихъ кандидатовъ, И. Д. Сухоруковъ, то второй кандидатъ, Маштаковъ, отказался отъ баллотировки. Это великодушіе вызываетъ бурю восторга. Маштакову аплодируютъ долго и радостно.

Въ первомъ часу выяснился результатъ баллотировки. Участвовало сто восемнадцать человѣкъ изъ ста семидесяти выборщиковъ по губерніи. Изъ двадцати одного въ порядкѣ большинства полученныхъ шаровъ выбрано двѣнадцать лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Списокъ привѣтствовали аплодисментами. Говорились рѣчи о томъ, что принятаго здѣсь списка завтра нужно крѣпко держаться всѣмъ, кто сегодня баллотировалъ. Нужно забыть всѣ личные счеты и голосовать за этихъ двѣнадцать человѣкъ цѣликомъ, иначе голоса наши могутъ разбиться, и насъ побѣдятъ черныя силы.

Но самарская реакція приготовила намъ послѣдній ударъ, какой была въ силахъ нанести. Когда списокъ двѣнадцати кандидатовъ былъ уже утвержденъ, и силы наши ясно опредѣлились, землевладѣльцы весело расхаживали среди мужиковъ и увѣренно говорили:

— Не пройдетъ вашъ списокъ, ни за что не пройдетъ.

Они были правы. Очевидно, имъ было уже что-то извѣстно.

Всю ночь съ пятаго на шестое февраля я провелъ въ бреду. Стоило мнѣ закрыть глаза, какъ передо мною тянулась безконечная вереница мужиковъ. Всѣ идутъ вплотную другъ за другомъ, задній подталкиваетъ животомъ въ спину передняго, и всѣ топчутся ногами въ тактъ, точно дѣлаютъ гимнастическій бѣгъ на мѣстѣ.

Разъ, два, разъ, два!

Эта вереница постепенно огибается вокругъ меня, тянется, тянется безъ конца. Народъ заполняетъ всю комнату, улицу, кружится и топаетъ въ тактъ ногами:

Разъ, два, разъ, два!

Было что-то непріятное, даже страшное въ этомъ наростаніи народа, въ этомъ безконечномъ его притокѣ откуда-то со стороны. Я будто жду, когда этотъ притокъ окончится и всѣ успокоятся, чтобы сказать какую-то рѣчь. Но народъ все кружится, тысячи глазъ смотрятъ на меня со всѣхъ сторонъ, смотрятъ пристально, точно на мнѣ какія-нибудь мелкія надписи, и всѣ топаютъ въ тактъ ногами:

Разъ, два, разъ, два!

Потомъ гдѣ-то вдалекѣ начинается шумъ. Этотъ шумъ быстро катится все ближе, ближе. наконецъ, вихремъ проносится по окружающей меня толпѣ. Это — аплодисменты. Похоже на то, когда осенній вѣтеръ ударитъ по деревьямъ на опушкѣ, зашумитъ пожелтѣвшими листьями и загудитъ, пробираясь въ лѣсныя чащи. Листья шелестятъ, осыпаются и, колыхаясь въ воздухѣ, падаютъ на землю... Шумъ стихаетъ и опять зарождается вдалекѣ, опять наростаетъ, катится и проносится по всему народу. А народъ кружится и течетъ, точно вода въ омутѣ во время половодья, кружится и топаетъ ногами въ тактъ:

Разъ, два, разъ, два!

Подвертывается мужикъ съ лохматой бородой, съ холоднымъ взглядомъ сѣрыхъ, возбужденныхъ глазъ. Онъ тоже топчется вмѣстѣ со всѣми въ тактъ ногами — разъ, два, разъ, два! — и говоритъ:

— Это ты хорошо про землю сказалъ. Даромъ ее, землю-то, кормилицу, взять надо, даромъ. Это правильно. Мужикъ, онъ, какъ телокъ, а землица ему—коровка-матка. Родился телокъ отъ коровки, захотѣлъ молочка похлебать, анъ молочко-то хозяйскія дѣтки выхлебали. А телку—одни ополоски... Пора телку и молочко хлебать. Это ты правильно, Семенычъ... Только вотъ одно ты упустилъ изъ виду, безъ чего мужику жить невозможно...

Мужикъ хитро улыбается. Сѣрые глаза его холодно-насмѣшливы. Онъ смотритъ на меня и топчетъ въ тактъ ногами:

Разъ, два, разъ, два!

— Не догадался?

И я мучительно стараюсь сообразить, что я упустилъ такое важное, безъ чего мужику жить невозможно. Сѣрые, холодные глаза мужика меня непріятно волнуютъ; подъ ихъ взглядомъ я теряю всѣ свои мысли и съ ужасомъ чувствую, что никакъ не могу припомнить, безъ чего еще мужику жить невозможно. На лбу у меня выступаетъ холодный потъ.

Разъ, два, разъ, два!—топчется на мѣстѣ мужикъ и насмѣшливо улыбается.

— А про лѣсъ-то и забылъ!—вдругъ восклицаетъ онъ.—Безъ лѣсу намъ жить невозможно. У насъ въ Покровкѣ ни кола нѣтъ. Лѣсу ты намъ въ Думѣ безпремѣнно выхлопочи...

И мнѣ кажется, что я, дѣйствительно, совершилъ преступленіе, не упомянувъ о лѣсѣ. Я испытываю мучительный стыдъ. Все тѣло мое покрывается холоднымъ потомъ. Я просыпаюсь.

Въ комнатѣ темно. Слышно, какъ за перегородкой дышутъ люди. Гдѣ-то скребется мышь. Глаза у меня опять закрываются.

Опять толпы людей, сизый отъ табачнаго дыма воздухъ. Передо мной стоитъ Шишкинъ Никаноръ Иванычъ. Одной рукой онъ гладитъ широкую рыжую бороду, а другую глубоко запустилъ въ карманъ поддевки, смотритъ на меня и говоритъ:

— Ты въ Думу поѣдешь—съ Богомъ! Только, чтобы за границу, али тамъ въ Выборгъ—ни-ни! Объ этомъ и думать не надо. Въ Думу, такъ въ Думу, а не за границу, али въ Выборгъ. Коли надо—умри тамъ, а никуда не уѣзжай. И къ намъ безъ земли не возвращайся. Слышишь?! Безъ земли не возвращайся!..

Обыкновенно спокойное лицо Никанора Иваныча начинаетъ багровѣть; длинная борода трясется, глаза наливаются кровью. Онъ стучитъ по столу кулакомъ и кричитъ во весь голосъ:

— Безъ земли не возвращайся! Умри, а не сдавайся!..

— Умри, а не сдавайся!—откликаются всѣ окружающіе, поднимая вверхъ кулаки и потрясая ими въ воздухѣ.—Умри, а не сдавайся!—кричатъ сотни людей. Отъ этого крика дрожатъ стѣны, потолокъ и полъ.

— Умри, а не сдавайся!

— Товарищи!—кричу я.—Товарищи! Я-то умру, а вы опять безъ земли останетесь. Надо, чтобы весь народъ съ Думой поднялся. Тогда и земля, и воля будетъ...

Все вокругъ затихаетъ. Народъ куда-то исчезаетъ. Передо мной остается только Никаноръ Иванычъ. Онъ сидитъ и плачетъ.

— Вотъ этого и не надо было говорить,—всхлипывая, шепчетъ мнѣ Никаноръ Иванычъ.—Не надо, да. Этого не надо... Вотъ онъ, народъ-то, и обидѣлся...

Мнѣ больно становится отъ этихъ словъ.

— Такъ я же отъ души, Никаноръ Иванычъ. Я не во зло говорилъ.

— И отъ души не надо. Обидѣлъ ты народъ, Степанъ Семенычъ, обидѣлъ кровно. Да...

Я опять просыпаюсь съ непріятнымъ, тяжелымъ чувствомъ.

Наконецъ, забѣлѣло зимнее утро. Въ кухнѣ завозилась сестра. Я всталъ съ постели желтый, какъ китаецъ, выпилъ наскоро стаканъ чаю и вышелъ на улицу.

Вышелъ я съ радостнымъ чувствомъ отъ сознанія, что ночной бредъ прошелъ; что солнце, пробиваясь сквозь морозную дымку, уже одолѣваетъ ночной холодъ и скоро ярко засіяетъ надъ проснувшимся городомъ; что морозный снѣгъ упруго хруститъ подъ ногами и сообщаетъ тѣлу какую-то легкость. Даже толпа пьяныхъ около сосѣдней казенки, наводившая на меня всегда тоскливое чувство, сегодня мнѣ пріятна. Ко мнѣ снова вернулась способность смотрѣть радостнымъ, любопытнымъ взоромъ на природу и людей. За эти три недѣли пребыванія въ Самарѣ я только въ первый разъ замѣтилъ, что изъ моей квартиры открывается прекрасный видъ на Волгу и далекія блѣдно-синія Жигули. И люди сегодня не тѣ. Раньше я, озабоченный всякими предвыборными вопросами, при ходьбѣ смотрѣлъ себѣ подъ ноги и никого не замѣчалъ. Мнѣ сообщилось предвыборное сумасшествіе, охватившее всю Россію. Въ моемъ мозгу и день, и ночь съ томительнымъ однообразіемъ переворачивались однѣ и тѣ же мысли о черной сотнѣ, кадетахъ, полиціи, крестьянахъ, о проискахъ враговъ и друзей. Меня интересовали только разговоры на предвыборныя темы и лица, которыя имѣли къ выборамъ какое-нибудь отношеніе. А всѣ остальные люди мелькали передъ моими глазами, какъ темные, бездушные силуэты. Теперь на лицахъ встрѣчныхъ я читаю чувства и мысли, радость и горе, злобу и любовь. У меня такое впечатлѣніе, точно я давно не видѣлъ людей, и теперь съ жаднымъ любопытствомъ, любовно всматриваюсь въ каждое лицо. Вѣроятно, мой привѣтливый взглядъ привлекъ вниманіе встрѣчной бабы-мѣщанки.

— Должно быть, нездоровъ ты былъ? — спрашиваетъ она, останавливаясь передо мной на тротуарѣ и щурясь отъ солнечнаго свѣта.

— Нездоровъ,—говорю я, улыбаясь.

— И што это, сколько нынче хвори пошло... Вотъ схватитъ человѣка, ломаетъ, ломаетъ. да на—поди... Выздоровѣлъ, што ли, родимый?

— Выздоровѣлъ, тетушка,—говорю я, удаляясь.

— Ну, дай Богъ,—доносится мнѣ вслѣдъ.

Да, я начинаю выздоравливать отъ предвыборной болѣзни, и мои чувства и мысли пріобрѣтаютъ прежнюю ясность.

И другое большое чувство охватываетъ меня. Вѣдь сегодня остались пустыя формальности: я—уже избранникъ народа, представитель интересовъ сотенъ тысячъ людей. „А ну, поборемся, кто кого!" восклицаю я мысленно кому-то. И чувствую въ груди большую силу и рѣшимость. „Завтра уже ты не можешь меня тащить за шиворотъ въ часть!" думаю я, проходя мимо полицейскаго, который стоитъ на перекресткѣ улицъ. „Не можешь, не можешь, я—депутатъ!" Должно быть, моя улыбка кажется полицейскому подозрительной; онъ провожаетъ меня взглядомъ и щупаетъ у бедра кобуру револьвера.

Прежде, чѣмъ идти въ домъ дворянскаго собранія на выборы, мнѣ еще нужно зайти въ губернскую управу, напечатать нашъ списокъ кандидатовъ въ Думу. Я иду по освѣщенной сторонѣ улицы, и ясный солнечный день возбуждаетъ во мнѣ радостный восторгъ.

Впереди меня идетъ нянька, деревенская дѣвушка, и везетъ въ колясочкѣ мальчика лѣтъ четырехъ. Ребенокъ плачетъ. Нянька тихонько показываетъ ребенку на встрѣчнаго околоточнаго съ рыжимъ, потертымъ портфелемъ подъ мышкой (у полицейскихъ всегда потертые портфели) и говоритъ:

— Молчи, Петя, молчи! А то, смотри, вонъ полицейскій возьметъ тебя въ карманъ и съѣстъ... Молчи...

Околоточный услыхалъ эти слова, хотѣлъ было пройти мимо, но остановился.

— А ты, дура, зачѣмъ это полиціей ребенка стращаешь?

— Я такъ... ничего,—совсѣмъ замерла отъ смущенія и страха нянька.

— То-то, ничего! Смотри, знай край, да не падай. Выростетъ мальчикъ, какое мнѣніе о полиціи имѣть будетъ? Развѣ мы звѣри, что ли!—раздражался полицейскій.

Мальчикъ испугался и заревѣлъ еще пуще.

Замѣтивъ меня, околоточный смягчилъ свой тонъ.

— Вотъ, видишь! Запужала... Эхъ, ты.. Учить бы тебя, учить дуру!—бормоталъ онъ, удаляясь въ раздраженіи.

Какіе глупые, милые и смѣшные всѣ люди!

Губернская управа — одно изъ самыхъ толкучихъ мѣстъ въ городѣ. У губернской управы двѣ двери: черная и парадная. Въ парадную дверь идетъ проситель крупный, сытый, наглый; въ черную—мелкій, робкій, голодный. Черный ходъ кишитъ цѣлый день народомъ. Изъ служащихъ самой управы по парадному ходу входятъ и выходятъ обитатели нижняго этажа. Здѣсь—члены управы, бухгалтеры, контролеры, кассиры и прочіе крупные люди. По черному ходитъ верхній этажъ. Тамъ находится статистическое отдѣленіе. Въ политическомъ отношеніи нижній этажъ—октябристы и кадеты. Верхній—направленія соціалистическаго. Какія тамъ славныя, молодыя лица! Сюда стекаются со всей губерніи цифры, бездушныя цифры человѣческой жизни. За длинными столами, подъ перомъ этой молодежи цифры складываются въ столбцы; столбцы, въ свою очередь, выстраиваются рядами, и вдругъ все это мертвое поле цифръ, какъ мертвое поле костей въ видѣніи Іезекіиля, начинаетъ одѣваться плотью и кровью, оживать, проникаться единымъ духомъ, новой, неизвѣстной раньше никому, мыслью, и, вмѣсто предполагаемаго „ура!“ выкрикиваютъ совсѣмъ другія, непріятныя слова. Да, страшенъ и неожиданно своеобразенъ языкъ мертвыхъ цифръ русской жизни. И вотъ почему его такъ боится старая Россія...

Къ зданію дворянскаго собранія со всѣхъ сторонъ подходили толпы выборщиковъ. У дверей—гордость самодержавной Россіи, свѣтъ ея очей и радость сердца, полиція, снаряженная всѣми сортами оружія; только пулеметовъ не хватало. При взглядѣ на русскихъ полицейскихъ мнѣ всегда вспоминается Турція. Тамъ всѣ полицейскіе носятъ на груди мѣдныя дощечки-полумѣсяцы съ надписью: „Законъ“! Меня умиляла эта трогательная откровенность турецкой власти. „Что-бы и нашей такъ же!“—думаю я всегда. „И къ чему напрасный стыдъ?“

Залъ дворянскаго собранія — небольшая комната, заставленная по стѣнамъ громадными царскими портретами въ золотыхъ рамахъ. Весь полъ тѣсно уставленъ вѣнскими диванами и стульями. Сзади—хоры для публики, а впереди, почти во всю ширину комнаты,—длинный предсѣдательскій столъ, покрытый краснымъ сукномъ и заставленный баллотировочными ящиками. Налѣво отъ стола, подъ арками, цѣлый рядъ комнатъ, раздѣленныхъ драпировкой и устланныхъ сукномъ и коврами. Тамъ толпились, главнымъ образомъ, землевладѣльцы во фракахъ, сюртукахъ и мундирахъ. Въ залѣ преобладалъ пиджакъ и поддевка; былъ даже дубленый полушубокъ.

Между крестьянами шныряютъ какія-то личности, коихъ мы не видѣли раньше на своихъ собраніяхъ. Они подсаживаются то къ одному, то къ другому изъ нашихъ, что-то шепчутъ и подозрительно мечутъ глазами по сторонамъ. Живой и горячій малороссъ, Прохоръ Кононецъ, вскакиваетъ, какъ ужаленный, и съ негодованіемъ кричитъ, показывая мнѣ на своего собесѣдника:

— И что онъ мнѣ говоритъ! Я не могу съ этимъ человикомъ сидѣть! Говорить—надо налѣво нашимъ класть. Да какъ же это такъ, колы мы въ родѣ какъ бы передъ Господомъ Богомъ порѣшили?!.

По рукамъ крестьянъ уже ходятъ списки правыхъ. Тамъ семь мужиковъ и пять землевладѣльцевъ.

Какъ только я очутился среди выборщиковъ, утреннее спокойствіе мое исчезло, и мнѣ снова передается общее нервное настроеніе. Лица у всѣхъ немного взволнованы; но на нихъ написано что-то торжественное. Такъ торжественны бываютъ лица молящихся въ церкви передъ началомъ службы. Только подъ колоннами, налѣво, въ кучкѣ помѣщиковъ свѣтятся злые глаза, слышится негодующій шепотъ. Они подсчитали свои силы. Третья часть! Скверно!.. Они тоже изнервничались за эту недѣлю, и многіе изъ нихъ до того злы, что не могутъ сдержать себя. Помѣщикъ Поздюнинъ уже изругалъ одного выборщика изъ крестьянъ мерзавцемъ. Тотъ ходитъ отъ одной группы мужиковъ къ другой и, блѣдный, растерянный отъ обиды и негодованія, говоритъ:

— Что же мнѣ дѣлать, братцы? Онъ меня публично мерзавцемъ изругалъ.

Къ одному изъ вчерашнихъ ораторовъ, К. Ф. Вознесенскому, подходитъ помѣщикъ Бугурусланскаго уѣзда Львовъ и съ худо скрытымъ раздраженіемъ спрашиваетъ:

— Это вы, говорятъ, обозвали насъ вчера паразитами?

— Кого это—васъ?—спрашиваетъ Вознесенскій.

— Меня, его, ихъ...—тычетъ Львовъ рукой по направленію къ своимъ.

— Я васъ не знаю, и никакъ не могъ сказать о васъ ничего подобнаго.

— Но вы говорили о паразитахъ?

— Да, я говорилъ о паразитахъ и подъ ними разумѣлъ тѣхъ, которые живутъ трудами другихъ.

— Такъ вотъ мы и живемъ трудами другихъ!—въ запальчивости, говоритъ тотъ.—Значитъ, что же, мы паразиты? Да?

Среди землевладѣльцевъ особенно выдается своей озлобленностью какой-то старикъ съ большой сѣдой бородой.

Проходя мимо главарей лѣвой группы, онъ коробится какъ береста на огнѣ, и шепчетъ злобныя слова: „Ишь, грабители! Проходимцы! Тоже, законодатели!..“

— То есть, не будь у меня этой земли, - говоритъ мнѣ одинъ молодой землевладѣлецъ съ открытымъ, умнымъ лицомъ, въ синей поддевкѣ,—не будь этой земли, такъ я, можетъ быть, соціалистомъ-революціонеромъ былъ бы. Да. А вотъ земля... Ну, какъ я противъ своего живота, можно сказать, пойду? Какъ? Что я безъ земли? Нуль! Вотъ я и октябристъ. Да-съ, октябристъ, черносотенецъ, коли хотите, только поэтому...

— Тамъ губернаторъ объ васъ бумагу прислалъ,—тревожно шепнулъ мнѣ на ухо одинъ изъ выборщиковъ.

— Какую бумагу?

— Не знаю, бумага какая-то. Я сейчасъ проходилъ и слышалъ мелькомъ. Предводитель дворянства пришелъ и справлялся при входѣ про васъ, прошли вы въ собраніе, или нѣтъ...

Я понялъ, что побѣжденъ.

Минутъ черезъ пять въ залъ вошелъ предводитель дворянства, громоздкій, сырой человѣкъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Онъ попросилъ минуту вниманія и прочиталъ полученную имъ отъ губернатора бумагу. Въ этой бумагѣ губернаторъ писалъ, что правительствующій сенатъ извѣстилъ его телеграммой объ отмѣнѣ постановленія губернской коммиссіи, а слѣдовательно—и о лишенія меня и г. Макарова избирательныхъ правъ. Потому онъ, предводитель дворянства, проситъ гг. Кондурушкина и Макарова удалиться изъ зала собранія, какъ людей посторонних.

Поднялся шумъ.

— Какъ, посторонніе?! Къ чорту ваши бумаги! Эдакъ вы насъ всѣхъ разъясните! Не желаемъ. Они—наши избранники! Теперь поздно разъяснять...

— Господа, я—исполнитель,—плачущимъ голосомъ среди шума и гама говорилъ предсѣдатель.—Я получилъ бумагу и долженъ ее исполнить.

— Ваше превосходительство,—кричитъ одинъ изъ крестьянъ.—А гдѣ же телеграмма сената?

— Должно быть, у губернатора, если онъ пишетъ объ этомъ бумагу. Развѣ вы не вѣрите губернатору?—наивно, съ испугомъ спрашиваетъ предсѣдатель.

Въ залѣ смѣхъ, шутки.

— Еще бы! Какъ отцу родному, вѣримъ!.. Какъ Богу! - раздается изъ угла утробный басъ.

— Допустимъ, телеграмма есть,—говоритъ крестьянинъ Пустовойтовъ.—Такъ развѣ сенатъ сносится телеграммами?

Законъ ясно говоритъ, что сенатъ сообщаетъ свои рѣшенія указами...

Шумъ, крики правыхъ.

— Прошу васъ оставить залъ; вы теперь посторонніе, а при постороннихъ я не могу открыть собраніе,—обращается къ намъ предводитель дворянства.

— Не позволимъ! Незаконно!—кричитъ залъ.—Открывайте собраніе. Здѣсь нѣтъ постороннихъ!..

Предсѣдатель волнуется, потѣетъ. На его мясистомъ лицѣ выступаетъ румянецъ жженаго кирпича. По лбу струится потъ. Онъ не знаетъ, что дѣлать, роется въ уставѣ о земскихъ собраніяхъ, находитъ тамъ какую-то статью и немного приходитъ въ себя.

— Тогда мы должны поставить вопросъ на баллотировку, согласно статьѣ о земскихъ собраніяхъ...—рѣшаетъ предсѣдатель.—Кто за то, чтобы гг. Кондурушкинъ и Макаровъ удалились, благоволятъ сидѣть, а тѣ, которые противъ этого, благоволятъ встать...

Весь залъ поднялся дружно, точно сплошная каменная глыба, выдвинутая внезапно подземнымъ огнемъ. Помѣщики подъ колоннами стояли, потому что тамъ нѣтъ стульевъ. Желая голосовать за удаленіе, они начали метаться по сторонамъ, чтобы найти мѣста для сидѣнья. Многіе присѣли впопыхахъ на корточки...

— Закрытой баллотировкой нужно рѣшить вопросъ!—кричатъ правые.

Предсѣдатель растерянно соглашается съ этимъ предложеніемъ и забываетъ о произведенной имъ баллотировкѣ. Онъ опять роется въ книгѣ, снова краснѣетъ и обливается потомъ. Его бѣлый воротникъ размякъ, упалъ и прилипъ къ ордену, висящему на шеѣ. Наконецъ, кто-то шепчетъ ему, что статья закона о земскихъ собраніяхъ предусматриваетъ случай удаленія членовъ собранія. Кондурушкинъ же и Макаровъ не члены этого собранія, а посторонніе. Предсѣдатель охотно соглашается; закрытая боллотировка отставлена; онъ куда-то уходитъ, въ великомъ смущеніи.

Около часу всѣ ходятъ по залу, поднимаются на верхъ пить чай, нервничаютъ. Старикъ-землевладѣлецъ съ сѣдой бородой ходитъ мимо насъ и ворчитъ со злобой:

— Въ свою пользу всѣ законы толкуютъ! Больно жирно будетъ. И такъ много власти захватили...

— Не видали мы такихъ законовъ, кои въ нашу пользу были бы написаны,—отзывается крестьянинъ.—Законы-то пишете и толкуете вы... вашъ братъ. И всегда въ свою пользу, а не въ нашу...

— Ну, что дѣлать намъ теперь?—обступаютъ меня му-

жики. Неопредѣленность положенія, видимо, начинаетъ уже ихъ мучить.—Вы только скажите, что дѣлать, а мы сдѣлаемъ.

— Что дѣлать.. Подождемъ, что еще скажутъ.

— Да вѣдь хорошаго ничего не скажутъ. Не сдавайтесь, а мы поддержимъ. Это беззаконіе!

Черезъ часъ засѣданіе было открыто. На лицѣ предсѣдателя торжественная рѣшимость. „Я открываю собраніе, но я не примирился и теперь знаю, что сдѣлать", говоритъ каждое его движеніе. Долго тянулась канитель съ чтеніемъ законовъ и провѣркой присутствующихъ. Наконецъ, всѣ формальности кончены. Предсѣдатель всталъ и, расправляя на себѣ лопатками и локтями фракъ, обратился ко мнѣ:

— Прошу васъ покинуть залъ, такъ какъ въ данномъ собраніи вы являетесь постороннимъ человѣкомъ...

Раздался шумъ. Послышались нервные, звенящіе крики:

— Мы не позволимъ! Если бы они сами ушли, мы не пустимъ! Такъ и знайте!..

— Я спрашиваю г. Кондурушкина,—волнуясь, заявляетъ предсѣдатель.—Позвольте ему отвѣчать.

Я встаю. На меня смотрятъ сотни возбужденныхъ, блестящихъ глазъ. Я не вижу ни лицъ, ни фигуръ; я вижу только эти сверкающіе, какъ хрусталь на солнцѣ, колючіе глаза, чувствую, какъ они меня волнуютъ, пронизываютъ насквозь. Я заявляю, что распоряженіе губернатора, хотя бы основанное на телеграммѣ сената, не законно; постороннимъ себя не считаю и потому удаляться не намѣренъ.

Глаза сверкнули, скользнули по моему лицу и переметнулись на тучную фигуру предсѣдателя. Предсѣдатель повторилъ свою просьбу второй и третій разъ. Я отвѣчалъ тоже второй и третій разъ. И сотни сверкающихъ глазъ свѣтили то въ мою сторону, то въ сторону предсѣдателя. Казалось, что въ залѣ повертывается какая-то громадная люстра, и солнечные лучи, играя въ ея хрустальныхъ украшеніяхъ, блещутъ то въ одну, то въ другую сторону. Мнѣ казалось, что предсѣдатель повторяетъ трижды одну и ту же просьбу для пущей торжественности, и что послѣ третьяго раза разговоры будутъ окончены. Ничуть не бывало. Предсѣдатель, точно въ забытьи, повторилъ свою просьбу въ четвертый, пятый и шестой разъ. Наконецъ, очнувшись отъ оцѣпенѣнія нерѣшительности, коснѣющимъ языкомъ онъ заявилъ:

— Тогда я буду принужденъ пригласить полицію...

— Не имѣете права! Полиція не можетъ сюда входить!—раздались крики.

Среди правыхъ движеніе. Кто-то побѣжалъ пригласить полицію; ея долго нѣтъ. Послали какого-то графа. Тотъ

побѣжалъ. Черезъ минуту въ дверяхъ показался полицеймейстеръ съ двумя приставами.

Поднялся невообразимый шумъ, крики, ругательства. Казалось, стѣна, полъ и потолокъ зданія вспыхнули пожаромъ.

— Долой полицію! Вонъ отсюда! Вонъ! Вонъ!

Всюду мелькаютъ возбужденныя до крайняго напряженія лица; красные и слезящіеся отъ волненія глаза. Около меня образуется тѣсное кольцо изъ выборщиковъ. Кто-то шепчетъ мнѣ на ухо: „Умремъ, а не выдадимъ!"..

Полицеймейстеръ, ошеломленный криками и движеніемъ, нѣсколько секундъ не зналъ, что дѣлать и куда идти. Потомъ спохватился, лихо подбѣжалъ къ предсѣдательскому столу и, вытянувшись, по военному крикнулъ:

— Что прикажете, ваше превосходительство?!

Но превосходительство совсѣмъ растерялось.

— Тогда я принужденъ буду закрыть собраніе,—говоритъ онъ, растопыривая руки.

— Просимъ, просимъ!—слышатся голоса.

Собраніе закрыто. Полиція вышла изъ зала.

Только обернувшись назадъ, мы замѣтили, что передъ зданіемъ дворянскаго собранія, на улицѣ выстраивается сотня казаковъ. На правомъ флангѣ стоялъ казакъ съ краснымъ флагомъ.

— Казаки, казаки! Смотрите! А что значитъ красный флагъ?

Около меня стоитъ выборщикъ, отставной солдатъ, съ грудью, увѣшанной медалями. Онъ взволнованъ, бьетъ себя въ грудь по медалямъ кулакомъ и, обернувшись ко мнѣ, твердитъ:

— Это боевой флагъ, повѣрьте старому служакѣ... Боевой!

— Боево-о-ой!—проносится шепотомъ по всему залу.

— Боево-о-ой!—съ ужасомъ повторяютъ всѣ погромче, точно хотятъ постепенно привыкнуть къ этому страшному слову.

— Боевой флагъ!—кричатъ уже громко въ разныхъ концахъ зала.—Вотъ тебѣ и народные представители. Получайте.

Степенный, сдержанный Шишкинъ кричитъ на весь залъ:

— Вотъ она, россійская свобода!

Ему апплодируютъ долго и дружно.

Говорятъ, что меня и Макарова хотятъ арестовать. Человѣкъ пятьдесятъ окружаютъ насъ, выводятъ изъ собранія и провожаютъ по улицамъ. Полиція долго идетъ вслѣдъ.

Двое полицейскихъ на углу уже обсуждаютъ событія.

— Что это, Кузьмичъ, такое случилось?

— Да вотъ, говорятъ, кто-то по подложному документу на выборы прошелъ. Такъ его въ тюрьму и повели, голубчика...

— Извѣстно, за такія дѣла рѣдко хвалятъ... А кто это, Кузьмичъ, изъ русскихъ, али сицылистъ?

— Знамо, сицылистъ. Все они, христопродавцы. Тьфу! И безпокойства этого съ ними—страсть!..

Разсказъ мой конченъ. За послѣднимъ препятствіемъ на предвыборныхъ бѣгахъ намъ устроили западню. Такъ, закрывшись ширмой ложной законности и бездушнаго формализма, правительство мѣшало народу избирать по совѣсти и по сердцу. Говорятъ, что съ нами обошлись еще очень хорошо, конституціонно,—не посадили въ тюрьму. И на томъ спасибо. А такія опасенія за насъ въ то время были. Хотя я и не зналъ за собой никакихъ преступленій, но, по настоянію друзей и знакомыхъ, ночевалъ въ этотъ день на новомъ мѣстѣ.

Конечно, седьмого февраля мы не пробовали идти на выборы. Отъ перваго министра была за ночь получена телеграмма, повелѣвающая дѣйствовать рѣшительно и смѣло. Ну, а кто же дерзнетъ въ Россіи заявлять о своихъ правахъ, когда изъ Петербурга предписано дѣйствовать рѣшительно и смѣло. Тутъ ужъ шепчи только: „Разумѣйте языцы и покоряйтеся", да вспоминай царя Давида и всю кротость его... Двое полицейскихъ провѣряли бумаги выборщиковъ при входѣ въ собраніе, еще на улицѣ.

Вечеромъ мы сидѣли въ редакціи „Волжскаго Слова" и по телефону получали свѣдѣнія о томъ, какъ по нашимъ нотамъ разыгрывались самарскіе выборы. Весь нашъ списокъ прошелъ; мѣста исключенныхъ заняли другіе, тоже прогрессивные выборщики, которыхъ удалось намѣтить за ночь.

До свиданья, дорогіе друзья! До свиданья, родныя мѣста!

С. Кондурушкинъ.

Изъ воспоминаній дезертира.

Минуло ровно четыре года съ того дня, какъ въ моей жизни произошло событіе, которое, не представляя изъ себя ничего исключительнаго, тѣмъ не менѣе навсегда оставило по себѣ глубокій слѣдъ, такъ какъ въ этотъ день я изъ простого смертнаго превратился въ бѣглаго солдата, жизнь котораго есть сплошное скитаніе, полное невзгодъ и всяческихъ приключеній.

Какъ сейчасъ, помню послѣдній день своего пребыванія въ деревнѣ у старушки-матери. Онъ начался съ того, что рано утромъ, когда въ домѣ еще всѣ спали, въ однихъ чулкахъ, на цыпочкахъ, неслышно подошла она къ моей постели и, слегка поцѣловавъ меня въ оба глаза, опустила свою преждевременно посѣдѣвшую голову ко мнѣ на грудь и горько, горько заплакала.

Это были послѣднія слезы, которыхъ ей не нужно было ни отъ кого скрывать. Часомъ или двумя позднѣе, когда ежеминутно могъ войти кто-нибудь чужой, уже нельзя было свободно поплакать, такъ какъ этимъ можно было выдать мое намѣреніе. И мнѣ было невыразимо-тяжело смотрѣть, какъ эта изстрадавшаяся и худая, какъ тѣнь, женщина, будучи не въ силахъ сдержать своихъ слезъ, ежеминутно глотала ихъ и холодной водой смачивала свои воспаленныя вѣки. Но такъ какъ пойти въ солдаты, т. е. изъ вольнаго человѣка превратиться въ раба, сдѣлаться тупымъ орудіемъ въ рукахъ кровожадныхъ и глупыхъ людей, было для меня еще тяжелѣе, то я принужденъ былъ уѣхать. И раньше, чѣмъ послѣдній лучъ заходящаго солнца сказалъ мнѣ прости, я въ небольшой таратаечкѣ трясся по шоссе, ведущему въ городъ.

Начавшійся морозъ пушистымъ инеемъ покрылъ по бокамъ растущій березовый лѣсъ и черную ленту дороги понемногу совсѣмъ перекрасилъ. Что у меня тогда творилось на душѣ, я до сихъ поръ опредѣлить не могу, помню только, что мнѣ было невыносимо тяжело, и что въ головѣ не было ни одной цѣльной мысли. Все тамъ состояло изъ какихъ-то обрывковъ, гдѣ воспоминанія дѣтства смѣшались съ настоящимъ, воображаемое съ существующимъ и наоборотъ.

А ноябрьское небо, между тѣмъ, все темнѣло. Быстро одна за другой загорались на немъ ярко пылающія звѣзды и по мѣрѣ того, какъ число ихъ все больше и больше увеличивалось, разстояніе, отдѣлявшее меня отъ города, все уменьшалось.

Я сталъ приходить въ себя и мысленно весь ушелъ въ предстоящую мнѣ жизнь, которая, маня своей новизной, тяжело давила мрачной и холодной неизвѣстностью. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ карманѣ всего нѣсколько рублей, безъ всякаго паспорта, я рѣшилъ уѣхать за границу, никогда тамъ раньше не бывавъ, не имѣя никакого понятія о томъ, какъ все это выполнить. Признаться, я даже врядъ ли бы рѣшился на такой шагъ, если бы не товарищъ Ц..., который, прослуживъ цѣлыхъ два года въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, принужденъ былъ теперь бѣжать, и скрываясь отъ преслѣдованія, поджидалъ меня въ Двинскѣ, откуда мы вмѣстѣ должны были отправиться въ Варшаву. Тамъ Ц... при помощи своихъ знакомыхъ надѣялся все уже устроить.

Я не стану останавливаться на этомъ короткомъ пути, къ тому же прошедшемъ безъ всякихъ приключеній, и начну прямо съ того, какъ пріѣхалъ въ Двинскъ, гдѣ Ц... долженъ былъ меня встрѣтить на вокзалѣ.

Было 3 часа дня, когда съ небольшой корзинкой въ рукахъ, составлявшей весь мой багажъ, я очутился на большомъ вокзалѣ незнакомаго мнѣ города, гдѣ не безъ волненья началъ разыскивать Ц... Но сколько я ни ходилъ по платформѣ, сколько ни заглядывалъ въ залъ второго и третьяго класса, нигдѣ Ц... не находилъ. Обстоятельство это меня было опечалило и испугало, но, къ счастью, пройдя нѣсколько десятковъ саженей, я вдругъ наткнулся на поджидавшаго меня Ц... Оказалось, что, придя на вокзалъ, онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ солдатомъ одного съ нимъ полка, пріѣхавшаго, очевидно, въ отпускъ, и, опасаясь выдачи съ его стороны, поспѣшилъ убраться.

Дѣла его, какъ я тотчасъ же узналъ, были очень не блестящи: оказалось, у него нѣтъ ни гроша денегъ, и на знакомыхъ въ Варшавѣ онъ тоже мало надѣется, а между тѣмъ оставаться въ Двинскѣ до полученія откуда-либо денегъ было довольно рискованно, и поэтому намъ ничего ни оставалось дѣлать, какъ поѣхать на авось въ Варшаву.

Поѣздъ, съ которымъ намъ можно было ѣхать, отходилъ въ 3 часа ночи, т. е. ровно черезъ полсутокъ послѣ нашего пріѣзда. Для того, чтобы провести это время, мы съ Ц... отправились по его знакомымъ. Помню, что за эти нѣсколько часовъ я успѣлъ посѣтить чуть ли не десятокъ семействъ, и несмотря на то, что всѣ они жили въ бѣднотѣ, граничащей съ нищетой, я вездѣ былъ пораженъ тѣмъ глубокимъ интересомъ, съ какимъ относились они къ общественной жизни и съ какой силой молодежь рвалась къ ученію, къ свѣту.

Вотъ, напр., дочь стекольщика, тщедушная 15-лѣтняя дѣвушка, почти еще ребенокъ; большіе черные глаза ея полны печали и въ то же время горятъ энергіей. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она съ братомъ и его женой отправилась въ Америку, но, благодаря своей болѣзненности, въ Гамбургѣ при посадкѣ на корабль была «забракована» и затѣмъ одна, безъ всякихъ средствъ, истерзанная всѣмъ путемъ, подавленная неудачей, вновь должна была вернуться къ своему старому-отцу. Но это ея энергіи не убило: не удалось пробраться въ Новый Свѣтъ,—нужно прокладывать себѣ путь къ жизни въ старомъ, и вотъ теперь, цѣлый день проводя за работой въ какой-то мастерской, она по вечерамъ не отрывается отъ учебника, и ея завѣтная мечта – научившись, самой приняться учить другихъ, какъ она, стремящихся жить.

Думаю, что, поживши тамъ подольше, я могъ бы понаблюсти не мало интереснаго, но, къ сожалѣнію, нужно было спѣшить, и безъ четверти 3 мы были уже на вокзалѣ. Настроеніе у обоихъ было приподнятое. Мы чувствовали, что поступаемъ довольно рискованно, но сознаніе, что возврата уже нѣтъ, бодрило насъ, и, закрывая глаза на будущее, мы, чуть ли ни потративъ весь свой капиталъ, купили билеты до Варшавы.

I.

Отъ Двинска до Варшавы.

Вагонъ, въ который мы сѣли, былъ биткомъ набитъ пассажирами, большинство которыхъ были евреи. Глядя на ихъ согбенныя, худыя, вѣчно снующія фигуры, видя ихъ горящіе, какъ у затравленнаго звѣря, глаза и испытывая страшную тѣсноту, я впервые наглядно представилъ себѣ, что такое «гетто-еврейской осѣдлости». И весь этотъ несчастный край представился мнѣ въ видѣ нашего вагона, переполненнаго людьми, гдѣ уже нечѣмъ дышать, и изъ котораго безъ разрѣшенія кондуктора нельзя перейти въ почти пустующій вагонъ второго класса.

Я самъ еврей, но, благодаря тому, что родился и выросъ межъ русскихъ, евреевъ зналъ очень плохо и съ большимъ любопытствомъ къ нимъ присматривался. Не знаю, есть ли это прирожденное свойство еврейской націи, или оно выработалось за время гоненья, которому этотъ народъ подвергается уже многіе вѣка, но меня поразили они своей общительностью: не успѣваетъ какой-нибудь новый пассажиръ войти въ вагонъ, какъ онъ уже со всѣми разговариваетъ, и мнѣ помнится, что утромъ вагонъ былъ превращенъ въ синагогу, и всѣ присутствующіе сообща читали утреннюю молитву.

Пять часовъ пути прошли очень быстро, и едва наступило утро, какъ поѣздъ уже былъ въ Вильнѣ, гдѣ стоитъ всего полчаса. Многіе изъ нашихъ спутниковъ покинули здѣсь вагонъ, и ихъ мѣста были тотчасъ заняты другими. Между прочимъ, здѣсь же сѣла въ нашъ вагонъ интеллигентная дѣвочка лѣтъ 20, высокая, стройная шатенка, съ добрыми голубыми глазами; она была очень симпатична и какъ-то невольно располагала въ свою пользу. Познакомились мы съ ней такимъ образомъ: когда поѣздъ только что тронулся, въ вагонѣ появилась плачущая дѣвочка лѣтъ 10—12. Всѣ мы наперебой начали ее разспрашивать. Оказалось, что она ѣхала со своимъ братомъ, котораго въ Вильнѣ на вокзалѣ потеряла. Билетъ остался у него, и вотъ теперь она не знала, что дѣлать, такъ какъ кондукторъ грозилъ высадить ее на слѣдующей станціи. Выслушавъ этотъ разсказъ, дѣвушка, о которой я говорю, быстро прошла по вагонамъ и устроила сборъ для несчастной безбилетной. Во время этой исторіи мы съ ней и разговорились. Насколько я могъ судить, всѣ ея симпатіи были на сторонѣ революціоннаго движенія, а какъ догадался позже, она и сама принимала въ немъ участіе... Но въ началѣ мы опасались, конечно, вполнѣ откровенничать съ ней. Услышавъ отъ насъ, что мы думаемъ въ Варшавѣ поселиться и подыскать себѣ какую-нибудь работу, она пытливо на насъ посмотрѣла и, окинувъ взглядомъ маленькую нашу корзинку, недовѣрчиво улыбнулась. Ѣхала она къ себѣ домой въ Ломжинскую губернію, но по какому-то дѣлу должна была остановиться на нѣсколько часовъ въ Бѣлостокѣ. Между тѣмъ, и мы разсчитали, что если будемъ продолжать свой путь прямо, то пріѣдемъ на мѣсто прямо къ ночи, а это при нашемъ положеніи представляло значительныя неудобства, поэтому самое благоразумное было провести вечеръ въ Бѣлостокѣ и съ поѣздомъ, отходящимъ въ часъ или два ночи, поѣхать дальше. Сказано—сдѣлано: взяли свою корзинку и пошли. Съ дѣвушкой мы на время попрощались, но про себя рѣшили, что не дурно бы съ ней по душѣ поговорить о нашемъ дѣлѣ, такъ какъ изъ разговора съ ней мы узнали, что у нея въ Варшавѣ есть родственники, изъ которыхъ одинъ лѣсопромышленникъ и бываетъ часто за границей. Пробродивъ нѣкоторое время по извилистымъ улицамъ Бѣлостока, мы пришли на вокзалъ часа за полтора до отхода поѣзда и, забравшись въ плохо освѣщенный уголъ зала третьяго класса, сидя на деревянномъ диванчикѣ, оба задремали. Вдругъ передъ нами какъ будто выросла изъ-подъ земли наша таинственная спутница.

— А! вы здѣсь? А я васъ ищу. И чего это вы забрались въ такую темноту? Люди могутъ подумать, что вы какіе-нибудь бѣглецы,—проговорила она вполголоса и при этомъ не безъ лукавства улыбнулась. Мы, отшучиваясь въ свою очередь, перешли съ ней во второй классъ и здѣсь благополучно дождались поѣзда.

До Варшавы уже было, сравнительно, недалеко, и въ голову закрадывались нехорошія мысли.

— А что, если мы знакомыхъ Ц... тамъ почему-либо не сыщемъ? Вѣдь безъ паспортовъ и денегъ пропадемъ!—И мнѣ рисовался арестантскій вагонъ съ его частыми рѣшетками въ окнахъ, конвойные солдаты съ хмурыми деревянными лицами, цѣлый рядъ пересыльныхъ тюремъ, которыя я долженъ буду пройти, и, наконецъ, самое главное отъ чего я бѣжалъ... солдатчина... И по мѣрѣ того, какъ я все это себѣ представлялъ, у меня являлось непобѣдимое желаніе, во что бы то ни стало, добиться своего.

Ц... какъ-то умудрился завладѣть верхней полкой и вскорѣ уснулъ тамъ, какъ настоящій солдатъ. Я же сидѣлъ противъ своей спутницы и все думалъ, какъ бы удобнѣе съ ней объяснится.

Сначала мы долго говорили о любимыхъ нашихъ писателяхъ, касались при этомъ разныхъ общественныхъ вопросовъ и, наконецъ, какъ-то незамѣтно перешли на самихъ себя. Когда она заговорила о своей семьѣ, я слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Счастливая случайность: она разсказывала о томъ, какъ любимый братъ ея въ прошломъ году былъ принятъ на службу! Какъ недавно у него вышла какая-то исторія на политической почвѣ, и онъ вынужденъ былъ бѣжать, при чемъ она сама устроила ему все, что касалось переправы черезъ границу.

— Хотѣлось бы еще хоть разъ его увидѣть,—закончила дѣвушка свой разсказъ, и въ голосѣ ея что-то дрогнуло... Понятно, что послѣ этого мнѣ уже нечего было опасаться, и я тотчасъ же разсказалъ все, что касалось меня и Ц...

Выслушавъ мою откровенную исповѣдь, таинственная спутница дала мнѣ свой адресъ и просила, если намъ не удастся ничего устроить самимъ черезъ своихъ знакомыхъ, написать ей: она нарочно пріѣдетъ для устройства нашего дѣла въ Варшаву. Нечего и говорить, что мы разстались, какъ старые друзья, и когда поѣздъ уже медленно двигался вдоль платформы, она постучала въ окно, возлѣ котораго мы сидѣли, и въ послѣдній разъ крикнула: «пишите же!» Оставшись одни, мы уже не спали, такъ какъ Варшава была недалеко; мы строили планы на будущее... Заручившись обѣщаніемъ нашего случайнаго друга, мы чувствовали подъ ногами болѣе твердую почву, чѣмъ прежде, но всетаки не могу сказать, чтобы у меня совсѣмъ не билось сердце отъ волненія, когда поѣздъ, вдругъ переставъ пыхтѣть и стучать колесами, какъ бы застывъ,—остановился.

II.

Въ Варшавѣ.

Было еще не совсѣмъ поздно. Сѣдой отъ мороза городъ имѣлъ хмурый видъ и, какъ грозный старикъ, насупившій густыя брови, сурово молчалъ. Мнѣ казалось, что ежившійся на посту городовой, старавшійся согрѣться движеніемъ, дѣлаетъ это не отъ холода, а отъ той угрожающей тишины, которая царила въ этотъ ранній часъ на окраинѣ. Было еще слишкомъ рано отправляться на поиски, и мы зашли въ какую-то чайную. Напившись чаю и немного тутъ же за столомъ подремавъ, мы оставили тамъ свою корзинку и пошли на другой конецъ города, гдѣ въ повивальномъ институтѣ должны были найти одну знакомую. Идти пришлось довольно далеко, но мы неслись, какъ на крыльяхъ, и въ 10 часовъ были уже возлѣ института, куда Ц... зашелъ узнавать. Я остался поджидать его на улицѣ, и долго мнѣ пришлось ходить взадъ и впередъ по панели, пока, наконецъ, не отворилась дверь и на ступенькахъ подъѣзда не появилась маленькая, бѣлокурая фигурка моего товарища. Онъ былъ блѣденъ и какъ-то недоумѣло, будто съ застывшимъ вопросомъ на лицѣ, растерянно озирался вокругъ.

— Ну что?—подбѣжалъ я къ нему, но онъ жался и не зналъ, что отвѣтить. Ему было хорошо извѣстно, что дѣвица Б. уже второй годъ учиться въ этомъ институтѣ, а между тѣмъ—ему здѣсь сказали, что такой тамъ нѣтъ и никогда не было. Пришлось отправиться въ адресный столъ, но и тамъ отвѣтили, что она еще годъ тому назадъ выбыла изъ Варшавы...

Когда такая же неудача постигла насъ въ поискахъ еще одного таварища Ц., положеніе изъ затруднительнаго стало переходить въ критическое, и мы совершенно не знали, что дѣлать. Но тутъ, къ счастью, Ц... вспомнилъ одно обстоятельство, за которое мы и ухватились, какъ утопающій за соломинку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, живя въ Одессѣ, Ц... имѣлъ одного товарища, который страшно бѣдствовалъ, родители же его, люди очень состоятельные, жили въ Варшавѣ и почему-то его совершенно не поддерживали, а между тѣмъ онъ сильно разстроилъ свое здоровье и былъ уже близокъ къ чахоткѣ. Будучи возмущенъ поведеніемъ родителей, Ц... узналъ ихъ адресъ и написалъ имъ письмо, послѣ котораго все устроилось къ общему благополучію. Адреса этихъ господъ Ц... помнилъ еще и теперь, и хотя трудно было предполагать, что они до сихъ поръ живутъ все на той же квартирѣ, все же, за неимѣніемъ лучшаго, мы рѣшили пойти посмотрѣть, и къ немалому нашему удивленію убѣдились, что они живутъ въ томъ же домѣ. Однако, когда мы зашли, насъ приняли довольно

холодно и на просьбу позволить получить деньги на ихъ адресъ, согласились только послѣ нѣкотораго колебанія. Что же касается ночлега, то посовѣтовали отправиться въ столовую «для бѣдныхъ», сказавъ, что оттуда черезъ такихъ же безпаспортныхъ, какъ мы, можно попасть куда-нибудь на ночлегъ. Дѣлать было нечего, и мы отправились въ эту столовую, которая кстати была недалеко. Пройдя полутемный корридорчикъ, мы открыли дверь въ небольшую, съ грязными стѣнами и закопченнымъ потолкомъ, комнату, почти сплошь уставленную длинными столами, за которыми въ страшной тѣснотѣ, почти не имѣя возможности дѣйствовать руками, ѣли какую-то похлебку оборванныя, исхудалыя существа.

Подающіе къ столу лакеи были съ ними очень грубы и покрикивали на нихъ, какъ какіе-нибудь унтера на солдатъ.

Меня съ товарищемъ сначала долго и подозрительно разсматривали, а затѣмъ, почему-то обращаясь на русскомъ языкѣ, пригласили къ конторкѣ, гдѣ за небольшимъ столикомъ сидѣлъ довольно солидный господинъ съ очень краснымъ затылкомъ и въ цилиндрѣ.

— Куда? Зачѣмъ? Откуда?—началъ онъ насъ закидывать вопросами.

— Послушайте,—обратился я къ солидному господину, въ раздраженіи,—а безъ такого вопроса нельзя здѣсь поѣсть вашей лапши? Мы заплатимъ за нее, не безпокойтесь.

— Нѣтъ, нельзя.

— Въ такомъ случаѣ,—вспылилъ я,—пропадайте.

И мы, не спавшіе нѣсколько ночей, озябшіе, истомленные ходьбой и измученные неудачами, снова очутились на улицѣ. Наступали уже сумерки. Въ головѣ и во всемъ продрогшемъ тѣлѣ ощущалась такая тяжесть, что мы съ трудомъ могли передвигать ноги.

Проходя какой-то очень узкій переулокъ, подобно муравейнику кишѣвшій суетящимися людьми, большей частью мелкими торговцами, которые, таща на себѣ неимовѣрно-тяжелыя ноши, какъ будто куда-то спѣшили, мы безъ всякаго уговора остановили одного, хорошо одѣтаго господина, по виду учителя.

— Не знаете ли, гдѣ здѣсь можно переночевать? — въ одно слово спросили мы его, едва держась на ногахъ отъ усталости. Тотъ на минуту задумался, потомъ сказалъ, что здѣсь, недалеко по улицѣ Ставки, есть одно семейство, куда онъ самъ ходитъ обѣдать: тамъ есть свободная кровать, и онъ думаетъ, что за небольшую плату насъ съ удовольствіемъ пустятъ. Онъ, конечно, не зналъ, что у насъ нѣтъ паспортовъ и поэтому такъ увѣренно говорилъ, что насъ пустятъ, да и сами мы были такъ утомлены, что мало думали объ этомъ обстоятельствѣ и поспѣшили отправиться по указанному имъ адресу.

Квартира, куда мы пришли, состояла изъ кухни и одной комнаты; въ ней жили: старушка-мать и двое младшихъ дѣтей, дочь лѣтъ 14, рыженькая, съ маленькими хитрыми глазками, и 16-ти лѣт-

шій сынъ, который, въ противоположность сестрѣ, имѣлъ туповатое лицо.

Встрѣтила насъ хозяйка довольно привѣтливо и, попросивъ пройти въ комнату, сама осталась въ кухнѣ, гдѣ, очевидно, приготовляла ужинъ.

Ц.., усѣвшись на небольшой мягкій диванчикъ, въ ту же минуту захрапѣлъ, а я сѣлъ къ окну, гдѣ было еще не совсѣмъ темно, и началъ писать письмо къ роднымъ, въ которомъ просилъ выслать хоть сколько-нибудь денегъ, такъ какъ онѣ были у насъ совсѣмъ на исходѣ. Но едва я успѣлъ написать нѣсколько строкъ, какъ вошла хозяйка и начала просить паспорта.—Они у васъ, конечно, есть,—почему-то спокойно прибавила она и начала жаловаться на строгости, существующія теперь въ Варшавѣ.

— Чуть что, сейчасъ штрафъ, прямо хоть не живи!—закончила она и снова заговорила о паспортахъ.

Я немного смутился, но, чтобы оттянуть время, обѣщалъ дать, когда окончу письмо. И когда та вышла обратно въ кухню, я поспѣшно разбудилъ Ц..., предоставивъ ему, какъ болѣе бывалому, объясняться со старушкой. И, дѣйствительно, когда та вновь пришла за паспортами, онъ началъ ей разсказывать какія-то небылицы, говоря, что мы пріѣхали изъ Петербурга по торговымъ дѣламъ, думаемъ пробыть здѣсь всего одинъ день, и что ради одной ночи не хочется тратить 2 руб. на прописку и т. д. Старушка разсказамъ его, повидимому, повѣрила, но всетаки безъ прописки боялась оставить даже и коммерсантовъ. И надо полагать, эту ночь намъ пришлось бы уже навѣрно провести на улицѣ, если бы въ семьѣ не случилось одной непріятности. Вышло, какъ разъ, по пословицѣ: не быть бы счастью, да несчастье помогло.—Дѣло въ томъ, что когда мы объяснялись съ хозяйкой, и объясненіе это грозило уже кончиться не въ нашу пользу, вдругъ въ квартиру вбѣжала заплаканная дѣвочка, и раньше чѣмъ мы успѣли разобрать, въ чемъ дѣло, хозяйки нашей уже не было дома. Оказалось, хозяйка имѣла еще замужнюю дочь, которая была больна послѣ родовъ; какъ разъ теперь ей сдѣлалось худо, и мать позвали къ больной. Оставшись дома съ братомъ и сестрой, мы попросили поужинать и затѣмъ, наразсказавъ цѣлую кучу чудесъ о Петербургѣ, улеглись спать. Хозяйка пришла уже подъ утро, и о паспортахъ больше не заговаривала.

Такъ прошла наша первая ночь въ Варшавѣ, послѣ которой все шло уже обычнымъ путемъ, и мы мало-по-малу, но неуклонно, подвигались къ намѣченной цѣли.

На утро, отдохнувшіе и ободренные тѣмъ, что умудрились перекочевать, мы вновь отправились въ институтъ разыскивать Б..., такъ какъ знали навѣрное, что она тамъ. Не добившись опять ничего отъ швейцара, мы обратились къ какой-то пожилой дамѣ въ бѣломъ халатѣ и, получивъ отъ нея также отрицательный отвѣтъ,

хотѣли уже уходить, какъ вдругъ замѣтили на стѣнѣ «росписаніе дежурствъ», гдѣ упоминалась фамилія разыскиваемой нами дѣвицы.

Понятно, что послѣ этого мы не ушли. Кстати, подвернулась дежурная ученица, молодая краснощекая брюнетка, и мы обратились къ ней.—Вы пріѣзжіе?—спросила она и, сообразивъ, очевидно, что «свои», куда-то скрылась. Черезъ минуту она намъ вынесла адресъ.

Не чувствуя подъ собой ногъ отъ радости, мы отправились. Б..., какъ разъ, оказалась дома, и отъ нея мы, между прочимъ, узнали о такихъ друзьяхъ, которыхъ никогда даже не думали встрѣтить; однимъ словомъ, черезъ нѣсколько дней у насъ былъ цѣлый кругъ знакомыхъ, и мы уже не боялись, что вдругъ останемся на ночь на улицѣ, хотя нельзя сказать, чтобы ночлеги наши отличались особой безопасностью или большими удобствами, такъ какъ, съ одной стороны, часто приходилось ночевать въ такихъ мѣстахъ, куда ежеминутно могла нагрянуть полиція, съ другой — приходилось спать иногда чуть ни на голомъ полу и всю ночь дрожать отъ холода. Но такъ или иначе мы чувствовали себя хорошо. Вездѣ собиралась молодежь, устраивались совмѣстныя чтенія, и жизнь всюду била ключемъ. На улицахъ рабочихъ кварталовъ въ это время прохожіе часто подвергались обыску, и на этой почвѣ происходили столкновенія съ полиціей. Присматриваясь тамъ къ рабочимъ, я находилъ, что они энергичнѣе нашихъ и скорѣе готовы къ борьбѣ, чѣмъ мы.

Итакъ, знакомыхъ у насъ становилось все больше и больше. Но какъ ихъ число ни увеличивалось, и какъ симпатичны они ни были, все же о томъ, какъ переправиться черезъ границу, они ничего не знали, и намъ пришлось таки обратиться къ таинственной дѣвушкѣ, съ которой познакомились въ пути. Признаться, наши варшавскіе друзья относились довольно скептически къ этому знакомству и даже доказывали намъ, что мы поступили неосторожно, разсказавъ о себѣ совершенно незнакомому человѣку. Вообще говоря, друзья были, конечно, правы, но въ данномъ случаѣ намъ раскаяваться въ довѣрчивости не пришлось, такъ какъ черезъ два дня послѣ того, какъ мы послали нашей спутницѣ письмо, она была уже въ Варшавѣ и тотчасъ же принялась за хлопоты по нашему дѣлу.

Оказалось, что въ Варшавѣ имѣется цѣлый рядъ такъ называемыхъ «агентовъ», которые за извѣстную плату берутся доставить кого угодно въ любую часть свѣта. Наша покровительница, ведя съ ними переговоры относительно насъ, въ то же время справлялась гдѣ-то объ нихъ самихъ, чтобы выбрать самого подходящаго субъекта. И уѣхала она только тогда, когда все устроила. Агентъ, найденный ею, взялся за 70 руб. довезти насъ обоихъ до Берлина, при чемъ всѣ дорожные расходы (кушанье и ночлегъ) бралъ на свой счетъ.

Переговоры все время велись помимо насъ и только тогда, когда все уже было готово и деньги уплачены, онъ велѣлъ привести насъ. Это было въ субботу вечеромъ. Когда мы вошли въ довольно богатую квартиру, насъ встрѣтилъ коренастый, чисто выбритый и прилично одѣтый господинъ лѣтъ 30-ти. Пронзивъ насъ своими маленькими, колючими глазками, онъ вѣжливо попросилъ насъ зайти въ сосѣднюю комнату, гдѣ было почти темно, и здѣсь, при таинственной обстановкѣ, подвергъ насъ строжайшему допросу, во время котораго допытывался, не бѣглецы ли мы, совершившіе какое-либо преступленіе. Онъ, дескать, провозитъ черезъ границу только совершенно «чистыхъ» людей и ужасно боится тѣхъ, которые отъ чего-либо бѣгутъ. Какъ я потомъ узналъ, такъ говорятъ всѣ «агенты», чтобы содрать подороже. Между прочимъ, въ то время, когда мы были еще въ свѣтлой комнатѣ, тамъ суетился какой-то высокій господинъ съ длиннымъ горбатымъ носомъ, глазами навыкатѣ и большой шишкой на щекѣ. Кромѣ того, тамъ сидѣлъ еще одинъ молодой человѣкъ, оказавшійся такимъ же, какъ и мы. Когда допросъ кончился, наступила тишина. Агентъ молча шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ останавливается возлѣ дверей, смотритъ на свои карманные часы и поспѣшно говоритъ, что мы должны скорѣй взять извозчика и торопиться на вѣнскій вокзалъ, такъ какъ поѣздъ, съ которымъ мы должны уѣхать, отходитъ черезъ полчаса.

— Но вещи! Мы же безъ вещей!—пробовали мы возразить.

— Вещей брать съ собой нельзя, совѣтую вамъ спѣшить, иначе вы опоздаете,—рѣшительно сказалъ онъ, и, подчиняясь необходимости, мы отправились. Пріѣхавъ на вокзалъ, мы тамъ никого не нашли, а между тѣмъ до отхода поѣзда оставалось всего нѣсколько минутъ. Понятно, что мы сидѣли, какъ на горячихъ угольяхъ, и подъ конецъ начали даже подумывать, что надъ нами зло насмѣялись; но это было невѣрно. «Настоящіе» агенты (а нашъ былъ «настоящій») такихъ вещей не дѣлаютъ и, разъ взявшись куда-либо васъ доставить, непремѣнно исполнятъ слово. И вотъ, какъ разъ минуты за три до отхода поѣзда, въ вокзалъ вдругъ влетѣлъ нашъ знакомецъ съ шишкой на щекѣ, сдѣлалъ намъ знакъ,—слѣдовать за нимъ и остановился только тогда, когда мы уже всѣ четверо были на площадкѣ вагона. Здѣсь вручилъ онъ намъ билеты до Кутно и два конверта, предупредивъ, что, пріѣхавъ туда, мы должны пройти черезъ вокзалъ и крикнуть: «Авраамъ!» Къ намъ подойдетъ старикъ и скажетъ, что онъ каретникъ; мы должны дать ему конвертъ № 1, и онъ насъ повезетъ куда нужно, за 18 верстъ. «Когда пріѣдете на мѣсто, то отдайте конвертъ № 2»,—прибавилъ онъ. Затѣмъ, сунувъ намъ въ руки по визитной карточкѣ съ портретомъ нашего «агента», онъ, соскакивая, уже на ходу поѣзда, сказалъ: «если какой-нибудь жандармъ захочетъ васъ арестовать, покажите ему эту карточку».

III.

Отъ Варшавы до Берлина.

Дорогой ко мнѣ сталъ приставать какой-то пожилой еврей съ очень подозрительной или даже, какъ мнѣ тогда казалось, шпіонской физіономіей. Сначала онъ все спрашивалъ, съ какимъ агентомъ я ѣду, затѣмъ принялся ихъ всѣхъ ругать и предлагать свои услуги, говоря, что съ нимъ дѣло будетъ вѣрнѣе и дешевле. Но я постарался отъ него отдѣлаться, сдѣлавъ видъ, что по-еврейски не понимаю; онъ же, очевидно, по-русски не говорилъ и принужденъ былъ отстать.

Поѣздъ шелъ довольно быстро, и въ вагонѣ, переполненномъ пассажирами, стояла страшная духота. Несмотря на это, какой-то пьяный солдатъ-пограничникъ, забравшись на верхнюю полку вагона, во все горло пѣлъ «Разлуку»; другой, сидя внизу, аккомпанировалъ ему на гармоньи.

Странно какъ-то звучала эта пѣсня на далекой окраинѣ; невольно чувствовалось, что мы уже не въ Россіи, хотя до границы и было еще далеко. Ѣхать поѣздомъ пришлось намъ недолго, и часовъ въ 10 — 11 мы были уже въ Кутно. Здѣсь, дѣлая все такъ, какъ намъ велѣлъ проводившій насъ человѣкъ, мы прошли сквозь вокзалъ, гдѣ нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: большой, совершенно не освѣщенный дворъ былъ почти весь занятъ крытыми каретами, и тутъ же стояла толпа громко разговаривающихъ балагулъ.

— Авраамъ! Авраамъ! — крикнули мы нѣсколько разъ подъ рядъ, и черезъ минуту къ намъ подошелъ старикъ-балагула.

Взявъ у насъ изъ рукъ конвертъ № 1 и осмотрѣвъ его при свѣтѣ спички, онъ опустилъ его въ карманъ и, велѣвъ слѣдовать за собой, повелъ насъ къ своей каретѣ. Здѣсь, отворивъ небольшія дверцы, онъ голосомъ, не терпящимъ возраженій, отрывисто сказалъ:—«полѣзайте, ну!»—Я, какъ стоявшій ближе къ отверстію совершенно темной кареты, полѣзъ первымъ, но чуть въ ужасѣ не отступилъ назадъ: въ каретѣ уже были какіе-то люди. Тамъ слышался сдавленный смѣхъ, и кто-то невидимый кому-то шепталъ: «Молчи, чтобъ тебя черти задавили!»—Оказалось, что кромѣ насъ тамъ сидятъ уже четверо, и что мы всемеромъ должны помѣститься въ этой довольно-таки тѣсной каретѣ. Я съ другимъ нашимъ спутникомъ, оказавшимся сіонистомъ, кое-какъ усѣлись, но для Ц... совсѣмъ мѣста не осталось, и онъ принужденъ былъ сѣсть намъ на ноги, которыя мы и безъ того едва могли передвигать съ мѣста на мѣсто. Когда мы такимъ образомъ усѣлись, балагула закрылъ дверцы и, медленно взобравшись на козлы, повезъ. Очутив-

ившись въ абсолютной тьмѣ, мы нѣкоторое время молчали, затѣмъ начали между собой знакомиться. Для этого кто-то зажегъ спичку, и мы всѣ заглядывали другъ другу въ лицо. Картина получалась очень комичная, и какъ намъ ни было тѣсно, какъ ни возмущалъ насъ подобный способъ перевозки живыхъ людей, все же мы не могли удержаться отъ смѣха.

Изъ тѣхъ четверыхъ, что мы нашли уже въ каретѣ, одинъ былъ совсѣмъ еще юноша, портной, ѣхавшій къ своему дядѣ въ Парижъ. Второй былъ тоже рабочій. Лѣтъ съ 16-ти онъ прожилъ въ Нью-Іоркѣ и затѣмъ, почему то надѣясь, что его не сдадутъ въ солдаты, вернулся къ призыву. Въ разсчетѣ своемъ онъ, какъ видно, ошибся и теперь вновь удиралъ въ Америку, за что и былъ нами прозванъ американцемъ.

Куда ѣхали остальные двое, я сейчасъ уже не помню, но это были тоже люди молодые, и дѣло не обошлось даже безъ идейныхъ споровъ. Началось съ того, что сіонистъ началъ доказывать необходимость евреямъ овладѣть Палестиной, дабы избавиться отъ преслѣдованія чужихъ правительствъ. «Американецъ», оказавшійся соціалистомъ, сталъ ему возражать и, поддержанный нами, что называется, посадилъ сіониста въ калошу. Само собой разумѣется, что дискуссія эта долго продолжаться не могла, такъ какъ отъ тѣсноты начали деревенѣть ноги, и все труднѣе становилось дышать. Это общее горе скоро заставило насъ забыть всѣ партійные разговоры и прочно объединило на одномъ сильномъ желаніи, какъ можно покрѣпче выругать всѣхъ этихъ господъ «агентовъ» съ ихъ разными подъагентами и поскорѣй отъ нихъ избавиться. Но наши испытанія еще только начинались. 18 верстъ, о которыхъ намъ говорилъ агентскій человѣкъ, оказались такими длинными, что въ сутки ихъ не проѣхать. Мы же этого, конечно, не знали, и всякій разъ, какъ карета останавливалась, мы думали, что уже пріѣхали,— на самомъ же дѣлѣ, это просто мѣняли лошадей, при чемъ не всякій разъ намъ позволяли выходить изъ кареты, чтобы хоть немного расправить утомленные члены. Голова отъ всего этого сдѣлалась, въ концѣ концовъ, какъ свинцовая; ощущалась даже легкая тошнота. Но труднѣй всѣхъ, очевидно, приходилось Ц...ву, и когда сквозь небольшое стеклышко, вдѣланное въ правую стѣнку кареты, сталъ уже проникать слабый утренній свѣтъ, ему вдругъ сдѣлалось дурно.

Чтобы привести его въ чувство, мы ногтями соскабливали со стекла намерзнувшій снѣгъ и прикладывали ему ко лбу. Такъ мы ѣхали до 9 часовъ утра; къ этому времени нашъ злополучный Ноевъ ковчегъ подкатилъ къ какой то избушкѣ и здѣсь остановился. Когда мы вышли изъ кареты, то уже увѣрены были, что на этотъ разъ дальше ѣхать не нужно будетъ, и жалѣли лишь объ одномъ, что въ домѣ было очень холодно, и нельзя было достать чаю. Здѣсь, между прочимъ, у насъ потребовали конвертъ № 2-й,

и это насъ окончательно убѣдило въ томъ, что мы уже пріѣхали. Легко поэтому представить наше изумленіе и негодованіе, когда черезъ полчаса по пріѣздѣ намъ объявили, что лошади готовы, и намъ пора продолжать путь.—Долго ли вы будете насъ мучить?—раздраженно спрашивали мы агента, взявшаго у насъ конвертъ. Но онъ спокойно отвѣчалъ, что это не наше дѣло, и мы будемъ доставлены туда, куда насъ доставить взялись. Дѣлать было нечего, и мы, вновь наполнивъ своими тѣлами карету-тюрьму, поѣхали дальше.

Наступилъ полдень; начало клониться къ ночи, а мы все ѣхали, ѣхали, и пути нашему не приходило конца. Тѣснота стала совершенно невыносимой, и во время одной изъ остановокъ нашъ американецъ настоялъ на томъ, чтобы ему позволили сѣсть на козлы рядомъ съ балагулой. Это дало намъ возможность вздохнуть посвободнѣе, и около часу ночи мы, наконецъ, благополучно прибыли въ пограничное мѣстечко С...нъ, гдѣ и была наша конечная станція.

Сойдя съ козелъ, балагула постучалъ кнутовищемъ въ дверь небольшого одноэтажнаго домика, въ двухъ окнахъ котораго свѣтился слабый огонекъ, и крикнулъ:—Мойше, принимай гостей!—и, не дождавшись отвѣта, уѣхалъ. Долго еще послѣ этого мы стучали безъ всякихъ результатовъ.—Да открывайте же, наконецъ!—волновались мы, стуча въ дверь.—Головой бы васъ объ стѣну такъ стучать, собачьи сыны! — отвѣчалъ намъ изъ-за двери грубый старческій голосъ Мойши. И только когда онъ вдоволь накричался, дверь въ гостиницу, столь любезно приготовленную намъ агентами, гостепріимно передъ нами распахнулась. Вотъ что представилось нашимъ глазамъ, когда мы остановились на порогѣ, не рѣшаясь его переступить.

Въ небольшой комнатѣ, съ невысокимъ грязнымъ потолкомъ и такими же стѣнами, гдѣ цѣлый уголъ былъ заваленъ незатѣйливымъ багажемъ эмигрантовъ, на грязной соломѣ спало до 40 человѣкъ. Измученные люди, мужчины, женщины, дѣти, старики, размѣстились здѣсь всѣ въ повалку, положивъ другъ на друга голову или даже ноги; спали даже возлѣ самаго порога; намъ некуда было поставить своихъ ногъ, и только съ большими предосторожностями намъ удалось туда пробраться, ни на кого не наступивъ. Мойше же, открывъ дверь, снова забрался въ свою конуру и думалъ уже опять предаться сну, отъ котораго мы его только что оторвали, но не тутъ-то было: среди насъ были тақіе ребята, которыхъ ничто не брало, которые готовы были шутить при какихъ угодно обстоятельствахъ.

— Мойше! Мы хотимъ ѣсть, дайте намъ поужинать!

— Снѣгу возьмите себѣ на ужинъ! — съ раздраженіемъ отвѣчаетъ старикъ, но мы не унимаемся:

— Мойше! Мы хотимъ спать, вы должны намъ дать мѣсто.

— Въ хлѣву есть у меня для васъ хорошее мѣсто,—съ еще большимъ раздраженіемъ огрызается Мойше и нетерпѣливо ворочается въ своей кровати.

— А ну-ка, сколько ихъ тутъ,—говоритъ неугомонный «американецъ» и принимается считать спящихъ, которые такъ переплелись между собой, что буквально нельзя разобрать, гдѣ кончается одинъ, гдѣ начинается другой. Между тѣмъ, разбуженные нашимъ пріѣздомъ, они начали понемногу просыпаться, и одинъ изъ нихъ, мужчина лѣтъ 40, съ большой рыжей бородой, уже въ третій разъ на своемъ вѣку совершавшій такое путешествіе, посовѣтовалъ лучше сосчитать, сколько соломинъ составляютъ ихъ постели, находя, что это легче, чѣмъ считать людей, такъ какъ число соломинъ меньше. Эта острота настолько всѣмъ понравилась, что даже несчастная женщина, ѣхавшая въ Америку къ своему мужу съ четырьмя дѣтьми, которыя всѣ кашляли, и та не могла удержаться отъ смѣха.

Въ 6 часовъ утра пришли какихъ-то два субъекта и, заставивъ всѣхъ подняться, увели этотъ своеобразный этапъ. Мы остались одни въ этой роскошной гостиницѣ, содержателями которой были: знакомый уже намъ Мойше, старый николаевскій солдатъ, ненавидѣвшій нынѣшнихъ людей, съ ихъ порядками, и его благовѣрная, маленькая старушка съ морщинистымъ личикомъ, похожимъ на сушеную грушу. Несмотря на свою старость, она была столь подвижна, что, въ случаѣ надобности, любому изъ насъ могла бы выцарапать глаза довольно исправно. Когда партія была отправлена, она первымъ долгомъ собрала почернѣвшую уже отъ времени солому и, перевязавъ ее веревкой, бережно вынесла изъ комнаты и положила подъ окномъ. Затѣмъ, взявъ въ руки желѣзную лопату, начала соскабливать накопившуюся на полу грязь, и уже послѣ этого принялась за стряпню. Тутъ только, между прочимъ, мы узнали, какъ агенты берутъ на себя всѣ наши дорожные расходы: такъ, напр., за стаканъ жидкаго чаю, свареннаго въ какомъ-то грязномъ горшкѣ, хозяйка брала съ насъ 4 коп. и не выпускала его изъ одной руки, пока деньги не появлялись въ другой. За хлѣбъ тоже брали втридорога, и у кого не было денегъ, тѣ должны были голодать. Во время нашего чаепитія пріѣхала новая повозка съ семью эмигрантами.

Среди нихъ былъ какой-то бѣглый драгунъ, затѣмъ молоденькая дамочка, ѣхавшая къ своему мужу въ Америку, и, между прочимъ, одинъ довольно прилично одѣтый мужчина лѣтъ 32, съ темной бородкой и карими шулерскими глазами. Съ этимъ человѣкомъ ѣхали двѣ толстыя дѣвицы, лѣтъ по 25, съ глуповатымъ выраженіемъ лица, и помнится, злые языки говорили, будто онъ везетъ ихъ въ Америку, въ качествѣ «живого товара».

Время, между тѣмъ, подходило къ обѣду.

— Отчего насъ не везутъ такъ долго? — приставали мы къ Мойше.

— А имена уже вы получили?—отвѣчалъ онъ въ свою очередь вопросомъ. — Нѣтъ? Ну, такъ вотъ сначала получите имена, а потомъ пойдете черезъ границу,—отвѣчалъ намъ не въ мѣру серьезный старикъ. И дѣйствительно, здѣсь оказался такой пунктъ, гдѣ не нужно, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ, «красть» границу, а просто за извѣстную плату «агенты» берутъ у мѣстныхъ жителей ихъ краткосрочные заграничные паспорта и съ ними уже совершенно легальнымъ путемъ проводятъ черезъ рогатку, что не обходилось, конечно, безъ участія пограничныхъ властей. Поэтому въ обѣдъ къ намъ явился какой-то агентъ и, записавъ наши фамиліи и кому сколько лѣтъ, удалился, а нѣсколько часовъ спустя вновь пришелъ и каждому объявилъ его новое имя. Такъ мы съ Ц... сдѣлались братьями Сарнадскими; американецъ съ молоденькой дамочкой, ѣхавшей къ своему мужу, превратились въ чету Паскевичей, г-нъ съ двумя дѣвицами сдѣлался мужемъ одной изъ нихъ, другая же превратилась въ ихъ служанку и т. д. Кромѣ этого нужно было твердо знать названье мѣстечка, въ которомъ находились мы, и того прусскаго городка, куда шли. И вотъ, мы начали экзаменоваться.—Какъ зовутъ? Откуда? Куда?—спрашивали мы другъ друга, и поднимался страшный смѣхъ, когда кто-нибудь не зналъ, что отвѣтить, или путалъ свое новое имя съ чьимъ-либо другимъ.

Но, какъ ни развлекало насъ это новое крещеніе, все же мы не забыли, что намъ нужно еще провести здѣсь ночь, и такъ какъ очень непріятно было ложиться на ту же солому, которую старуха утромъ вынесла и положила на снѣгъ подъ окномъ, то мы потребовали себѣ новой; старуха сначала упиралась и ругала насъ всевозможными проклятьями, которыхъ имѣется такъ много на еврейскомъ жаргонѣ, но затѣмъ, когда американецъ дошелъ до того, что, при общемъ одобреніи, пообѣщалъ разнести всю избушку, она покорилась и принесла большую связку свѣжей соломы, которую и разостлала на полу. Дѣлая это, она не могла удержаться, чтобы не пожелать «этимъ разбойникамъ» лечь и уже больше не встать съ соломы, купленной на ея «кровныя» денежки.

Сравнительно съ прошлой ночью, спать было очень просторно, и мы могли даже устроить двѣ постели,—одну для женщинъ, другую для себя. Между прочимъ, и этотъ вечеръ совсѣмъ безъ инцидента не прошелъ. Дѣло въ томъ, что у Мойши въ конурѣ стояли двѣ кровати. Г-ну Кнопу, везшему прекрасный полъ въ Америку, не хотѣлось, конечно, валяться на полу, и вотъ онъ у Мойшиной старухи арендовалъ для себя кровать, за что долженъ былъ уплатить 30 к. Находя, что для одного это очень дорого, г-нъ Кнопъ отъ себя уже за 15 к. уступилъ полъ-кровати драгуну, и такимъ образомъ оба думали устроиться дешево и удобно. Но Мойшину старуху не такъ-то легко было провести. Какъ только она замѣтила это самовольное распоряженіе ея собствен-

костью, она сейчасъ же запротестовала, и надо сказать, что протестъ ея былъ весьма и весьма энергиченъ. Безъ всякаго объясненія, схватила она драгуна за ногу и начала тащить съ кровати съ такимъ визгомъ, что самъ Мойше, находившійся въ это время гдѣ-то во дворѣ, услыхалъ и прибѣжалъ съ полѣномъ въ рукахъ. Думаю, что дѣло кончилось бы очень скверно, если бы не вмѣшались нѣкоторые изъ насъ и не уговорили драгуна переселиться на свое мѣсто, т. е. на солому. Впрочемъ, это было не надолго, такъ какъ драгунъ оказался человѣкомъ настойчивымъ, и когда всѣ уснули, онъ снова перебрался въ кровать и всетаки за 15 к. проспалъ до утра бариномъ. Я говорю до утра, хотя, въ сущности, спали мы только до часу или до двухъ: въ это время привезли еще десятка два людей, и мы рѣшили имъ уступить свое мѣсто.

Рано утромъ за нами пріѣхали двѣ телѣги, и, размѣстивъ насъ по 7 человѣкъ (при чемъ я былъ разлученъ съ Ц...), насъ повезли по небольшому проселку, прорѣзавшему довольно рѣдкій кустарникъ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ (до границы было всего 9), мы были остановлены какимъ-то евреемъ, раздавшимъ намъ паспорта. Почему это было сдѣлано именно здѣсь, я не знаю, но только помню, что когда я получилъ этотъ небольшой документъ, мнѣ сдѣлалось грустно и захотѣлось быть одному; я слѣзъ съ телѣги, ѣхавшей шагомъ, и потихоньку пошелъ.

Странная вещь: въ теоріи я всегда смѣялся надъ всякими территоріальными границами, считая ихъ просто выдумкой власть имущихъ людей, и весь шаръ земной готовъ былъ считать своей родиной, но въ тотъ мигъ, какъ я сталъ приближаться къ границѣ, я вдругъ почувствовалъ, что родина моя есть именно Россія, и что мнѣ больно ее покидать. Да, больно! Что нужды, что родина моя была мнѣ не матерью, а злой мачихой, что съ дѣтства пришлось жить въ нуждѣ и невѣжествѣ, какъ живутъ многіе милліоны моихъ соотечественниковъ! Я чувствовалъ, что покидаю что-то родное, близкое, чего мнѣ не могутъ замѣнить никакія выгоды жизни, и мнѣ было грустно... До границы оставалось не больше версты, когда я подошелъ къ своему товарищу, шагавшему за своей телѣгой.—Скоро мы уже будемъ тамъ,—сказалъ я, кладя ему руку на плечо. Онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня, и я замѣтилъ, какъ въ его глазахъ блеснула слеза. — Да, скоро... — съ дрожью въ голосѣ отвѣтилъ онъ на мои слова и отвернулся. Я тоже чувствовалъ, какъ у меня приступаетъ что-то къ горлу, и мы оба избѣгали другъ на друга смотрѣть.

Вскорѣ мы остановились возлѣ таможни, гдѣ пришлось цѣлый часъ прождать офицера, который долженъ былъ насъ «пропустить». Чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться, мы парами ходили взадъ и впередъ по дорогѣ, гдѣ съ ружьемъ въ рукахъ стоялъ часовой. «Пришли бы ко мнѣ, всѣхъ за цѣлковый провелъ бы»,— шутилъ солдатъ, подмигивая намъ лѣвымъ глазомъ и въ то же

время боязливо поглядывая вокругъ, не видитъ ли кто, что онъ съ нами разговариваетъ. Признаться, мы здѣсь порядочно прозябли, пока пришелъ офицеръ, высокій, тонкій человѣкъ лѣтъ 35, съ рыжеватой козлиной бородкой и страшно испитымъ лицомъ. Забравъ у насъ паспорта, онъ зашелъ во флигель и, тамъ поставивъ на нихъ штемпеля, вышелъ обратно и, выкликая по фамиліямъ, сталъ ихъ намъ раздавать. «Такой-то! такой-то!»—громко выкликалъ офицеръ, и мы спокойно брали у него изъ рукъ свои паспорта. Наконецъ, дошла очередь до Ц...—Ичекъ Сарнадскій!—кричитъ офицеръ. — Я! — отрывисто, какъ солдатъ во время переклички, отвѣчаетъ Ц... и, держа руки по швамъ, становится передъ нимъ. Тотъ, очевидно, догадался и сунулъ ему въ руку паспортъ, строго взглянувъ на него, какъ бы говоря: зачѣмъ, такой-сякой, ставишь въ неловкое положеніе!

Когда паспорта были опять у насъ на рукахъ, офицеръ приказалъ идти и, самъ подойдя къ мосту, собственноручно спустилъ натянутую поперекъ желѣзную цѣпь и, махнувъ рукой, проговорилъ: «Съ богомъ». — Всѣ быстро очутились по ту сторону. — Неужели навсегда?—думалъ я, переступая черезъ цѣпь, и, чувствуя, что тогда жизнь потеряетъ всякій смыслъ, давалъ себѣ слово вернуться.

По ту сторону моста мы вмѣстѣ съ нашими агентами зашли въ корчму. Здѣсь пили дешевую прусскую водку; многіе поздравляли другъ друга съ благополучнымъ переходомъ, кричали «ура»! и въ сторону Россіи махали кулаками. И когда уже были немного подъ хмѣлькомъ, усѣлись на свои телѣги и поѣхали.

До перваго прусскаго городка, гдѣ начиналась желѣзная дорога, было тоже 9 верстъ. Ѣхали на этотъ разъ быстро, и, несмотря на то, что морозъ все крѣпчалъ, на холодъ никто не жаловался. Дорога, по которой мы теперь неслись, была хорошо накатанная, ровная, какъ аллея, и по бокамъ ея росли фруктовыя деревья.

Вотъ она, заграница-то; все ли ужъ тутъ такъ ровно и гладко, какъ эта дорога?—думалъ я, глядя по сторонамъ, и совсѣмъ не замѣтилъ, какъ мы доѣхали. Городокъ, гдѣ мы остановились, былъ чистъ и опрятенъ, чѣмъ едва ли не превосходилъ наши большіе города. И даже квартира, содержимая агентами для эмигрантовъ, была несравненно чище той, о которой я только что разсказывалъ. Народу здѣсь, какъ на сборномъ пунктѣ, было очень много. Одни ѣхали туда, другіе обратно, третьи, недопущенные по какому-либо физическому недостатку на корабль, ждали здѣсь, пока ихъ отправятъ обходнымъ путемъ.

Были еще и такіе типы, которые, не заплативъ всѣхъ денегъ агентамъ, ждали здѣсь присылки послѣднихъ и не могли продолжать своего пути. Однимъ изъ этихъ застрявшихъ здѣсь людей былъ 14-лѣтній мальчикъ: ему не на что было ѣхать и неоткуда ждать денегъ. Но будучи отъ природы изворотливымъ и настойчивымъ, онъ устроился такимъ образомъ: купилъ на нѣсколько имѣв-

шихся у него пфеннинговъ бумаги, конвертовъ и чернилъ и продавалъ все это втридорога останавливающимся тамъ эмигрантамъ; такъ, напр., за право написать его чернилами письмо или только адресъ онъ бралъ 10 пфеннинговъ. Этимъ путемъ рѣшилъ онъ сколотить себѣ на дорогу до Нью-Іорка, гдѣ живетъ его мать, очень бѣдная женщина.

Въ тотъ же день насъ отвезли въ омнибусѣ на вокзалъ и тамъ, взявъ билеты 4-го класса до Берлина, отправили.

Въ вагонѣ уже не было такъ тѣсно и душно, какъ въ Россіи. Контролеръ тоже не надоѣдалъ, и мы жалѣли лишь о томъ, что нѣтъ такихъ полокъ, какъ у насъ, гдѣ можно бы хорошенько поспать.

IV.

Въ Берлинѣ.

Я забылъ сказать, что въ Берлинъ мы ѣхали не съ тѣмъ, чтобы тамъ устроиться, а совсѣмъ по другимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что у насъ было мало денегъ, а во-вторыхъ, мы еще сами не знали, куда направиться, и рѣшили, что тамъ виднѣе будетъ.

Знакомыхъ въ Берлинѣ у насъ совсѣмъ не было, и только передъ самымъ отъѣздомъ изъ Варшавы мы получили адресъ одного студента, котораго и отправились тотчасъ же по пріѣздѣ разыскивать.

Нечего говорить о томъ, какъ мы были поражены чистотой и порядкомъ, царившимъ на улицахъ; я испытывалъ чувство простого человѣка, который въ своемъ не нарядномъ костюмѣ вдругъ очутился въ роскошномъ ярко-освѣщенномъ залѣ въ присутствіи важныхъ господъ, косо на него поглядывающихъ. Улица, гдѣ жилъ студентъ Р..., находилась недалеко отъ вокзала, и мы скоро ее нашли, но, къ сожалѣнію, студента не застали дома, и намъ пришлось прождать часовъ до трехъ дня.

Человѣкомъ онъ оказался очень хорошимъ, но кромѣ своихъ учебниковъ ничего не зналъ, и все, что онъ могъ для насъ сдѣлать—это познакомить со своимъ болѣе опытнымъ товарищемъ К... Послѣдній устроилъ насъ у одной знакомой хозяйки, гдѣ можно было прожить нѣкоторое время безъ паспорта.

Комната, въ которой мы поселились, была очень удобна, и брали за нее недорого, но, какъ это ни странно, насъ угнетала ея чистота и та тишина, которая царила въ квартирѣ. Кромѣ того, дома, въ Россіи, каждый изъ насъ привыкъ сѣсть за самоваръ и пить, какъ говорится, «до девятаго пота», а тутъ подастъ намъ хозяйка маленькій чайникъ, въ которомъ всего лишь 2 стакана, и этимъ мы

должны вдвоемъ удовлетвориться. Вообще мы чувствовали себя не совсѣмъ ловко.

По утрамъ я отправлялся въ булочную и тамъ, при помощи своего еврейскаго языка, который, кстати сказать, тоже зналъ очень плохо, кое-какъ изъяснялся. Продавщица, очевидно, большая насмѣшница, замѣтила, что я говорю очень плохо, и начала со мной заговаривать о погодѣ, о томъ, куда ѣду, какъ мнѣ нравится Берлинъ и т. д. Нечего и говорить, что она скоро потеряла во мнѣ покупателя. Вообще надо сказать, что всюду, куда бы мы ни шли, что бы ни дѣлали, всегда мы испытывали чувство неловкости: даже въ студенческой столовой, гдѣ обѣдали исключительно русскіе, не покидало насъ это чувство, благодаря тому, что къ столу подавала нѣмка. Всякій разъ, какъ на столѣ чего-нибудь не хватало, нужно было громко кричать: «фрейлейнъ!»—Слово это довольно простое, но всякій разъ, какъ намъ нужно было произнести его, мы страшно смущались и готовы были ѣсть супъ безъ хлѣба, лишь бы молчать. — Вечеромъ мы обыкновенно ходили въ одинъ ресторанъ, гдѣ можно было, взявъ пару сосисокъ съ картофельнымъ пюре, ѣсть сколько угодно хлѣба. Въ нашемъ положеніи это прямо былъ кладъ, и хотя на насъ съ большимъ удивленіемъ поглядывали другіе, мы, подавляя въ себѣ смущеніе, дѣлали видъ, что взглядовъ не замѣчаемъ, и безпощадно истребляли такое количество маленькихъ булокъ, что содержатель ресторана, навѣрно бы, очень скоро раззорился, если бы у него было много такихъ посѣтителей...

Такъ мы прожили больше недѣли. Къ этому времени нами были получены деньги, и можно было уѣзжать, оставалось только рѣшить—куда. Хотѣлось поѣхать въ Швейцарію, въ это излюбленное мѣсто русскихъ революціонеровъ, но, по словамъ К., тамъ очень трудно было найти работу Поэтому рѣшили отправиться въ Лондонъ, какъ въ крупный промышленный центръ.

Тутъ я долженъ сказать, что всѣ эмигранты, ѣдущіе куда-либо, должны подвергаться медицинскому освидѣтельствованію, при чемъ съ цѣлымъ рядомъ болѣзней на корабль не допускаются. Но это правило можно обойти, такъ какъ въ голландскихъ портахъ можно сѣсть на корабль и безъ такого свидѣтельства. У Ц. были очень рѣдкіе волосы, и такъ какъ, благодаря этому, могутъ иногда не пропустить, мы рѣшили поѣхать черезъ Голландію.

Но какъ уѣхать изъ Берлина? Дѣло въ томъ, что на берлинскомъ вокзалѣ полиція зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не пропускать эмигрантовъ, не побывавшихъ въ «банѣ», т. е. въ эмигрантскомъ баракѣ, и вотъ насъ друзья научили, въ случаѣ допроса, отвѣтить, что мы въ Зальцбергенъ, и тогда насъ, быть можетъ, отпустятъ. Составивъ себѣ, такимъ образомъ, маршрутъ и обдумавъ хорошенько всѣ детали, мы начали собираться въ путь. Но намъ положительно въ этотъ день не везло.

Такъ, отправившись вдвоемъ покупать себѣ чемоданы, мы

оба забыли, какъ эта вещь называется по-нѣмецки и этимъ поставили себя въ очень неловкое положеніе. Насъ водили тамъ по огромному магазину, показывали всевозможныя вещи, а мы все говорили: не то, не то—пока, наконецъ, не увидѣли то, что намъ нужно было. Послѣ этого пошли покупать себѣ на дорогу колбасу и здѣсь опять оскандалились. Для того, чтобы спросить, сколько стоитъ фунтъ колбасы разныхъ сортовъ, Ц. въ каждый кусокъ отдѣльно тыкалъ пальцемъ. Нѣмка сначала замѣтила ему, чтобы онъ этого не дѣлалъ, но онъ, растерявшись и переставъ понимать, что та говоритъ, продолжалъ тыкать колбасу пальцемъ и спрашивать: «А это почемъ? А эта?»—Ради Бога, не трогайте руками!—вся покраснѣвъ, закричала квадратная нѣмка и отъ раздраженія даже затопала ножками. Только послѣ этого Ц. понялъ, въ чемъ дѣло, и колбаса была, наконецъ, куплена. Потомъ, желая какъ можно больше походить на нѣмцевъ, мы зашли въ парикмахерскую побриться, и когда послѣ этого я выходилъ въ переднюю, и лакей началъ надѣвать на меня мое новое пальто, купленное въ Питерѣ передъ самымъ отъѣздомъ, то, къ ужасу моему, оказалось, что въ одномъ рукавѣ отпоролась подкладка, и, сколько я ни старался, никакъ не могъ просунуть руку, всякій разъ, какъ нарочно, попадавшую за подкладку. Наконецъ, выйдя изъ себя, я прорвалъ въ гнилой подкладкѣ дыру и такимъ образомъ вышелъ изъ затрудненія. Въ такихъ мелкихъ неудачахъ прошелъ весь день, и поздно вечеромъ мы отправились на вокзалъ радуясь, что покидаемъ наконецъ, этотъ красивый городъ, гдѣ мы почему-то чувствовали себя хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ.

Проѣхавъ въ электрическомъ трамваѣ нѣсколько ярко освѣщенныхъ улицъ, мы перешли какой-то мостъ и очутились въ вокзалѣ. Здѣсь Ц. съ чемоданомъ сталъ въ сторонѣ, а я направился къ кассѣ, чтобы взять билеты. Но полисмэнъ преградилъ мнѣ дорогу.—Куда ѣдете?—вѣжливо спросилъ онъ меня, оглядывая всю мою фигуру съ ногъ до головы бѣду. «Въ Зальцбергенъ»,—отвѣтилъ я, предчувствуя.—У васъ тамъ есть родственники?—продолжаетъ онъ свой допросъ. — «Да, есть». — Въ такомъ случаѣ, покажите мнѣ ихъ адреса! — Адреса у меня, конечно, не оказалось, и, видя, что врать безполезно, я сказалъ, что ѣду въ Лондонъ. — А лондонскій адресъ у васъ есть? — Я показалъ письмо, полученное мной отъ К. къ его двоюродному брату въ Лондонѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ придется отправиться въ баню,—сказалъ полисмэнъ и подошелъ къ Ц.—А вы тоже, конечно, ѣдете въ Лондонъ?—Нѣтъ, я ѣду въ Зальцбергенъ,—произноситъ Ц., не слыхавшій нашего разговора, свою заученную фразу. Я посмотрѣлъ на него, и мнѣ почему-то вдругъ стало смѣшно. Полисмэнъ тоже засмѣялся.

— Билеты уже есть у васъ?—обратился онъ опять къ намъ.

— Нѣтъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ купите себѣ билеты и поѣзжайте куда нужно, только дорогой никому не разсказывайте, что я васъ отпустилъ.

Мы, конечно, были очень рады и, поблагодаривъ полисмэна, такъ великодушно насъ отпустившаго и не взявшаго даже ленты, купили себѣ билеты и поѣхали.

V.

Отъ Берлина до Лондона.

Отдѣлавшись столь дешевымъ образомъ отъ «бани» въ Берлинѣ, мы по невѣдѣнію своему думали, что больше уже вообще съ агентами не столкнемся и безъ ихъ помощи доберемся до Лондона. Но это было невѣрно. На голландской границѣ насъ жандармы пригласили въ какой-то баракъ и здѣсь, обращаясь очень грубо, совсѣмъ какъ въ Россіи, заставили уплатить агентамъ по 20 марокъ за дорогу до Лондона и ѣхать уже не самостоятельно, а опять съ агентами, успѣвшими намъ надоѣсть еще до Берлина.

Обстоятельство это насъ не мало огорчило, но дѣлать было нечего. Такова, ужъ видно, участь русскаго, что, гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ подвергается какимъ-нибудь стѣсненіямъ. Итакъ, мы опять очутились въ цѣпкихъ лапахъ ловкихъ «агентовъ». Само собой понятно, что съ этого момента въ нашемъ положеніи произошла перемѣна къ худшему, такъ какъ вмѣсто обыкновеннаго вагона, гдѣ можно было свободно дышать, насъ посадили въ вагонъ спеціально «для эмигрантовъ», напоминавшій приснопамятную намъ карету.

Къ тому же чуть ли ни на каждой станціи для насъ почему-то была пересадка, ночью составлявшая настоящую пытку, особенно если принять во вниманіе, что между нами были старики, женщины съ грудными ребятами и, вообще, люди, уже безъ того истомленные предыдущимъ путемъ. Не помню уже, сколько времени намъ пришлось ѣхать до Ротердама, но, благодаря тѣснотѣ, черезчуръ жарко натопленнымъ вагонамъ и безчисленному множеству пересадокъ, къ концу пути мы были такъ истомлены, какъ будто совершили громадное путешествіе.

Въ Ротердамъ мы пріѣхали подъ вечеръ. Здѣсь насъ, какъ настоящій этапъ, продержали полчаса на улицѣ; затѣмъ пришелъ человѣкъ изъ гостиницы и всѣхъ насъ (30—40 человѣкъ) повелъ за собой.

Между прочимъ, оказалось, что здѣсь, дѣйствительно, за счетъ «агентовъ» дается довольно приличная гостиница съ недурной пищей и даже человѣческимъ обращеніемъ.

До отхода парохода нужно было ждать два дня. Этимъ временемъ мы воспользовались, чтобы побродить по городу. Погода здѣсь, несмотря на то, что оставалось всего нѣсколько дней до Рождества, была очень теплая, и мы какъ-бы снова переживали лѣто, которое я, кстати, просидѣлъ все въ тюрьмѣ. Въ городѣ насъ больше всего заинтересовала легкость построекъ (чуть ли не въ одинъ кирпичъ стѣны) и затѣмъ обиліе воды; нѣкоторыя улицы были прямо каналами, по которымъ ходили суда. Сидишь у окна, ѣшь апельсины, а корки бросаешь прямо въ воду... Мимо оконъ третьяго этажа движется вдругъ какая-то мачта...

Гостиница, какъ я уже говорилъ, была довольно приличная, и чувствовали мы себя въ ней сравнительно хорошо. Публики тоже набралось очень много. Отъ нечего дѣлать всякій разсказывалъ о своемъ пути, о томъ, что заставило его покинуть Россію и т. д. Иногда даже устраивалось совмѣстное пѣніе, и два дня прошли незамѣтно. Въ послѣдній день, подъ вечеръ, насъ снова собрали всѣхъ въ одну партію и пестрой толпой, состоящей изъ мужчинъ, женщинъ, юношей, стариковъ и дѣтей, повели къ пароходу, оказавшемуся нагруженнымъ свининой. И здѣсь-то, въ небольшой грязной каютѣ, очень плохо приспособленной для перевозки людей, должны мы были ѣхать до Лондона (при чемъ переѣздъ этотъ долженъ былъ продолжаться вмѣсто 5—6 часовъ—болѣе сутокъ). Между прочимъ, въ Ротердамѣ мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ, возвращавшихся изъ Англіи и Америки. Всѣ они были люди разочарованные, потерпѣвшіе крушеніе въ житейской борьбѣ, и теперь горько посмѣивались надъ тѣми изъ насъ, которые надѣялись хорошо тамъ устроиться.—Ерунда! — утѣшали себя ѣдущіе искать «счастья» и, припоминая своихъ земляковъ, которые когда-то уѣхали и теперь пересылаютъ «массу денегъ» домой, не обращали вниманія на разсказы уже испытавшихъ это счастье.

Въ началѣ пути корабль шелъ довольно ровно, и всѣ чувствовали себя хорошо. Кстати, кое у кого оказался съ собой коньякъ, и мы скоро его сообща истребили... Это, надо полагать, тоже подѣйствовало на настроеніе, и до полночи въ каютѣ было весело. Но къ этому времени, когда корабль вышелъ уже въ открытое море, вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, и судно наше начало бросать, какъ щепку. Помню, что, когда всѣ улеглись на свои мѣста и у многихъ уже появилась морская болѣзнь, мнѣ захотѣлось выйти на палубу. И когда, нахлобучивъ на себя шляпу и привязавъ ее шнуркомъ, я, крѣпко держась за перила, взобрался наверхъ, тамъ стоялъ густой мракъ, и волнующееся море ревѣло, какъ разъяренное чудовище.

Порой казалось, что корабль летитъ въ страшную бездну, и что его сейчасъ захлестнетъ, но проходило мгновеніе—и, подхваченный волной, онъ снова поднимался надъ моремъ.

Въ такую минуту сердце наполнялось жаждой борьбы и чув-

ствомъ гордости за человѣка, сумѣвшаго покорить себѣ эту стихію.

Къ сожалѣнію, по требованію капитана, я долженъ былъ спуститься обратно въ каюту, гдѣ восторженнымъ мыслямъ о человѣческомъ геніи не было уже мѣста. Здѣсь, въ грязной полутьмѣ, копошились какія-то жалкія существа, лица которыхъ искажались судорогой рвоты. — «Зачѣмъ я поѣхала сюда умирать, когда лучше могла умереть дома?»—плакала одна старушка, свѣсивши свою голову съ кровати и крѣпко держась за ея края.

— Господи! Дай дожить увидѣть сына! —дрожащимъ голосомъ молилъ шестидесятилѣтній старикъ, ѣхавшій къ сыну, котораго почти съ дѣтства не видалъ.

Такъ продолжалось всю ночь до утра. Съ разсвѣтомъ море успокоилось, и лица вынесшихъ качку прояснились. Кормили насъ въ это утро селедкою съ хлѣбомъ и дали по кружкѣ жидкаго кофе. Послѣ этого мы ѣхали весь день безъ пищи. Время, между тѣмъ, шло, и часа въ четыре пополудни мы начали приближаться къ огромному темному пятну. Это и былъ Лондонъ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ нему, тѣмъ больше насъ окутывалъ густой, ѣдкій туманъ и тѣмъ труднѣй становилось дышать. Жутко было на душѣ: казалось, что мы лѣземъ прямо въ пасть какому-то необъятному чудовищу, ежеминутно готовому превратить насъ въ порошокъ. А корабль, между тѣмъ, пробирался по Темзѣ, загроможденной всевозможными судами, гдѣ скрипѣли какія-то цѣпи, визжали лебедки и слышалось глухое шлепанье грузовъ. Вотъ, наконецъ, начались постройки. Огромныя, мрачныя, закопченныя, съ зіяющими дырами вмѣсто оконъ, онѣ не похожи были на жилье, такъ какъ изъ темныхъ отверстій высовывались какіе-то рычаги съ прикрѣпленными къ нимъ цѣпями, которые, подобно гигантскимъ когтямъ, подхватывали громадныя тяжести, съ зловѣщимъ скрипомъ втягивали ихъ въ нѣдра мрачнаго зданія и тотчасъ же снова появлялись за добычей.

Туманъ, сумерки постепенно сгущались и, пронизывая до самыхъ костей своей сыростью, наполняли самую душу.

— Неужели это Лондонъ, столица Великобританіи, гдѣ живутъ милліоны людей столь культурнаго народа? — спрашивалъ я себя, всматриваясь въ этотъ мракъ, и когда пароходъ привалилъ къ пристани, мнѣ было жутко на нее ступить.

Викторъ Шпанецъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Господинъ и госпожа Молохъ.

Романъ *Марселя Прево.*

Переводъ съ французскаго **С. Б.**

III.

Въ Іенѣ знаменитый докторъ Циммерманъ читалъ въ университетскихъ аудиторіяхъ публичный и оффиціальный курсъ біологической химіи и другой—химіи взрывчатыхъ веществъ. Кромѣ того, по вторникамъ и субботамъ, въ четыре часа пополудни, происходили собесѣдованія въ залѣ „Германія“ о доктринѣ монистической эволюціи. Эти бесѣды, свободныя и безплатныя, не имѣли никакой оффиціальности: власти смотрѣли на нихъ даже неблагосклонно. Но извѣстность Циммермана, а также либеральныя традиціи стараго университетскаго центра всегда удерживали администрацію отъ наложенія на нихъ запрещенія. Тѣмъ не менѣе, монистическія бесѣды по своему характеру и составу слушателей ни въ чемъ не походили на университетскія лекціи. Огромный амфитеатръ университета едва вмѣщалъ обычныхъ посѣтителей не только изъ числа уже извѣстныхъ лицъ, съѣзжавшихся сюда подучиться со всѣхъ концовъ Европы, но и многихъ свѣтскихъ любителей обоего пола. Эти лекціи въ „Германіи“ собирали не болѣе тридцати правовѣрныхъ, навербованыхъ главнымъ образомъ изъ студентовъ-философовъ. Среди нихъ было мало богатыхъ. Однообразную монотонность этой группы нарушалъ единственный женскій образъ, съ худымъ костлявымъ лицомъ; только большіе темносиніе глаза и прекрасные золотисто-пепельные волосы мѣшали ему быть безобразнымъ; но и волосы мало украшали маленькую сухопарую фигурку нервной и кашлявшей Герты Энфенгофъ, родомъ изъ Любека.

Герта Энфенгофъ въ своей жизни стремилась только къ одному: она хотѣла быть Гипатіей монистической религіи.

По прочтеніи книги Циммермана „Четыре проблемы природы“, она покинула свою родину и пріѣхала въ Іену, чтобы услышать драгоцѣнныя слова изъ устъ самого учителя. Вокругъ нея сгруппировались наиболѣе преданные слушатели-мужчины. Это были Францъ Капитъ, изъ Франкфурта на Майнѣ, Альбертусъ Гриппеншталь, изъ Нюренберга, и Михель Урнитцъ, изъ подъ Кенигсберга. Францъ Капитъ былъ толстощекій, румяный юноша, бритый, какъ патеръ. Его дѣтскія черты едва обозначались на его лицѣ. Въ общемъ, при первомъ взглядѣ, онъ представлялся на короткихъ ножкахъ, съ большимъ животомъ и двумя жирными щеками кирпичнаго цвѣта, при почти полномъ отсутствіи носа и глазъ. Откинутые назадъ волосы, какъ черезчуръ лишнее украшеніе, массами сбѣгали съ негостепріимнаго лба. Альбертъ Гриппеншталь, неразлучный другъ и компаньонъ Капита, былъ, наоборотъ, солидный баварецъ, высокаго роста, съ бородой Гамбринуса, геркулесовской силы, расходуемой, впрочемъ, только въ невинныхъ играхъ. Такъ, одной вытянутой рукой онъ поднималъ за одну ножку столъ съ сидящимъ на немъ своимъ другомъ Францемъ. Онъ отличался еще въ гастрономическихъ пари, напримѣръ, брался въ теченіе трехъ дней съѣсть цѣлаго ягненка. Герта для Франца и Альберта была предметомъ пылкаго обожанія: Францъ испытывалъ это умомъ (онъ хвастался, что тревоги любви ему неизвѣстны), но у Альберта оно обострялось нѣжной чувствительностью. Оставаясь товарищемъ ихъ обоихъ, молодая дѣвушка не скрывала своей склонности къ Михелю Урнитцу, откровенно объясняя ее красотой молодого человѣка. У германо-славянина Урнитца было, дѣйствительно, нѣжное лицо, съ свѣтло-сѣрыми глазами, съ волосами цвѣта ржаной соломы, тонкій овальный подбородокъ, красивые зубы и руки. Хотя онъ былъ бѣденъ, но одѣвался очень тщательно, составляя полную противоположность неряшеству своихъ обоихъ друзей и даже небрежности Герты. Между Гертой и Михелемъ было условлено обвѣнчаться по окончаніи курса: оба изучали философію и готовились къ преподавательской дѣятельности. Францъ и Альбертъ, наоборотъ, проходили курсъ химіи доктора и строили неопредѣленные промышленные планы.

Въ Іенѣ три студента и студентка жили у фрау Рипертъ, вдовы одного изъ университетскихъ сторожей, получившей по наслѣдству старый маленькій домикъ, выходившій треугольникомъ на старинную Капустную улицу. У каждаго была отдѣльная комната: мужчины помѣщались наверху, а Герта—внизу, рядомъ съ фрау Риппертъ. Вдова готовила обѣдъ и вела хозяйство, въ чемъ ей немного

помогала Герта въ тѣ часы, когда мужчины сидѣли въ пивной. Францъ, Альбертъ и Михель, несмотря на то, что считали себя адептами нео-эволюціонизма, не пренебрегали студенческими обычаями. Главнымъ же образомъ, все свое свободное время Герта посвящала украшенію и поддержкѣ монистической капеллы, устроенной ею на чердакѣ стараго дома. Тамъ, правда, довольно далеко отъ совершенства, реализовались мечты Молоха. Подъ балками крыши были горизонтально натянуты бѣлыя простыни, и этотъ сводъ мѣстами украшался рѣдкими экземплярами бабочекъ и жуковъ. Столъ въ глубинѣ, покрытый краснымъ сукномъ, изображалъ алтарь, а на немъ старый, изгнанный изъ университетскаго музея и кое какъ исправленный астрономическій приборъ – систему міра. На полкахъ стояли банки съ сифонофорами и морскими звѣздами. На стѣнѣ висѣли портреты апостоловъ эволюціи: Дарвина, Клодъ Бернара, Листера и, наконецъ, Циммермана.

Обильный и сытный обѣдъ фрау Риппертъ, приготовленный съ помощью фрау Циммерманъ и фрейленъ Герты, собиралъ каждое воскресенье, вокругъ доктора и его жены, четырехъ правовѣрныхъ. Иногда приглашались и нѣкоторые изъ усердныхъ посѣтителей лекцій въ „Германіи“, что считалось исключительнымъ благоволеніемъ. Послѣ трапезы всѣ направлялись въ капеллу. Тамъ каждый изъ мужчинъ находилъ свою трубку, а фрау Риппертъ слѣдила, чтобы хватило на всѣхъ пива. Наиболѣе интересныя бесѣды были тогда, когда докторъ излагалъ и комментировалъ нѣкоторыя изъ основныхъ положеній доктрины, или сообщалъ о результатахъ вновь произведенныхъ опытовъ. Послѣобѣденные часы проходили въ разговорахъ наподобіе бесѣдъ Сократа съ его учениками. Среди облаковъ табачнаго дыма и паровъ пѣнистаго пива души воспламенялись. Молохъ, съ растрепанными сѣдыми волосами, говорилъ до тяжелой одышки; Альбертъ восторженно аплодировалъ и хрюкалъ отъ удовольствія. Францъ, имѣвшій литературной вкусъ и недурно слагавшій стихотворные ямбы, заносилъ въ свою записную книжку наиболѣе цѣнныя реплики. Михель небрежно, Герта рѣзко постоянно дѣлали возраженія, торжественно разбивавшіяся боевымъ вдохновеніемъ учителя. Въ этихъ спорахъ фрау Циммерманъ не боялась защищать традицію; иногда наибольшаго труда стоило доктору покорить именно ее... А фрау Риппертъ, одурѣвъ отъ шума и споровъ, заставлявшихъ дрожать стѣны ея стараго домика изъ глины и дранокъ, убѣгала въ кухню и тамъ, раскрывъ книгу съ крупной печатью и заткнувъ уши, погружалась въ чтеніе евангелія на текущій день.

Я никогда не бывалъ въ Іенѣ. Никогда не присутство-

валъ на публичныхъ лекціяхъ и частныхъ бесѣдахъ доктора Циммермана. Точно также я не переступалъ порога дома на Капустной улицѣ, не принималъ никакого участія ни въ литургіяхъ монистической часовни, ни въ разговорахъ о вѣчности матеріи, среди клубовъ дыма фарфоровыхъ трубокъ и паровъ пѣнистаго мартовскаго пива... Но я зналъ толстяка Франца Капита, гиганта Альберта, красавца Михеля, съ глазами цвѣта васильковъ. Видѣлъ также и Герту Эпфенгофъ, монистическую Гипатію. Со всѣми я разговаривалъ, распрашивалъ ихъ, и они многословно отвѣчали мнѣ. Я даже присутствовалъ на ихъ діалогахъ... особой важности, если вѣрить Францу Капиту, Платону кружка. Эти діалоги происходили въ ротбергской тюрьмѣ, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ старой башни, смежной съ дворцомъ. Долженъ возстановить при этомъ истину: *Vorwärts* въ своихъ сообщеніяхъ зашелъ слишкомъ далеко: эта тюрьма—не смрадная темница, покрытая зеленой плѣсенью, не убѣжище змѣй и крысъ, а большая просторная комната, на половину выдолбленная въ скалѣ и спускающаяся въ землю только своимъ входомъ. Вѣроятно, когда-то она служила казармой для дворцовой стражи. Она хорошо освѣщена большимъ полукруглымъ пролетомъ, плотно задѣланнымъ рѣшеткой и обращеннымъ въ сторону пропасти. Сюда каждый день, послѣ полудня, съ тѣхъ поръ, какъ устранена была строгость заключенія, вѣрные ученики съ г-жею Циммерманъ приходили въ качествѣ делегатовъ отъ Іены и вели съ докторомъ бесѣды. Я самъ приходилъ сюда довольно часто. Первые мои визиты имѣли спеціально цѣлью склонить доктора защищаться и пригласить себѣ адвоката. Но и позже, когда я убѣдился въ безплодности своихъ усилій, мнѣ нравилось проводить почти ежедневно нѣкоторое время въ этой краснорѣчивой тюрьмѣ. Помимо удовольствія слушать рѣчи мудреца и его учениковъ, я испытывалъ облегченіе отъ своихъ собственныхъ думъ и заботъ, усложнявшихся по мѣрѣ приближенія срока отъѣзда принцессы. Эти тревоги становились такими тяжелыми, что иногда я съ сожалѣньемъ покидалъ тюремные своды въ скалѣ, хотя отдѣлявшіе добродушнаго Молоха отъ людей, но предоставлявшіе за то свободу его мысли и сердца.

Въ обществѣ веселаго Франца, солиднаго Альберта, красиваго Михеля и пылкой, хрупкой Герты, я познакомился съ иной Германіей, чѣмъ Германія придворная и воинственная. Это—Германія независимой мысли, патріотичная, конечно, но враждебная задорной жестокости пангерманистовъ. Немного химерическая, преемственно мистическая, она разучилась пѣть религіозные гимны своихъ предковъ, и перенесла

въ область положительныхъ знаній свою жажду къ обобщенію, вѣру, вкусъ къ анализу и системѣ и въ то же время сохранила потребность поэтическаго идеала... Здѣсь я лучше узналъ чувствительную и преданную душу г-жи Молохъ, и самъ Молохъ мало по малу сталъ такъ дорогъ мнѣ, что я началъ смотрѣть на него, какъ на своего учителя. Теперь, когда все это отошло въ прошлое, и всякій прожитый день, подобно листу пропускной бумаги на страницѣ гербарія, заволакиваетъ дымкой забвенія мое пребываніе въ Тюрингіи, я съ удовольствіемъ вспоминаю свои политическіе споры съ принцемъ Отто, уроки съ умнымъ и послушнымъ Максомъ и прогулки вдвоемъ съ романтической бѣлокурой дамой въ гротъ Маріи-Елены, въ Гринштейнъ, въ маленькій домикъ Гомбо, а также бесѣды въ желтомъ будуарѣ, подъ звуки увертюры къ Парсифалю, извлекаемые ея длинными нервными пальцами. Но самое живое воспоминаніе изъ времени моего пребыванія въ Ротбергѣ, несмотря на всѣ нелѣпыя мечты имперіализма, на статьи *Strassburger-Post* и *Norddeutsche Zeitung*, несмотря на Шимана, памятники тріумфа и брошюры пангерманистовъ,—до сихъ поръ еще связываетъ мое сердце съ тѣмъ, что Молохъ называлъ дорогой Германіей, съ послѣобѣденными бесѣдами въ тюрьмѣ доктора и въ особенности съ днемъ 18 сентября, когда мы узнали постановленіе слѣдователя о преданіи Молоха окружному суду въ Литцендорфѣ. Сердце мое тогда было мрачно и тревожно. На другой день Грита уѣзжала въ Парижъ, а принцесса—въ Карлсбадъ. Черезъ день я долженъ былъ присоединиться къ принцессѣ. Тѣмъ не менѣе я былъ пораженъ всѣмъ, что услышалъ. Я видѣлъ, что Францъ Капитъ, сидя у окна, стенографируетъ нашъ разговоръ, и попросилъ его дать мнѣ прочесть стенограмму, когда она будетъ переписана. На другой же день я получилъ ее и храню до сихъ поръ... Она написана не рукою краснощекаго младенца изъ Франкфурта, а пылкой и нѣжной Гертой, позаботившейся не только переписать ее, но и перевести на французскій языкъ. И этотъ, хотя нѣсколько школьный, переводъ не лишенъ нѣкоторой прелести. Во всякомъ случаѣ, онъ вѣрнѣе воспроизводитъ нашъ нѣмецкій разговоръ, чѣмъ могъ бы сдѣлать это я со своими латинскими оборотами.

Рукопись Герты.

Въ этотъ день мы собрались въ тюрьмѣ раньше обыкновеннаго, потому что наканунѣ вечеромъ разнесся слухъ, что постановленіе судебнаго слѣдователя уже состоялось. И, дѣйствительно, когда мы подошли къ дверямъ тюрьмы, сторожъ велѣлъ намъ обождать,—потому, пояснилъ онъ, что начальникъ только что зашелъ въ камеру, чтобы сообщить

заключенному о состоявшемся опредѣленіи о преданіи его уголовному суду.

Черезъ нѣсколько минутъ насъ впустили. Мы застали доктора сидящимъ на тюремной койкѣ. Фрау Циммерманъ стояла возлѣ него. Она молча вытирала свои глаза. Докторъ поздоровался съ нами.

— Садитесь,—сказалъ онъ намъ.—Знаете новость? Я предстану передъ уголовнымъ судомъ, чтобы отвѣчать за несовершенное мною покушеніе. А такъ какъ нѣтъ основанія полагать, что двѣнадцать тюрингенцевъ будутъ проницательнѣе одного тюрингенца-судьи, ибо двѣнадцать разъ нуль все равно нуль, то возможно, что я буду и осужденъ...

При этихъ словахъ у фрау Циммерманъ вырвалась глухое рыданіе.

— Жена,—сказалъ ей, смѣясь, супругъ,—вспомни, что Ксантипа, смутивъ своими криками философское спокойствіе послѣдней бесѣды Сократа, по его настоянію, была уведена домой рабами Критона.

Она перестала всхлипывать. Французъ, учитель принца Макса, вошедшій съ нами, замѣтилъ:

— Несмотря на все, я все же больше вѣрю уму двѣнадцати свободныхъ тюрингенцевъ, нежели предубѣжденному и трусливому чиновнику.

— Вы говорите, какъ французъ,—отвѣтилъ заключенный.—Къ тому же ваше убѣжденіе даже во Франціи соотвѣтствуетъ скорѣе идеалу, чѣмъ фактической дѣйствительности. Во Франціи, какъ и въ Германіи, то, что принято называть правосудіемъ, не что иное, какъ спеціальный аппаратъ силы. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что этотъ аппаратъ въ особенности опасенъ въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ это, гдѣ контроль общественнаго мнѣнія ничтоженъ, и гдѣ, къ тому же, рабское подражаніе Пруссіи внушаетъ и даетъ перевѣсъ идеалу феодализма.

— Чувство справедливости живетъ, между тѣмъ, и всегда будетъ жить въ нѣмецкомъ сердцѣ,—возразилъ Альбертъ Гриншенпталь изъ Нюрнберга, стоя, прислонившись къ стѣнѣ обширной комнаты.

— Вы нравственный человѣкъ и патріотъ, Альбертъ,—отвѣтилъ докторъ.—Прекрасныя качества, если они естественно расцвѣтаютъ, какъ цвѣты на растеніи! Но нужно быть ослѣпленнымъ вашимъ благоговѣніемъ, чтобы не видѣть, что эта страна стоитъ на пути къ измѣнѣ своимъ традиціямъ, къ уклоненію отъ своей миссіи, именно потому, что она отреклась отъ культа справедливости ради культа силы... Съ тѣхъ поръ, какъ злосчастный человѣкъ, заслужившій здѣсь памятникъ, осмѣлился сказать: „сила выше права“,

надъ нѣмецкой душой совершено было насиліе. Позднѣе другой нашъ канцлеръ, далеко не Бисмаркъ, пояснилъ мысль своего учителя, сказавъ, въ свою очередь: „чѣмъ больше силы, тѣмъ больше права“. Изъ этого я заключаю, что когда не имѣешь силы, то не имѣешь и никакого права. Въ такомъ положеніи я и нахожусь теперь. Вотъ почему я долженъ быть и буду осужденъ. И это дитя,—прибавилъ онъ, проводя рукой по волосамъ Герты Эпфенгофъ, сидѣвшей у его ногъ,—отнынѣ будетъ одна поддерживать культъ въ капеллѣ на Капустной улицѣ.

— Между тѣмъ, многіе большіе умы,—замѣтилъ Францъ Капитъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ, сидѣвшій на скамейкѣ у окна и время отъ времени дѣлавшій отмѣтки,—многіе большіе умы Германіи защищаютъ еще право и мысль противъ царства силы.

— Не такъ много, какъ вы думаете,—вскричалъ Циммерманъ, подымаясь съ кровати и направляясь къ Францу Капиту съ обычной живостью, свойственной нашему дорогому учителю.—Наоборотъ, меня тревожитъ, что культъ силы въ Германіи все болѣе и болѣе вытѣсняетъ даже самую науку. Вы желаете свободно мыслить? Васъ заставляютъ молчать аргументомъ силы,—и вы умолкаете. Сила съ помощью сыска и жестокости бюрократіи властно царствуетъ даже въ семьяхъ. Существуетъ ли другая страна, гдѣ чиновникъ былъ бы такъ назойливъ и несносенъ, какъ въ Пруссіи и въ нѣмецкихъ провинціяхъ съ прусскимъ духомъ? Всѣ рѣчи императора—гимнъ силѣ. Нельзя открыть ни больницы, ни школы безъ прославленія нѣмецкой шпаги. Къ чему это? Германія въ прошломъ вѣкѣ совершила одну прекрасную вещь: она объединилась. Она, по праву, могла бы отмѣтить это событіе памятникомъ. Но она предпочла соорудить монументъ въ честь пораженія своего случайнаго врага, побѣжденнаго только потому, что у Германіи оказалось больше солдатъ и лучшее вооруженіе. Эта случайность можетъ сегодня или завтра обратиться противъ нея. Идея единства менѣе льститъ лицемѣрамъ силы, чѣмъ идея побѣды. Всякій маленькій нѣмчикъ привыкъ думать согласно изреченію „великаго“ канцлера, что „тотъ, у кого больше силы, имѣетъ больше права“. Поэтому онъ прежде всего заботится о томъ, чтобы быть сильнымъ, или, по меньшей мѣрѣ, умѣть воспользоваться силой вмѣсто права.

— Эйтель,—проговорила фрау Циммерманъ, осушившая свои слезы и съ очаровательнымъ спокойствіемъ слѣдившая за разговоромъ.—Эйтель, ты несправедливъ къ нашей дорогой Германіи. Культъ злоупотребленія силой можетъ увлекать нашихъ правителей въ ущербъ праву. Но обществен-

ное мнѣніе всегда на сторонѣ справедливости. Такъ, ты не можешь отрицать поднявшейся волны симпатій, какъ только ты сталъ жертвой несправедливости. Подумай о статьяхъ въ *Vorwärts*'ѣ, о протестѣ профессоровъ, о кампаніи въ *Simplicissimus*'ѣ! Наконецъ, развѣ ты не видишь въ тюрьмѣ своихъ любимыхъ учениковъ, посланныхъ къ тебѣ ихъ товарищами?

Плѣнникъ покачалъ головой. Сквозь сводчатый люкъ проникъ лучъ солнца, освѣтившій серебряные волосы вокругъ его лба. Онъ сѣлъ на скамью рядомъ съ Францемъ Капитомъ.

— Дорогая жена,—возразилъ онъ,—всѣ эти манифестаціи, исключая присутствія моихъ учениковъ (да и ихъ всего четверо) ничего не говорятъ противъ отмѣченныхъ мною грустныхъ фактовъ. Газеты и интеллигенція протестуютъ, потому что сегодня имъ кажется, что опасность со стороны силы направлена противъ нихъ. И сами они, вѣрь мнѣ, отравлены ѳиміамомъ Богу-силѣ, подымающимся со всѣхъ концовъ Германіи. Держу пари, что въ тотъ день, когда восторжествуютъ нѣмецкіе соціалисты или нѣмецкая интеллигенція, ничто не измѣнится ни въ политическихъ, ни въ соціальныхъ правахъ Германіи. Девизъ: „болѣе сильный имѣетъ больше права"—будетъ торжествовать всегда. Ибо уже тридцать лѣтъ, какъ нѣмецкая молодежь воспитывается въ духѣ этого принципа. Афоризмъ канцлера фонъ-Бюлова я считаю такимъ знаменательнымъ и характернымъ для современной Германіи, что въ минуту праздности, въ своемъ одиночествѣ, выцарапалъ его перочиннымъ ножомъ на феодальномъ камнѣ этой тюрьмы. Когда солнце освѣтитъ стѣну, находящуюся въ эту минуту въ тѣни, вы его увидите.—И нашъ учитель указалъ пальцемъ на темную еще стѣну камеры.

При послѣднихъ словахъ заскрипѣлъ замокъ, дверь повернулась въ петляхъ, и вошелъ тюремщикъ, неся на подносѣ семь кружекъ пива. Изъ-подъ оловянныхъ крышекъ, при каждомъ его шагѣ, выливалась бѣлая пѣна. Онъ поставилъ подносъ на столъ и, приблизившись къ доктору, снялъ фуражку, открывъ свой лысый лобъ ветерана великой войны.

— Не угодно ли г. доктору и его гостямъ еще чего-нибудь?—почтительно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мой другъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ нашъ учитель.—Замѣтили ли вы,—продолжалъ онъ, когда тюремщикъ вышелъ,—какой благородный этотъ человѣкъ? Никогда не сказалъ онъ мнѣ грубаго слова и служитъ мнѣ, какъ мой слуга. Между тѣмъ, онъ такъ же, какъ и я, рискуя своею

жизнью, защищалъ отечество, и ему не болѣе, чѣмъ мнѣ, нужно было для этого воспитываться въ презрѣніи къ праву и въ поклоненіи силѣ... Когда я покину эту тюрьму, я дамъ двадцать марокъ этому воину, сохранившему сострадательность.

Съ этими словами докторъ подошелъ къ столу, взялъ одну кружку и произнесъ:

— *Prosit!*

Онъ выпилъ и мы за нимъ. Потомъ мы опять заняли наши мѣста и продолжали разговоръ.

Михель Урнитцъ не проронилъ еще ни слова. Онъ небрежно и не безъ граціи полулежалъ на деревянной скамейкѣ у стѣны, гдѣ профессоръ Циммерманъ выгравировалъ афоризмъ князя фонъ-Бюлова.

— Учитель,—сказалъ онъ,—развѣ всѣ народы не поклонялись Богу-силѣ? Сила Рима покорила міръ. Сила варваровъ сокрушила Римскую имперію. Сила расчленила Польшу. Сила Франціи управляла Европой до тѣхъ поръ, пока сила Европы не разбила Францію... Не сказывается ли во всемъ этомъ неизбѣжный этническій законъ, а потому, можетъ быть, правы и тѣ, кто считаетъ силу наиболѣе цѣнной? Съ другой стороны, изученіе природы, предпринятое мною подъ вашимъ руководствомъ, убѣждаетъ наблюдателя въ томъ, что, если существуетъ Богъ, то имя ему Сила.

Умное лицо нашего учителя преобразилось въ веселую гримасу, и его смѣхъ невиннаго младенца раскатился подъ каменными сводами. Онъ погрозилъ пальцемъ Михелю, сохранявшему непоколебимую серьезность.

— Лукавый славянинъ, — вскричалъ учитель, — какъ хорошо ему извѣстны пріемы діалектики Платона! Какъ умѣетъ онъ въ спорѣ выгодно повернуть руль и заставить произнести именно тѣ слова, какія нужны! Михель,—продолжалъ онъ, обернувшись къ намъ,—далъ намъ наилучшее историческое доказательство слабости силы: именно, всякая сила вызываетъ реакцію противоположной силы. Угроза такой силы уже тревожитъ Германію. Наши правители черезчуръ прокричали о нашемъ могуществѣ. Наши „Общества укрѣпленія арміи и флота" слишкомъ много пили за преуспѣяніе Германіи, какъ владычицы міра; наши діалектики-пангерманисты слишкомъ уже поторопились предупредить народы о предстоящей имъ рабской роли. Они внушили міру родъ уваженія къ нѣмецкой силѣ, какое испытывается къ моровой язвѣ.

Францъ Капитъ, продолжавшій у окна дѣлать свои записи, пробурчалъ:

— Быть можетъ, угроза со стороны другихъ народовъ

и заставила Германію заботиться о развитіи своей силы и разсчитывать только на нее.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ учитель приблизился къ нему въ большомъ волненіи и воскликнулъ:

— Францъ! Если ты искренно такъ думаешь, то ты—*minus habens* и дуракъ!

Францъ попросилъ его знакомъ не говорить такъ быстро и застенографировалъ: „*minus habens* и дуракъ“.

— Царство силы было придумано въ Пруссіи около 1848 г. благодаря подстрекательству Бисмарка; войны 1864, 1866, 1870 годовъ велись только потому, что Пруссія ихъ захотѣла. Это сама очевидность, понятная даже для питекантропа съ Явы.

— Между тѣмъ,—замѣтила фрау Циммерманъ,—Франція давно мечтала о реваншѣ.

— Сударыня,—возразилъ французъ-учитель,—вспомните, что идея реванша родилась во Франціи совсѣмъ не потому, что Франція была побѣждена, а явилась слѣдствіемъ учиненнаго грабежа Эльзаса и Лотарингіи, акта, возбудившаго протестъ Бебеля, а также и вашего супруга.

— И какъ я правъ въ своемъ протестѣ!—воскликнулъ докторъ.—Присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи безъ всякой пользы для Германіи матеріализировало и увѣковѣчило въ глазахъ Европы фактъ побѣды. Городъ Мецъ, гдѣ никто не понимаетъ по-нѣмецки, занятъ пруссаками противъ воли жителей. Кромѣ силы, что можетъ оправдать это? Такимъ образомъ былъ введенъ политическій строй, основанный на силѣ, и этотъ строй можетъ держаться только на условіи союза съ Богомъ-силой. Отсюда доктрина Бисмарка и его послѣдователей...

Въ эту минуту солнце освѣтило бывшую во мракѣ стѣну, и на ней ясно выступила выцарапанная готическими буквами фраза князя Бюлова:

«У кого больше силы, тотъ имѣетъ больше и права».

Солнечный лучъ заставилъ Михеля Урница встать со скамейки и пересѣсть на грубый ларь, гдѣ зимою хранятся дрова для отопленія камеры.

— Учитель,—сказалъ онъ,—я совершенно разбитъ вашими доводами относительно значенія матеріальной силы. Но вы не отвѣтили на мое главное замѣчаніе, что вся природа обнаруживаетъ предъ нами господство силы, и что все прогрессируетъ въ ней только съ помощью силы.

Истинно пророческимъ жестомъ знаменитый узникъ подалъ знакъ, что хочетъ отвѣтить. Мы всѣ притихли: помимо нашей воли, замѣчаніе Михеля встревожило насъ.

— Выслушайте меня,—сказалъ Циммерманъ,—и разъ навсегда пусть исчезнетъ этотъ софизмъ изъ вашей головы.

Онъ приблизился къ столу и, забывъ, что уже осушилъ свою кружку, взялъ почти полную кружку Альберта.

— Прежде всего,—сказалъ онъ,—я отрицаю, что въ природѣ преобладаютъ разрушительныя силы; по моему, въ ней господствуютъ силы охранительныя, созидательныя. Развѣ вамъ не извѣстно, что сцѣпленія частицъ, составляющихъ эту простую глиняную кружку (и онъ потрясъ кружкой Альберта) было бы достаточно, чтобы взорвать и эту скалу, и эту выдолбленную въ ней тюрьму, если бы сила сцѣпленія вдругъ устала сохранять связь между молекулами. Пресловутый законъ борьбы за существованіе — не что иное, какъ поверхностное толкованіе явленій, толкованіе невѣждъ. Разрушительная борьба, замѣчаемая на поверхности земного шара, есть легкое возмущеніе въ сравненіи съ страшной затратой силъ на созиданіе и усовершенствованіе живыхъ существъ. Нѣтъ, природа даетъ намъ примѣръ соединенія, а не распаденія! Пусть ея слѣпыя силы, не сознающія самихъ себя, сталкиваются и порою кажутся разрушительными; таковы мгновенныя столкновенія въ эфирѣ двухъ планетъ, превращающихся внезапно въ безполезную пыль... Но, чтобы единственная сознательная сила, человѣческая воля, могла злоупотреблять сама собой, противорѣчить своему созидательному назначенію, разрушать для разрушенія, это—страшная безсмыслица, невѣроятное заблужденіе... Даже, помимо собственнаго желанія, человѣкъ вынужденъ помогать силамъ природы: помимо его воли идея толкаетъ его къ общей цѣли интеграціи, сохраненія и усовершенствованія. Уже цѣлыя тысячелѣтія люди на поверхности земного шара, повидимому, только и видятъ господство надъ собой, только свое уничтоженіе, и тѣмъ не менѣе изъ вѣка въ вѣкъ, а нынѣ и изъ года въ годъ грубая сила отступаетъ передъ идеей. Средніе вѣка, слѣпые и кровожадные, возбуждаютъ въ насъ отвращеніе. Настанутъ времена, когда и наша эпоха будетъ представляться варварской, повтореніемъ періода среднихъ вѣковъ... Безобразныя попытки реакціи, соблазняющія Германію со времени Бисмарка, не задержатъ эволюціи міра. Они оставятъ лишь темное пятно въ міровой исторіи, и я скорблю, что это пятно упадетъ на долю моей отчизны.

Заходящее солнце бросало теперь больше свѣта въ сводчатое окно; оно озаряло прочные, грубо обтесанные камни стѣнъ стариннаго убѣжища феодальной силы, и нынѣ еще

служащаго тюрьмой свободной мысли. Нашъ учитель окинулъ камеру глазами: мы догадались, что онъ мысленно презираетъ эту помѣху. Онъ снова поднялъ кружку Альберта, возбудивъ въ послѣднемъ нѣкоторую тревогу за ея судьбу: отъ волненія Альбертъ испытывалъ жажду и терялъ надежду получить остатки пива.

— Дѣти,—продолжалъ докторъ,—я тоже въ свою очередь хочу воспѣть гимнъ силѣ, но не силѣ гордыхъ дураковъ, олицетворяющихъ ее въ насиліи и разрушеніи. Я хочу славословить силу сохраняющую, связующую, сдѣлавшую то, что міръ сталъ вселенной, мое я—сознательнымъ я. Сила, заслуживающая моего тоста, неотдѣлима отъ идеи, или, скорѣе, идея есть наисовершеннѣйшее выраженіе этой силы. Идея — вотъ настоящая сила, ибо противъ нея ничто не устоитъ, ничто не разрушитъ божественную силу сцѣпленія! Вся древняя Греція исчезла подъ обломками исторіи, и, однако, она еще трепещетъ, живетъ всегда юная у Гомера, Ксенофонта, Платона, Софокла. Напрасно легіоны и орды попирали территорію Греціи и угнетали ея дѣтей, напрасно время разрушало ея фронтоны и портики, древняяя Греція сохранилась живой и реальной, даже болѣе живой и реальной, чѣмъ Греція нашихъ дней, гдѣ идея не успѣла еще вылиться въ опредѣленную форму... Германія Бюлова или даже Бисмарка реальна только на короткій періодъ. Это географическая единица на срокъ, какъ имперія Александра или Карла V, какъ Франція въ 1810 году. Что такое Седанъ? Ничто. Если Седанъ, незначительнѣе Іены, затмилъ Іену, то, безъ сомнѣнія, на земномъ шарѣ есть гдѣ-нибудь деревушка, способная когда-нибудь затмить Седанъ. Всякое проявленіе грубой силы, въ сущности, только манифестація въ честь слабости, потому что ей суждено быть уничтоженной другою силой... Вѣчна только Германія, презирающая людскія жестокости, грубость времени, мыслящая Германія! Она характеризуется особымъ ощущеніемъ человѣческой мысли, особой вибраціей человѣческихъ чувствъ въ нашей расѣ, позволяющими ей понимать то, чего еще достаточно не уяснили другіе народы; почувствовать то, что не такъ еще сильно чувствуется другими народами. Нѣмецкая мысль—вотъ истинная нѣмецкая сила. Имя ей Гете, Гейне, Шиллеръ, Кантъ, Гегель, Шопенгауэръ, Ницше, а также Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ... Весь политическій и соціальный строй можетъ быть разрушенъ на германской почвѣ, но ничто не помѣшаетъ нѣмецкой мысли и чувству, присущимъ этимъ великимъ нѣмцамъ, жить и сохраниться на всегда!.. О, Сила-Идея, чту тебя больше всего и пью во славу твою!..

Онъ поднесъ къ губамъ кружку Альберта и сразу осу-

шилъ ее... Когда онъ опустилъ кружку на столъ, мы столпились вокругъ него,—тутъ былъ и Альбертъ, и французъ-учитель,—и пожимали ему руки, обнимали его. Насъ охватило сильнѣйшее волненіе: такъ освѣтилось его лицо, такъ выразительно прозвучалъ его голосъ при послѣднихъ словахъ... Слезы счастья выступили на его глазахъ и покатились по морщинистымъ щекамъ.

— Благодарю... благодарю васъ, друзья...

Когда мужчины отошли въ сторону, онъ на нѣсколько мгновеній удержалъ при себѣ Герту Эпфенгофъ и свою жену, прижавъ ихъ къ сердцу.

Мы еще не успокоились и не успѣли выпить своего пива, такъ какъ отъ волненія у насъ пересохло въ горлѣ, какъ дверь отворилась и вошелъ тюремщикъ.

— Господинъ докторъ,—почтительно заявилъ онъ,—господа студенты должны удалиться отсюда, а также и фрейленъ.—прибавилъ онъ, указывая на Герту Эпфенгофъ.— Супруга доктора и господинъ докторъ-французъ могутъ остаться.

Мы съ удивленіемъ переглянулись. Старый инвалидъ казался смущеннымъ.

— Прибылъ нѣкто,—прибавилъ онъ,—придворная особа, запретившая мнѣ назвать ея по имени; особа желаетъ говорить съ г. докторомъ Циммерманомъ безъ свидѣтелей, за исключеніемъ г-жи Циммерманъ и г. француза-учителя.

Ученый расхохотался.

— Не будемъ пытаться, дѣти мои,—сказалъ онъ,—разгадать капризы силы. Идите и возвращайтесь ко мнѣ завтра, если только разрѣшатъ. Быть можетъ, уже не повторится больше такой свободной бесѣды.

Онъ перецѣловалъ насъ всѣхъ, и мы вышли изъ камеры.

Тюремщикъ заперъ за нами дверь и проводилъ насъ на улицу. Мы не могли увидѣть придворную особу, приказавшую намъ оставить тюрьму.

Здѣсь кончается рукопись Герты Эпфенгофъ.

Я часто перечитываю ее, и она всегда вызываетъ во мнѣ памятный день, когда рѣшилась моя судьба почти безъ моего участія, или, лучше сказать, вызываетъ рядъ событій, повидимому, безразличныхъ для моего будущаго, но измѣнившихъ мое сердце и мои намѣренія.

Когда четверо учениковъ изъ Веймара вышли изъ камеры, и супруги Циммерманы и я остались на нѣсколько минутъ одни, г-жа Молохъ, съ глазами, горѣвшими любовью, вскричала:

— Эйтель! Нельзя допустить, чтобы такого человѣка, какъ ты, любимаго и уважаемаго всей мыслящей Германіей, судили, какъ простого злодѣя или недальновиднаго террориста, воображающаго преобразовать міръ динамитнымъ взрывомъ!.. И, я увѣрена, придворная особа явилась объявить тебѣ, что слѣдователь постановилъ освободить тебя отъ суда, ибо невинность твоя доказана, и ты свободенъ...

Молохъ покачалъ головой и пальцами цвѣта слоновой кости провелъ по своимъ бѣлымъ волосамъ.

— Жена,—сказалъ онъ,—не убаюкивай себя напрасными надеждами. Повторяю тебѣ: мы живемъ подъ властью силы. Къ чему стараться искать логику въ проявленіяхъ силы, исключающей всякую логику?

Дверь камеры отворилась, и мы всѣ трое были одинаково поражены, замѣтивъ въ свѣтломъ, освѣщенномъ солнцемъ отверстіи силуэтъ принца Макса, въ голубомъ костюмѣ съ серебрянымъ позументомъ для верховой ѣзды, и въ сапогахъ изъ желтой кожи. Онъ остановился на порогѣ съ шапкой и хлыстикомъ въ правой рукѣ, а лѣвой поправлялъ свои бѣлокурые волосы; на лбу выступали капли пота: видно было, что онъ бѣжалъ.

— Идите, Будерсъ,—сказалъ онъ тюремщику.

Максъ вошелъ, и дверь за нимъ затворилась. Онъ поочередно оглядѣлъ насъ: доктора, г-жу Циммерманъ и меня. Его губы, верхнія части щекъ и вѣки трогательно и вмѣстѣ комично дрожали, какъ бываетъ на лицахъ маленькихъ дѣтей, когда они собираются заплакать. И, дѣйствительно, прежде чѣмъ Максу удалось вымолвить слово, у него вырвалось сдавленное рыданіе... Онъ отвернулся и бросилъ на столъ, рядомъ съ пустыми кружками, свою фуражку и хлыстъ. Сердце г-жи Молохъ было тронуто: въ ней жила материнская, страстно нѣжная душа, какая бываетъ у женщинъ, тщетно желавшихъ имѣть дѣтей. Она подбѣжала къ Максу и схватила его за обѣ руки.

— Боже мой... ваше высочество... Что съ вами? Вы плачете? Вы больны, дорогой принцъ?

Максъ безмолвно поднялъ свое взволнованное лицо къ приближавшемуся доктору. Онъ колебался съ минуту, потомъ стремительно бросился къ нему и прежде, чѣмъ Молохъ могъ предупредить, бросился передъ нимъ на колѣни.

— Простите, простите!—рыдалъ онъ.—Супруги Молохъ напрасно старались поднять его...—Простите, г. докторъ!—повторилъ онъ, плотно прижавъ свою бѣлокурую голову къ кривымъ ногамъ старика.—Простите!

— Но въ чемъ простить, Боже мой?—воскликнулъ Молохъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Я тотчасъ же все понялъ и упрекнулъ себя: какъ это я раньше не догадался?

— Ваше высочество!—сказалъ я принцу, тронувъ его за плечо.—Встаньте!.. Я догадываюсь, въ чемъ вы хотите сознаться доктору. Признайтесь ему, прямо глядя въ лицо, какъ мужчина, а не какъ ребенокъ.

Обращеніе къ самолюбію принца всегда давало благопріятные результаты. Онъ всталъ, быстро вытеръ глаза и твердо взглянулъ на Циммермана.

— Г. докторъ,—сказалъ онъ,—я страшно виноватъ передъ вами. Я позволилъ заподозрить васъ, арестовать и посадить въ тюрьму, а между тѣмъ, это я положилъ петарду въ коляску графа Марбаха... Я не сожалѣю объ этомъ,—прибавилъ онъ, окинувъ насъ пламеннымъ взглядомъ, мгновенно осушившимъ его слезы.—Я сожалѣю только, что моя петарда не причинила вреда графу Марбаху, не уничтожила его, не опалила ему головы, или что онъ не переломалъ себѣ костей на спускѣ въ Литцендорфъ... Я ненавижу его и желаю ему только зла!

— О, ваше высочество!—замѣтила г-жа Молохъ тономъ недовольства.

Но на Молоха и на меня юный принцъ производилъ пріятное впечатлѣніе, какъ слабый, но возмущенный ребенокъ, какимъ онъ былъ въ эту минуту. Съ сухими глазами и прерывающимся отъ волненія голосомъ, онъ продолжалъ:

— Я ненавижу маіора: онъ злой, желаетъ мнѣ зла и оскорбляетъ меня. Онъ перенесъ въ Ротбергъ нравы прусскихъ казармъ. Тамъ людямъ ломаютъ ноги, обрываютъ уши и, въ заботѣ о дисциплинѣ, заставляютъ дохнуть отъ голода въ тюрьмахъ... Мнѣ, наслѣдному принцу, онъ не смѣетъ ломать ногъ, ни рвать ушей. Онъ не можетъ запереть меня въ тюрьму, но съ первыхъ же дней, какъ ему поручено было мое военное воспитаніе (мнѣ было девять лѣтъ), онъ сталъ бить меня... Да, г. Дюберъ, да, г. докторъ, онъ билъ меня, и каждый разъ все больнѣе, какъ, несомнѣнно, дѣлалъ это, командуя пруссаками. Я молчалъ, никому не говорилъ этого, частью отъ стыда, частью изъ страха. Да, изъ страха, г. Циммерманъ, ибо этотъ злодѣй сдѣлалъ меня трусомъ, и за это я въ особенности ненавижу его... Онъ внушилъ мнѣ страхъ къ наказанію, онъ пріучилъ меня лгать, чтобы избѣжать его.. И если я тотчасъ же не сознался въ томъ, что подложилъ петарду, то потому только, что съ этимъ разбойникомъ я привыкъ бояться наказанія и лгать...

Мы слушали его съ участіемъ и съ грустью. Лицо Макса сдѣлалось мрачнымъ и злымъ; очаровательная дѣтская наивность исчезла. Онъ опять заговорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— M-elle Дюберъ можетъ подтвердить все это, потому что, въ концѣ концовъ, я сознался ей: я ни одной минуты не допускалъ, что арестъ можетъ состояться. Это такъ безсмысленно! Докторъ Циммерманъ—и вдругъ положилъ снарядъ въ коляску маіора! Каждый день я ждалъ: вотъ сегодня подпишутъ постановленіе о недостаточности уликъ, и все будетъ кончено... Это было низко съ моей стороны, я хорошо сознавалъ и чувствовалъ это, и былъ очень несчастенъ. Но я не могъ рѣшиться заговорить, и дни проходили за днями. Съ каждымъ днемъ признаніе становилось труднѣе, потому что газеты не переставали говорить объ этомъ приключеніи, оно пріобрѣло значеніе политическаго дѣла, стало дѣломъ имперіи... Берлинъ обмѣнивался телеграммами съ Ротбергомъ. Демократы Литцендорфа волновались. Всѣ газеты комментировали покушеніе въ Ротбергѣ въ тревожномъ или смѣхотворномъ тонѣ. Я пришелъ въ ужасъ отъ своей продѣлки... Г. докторъ, умоляю васъ, простите меня! Я недостоинъ называться Ротбергомъ и занять мѣсто, гдѣ сидѣлъ императоръ Гунтеръ... Потому что,—добавилъ онъ, понизивъ голосъ и съ глазами, вновь наполнившимися слезами,—не знаю, сознался ли бы я, если бы не m-elle Грита. Она заставила меня дать слово, что я сознаюсь, если докторъ будетъ преданъ уголовному суду. Только что вернувшись съ прогулки верхомъ, я узналъ, что постановленіе подписано. Я побѣжалъ сюда... и вотъ... теперь.. будь, что будетъ!

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы удержать слезы, и ему это удалось. Я любовался, какъ онъ, даже въ минуту самаго тяжелаго признанія, сумѣлъ не унизиться до потери изящности своего благородства.

— Какой благородный молодой принцъ! — вскричала г-жа Циммерманъ, не стараясь скрыть, что она плачетъ отъ волненія.—Конечно, Эйтель, ты на него не сердишься?

Молохъ отрицательно покачалъ головой, но промолчалъ. Онъ думалъ, наморщивъ складками лобъ, точно старался понять что-то необъяснимое. Максъ повернулся ко мнѣ и спросилъ по-французски:

— Что вы теперь будете думать о своемъ ученикѣ, г. Дюберъ?

— Я думаю,—отвѣтилъ я серьезно,—что переносить на другого тяжесть своего проступка—вещь недостойная... Вы постарались, насколько могли, исправить это; это хорошо.

Но вы не можете исправить то, что докторъ несправедливо перенесъ. Это непоправимо.

— Когда я буду царствовать въ Ротбергѣ,—вскричалъ Максъ, весь вспыхнувъ,—я назначу доктора министромъ Ротберга, дамъ ему графскій титулъ и много денегъ.

Это стремительное признаніе ребенка разсмѣшило, наконецъ. Молоха. Онъ громко расхохотался и, положивъ руку на плечо Макса, сказалъ:

— Когда вы будете царствовать, мой юный повелитель, то очень возможно, что всѣ мои титулы будутъ расписаны на надгробномъ камнѣ, и мое богатство, кромѣ этого камня, будетъ заключаться лишь въ крѣпкомъ дубовомъ ящикѣ, обитомъ цинкомъ. И вы убѣдитесь тогда, — продолжалъ онъ, поднявъ свой умный лобъ, окруженный ореоломъ серебряныхъ кудрей,—что имя покойнаго доктора Циммермана дольше сохранится въ памяти Германіи и всего міра, чѣмъ имя министра Ротберга, какого-то графа... Впрочемъ, не старайтесь оправдываться передо мной, я не страдалъ: въ тюрьмахъ вашего отца обращаются гуманно. Но такъ какъ вамъ предназначено властвовать въ будущемъ надъ людьми, то не забудьте, прежде всего, совѣта г. Дюбера, что каждый человѣкъ, достойный этого названія, долженъ подписываться подъ своими поступками. Кромѣ того, откажитесь отъ мести насиліемъ: грубая сила ничего не разрѣшаетъ... Кстати, - перешелъ онъ въ дружественный тонъ, замѣтивъ, что глаза принца опять наполнились слезами,— какимъ образомъ, чортъ возьми, вы раздобыли этотъ снарядъ? Мнѣ хотѣлось бы знать, такъ какъ эффектъ, дѣйствительно, получился очень сильный... Присядьте-ка и разскажите мнѣ все.

Онъ предложилъ Максу одну изъ соломенныхъ табуретокъ; г-жа Молохъ и я усѣлись на скамьѣ у стѣны, гдѣ горѣла въ лучахъ солнца мысль графа Бюлова. Самъ Молохъ усѣлся на кровати.

— Видите ли!—произнесъ повеселѣвшій Максъ съ обычной ребяческой торопливостью.—Уже давно я задумалъ отомстить маіору за то, что онъ меня бьетъ. Я довѣрилъ свой проектъ Гансу, моему молочному брату, одному изъ кучеровъ Грауса. Мы перебрали съ нимъ нѣсколько способовъ; всего лучше, по моему, было, конечно, вызвать Марбаха на дуэль и убить его. Но это невозможно. Тогда Гансъ посовѣтовалъ мнѣ подвязать подъ хвостъ его кобылѣ Доротеѣ маленькій мѣшочекъ съ перцемъ: перецъ во время верховой ѣзды разжегъ бы крупъ чувствительнаго животнаго, и лошадь сбросила бы маіора на землю. Къ сожалѣнію, Марбахъ хорошій наѣздникъ, и нельзя было быть

увѣреннымъ, что онъ упадетъ и разобьется... Но вотъ недавно въ Парижѣ бросили бомбу въ испанскаго короля. По этому случаю въ газетахъ много писали объ анархистахъ и объ ихъ познаніяхъ по химіи. Въ „Kreuz-Zeitung“, между прочимъ, появился большой фельетонъ, гдѣ подробно были изложены однимъ очень извѣстнымъ профессоромъ всѣ способы изготовленія бомбъ...

— О, нѣмецкая наука!—воскликнула г-жа Молохъ съ восторгомъ.

— Этотъ фельетонъ,—продолжалъ принцъ,—далъ мнѣ мысль сфабриковать снарядъ. Я хорошо изучилъ статью „Kreuz-Zeitung“, а также и учебникъ химіи, найденный мною въ дворцовой библіотекѣ.

— Какъ!—воскликнулъ Молохъ,—вы даже справлялись съ учебникомъ химіи?—Вотъ что удивительно и дѣлаетъ честь молодому принцу!..

Максъ смутился и покраснѣлъ подъ опасеніемъ, что докторъ смѣется надъ нимъ. Но докторъ искренно одобрилъ его и дружескимъ жестомъ просилъ продолжать.

— Ну, и потомъ вы приступили къ изготовленію снаряда?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.—Какъ же вы принялись за это?

— Я сначала пробовалъ достать артиллерійскій зарядъ, но такъ какъ дворцовая гвардія не дѣлаетъ выстрѣловъ, то снарядовъ здѣсь нѣтъ. Тогда Гансъ купилъ въ Штейнахѣ большую ракету. Чтобы сдѣлать оболочку болѣе крѣпкой, я обернулъ ее листовымъ цинкомъ и обвязалъ для прочности желѣзной проволокой.

— Очень хорошо, очень хорошо!—одобрилъ Молохъ.

— Потомъ я приготовилъ смѣсь по рецепту „Kreuz-Zeitung“; порохъ я досталъ въ артиллерійскомъ складѣ, добылъ уголь, а поташъ приготовилъ самъ. Въ смѣсь я прибавилъ древесныхъ опилокъ, такъ какъ читалъ въ одномъ учебникѣ, что онѣ придаютъ прочность массѣ.

— Древесныя опилки!—съ изумленіемъ вскочилъ Молохъ.—Ему пришло въ голову присоединить древесныя опилки!.. Да знаете ли вы, мой дорогой, юный принцъ, у васъ истинный талантъ!.. Нѣтъ, я долженъ васъ расцѣловать, alumne praestantissime!

И, взявъ въ свои морщинистыя руки бѣлокурую голову смущеннаго Макса, Молохъ запечатлѣлъ два громкихъ поцѣлуя на его щекахъ... Г-жа Молохъ и я едва удерживались отъ смѣха. Я попробовалъ направить разговоръ на болѣе серьезный путь.

— Скажите, ваше высочество, что заставило васъ избрать празднованіе 2-го сентября для выполненія вашего покушенія?

Максъ опустилъ голову.

— Наканунѣ маіоръ...—отвѣтилъ онъ нерѣшительно и понизивъ голосъ,—прикоснулся ко мнѣ своей тростью.

Послѣ нѣкоторой паузы онъ прибавилъ:

— И потомъ... я не люблю ни Бисмарка, никого изъ пруссаковъ. Пруссаки злые волки, какъ графъ Марбахъ Если бы не было Бисмарка, пруссаковъ, Седана,—Ротбергъ не былъ бы отдѣленъ отъ Штейнаха, и я царствовалъ бы когда-нибудь въ настоящемъ государствѣ... какъ мои предки.

— Но какимъ образомъ,—перебилъ Молохъ, занятый своею мыслью,—вы укрѣпили фитиль и установили снарядъ?

— Вмѣсто фитиля я употребилъ шнурокъ отъ шторы и пропиталъ его растворомъ хлорнокаліевой соли. Гансъ вложилъ все въ маленькій ящикъ подъ кузовомъ коляски, въ ту минуту, какъ кучеръ выѣзжалъ изъ сарая. Длина фитиля была правильно разсчитана,—закончилъ Максъ не безъ гордости:—взрывъ раздался какъ разъ въ ту минуту, когда маіоръ сѣлъ въ экипажъ.

— Да,—сказалъ Молохъ,—но у вашего снаряда былъ одинъ большой недостатокъ: цинковая обертка представляла сопротивленіе для поверхности цилиндра; съ обоихъ же концовъ онъ оставался открытымъ, и газы, такимъ образомъ, нашли себѣ выходъ. Вотъ почему какая-нибудь коробка изъ-подъ консервовъ гораздо лучше, чѣмъ трубка, обернутая цинкомъ... Вы понимаете, конечно? Наполнивъ коробку, ее опять запаиваютъ, и такъ какъ припой болѣе устойчивъ, чѣмъ оболочка...

— Эйтель!—тихо остановила его г-жа Молохъ.

Онъ взглянулъ на нее тѣмъ комически-сердитымъ взглядомъ, какимъ окидывалъ всякаго, кто прерывалъ его.

— Что тебѣ, что?—спросилъ онъ.

Взглядъ жены успокоилъ его.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ.—Конечно, все это теперь неинтересно... Но я долженъ признать, принцъ, вы обнаружили полное пониманіе химіи и личную остроумную изобрѣтательность... Это очень похвально. Изучайте химію, она—мать всѣхъ наукъ и ключъ къ новѣйшей философіи. Въ знакъ поощренія я подарю вамъ свою книгу о „Четырехъ проблемахъ природы“, съ подходящимъ посвященіемъ.

— Какъ вы добры, г. докторъ!—вскричалъ Максъ, съ улыбкой и со слезами на глазахъ въ одно и то же время.— Увы! Мой отецъ отнесется ко мнѣ не такъ, какъ вы...

— Признайтесь сначала принцессѣ,—подсказала г-жа

Молохъ. — Ваша матушка очень отзывчива и добра. Только благодаря ей, я свободно вижусь съ мужемъ. Она ослабитъ и вамъ столкновеніе.

Глаза молодого принца зажглись огнемъ восторга.

— О, моя мать очень добра! И какъ прекрасна! Въ Германіи нѣтъ царствующихъ принцессъ красивѣе ея... Вотъ если бы она руководила моимъ воспитаніемъ, вмѣсто отца и маіора Марбаха, я былъ бы лучше и счастливѣе! Но, кажется, это невозможно: необходимо, чтобы принца воспитывали мужчины... Вы правы, фрау докторъ... Я пройду прежде къ матери... но, увы! она едва ли повліяетъ на отца, и я буду жестоко наказанъ.

— Пари держу! — вскричалъ Молохъ,—какъ разъ наоборотъ: васъ накажутъ очень легко, потому что нельзя оглашать, что покушеніе совершено вами, публика не должна даже подозрѣвать этого.

— Къ тому же, ваше высочество,—добавилъ я,—надо быть готовымъ отвѣчать за свои поступки.

— Я это знаю, г. Дюберъ,—отвѣтилъ Максъ, глядя мнѣ прямо въ лицо съ своей милой гордостью, такъ симпатичной для меня и ненавистной для жестокаго маіора.—Я тотчасъ же пойду къ мамѣ и ручаюсь вамъ, что признаюсь ей во всемъ.

— Позвольте мнѣ обнять васъ,—сказала г-жа Молохъ со слезами на глазахъ.

Она держала его довольно долго въ своихъ объятіяхъ и шептала:

— Дорогая, бѣлокурая головка! Дорогое дитя!

Онъ пожалъ руки доктору и мнѣ, молча повернулся къ двери и постучалъ въ нее своимъ хлыстикомъ. Тюремщикъ отперъ и почтительно посторонился. Съ порога Максъ послалъ намъ „прости“ съ принужденной улыбкой.

— Не дѣлайте больше такихъ опытовъ,—закричалъ ему вслѣдъ докторъ,—но изъ-за этого не пренебрегайте химіей! Вы будете имѣть успѣхъ.

За дверью послышались рѣшительные шаги Макса.

Г-жа Молохъ осушила свои чувствительные глаза.

— Какой чудный характеръ у этого маленькаго принца!— сказала она.

— Съ нѣкоторыми опасными склонностями,—замѣтилъ я.

— Бѣдное дитя,—проговорилъ Молохъ, качая головой.— Развѣ онъ виноватъ въ томъ, что наслѣдовалъ свой темпераментъ отъ двадцати жестокихъ маніаковъ, умѣрявшихъ свое варварство лишь подъ вліяніемъ варварства своихъ царственныхъ противниковъ?.. Однако, — прибавилъ онъ со

своимъ веселымъ смѣхомъ школьника, — какая чудная тема для „Vorwärts'a“: „Принцъ-бомбометатель“.

— Мы не увидимъ этой статьи, дорогой докторъ, — возразилъ я.—Вы правы: непремѣнно постараются скрыть, что наслѣдный принцъ намѣревался взорвать гофмейстера.

— Эйтель,—прервала г-жа Молохъ, — сегодня вечеромъ, въ ознаменованіе твоего освобожденія, я хочу, чтобы мы осушили одну изъ бутылокъ іоганнисберга 98 года; ты его такъ любишь.

Молохъ покачалъ головой.

— Не разсчитывай, жена, на мое освобожденіе ни сегодня, ни завтра. Надо дать время мозгамъ принца и сановниковъ придумать какую-нибудь басню... Пока удовольствуемся тѣмъ, что подобное приключеніе происходило съ нами въ двадцатомъ вѣкѣ. Лѣтъ семьдесятъ—восемьдесятъ тому назадъ, моя судьба была бы немедленно рѣшена, пожалуй, и твоя, Сесиль, да и ваша, г. Дюберъ, вмѣстѣ съ вашей молоденькой сестрой.. за шкуру же Ганса я и сейчасъ не далъ бы много. Затѣмъ всѣхъ, кто зналъ истину, выслали бы изъ государства... Ну, а теперь Богъ-Сила древней Германіи считается въ нѣкорыхъ случаяхъ съ Идеей, и почитатели Бога-Силы иногда вынуждены воздавать ему, хотя бы и постыдныя, почести.

Я хотѣлъ уже проститься со старой четой, какъ вдругъ г-жа Молохъ обратилась вполголоса къ своему мужу:

— Эйтель! Ты хотѣлъ о чемъ-то поговорить съ г. докторомъ Дюберомъ?

Ученый провелъ своими гибкими пальцами по сѣдымъ кудрямъ.

— Поистинѣ,—вкричалъ онъ,—я долженъ бы это сдѣлать, но не знаю, какъ г. Дюберъ приметъ мои слова. Какъ ты полагаешь, Сесиль?

— Думаю, что надо говорить съ нимъ откровенно,—отвѣтила старая дама,—вѣдь онъ нашъ искренній другъ.

Молохъ быстро схватилъ меня за руку и взглянулъ мнѣ прямо въ глаза.

— Послушайте, — проговорилъ онъ, — я къ вамъ очень расположенъ. Хотя вы и придворный чиновникъ, но вы не побоялись выказать дружбу старому Циммерману. Когда его заключили въ тюрьму, вы вступились за него передъ принцемъ; вы посѣтили его въ камерѣ. То малое, что я могу дать вамъ взамѣнъ всего этого, я вамъ охотно дамъ, но это не болѣе, какъ совѣтъ. Не истолкуйте его въ дурную сторону... Вотъ что: всѣ въ Ротбергѣ говорятъ, что вы любовникъ принцессы Эльзы... Если это неправда, очень радъ!

Говорятъ, вы хотите увезти ее. Я вмѣстѣ съ Сесиль нахожу это прискорбнымъ. Вы создали бы себѣ униженное и трудное положеніе; вы сотворили бы большой грѣхъ передъ вашей маленькой сестрой. Вы дали бы аргументъ въ руки тѣхъ, кто по сю сторону Вогезовъ обвиняетъ французовъ въ легкомысліи и развратѣ. Наконецъ, вы отняли бы мать у этого бѣднаго маленькаго принца Макса... Я не говорю, что она идеальная мать, но она все же мать, не правда ли? Эта женщина не лишена чувства. Она обнаружила доброту по отношенію ко мнѣ, и сейчасъ ея вмѣшательство смягчитъ участь Макса. Во что превратится жизнь этого царственнаго отрока, если воспитателями его станутъ только принцъ Отто и какая-нибудь Фрика?.. Максъ представляется мнѣ хотя умнымъ, но неразвитымъ, слабымъ и свирѣпымъ въ одно и то же время. А между тѣмъ, онъ готовится управлять людьми. Не помогайте ему сдѣлаться дурнымъ правителемъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Если вы находите, что я былъ нескроменъ, обзовите меня старымъ дуракомъ и забудьте мои слова.

Я молча крѣпко пожалъ руки старымъ супругамъ въ доказательство, что ихъ вмѣшательство не шокируетъ меня, и вышелъ. Я шелъ къ себѣ со смущеннымъ и тяжелымъ сердцемъ.

Приключеніе Молоха вылетѣло изъ моей головы. Я эгоистично предался размышленію о своемъ собственномъ завтра и задалъ вопросъ:

— Что я сдѣлаю?

Когда я вошелъ въ свою комнату, было уже около четырехъ часовъ пополудни, время, когда въ такую хорошую погоду, какъ сегодня, пріѣзжіе въ курортъ съ истинно нѣмецкой добросовѣстностью совершаютъ прогулку въ горы... Я зналъ, что Грита отправилась на Реннштигъ съ двумя дѣвочками семьи, жившей по сосѣдству съ нами. Я былъ доволенъ одиночествомъ, чтобы подумать и разобраться въ мысляхъ внѣ уличнаго шума, въ тишинѣ запертой комнаты. Я помѣстился на балконѣ, возвышавшемся надъ дворцомъ, надъ долиной Роты и Тиргартеномъ. Мысль моя, какъ бы избѣгая остановиться на серьезномъ, блуждала по совершенно ничтожнымъ мелочамъ. „Дни становятся короткими. Еще нѣтъ пяти часовъ, а свѣтъ смѣняется уже тѣнью, предвѣстникомъ вечера, скрадывая красоту пейзажа. Это что!.. Уже починили часть крыши на замкѣ, сорванную недавней грозой... Новая черепица образовала треугольникъ“... Потомъ и эти обрывки мыслей исчезли; глаза мои слѣдили за движеніемъ стада

дикихъ козъ, пугливо и граціозно спускавшихся изъ чащи Тиргартена къ рѣкѣ. Меня охватила мрачная тоска.

— Ну что-же, что-же!—громко сказалъ я себѣ,—ничего вѣдь еще не сдѣлано: моя судьба въ моихъ рукахъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать завтра одному въ Богемію, кто мѣшаетъ мнѣ вмѣстѣ съ Гритой отправиться въ Парижъ?

Да... Отъ меня зависитъ выборъ, но при условіи яснаго сознанія, на чемъ я хочу остановиться... Когда въ памятный вечеръ принцесса разговаривала со мной и проявляла власть любящей женщины; устраивая будущее, располагала мною, какъ завоеваннымъ имуществомъ, и возлагала на меня тяжелую отвѣтственность за свое достояніе и происхожденіе,— я чувствовалъ, что моя душа возмущается. Тогда я могъ съ увѣренностью сказать: „я предпочитаю уклониться отъ всего“... Но такъ ли теперь, когда я разсуждаю лицомъ къ лицу съ самимъ собой? Стоитъ ли тоска свободнаго одиночества такой ревнивой защиты отъ нѣжнаго рабства?

Найдется ли у Эльзы скромность и желанный тактъ или нѣтъ, избавитъ ли она меня отъ униженій, сопряженныхъ съ ея званіемъ,—все это не устраняетъ факта ея любви ко мнѣ. Когда она говоритъ: „я даю вамъ единственное доказательство своей любви, жертвуя для нея многимъ“, она, быть можетъ, безтактна, но, несомнѣнно, искренна. Встрѣчу ли я когда нибудь другую женщину, способную такъ же любить меня и такъ же блестяще доказать свою любовь?

Ласточки, съ пронзительнымъ крикомъ, кружились подъ балкономъ. Этотъ крикъ, навѣвающій меланхолію, крикъ осени, всегда напоминаетъ о горестной разлукѣ, о сборахъ въ далекій путь. Такъ какъ я сидѣлъ неподвижно, то ласточки пролетали совсѣмъ близко отъ меня; одна на мгновеніе присѣла на парапетъ балкона, и я успѣлъ разсмотрѣть маленькую черную головку, съ черненькими глазками, острый черный клювъ, роскошный темно-сизый плащъ на крылышкахъ и кабалистическій вырѣзъ остроконечнаго хвоста. Но вотъ она снова нырнула въ воздухъ надъ долиной, сначала взмахивала крыльями, а потомъ распластала ихъ и понеслась надъ зеленой равниной, гдѣ бурлила Рота.

„Я тоже люблю Эльзу,—прошепталъ я, вновь подхватывая свои мысли.—Тысячи таинственныхъ, нѣжныхъ нитей связали меня съ ней въ этомъ уединеніи, получившемъ, благодаря ей, невыразимое очарованіе... Развѣ мой истинный долгъ не выше всѣхъ условностей общества и не состоитъ въ томъ, чтобы остаться ей вѣрнымъ?... Зачѣмъ играть словами? Вѣдь мораль не при чемъ въ моемъ настоящемъ ко-

лебаніи. Наоборотъ, я вижу несомнѣнный эгоизмъ въ намѣреніи сохранить свое будущее для другой, болѣе молодой женщины... Какое тщетное намѣреніе! Развѣ болѣе молодая будетъ испытывать ко мнѣ, молодому, страстное желаніе Эльзы?.. Да и самъ я не останусь ли неудовлетвореннымъ на всю жизнь, если не получу отъ нея единственнаго дара, способнаго успокоить тревогу моего сердца?..“

— Но я съ ума сошелъ!—воскликнулъ я, раздраженный самимъ собою; поднялся и сталъ ходить большими шагами по балкону.—Чего же я хочу, наконецъ, чего хочу?..

По правдѣ сказать, я и самъ не зналъ чего. Мнѣ, однако, казалось, что если я послѣдую своему инстинктивному побужденію, я поѣду за Эльзой.

„Вотъ только Грита... Есть что-то отталкивающее въ положеніи бѣднаго человѣка, рѣшившагося бѣжать съ богатой женщиной. Молохъ это только что высказалъ мнѣ, и самъ я не разъ говорилъ себѣ то же... Однако, вѣдь Грита не одинока на свѣтѣ. Я только по исключительному обстоятельству отвѣчаю за нее въ данную минуту. Она, по закону, поручена нашей теткѣ, своей опекуншѣ. Она возвратится въ Вернонъ... Тетка дастъ ей приданое и выдастъ замужъ. У Гриты будетъ мужъ, она будетъ съ нимъ и не будетъ думать вовсе обо мнѣ. Разъ она въ недалекомъ будущемъ найдетъ опору въ другомъ человѣкѣ, почему же изъ за-нея я долженъ лишиться личнаго счастья?..

Съ другой стороны, унизительное положеніе учителя, похищеннаго принцессой“...

Я совершилъ рѣшительный шагъ искренняго признанія, чтобы не позировать передъ самимъ собой, что часто гораздо труднѣе, чѣмъ удержаться отъ рисовки передъ другими.

„Дѣйствительно ли меня смущаетъ мысль соединить свою жизнь съ жизнью болѣе богатой женщины?... По совѣсти, нѣтъ. Это не представляется мнѣ безнадежно нравственнымъ паденіемъ. Возмущаетъ и тревожитъ меня страхъ быть въ зависимости отъ женщины, болѣе состоятельной, нежели я, страхъ, чтобы она не воспользовалась этимъ для моего униженія и порабощенія. Въ особенности же,—скажу откровенно,—безпокоитъ отношеніе общества къ этому побѣгу. Условія нашей жизни вдвоемъ будутъ извѣстны только Эльзѣ и мнѣ,—я примѣнюсь къ нимъ; но я содрогаюсь при одномъ представленіи о томъ публичномъ, смѣшномъ и позорномъ положеніи, въ какомъ очутится французъ-учитель, увезенный нѣмецкой принцессой!

И тогда?..

А тогда... я не знаю, что дѣлать. Я чувствую ясно нѣжность, благодарность, даже физическое влеченіе къ Эльзѣ.

Быть можетъ, по отношенію къ ней, я сознаю даже смутныя обязанности; ибо я же сказалъ ей: „я васъ люблю", и никогда не возражалъ противъ ея плановъ бѣгства.. Съ другой стороны, чувствуя себя совершенно свободнымъ не заботиться о судьбѣ Гриты, я слишкомъ люблю свою сестренку чтобы рисковать причинить ей горе... Я даже не считаю позорнымъ для себя, бѣдняка, связать свою судьбу съ богатой женщиной; но я считаю унизительнымъ реальную зависимость отъ нея, въ какую буду поставленъ, и заранѣе оскорбленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, какое сложится обо мнѣ"...

На этомъ пунктѣ моихъ размышленій я констатировалъ, что все больше и больше запутываюсь, теряю почву въ своей собственной психологіи. Мой темпераментъ, наконецъ, подсказалъ мнѣ: „будь, что будетъ!.. Предоставимъ событія ихъ естественному теченію! Черезъ три дня, какъ говоритъ Терезій, «я буду по сю или по ту сторону лезвія судьбы". Это рѣшеніе слабости и нерѣшительности удовлетворило мою лѣнь. Я склонился надъ балкономъ и сталъ смотрѣть. Заходящее осеннее солнце окрасило розовымъ свѣтомъ тяжелый фасадъ дворца: послѣднія окна въ аппартаментахъ Эльзы, казалось, горѣли огнемъ пожара. Горы, покрытыя пожелтѣвшими уже буками и вѣчно зелеными соснами и лиственницами, вырѣзывались въ косыхъ лучахъ массой плотно приставленныхъ другъ къ другу пылавшихъ конусовъ, съ безчисленными темными промежутками... Рота, почернѣвшая уже отъ черной лощины, шумѣла, клубясь пѣной и мглой.

Сразу мое пребываніе въ этихъ горахъ воскресло въ моей памяти: мучительная тоска одиночества, тяжелыя ощущенія въ обществѣ маіора, принца и Грауса, радостное настроеніе отъ близости съ Эльзой, первыя прикосновенія нашихъ рукъ, первые поцѣлуи. Я вспомнилъ чтеніе Мишлэ, посѣщеніе театра Гомбо... А эти послѣднія недѣли, такія оживленныя, такія интенсивныя: Молохъ, его жена, присутствіе Гриты, возродившее привлекательность для меня окружающей природы, діалоги въ тюрьмѣ.—„Все это, хорошее и дурное, враждебное и любовное—часть моей молодости... Все это лучше, чѣмъ глупая жизнь молодого богатаго буржуа... Здѣсь я любилъ свою дорогую французскую родину, какъ никогда не понималъ и не любилъ ее подъ отечественными небесами... Старый уголокъ Германіи! Каково бы ни было мое завтра, я хорошо знаю, что не буду ненавидѣть тебя!"

Я былъ прерванъ въ своихъ размышленіяхъ шумомъ довольно грузныхъ шаговъ по лѣстницѣ виллы.

„Неужели это освобожденный Молохъ возвращается къ себѣ?“ подумалъ я.

И я поторопился выбѣжать въ сѣни, чтобы привѣтствовать его. Каково же было мое изумленіе, когда я очутился лицомъ къ лицу съ фрейленъ фонъ-Больбергъ! Эта скандинавская дѣва на службѣ у германской имперіи начала съ того, что тяжело вздохнула, несомнѣнно, для того, чтобы сдѣлать мнѣ упрекъ за крутую лѣстницу. Потомъ, рѣзко кивнувъ своей аристократической головой, произнесла:

— Ея высочество принцесса внизу, въ своей коляскѣ. Она приказала спросить, можетъ ли г. докторъ принять ее?

— Ея высочество здѣсь?!—воскликнулъ я.

Фрейленъ Больбергъ подняла свои грустные глаза къ потолку, какъ бы хотѣла сказать: не вините меня за порученіе... я обязана его выполнить... Мысль о неприличномъ визитѣ исходитъ не отъ меня!

— Я въ распоряженіи ея высочества,—отвѣтилъ я, вернувъ себѣ самообладаніе.

— Ея высочество проситъ не выходить къ ней навстрѣчу, а ждать ее здѣсь,—отвѣтила фрейлина.

Она спустилась внизъ. Согласно приказанію принцессы, я ждалъ ее у порога. Эльза не замедлила появиться въ сопровожденіи фрейленъ фонъ-Больбергъ.

— Я вамъ не помѣшаю?—спросила она съ непринужденной граціей, составляющей, несомнѣнно, наиболѣе постоянный признакъ властителей.—Мнѣ нужно передать вамъ нѣсколько словъ отъ имени принца,—прибавила она, поднося мнѣ руку для поцѣлуя.

Я провелъ ее на террасу своей комнаты, черезъ комнату Гриты.

— О! Дѣйствительно съ этой террасы чудный видъ!... Посмотрите, Больбергъ! Я не была на этой виллѣ съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь останавливалась инкогнито ея величество голландская королева... Больбергъ, вы можете подождать меня въ сосѣдней комнатѣ... Кажется, это комната вашей сестры, г. Дюберъ?

— Да, принцесса,—прошепталъ я, очень сконфуженный. Фрейленъ фонъ-Больбергъ скрылась. Какъ только дверь за ней затворилась, Эльза подставила мнѣ свои губы сквозь сѣрую вуалетку. Сѣрое платье изъ Вѣны, сѣрая шляпа изъ Парижа, сѣрыя перчатки и вуаль были ей къ лицу. Однотонность окраски оживлялась ея румянцемъ и свѣжестью. Можно смѣло сказать: она была очаровательна.

— Да,—проговорила она, закрывъ мнѣ рукою ротъ, какъ только губы наши разъединились, — не отрицаю... я допустила неосторожность, рѣшилась на безуміе... ну, что-жъ?

вѣдь это въ послѣдній разъ!.. я хотѣла видѣть васъ и видѣть, гдѣ вы прожили цѣлый мѣсяцъ... нашъ самый очаровательный мѣсяцъ...

Она повисла на моей рукѣ и окинула взоромъ долину Роты. Долина уже подернулась туманомъ, лѣсистые склоны освѣщались еще солнцемъ на своихъ вершинахъ, дворецъ горѣлъ въ лучахъ заходящаго солнца.

— Какъ я страдала отъ пустоты въ сердцѣ!—проговорила она скорѣй для себя, чѣмъ мнѣ: — я стремилась совершить нѣчто, выходящее изъ ряда по мнѣнію общества; по своему же, единственно разумный поступокъ.

Она перевела свой взоръ на меня и, смѣясь, прибавила:

— Оффиціально я пріѣхала передать вамъ, что принцъ разсчитываетъ на вашу скромность въ дѣлѣ этого безумца Макса. По моей просьбѣ, ограничатся только арестомъ его на недѣлю. Преданный ему, маленькій Гансъ скажетъ, что онъ по ошибкѣ вложилъ въ коляску ракету, предназначенную для фейерверка, — словомъ, наплететъ что-нибудь. Ему дадутъ тысячу марокъ и посадятъ на двѣ недѣли въ тюрьму... Въ сущности, онъ былъ сообщникомъ Макса и заслуживаетъ большаго наказанія... Судья уничтожитъ приказъ о преданіи суду Циммермана и подпишетъ сегодня постановленіе о прекращеніи дѣла доктора. Завтра утромъ онъ будетъ свободенъ... И всему конецъ... Я боялась, что принцъ очень разгнѣвается, но вышло иначе: вся эта комичная исторія надоѣла ему, и онъ радъ съ ней развязаться. Онъ напечатаетъ въ *Ротберской газетѣ* сенсаціонную телеграмму и возстановитъ истину... Но мнѣ все это безразлично... Я твоя,— прибавила она шепотомъ.—Я твоя,—повторила она, и разрѣшаю тебѣ сказать мнѣ: „я люблю тебя“.

Она настаивала на *ты*, какъ на самой выразительной ласкѣ. Откинувшись назадъ въ моихъ объятіяхъ, она смотрѣла на меня съ чарующей нѣжностью. Почему же въ такую минуту, когда она была въ правѣ предположить, что ея присутствіе опьяняетъ меня до потери сознанія, почему именно въ эту минуту я чувствовалъ себя болѣе прозорливымъ и болѣе владѣлъ собой, чѣмъ за минуту до того, когда былъ только въ обществѣ своихъ грезъ? Вѣроятно, потому, что этотъ неожиданный визитъ разошелся съ моимъ желаніемъ, и сосѣдство комнаты Гриты еще усиливало мое непріятное чувство. Я боялся, что каждую минуту можетъ отвориться дверь, и войдетъ Грита. Мое сердце, слишкомъ встревоженное, чтобы быть нѣжнымъ, было чутко до предчувствія. Въ первый разъ я убѣдился, что эта нарядная и красивая женщина, лежащая въ моихъ объятіяхъ, никогда не будетъ мнѣ истинной подругой жизни. И въ то же мгно-

веніе передо мною предстало, все время ускользавшее отъ меня, рѣшеніе задачи. Мнѣ таинственно внушено было поставить рѣшительный вопросъ, какъ послѣднее испытаніе.

— Да, дорогая Эльза,—сказалъ я,—я люблю тебя... Но идти по намѣченному тобою пути я не могу.

Она поблѣднѣла и высвободилась изъ моихъ объятій.

— Что ты хочешь сказать?.. Я не понимаю.

— Я чувствую всю грандіозность приносимой тобою жертвы... Благодарю тебя. Но я, бѣдный учитель, не могу быть любовникомъ принцессы, бѣжавшей отъ своего трона.

— О!—проговорила она съ дрожью,—какимъ языкомъ ты со мной говоришь...

— Зачѣмъ избѣгать словъ, если нужно говорить на чистоту. Я могу быть только твоимъ мужемъ, моя дорогая повелительница, и твоимъ мужемъ бѣднякомъ. Хочешь отказаться отъ своего состоянія?.. Я не позволяю тебѣ оставить у себя ни одного банковаго билета, ни одной драгоцѣнности. Хочешь называться госпожей Дюберъ и жить во Франціи моей жизнью,—жизнью, обезпеченною моимъ личнымъ трудомъ?.. Тогда я твой. Послѣзавтра мы соединимся въ Карльсбадѣ; какъ только дозволитъ законъ, мы поженимся и вернемся на мою родину.

Она отодвинулась немного и смотрѣла на меня. Очевидно, она задавала себѣ вопросъ, въ здравомъ ли я умѣ.

— Это не серьезно,—наконецъ, произнесла она, и ея фигура и голосъ пріобрѣли прежнюю надменность.—То, что вы предлагаете мнѣ, не серьезно.

Между нами возстановилась разстояніе, и „ты“ исчезло.

— Очень серьезно,—сказалъ я довольно холодно.—Даже у любимой женщины я не соглашусь состоять на жалованьи. Какъ простой французскій буржуа, я хочу жить во Франціи, съ законной женой и равной мнѣ.

— Ахъ!—сказала Эльза дрожащими губами,—какъ я ошиблась, довѣрившись вамъ!.. Вы избрали этотъ путь, чтобы освободиться отъ меня... Это не честно!.. Вы отлично понимаете, что, подобно простой работницѣ изъ Штейнаха, если бы вамъ вздумалось увезти ее, я не могу поступиться ни своимъ именемъ, ни положеніемъ. Было бы лучше, если бы вы прямо сказали мнѣ, что все измѣнилось, что вы не любите меня больше. Вы слишкомъ умны для того, чтобы допустить, будто я соглашусь жить на ваши заработанныя шесть тысячъ марокъ въ странѣ, изъѣденной анархіей, подъ управленіемъ выскочки-адвоката, для того только, чтобы называться „госпожей Дюберъ“.

Когда она твердо и съ презрѣніемъ произнесла эти два слова: „госпожа Дюберъ“, я почувствовалъ, что все кончено;

какая-то связь разорвалась между нами и ничто уже не возстановитъ ее... Я, должно быть, измѣнился въ лицѣ, она замѣтила, что оскорбила меня.

— Не истолковывайте моихъ словъ въ дурную сторону. Вы, конечно, понимаете, что никто въ мірѣ не свободенъ абсолютно отъ какихъ-либо связей. Подумайте о моей жертвѣ ради васъ и не требуйте отъ меня невозможнаго. Я могу отказаться отъ положенія государыни Ротберга, но не могу перестать быть нѣмецкой принцессой... Вотъ что я хотѣла сказать; и какъ видите, въ моихъ словахъ нѣтъ ничего, что могло бы оскорбить васъ.

Я промолчалъ, и лицо мое, вѣроятно, не выражало никакого волненія. Наоборотъ, я чувствовалъ себя успокоеннымъ внезапно созрѣвшимъ во мнѣ рѣшеніемъ. Однако, привычка встрѣчать всегда уступчивость пріучаетъ принцевъ истолковывать молчаніе своихъ собесѣдниковъ въ смыслѣ согласія и готовности повиноваться.

— Неправда ли, я права,—спросила Эльза,—вы чувствуете, что я права?

Я твердо и искренно отвѣтилъ:

— Да, а чувствую, вы правы.

А про себя подумалъ:

„Она можетъ перестать быть матерью, порядочной женщиной, но не можетъ перестать быть нѣмкой и принцессой... Это вѣрно“.

Изъ сосѣдней комнаты долетѣли голоса. Принцесса вопросительно взглянула на меня.

— Это вернулась съ прогулки моя сестра Грита,—пояснилъ я.—Она разговариваетъ съ фрейленъ фонъ-Больбергъ.

— Ну, такъ намъ надо разстаться... Думайте обо мнѣ. Думайте, что завтра я буду въ Карлсбадѣ, а послѣзавтра въ Никлау... и буду ждать васъ. Выбросьте глупость изъ головы... Ну, поцѣлуйте меня.

Приподнявъ вуалетку, она опять подставила мнѣ свои губы, повернувшись спиной къ вечернему пейзажу, феерически разукрашенному поэзіей заката солнца.

Я колебался съ минуту. Развѣ можно на нее сердиться? Она не безчувственна, не развращена, у меня нѣтъ къ ней непріязни. „Нѣмка и принцесса,—и только“. Я склонился надъ ней, держа ея голову въ своихъ рукахъ. Въ ея голубыхъ глазахъ, сохранившихъ, несмотря на наложенные временемъ синіе круги на вѣкахъ, отражался пейзажъ романтической Роты и небо, гдѣ зажглись уже огни Юпитера... И въ поцѣлуй, запечатлѣвшій ея горячія лихорадочныя губы, я вложилъ всю свою благодарность за прошлое и всю нѣжную грусть о несбыточности счастья въ будущемъ...

— Больбергъ!—позвала она послѣ того, какъ молча привела въ порядокъ свою прическу.

Старая дѣва появилась на порогѣ: за нею я увидѣлъ неподвижную Гриту.

— Можно пройти и здѣсь?—спросила Эльза, указывая на дверь моей комнаты, выходившую на площадку.

На мой утвердительный отвѣтъ, она отворила дверь и, сдѣлавъ прощальный жестъ съ угрозой поднятымъ указательнымъ пальцемъ, вышла, въ сопровожденіи своей фрейлины.

Грита стояла въ своей комнатѣ, облокотившись рукой на спинку кровати. Я подошелъ къ ней. Было уже темно. Вблизи я замѣтилъ, что она дрожитъ и плачетъ. Она сдѣлала движеніе, какъ бы желая избѣгнуть моего прикосновенія. Ея чистые и грустные глаза не покидали моего взора. И я вдругъ понялъ, что ей ничего не надо объяснять, и тѣмъ лучше, потому что я не нашелъ бы подходящихъ выраженій. Но я понялъ также, что никогда, никогда не рѣшусь стать причиной слезъ этихъ очей и трепета этого невиннаго тѣла.

— Дорогая Грита,—сказалъ я ей,—не бойся. *Все кончено...*

Она отвѣтила головой „нѣтъ" съ нервнымъ упорствомъ.

— Да, моя дорогая, вѣрь мнѣ,—повторилъ я.—Все кончено. Я не покину тебя. Завтра я возвращаюсь въ Парижъ вмѣстѣ съ тобой.

Ея глаза вспыхнули. Живымъ, граціознымъ жестомъ, она смахнула слезы со своихъ щекъ и подобрала разсыпавшіеся по лбу волосы.

— Правда?

— Правда.

Она подошла ко мнѣ, прильнула къ моей груди и положила голову на мое плечо.

— Благодарю, мой дорогой Волкъ, благодарю! Тебѣ будетъ тяжело,—шептала она, гладя мнѣ лицо обѣими своими руками...—но я буду любить тебя, Волкъ, увидишь, какъ буду любить... И потомъ, знаешь, и для тебя такъ лучше.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

турный опытъ, предпринимаемый по почину миссъ Гертруды Голь". Онѣ обмѣнялись двумя-тремя письмами, потомъ Гертруда перестала отвѣчать. Пруденсъ въ то время была въ самомъ водоворотѣ жизненной борьбы, и гордость заставляла ее тоже молчать. Она не могла вынести мысли, что ей придется признать себя неудачницей. Какъ только ея обстоятельства измѣнились къ лучшему, она возобновила переписку, но Гертруда, увлеченная какимъ-то предпріятіемъ, сильно отстала отъ нея по количеству писемъ. Это послѣднее письмо, очевидно, должно было немного уравнять счетъ.

Гертруда измѣнилась. Прежней застѣнчивости какъ не бывало, она производила теперь впечатлѣніе человѣка, не боящагося людей. Она даже научилась поддерживать разговоръ. Она стала еще красивѣе, нѣжность и ласковость по прежнему свѣтились въ ея глазахъ.

Пруденсъ пришла на цѣлую четверть часа раньше, чѣмъ было назначено. Она прошла черезъ красивый, старый садъ, освѣщенный мягкимъ свѣтомъ луны. Когда-то здѣсь гулялъ Бэконъ и, вѣроятно, даже онъ боролся съ искушеніемъ написать что-нибудь въ родѣ „Сна въ лѣтнюю ночь".

На ея стукъ отворила та самая прислуга-иностранка, о которой писала Гертруда. Она любезно улыбнулась и помогла гостьѣ снять накидку, желая, очевидно, показать, что она горничная изъ хорошаго дома.

Гертруда встрѣтила Пруденсъ съ распростертыми объятіями.

— Во-первыхъ, простите меня за молчаніе, а потомъ...

— Я уже простила. Не будемъ объ этомъ говорить... Какая у васъ прелестная квартирка. Какъ уютно!

— Знаете, вѣдь я получила оба ваши письма. Я была такъ занята...

— Дорогая, вы всегда правы... Раскажите лучше, что вы дѣлали это времм.

— Что я дѣлала? Это я вамъ разскажу потомъ, а теперь пойдемте обѣдать.

Онѣ прошли черезъ спальни госпожи и служанки, черезъ кабинетъ, кухню и очутились въ столовой, гдѣ былъ сервированъ изысканный обѣдъ. Прислуживала та же горничная, но уже въ новомъ туалетѣ, главными аттрибутами котораго были изящный передникъ и чепчикъ. Снэга оставили на кухнѣ, но скоро и онъ пробрался въ столовую, въ надеждѣ получить и тамъ радушный пріемъ. Послѣ чернаго кофе, такого же вкуснаго, какъ и весь обѣдъ, обѣ дѣвушки пришли въ настроеніе, вполнѣ подходящее для общихъ воспоминаній. Все, какъ нельзя болѣе, располагало къ друже-

скимъ изліяніямъ, и Пруденсъ надѣялась, что ей удастся, наконецъ, узнать, кто былъ ея благодѣтелемъ, доставившимъ ей мѣсто у мистрисъ Дартъ.

— Сознайтесь, Гертруда, навѣрное это были вы?

— Я бы, конечно, сдѣлала это. Но дѣло въ томъ, что я совершенно не знаю этой особы и ни разу въ жизни не говорила съ ней.

— Но она знаетъ васъ?

— Мы знаемъ другъ друга по наслышкѣ. Да и что общаго можетъ быть у насъ съ ней.

— Такъ значитъ это сдѣлалъ...—она запнулась и не назвала имени.—Какой хитрецъ, однако!

Она была готова провалиться сквозь землю отъ стыда. Не оставалось никакихъ сомнѣній: Леонардъ узналъ ее тогда на кладбищѣ. Теперь она боялась, не знаетъ ли чего-нибудь объ этомъ и Гертруда.

— Удовлетворите мое любопытство, Пруденсъ. Кто же вашъ благодѣтель?

— Джорджъ Леонардъ, издатель „Желѣзнаго Клейма". Знаете вы эту газетку? Тамъ, между прочимъ, говорится и о васъ, и о вашей работѣ.

— Я уже слышала объ этой газеткѣ, а теперь хочу услышать и объ издателѣ, хотя и не встрѣчалась съ нимъ никогда. Онъ интересуется моей скромной работой и засыпаетъ меня вопросами по почтѣ. Старый, хорошій другъ.

— Что вы, онъ совсѣмъ не старъ.

— Но что „хорошій", вы, конечно, согласны?

Пруденсъ покраснѣла.

— Такъ, значитъ, мой Леонардъ въ то же время и вашъ,—продолжала спокойно Гертруда.—Это новость. А есть и другая: скоро пріѣдетъ Мери Ленъ, и мы опять будемъ вмѣстѣ.

— Разскажите о себѣ, Гертруда.

— Сначала вы.

— Ахъ, нѣтъ! Не стоитъ обо мнѣ. Но я встрѣтилась съ замѣчательной дѣвушкой, ее зовутъ Лаура Бельтонъ. Знакомо вамъ это имя?

— Я послѣднее время слышала столько именъ!

— Леонардъ думаетъ, что она самый умный человѣкъ, какого онъ когда-либо встрѣчалъ. Онъ этого, положимъ, не говоритъ, но я увѣрена, что думаетъ.

— Надѣюсь, что она платитъ ему тѣмъ же?

— Иначе и не можетъ быть.

Гертруда съ любопытствомъ посмотрѣла на нее, и глаза Пруденсъ опустились подъ этимъ взглядомъ.

— Теперь разскажите о себѣ, Гертруда,—сказала она.

— Я производила одинъ серьезный экспериментъ, и онъ удался какъ нельзя лучше,—начала Гертруда.—Я взялась за это дѣло еще до нашей первой встрѣчи въ Сити, но не хотѣла никому говорить, пока не попробую. Я тутъ собственно не при чемъ, меня привела къ этому сила обстоятельствъ. Дѣло вотъ въ чемъ: по странной фантазіи, мой отецъ поставилъ меня во главѣ правленія одной изъ своихъ огромныхъ фабрикъ. Всѣ распоряженія дѣлались мною послѣ совѣщаній съ помощниками. Я оказалась королевой и сама должна была утвердить свои прерогативы. Эта фабрика помѣщается на самой глухой окраинѣ Лондона, населенной сплошь рабочими, трудъ которыхъ приносилъ мнѣ столько денегъ, что я не успѣвала тратить ихъ. Что мнѣ оставалось дѣлать?

— Вотъ ужъ, кажется, не вамъ бы жаловаться на судьбу!

— Правда это похоже на шутку, а между тѣмъ я говорю серьезно. Что мнѣ было дѣлать съ этими деньгами? Игра, скачки, роскошная жизнь—все это не въ моемъ вкусѣ, въ благотворительность я не вѣрю. А капиталъ все росъ и росъ, хотя мы и старались помѣстить его такъ, чтобы онъ хоть немного убавился... И вотъ, въ одинъ прекрасный день я пошла посмотрѣть, какъ работаютъ мои рабочіе, пошла просто такъ, отъ нечего дѣлать. Я увидѣла ихъ близко въ первый разъ въ моей жизни. Но послѣ этого мое положеніе стало еще безнадежнѣе. Это были жалкія созданія; можетъ быть, они показались мнѣ еще несчастнѣе потому, что дѣло было на Рождество, когда все, по нашимъ понятіямъ, должно принимать праздничный видъ. Ихъ изможденныя лица были какого-то землистаго цвѣта, ихъ лохмотья лишь отдаленно напоминали одежду. Они питались однимъ хлѣбомъ изъ плохой муки. Вѣрьте, Пруденсъ, это было ужасно!

— Я знаю.

— Все это поразило меня въ самое сердце, и я обратилась за объясненіями къ управляющему. Я осмотрѣла ихъ жилища, и мнѣ стало еще тяжелѣе. Я разузнала, какъ велика ихъ заработная плата. Оказалось, что они едва могутъ жить, перебиваясь, что называется, съ хлѣба на квасъ. Я вздохнула свободнѣе. „Если такъ, то дѣло поправимо“, рѣшила я, и приказала управляющему увеличить плату. Онъ улыбнулся и сказалъ, что рабочіе получаютъ, какъ вездѣ, а если они не довольны, то на ихъ мѣста найдется сколько угодно замѣстителей, жаждущихъ работы. Съ этой мыслью я ушла домой, съ этой мыслью легла въ постель и, увѣряю васъ, она далеко не имѣла дѣйствія снотворнаго лѣкарства. Послѣ двухъ безсонныхъ ночей я отправилась къ одному нашему родственнику, стряпчему. Онъ старый

другъ нашего семейства и любитъ меня. Я повѣдала ему свое горе и вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ:

„Это съѣстъ оборотный капиталъ".

— „Не можетъ это съѣсть всего, еще много останется".

— „Останутся горе, слезы, позднія сожалѣнія—и только".

— „Они и теперь есть".

— „Знаешь ли ты, что это значитъ? Теперь ты кормишь тысячи людей, а тогда будешь кормить всего нѣсколько сотенъ".

— „Такъ что же?"

— „Милая дѣвочка! Этотъ вопросъ такъ наивенъ, что не стоитъ и отвѣчать. Тебѣ надо еще пожить, поиспытать всего. Суть дѣла не въ этомъ".

— „А въ чемъ же?"

— „Въ томъ, что въ интересахъ капитала, вложеннаго въ дѣло, нужно держаться установленной нормы заработной платы".

— „Я такъ и дѣлаю. Я беру всѣ деньги, но могу же я истратить ихъ такъ, какъ мнѣ хочется?»

— „Какъ угодно, только не такъ".

— „По моему, это дѣло вкуса".

— „Ты все еще не понимаешь. Это въ порядкѣ вещей и этого нельзя измѣнить. Всѣ такъ дѣлаютъ, такъ должна дѣлать и ты".

— „Значитъ, все другое позволяется: Монте-Карло, роскошные обѣды, брилліантовыя колье, нельзя только одного: нельзя дать ни копѣйки тѣмъ, кто создаетъ наши богатства".

— „Пожалуй, твой отецъ не совсѣмъ удачно... Женщины вѣдь мало смыслятъ въ дѣлахъ".

— „Мнѣ кажется, если я беру себѣ столько, сколько мнѣ нужно, то могу дать и другимъ столько, сколько имъ нужно. Тогда мы всѣ будемъ счастливы".

— „Я рѣшительно отказываюсь быть въ числѣ этихъ всѣхъ". И онъ вышелъ.

— Какъ это терзало меня!—продолжала Гертруда.—Для меня вопросъ былъ ясенъ, какъ день, но я боялась начать. Развѣ всѣ мы не проникнуты тѣмъ предразсудкомъ, что надо „дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ всѣ"? И вотъ, однажды, я прочла въ газетѣ про одного американца, который сдѣлалъ именно то, что хотѣла сдѣлать я—брать меньше, чѣмъ берутъ другіе. И это былъ дѣловой человѣкъ, а не „наивное, сентиментальное дитя!" Это придало мнѣ мужества. Я бросила гостиныя и залы, бросила Лондонъ. И вотъ теперь пытаюсь осуществить свою мечту въ жизни и, если она не существима, то, по крайней мѣрѣ, узнать, почему... Вотъ вамъ первая часть моей исторіи, Пруденсъ, „Желѣзное Клеймо" раз-

скажетъ остальное. Теперь вы знаете, почему я исчезла отъ васъ такъ надолго. Я нашла цѣль, познала радость. Вмѣсто того, чтобы вскармливать фазановъ, я стала воспитывать людей. Конечно, это не легко, но самое трудное уже осталось позади. Я занимаюсь этимъ уже достаточно времени, чтобы получить увѣренность въ томъ, что моя дорога—вѣрная дорога. Я строю новую фабрику, въ провинціи, гдѣ, конечно, заведу такіе порядки, какіе хочу. Но я не брошу и городскую. Въ городѣ побѣда значитъ больше... Перемѣна уже замѣтна, они стали другими людьми. Я удѣляю имъ немного, но все, что удѣляю, предоставлено тратить имъ самимъ. И мнѣ такъ радостно видѣть какъ ихъ достатокъ мало-по-малу растетъ. Они живутъ лучше, лучше одѣваются, лучше ѣдятъ. Мой девизъ „возвращать отнятое", это отнюдь не благотворительность... За немногими исключеніями мой планъ удается, какъ нельзя лучше. Впрочемъ, эти исключенія объясняются слабостью, лѣнью или пристрастіемъ къ джину. Такіе уходятъ отъ насъ... Несмотря на слѣпоту, въ которой мы пребываемъ, я вижу одно: надо давать рабочимъ больше наличными деньгами, это ихъ право, а намъ, капиталистамъ, оставлять меньше... Главное, хорошо это тѣмъ, что это можетъ дѣлать всякій, не ожидая почина государства. Государство еще не готово. Но настанетъ день, когда оно до этого дойдетъ, и тогда мы увидимъ новыя небеса, новую землю. Старое исчезнетъ безъ слѣда... Великая старая формула возродится вновь. Богатый имѣетъ слишкомъ много, бѣдный—слишкомъ мало. Въ этомъ опасность для всѣхъ. Больше братства! Мы, люди, слишкомъ далеко отошли другъ отъ друга, когда-нибудь небо обольетъ насъ за это огненнымъ дождемъ... Мы должны или достигнуть лучшаго распредѣленія богатствъ, или погибнуть въ пучинѣ своихъ излишествъ.

XXXI.

Раздавшійся стукъ въ наружную дверь заставилъ ихъ обѣихъ вздрогнуть.

— Незваный гость хуже татарина, — засмѣялась Гертруда.

Это была только Сара. Контрастъ между ней и изящной горничной-иностранкой, которая ввела ее, рѣзко бросался въ глаза, и, судя по презрительному взгляду Сары по адресу горничной, она сознавала, въ чью пользу была разница.

— Добрый вечеръ, миссъ Пруденсъ. Къ сожалѣнію, я не могла придти раньше.

— Какъ поживаете, Сара. Вотъ миссъ Голль хочетъ, чтобы вы служили у нея, такъ же, какъ раньше у меня.

— Благодарю васъ, миссъ, но я не могу. Очень обязана, но не могу.

— Ничего, Сара, я предупреждала, что, можетъ быть, вы не согласитесь. Вѣдь вы такъ заняты.

— Теперь нѣтъ, это было раньше.

— ?

— Видите-ли, я вышла замужъ.

— ! ! !

Съ Пруденсъ чуть не сдѣлался нервный припадокъ. Она не могла выговорить ни слова.

— Вы замужемъ... Сара?—проговорила она, наконецъ.

— Да, миссъ.

— Вы?

— Почему же нѣтъ?

— Ну да, конечно, я не то хотѣла сказать.

Она замолчала, но мысли вихремъ проносились у нея въ головѣ. Діана въ брачныхъ оковахъ, мужская фигура въ домѣ Сары,—это казалось ей измѣной всему полу.

— Онъ солидный человѣкъ, ему уже 42 года... По профессіи онъ комиссіонеръ.

Все это было прекрасно, но всетаки, казалось бы, у Сары не было причинъ преодолѣвать свое отвращеніе къ сильному полу.

— Онъ теперь работаетъ мало, но скоро ему дадутъ порученіе распространять курительныя трубки новой системы.

— Я увѣрена, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ подходитъ къ вамъ.

— Членъ общества трезвости,—продолжала Сара.

— Я такъ и думала.

— Его имя Баркеръ.

— И имя хорошее.

— Приходите къ намъ на чашку чаю, въ слѣдующую субботу, миссъ.

— Непремѣнно.

— Теперь мнѣ пора идти, онъ никогда не садится обѣдать безъ меня.

— Ну, конечно, иначе и быть не можетъ,—сказала Пруденсъ.

— До свиданія,—проговорила Сара и ушла.

— Сара замужемъ!—повторила Пруденсъ, все еще не придя въ себя.—Я должна идти домой подумать объ этомъ, простите дорогая, сегодня я не способна ни на что болѣе.

Однако Сара вовсе не въ такой степени занимала ее.

Разговоръ съ Гертрудой грозилъ дать послѣдній толчекъ въ сторону перемѣны ея мыслей и чувствъ, перемѣны, которая началась, благодаря вліянію Леонарда. Стремленіе къ общественной справедливости было новостью въ этомъ мірѣ, и теперь оно вошло въ ея жизнь. Можетъ быть, Люціанъ зналъ, что дѣлаетъ, когда смѣялся надъ идеалами. Вѣдь разные бываютъ идеалы, и многіе изъ нихъ нисколько не лучше тѣхъ, отъ которыхъ она сама отказалась именно потому, что они не выдержали яркаго свѣта дня.

Въ „Желѣзномъ Клеймѣ" извѣстіе о свадьбѣ Сары было помѣщено въ хроникѣ и давало нѣкоторыя свѣдѣнія объ ея карьерѣ. Очеркъ былъ написанъ тепло и озаглавленъ: „Свободные колокола".

„Истинный другъ нашего предпріятія, извѣстный подъ именемъ Сары Рескилъ, получилъ отъ мистера Вильяма Баркера предложеніе принять его имя. По отношенію къ ней—первому репортеру газеты, и къ нему,—одному изъ первыхъ ея подписчиковъ, на газетѣ лежитъ долгъ признательности, который она врядъ ли сможетъ когда-нибудь заплатить. То, что Сара Рескиль сдѣлала для нашей газеты, въ ея первые, трудные дни, врядъ ли можно передать словами. Она собирала для насъ матеріалъ по домамъ своихъ кліентовъ, собственноручно разносила газету,—словомъ, рекламировала ее всѣми средствами.

„Мы уже давали читателямъ описаніе ея храма—маленькой квартирки, не той, гдѣ она постоянно живетъ, а другой,—которую она устроила и обставила за долгіе годы труда. Мы надѣялись пополнить это описаніе путемъ личнаго интервью. Но, къ несчастью, надо признаться, что наши корреспонденты (молодой художникъ, который разсчитываетъ сдѣлаться со временемъ президентомъ Королевской Академіи, и другой молодой человѣкъ, настоящее призваніе котораго лучше всего выражается словомъ „литераторъ") были съ позоромъ обращены въ бѣгство хозяйкой квартиры не безъ воздѣйствія кое-какихъ метательныхъ снарядовъ".

Пруденсъ, какъ постоянный читатель, прочла газету отъ доски до доски, смѣясь или хмурясь, смотря по обстоятельствамъ, но ни разу не отбросила листокъ въ сторону, какъ это бывало раньше. Одинъ параграфъ, гласилъ слѣдующее.

„*Хвастовство.*—Еще разъ обращаемъ вниманіе читателей на нашъ улучшившійся видъ. Не трудно замѣтить, что наше дѣло расширилось, мы завели даже типографскій станокъ. Мы думаемъ, что будемъ совершенствоваться и дальше. Старыя рукописныя копіи будутъ цѣниться на вѣсъ золота и

скоро займутъ подобающее имъ мѣсто въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ. Первый выпускъ мы хотимъ отпечатать въ факсимиле и разослать его въ видѣ приложенія къ рождественскому номеру, но, какъ будетъ видно дальше, у насъ есть еще лучшіе планы на праздничный сезонъ".

Отдѣлы въ газетѣ остались прежніе, только стали гораздо полнѣе, особенно мрачный отдѣлъ: „Не фешенебельныя сообщенія". Отдѣлъ „Финансы" былъ полонъ описаніями всевозможныхъ плутней, уловокъ и вымогательствъ. „Хроника" занимала уже цѣлый столбецъ. Здѣсь давался безпристрастный отчетъ обо всемъ, что происходило отъ Лондона до Бурневиля и Портъ-Сунлейта, включительно.

Скорбный листокъ, на послѣдней страницѣ, начинался такъ:

„Десятаго числа въ Голловеѣ скончался отъ удушенія мистеръ Блокъ, хорошо извѣстный въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ умеръ также, какъ и жилъ, шутя. Вѣнковъ не было".

Затѣмъ слѣдовало: „*Нашъ рождественскій номеръ*".

„Друзья мистера Блока и вообще всѣ, кто близко его зналъ, хорошо сдѣлаютъ, въ интересахъ публики, если когда-нибудь дадутъ намъ свѣдѣнія о немъ для нашего рождественскаго номера. Приложеніе будетъ посвящено спеціально описанію жизни мистера Блока, что будетъ имѣть значеніе не только для его многочисленныхъ друзей въ нашемъ уголкѣ, но, какъ мы надѣемся, и для широкаго круга публики, вплоть до самыхъ отдаленныхъ частей земного шара. Приложеніе это будетъ безплатно раздаваться при номерѣ въ розничной продажѣ и дастъ, какъ мы разсчитываемъ, полезное чтеніе всѣмъ, кто любитъ доброе старое время и представителямъ его, дожившимъ до нашихъ дней".

XXXII.

Вышеприведенная замѣтка о Сарѣ, очевидно, была темой разговора между мистеромъ и мистрисъ Баркеръ въ тотъ моментъ, когда Пруденсъ вошла къ нимъ: „Желѣзное Клеймо", развернутое, лежало на столѣ. Съ приходомъ гостьи разговоръ оборвался. Пруденсъ очутилась въ лучшей комнатѣ храма Сары. Очевидно, супругъ не раздѣлялъ ея старыхъ привычекъ. Онъ уже успѣлъ наложить свою руку на всѣ сокровища ея домашняго комфорта, и они успѣли потерять ту стройность идеальнаго порядка, въ какой пребывали раньше.

Все было, какъ будто, по прежнему, не было только прежняго чувства покоя. Яркій рисунокъ ковра по прежнему

лѣзъ въ глаза посѣтителю, вязанныя салфеточки на спинкахъ креселъ блестѣли, какъ снѣгъ. „Елизавета, или ссылка въ Сибирь“ въ той же рамѣ, красной съ золотомъ, какъ и раньше, украшала стѣну надъ столомъ, въ піанино отражался, къ въ зеркалѣ, свѣтъ лампы. Ничто не измѣнилось, если не считать нѣсколькихъ добавленій, даже король Джонъ по прежнему подписывалъ Великую Хартію на стѣнѣ, противъ входа.

Пруденсъ окинула все это однимъ взглядомъ. Мужъ Сары въ этой комнатѣ казался однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ добавленій къ обстановкѣ (только и всего). Галантностью своего обращенія онъ напоминалъ лакированную мебель прямо изъ магазина, что, видимо, было главнымъ его преимуществомъ въ глазахъ Сары. Она вышла замужъ, чтобы удовлетворить свою слабость къ декоративнымъ эффектамъ. Ею руководило не чувство, а разумъ. Онъ заслужилъ ея уваженіе своей солидностью и былъ, очевидно, единственнымъ человѣкомъ, заставившимъ ее преодолѣть свою ненависть къ членамъ гребного клуба. Маленькая лысина тоже служила намекомъ на его солидность. Его присутствіе придавало дому еще болѣе вѣсу и заставляло Сару слѣдить за собой.

Вступительныя слова хозяйки были какъ будто вылиты изъ чугуна. „Миссъ Пруденсъ—мистеръ Баркеръ; мистеръ Баркеръ—миссъ Пруденсъ“. „Та самая молодая лэди, о которой я тебѣ говорила“—вотъ все, что нашла нужнымъ сказать Сара.

— Позвольте предложить вамъ закусить, миссъ,—сказалъ мистеръ Баркеръ, показывая на столъ, гдѣ въ стройномъ порядкѣ стояли: графинъ съ хересомъ, три стакана и горка печенья.

Пруденсъ поблагодарила и отказалась.

— Что это, весь столъ у насъ заваленъ газетами,—сказала Сара, убирая „Желѣзное Клеймо“. Ея слова могли быть и протестомъ, но Пруденсъ поняла ихъ, какъ указаніе темы для разговора.

— Вы теперь знаменитость, Сара. Всѣ мы очень рады этому,—сказала она.

— Мистрисъ Баркеръ нисколько не нуждается въ этомъ,—сказалъ супругъ съ нѣкоторой напыщенностью, направленной отчасти и по адресу гостьи.—Люди, имена которыхъ печатаются въ газетахъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, съ кѣмъ мы хотѣли бы вести знакомство.—Въ его словахъ была, пожалуй, вѣрная мысль, ибо изъ всей газеты онъ читалъ только хронику преступленій.

— Вѣдь эти люди бываютъ всѣхъ сортовъ, и хорошіе, и дурные,—замѣтила Пруденсъ.

— Можетъ быть, но вы не услышите много о нихъ, даже о хорошихъ, до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаютъ чего-нибудь дурного.

— Нельзя сказать, чтобы вы говорили комплименты нашимъ общественнымъ дѣятелямъ.

Онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на дѣвушку: „говоритъ складно, а кто ее разберетъ, что она хочетъ сказать“—подумалъ онъ.

— Я полагаю, что если я не позволяю себѣ вольно обходиться съ другими людьми, то и они не должны дѣлать того же со мной.—сказалъ онъ вслухъ.—Какое право онъ имѣетъ помѣщать въ газетахъ имена безъ разрѣшенія?

— Намъ нечего стыдиться нашихъ именъ, такъ не все ли равно?—возразила Сара.—Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ это не съ дурнымъ намѣреніемъ.

— Можетъ быть, но всетаки никому не интересно знать то, что дѣлается у насъ дома.

— Ахъ, что касается этого...—начала было Сара и замолчала, окончательно сбитая съ толку боязнью обидѣть которую-нибудь изъ спорящихъ сторонъ.

— А газета всетаки забавная,—продолжалъ мистеръ Баркеръ.—Не похожа на другія.

— Это скорѣе похвала, съ вашей точки зрѣнія?—рискнула вставить Пруденсъ.

Баркеръ опять посмотрѣлъ на нее съ тѣмъ же выраженіемъ недоумѣнія, какъ и раньше, и ничего не сказалъ.

Разговоръ оборвался, что сильно обезпокоило хозяйку и заставило ее сдѣлать попытку поддержать его.

— Я думаю, вы теперь рѣдко видите миссъ Флиппъ?—спросила она.

— Это имя мнѣ совершенно не знакомо.

— По сценѣ она миссъ Сентъ Гольміеръ,—пояснила Сара.

Она хотѣла было остановиться на этомъ, не желая злословить, но почувствовала, что надо чѣмъ-нибудь закончить и прибавила:

— На вашемъ мѣстѣ я бы и не видѣлась съ ней никогда. Люди, отплясывающіе передъ публикой, не товарищи намъ съ вами. Вотъ еще ея братецъ. Тоже не стоющій человѣкъ.

Пруденсъ засмѣялась.—Что вы, Сара, я и не собираюсь танцовать съ ними въ парѣ, если вы это хотите сказать.

Сара замолчала.

— Я такъ и думала,—сказала она, наконецъ, чтобы покончить съ этой темой. Ей не хотѣлось спорить. Она оглядѣла комнату и окончательно успокоилась видомъ всѣхъ

своихъ сокровищъ и воспоминаніемъ объ оставшихся позади долгихъ годахъ труда.

— Не скажу, чтобы названіе было особенно удачно,— сказалъ мистеръ Баркеръ, возвращаясь къ „Желѣзному Клейму“.—Напоминаетъ торговлю скотомъ. Вообще, сразу видно, что издатель—пустой человѣкъ.

— Неправда,—горячо возразила Сара.—Я читаю его газету уже нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ она нравится. Такого человѣка не каждый день встрѣтишь. Вполнѣ джентльмэнъ, хоть и ходитъ въ поношеномъ платьѣ. Онъ сниметъ съ себя послѣднюю рубашку и отдастъ нищему. Вотъ онъ какой человѣкъ!

— Не въ моихъ правилахъ поощрять нищенство,—произнесъ Баркеръ.

— Но у него есть и хорошее платье, — онъ надѣваетъ его, когда нужно,—сказала Сара.

Пруденсъ насторожилась. Слова Сары бросали свѣтъ на какую-то тайну въ жизни Леонарда, на которую уже не разъ намекала Сара. Но, несмотря на это, она постаралась перемѣнить разговоръ именно потому, что не хотѣла ничего узнавать такимъ непрямымъ путемъ.

Однако, мистрисъ Баркеръ продолжала, увлекшись желаніемъ отстоять Леонарда.

— Онъ разъѣзжаетъ повсюду; когда его нѣтъ въ городѣ, то можете быть увѣрены, что онъ гдѣ-нибудь очень далеко. Когда я служила у него, онъ держалъ квартиру, но зачастую она по недѣлямъ, стояла пустой.

Въ это время Сара приготовила чай, къ великому облегченію Пруденсъ. Тема разговора была очень непріятна для нея и, чтобы предупредить повтореніе его, она машинально взяла номеръ какого-то журнала, лежавшій тутъ же, на подносѣ, и разсѣянно переворачивала листы.

— Вотъ это настоящее дѣло,—сказалъ хозяинъ дома.— Я служилъ при этой редакціи. Издатель настоящій джентльмэнъ, тысячу фунтовъ въ годъ чистой прибыли. Въ семьѣ семь душъ. Одинъ изъ сыновей сотрудничаетъ въ журналѣ, другой адвокатъ.

Во взглядѣ мистрисъ Баркеръ свѣтился неподдѣльный восторгъ передъ этимъ мастерскимъ очеркомъ удачной карьеры. Періодическое изданіе было однимъ изъ тѣхъ, никому невѣдомыхъ и никѣмъ не цитируемыхъ изданій, которыя, тѣмъ не менѣе, помогаютъ своимъ владѣльцамъ набивать карманъ. Въ немъ помѣщались назидательныя повѣсти съ маленькой черточкой романтизма спеціально для молодыхъ людей обоего пола, стремившихся къ семейному счастью всѣми силами своей души. Здѣсь была смѣсь про-

писной добродѣтели, каррикатурнаго изображенія высокихъ чувствъ и подробнаго описанія послѣднихъ парижскихъ модъ.

„Прижавъ къ сердцу надушенное письмо, послѣ безплодной попытки перечесть его еще разъ, безплодной потому, что слезы радости ослѣпляли ее, она поспѣшила въ свою комнату и, быстро перемѣнивъ костюмъ для гулянья на мягкій капотъ изъ голубой турецкой матеріи, подбитый лебяжьимъ пухомъ, опустилась на колѣни около роскошной постели, покрытой изящнымъ вышитымъ одѣяломъ, и излила Творцу всю глубокую благодарность, которою была преисполнена ея душа".

Пруденсъ отнюдь не была огорчена, когда настало время прощаться. Должно быть, мистеръ Баркеръ заслужилъ расположеніе Сары своей солидностью, ибо что же другое могло ей понравиться въ немъ? Но дѣвушкѣ казалось, что онъ слишкомъ ужъ старается поддержать свою репутацію.

Ее приводила въ ужасъ эта каррикатура брака по разсудку. Правда, Сара не нашла господина, но нашла ли она друга? Она не искала мужа до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не попался ей на пути, безъ всякихъ стараній съ ея стороны. Казалось, она отвѣтила: „да" просто потому, что не было никакихъ причинъ отвѣтить „нѣтъ". Неужели такою должна быть награда за многіе годы гордой независимости? Любовь низводилась на степень одного изъ домашнихъ удобствъ. Дѣвушкѣ было обидно и больно за женщину.

XXXIII.

Обѣщанное рождественское приложеніе къ „Желѣзному Клейму" появилось въ концѣ недѣли. Оно было озаглавлено: „Исторія одного преступленія".

„Какъ сообщалось въ послѣднемъ номерѣ, мистеръ Блокъ былъ повѣшенъ въ заранѣе назначенный для этой операціи день за убійство, совершенное имъ въ одномъ домѣ, недалеко отъ нашей редакціи. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, всего двадцати лѣтъ.

Мы знали его въ лицо, хотя онъ и не состоялъ въ числѣ нашихъ подписчиковъ, но мы надѣялись, что современемъ онъ станетъ таковымъ. Для насъ нѣтъ безусловно дурныхъ людей. Онъ часто стоялъ на углу нашей улицы вмѣстѣ съ другими дѣтьми природы, воинственными и жаждущими крови, какъ итальянскіе *bravo*.

Вѣрные нашей задачѣ отражать жизнь нашего округа, мы обращаемъ особенное вниманіе публики на этотъ случай.

Мы предлагаемъ здѣсь нашимъ читателямъ описаніе его похожденій, какъ кусочекъ естественной исторіи — „исторіи одного преступленія“. Она можетъ представлять интересъ, какъ законченное, неизбѣжное явленіе. *Они* (понимайте: власти, общество, и т. п.) были обязаны повѣсить его и повѣсили; *онъ* былъ вынужденъ подчиниться этому и подчинился. Значитъ, все въ порядкѣ“.

Мистеръ Блокъ, какъ знаменитость въ домашнемъ быту.

„Мистеръ Блокъ былъ сыномъ бѣдныхъ и безалаберныхъ родителей, которые не могли найти во всемъ мірѣ мѣстечка, куда бы приткнуться. Профессія его отца была настолько неопредѣленна, что намъ не удалось даже приблизительно выяснить, въ чемъ она заключалась, во всякомъ случаѣ его дѣла были очень плохи, и нищета уже стучалась къ нему въ дверь. Его жена, безпомощное и неряшливое существо, умѣла только глазѣть на звѣзды и была неспособна ни къ какому труду. Оба они были воспитаны на общественный счетъ и самой судьбой предназначены влачить жалкое существованіе“.

„Мистеръ Блокъ, ихъ старшій сынъ и наслѣдникъ всѣхъ ихъ добродѣтелей, скоро пришелъ къ заключенію, что работа—занятіе дураковъ. Каждый вечеръ, когда онъ ложился спать голодный въ темномъ углу жилища, похожаго на свиной хлѣвъ, гдѣ жила вся семья, онъ все болѣе и болѣе склонялся къ этой мысли. Честный трудъ не приносилъ денегъ. Самъ мистеръ Блокъ не зналъ никакого ремесла. Онъ писалъ „коровы“ черезъ „а“ и былъ твердо увѣренъ, что Христосъ родился въ Китаѣ.

„Онъ началъ свою карьеру мальчикомъ въ бакалейной лавкѣ, но увы! всѣ деньги приходилось отдавать матери; потомъ онъ служилъ помощникомъ кондуктора на трамваѣ. Это было немного интереснѣе: онъ былъ всегда на улицѣ и отъ времени до времени испытывалъ чисто эстетическое наслажденіе, когда, напримѣръ, трамвай переѣзжалъ собаку.

„Онъ быстро росъ и въ тринадцать лѣтъ впервые огорошилъ отца требованіемъ денегъ, подрался съ нимъ и, не смотря на то, что отецъ былъ мужчина солидный, хоть и истощенный голодомъ, одолѣлъ его въ битвѣ и послѣ этого ушелъ изъ дому“.

Мистеръ Блокъ, какъ кавалеръ.

„Онъ завелъ любовницу изъ такихъ же отверженныхъ какимъ былъ и самъ. Онъ обходился съ ней, какъ съ гер-

цогиней, и дарилъ ей леденцы и грошовыя бездѣлушки. Въ моральномъ отношеніи она стояла еще ниже его, если только это возможно. Однажды вечеромъ онъ засталъ ее съ другимъ Донъ-Жуаномъ, но, не находя этотъ моментъ удобнымъ для мести, онъ подстерегъ свою Эльмиру позже и ударилъ ее ножомъ, который онъ, какъ типичный представитель своего класса, носилъ съ собой всегда отточеннымъ. Какъ ни странно, но послѣ этого наступило временное примиреніе. Она была восхищена его храбростью и оставалась вѣрной ему, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли. Въ это время имъ было по четырнадцати лѣтъ.

„Скоро онъ побилъ кого-то изъ своего начальства и потерялъ мѣсто. Это быстро привело къ развязкѣ. Работать стало скучно".

Мистеръ Блокъ, какъ свободный гражданинъ.

„Онъ рѣшилъ жить своимъ умомъ. Это было геройство со стороны человѣка съ такой слабой головой.

Принявъ это рѣшеніе, онъ сразу сталъ взрослымъ мужчиной со всѣми его страстями и аппетитами. Весь его жизненный опытъ воспиталъ въ немъ свирѣпую жестокость и равнодушіе ко всему, что мѣшало исполненію его звѣрскихъ желаній. Это была этика ночныхъ притоновъ—единственной школы, которую онъ прошелъ. Его поступки управлялись двумя стимулами: аппетитомъ и местью, и ничего больше онъ не хотѣлъ знать.

„Онъ примкнулъ къ шайкѣ головорѣзовъ, парней приблизительно своего возраста, регулярно занимавшуюся всевозможными мошенничествами, кражей, грабежомъ, имѣвшей свои сборные пункты, свой уставъ, слѣпо повиновавшейся своимъ вожакамъ, бандѣ, хорошо извѣстной любому полисмэну, меланхолически щелкающему орѣхи на перекресткѣ, и пользовавшейся широкой терпимостью блюстителей порядка".

Мистеръ Блокъ, какъ спортсмэнъ.

„Новая спеціальность началась съ карманнаго воровства и обиранія квартиръ и лавокъ. Матеріалъ ему давало прилежное изученіе вечернихъ газетъ. Онъ заранѣе зналъ дни и часы всѣхъ публичныхъ сборищъ, гдѣ могла быть пожива. Цѣлыми ночами его молодцы лежали въ канавахъ, чтобы утромъ принести ему нужныя свѣдѣнія. Для той же цѣли его агенты посѣщали публичныя мѣста и бродили по улицамъ. Никто не могъ бы превзойти ихъ въ усердіи, пунк-

туальности и освѣдомленности. Если бы они трудились такъ для добродѣтели, то менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, могли бы цѣлый народъ людоѣдовъ превратить въ кроткихъ вегетеріанцевъ. Даже полисмэны, прямая обязанность которыхъ ловить такихъ молодцевъ, часто играли имъ въ руку, давая нѣкоторое добавленіе къ ихъ невѣрному заработку".

Мистеръ Блокъ, какъ денди.

„Когда у него заводились деньги, онъ тратилъ ихъ на какую-нибудь даму сердца или на себя. Онъ считался неотразимымъ, не одна дѣвушка изъ мелкихъ фабричныхъ работницъ пала жертвой его чаръ и свойственнаго ея полу пристрастія къ аристократамъ этого разбора. Костюмъ его былъ послѣдней моды, во всякомъ случаѣ та его часть, по которой всегда судятъ людей—манишка и воротнички. Онъ былъ всегда гладко выбритъ. Обтрепанные концы его брюкъ были искусно подвернуты. Ботинки, хоть и заплатанные, всегда ярко блестѣли. Широкополая шляпа, обыкновенно заломленная на затылокъ и обнаруживавшая высоко взбитый хохолъ, иногда надвигалась на лобъ, когда этого требовали обстоятельства. У него былъ свой клубъ въ одной изъ трущобъ, періодически посѣщаемыхъ полиціей.

Его жилище.

„Животныхъ выслѣживаютъ по мѣстамъ, гдѣ они охотятся, и по норамъ, гдѣ они живутъ, и онъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія. Мѣста, гдѣ онъ искалъ добычу, были расположены около большихъ вокзаловъ или у ресторановъ по пути омнибусовъ. Тамъ, гдѣ большія улицы расходились радіусами отъ одного пункта по шести направленіямъ, тамъ его можно было встрѣтить чаще всего. Вокзалы кишѣли хорошо одѣтыми, суетящимися пассажирами, чрезвычайно подходившими для его операцій.—Съ центральнаго пункта легко было обратиться въ бѣгство въ случаѣ преслѣдованія. Похожденія его обыкновенно начинались съ какой-нибудь таверны и заканчивались пивной. Какъ тамъ, такъ и тутъ, мистеръ Блокъ никогда не упускалъ случая подцѣпить новаго товарища. Не возможно передать словами тотъ ужасъ, то безысходное отчаяніе, какіе возникаютъ у свѣжаго человѣка при видѣ этихъ притоновъ: неряшливыя женщины или тѣхъ профессій, которымъ нѣтъ имени, или же той, которая называется слишкомъ открыто, воры всевозможныхъ разновидностей, отъ мелкихъ карманщиковъ, до мастеровъ ножа и дубины, свирѣпыя женщины-поденщицы, готовыя

вцѣпиться въ волосы всякому, кто осмѣлится ихъ разсердить.

„Въ любой части Лондона, не исключая самыхъ аристократическихъ, есть такіе кварталы, гдѣ господа Блоки родятся, воспитываются, выростаютъ въ мрачныхъ берлогахъ, въ которыхъ послѣ рабочаго дня приносятся человѣческія жертвы, какъ въ языческихъ капищахъ. Кингсъ-Кроссъ и особенно его главные кварталы: Эйстонъ, Пентонвиль, Зоркская и Грайсъ-Инпская дороги—представляютъ одинъ изъ такихъ раіоновъ, гдѣ гнѣздятся хулиганы, завсегдатаи публичныхъ притоновъ, воры, укрыватели,—однимъ словомъ, всѣ спеціальности и весь персоналъ этой обширной индустріи. Здѣсь родился мистеръ Блокъ, какъ левъ въ пустынѣ или жаворонокъ въ небѣ, здѣсь онъ росъ, здѣсь искалъ добычу, не обращая никакого вниманія ни на свѣтскія, ни на духовныя власти, которымъ всѣ его продѣлки были хорошо извѣстны и которыя, тѣмъ не менѣе, были безсильны противъ него.

„При такихъ условіяхъ все что угодно можетъ случиться въ любой моментъ. Происхожденіе типовъ этой степени развитія нужно искать въ глубинѣ временъ. Они явились, какъ послѣдствіе того, что цѣлыми вѣками въ народѣ не признавали людей, прививали ему животное представленіе о цѣли жизни и самые низменные идеалы. Въ этомъ и заключается естественная исторія преступленій.

„Ближайшая причина любого преступленія всегда ничтожна. Такою же она была и въ дѣлѣ мистера Блока. Онъ досидѣлъ свой мѣсяцъ въ тюрьмѣ, куда попалъ за буйство, и, когда вышелъ на волю, узналъ, что мать его возлюбленной выражала желаніе, чтобы его никогда не выпускали оттуда. Тутъ онъ и задумалъ убить обоихъ, и мать, и отца, а потомъ хотѣлъ перерѣзать горло и себѣ. Съ физіологической стороны это былъ больной, не уравновѣшенный мозгъ, который стоило только толкнуть на преступленіе, чтобы онъ проклялъ само солнце и началъ убивать, убивать и убивать безъ конца. Мистера Блока оскорбили—и тѣ, кто это сдѣлалъ, должны умереть. Къ другому выводу онъ и не могъ придти. Буквы: Я. Л. С. Д.—я люблю Сару Джонъ,—были нататуированы у него на рукѣ. Выразивъ неодобреніе его любви, будущая его теща оказалась виновной въ оскорбленіи величества, а такое преступленіе, можно было искупить только кровью".

„Онъ началъ дѣятельно готовиться къ совершенію акта мести. Чтобы привести его въ исполненіе, ему надо было добыть денегъ на текущіе расходы. Онъ взялъ изъ банка лежавшій у него тамъ небольшой запасъ, потомъ написалъ завѣщаніе: „Пять фунтовъ симъ завѣщаю мистрисъ Джен-

кинсъ а все остальное, что у меня есть—моей дорогой матери. Мои часы и цѣпочку завѣщаю Джемсу Пенни—моему товарищу. Мою медаль—она получена не мною, конечно, на войнѣ — завѣщаю также мистрисъ Дженкинсъ. Все это въ томъ случаѣ, если мнѣ удастся убить мистрисъ Джонсъ. Храни Господь всѣхъ тѣхъ, кто былъ добръ ко мнѣ".

„Въ субботу все было готово для убійства. Онъ отправился къ мистрисъ Джонсъ и пригласилъ ее пойти съ нимъ въ таверну, увѣренный, что его приглашеніе не будетъ отвергнуто. Они пили и разговаривали, но обстановка казалась ему не подходящей. Тогда онъ предложилъ пойти къ ней на квартиру пить чай.

„Когда они пришли, мистрисъ Джонсъ поправила огонь въ каминѣ, выпрямилась и вскрикнула, замѣтивъ что-то страшное въ его глазахъ. Черезъ секунду она успокоилась навѣки, прикончепная нѣсколькими сильными ударами кочерги, которые „могли бы убить и быка", какъ онъ потомъ говорилъ. На всякій случай, у него была въ запасѣ бритва, но онъ не хотѣлъ еще убивать себя. Онъ рѣшилъ дождаться прихода мужа, чтобы убить и его, но сосѣди подняли крикъ, и онъ долженъ былъ бѣжать съ неотмытыми отъ крови руками и лицомъ. Скоро его поймали.

„Въ участкѣ онъ распѣвалъ грязныя пѣсни и былъ въ полномъ восторгѣ отъ своей удачи.

„Законъ убилъ его такъ же легко и просто, какъ хорошая хозяйка убиваетъ крысу или моль. Это былъ гадъ. И истребленіе, въ обоихъ случаяхъ, было лишь простымъ естественно историческимъ фактомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ненормальныхъ, извращенныхъ субъектовъ, которые родятся только для того, чтобы какъ можно скорѣе быть изъятыми изъ обращенія.

„Такія убійства и такія возмездія совершаются каждый день, но ни одна газета, за исключеніемъ бульварныхъ листковъ, не удостаиваетъ ихъ своимъ вниманіемъ. Большія газеты считаютъ признакомъ хорошаго тона набирать описаніе такихъ происшествій петитомъ. А между тѣмъ, такимъ мелкимъ убійцамъ слѣдовало бы удѣлять особенное вниманіе, чтобы показать, на краю какой пропасти мы стоимъ.

„Ужасныя экономическія условія, которыя производятъ на свѣтъ такіе типы, на лицо. Это—развращающая нищета и еще болѣе развращающая роскошь, это—преступная воля и не менѣе преступное распредѣленіе богатствъ, благодаря чему честный трудъ все больше и больше становится занятіемъ дураковъ въ глазахъ темныхъ массъ.

„Невозможныя соціальныя условія налицо: большіе города, похожіе на помойныя ямы, грязныя и зловонныя, люди,

жаждущіе суетныхъ удовольствій, грубая выставка роскоши и моды, предлагаемая какъ идеалъ жизни невѣжественному и недовольному народу, неисчерпаемые запасы джина на всѣхъ перекресткахъ, устроенные только для того, чтобы церкви могли получить назначенныя имъ субсидіи. Никогда еще богачи не были такъ равнодушны къ бѣднякамъ, какъ теперь, когда они отравляютъ разумъ народа микроскопическими дозами снотворнаго лекарства—благотворительности и религіи.

„Тѣ же причины—тѣ же результаты. Найдемъ ли мы выходъ? Вотъ что говоритъ по этому поводу одна колоніальная газета: „Безъ хорошей національной арміи, безъ земледѣльческаго населенія при господствѣ иностранныхъ плутократовъ, при нашей аристократіи, умѣющей только наряжаться въ дорогія платья и отплясывать модные танцы, Англія постепенно придетъ въ то самое состояніе, которое погубило Римскую имперію".

„При чемъ здѣсь армія? Для народа, который не загадываетъ впередъ, часъ битвы можетъ оказаться часомъ Страшнаго Суда. Долой все старое!

XXXIV.

Мери Ленъ пріѣхала въ Лондонъ на Рождество и остановилась у Пруденсъ. Первый разъ Пруденсъ пришлось быть въ роли хозяйки дома, и она сильно безпокоилась, удастся ли ей угодить гостьѣ. Она не безпокоилась бы, если бы лучше знала Мери. Достаточно сказать, что весь ея багажъ состоялъ изъ одного чемоданчика, не больше 20 фунтовъ вѣсомъ.

Если бы она ѣхала въ гости къ королю, то и тогда не подумала бы запастись большимъ количествомъ гардероба. Она вышла изъ вагона такою же милой и привлекательной, какъ и всегда, горячо обняла подругу на платформѣ, сдѣлала то же самое въ кэбѣ, а затѣмъ погрузилась въ обычное для нея равнодушіе ко всѣму, что могла послать ей судьба. Вся ея фигура была эмблема чистоты; бѣлоснѣжные воротнички и рукавчики блестѣли на фонѣ чернаго платья и темныхъ волосъ, спускавшихся длинными прядями на щеки. Она казалась воплощеніемъ святости, какой то статуей благочестія, старинной мадонной. „Во всякой другой это было бы непріятно, но въ ней—очаровательно", подумала Пруденсъ

— Я надѣюсь, что вамъ будетъ удобно, хоть моя Сара и не служитъ уже у меня, она вышла замужъ. Объ этомъ я вамъ разскажу послѣ. Теперь же у меня служитъ одна жал

кая старушка. Не знаю, насколько она сумѣетъ угодить вамъ,—сказала она вслухъ.

— Въ колоніи мы сами служимъ другъ другу,—отвѣчала Мери.—Вы дайте отпускъ вашей старухѣ, а я займу ея мѣсто.

— Она и не знаетъ, что такое отпускъ, она совершенно не умѣетъ развлекаться. Я какъ - то разъ отпустила ее, а она отправилась въ Гемпстедъ и простояла все время передъ прудомъ, въ которомъ утопился ея сынъ, когда потерялъ работу. Нѣтъ ужъ, пусть она останется. Какъ только можно будетъ, я обезпечу ей постоянную пенсію, теперь же еще не могу. Мнѣ тоже хочется сдѣлать что - нибудь хорошее.

У Пруденсъ было еще одно затрудненіе: чѣмъ развлекать гостью? Она совѣтовалась на этотъ счетъ съ Лаурой Бельтонъ, но тщетно. Лаура презирала дешевыя развлеченія. Швейцарскія озера, путешествія по Европѣ, съ заѣздомъ на недѣлю въ Парижъ—на меньшемъ она не мирилась. Ея девизомъ было: „для меня хорошо только самое лучшее".

Мери разрѣшила эту задачу, какъ только услышала про нее: „будемъ ходить на дешевыя зрѣлища, обыкновенно онѣ бываютъ самыми лучшими".

Такъ и сдѣлали. Мери пріѣхала въ субботу днемъ. Вечеромъ она навѣстила Гертруду, чѣмъ и закончился этотъ день. Въ воскресенье утромъ онѣ ходили въ соборъ Св. Павла, а вечеромъ въ Вестминстерское аббатство. Оттуда Мери, по дорогѣ домой, зашла въ Сентъ-Джемскій паркъ и дворецъ, наслаждаясь послѣдовательно религіей, археологіей, пейзажами, птицами, звѣрьми и рыбами. Всѣ эти развлеченія обошлись имъ менѣе чѣмъ по восемнадцати пенсовъ, включая и омнибусы.

Слѣдующій день онѣ провели такъ же, развлекаясь простыми удовольствіями: галлереи, зоологическій садъ, Реджентъ Паркъ и видъ Лондона съ высоты Примрозъ-Хилля.

— Смотрите и любуйтесь,—сказала Мери, когда прояснившаяся погода раскрыла передъ ними дивную панораму, утопавшую въ лучахъ заходящаго солнца.—По моему, Римъ далеко не такъ красивъ. Во всякомъ случаѣ, онъ даетъ меньше пищи для ума.

Онѣ вернулись домой удовлетворенныя, счастливыя и проголодавшіяся. Мери приняла участіе въ приготовленіи обѣда, а послѣ обѣда ушла въ свою комнату помечтать. Скоро, однако, она вернулась, сѣла у камина, рядомъ съ Пруденсъ и предложила почитать ей вслухъ Блэка. Пруденсъ была въ восторгѣ, до сихъ поръ она знала этого автора только по имени.

„И каждое утро, и каждую ночь
Рождаются люди для горя и слезъ,
И каждое утро, и каждую ночь
Рождаются люди для счастья и грезъ.
Печаль и веселье въ созвучіи новомъ
Въ душѣ человѣка таиться должны,
Душа человѣка одѣта покровомъ,
Какъ толстыми нитками—горемъ суровымъ.
Какъ шелковой нитію—свѣтомъ весны.
Природа сама создаетъ насъ для горя.
А радости съ нимъ сплетены коротко,
И если мы вѣруемъ въ это, не споря,
То жизнь проживемъ хорошо и легко.

Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, Мери подвела итогъ издержкамъ: „трамвай—6 пенсовъ, зоологическій садъ—6 пенсовъ, змѣи—1 шиллингъ... больше ничего не помню. Это ужасно, сколько мы истратили, хотя, конечно, и заслуживаемъ снисхожденія. На меня произвелъ сильное впечатлѣніе зоологическій садъ. Какое разнообразіе живыхъ существъ, и каждое прекрасно въ своемъ родѣ".

— Не знаю, по моему природа могла бы и избавить насъ отъ бегемотовъ—сказала Пруденсъ.

— Безъ нихъ нельзя обойтись, да и чѣмъ они хуже газелей? Каждое животное необходимо для общей гармоніи. Увѣряю васъ, всѣ они отъ Бога.

Весь вторникъ былъ посвященъ осмотру Южнаго Кенсингтонскаго музея, Кенсингтонскихъ садовъ, Гайдъ-Парка, Роттенъ-Роу, и стоилъ такъ же мало.

— Положительно такъ нельзя продолжать, — говорила Мери.—Просто смѣшно, какъ быстро уходятъ деньги.

Вернувшись домой, онѣ застали письмо отъ Леонарда. Онъ просилъ Пруденсъ сдѣлать ему честь, пообѣдать съ нимъ завтра въ такомъ-то ресторанѣ въ Сого, хотя бы только затѣмъ, чтобы имѣть случай наблюдать иностранцевъ и ихъ жизнь, которая такъ отличается отъ нашей и которой не увидишь въ обыкновенныхъ ресторанахъ. Миссъ Бельтонъ уже дала ему свое согласіе. Онъ будетъ ждать ихъ съ половины седьмого у дверей ресторана. Но его вниманіе простиралось еще дальше. Онъ слышалъ о пріѣздѣ миссъ Ленъ и выражалъ надежду, что она не откажется присоединиться къ ихъ компаніи. Можетъ быть, миссъ Ленъ соблаговолитъ вспомнить, что она уже познакомилась съ нимъ на страницахъ „Желѣзнаго Клейма". Есть у него и еще одна просьба. Не согласится ли миссъ Пруденсъ навѣстить миссъ Голль и передать ей его приглашеніе. Обѣимъ имъ

Мери и Гертрудѣ, онъ очень многимъ обязанъ и хочетъ, наконецъ, лично познакомиться съ ними.

— Надо идти,—сказала Мери.—Я ни за что на свѣтѣ не пропущу такого случая. Подумайте только, сколько добра дѣлаетъ этотъ человѣкъ и какъ хорошо онъ отзывается о нашемъ театрѣ. Вотъ увидите, я полюблю его съ перваго взгляда.

— Да, и мнѣ и вамъ нѣтъ причинъ не идти,—отвѣчала Пруденсъ,—но какъ Гертруда? Все, что я могу сдѣлать,—это передать ей приглашеніе. Положимъ, она стала гораздо храбрѣе, но всетаки, для нея это, пожалуй, слишкомъ рѣшительный шагъ.

— Мнѣ очень хочется познакомиться съ нимъ,—отвѣчала Гертруда, когда Пруденсъ передала ей приглашеніе, — но если бы вы знали, какъ я не люблю толпы!

— Не бойтесь, вѣдь намъ не придется знакомиться съ иностранцами, которыхъ мы будемъ тамъ наблюдать.

Гертруда засмѣялась.

— Мнѣ все равно, иностранцы они, или нѣтъ, вѣдь они прежде всего мужчины, а вы знаете, какъ я отношусь къ этому полу. Но этотъ—рѣдкій человѣкъ, и мнѣ давно хочется встрѣтиться съ нимъ. Нѣтъ, я ни за что на свѣтѣ не пропущу этого случая.

— Не понимаю, Гертруда, какъ при вашей добротѣ, вашихъ талантахъ, вашей красотѣ, вы можете бояться мужчинъ.

— Это не то.

— Можетъ быть, они слишкомъ хвастливы и любятъ повелѣвать?—намекнула Пруденсъ, желая помочь ей высказаться.—Но неужели вы не допускаете, что среди нихъ есть всякіе, точно такъ же, какъ и среди насъ—женщинъ?

— Если они возьмутъ верхъ надъ вами, то это будетъ прочно, — сказала Гертруда, таинственно.—Но и это не то. Неужели по вашему я такъ самоувѣренна, что воображаю, что въ меня нельзя не влюбиться. Скажите, что вы этого не думаете.

— Я этого не думаю, — отвѣчала Пруденсъ, съ напускной торжественностью.

— Не смѣйтесь надо мною. Я умѣю ладить съ женщинами, во всякомъ случаѣ, стараюсь. Помните, какъ въ школѣ я всегда дѣлала первый шагъ къ дружбѣ. Но мужчины кажутся мнѣ такими чуждыми. Слишкомъ много въ нихъ „мужского“. Они не виноваты въ этомъ, я знаю, но это такъ.

— Мнѣ нравятся нѣкоторые изъ нихъ, этотъ въ особенности, но...

— Это моя маленькая тайна и вы первая узнаете ее.

Этотъ своего рода страхъ передъ ними, присущій многимъ изъ насъ. Но все равно, не стоитъ объ этомъ. Я рѣшила идти, и пойду.

XXXV.

Онѣ застали Леонарда, какъ и было условлено, у дверей ресторана. Его письмо заканчивалось словами: „парадныхъ туалетовъ не надо", и дѣвушки приняли это къ свѣдѣнію. Онѣ вошли въ подъѣздъ, и, очутившись какъ будто на иностранной территоріи, населенной бѣднѣйшими представителями разныхъ націй, прошли въ общій залъ.

Старшій лакей, въ жакетѣ и передникѣ (казавшимися необыкновенно чистыми и простыми послѣ грязныхъ фраковъ британскихъ лакеевъ) указалъ имъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью, грубой, но чистой, и освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы. Роскоши не было, но вся комната казалась необыкновенно уютной, точно мирный бивакъ на полѣ битвы жизни.

Ихъ появленіе произвело нѣкоторую сенсацію, ибо, насколько можно было судить по виду, они были единственными англичанами во всемъ залѣ. Остальная публика состояла сплошь изъ иностранцевъ. Это было видно по всему,— и по манерѣ повязывать салфетку, и по костюму. Всѣ, видимо, пришли сюда насладиться отдыхомъ и чувствовали себя, какъ дома.

— Это тоже богема, но только новаго стиля, — сказалъ Леонардъ, когда они взялись за карточку блюдъ.—Я думаю, вамъ интересно посмотрѣть.

Всѣ они испытали что-нибудь, прошли черезъ что-нибудь, хотя бы, напримѣръ, черезъ баррикады. Сюда же они пришли повидать своихъ друзей и пообѣдать. Здѣсь можно было заплатить и пять шилинговъ за обѣдъ, если только они у васъ были; если же нѣтъ, то можно было получить обѣдъ и за восемнадцать пенсовъ. Это былъ часъ отдыха для бѣдныхъ и богатыхъ, и всѣ они были веселы, разговорчивы и общительны.

— Многіе изъ нихъ будутъ, можетъ быть, въ свое время великими музыкантами, великими актерами, а то и министрами, — говорилъ Леонардъ. — А въ ожиданіи будущихъ благъ, они посѣщаютъ Клапгамскіе высшіе классы, платя по два шиллинга въ часъ, и прогулка туда и обратно возбуждаетъ у нихъ аппетитъ, утолять который они и приходятъ сюда.

— А кто вотъ этотъ новоприбывшій, съ растрепанными

волосами, сонными мечтательными глазами? Вонъ тотъ, у котораго торчитъ листокъ изъ кармана,—спросила Лаура.

— Развѣ вы не догадываетесь? — отвѣчалъ Леонардъ. — Это будущій великій композиторъ. Бумага, торчащая у него изъ кармана,—либретто его оперы. Вы съ нимъ не шутите. Пока онъ даетъ уроки музыки.

— А другой, что разговариваетъ съ нимъ, вотъ этотъ человѣкъ съ портфелемъ въ рукахъ, это ремесленникъ живописи. Едва ли изъ него что-нибудь выйдетъ, такъ какъ ему приходится работать въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, чтобы содержать жену и четверыхъ дѣтей. Но всетаки онъ хорошій подмастерье. Его портфель наполненъ набросками, сюжеты для которыхъ онъ находитъ въ Сити. Каждый набросокъ приноситъ ему десять шиллинговъ; если только его возьмутъ, то онъ не отказывается ни отъ какихъ предложеній и работаетъ хоть за пять въ свободные часы.

— Вотъ этотъ высокій господинъ съ изящными манерами,—я вижу по вашимъ глазамъ, миссъ Пруденсъ, что вы хотите спросить о немъ,—читаетъ лекціи о патагонской литературѣ. Конечно, патагонская литература мало кого интересуетъ, поэтому бѣднягѣ приходится обѣдать лишь черезъ день. Его обстоятельства нѣсколько поправились въ тотъ день, когда патагонскій король былъ въ Лондонѣ и завтракалъ у лорда-мэра. Тогда въ его аудиторіи набралось цѣлыхъ двадцать пять человѣкъ, но потомъ все пошло по старому.

— А молодая женщина, съ которой онъ только что раскланялся, кто она?—спросила Мери. — Только, пожалуйста, не смотрите въ ту сторону.

— Смуглая женщина, которая куритъ сигаретку? Это его безнадежная любовь, но даже она не интересуется патагонской литературой, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть большими друзьями. Она русская революціонерка, занимается передачей инструкцій, литературы, денегъ и постоянно путешествуетъ между Цюрихомъ, Лондономъ и всѣми другими городами, которые служатъ убѣжищемъ этимъ людямъ. Она бѣжала изъ крѣпости, — съ помощью мягкосердаго смотрителя и своихъ прекрасныхъ глазъ, которые очаровали его. Теперь ея глаза даютъ ей возможность зарабатывать хлѣбъ: она служитъ натурщицей у одного художника, который пишетъ съ нея Мадонну.

— Черты лица, пожалуй, грубоваты для Мадонны,—замѣтила Лаура.

— Она полу-итальянка, полу-малороссіянка.

— По моему, у нея слишкомъ большой ротъ, — сказала Мери.

— Это, я думаю, слѣды монгольскаго происхожденія, которое такъ часто портитъ чистоту русскаго типа.

— Я только о ней, а не о типѣ.

Леонардъ засмѣялся.

— Если вы переходите къ отдѣльнымъ личностямъ, значитъ, и я могу сдѣлать то же. Я рискну даже на большее, миссъ Ленъ; долженъ вамъ сказать, что я съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за вашимъ путешествіемъ по деревнямъ.

— Вы уже доказали это на страницахъ вашей газеты. Какъ вы узнали обо мнѣ?

— Я стараюсь узнавать обо всемъ,—отвѣчалъ Леонардъ,—и всегда радъ узнать о чемъ нибудь хорошемъ, чтобы хоть немного уравнять свой еженедѣльный бюджетъ дурного. Мнѣ кажется, вы начали большое дѣло.

— Начала? Нѣтъ, я только продолжаю. Другіе дѣлали то же самое до меня. Народный театръ почти такъ же старъ, какъ природа. Я только вернулась къ старымъ традиціямъ и сумѣла провести ихъ въ жизнь. Мой театръ спасаетъ англійскій народъ отъ открытыхъ сценъ и балагановъ. Вмѣсто этого ему дается прекраснѣйшая въ мірѣ драма, и онъ доказалъ, что способенъ понимать. Случалось ли вамъ видѣть, какъ бѣдняки ходятъ въ театръ? Я говорю о райкѣ и галлереѣ, а не ложахъ и креслахъ. Цѣлыми часами людямъ приходится ждать у дверей, иногда на холодѣ подъ дождемъ. Вы должны посмотрѣть мою новую пьесу, которую я приготовила для будущей весны. Первый разъ она пойдетъ въ Гердфордширѣ. Вы должны пріѣхать.

— Нѣтъ, лучше вы пріѣзжайте играть къ намъ.

— Въ Лондонъ? Мнѣ кажется, вы слишкомъ большой оптимистъ.

— Я гарантирую вамъ помѣщеніе, всю обстановку и приглашу всѣхъ великихъ критиковъ, пусть посмотрятъ!

— Знаете, я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ этой ужасной исторіи, которую вы описали въ вашемъ рождественскомъ номерѣ. Да, это картина съ натуры, только дѣйствительность еще хуже. Къ чему законъ, правительство, религія, всѣ эти вѣка культуры и цивилизаціи, разъ до сихъ поръ не разсѣялась окутывающая насъ мгла? Какое проклятіе этотъ трудъ дѣтей изъ-за куска хлѣба. Развѣ имѣютъ право такіе законы заставлять людей плясать по ихъ дудкѣ?

— Зовите ихъ къ себѣ въ колонію, пусть пляшутъ тамъ по вашей дудкѣ,—отозвалась Лаура съ другого конца стола.

Это была первая встрѣча двухъ дѣвушекъ. Пруденсъ смотрѣла то на одну, то на другую, то на Леонарда, будто на ней лежала отвѣтственность за то, что можетъ произойти.

Во взглядѣ Мери не было обычной теплоты, и Лаура, видимо, угадывала ея мысли. Невозможно было подобрать большій контрастъ по стилю; Мери съ ея милымъ личикомъ, старомоднымъ костюмомъ и такимъ же складомъ ума, и Лаура съ ея страстью къ богатству, съ ея спокойной самоувѣренностью и удивительнымъ самообладаніемъ. Леонардъ, казалось, любовался обѣими, какъ безпристрастный цѣнитель.

— Я вообще не собираюсь предлагать имъ плясать,— отвѣтила Мери.

— Тогда посовѣтуйте имъ продавать орѣхи. Чѣмъ раньше они начнутъ свою карьеру, тѣмъ скорѣе могутъ разсчитывать попасть въ президенты.

— Въ президенты?—повторила Мери.—И безъ того предложеніе во много разъ превышаетъ спросъ.

— Все равно они найдутъ рынокъ для сбыта... своихъ талантовъ.

— Да, напримѣръ, тюрьму или висѣлицу.

Лаура обратилась къ Леонарду.

— Вы знаете Сесиля Родса? Вотъ человѣкъ! Для него нѣтъ неразрѣшимыхъ проблемъ; онъ сумѣлъ бы разрѣшить и ваши.

— Боюсь, что не всѣ.

— Во всякомъ случаѣ, началъ онъ недурно.

— Но не съ того конца. Я не зналъ, что каждый обязанъ кончить Оксфордъ.

— Но вы вѣдь тамъ учились?

— Ваше возраженіе едва ли убѣдительно.

— Всетаки онъ расширилъ наши, слѣдовательно, и ваши владѣнія на земномъ шарѣ. Кромѣ того, вѣдь вы дѣлаете то же самое, только начинаете съ другого конца.

— Вы возбуждаете мое любопытство. Съ какого конца, скажите, пожалуйста?

— Доказательство силы: воспитать себя по своему идеалу, а потомъ подъ ту же мѣрку подгонять другихъ. Только для этого и стоитъ жить.

— Я думаю, что не только для этого.

— Не отнимайте у меня пріятной иллюзіи: я считаю васъ сильнымъ человѣкомъ.

— Вы оказываете мнѣ слишкомъ много чести. Но если даже вы правы, я готовъ признать, что вы сильнѣе меня.

Несмотря на ея обычное самообладаніе, краска удовольствія выступила у нея на лицѣ. Она казалась необыкновенно привлекательной. Леонардъ смотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

— Она язычница,—прошептала Мери, обращаясь къ Пруденсъ.

Пруденсъ вопросительно посмотрѣла на Гертруду, которая все время молчала.

— Я не скажу ничего,—проговорила Гертруда.

— А про Леонарда?

— И того меньше. Судя по всему, онъ изъ тѣхъ немногихъ, кто не стремится быть ничьимъ господиномъ, что уже само по себѣ можетъ возбудить желаніе сдѣлаться его рабомъ.

Она опять замолчала. Когда подали дессертъ, Леонардъ. воспользовавшись общимъ движеніемъ, сѣлъ съ ней рядомъ. Пруденсъ смотрѣла на нихъ не безъ тревоги, несмотря на все кажущееся спокойствіе Гертруды.

— Знаете, мистеръ Леонардъ, сегодняшній день—одинъ изъ самыхъ пріятныхъ за всю мою жизнь,—сказала Гертруда.

Только она одна знала, чего ей стоило сказать такъ много. Прежняя застѣнчивость вернулась къ ней и залила румянцемъ ея щеки.

— Это очень любезно съ вашей стороны. Приглашая васъ сюда, я сдѣлалъ это въ томъ разсчетѣ, что здѣсь всѣ мы будемъ чувствовать себя свободнѣе. И я вижу, что не ошибся.

— А въ самомъ дѣлѣ, отчего здѣсь такъ уютно?—спросила Гертруда.

— Я думаю, благодаря простой и скромной обстановкѣ. Хорошій тонъ начинаетъ надоѣдать намъ даже въ клубахъ. Соблюденіе ритуала вездѣ утомительно, даже въ пищѣ и питьѣ.

— При чемъ тонъ даютъ буфетчики и ливрейные лакеи,—вставила Гертруда.

Пруденсъ съ удовольствіемъ видѣла, что у Гертруды начинаетъ развязываться языкъ.

Въ это время ихъ вниманіе было привлечено движеніемъ на противоположномъ концѣ зала. Толстый старикъ—хозяинъ ресторана, стоялъ въ центрѣ группы посѣтителей, которые съ чѣмъ-то его поздравляли. Впереди была русская дѣвушка, она подносила ему букетъ. Его супруга—подъ пару ему во всѣхъ отношеніяхъ, и нѣсколько ухмыляющихся поварятъ замыкали сцену у кухонныхъ дверей.

— Сегодня день его рожденія, сударь, — сказалъ лакей, въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Леонарда.

— Вотъ видите, какой здѣсь семейный тонъ,—сказалъ Леонардъ своимъ дамамъ.

— Тише!—перебила Лаура,—вонъ тотъ господинъ собирается играть въ честь новорожденнаго.

Композиторъ, подталкиваемый своими друзьями, подошелъ къ піанино, наполовину заваленному кипами газетъ. На его

призывъ о поддержкѣ откликнулся кто-то изъ гостей. Онъ на минуту скрылся въ переднюю и вернулся оттуда со скрипкой въ рукахъ. Несомнѣнно, ему предстояло современемъ попасть въ большой оркестръ первой скрипкой.

Когда артистъ, взглянувъ на своего аккомпаніатора, поднялъ смычекъ, разговоръ въ залѣ смолкъ. Въ это время всѣ пили кофе; дымъ сигаръ тонкими кольцами поднимался къ потолку, всѣ, казалось, унеслись въ тотъ міръ, гдѣ главное занятіе человѣка—музыка, поэзія, сладкія мечты. Даже лакеи бросили свои счета и приготовились слушать.

Черезъ минуту всѣ были равны, свободны, всѣ были людьми, всѣ одинаково наслаждались. Піанино звучало мощными аккордами. Скрипка вела тему, и ея нѣжные звуки, воплощавшіе въ себѣ любовь и красоту, проникали въ самые сокровенные уголки души. Искусство изъ искусствъ, искусство бѣдныхъ, доступное всѣмъ, наводило на мысль о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, который смѣнитъ вѣкъ золотыхъ слитковъ.

Всѣ преобразились, точно отъ дѣйствія какого-то эликсира, вызывающаго у каждаго видѣнія по его желанію. Піанистъ своими бурными волнами звуковъ, точно проповѣдью съ неба, направлялъ мысли слушателей. Бѣдный подмастерье, сидѣвшій на софѣ, скорчившись и обхвативъ руками колѣни, видѣлъ передъ собой славу, деньги, новые сапоги. Русская дѣвушка унеслась въ область фантазіи и видѣла, какъ свѣтъ и надежда проникаютъ въ мрачные казематы Петропавловской крѣпости. Даже лакеи, позабывъ, кто они, смѣшались съ публикой и сидѣли, гдѣ попало, точно уже насталъ день Страшнаго Суда, когда всѣ будутъ равны. Тѣ же чары овладѣли и спутницами Леонарда: Лаура и Гертруда были неподвижны, какъ статуи; Мери, въ такомъ же экстазѣ, какъ русская дѣвушка, нервно сжимала руку Пруденсъ.

Еще минута—и очарованіе исчезло. Музыканты кончили играть, одѣлись и ушли, лакеи принялись опять за свое лакейское дѣло, и забѣгали между столиками и стойкой. Опять насталъ для нихъ часъ работы, но этотъ маленькій отдыхъ для одного или двухъ прошелъ не безслѣдно, заронивъ въ ихъ душу надежду на наступленіе лучшихъ дней, когда люди станутъ братьями.

XXXVI.

Наступило опять воскресенье, и праздникъ Мери подходилъ къ концу. Въ понедѣльникъ она собиралась обратно въ колонію, чтобы успѣть закончить приготовленія къ

своимъ весеннимъ спектаклямъ. Ея праздничныя развлеченія напоминали каникулы школьницы: церкви, памятники, музеи, картинныя галлереи.

Подъ конецъ онѣ посѣщали главнымъ образомъ церкви во время службы. Мери очень любила ходить въ церковь; для Пруденсъ это развлеченіе до нѣкоторой степени тоже имѣло прелесть новизны. По причинамъ, въ которыхъ она сама не давала себѣ отчета, она перестала послѣднее время бывать въ церкви. Въ понедѣльникъ утромъ дѣвушки были въ Соутваркскомъ соборѣ, а послѣ обѣда гуляли въ Сити. Пруденсъ вспомнила свои прежнія одинокія прогулки, когда она была предоставлена своимъ собственнымъ рессурсамъ. По дорогѣ домой, онѣ проходили мимо другой церкви, гдѣ скоро должна была начаться служба. Мери не устояла противъ искушенія, и дѣвушки вошли.

Это была прекрасная вечерняя служба англиканской церкви. Голоса молящихся взывали о прощеніи, объ отпущеніи грѣховъ, пасторъ давалъ это прощеніе въ сознаніи своей власти. Когда онъ возвышалъ голосъ, молящіеся смолкали и превращались въ слухъ. Богослуженіе закончилось проповѣдью, въ которой указывались недостатки жизни въ городахъ.

Дѣвушки вышли молча. Мери, казалось, была еще погружена въ молитвенный экстазъ. Онѣ заговорили, только вернувшись домой.

— Какая великолѣпная служба,—прошептала Мери.

— Да.

— И полна церковь молящимися.

— Да, Мери.

Пруденсъ отвѣчала машинально, ибо была занята своими мыслями. Она смотрѣла на огонь камина, и ей грезился воздушный замокъ, который могъ разлетѣться отъ маленькаго дуновенія.

— Какой отличный хоръ!

— Да, да, Мери.

— Какъ хорошо маленькій солистъ взялъ заключительную ноту въ первомъ гимнѣ. Точно херувимъ спустился къ намъ изъ рая.

Воздушный замокъ разсѣялся, какъ дымъ. Пруденсъ вернулась къ дѣйствительности.

— И какой прелестный старичекъ-пасторъ. Невозможно было не любоваться имъ, особенно когда онъ благословлялъ народъ.

— Все было великолѣпно, Мери, отъ начала и до конца.

— А всетаки было что-то дурное. Вы знаете что, Пруденсъ?

— Что же дурное могло быть? Вы говорите загадками.

— Конечно, вы не скажете разгадки: вы такъ увлеклись созерцаніемъ огня въ каминѣ, что, кажется, не слушали меня. А дурное было, и вотъ что: въ церкви не было бѣдняковъ, а если и были, то въ такомъ ничтожномъ количествѣ, которое нельзя принимать въ разсчетъ. Всѣ казались типичными представителями средняго сословія,—вы знаете, какъ я ненавижу этотъ классъ—всѣ такъ хорошо одѣты, такіе процвѣтающіе, счастливые, увѣренные, что царство небесное для нихъ. Вы не замѣтили этого?

— Нѣтъ, не замѣтила. Я къ этому привыкла.

Нѣсколько времени обѣ молчали.

— Нельзя же требовать всего,—заговорила Пруденсъ.

— Въ такомъ мѣстѣ надо требовать всего, нельзя удовлетвориться меньшимъ.

— Приходится удовлетворяться, что дѣлать,—рѣшительно сказала Пруденсъ.—Теперь я немного знаю бѣдный людъ. Оно и понятно: я долго сама была въ ихъ рядахъ. А потомъ я и дѣлала кое-что для нихъ, по указаніямъ Леонарда.

— Что же изъ всего этого слѣдуетъ?

— А вотъ что: думаю, что всѣ эти бѣдные, темные люди, которымъ такъ плохо живется въ этомъ мірѣ, отказались отъ надежды найти утѣшеніе въ церкви. Въ ихъ представленіи, церковь—для богатыхъ.

— Надо идти дальше, Пруденсъ. Нельзя остановиться на этомъ. Чего ищутъ въ христіанской церкви и чего не могутъ найти?

— Творца.

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ тамъ, въ каждомъ символѣ, въ каждомъ обрядѣ, даже въ каждомъ словѣ.

— Да, въ словахъ, и только въ словахъ. Церковная служба то же театральное представленіе. Много показного, мало простоты.

— И всетаки Онъ тамъ, Пруденсъ.

— Какъ метафизическое понятіе, а не какъ живое существо, а между тѣмъ, только такимъ можетъ представить себѣ Его бѣдный людъ. Не приходите въ ужасъ, Мери, но они смотрятъ на него, какъ на товарища, который лучше ихъ, какъ на помощника и друга бѣдняковъ, какъ на героя распространенныхъ легендъ, своего рода Робинъ Гуда... Не дѣлайте такого испуганнаго лица, Мери, а то я замолчу.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте, не обращайте на меня вниманія.

— Вы удивились бы, если бы узнали, какъ далеки они отъ признанія въ немъ Сына Божія, второго лица св. Троицы, даже Печальника за людей, словомъ, всего того, что состав

-ляетъ сущность нашей вѣры. Они видятъ въ немъ только товарища, который хотѣлъ снизойти до нихъ и умеръ за это. Что же касается Бога-Отца, то для нихъ онъ—загадка. и они глубоко равнодушны къ нему. Я часто бесѣдую съ однимъ пасторомъ, подписчикомъ „Желѣзнаго Клейма". Какъ-то я назвала его христіанскимъ соціалистомъ, думая сказать ему комплиментъ, но онъ вышелъ изъ себя: „Ничего подобнаго, сударыня, въ лучшемъ случаѣ, соціалистъ-христіанинъ. Нельзя ставить телѣгу впереди лошади".

— Не понимаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать?

— Онъ полагаетъ, что пробный камень—соціализмъ, а не христіанство, какъ оно понимается теперь нашимъ духовенствомъ. Нельзя быть соціалистомъ, не будучи христіаниномъ. Христіаниномъ каждый можетъ считать себя, не считая себя въ то же время соціалистомъ. Въ корнѣ всего лежитъ соціализмъ.

— Боже правый! А какъ же искупленіе...

— Объ этомъ онъ совсѣмъ не говоритъ.

— Посредникъ между Богомъ и людьми, исцѣлитель грѣховъ...

— Не говорите. Первый соціалистъ и ничего больше. Онъ принесъ въ міръ бездну счастья — матеріальнаго счастья для всѣхъ обездоленныхъ, изнемогавшихъ въ суровой борьбѣ за жизнь. Онъ распредѣлилъ фунты, шиллинги, пенсы, пищу, башмаки и платья дѣтямъ и солнечный свѣтъ всѣмъ.—Народъ думаетъ и говоритъ, что богачи и духовенство, всегда идущее съ нимъ рука объ руку, монополизировали церковь и превратили символическую чашу въ снотворное зелье, которымъ они опаиваютъ бѣдняковъ вмѣсто цѣлительнаго лѣкарства. Пасторамъ платятъ за то, чтобы они не давали народу волноваться—вотъ преобладающая идея. Бѣдные не могутъ имъ платить; поэтому естественно, что они проповѣдуютъ то, что нужно богатымъ.

— Но церковь, церковь! Не все ли равно, откуда стекаются деньги?

— Мери, дорогая, вѣдь музыкантъ играетъ тому, кто ему платитъ. Впрочемъ, вы знаете объ этихъ вещахъ больше меня, я только передаю то, что слышала. Какъ я могу говорить о религіи, когда у меня самой ея нѣтъ?

— А святая нищета!—воскликнула Мери.—Я знаю ее, какъ никто, я благословляю ее, люблю ее. Мнѣ ничего не надо безъ нея.

— Мери, вы сами святая, вы поэтъ. Богъ свидѣтель, что нѣтъ ничего прекраснѣе этого. Я же говорю вообще о людяхъ, о простыхъ смертныхъ.

— Но вѣдь то-же проповѣдуетъ и наша церковь.

— Только на словахъ, Мери. Вѣрьте мнѣ, обитатели Вестъ-Гэма смотрятъ на библейскихъ анахоретовъ, только какъ на своего рода дилетантовъ страданія и лишеній, за которыми всегда стоитъ какое-нибудь духовное учрежденіе, которое, въ крайнемъ случаѣ, всегда спасетъ ихъ отъ нужды. Пробыть шесть недѣль безъ работы, изголодаться до того, что приходится звать доктора—и видѣть флиртъ св. Франциска съ леди-Нищетой! Мнѣ это нравилось, Мери, до тѣхъ поръ, пока самой не пришлось пройти черезъ самую суровую школу терпѣнія. Мнѣ помогла только религія Лауры, и ея вліяніе не изгладилось даже впечатлѣніями сегодняшняго дня.

— Религія Лауры!—съ ужасомъ вскричала Мери.— Евангеліе борьбы, завоеванія благъ! Я знаю только одну религію: нашу милую церковь, съ ея праздниками и постами, одинаково святыми, съ ея простыми обрядами, славословіями и молитвами, денно и нощно возносящимися къ престолу Бога Вышняго.

— Ахъ, Мери, если бы вы знали, до какой степени равнодушенъ ко всему этому какой-нибудь бѣднякъ, родившійся въ нуждѣ, лишенный желаній и идеаловъ. Повѣрьте, что всѣ эти обряды, церемоніи, праздники Пятидесятницы и другіе, съ такими же неудобо-произносимыми названіями, такъ же далеки и чужды ему, какъ годовщина какого-нибудь дня рожденія при дворѣ.

— Вѣдь здѣсь источникъ милосердія,—вскричала Мери, ломая руки.—Здѣсь путь къ прощенію, путь въ небеса.

— Они не думаютъ о небесахъ. Они не хотятъ ждать двѣсти лѣтъ. Великій соціалистъ нуженъ имъ сейчасъ. Пусть онъ придетъ и опуститъ свой бичъ на спины всѣхъ мѣнялъ Паркъ-Лэна. Бѣднякъ питаетъ глубочайшее отвращеніе къ умнымъ людямъ, которые думаютъ, что знаютъ, какъ его спасти.

— Но эти люди даютъ странѣ богатства, ведутъ торговлю,—возразила Мери безпомощно. - Я презираю ихъ за ту пустую жизнь, которую они ведутъ, за ихъ обжорство и пьянство, но всетаки и они дѣлаютъ кое-что?

— Да, въ наукѣ, искусствѣ, промышленности, но изъ всего этого только самый ничтожный минимумъ перепадаетъ бѣдняку.

— А развѣ онъ не долженъ быть благодаренъ хотя бы изобрѣтателямъ? Развѣ швейная или пишущая машины не одинаково полезны всѣмъ?

— Слушайте, Мери. Когда была изобрѣтена швейная машина, всѣ стали носить сорочки машинной работы. Были ли бѣлошвейки благодарны изобрѣтателю? Конечно,

нѣтъ. Чтобы заработать столько же, имъ нужно было шить въ день гораздо больше. Нечего и говорить, что имъ стало хуже. Прежде они только кололи себѣ пальцы, теперь же, отъ постояннаго давленія на педаль, стали заболѣвать ракомъ... Развѣ пишущая машина облегчила жизнь переписчиковъ? Парламентъ долженъ былъ даже издать законъ объ отвѣтственности владѣльцевъ конторъ, служащіе которыхъ изнурялись за этой работой. Я слышала объ одномъ свѣтилѣ архитектуры, который застраховалъ жизнь своихъ рабочихъ по 400 фунтовъ каждаго. Когда который-нибудь срывается съ лѣсовъ и расшибается на смерть, онъ предлагаетъ вдовѣ 300 фунтовъ, говоря: „берите, или уходите", а разницу кладетъ въ карманъ. Конечно, это дешевле, чѣмъ обносить лѣса перилами. Вы думаете, церковь не знаетъ объ этомъ? Но она безсильна даже сдѣлать внушеніе. Всѣ изобрѣтенія понижаютъ заработную плату, „умнымъ людямъ" этого и надо. Прислушайтесь только, какой протестующій вопль поднимаютъ они, когда кто-нибудь пытается хоть немного облегчить жизнь бѣдняка, будетъ ли это удешевленная плата на трамваѣ, лучшее воспитаніе или завтраки въ школахъ для его дѣтей.

— Надо думать о вѣчности, Пруденсъ. Передъ ней наша жизнь—мгновеніе.

— Мери, бѣднякъ не можетъ отдѣлаться отъ опасенія, что „умные люди" и на томъ свѣтѣ сумѣютъ его обойти. Нѣтъ, нѣтъ, онъ хочетъ получить свое на этомъ свѣтѣ и сейчасъ. Церковь понимаетъ это, понимаютъ это и „умные люди", они начинаютъ понемногу выбрасывать бѣднымъ куски. Ихъ благотворительность—палліативъ; тѣмъ нужна справедливость, а не милостыня. Но развѣ могутъ они искренно проповѣдывать отреченіе: „возьми отъ насъ, возьми отъ насъ, останови ту злую силу, которая даетъ нѣсколькимъ то, что принадлежитъ всѣмъ". „Умные люди" поработили и церковь, и Творца. Видя Іисуса въ драгоцѣнномъ вѣнцѣ, вмѣсто терноваго, бѣднякъ чувствуетъ, что потерялъ друга.

— Пруденсъ, Пруденсъ куда вы идете! Обѣ мы ищемъ чего-то, можетъ быть, одного и того же, но врядъ ли найдемъ въ этой жизни. Пойдемъ лучше спать.

XXXVII.

Чтобы достойнымъ образомъ закончить праздники, Пруденсъ рѣшила пойти вечеромъ въ театръ. Шла новая пьеса знаменитаго автора, при участіи не менѣе знаменитаго

Изъ Англіи.

I.

Чтобы получить представленіе о перемѣнѣ, которая произошла за послѣднія 25 лѣтъ въ сельскихъ округахъ графства Дорсетъ, описаннаго въ прошломъ письмѣ,—нужно обратиться не только къ статистическимъ отчетамъ и синимъ книгамъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, придется цитировать цифры и безжизненныя фразы правительственныхъ отчетовъ. Безъ этой тяжелой артиллеріи нельзя обойтись; но яркое представленіе о гибели деревни даетъ намъ Вильямъ Барнсъ, самый замѣчательный изъ англійскихъ лириковъ, писавшихъ на провинціальныхъ діалектахъ. Предъ вами—крайне привлекательная личность, «потомственный крестьянинъ». Его предки съ незапамятныхъ временъ владѣли клочкомъ земли въ долинѣ Блэкморъ, которую поэтъ потомъ описывалъ. Вильямъ Барнсъ родился въ 1800 г. и умеръ въ 1887 г. Самоучкой онъ пріобрѣлъ большія знанія и выучился, между прочимъ, самъ французскому, итальянскому, русскому, древне-еврейскому, латинскому и персидскому языкамъ. Сперва онъ былъ школьнымъ учителемъ въ родной деревнѣ, а потомъ, когда ему было уже за сорокъ, сдалъ университетскій экзаменъ и сталъ священникомъ на родинѣ. Здѣсь онъ прожилъ до самой смерти. Вильямъ Барнсъ оставилъ нѣсколько сборниковъ лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ самый извѣстный «Hwomely Rhymes». Барнсъ — дорсетширскій поэтъ не только потому, что писалъ на мѣстномъ діалектѣ, но и потому, что воспѣвалъ только родную долину Блэкморъ, ея природу и населеніе. Въ англійской литературѣ не много найдется такихъ поэтовъ, которые такъ хорошо, такъ *просто* и такъ непосредственно понимали бы природу, какъ Барнсъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ нашего Фета. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строчекъ изъ поэмы «Вечеръ въ деревнѣ». Онѣ дадутъ также представленіе о діалектѣ, на которомъ писалъ Барнсъ.

„Now the light o'the west is a-turn'd to gloom,
An'the men be at hwome vrom ground;
An'the bells be a-zendèn all down the Coombe,
From tower, their mwoansome sound.

An'the wind is still,
An'the house-dog do bark,
An'the rooks be a—vled to the elems high an'dark,
An'the water do roar at mill"...

«И вотъ потухаетъ свѣтъ на западѣ; плугари возвращаются домой съ поля; колокола шлютъ съ колокольни вдоль по Кумбу свои стонущіе звуки; затихаетъ вѣтеръ; залаяла собака; грачи вьются надъ высокими и темными вершинами вязовъ; реветъ вода у мельницы». Крайне трудно дать въ прозаическомъ переводѣ представленіе о лирическомъ поэтѣ, въ особенности о такомъ, какъ Барнсъ, прелесть котораго состоитъ также въ наивномъ провинціальномъ діалектѣ. Поэтъ имѣлъ громадное вліяніе, и популярность Дорсетшира объясняется тѣмъ, что Барнсъ научилъ большую публику понимать его простую природу. Но кромѣ послѣдней поэтъ воспѣвалъ также человѣческую жизнь, которая, по его выраженію, «одѣваетъ землю» (clothes the soil). Люди, которыхъ воспѣваетъ Барнсъ—населеніе той же долины Блэкморъ, крестьяне и сельскіе работники. Поэтъ говоритъ объ ихъ радостяхъ, надеждахъ, горестяхъ. Описанія его до того точны, что они представляютъ, въ извѣстномъ отношеніи, драгоцѣнный документъ для изучающаго жизнь крестьянъ въ Англіи. Въ этомъ отношеніи можно провести извѣстную аналогію между Барнсомъ и Шевченко.

Возьмемъ, напримѣръ, извѣстные стихи.

„Въ тімь гаю,
У тій хатині, у раю,
Я бачивъ пекло... Тамъ неволя...
Тамъ матіръ добрую мою
Ще молодую, у могилу
Нужда та праця положила,
Тамъ батько, плачучи за дітьми,
(А ми малі були і голі)
Не витерпівъ лихоі і долі,—
Умеръ на панщині!.. а ми
Розлізлися межи людьми,
Мовъ мишенята"...

Трудно привести болѣе краснорѣчивый и болѣе точный документъ, изображающій жизнь украинскихъ крестьянъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ то же время это — яркое, художественное произведеніе. Такими же документами являются стихотворенія Барнса. На его глазахъ началась гибель деревни. Онъ наблюдалъ ее въ родной долинѣ Блэкморъ и отмѣчалъ смерть земли изъ года въ годъ. Поэтъ отмѣчаетъ, что деревенскіе коттеджи, крытые соломой, съ красивымъ «dormer window», т. е. окномъ отъ комнаты на чердакѣ,—пустѣютъ. Въ коттеджахъ, въ старинныхъ очагахъ потухъ огонь. Эти очаги представляли съ доисторическихъ временъ сборный пунктъ для всей семьи. Теперь—семьи разбрелись.

„Now scattered vur an'wide,
And zome o'm be a-wantèn bread,
Zome, better off, ha'died".

«Теперь они (крестьяне) разбрелись во всѣ стороны; нѣкоторые изъ нихъ нуждаются въ хлѣбѣ; другіе, болѣе счастливые, умерли». Десятки фермъ въ долинѣ Блэкморъ опустѣли. Тамъ, гдѣ были очаги, теперь трава. Овцы замѣнили людей. Болѣе состоятельные фермеры подались въ Австралію или въ Канаду. Молодые деревенскіе работники ушли въ города. У Барнса есть стихотвореніе, написанное еще въ сороковыхъ годахъ. Описывается въ немъ деревенскій щеголь Джимъ. «Въ прошломъ году, на свѣтлое воскресеніе Джимъ надѣлъ въ первый разъ новый суконный сюртукъ съ яркими, сверкающими на солнцѣ мѣдными пуговицами, въ петличку котораго всунулъ цвѣтокъ цѣннаго левкоя. Надѣлъ онъ также новый жилетъ съ желтыми полосками и короткіе штаны, завязанные у колѣнъ цвѣтными лентами, и башмаки на толстыхъ подошвахъ. Потому, что была весна и Свѣтлое Воскресеніе». Теперь жизнерадостные, здоровые щеголи, какъ Джимъ, въ деревнѣ не заспживаются. Остаются только слабосильные, калѣки, придурковатые или совершенно лишенные иниціативы. Но самыя плохія времена для деревни еще впереди.

„Ah, Robert! times be badish vor the poor,
An'worse will come"...

«Ахъ, Робертъ, теперь плохое время для бѣдняковъ; но худшія еще только наступятъ», такъ говоритъ у Барнса старый крестьянинъ своему пріятелю. На это Робертъ уныло отвѣчаетъ: «Что-жъ, значитъ, намъ помирать надо скорѣе. Прощай!»

Теперь обратимся къ документамъ другого рода. «Съ сельскимъ работникомъ и съ его неизмѣннымъ товарищемъ по работѣ—конемъ поступаютъ совершенно одинаково,—говоритъ одинъ авторъ только что вышедшаго коллективнаго труда.—И тотъ, и другой работаютъ въ полѣ до тѣхъ поръ, покуда въ состояніи доставить двѣ вещи: пропитаніе для себя и прибыль въ пользу другого. Если они въ состояніи выработать только первое, и работника, и коня прогоняютъ. Отношеніе къ нимъ, однако, не одинаково. Когда конь перестаетъ доставлять прибыль, съ нимъ кончаютъ сразу, отправляя его на живодерню. Издыхая, онъ приноситъ послѣднюю службу человѣчеству. Кости коня размалываются и идутъ на приготовленіе удобрительнаго тука; имъ будутъ покрыты тѣ борозды, которыя терпѣливо прорѣзывалъ конь всю жизнь. Съ работникомъ поступаютъ иначе. Его оставляютъ на голодное и холодное прозябаніе до смерти. При жизни у работника отняли возможность имѣть коттеджъ, землю, корову. Имъ никто не интересовался. Послѣ смерти тѣломъ заинтересовались коронеры, полисмэны, док-

тора. Трупу даютъ клочекъ земли за желѣзной рѣшеткой" *). Въ концѣ прошлаго года вышли три оффиціальныхъ отчета, которые иллюстрируютъ современное положеніе земледѣлія въ Англіи **). Возьму нѣсколько цифръ оттуда. По переписи 1851 г. земледѣльческое населеніе Англіи исчислялось:

Сельскихъ работниковъ въ тѣсномъ смыслѣ . . .	1.077.627
Служителей на фермахъ	364.194
Садовниковъ	80.946
Управляющихъ	12.805
Фермеровъ	308.720
Откармливающихъ скотину на продажу	5.047

За пятьдесятъ лѣтъ населеніе Великобританіи значительно увеличилось: въ 1851 г. населеніе равнялось 27,7 мил., а въ 1901 г.— 41,9 мил.; но деревенское населеніе сильно уменьшилось, что видно изъ слѣдующей таблицы:

	1881	1891	1901	увеличеніе (+) или уменьшеніе (—) 1881—91	1891—1901
Фермеровъ и скотоводовъ. .	279126	277943	277694	— 1183	— 249
Управляющихъ и надсмотрщиковъ.	22895	21453	27317	— 1442	+ 5864
Пастуховъ	33125	31686	35022	— 1439	+ 3336
Сельскихъ работниковъ и служителей на фермахъ .	983919	866543	689292	—117376	—177251

II.

Въ этихъ цифрахъ заключается вся исторія аграрнаго кризиса въ Англіи. Уменьшилось число рукъ, воздѣлывающихъ землю; нивы превращаются въ луга. Земледѣльческая Англія отодвигается назадъ въ исторію ко временамъ скотоводства. Между тѣмъ, по свидѣтельству оффиціальнаго отчета, въ Англіи всюду существуетъ запросъ на мелкіе земельные участки, который не можетъ быть удовлетворенъ. Департаменту земледѣлія сообщаютъ изъ Хантингдона: «Громадный спросъ на участки; но предложенія нѣтъ». Изъ Херфорда: «Чувствуется крайняя необходимость въ мелкихъ земельныхъ участкахъ, которая не можетъ быть удовлетворена вслѣдствіе чрезмѣрно высокой ренты». Изъ Мидлсекса: «Трудно достать мелкіе участки. Фермы акровъ въ 20 можно еще найти, но за чрезмѣрно высокую ренту. Если бы поля, превращенныя здѣсь въ пастбища, раздѣлить на мелкіе участки, то они были бы разобраны немедленно. Такіе же точно отвѣты получены изъ 16 другихъ земледѣльческихъ графствъ ***). «Мелкія фермы невозможно достать,—

*) To Colonise England. A Pled for a Policy. London, 1907, p. 9.
**) Decline in the Agricultural Population of Great Britain (Board of Agriculture).
***) Cm. The Report of the Departmental Committee on Small Holdings in Great Britain".

сообщаютъ департаменту земледѣлія изъ Surrey. Если бы онѣ были, то отливъ населенія изъ деревень въ города сейчасъ бы остановился». «Спросъ на мелкія фермы превышаетъ предложеніе,—сообщаютъ изъ Хэмшира. — Конкурренція велика.» «Здѣсь нужны маленькія фермы съ 4 — 5 акрами», — пишутъ изъ Шропшира. Словомъ, всюду одно и то же. Съ одной стороны, крупные фермеры заявляютъ, что обрабатывать землю въ Англіи не выгодно и ведетъ къ банкротству. Съ другой—сельскіе работники и вообще люди, знающіе землю,—рвутся къ ней. Мы видимъ пустѣющія деревни, нивы, превращенныя въ пастбища, овецъ, вытѣсняющихъ людей, и въ то же время извѣстно средство, которое не только можетъ остановить отливъ сельскаго населенія, но можетъ даже создать обратную тягу изъ города въ деревню. Извѣстенъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ гибели земледѣлія въ Англіи: крупный землевладѣлецъ. Для него государство дѣлало все. Оно отдало ему когда-то общественныя земли. Крупный землевладѣлецъ долго руководилъ изданіемъ законовъ, веденіемъ войнъ,—словомъ, всей внутренней и внѣшней политикой страны. Очень долго народъ принуждали приносить неимовѣрныя жертвы для благоденствія крупныхъ помѣщиковъ. И въ результатѣ—гибель земли. «Помѣщики отвѣтственны за аграрный кризисъ... Условія сдѣлали ихъ руководителями экономической и соціальной жизни въ сельскихъ округахъ. И вотъ всѣ свои усилія помѣщики примѣняли къ тому, чтобы получать возможно большую ренту и по силѣ возможности увернуться отъ всякихъ налоговъ. Помѣщики не научили своихъ фермеровъ лучшей системѣ обработки земли. Напротивъ, гоняясь за высокой рентой, они не желали сдавать фермы на долгій срокъ. Такимъ образомъ, фермеръ не могъ вводить какія-нибудь улучшенія, такъ какъ помѣщикъ не платилъ за нихъ, когда срокъ аренды кончался. Землевладѣлецъ не строилъ коттеджей для работниковъ. На фермахъ оставались прежнія помѣщенія, пришедшія въ негодность. Отсутствіе удобныхъ, здоровыхъ жилищъ для сельскихъ работниковъ въ значительной степени содѣйствовало исходу изъ деревни въ городъ. И теперь, несмотря на острый кризисъ, помѣщики продолжаютъ получать въ видѣ ренты за свою землю 43 мил. ф. ст. въ годъ, что въ три раза превышаетъ прибыль фермеровъ. Королевская коммиссія, командированная для изслѣдованія положенія земледѣлія, пришла къ заключенію, что непомѣрно высокая рента (over renting) создала аграрный кризисъ и совершенно раззорила фермера». *) Коммиссія упрекаетъ помѣщиковъ еще въ томъ, что своимъ вліяніемъ на мѣстѣ они пользовались только для отстаиванія узко-партійныхъ или сектантскихъ вопросовъ. Мы знаемъ, что до проведенія перваго великаго билля

*) The Revival of Agriculture. A. National Policy for great Britain London. 1905. p. 3.

о реформахъ Англія находилась всецѣло въ рукахъ помѣщиковъ. Тогда не было разлада между обѣими палатами, потому что коммонеры въ значительной степени являлись ставленниками крупныхъ помѣщиковъ изъ верхней палаты. Въ рукахъ лордовъ находились всѣ гнилыя мѣстечки. Помѣщики сдавали въ аренду парламентское представительство отъ этихъ мѣстечекъ. Въ петиціи, поданной въ парламентъ въ 1793 г., указывается, что 97 избирательныхъ округовъ непосредственно находятся въ рукахъ лордовъ, а 209 округовъ—въ значительной зависимости. Такимъ образомъ, тогда помѣщики могли провести въ парламентѣ какой имъ было угодно билль. Реформа 1832 г. смела большинство гнилыхъ мѣстечекъ и явилась первымъ значительнымъ шагомъ къ дѣйствительно народному представительству. И съ 1832 г. начинается безпрерывный бой между коммонерами и лордами, т. е. между выборными представителями всей Англіи и крупными помѣщиками, представляющими только свои интересы. Обновленная палата общинъ немедленно внесла и приняла законъ о равноправіи евреевъ *). Лорды отвергли этотъ законопроектъ, который сталъ закономъ только въ 1845 г. Обновленный парламентъ принялъ законопроектъ объ уничтоженіи подкупа на выборахъ, о допущеніи диссентеровъ въ университеты, о демократизаціи муниципалитетовъ, уничтоженіи десятины въ пользу государственной церкви въ Ирландіи, объ улучшеніи положенія работниковъ въ шахтахъ и на фабрикахъ. На всѣ эти законопроекты помѣщики наложили свое veto. Цензура въ Англіи была уничтожена еще въ 1692 г.; но и въ началѣ XIX вѣка благами свободы прессы пользовались только богатые люди. Чтобы народъ не могъ читать газеты, парламентъ, когда онъ находился подъ властью помѣщиковъ, ввелъ штемпельный налогъ, а также налогъ на бумагу. Вслѣдствіе этого номеръ газеты стоилъ четвертакъ. Палата приняла законопроектъ объ уничтоженіи налоговъ, но помѣщики отвергли билль. Издатели уничтожили штемпельный налогъ захватнымъ образомъ, т. е. стали печатать безштемпельныя дешевыя газеты. Издателей преслѣдовали сначала, но потомъ безштемпельныя газеты стали издавать крупные писатели, какъ Диккенсъ, находившійся подъ защитой общественнаго мнѣнія. Ихъ неловко было сажать въ тюрьму, и лорды отступили. Крупные помѣщики

*) Гетто, т. е. черты осѣдлости въ Англіи не было. Для евреевъ были открыты какъ Лондонъ, такъ и деревни. И тогда не было спеціально еврейскаго законодательства. Евреи не составляли оброчной статьи полиціи, какъ у насъ. Но существовалъ законъ, что каждый избранный коммонеръ долженъ былъ, „какъ вѣрный христіанинъ", принести присягу. Эти слова преграждали евреямъ доступъ въ парламентъ. Билль состоялъ въ измѣненіи формы присяги. Даже во времена политическаго безправія евреи были охраняемы общими гражданскими законами. Антисемитизма въ Англіи никогда не было. У Диккенса въ „Оливерѣ Твистѣ" есть ужасный Фэгинъ; но тотъ же Диккенсъ въ „Нашемъ взаимномъ другѣ" вывелъ благороднаго Райя (Riah).

изъ верхней палаты приняли, наконецъ, билль объ уничтоженіи налоговъ на просвѣщеніе. Защищая интересы своихъ сотоварищей въ Ирландіи, крупные помѣщики отвергли гладстоновскій билль 1893 г. Наконецъ, въ 1906 г., отстаивая своихъ вѣрныхъ союзниковъ епископовъ, лорды отвергли школьный билль. Такимъ образомъ, крупные помѣщики и въ настоящій моментъ не могутъ отказаться отъ старыхъ традицій. По мѣрѣ роста демократіи, вліяніе крупныхъ помѣщиковъ на политическую и соціальную жизнь Англіи становится все слабѣе. Каждый разъ, когда верхняя палата отвергаетъ какой-нибудь популярный билль, въ странѣ проявляется взрывъ негодованія и поднимается вопросъ о радикальной реформѣ учрежденія, состоящаго изъ наслѣдственныхъ представителей крупнаго земледѣлія. Такой вопросъ стоитъ на очереди и теперь. Для разрѣшенія его предложенъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ *).

Итакъ, главными виновниками гибели земли въ Англіи являются крупные помѣщики, тѣ самые, которые всѣми силами старались задержать приливъ демократической волны.

Въ Англіи съ цѣлью пропаганды усиленно пользуются, еще со времени крестьянскаго возстанія Уота Тейлора, стихотворной формой. Women's Industrial Council, напр., переложилъ въ стихи *все* рабочее законодательство, касающееся женщинъ и дѣтей **). Тутъ идетъ сперва «опредѣленіе», потомъ пунктъ за пунктомъ всѣ законы. Стихи, конечно, отнюдь не блещутъ красотой. Объ этомъ можетъ дать представленіе слѣдующій образецъ.

„In factories, machines must go
By steam or gas or power; if no
Such power is used, the place will be
A workshop, whether two or three
Or hundreds work, or only one;
In every place where work is done
(Except at home) the law has made
A set of rules to be obeyed"

(т. е. «фабрикой называется такое мѣсто, гдѣ примѣняются машины, приводимыя въ движеніе паромъ или газомъ. Если подобные двигатели не примѣняются, то мѣсто, гдѣ работаютъ, называется мастерской, безразлично отъ того, имѣется ли тамъ одинъ, два, три или сто работниковъ. Для каждаго мѣста, гдѣ люди работаютъ вмѣстѣ, если только это не на дому, законъ постановилъ рядъ правилъ, которымъ нужно подчиняться»). Это, конечно, не стихи, а вирши, «doggerel», какъ говорятъ англичане; но цѣлью ихъ является дать малограмотной фабричной дѣвушкѣ или подростку точное

*) „Sir Robert Edgcumbe", The House of Lords and the Unjust Veto. London. 1907.

**) The Rhyme of the Factory Acts.

представленіе объ ихъ правахъ. Нужно, чтобы дѣти и дѣвушки знали, что такое незаконное распоряженіе.

„Jou must not put a child to claan,
While it is going, a machine“

(т. е. «нельзя отдавать дѣтямъ приказанія чистить машину, когда она въ дѣйствіи». Выше разъяснено, что «дѣтьми» считаются по закону лица отъ 11—14 лѣтъ, до 15 лѣтъ—работники-«подростки», yuong persons). И эта цѣль достигается. Дѣти и подростки отлично усваиваютъ фабричное законодательство, изложенное въ стихахъ. Не всегда агитаціонная литература написана такими виршами. Попадаются очень хорошія прокламаціи. Такова, напр., «Пѣсня земли», въ которой проводится параллель между крупными помѣщиками и сельскимъ работникомъ Джилемъ. Прокламація написана съ чувствомъ, простыми, хорошими и звучными стихами.

«Помѣщикъ сидитъ въ своей отдѣланной дубомъ столовой: четыре десятка слугъ откликаются на его звонокъ. Одинъ лишь паркъ его занимаетъ пять квадратныхъ миль, а работникъ Джиль пашетъ, покуда на старость его не погонятъ въ рабочій домъ.

«У помѣщика много земли, есть и лѣсъ съ фазанами. Онъ одинъ можетъ ловить рыбу въ рѣчкѣ. На конюшнѣ стоятъ рѣзвые кони, а въ псарнѣ заливаются гончія и борзыя. Работникъ Джиль пашетъ, покуда на старость его не погонятъ въ рабочій домъ.

«Помѣщикъ, вѣроятно, засѣдаетъ въ верхней палатѣ и вырабатываютъ законы по старому «доброму» плану, т. е., чтобы все досталось ему. Работникъ Джиль пашетъ, покуда на старость его не погонятъ въ рабочій домъ.

«Работникъ Джиль живетъ въ развалившейся мурьѣ; въ награду за трудъ онъ получаетъ сухой хлѣбъ. Бѣдно его платье и груба постель. Онъ пашетъ, имѣя впереди только рабочій домъ.

«Жена Джиля тянетъ лямку, какъ рабочая кляча. Дѣти едва успѣваютъ выучиться грамотѣ. Собака въ конурѣ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ Джиль, который пашетъ, пашетъ, имѣя впереди рабочій домъ.

«Сынъ Джиля, въ поискахъ за хлѣбомъ, отправляется въ городъ, блескъ котораго привлекаетъ, но онъ попадаетъ въ трущобы. И здѣсь земля принадлежитъ лэндлорду. И сынъ Джиля тоже работаетъ, имѣя впереди рабочій домъ.

«Доколѣ, о Боже, народъ будетъ чужаниномъ въ своей родной странѣ? Доколѣ помѣщикъ, стоя у воротъ своего парка, будетъ глядѣть на Джиля, который пашетъ, пашетъ, хотя имѣетъ впереди только рабочій домъ?»

„How long, O Lord, shall the people be
Aliens in their own country?
How long shall the Squire from the park gate see
Giles follow the plough to the workhouse door?“

III.

Но что дѣлать? Какъ возвратить землю народу? Прежде всего необходимъ налогъ на земельную стоимость,—отвѣчаютъ радикалы. Обложеніе земельной стоимости налогомъ должно составлять самый важный пунктъ въ политической программѣ партіи. «Земля занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ категоріи другихъ богатствъ. Мы живемъ на землѣ. Изъ нея человѣкъ при помощи труда извлекаетъ продукты первой необходимости и предметы роскоши. Всѣ богатства производятся примѣненіемъ труда къ землѣ. И если нѣкоторые люди захватили себѣ монополію на то, что абсолютно необходимо всѣмъ, то справедливо, чтобы этотъ источникъ богатствъ сдѣлался объектомъ спеціальнаго обложенія. Обложеніе налогомъ земельной стоимости необходимо, какъ съ фискальной, такъ и съ національной точки зрѣнія» *). Прежде всего нужно сдѣлать оцѣнку всей земли въ Великобританіи, но такую, чтобы стоимость всѣхъ сдѣланныхъ улучшеній на землѣ была бы выдѣлена отдѣльно. Подобная оцѣнка была произведена въ Нью-Іоркѣ. Земельная стоимость въ городахъ и другихъ населенныхъ мѣстахъ постоянно увеличивается, вслѣдствіе коллективнаго труда и расходовъ всего населенія; но когда лэндлордъ продаетъ землю, вся подобная прибыль остается въ рукахъ продавца. Лорды Солсбри, напр., пріобрѣли двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ во время великой чумы за безцѣнокъ, а иногда и даромъ значительный кусокъ земли на болотномъ берегу Темзы. Акръ земли пришелся имъ по 2—3 шиллинга. Но съ теченіемъ времени люди заселили болотный берегъ, осушили его, подняли, проложили дренажъ, сковали рѣку каменной набережной, проложили великолѣпныя улицы, развели сады, освѣтили все электричествомъ. Топкое, нездоровое болото превратилось въ одну изъ лучшихъ частей Лондона. Лорды Солсбри рѣшительно ничѣмъ не содѣйствовали этому процессу. Они только брали автоматически увеличивавшуюся ренту. И теперь земля, доставшаяся по 2—3 шиллинга за акръ, приноситъ ренту въ тысячи ф. ст. Налогъ на земельную стоимость представляется, такимъ образомъ, глубоко справедливымъ. «Общество должно имѣть хоть часть тѣхъ богатствъ, которыя созданы имъ же»,—говорятъ теперь не только радикалы, но и умѣренные либералы. Въ мартѣ прошлаго года въ парламентъ былъ внесенъ проектъ обложенія земельной стоимости въ Шотландіи **) въ размѣрѣ 2 шил. на фунтъ (10%). Покуда билль этотъ прошелъ во второмъ чтеніи. Такой же билль для Англіи долженъ быть внесенъ въ парламентъ послѣ Пасхи. Имѣется

*) The Taxation of Land Values. London. 1907. p. p. 259.

**) Scottish Land Values. Taxation Bill. March, 1906.

въ виду обложеніе земельной стоимости, безъ «улучшеній» (къ послѣднимъ, по разъясненію билля, относятся дома, постройки всякаго рода, машины, насажденія, скважины для добыванія естественныхъ богатствъ, изгороди, дренажъ и пр.). Англіи приходится только слѣдовать примѣру Германіи. Когда прорыли Тельтонскій каналъ близь Берлина, то стоимость земли по обоимъ берегамъ возросла на 500%. Рейхстагъ обратилъ вниманіе на это явленіе и при сооруженіи канала отъ Рейна до Ганновера (работы должны быть окончены въ 1909 г.) уполномочилъ правительство принудительно отчуждать такія земли, которыя могутъ представлять общественный интересъ. По вычисленію Польмале, если бы этотъ же принципъ былъ принятъ при прорытіи Тельтонскаго канала, возросшая земельная стоимость не только покрыла бы всѣ расходы, но оставила бы еще значительную сумму въ пользу общества. Въ Англіи возрастаніе стоимости земли идетъ такъ быстро, что налогъ, основанный на этомъ, принесъ бы государству громадный доходъ, который могъ бы быть затраченъ на осуществленіе самой насущной реформы: на возвращеніе земли народу,—говорятъ умѣренные реформаторы.

«При налогѣ на земельную стоимость, прогрессивномъ налогѣ, существующемъ уже обложеніи наслѣдствъ и налогѣ на спиртные напитки государство имѣло бы достаточно средствъ, чтобы приступить немедленно къ осуществленію самыхъ радикальныхъ реформъ... Экономическія послѣдствія налога на возростающую земельную стоимость были бы громадны» — говоритъ авторъ цитированнаго уже выше труда *). Подобный налогъ нанесъ бы смертельный ударъ земельной монополіи, существованіе которой такъ гибельно отзывается на благосостояніи народа. Она понижаетъ заработную плату, создаетъ скученность населенія въ городахъ, порождаетъ систему «выжиманія пота», — короче сказать, лежитъ въ корнѣ всѣхъ тѣхъ экономическихъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ населеніе. Выяснимъ это обстоятельство. Представимъ себѣ островъ, на самой плохой землѣ котораго (F) работникъ едва добываетъ себѣ средства къ существованію; на слѣдующемъ, лучшемъ участкѣ земли (E) *то же количество работы* даетъ двойной результатъ, чѣмъ на участкѣ F. На слѣдующемъ, еще лучшемъ участкѣ, та же работа даетъ тройные результаты и т. д. Графически это можно представить такъ.

$A_6 \quad B_5 \quad C_4 \quad D_3 \quad E_2 \quad F_1$

Гипотетическіе поселенцы, которые первые займутъ островъ, конечно, станутъ работать на самомъ лучшемъ участкѣ (A), гдѣ ихъ трудъ будетъ въ шесть разъ больше продуктивенъ, чѣмъ на худшемъ участкѣ (F). До тѣхъ поръ, покуда всѣ поселенцы могутъ

*) The Taxation of Land Values.

свободно селиться на участкѣ (А), имъ нѣтъ надобности платить ренту, и вслѣдствіе этого всѣ произведенныя богатства идутъ, какъ вознагражденіе за трудъ. Графически это представится въ такомъ видѣ.

Рента	0					
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	6					

Но населеніе увеличивается. Является необходимость занять слѣдующій, нѣсколько худшій участокъ (В). Само собою понятно, что для новыхъ колонистовъ будетъ все равно, работать ли на участкѣ (В) и получать 5 за свой трудъ, или работать на участкѣ А, получать 6, оставляя себѣ 5 и отдавая 1 прежнимъ владѣльцамъ въ видѣ ренты за пользованіе лучшей землей. Въ обоихъ случаяхъ вознагражденіе за трудъ будетъ 5. Другими словами, первый участокъ (А) будетъ уже приносить ренту 1.

Рента	1	0				
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	5	5				

Но населеніе все увеличивается. Приходится занять третій участокъ земли (С), худшій. чѣмъ В. Поселенцы получаютъ здѣсь, какъ результатъ своего труда, 4. Имъ все равно, получать ли они это на участкѣ С или снимутъ участокъ В, уплачивая владѣльцамъ 1 въ видѣ ренты (4+1), или сговорятся съ колонистами участка (А), которымъ дадутъ въ видѣ ренты 2 (4+2). Такимъ образомъ, когда увеличившееся населеніе вынуждено было занять болѣе плохую землю, заработная плата понизилась до 4, а рента увеличилась.

Рента	2	1	0			
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	4	4	4			

Населеніе на нашемъ гипотетическомъ островѣ все увеличивается. Колонисты теперь вынуждены занять еще болѣе плохую землю (D), гдѣ трудъ приноситъ 3. Теперь собственники, захватившіе участокъ А, могутъ брать ренту 3 (поселенцамъ съ участка D все равно, получать ли 3 на плохой землѣ, или снимать хорошую, получать 6, изъ которыхъ 3 отдавать въ видѣ ренты), владѣльцы участка В получатъ ренту 2, а участка С— ренту 1. Но за то заработная плата на всѣхъ занятыхъ земляхъ упадетъ до 3. И такъ далѣе. Когда же населеніе острова увеличится настолько, что будутъ заняты самыя плохія земли, пустовавшія до тѣхъ поръ, то наша діаграма приметъ такой видъ.

Рента	5	4	3	2	1	0
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	1	1	1	1	1	1

Такимъ образомъ, мы видимъ, что земельная монополія, т. е. право отдѣльныхъ лицъ на то, что абсолютно необходимо всѣмъ, неизбѣжно ведетъ къ слѣдующему: по мѣрѣ увеличенія населенія рента, т. е. доля ничего не дѣлающихъ, увеличивается, а заработная плата, т. е. доля отдающихъ землѣ всю энергію свою,—уменьшается. По причинѣ существованія земельной монополіи, всѣ работающіе на землѣ получаютъ за свой трудъ столько, какъ будто съ самаго начала они заняли наиболѣе плохіе участки. Ибо хотя земледѣльцы работаютъ и на хорошей землѣ, но должны отдавать все въ видѣ ренты. Всѣ, конечно, не могутъ занимать только хорошія земли. Населеніе гипотетическаго острова увеличилось настолько, что приходится обрабатывать всѣ шесть участковъ A, B, C, D, E, F. Но справедливое равненіе можетъ быть сдѣлано, если работающіе на лучшихъ участкахъ вносятъ въ общій фондъ разницу между хорошей и плохой землей и эта разница потомъ развёрстывается по совѣсти между всей общиной. Такимъ образомъ, всѣ наши колонисты будутъ работать на землѣ одинаковой стоимости.

IV.

Земельная монополія не только гонитъ вверхъ ренту въ деревнѣ и внизъ—заработную, плату но создаетъ также въ городахъ скученность населенія. Монополія лежитъ въ корнѣ многихъ великихъ бѣдствій. Возьмемъ для иллюстраціи два острова A и B, совершенно одинаковыхъ по величинѣ, естественнымъ богатствамъ, населенію, климату и пр. Предположимъ, что разница между ними только въ слѣдующемъ. На островѣ A доступъ къ землѣ открытъ для всѣхъ желающихъ, тогда какъ на островѣ B земля представляетъ собственность нѣсколькихъ монополистовъ. Островъ A, предположимъ, находится въ фазисѣ натуральнаго хозяйства. Каждый островитянинъ затрачиваетъ въ день столько-то на добываніе пищи, столько-то—на шитье для себя платья, выдѣлку лодки и т. д. Скоро островитяне убѣдятся, что имъ выгоднѣе заняться однимъ какимъ-нибудь дѣломъ и мѣняться потомъ продуктами. Человѣкъ работаетъ лучше, если сосредоточиваетъ свои силы и способности на одномъ дѣлѣ, чѣмъ когда пытается заняться всѣмъ. Законъ спроса и предложенія урегулируетъ на нашемъ гипотетическомъ островѣ производство цѣнностей. Никто не работаетъ больше, чѣмъ нужно ему. Если одинъ островитянинъ талантливѣе, предпріимчивѣе, прилежнѣе другихъ и будетъ работать больше своихъ сосѣдей,—онъ этимъ не причинитъ никому вреда. Онъ производитъ цѣнности необходимыя или полезныя, какъ для себя, такъ и для другихъ.

Предположимъ дальше, что на нашемъ гипотетическомъ островѣ одинъ изъ земледѣльцевъ придумалъ плугъ, тогда какъ до тѣхъ поръ всѣ работали только заступомъ. При помощи новаго изобрѣ-

тенія у земледѣльца является возможность кончать свою работу гораздо скорѣе, при томъ она значительно облегчается. Машина на нѣкоторое время дѣлаетъ трудъ земледѣльца болѣе предпочтительнымъ, чѣмъ другіе отрасли труда, такъ какъ хлѣбопашецъ можетъ пріобрѣтать продукты другихъ производителей на тѣхъ же условіяхъ, что и раньше. Въ то же время его рабочій день сокращается, а работа облегчена. Другіе же производители работаютъ столько же, сколько и прежде. Человѣчество стремится удовлетворить всѣ свои потребности съ наименьшею затратою труда. Такъ какъ на нашемъ островѣ много свободной земли, то многіе производители, специализировавшіеся раньше на выдѣлкѣ предметовъ второстепенной важности,—возвратятся къ землѣ, чтобы тоже воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ. И соперничество, которое, при нормальныхъ условіяхъ является естественнымъ закономъ, обезпечивающимъ равное вознагражденіе за равный трудъ,—понизитъ цѣны на пищевые продукты. Такимъ образомъ, всѣ работники во всѣхъ отрасляхъ промышленности воспользуются выгодой отъ изобрѣтенія плуга. Ибо всѣ остальные работники въ другихъ отрасляхъ промышленности имѣютъ возможность пріобрѣтать земледѣльческіе продукты за меньшую цѣну, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, работники могутъ или сократить свой рабочій день и получать ту же плату, или работать столько же, сколько и прежде, и имѣть возможность пріобрѣтать больше продуктовъ. До тѣхъ поръ, покуда доступъ къ землѣ открытъ для всѣхъ, спросъ и предложеніе уравниваютъ положеніе всѣхъ производителей. Такъ какъ каждое изобрѣтеніе сдѣлаетъ извѣстную отрасль промышленности болѣе легкой и привлекательной, то больше работниковъ займутся ею. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда рабочая плата, или результаты труда не достигнутъ такого же уровня, какъ и въ другихъ отрасляхъ производства. Результатомъ примѣненія машины должно быть большее число продуктовъ за то же количество труда или то же число продуктовъ за меньшее количество труда. Такимъ образомъ, на гипотетическомъ островѣ, гдѣ доступъ къ землѣ открытъ для всѣхъ, каждое новое изобрѣтеніе должно увеличить комфортъ населенія и сократить его трудъ. Не всѣ будутъ имѣть равную долю въ произведенныхъ богатствахъ; но доля отдѣльнаго лица будетъ находиться въ прямой зависимости отъ таланта, ловкости и усердія индивидуума. До тѣхъ поръ, покуда земля доступна всѣмъ, не мыслимо существованіе людей, желающихъ работать, но не имѣющихъ гдѣ примѣнить силу своихъ мышцъ.

Но совсѣмъ другое положеніе получается тамъ, гдѣ существуетъ монополія на землю,—продолжаетъ цитируемый авторъ *). Если монополистъ отказывается давать ремесленнику полную плату за его работу, послѣдній не можетъ возвратиться къ землѣ и стать

*) „The Taxation of Land Values". 1907. p. 267.

производителемъ для себя. Земля монополизирована нѣсколькими лицами, и въ результатѣ получается слѣдующее. Люди должны имѣть пищу. Труду необходимъ объектъ, къ которому онъ могъ бы быть примѣненъ. Отрѣзанный отъ земли, трудъ безпомощенъ. И вотъ работники, вмѣсто того, чтобы продавать *результаты* своего труда, какъ на первомъ гипотетическомъ островѣ, вынуждены продавать самый *трудъ*, т. е. силу своихъ мышцъ, тому, кто желаетъ купить эту цѣнность. Вознагражденіе за трудъ не основано уже больше на тѣхъ произведенныхъ продуктахъ, которые потомъ работникъ продаетъ. Онъ не является уже послѣдствіемъ таланта, ловкости, знаній и усердія производителя. Теперь конкуррируетъ между собою трудъ. Заработная плата находится теперь, когда земля монополизирована, въ зависимости отъ числа людей, ищущихъ работу, и отъ числа предпринимателей, готовыхъ предложить ее. Талантъ, ловкость и усердіе не приносятъ больше должнаго вознагражденія производителю. Эти качества являются только нѣкоторымъ шансомъ въ поискахъ за работой. Отдѣльный фабрикантъ въ исключительныхъ случаяхъ можетъ обратить вниманіе на эти качества; но не больше. Такимъ образомъ, основная разница между двумя гипотетическими островами заключается въ томъ, что на первомъ островѣ, гдѣ земля принадлежитъ всѣмъ, работникъ выноситъ на рынокъ продукты своего труда, а на второмъ—самый трудъ.

Каковы же послѣдствія? Люди должны жить чѣмъ-нибудь. Отрѣзанные отъ земли и лишенные, такимъ образомъ, возможности работать на себя, они вынуждены продавать свой трудъ за ту плату, какую дадутъ. Соперничество между работниками на островѣ, гдѣ земля доступна всѣмъ, устанавливаетъ равенство вознагражденія за одинаковое количество труда. На второмъ островѣ, гдѣ земля монополизирована, соперничество между работниками перерождается въ грубую и жестокую силу, понижающую заработную плату до предѣла, за которымъ начинается голодная смерть. Соперничество это приноситъ съ собою всѣ ужасы такъ называемой системы «выжиманія пота» изъ закабаленнаго работника (Sweating system).

Земельная монополія уродуетъ всю общественную машину. Въ «новой» странѣ, гдѣ доступъ къ землѣ свободенъ, молодые люди могутъ безбоязненно вступать въ бракъ, такъ какъ знаютъ, что источникъ существованія для нихъ обезпеченъ, покуда есть здоровье. Дѣти, покуда малы, помогаютъ родителямъ, а потомъ, когда послѣдніе состарятся, поддерживаютъ ихъ. Люди, работающіе на землѣ, не знакомы съ ужаснымъ призракомъ, которому имя безработица. Они знаютъ, напротивъ, что не только могутъ всегда работать, но чѣмъ больше будутъ работать, тѣмъ лучше для нихъ самихъ. Въ странахъ, гдѣ земля монополизирована, работникъ всегда трепещетъ отъ страха при мысли, что ему дѣлать съ женой и дѣтьми, если потеряетъ работу. И послѣдствіемъ является то, что многіе не

женятся вовсе. Женщина вступаетъ въ соперничество съ мужчиной на рынкѣ труда и еще больше понижаетъ заработную плату.

Землевладѣльцы сдаютъ землю въ аренду другимъ и, такимъ образомъ, становятся типичными трутнями, классомъ совершенно праздныхъ людей, которыхъ другіе снабжаютъ всѣмъ необходимымъ. Эти трутни милостиво разрѣшаютъ другимъ людямъ развлекать ихъ театромъ, живописью, изящными стихами, музыкой. Для тѣхъ, которые работаютъ на трутней, требуется, конечно, пища и платье, чтобы работа могла быть выполнена удовлетворительно. Предположимъ, на островѣ 50.000 человѣкъ. Половина ихъ, работая по двѣнадцати часовъ въ день, предположимъ, можетъ выработать все абсолютно необходимое для себя и всѣ предметы необходимости и роскоши для празднаго класса. Такимъ образомъ, на островѣ, гдѣ земля монополизирована, будутъ 25 тысячъ работающихъ и 25 тысячъ желающихъ, но не могущихъ найти работу. Такъ какъ количество работы, необходимое праздному классу, ограничено, то, понятно, безработные будутъ агитировать за восьмичасовой рабочій день, при наличности котораго всѣ 50 тысячъ человѣкъ могли бы найти спросъ на силу своихъ мышцъ. Если бы агитація привела къ удовлетворительному результату, то работа, дѣйствительно, нашлась бы для всѣхъ; но какою цѣною было бы куплено это? За каждый часъ, что работникъ работаетъ на себя, онъ долженъ другой часъ отдать другому классу. Все это послѣдствіе земельной монополіи. До тѣхъ поръ, покуда земля доступна всѣмъ, человѣкъ работаетъ, сколько хочетъ. *Весь* результатъ его работы принадлежитъ ему одному. Такимъ образомъ, заканчиваетъ цитированный авторъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ законы вырабатываются демократіей, работники должны добиваться не восьми-часового рабочаго дня, а уничтоженія земельной монополіи.

Если бы дѣло происходило такъ схематически, какъ указано выше, то на предполагаемомъ островѣ давно произошелъ бы рѣшительный переворотъ; но предохранительный клапанъ нашелся въ видѣ кораблей, прибывающихъ изъ чужихъ странъ съ грузомъ съѣстныхъ продуктовъ и разнаго добра, предлагаемыхъ въ обмѣнъ за другіе предметы. Производство послѣднихъ занимаетъ значительное число безработныхъ; остальныхъ же безработныхъ предприниматели содержатъ, какъ пауперовъ. Талантливые люди придумываютъ машины, при помощи которыхъ разные предметы могутъ быть изготовлены гораздо скорѣе и дешевле, чѣмъ обыкновеннымъ способомъ. И вотъ нѣкоторые люди, которымъ разными способами удалось накопить деньги, пріобрѣтаютъ эти машины и, такимъ образомъ, наносятъ смертельный ударъ мелкимъ производителямъ. Монополія на землю и монополія на фабрики ставитъ работника въ отчаянное положеніе. У него нѣтъ больше свободы договора. Такъ какъ земельная монополія отрѣзала работнику доступъ къ естественному источнику существованія, то онъ вынужденъ рабо-

тать на капиталиста за ту плату, которую тотъ предложитъ. Не будь земля монополизирована, то капиталистъ, чтобы удержать работниковъ, вынужденъ былъ бы предложить имъ справедливую заработную плату. Теперь работники, съ цѣлью поднять заработную плату, стремятся къ сокращенію рабочихъ рукъ въ каждой отрасли промышленности. Для этого организуются трэдъ-юніоны, которые всѣми силами стараются отстранить отъ работы людей, не принадлежащихъ къ союзу. Сокращая число подмастерьевъ и учениковъ, трэдъ-юніоны стремятся къ возможному ограниченію промышленныхъ союзовъ *).

V.

Итакъ, въ источникѣ главныхъ соціальныхъ бѣдствій лежитъ монополія на землю. Къ этому выводу въ Англіи пришли совершенно умѣренные люди, стоящіе за принципъ частной собственности. Землю необходимо возвратить народу. Для этой цѣли слѣдуетъ немедленно ввести высокій налогъ на «незаработанное приращеніе» земельной ренты. Въ странѣ дѣйствительно демократической положеніе дѣлъ не можетъ дойти до остраго кризиса, когда является необходимость въ рѣшительной и быстрой хирургической операціи, представляющей иногда опасность для организма. Въ Англіи мы имѣемъ рядъ крайне серьезныхъ вопросовъ, которые можно уподобить тяжелой болѣзни; но такъ какъ нѣтъ лицъ, могущихъ помѣшать лѣченію ея, то она не представляетъ опасности для организма. Есть время спокойно заняться систематическимъ лѣченіемъ. И вотъ, такой же проектъ основательнаго, но продолжительнаго лѣченія предлагается здѣсь по поводу аграрнаго вопроса. Предварительно необходимо немедленно улучшить положеніе сельскихъ работниковъ,—говорятъ авторы проекта **). Они до такой степени безпомощны, что до сихъ поръ не въ состояніи были организовать прочный союзъ, который продержался бы долго. Трэдъ-юніонъ, основанный Джозефомъ Арчемъ, существовалъ до тѣхъ поръ, покуда иниціаторъ могъ отдаваться ему. Сельскіе работники въ Англіи не въ силахъ группироваться, чтобы, такимъ образомъ, добиваться повышенія заработной платы. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что наиболѣе сильный, энергичный и предпріимчивый элементъ ушелъ уже изъ деревни въ города. Если въ послѣдніе годы заработная плата въ деревнѣ поднялась, то обусловливается это не дѣятельностью союза сельскихъ работниковъ, а крайнимъ недостаткомъ въ послѣднихъ. Въ настоящее время заработная плата въ деревнѣ все еще ниже,

---

*) См. „The Financial Reform Almanack“, London. 1907, p. p. 259—268.

**) The Revival of Agriculture. A National Policy for Great Britain. London. 1905.

чѣмъ въ городахъ. По вычисленіямъ Вильсона Фокса, низшій размѣръ заработной платы въ деревняхъ теперь 14 ш. 5 п. (считая добавочную плату во время сѣнокоса и жатвы), а высшій размѣръ—22 ш. 6 п. Во многихъ мѣстахъ работники получаютъ часть платы натурой. По мнѣнію составителей проекта, прежде всего необходимо установить наименьшій размѣръ заработной платы для всѣхъ сельско-хозяйственныхъ округовъ Англіи. Это могутъ сдѣлать спеціальные третейскіе суды. Вмѣшивать центральную власть для этого нечего. Англія, какъ извѣстно, состоитъ изъ цѣлаго ряда самоуправляющихся ячеекъ, какъ приходъ (parish), городъ, графство. Напрасно стали бы мы искать въ нихъ «хозяевъ», т. е. представителей центральной власти, имѣющихъ власть надъ обывателями или группами обывателей. Въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго губернаторамъ, вице-губернаторамъ, полицеймейстерамъ, исправникамъ, приставамъ, урядникамъ and last but not least—земскимъ начальникамъ. Самоуправляющаяся ячейка не только отлично живетъ безъ «хозяина», но не можетъ даже себѣ представить, зачѣмъ онъ надобенъ. Обиліе «хозяевъ», съ ихъ неизбѣжными канцеляріями, помимо того, что является безпрерывной опасностью для мирнаго обывателя,—стоитъ еще страшно дорого. Осуществленіемъ аграрной реформы должны заняться, по мнѣнію англичанъ, самоуправляющіяся ячейки, т. е. выборные всѣмъ населеніемъ совѣты графствъ. Они должны также позаботиться объ учрежденіи третейскихъ судовъ для нормировки заработной платы въ деревняхъ. Судъ соображается съ мѣстными условіями и устанавливаетъ заработную плату на опредѣленный срокъ, напр., на два года. Въ настоящій моментъ сельскіе работники во многихъ мѣстахъ получаютъ въ счетъ платы отъ помѣщика картофель, уголь, ячмень, молоко и др. продукты. Это, въ сущности, то, что предусматриваетъ въ фабричномъ законодательствѣ truck-Act. Послѣдствіемъ является крайняя зависимость сельскаго работника отъ деревенскаго лавочника, который, въ свою очередь, подчиненъ помѣщику. Затѣмъ этимъ обусловливается еще плохое питаніе сельскаго работника. Мы, русскіе, должны принять этотъ терминъ очень условно. Что въ Англіи называется «плохимъ» питаніемъ, то русскій крестьянинъ считалъ бы идеаломъ благоденствія. Обратимся, напр., къ только что законченному, превосходному и единственному въ своемъ родѣ «Atlas of the Wordl's Commerce» Бартелемью. Здѣсь мы находимъ цѣлый кладъ тщательно провѣренныхъ новыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ экономическое положеніе населенія въ различныхъ странахъ. Я сдѣлаю маленькую группировку нѣкоторыхъ матеріаловъ, чтобы показать потребленіе пищевыхъ продуктовъ въ различныхъ странахъ. Основной пищей у культурныхъ народовъ является пшеничный хлѣбъ. Потребленіе его составляетъ въ

Канадѣ . . . . 155 англ. ф. на человѣка.
Германіи . . . . 195 » »
Австро-Венгріи . . . . 231 » »
Великобританіи . . . . 290 » »
Соед. Штатахъ . . . . 315 » »
Новой Зеландіи . . . 400 » »
Франціи . . . . 486 » »

По количеству производства пшеницы, Россія занимаетъ второе мѣсто (первое—Соединенные Штаты); по количеству потребленія ея—представляетъ такую ничтожную величину, что графически она даже не изображена. Большую часть 509 мил. бушелей пшеницы, выращенныхъ на русскихъ поляхъ, вывозятъ за границу. Русскій крестьянинъ сѣетъ рожь. Ежегодно урожай ея достигаетъ 887 мил. бушелей (четвериковъ); но 58% всей ржи, привозимой въ Англію, идетъ изъ Россіи. У насъ производитель этой ржи питается той черной глиной, которую показывалъ въ Думѣ одинъ депутатъ; начальство рекомендуетъ рецепты приготовленія хлѣба изъ соломы, а въ Англіи русской рожью, чистой и безъ примѣси лебеды, откармливаютъ свиней. По производству сахара, Россія занимаетъ пятое мѣсто (Индія, Германія, Австро-Венгрія, Франція); но по потребленію его—только одиннадцатое. Въ Англіи потребленіе сахара на человѣка составляетъ 88,5 англ. ф. въ годъ, а въ Россіи—только 14. Какъ не вспомнить стихи Шелли: «Вы сѣете хлѣбъ, котораго не будете ѣсть; вы ткете платье, но не вы будете носить его». Въ Англіи мяса на человѣка приходится въ годъ 112 ф. (русскихъ фунтовъ—123,2), въ Россіи 51 ф. По потребленію мяса Россія занимаетъ 16-е мѣсто среди культурныхъ странъ. Обратимся къ тому, что англичане называютъ «dairy products». Россія ежегодно вывозитъ за границу яицъ и масла на 9 мил. ф. ст., т. е. на 90 мил. руб. Въ этомъ отношеніи она занимаетъ второе мѣсто. Первое—принадлежитъ Даніи. Но по потребленію dairy products Данія занимаетъ второе мѣсто, а Россія—четырнадцатое. Въ Даніи человѣкъ въ среднемъ потребляетъ 24,2 русск. ф. масла въ годъ, а въ Россіи—только 5,5 ф. Въ Англіи потребленіе масла составляетъ 20,9 рус. ф. въ годъ. Англичанинъ покупаетъ ровно въ пять разъ больше чая, чѣмъ русскій. Итакъ, анализъ цифръ покажетъ намъ, что въ среднемъ, англичанинъ питается въ 5—6 разъ лучше русскаго. Если мы выбросимъ состоятельные классы, которые у насъ ѣдятъ одинаково, какъ и англичане, скорѣе даже больше (въ Англіи кухня частнаго дома не напоминаетъ лабораторію алхимика, какъ у насъ, въ которой съ утра до вечера пылаетъ огонь и что-то постоянно шипитъ, прѣетъ и бурлитъ),—то мы получимъ, что англійскій «ходжъ» (сельскій работникъ) питается разъ въ 12 лучше, чѣмъ русскій крестьянинъ. «Ходжъ» каждый день ѣстъ бѣлый хлѣбъ, копченое сало, солонину, сыръ, молоко; онъ пьетъ

чай. Мармеладъ (т. е. варенье изъ апельсиновъ) и масло составляютъ въ англійской деревнѣ, какъ и въ городѣ, предметъ первой необходимости. Въ одномъ отношеніи Россія далеко оставляетъ за собой за границу. Нашъ государственный бюджетъ построенъ, съ одной стороны, на займахъ, съ другой—на народномъ пьянствѣ. И по количеству выкуриваемаго чистаго спирта Россія занимаетъ первое мѣсто. Англія выкуриваетъ въ годъ на 29 мил. галлоновъ спирта (галлонъ три штофа), тогда какъ Россія — 86 милліоновъ. Хлѣбъ у насъ вывозятъ за границу; русской рожью откармливаютъ свиней въ Англіи; но весь спиртъ предназначенъ правительствомъ для русскаго народа. Спиртъ за границу вывозить нельзя, потому что тамъ онъ дешевле, чѣмъ въ Россіи. И вотъ, тогда какъ въ Англіи потребленіе спирта составляетъ 0,95 галлона на человѣка въ годъ, въ Россіи оно достигаетъ 1,81 гал. *). Ничтожное количество плохого хлѣба, за то обиліе водки и невѣроятное количество всякаго рода «хозяевъ»! Возвращусь, однако, къ проекту аграрной реформы.

Въ настоящее время жилищный вопросъ въ англійской деревнѣ въ значительной степени осложняетъ вопросъ о нормальной заработной платѣ. Коттеджи англійскихъ сельскихъ работниковъ неизмѣримо лучше тѣхъ избъ, въ которыхъ живетъ у насъ средній крестьянинъ; но они плохи, стары и значительно хуже новыхъ городскихъ помѣщеній. Кромѣ того, сельскіе работники боятся селиться въ коттеджахъ, предлагаемыхъ фермерами, чтобы, такимъ образомъ, не стать въ полную зависимость отъ нанимателя. Вотъ почему, по мнѣнію составителей проекта, за дѣло должны взяться совѣты графствъ. И теперь уже во многихъ городахъ совѣты выстроили здоровые, удобные, красивые и дешевые домики для работниковъ. Всюду эти домики заняты и приносятъ городу постоянный доходъ, идущій на погашеніе капитальнаго долга. Такимъ образомъ, совѣты графствъ могутъ смѣло сдѣлать для сельскихъ работниковъ то же, что они сдѣлали уже для городскихъ работниковъ. При нормировкѣ рабочей платы, можно будетъ точно вычислить, сколько именно могутъ сельскіе работники платить за коттеджъ, и сообразно съ этимъ строить.

VI.

Далѣе, прежде чѣмъ приступить къ радикальной реформѣ, необходимо обратить вниманіе на справедливую ренту. Въ земледѣльческихъ графствахъ рента теперь равняется отъ 1 ф. ст. за акръ (близь Пемброка) до 3 ф. ст. (Кэмбриджъ). Это — средняя рента. Кое-гдѣ она падаетъ нѣсколько ниже (12 — 15 шил. въ Уэльсѣ);

*) Atlas of the World's Commerce, таблица 93.

въ нѣкоторыхъ графствахъ подпимается выше (въ Беркширѣ — 4 ф. ст., въ Соссексѣ — до 6 ф. ст., въ Кентѣ — 7 ф. ст., въ Эссексѣ—даже до 8 ф. ст. за акръ *). Рента, превышающая нормальную, обусловливается какими-нибудь исключительными причинами. Стремленіе лэндлордовъ воспользоваться прогрессомъ націи и учесть его въ свою пользу поднятіемъ ренты, — осуждено въ Англіи всѣми партіями. У насъ мы наблюдаемъ еще болѣе поразительное явленіе. Жадность землевладѣльцевъ при поднятіи арендной платы такова, что разрушила всѣ теоріи, установленныя отцами политической экономіи. «Съ 1875 г. владѣнія крестьянскихъ обществъ увеличились на 10%; но населеніе увеличилось за это время на 48%. Нужда въ землѣ такъ велика, а возможность снять ее такъ мала, что рента чрезмѣрно возрасла. Вопреки законамъ, установленнымъ классической политической экономіей, рента не только сравнялась съ незаработаннымъ приращеніемъ (unearned increment), но далеко превысила его, поглотила прибыль, и очень часто даже заработную плату арендаторовъ. Не рѣдки случаи, когда арендаторы платятъ въ видѣ ренты на шесть и даже на десять рублей за десятину больше, чѣмъ земля принесла бы чистой прибыли, будь она обработана наемнымъ трудомъ. Въ девяти уѣздахъ Нижегородской губерніи, напр., рента выше чистой прибыли, которую бы могла принести земля. Иногда арендная плата выше въ полтора, а иногда въ три раза. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ арендная плата за десятину земли, приносящую 91 коп. чистой прибыли — 2 руб. 86 коп. Въ Сергачскомъ уѣздѣ рента 5 р. 94 к., а прибыль — 4 р. 28 коп. Въ Орловской губерніи десятина земли, которая принесла бы 8 р. 76 коп., если бы ее обработать наемнымъ трудомъ, сдается нуждающимся крестьянамъ по 15 р. 20 коп. съ десятины. Въ Воронежской губерніи десятина земли, приносящая 10 р. 46 коп., сдается крестьянамъ по 14 р. 52 к. Въ пяти уѣздахъ Полтавской губерніи десятина земли, которая дала бы 7 р. 42 коп. чистой прибыли, сдается крестьянамъ по 11 р. 22 к. **). Рента, такимъ образомъ, у насъ гораздо выше, чѣмъ въ Англіи.

Нормировка заработной платы сельскихъ работниковъ можетъ быть только тогда, когда будетъ установлена справедливая рента. Въ настоящее время,—говоритъ одинъ изслѣдователь, — рента въ Англіи всюду чрезвычайно высока. Кромѣ того, если фермеръ дѣлаетъ какія-нибудь улучшенія, то пользуется этимъ только помѣщикъ. Если фермеръ проложитъ новый дренажъ или разведетъ фруктовый садъ, то все это перейдетъ потомъ къ помѣщику, который ничѣмъ не вознаградитъ арендатора. Такимъ образомъ,— говоритъ одинъ изъ членовъ Королевской коммиссіи для изслѣдованія положенія земледѣлія, — устанавливается своего рода премія

*) „Atlas of the World's Commerce", 1907, таблица 13.

**) P. Milyoukow, Russia and its Crisis, Chicago, 1905, p. 451.

на плохую обработку земли и карается хорошая система. Такъ какъ земля автоматически поднимается въ цѣнѣ, то помѣщики не любятъ долгосрочныхъ арендъ и предпочитаютъ годичные контракты. Это ведетъ къ тому, что фермеръ постоянно чувствуетъ, что положеніе его шатко. «Фермеру, помимо справедливой ренты, необходима увѣренность въ томъ, что земля, во всякомъ случаѣ, останется въ его пользованіи, покуда онъ будетъ платить (Fixty of tenure). Кромѣ того, фермеръ вправѣ требовать извѣстную свободу въ землепользованіи и вознагражденія за всѣ сдѣланныя улучшенія. Въ настоящее время контракты, диктуемые помѣщиками, связываютъ фермеровъ по рукамъ и по ногамъ; въ особенности это относится къ лицамъ, снимающимъ мелкіе участки. Герцогъ Бедфордскій ставитъ, напр., мелкимъ фермерамъ такія условія: «Если арендаторъ работаетъ на какого-нибудь хозяина, то, безъ разрѣшенія его, воспрещается фермеру обрабатывать свой участокъ днемъ отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера». Мелкій фермеръ обязанъ «вести трезвую жизнь и заботиться о томъ, чтобы семья его вела себя постоянно благопристойно». Въ противномъ случаѣ, контрактъ не дѣйствителенъ. Въ Harborough Magna, въ графствѣ Уоррикъ, помѣщикъ сдалъ фермеру участокъ въ 50 акровъ. Арендная плата—2 ф. ст. «Нельзя прокладывать дренажа или сажать фруктовыя деревья; помѣщикъ не заплатитъ ничего за это». Если арендная плата не внесена въ 14 дневный срокъ, контрактъ расторгается. То же самое произойдетъ, «если фермеръ безъ уважительной причины пропуститъ службу въ церкви» *).

Итакъ, необходимо выработать и установить справедливую ренту, основанную не на конкурренціи, какъ теперь, а на исчисленіи того, что земля можетъ дать. За такую справедливую ренту высказались даже нѣкоторые крупные помѣщики. Вычислить и опредѣлить ренту могли бы особые третейскіе суды, основанные въ каждомъ графствѣ.

Но всѣ перечисленныя мѣры только улучшили бы положеніе сельскихъ работниковъ и фермеровъ; требуется гораздо болѣе радикальная реформа: предстоитъ возрожденіе земледѣлія въ Англіи. Для осуществленія реформы необходимо сдѣлать всю землю національной собственностью. «Но прежде, чѣмъ нація приступитъ къ выкупу, необходимо опредѣлить справедливую цѣну. Затѣмъ нація не должна брать всю землю, покуда точно не будетъ знать, что дѣлать съ нею, т. е. покуда не явятся люди, умѣющіе справляться съ нею» **). Для русскаго читателя это, вѣроятно, звучитъ странно; но онъ долженъ вспомнить, что англійская деревня разбѣжалась. Тамъ нѣтъ крестьянъ собственниковъ, какъ у насъ. Въ городахъ

*) English Land Restoration League. Among the Agricultural Labourers. March. 1905, p. 18.

**) The Revival of Agriculture, p. 15.

нѣтъ рабочихъ и солдатъ, не забывшихъ соху и возвращающихся къ ней при первой возможности. Все, дѣйствительно любившее землю, потянулось давно уже изъ англійской деревни въ Канаду, Австралію и въ Капскую колонію. Все здоровое, талантливое и энергичное — переселилось въ города. Англійскіе работники на своихъ фабрикахъ и заводахъ теперь совершенно забыли, какъ обращаться съ землей. Это—второе и третье поколѣніе сельскихъ работниковъ. Они горожане до мозга костей. У насъ, если бы земля завтра отошла къ народу, съ котораго сняли бы опеку семи «хозяевъ», и если бы государство явилось съ дѣйствительной помощью въ видѣ пособія на обзаведеніе скотомъ, земледѣльческими орудіями и сѣменами (конечно, при содѣйствіи выборныхъ отъ всего общества, а не чиновниковъ), — тотчасъ бы нашлись земледѣльцы, которые убрали бы землю, какъ «невѣсту къ вѣнцу». Въ скоромъ времени осуществилась бы картина, нарисованная Некрасовымъ:

«Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ:
Волю да землю имъ дали...
И постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ—
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
... Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!»

Въ Англіи, если бы внезапный переворотъ сразу передалъ теперь всю землю народу въ руки,—онъ не зналъ бы, что дѣлать съ нею. Пришлось бы постепенно пріучаться къ ней. Это обстоятельство и имѣютъ въ виду составители проекта. Земля не должна быть въ распоряженіи центральнаго правительства. Даже въ демократическомъ государствѣ такимъ образомъ въ рукахъ господствующей партіи получилось бы такое страшное орудіе противъ трудящагося класса, которое въ скоромъ времени превратилось бы въ средство тираніи. Распоряженіе громаднымъ земельнымъ фондомъ породило бы жадную къ власти бюрократію, которой въ Англіи покуда еще нѣтъ. Земельный вопросъ долженъ быть въ вѣдѣніи отдѣльныхъ, самоуправляющихся ячеекъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, представителямъ центральной власти дѣлать нечего; имъ тамъ нѣтъ мѣста. Центральное правительство должно только помогать самоуправляющимся ячейкамъ деньгами. Ему надлежитъ также вести научное изученіе агрономіи. Въ настоящій моментъ при совѣтахъ графствъ уже существуютъ организаціи, которыя могли бы явиться эмбріономъ для развитія комитетовъ по выкупу всей земли. Это такъ называемые Small Holdings Committees, имѣющіе цѣлью доставлять желающимъ небольшіе клочки земли *). Small Holdings

*) Въ 1887 г. прошелъ въ парламентѣ законъ о мелкихъ земельныхъ

Committees скованы цѣлымъ рядомъ ограниченій, вотъ почему результаты дѣятельности ихъ теперь далеко не блестящи. Полномочія комитетовъ должны быть расширены въ видѣ усиленія права принудительнаго отчужденія земли. Они и теперь являются выборными учрежденіями; но представительное начало должно быть болѣе всесторонне. Предварительно оцѣнка земли будетъ уже произведена для установленія справедливой ренты. Такимъ образомъ, трудъ комитетовъ значительно облегчится. Помѣщики получаютъ облигаціи, которыя гарантируютъ имъ, взамѣнъ земли, справедливую ренту въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Этотъ доходъ долженъ быть обложенъ такимъ же налогомъ, какъ и вообще всѣ доходы. Въ общемъ, этотъ проектъ принудительнаго отчужденія земли напоминаетъ новозеландскій законъ, въ силу котораго выкупленныя и распредѣленныя между фермерами земли приносятъ колоніи доходъ, превышающій ежегодно на 50 тысячъ ф. ст. сумму, необходимую на погашеніе выкупа.

Земельные комитеты, возникшіе въ каждой самоуправляющейся ячейкѣ, пріобрѣтаютъ землю и раздѣляютъ ее на участки различной величины. Комитетамъ приходится считаться съ фактомъ, что классъ людей, знающихъ, какъ обращаться съ землей, нужно еще создать. Вотъ почему и участки не одинаковы по размѣрамъ. Въ разсчетъ принимается деревенскій лавочникъ, которому надобенъ только клочекъ подъ огородъ, затѣмъ, работникъ, желающій завести маленькую ферму и т. д. Земля сдается на семь или на 21 годъ; въ послѣднемъ случаѣ контрактъ утверждается каждыя семь лѣтъ. Дѣлается это съ той цѣлью, чтобы «не заработанное приращеніе» не шло бы фермеру. Контрактъ можетъ быть нарушенъ обществомъ, въ случаѣ крайне небрежнаго обращенія съ землей. Комитеты помогаютъ фермерамъ обзаводиться живымъ инвентаремъ. Въ этомъ отношеніи проектъ вводитъ мѣру отчасти уже существующую въ Ирландіи. Congested District Board (нѣчто въ родѣ крестьянскаго банка въ Ирландіи) израсходовалъ 113.894 ф. ст. на покупку лошадей, ословъ, коровъ, овецъ и свиней для нуждающихся фермеровъ западныхъ графствъ. Но этотъ банкъ оперируетъ на небольшой территоріи. Въ Англіи тотъ же опытъ предстоитъ повторить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Фермерамъ необходимъ рынокъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ

участкахъ (Allotments Act), который предоставилъ самоуправляющимся ячейкамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отчуждать землю у помѣщиковъ. По отчету 1890 г., число мелкихъ участковъ за четыре года увеличилось на 92152. Въ 1890 г. прошелъ Allotments Appeals Bill, усиливавшій значеніе предшествовавшаго закона. По отчету 1898 г. мы видимъ, что, на основаніи закона, *приходы* (начальная земская единица въ Англіи) пріобрѣли и распредѣлили между желающими 14872 акра земли. Обыкновенно участки—очень мелкіе, въ четверть акра. Обрабатываются они заступомъ. См. Chambers's Encyclopaedia, v. I, p. 171).

кооперативныхъ обществъ въ Англіи крайне поучителенъ. Когда то земледѣльческія коопераціи, основанныя послѣдователями Оуэна, всѣ гибли. Теперь фермы, основанныя громадными кооперативными обществами (въ Кеттерингѣ, Вуличѣ) — процвѣтаютъ. Объясняется это тѣмъ, что, во-первыхъ, кооперація можетъ примѣнить знаніе и капиталъ, а во-вторыхъ, что фермы имѣютъ готовый, обезпеченный рынокъ, т. е. всѣхъ потребителей. Кеттерингская кооперація имѣетъ великолѣпный садъ; но ей не для чего давать въ случаѣ большаго урожая дорогой видъ сливъ свиньямъ, вслѣдствіе отсутствія покупателей, какъ это бываетъ въ Девонширѣ. На фермѣ не бываетъ, что въ случаѣ большаго урожая корзины клубники гніютъ. Кооперація устроила на мѣстѣ свою фабрику для приготовленія консервовъ. Лавка потребителей забираетъ всѣ продукты. Каждая земская ячейка можетъ сдѣлать для фермеровъ то же самое, что и потребительное общество для кооперативной фермы. Кромѣ того необходимо улучшить пути сообщенія. Тѣ фермы, которыя лежатъ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ должны быть обслуживаемы автомобилями. Уже и теперь внесенъ въ парламентъ проектъ закона, имѣющій цѣлью облегчить пересылку по почтѣ посылокъ. Такимъ образомъ фермеры получатъ возможность быстро доставлять на рынокъ свои продукты. Земская ячейка гарантируетъ фермерамъ рынокъ и съ тою же цѣлью помогаетъ имъ группироваться въ артели. Уже и теперь въ Англіи дѣйствуютъ 140 кооперацій подобнаго рода, а въ Ирландіи—718 *). Муниципальные совѣты въ Англіи взяли уже кое-гдѣ на себя доставку молока. Это дало блестящіе результаты въ видѣ пониженія дѣтской смертности на 50%. Если то же самое городскіе совѣты сдѣлаютъ относительно нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ, то у коопераціи фермеровъ будетъ готовый рынокъ.

Параллельно съ выкупомъ земли и снабженіемъ фермъ живымъ инвентаремъ должно идти техническое обученіе подрастающаго поколѣнія. Итакъ, проектъ, изложенный въ «Revival of Agriculture» сводится къ слѣдующему: улучшеніе положенія сельскихъ работниковъ, справедливая рента, принудительный выкупъ земли и пріученіе къ земледѣлію громадной части населенія, давно уже оторваннаго отъ деревни. Земельный фондъ находится въ распоряженіи не государства, а отдѣльныхъ, самостоятельныхъ земскихъ ячеекъ (приходовъ, городовъ и графствъ). Составители проекта дѣйствуютъ такъ осторожно и медленно, потому что они имѣютъ предъ собою не русскихъ крестьянъ, выросшихъ на землѣ, любящихъ ее и рвущихся къ ней, а англійскихъ городскихъ работниковъ, давно уже загнанныхъ въ каменныя трущобы и не знающихъ даже, какъ взяться за заступъ.

Существуетъ и другой планъ возрожденія земледѣлія въ Англіи.

---

*) См. Hazell's Annual, 1907, p. 11.

Газета «Daily News» нарядила свою коммиссію для изслѣдованія этого вопроса. Спеціальные корреспонденты объѣхали всѣ земледѣльческія графства. Наблюденія ихъ печатались въ №№ за 1906—1907 гг. и теперь вышли отдѣльной книгой *), о которой поговорю въ слѣдующій разъ.

Діонео.

---

11 апр 1907

О казакахъ.

«Затѣмъ, дорогіе мои, родители батенька Петро Кирѣвичъ и равно маменька Евдокея Филиповна пропишу вамъ про свою службу. Служба моя очинь хорошая но только одно сквѣрно пріезжалъ къ намъ урядникъ нижне кундрюческой Станицы мехей Фолимоновъ съ 3-мя егортіями на груди имѣющій право отъ Его величества на собиседованіе съ казаками и вотъ присудствіи командира полка и 2-хъ командировъ сотенъ 5-й сотни Есаула реброва и 2-й сотни Есаула кирѣева началъ обставлять депутатовъ бывшей государственной думы Харламова, набокова, Араканцева, свящ. Аѳанасьева и нашего Федора Димитривича всѣ обѣ сотни 5-я и 2-я стали защищать этихъ господъ, но не такъ рѣзко какъ я ихъ останвалъ ибо Фолимоновъ возвишаетъ доблести васильева Курина и Совостьянова, А этихъ нашихъ защитниковъ называетъ казаками наизнанку А я постарался Ему фактично доказать что они—не казаки наизнанку А настоящіи доблестные сыны тихого дона за что командиръ полка лишилъ меня всякой свободы не только домой пустить но и тутъ не пущаетъ въ городъ безъ дневальнаго и не приказалъ командиру сотни назначать меня на дежурство и къ полковому знамени почему и небуду до самаго уволнѣнія со службы пользоваться свободой затѣмъ дорогіе родители прошу васъ пришлите мнѣ ради бога: дѣнегъ рублей 10 или 15 это крайне необходимо ибо я обносился»...

— Миссіонеровъ ужъ стали посылать,—замѣтилъ уныло «родитель» въ дубленомъ тулупѣ.—Онъ, что же, высокихъ наукъ, Фолимоновъ этотъ?

До сихъ поръ казачество почиталось настолько дѣвственнымъ, свободнымъ отъ политики, отъ мысли, отъ разсужденія, послушнымъ и исполнительно преданнымъ,—что въ посылкѣ «миссіонера» какъ будто бы и не представлялось особой необходимости. Оно прославлялось и въ патріотическихъ стихахъ, и въ патріотической прозѣ, и въ рѣчахъ высокопоставленныхъ ораторовъ.

---

*) To Colonise England. A. Plea for a Policy. London. 1907.

«Непоколебимы грозныя скалы,—говорилъ извѣстный истинно-русскій архистратигъ Каульбарсъ въ своей рѣчи на праздникѣ 8-го донского казачьяго полка:—за скалами тихая, надежная гавань для русской ладьи, а на ней державный Кормчій земли русской—нашъ обожаемый Монархъ. Дивныя имена носятъ эти скалы,—на нихъ начертаны имена русскихъ полковъ. На одной изъ самыхъ могучихъ и переднихъ я вижу тихій Донъ»... («Дон. обл. вѣд.», № 222).

Послѣ Японской войны, въ которой и самъ ораторъ, вмѣстѣ съ казацкими полками, прославился въ побѣдахъ неодолѣніемъ, намъ, казакамъ, былъ всетаки чрезвычайно пріятенъ этотъ комплиментъ, хотя мы знали, что ни одинъ русскій полкъ не носитъ такого «дивнаго имени»—тихій Донъ...

Намъ не надо конституцій,
Мы республикъ не хотимъ,
Не дадимъ продать Россію,
Царскій тронъ мы защитимъ!

Такъ вопіялъ черносотенный поэтъ Киселевъ 2-й въ одѣ, посвященной «полтавскимъ донцамъ».

И высочайшая грамота 1906 года изъявляла намъ всемилостивѣйшую признательность, подтвердила наши «права и привилегіи». Правда, ей предшествовали въ казачьей массѣ нѣсколько преувеличенныя ожиданія. По станицамъ и хуторамъ толковали, что за вѣрную службу царь отдаетъ казакамъ значущуюся въ его титулѣ «землю мордовскую»—«по 30 десятинъ на паевого», а мордву выселяетъ «на японскую грань—пужать японцевъ». Ожиданія не оправдались. Оставалось заняться подтвержденными «правами и привилегіями». Возникли сами собой вопросы: гдѣ права? Что такое привилегіи? И когда въ результатѣ неумѣстной пытливости не оказалось ни тѣхъ, ни другихъ,—донцы выбрали во вторую Государственную Думу всѣхъ представителей ярко оппозиціоннаго направленія... Твердыня вѣрности, преданности, непоколебимости обнаружила признаки даже какъ будто крамольнаго духа. Старанія и усилія истребить и тотъ духъ умѣренной строптивости, который обнаружился въ рѣчахъ четырехъ донскихъ депутатовъ въ первой Государственной Думѣ, пошли прахомъ...

Какъ извѣстно, тогда былъ внесенъ запросъ о незакономѣрной мобилизаціи казачьихъ полковъ 2-й и 3-й очереди и о незаконномъ употребленіи казачьихъ частей для полицейскихъ функцій. Запросъ вызвалъ горячія и продолжительныя пренія, въ которыхъ наибольшая слава впослѣдствіи выпала на долю трехъ донскихъ урядниковъ. Одинъ изъ урядниковъ—Васильевъ, произведенный нынѣ за патріотическія добродѣтели въ отставные хорунжіе, между прочимъ, заявилъ, что казаки дали ему наказъ успокоить революціонеровъ словами патріотической пѣсни: «всколыхнется, взволнуется православный тихій Донъ и послушно отзовется на при-

зывъ монарха онъ». Въ «Русскомъ Знамени» и другихъ листкахъ того же типа, въ прокламаціяхъ «Союза русскаго народа» слова развязнаго урядника были взяты эпиграфомъ, какъ слова подлиннаго наказа, даннаго казаками своимъ представителямъ.

Конечно, урядникъ Васильевъ сказалъ неправду: наказа казаки ему не давали. Имѣлъ онъ наказы лишь отъ своего непосредственнаго начальника, окружного атамана Хоперскаго округа г.-м. Широкова и, можетъ быть, за исполненіе этихъ наказовъ, вопреки закону, получалъ по 75 сребренниковъ изъ общественныхъ суммъ Ѳедосѣевской станицы. Излагать наказъ словами патріотической пѣсни, казачьей массѣ едва ли извѣстной, сочиненной къ Севастопольской войнѣ, могли, пожалуй, такіе «образованные» казаки, какъ урядникъ Васильевъ и генералъ Широковъ, которые усердно читаютъ «Русское знамя». Казачья же масса для изъявленія патріотическихъ чувствъ скорѣе использовала бы, вѣроятно, другія произведенія казарменной поэзіи, вошедшія въ обиходъ станичной жизни,—например ѣръ:

Громко, звонко запоемъ,
Что въ полку славно живемъ.
Ходимъ чисто и бѣло...
Здравствуй, Царское Село!

Выдать эту пѣсню за наказъ казаковъ своимъ депутатамъ ничего не стоило. Тотъ же Васильевъ съ успѣхомъ иллюстрировалъ бы ею свое утвержденіе, что «хотя нужда казаковъ и велика, но они не ропщутъ и роптать не намѣрены».

Какъ бы то ни было, но запросъ о казакахъ, внесенный въ первую Государственную Думу, сыгралъ въ жизни современнаго казачества довольно замѣтную роль: онъ способствовалъ пробужденію и оживленію казачьей мысли, выраженію общественнаго казачьяго мнѣнія, въ нѣкоторыхъ мобилизованныхъ частяхъ переходившаго и въ дѣйствіе. Казачьи депутаты получали множество ходатайствъ еще до внесенія запроса,—главнымъ образомъ, изъ мобилизованныхъ полковъ и отдѣльныхъ сотенъ. Когда же запросъ былъ внесенъ и черезъ газеты сдѣлался извѣстнымъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, число просьбъ, ходатайствъ и приговоровъ еще болѣе увеличилось. Нѣкоторыя станицы—напримѣръ, Усть-Медвѣдицкая,—послали въ Думу приговоры о рѣшительномъ отказѣ дать казаковъ для готовившейся къ роспуску Думы мобилизаціи трехъ новыхъ сводныхъ полковъ 2-й очереди. Возбужденіе въ казакахъ было настолько значительно и явно, что мобилизація была отмѣнена.

Сконфуженному мѣстному начальству необходимо было вывернуться передъ другою, болѣе значительною властью, которой казаки до сего времени представлялись скалами и утесами преданности, готовности и благонадежности для цѣлей подавленія свободы. И вотъ за рѣчи трехъ депутатовъ урядниковъ вмѣстѣ съ

органами истинно-русскихъ компаньоновъ хватаются «истинные сыны тихаго Дона» въ генеральскихъ мундирахъ. Они прилагаютъ всевозможныя усилія, чтобы, въ противовѣсъ крамольнымъ приговорамъ, составить и разгласить приговоры патріотическаго содержанія. Судя по прежней практикѣ, дѣло казалось простымъ: стоило приказать кому слѣдуетъ и — приговоры готовы. Дерзнетъ ли кто-нибудь «забыть присягу» — возразить противъ патріотическаго изъявленія преданности?...

Пущена была въ ходъ обычная машина. Окружные атаманы надавили на станичныхъ атамановъ, станичные атаманы—на подчиненныхъ имъ станичниковъ. Результаты обнаружились быстрые, но не вполнѣ утѣшительные. Казаки, всегда такіе насчетъ патріотизма сговорчивые, вдругъ уперлись, и коллекція выраженій патріотическихъ чувствъ оказалась до неприличія скудна. Мѣстный органъ «Союза русскаго народа», издающійся на войсковыя средства,—«Донскія Областныя Вѣдомости»,—напечаталъ всего семь патріотическихъ приговоровъ на отдѣльномъ листѣ—для разсылки по всѣмъ станицамъ, хуторамъ, полкамъ и отдѣльнымъ сотнямъ въ назиданіе. Всего семь патріотическихъ приговоровъ, а станицъ въ Донскомъ Войскѣ—117, не считая пяти калмыцкихъ. А сколько усилій было приложено... Чтобы добиться согласія хотя бы половины выборныхъ, начальство пускало въ ходъ и подтасовку, и клевету, являлось на сборы не съ оффиціальными отчетами о думскомъ засѣданіи, а съ номерами газетъ «Русское Знамя», «Вѣче» «Голосъ Дона», «Московскія Вѣдомости»... Но, какъ оказалось, и это плохо помогло...

Патріотическіе приговоры, носящіе слѣды чиновныхъ вдохновителей, всетаки любопытны, какъ документы, характеризующіе мѣстный военно-полицейскій режимъ. Я позволю себѣ сопоставить эти документы съ тѣми, которые были получены депутатами первой Думы.

Приговоръ Павловскаго станичнаго сбора гласитъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Государственной Думѣ, по волѣ Государя собравшейся, недостойные члены ея вмѣсто думъ о народномъ благѣ, вмѣсто работъ о тѣхъ реформахъ, которыя могли бы поднять и матеріальное, и нравственное состояніе дорогой намъ родины—Россіи, занимались только словопреніемъ и всячески старались оскорблять вѣрныхъ слугъ Царя и родины—министровъ, какъ будто въ этомъ ихъ была главная задача—оскорблять людей, цѣлую жизнь работающихъ для родины и даже проливавшихъ за нее кровь, не жалѣя жизни, да еще прямо таки ради придирки ставить вопросъ: на какомъ основаніи призваны на службу казаки 2-й и 3-й очереди?»

«Мы клялись, вѣримъ въ Бога и клятвопреступниками быть не можемъ, несмотря ни на какія прокламаціи, брошюры и уговоры смутьяновъ-крамольниковъ и другихъ лицъ, шумящихъ при томъ

же объ отмѣнѣ смертной казни, а сами изъ-подъ угла воровски убивающихъ лучшихъ людей въ государствѣ. Это по нашему не человѣчно, это можетъ быть естественнымъ явленіемъ только въ царствѣ звѣрей или душевно больныхъ. Какъ же, какіе же такіе особенные экземпляры людей, которымъ все возможно—грабить и даже убить человѣка, а ихъ не тронь. Нѣтъ, такихъ гражданъ намъ не надо, это вредный, больной элементъ, его слѣдуетъ и давно пора изолировать».

Патріотическое воодушевленіе Павловской станицы всетаки блѣднѣе, чѣмъ у другихъ станицъ, увѣковѣченныхъ областными вѣдомостями.

«Мы ни надъ чѣмъ не останавливаемся, исполняя волю Царя и правительства», — заявляетъ Трехъ-Островянская станица въ своемъ приговорѣ:—«и какъ бы ни называли насъ враги государства Россійскаго, для насъ нисколько не обидно».

Но Бесергеневская станица не проходитъ молчаніемъ широко распространившуюся славу о подвигахъ казачества:

«А что въ газетахъ сообщаютъ, будто бы мы и наши сыны обращались по-звѣрски съ мирными жителями, то это есть безстыдная клевета, выдуманная и распускаемая революціонерами за то, что мы стойко стоимъ за вѣрность Царю и присягѣ и никто изъ насъ и сыновъ нашихъ никогда не позволитъ этого дѣлать такъ какъ каждый долженъ помнить данный имъ обѣтъ передъ Крестомъ и Евангеліемъ: товарища выручай, мирнаго жителя не обижай».

Бесергеневцы не справились съ уголовной хроникой хотя бы своей станицы. А вотъ въ приговорѣ казаковъ Етеревской станицы—въ «Донскихъ областныхъ Вѣдомостяхъ» онъ не напечатанъ—говорится уже иначе:

«Искони природные къ войнѣ и защитѣ отечества, мы не останавливались ни передъ какимъ призывомъ и съ радостью шли на службу царскую, гдѣ пріобрѣтали себѣ честь и славу. Дѣдовъ и отцовъ восхваляли, про нихъ пѣлись въ народѣ военныя пѣсни. Мы думали, что и дѣти наши, по первому зову являвшіяся на службу, заслужатъ себѣ любовь народа. Что же видимъ на самомъ дѣлѣ? Дѣти наши заслужили себѣ не славу народа, а кличку «дикая орда», народъ ихъ называетъ волками, убійцами, разбойниками, грабителями, продавцами себя, наемными душами. И мы съ горькимъ сердцемъ сознаемъ, что это заслужено хотя не всѣми, но многими изъ нихъ».

Черезъ Зимняцкій хуторъ прошла полусотня второ-очередныхъ казаковъ, истребованная усть-медвѣдицкимъ окружнымъ атаманомъ для охраны собственной персоны. Лишь прошла. Но слѣдъ, оставленный ея посѣщеніемъ, былъ настолько выпукло замѣтенъ, что поколебалъ патріотическую созерцательность даже очень стойкихъ людей.

— Ну, насмотрѣлся я,—говорилъ станичный атаманъ, заранѣе истребованный на хуторъ для наблюденія за порядкомъ:—теперь вѣрю всему, что пишутъ въ газетахъ. Впередъ всетаки сомнѣвался. Теперь вѣрю. Разъ тутъ, середи своихъ, они такъ ведутъ сами себя, чего же дѣлаютъ они въ Россіи?! Пьяные, безобразничаютъ, ругаются. Арбузъ ѣдятъ, а сами матерщиной. Командиръ боится ихъ и не показывается! Къ жителямъ лѣзутъ, тащутъ, чего хотятъ, а сталь говорить—грозятъ. Монополову жену поймали на крыльцѣ, повалили... насилу вырвалась, а то бы... Ружья побросали. Наши ужъ хотѣли было похватать ихъ да показать имъ свою развязку. И показали бы, кабы я не удержалъ...

— Шесть калмыковъ среди ихъ. Что за благородный народъ. водки—никакъ, ни ругаются, ни за людьми не туразятъ... Такъ посидѣли вечеромъ, поговорили между собой, потомъ легли на сѣдла спать. А наши хуже башибузуковъ. Сказалъ я командиру, а онъ лишь плечиками вздрагиваетъ. Боится: грозили убить его, говорятъ ..

— Есть и тихіе изъ нихъ. Все по-благородному, какъ и прилично военному человѣку. Одинъ казачокъ, набожный такой, смирный... Разговорился со мной. Пять человѣкъ дѣтей у него, жена дома да отецъ старый. Было, говоритъ, три пары быковъ. Земли было насѣяно. Пару быковъ жена продала—работать нанять; 75 рублей не достало, деньги израсходованы. Опять неурожай въ этомъ году—другую пару продала: ребятъ обшить, обуть надо. И такъ сталъ я изъ хозяина почти нищимъ...

«Сталъ изъ хозяина почти нищимъ»... Патріотическіе приговоры, наоборотъ, утверждаютъ, что мобилизація поправила хозяйства казаковъ. «Что касается экономическаго положенія семей мобилизованныхъ казаковъ, то и по этому поводу слезы, пролитыя въ Государственной Думѣ, были пролиты напрасно, такъ какъ каждый казакъ въ видѣ пособія на снаряженіе получилъ до 200 рублей, семья его для найма рабочихъ получила 75 руб. изъ войсковыхъ и казенныхъ суммъ и сами казаки, состоя на службѣ, получаютъ нынѣ усиленное содержаніе, отъ избытковъ котораго многіе посылаютъ даже помощь своимъ семьямъ» (приговоръ Егорлыцкой станицы).

То же самое утверждаетъ станица Букановская, за ней Аржановская, которая считаетъ даже недостаточнымъ количество мобилизованныхъ казачьихъ частей и полагаетъ необходимымъ «усилить ихъ для защиты намъ дорогихъ и близкихъ сердцу Россіи и царствующаго дома». Наиболѣе цѣнными и обоснованными всетаки представляются указанія Егорлыцкой станицы: каждый казакъ получилъ до 200 рублей въ видѣ пособія на снаряженіе и затѣмъ отъ избытковъ. По этому поводу не лишни нѣкоторыя справки. Оказывается, что полки, мобилизованные до 1906 г., т. е. большая часть казаковъ, вся вторая очередь, получили по 100 рублей и

только. Когда 3-й полкъ выразилъ протестъ противъ полицейской службы, послѣ этого пришлось набавить цѣну за казацкія услуги: казаки трехъ сводныхъ полковъ 3-й очереди, мобилизованные въ февралѣ, получили пособіе по 200 рублей. Что касается присылаемаго отъ избытковъ содержанія, то въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе одно обстоятельство: далеко не во всѣхъ казачьихъ частяхъ и даже не у всѣхъ казаковъ одной и той же части оказывается «избытокъ». Сами казаки говорятъ объ избыткахъ такъ: «это кому пофортунитъ»... И затѣмъ присылаютъ, главнымъ образомъ, вещи—правда, иногда цѣнныя, но въ домашнемъ казацкомъ обиходѣ не нужныя. Одинъ казакъ съ хутора Пичугина прислалъ женѣ лисью ротонду. Конечно, носить эту ротонду казачка, привыкшая къ нагольной овчинной шубѣ, не станетъ. Кому «пофортунитъ», присылаютъ швейныя машины, грамофоны, валенки, жестянки съ консервами, плиссерованныя юбки, жакеты, которые казачки стѣсняются надѣвать, по непривычкѣ къ моднымъ фасонамъ. Все это, разумѣется, едва ли «отъ избытковъ содержанія»...

Объ «избыткахъ содержанія» въ другихъ казацкихъ приговорахъ что-то не упоминается.

«По уходу дѣтей нашихъ изъ дому, остались мы, родители ихъ старые и жены ихъ съ малыми дѣтьми, у нѣкоторыхъ по шести душъ дѣтей и живетъ одна, которыя требуютъ непремѣнный за собой уходъ, а намъ и въ полѣ надо работать, а мы, родители ихъ старые, не можемъ и себѣ пріобрѣсть насущнаго хлѣба, а сыновъ нашихъ забрали на службу, на которыхъ пришло положить половину нашего имущества, а нѣкоторые изъ насъ остались даже безъ хлѣба и послѣднюю десятинку зарабатывать было некому, а дѣтей нашихъ угнали охранять имѣніе богачей, а насъ лишили послѣдняго хозяйства, а поэтому вынужденными себя находимъ ходатайствовать о выпускѣ нашихъ сыновъ и мужей домой. Мы даже и не желаемъ, что наши сыны оберегаютъ только чужія имѣнія, а не отечество,—то пусть богачи сами охраняютъ себя, а въ защиту Батюшки-Царя и святой Руси мы навсегда будемъ готовы выставить своихъ дѣтей на границы, а помѣщиковъ мы охранять не согласны» (Приговоръ Глазуновской станицы).

Предо мной слишкомъ много документовъ и изъ полковъ отъ казаковъ-нижнихъ чиновъ, и отъ казаковъ-офицеровъ, и отъ станицъ, и отъ казачьихъ семей. Чтобы не утомлять читателя, я выбираю наугадъ изъ тѣхъ, которые въ свое время не попали въ печать.

Вотъ письмо отъ казаковъ 48-го полка:

«Служба наша нистроевая, а палицейская. Да намъ делать нечива, въ Донской области въ станицы Урюпинской стоимъ А поэтому Делу просимъ васъ походатоствовать анасъ чтобы Мы были спущены Домой такъ какъ Унасъ Дома осталися одни сторики да жоны смаломи дѣтми голодныя, А мы сторожимъ чужуя

собствинасть, свою побросали у насъ началась уборка хлѣба убирать некому, пропадай все наше Добро. Абращаймся Мы квамъ походатствовать предъ Государственной Думой о насъ, чтобы спустили Домой: чево Мы ожидаимъ каждый день Тилиграму читаимъ и смотримъ и слушаимъ гдѣ читають газеты, чево Пишутъ онасъ и чево вы говорите Мы о васъ очинъ биспокоимся о вашемъ предълоги о насъ и благодаримъ васъ, что вы говорите правду всю Мы готовы всегда служитъ Государю и нашему Атечеству Дорогому и просимъ васъ какъ намъ быть гдѣ намъ искать милость»...

Вотъ прошеніе, написанное и подписанное женской рукой. Грамотная казачка—рѣдкое явленіе, и услышать ея подлинное слово особенно интересно.

«Прошу и молю Богомъ поставленную власть,—пишетъ казачка Скуришенской станицы С—ва,—обратить христіанское вниманіе на наше бѣдственное положеніе. Мужъ мой, окончивши трехгодичный срокъ службы, поживъ мало дома, схваченъ въ двое сутокъ по мобилизаціи и служитъ сейчасъ въ сводномъ полку въ Тамбовской губерніи не какъ на дѣйствительной, а какъ какимъ-то сторожемъ: караулятъ помѣщика Ушакова имѣнія, тлѣнное вещество, а меня оставилъ съ тремя малолѣтними сынами, при томъ же старые дѣдъ и бабка 72-хъ лѣтъ. Не имѣю полевыхъ рабочихъ рукъ, терплю нужду въ пропитаніи, хотя мужъ мой осенью оставилъ мнѣ пять десятинъ пахатной земли, весной некому было заработать, я принуждена была продать четыре десятины за дешевую цѣну, пятую десятину я заработала хотя чужими руками для пропитанія. Пришла жатва,—некого нанять убрать эту десятину, всякъ говоритъ: «погоди, когда свой уберемъ, тогда можетъ быть наймусь, что и означаетъ, когда могущіе уберутъ свой хлѣбъ, а мой послѣ ихъ уборки долженъ пропасть. Къ чему же намъ и пособіе безъ собственныхъ рукъ? Это пропитаніе, какъ падающая со стола крошка. Какъ же я буду съ своими военными сынами? И мило ли моему мужу оберегать имѣнія помѣщика Ушакова, а свои сердечныя души безсмертныя уморить? Какіе же будутъ мои сыны вояки? Заранѣе отцу надо бы готовить ихъ къ военному дѣлу, а они оставлены, какъ сироты»...

Нѣсколькими строками ниже она прибавляетъ:

«Не я одна прошу милости,—и многія есть такія же, со мной равны и многія еще бѣдственнѣе меня. Надѣемся, какъ милостивъ Богъ, такъ и поставленная имъ власть не оставитъ насъ сирыхъ, отпустятъ 3-ю и 2-ю очередь мобилизованныхъ казаковъ».

Конечно, эти документы не убѣдительны для вдохновителей патріотическихъ приговоровъ. Бывшій депутатъ, урядникъ Васильевъ съ развязностью заявлялъ въ Думѣ, что документы эти есть плодъ преступной агитаціи. Вотъ онъ, дескать, не агитировалъ и ему не прислали ни подобныхъ приговоровъ, ни просьбъ. Въ «многоуважаемую» редакцію «Зорьки» г. Васильевъ писалъ:

«Безпристрастная исторія скажетъ о всемъ своевременно, а темныя дѣлишки лицъ, занимающихся агитаціей и собираніемъ всевозможныхъ и всевозможными путями черныхъ документовъ, которымъ грошъ цѣна, раскроются въ недалекомъ будущемъ. Имѣющій уши да слышитъ».

Это въ іюлѣ 1906 г. писалъ «истинный сынъ Россіи и тихаго Дона», какъ именовалъ себя въ томъ же письмѣ въ «многоуважаемую Зорьку» г. Васильевъ. И уже во второй половинѣ того же мѣсяца онъ раздавалъ по станицамъ Хоперскаго округа «свѣтлые» документы: № 151 «Русскаго Знамени», гдѣ въ стихахъ и прозѣ прославлялся урядникъ Васильевъ, листки: «Какъ думскіе полубаре хотѣли мужика обмануть», «Россія передъ казнію», «Славному казачеству» и др. Послѣдній документъ кончается призывомъ: «Не теряйте же времени, пишите на станичныхъ сборахъ о вступленіи вашемъ въ союзъ русскаго народа, высылайте скорѣй приговоры къ намъ, а дальше самъ Господь и сердце, преданное Государю, подскажутъ вамъ, что надо дѣлать»...

Раздача этихъ документовъ сопровождалась, по истинно-русскому обычаю, питіями и закуской. «Безпристрастная исторія» говоритъ и о другихъ «истинныхъ сынахъ»,—напримѣръ, о генералѣ Широковѣ, неутомимо излагавшемъ «своими словами» передовыя статьи «Русскаго Знамени» и «Вѣча» о жидовской Думѣ на станичныхъ и хуторскихъ сборахъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ тарантасѣ — ямщикамъ... Всюду, гдѣ можно, и генералъ Широковъ поливаетъ очищенной сѣмена насажденія своего («Цариц. Рѣчь», № 180).

II.

Отношеніе казаковъ къ запросу о мобилизаціи 2-й и 3-й очереди характеризуетъ до нѣкоторой степени и ихъ отношеніе къ освободительному движенію. Изъ вышеприведенныхъ документальныхъ выдержекъ видно, что казацкое мнѣніе идетъ двумя радикально-противоположными направленіями: съ одной стороны—съ десятокъ станицъ объявляютъ себя всецѣло на сторонѣ самодержавія, ради благоденствія котораго они «ни передъ чѣмъ не останавливаются»; съ другой—около полусотни станицъ (и хуторовъ), приговоры и просьбы которыхъ были получены въ Думѣ, просятъ (одна Усть-Медвѣдицкая лишь *требуетъ*) и даже молятъ Богомъ поставленную власть освободить ихъ отъ позорной нынѣшней службы. Остальныя станицы молчатъ, «бо благоденствуютъ»... А можетъ быть, и по невозможности выразить свое искреннее мнѣніе...

Разница во взглядахъ на самый острый, самый жизненный вопросъ современности объясняется, прежде всего, конечно, силою тѣхъ начальственныхъ воздѣйствій, подъ которыми давно уже про-

ходитъ вся жизнь казака. Имѣетъ нѣкоторое значеніе и разслоеніе казачьей массы.

Во время выборовъ въ первую Государственную Думу черкасскій предводитель дворянства камеръ-юнкеръ Леоновъ, лидеръ правыхъ, угощая въ третьестепенномъ трактирчикѣ «Золотой Якорь» нѣкоторыхъ выборщиковъ отъ станицъ водкой, патетически восклицалъ:

— Я—казакъ! Я—природный казакъ... старый урядникъ! Не ряженый казакъ, какъ всѣ эти учителя, адвокаты, мировые судьи, а истинный казакъ...

Любилъ себя называть «истиннымъ» казакомъ и бывшій войсковой атаманъ кн. Святополкъ-Мирскій, ограбившій Донъ. Его ставленникъ, черкасскій окружной атаманъ Берладинъ, уличенный во взяточничествѣ, тоже, надо думать, «истинный» казакъ. Но отъ этихъ казаковъ до глазуновскаго казака Петра Мишаткина, взятаго «по мобилизаціи», оставившаго дома пять дѣтишекъ отъ шестилѣтняго до шестимѣсячнаго возраста, да на придачу къ нимъ разбитую параличемъ бабку,—разстояніе огромное. Ихъ объединяетъ, конечно, казарменный строй и красныя лампасы. Но для «не ряженыхъ» казаковъ въ родѣ ген. Берладина и ему подобныхъ этотъ строй—источникъ выгодъ, почестей, безгрѣшныхъ доходовъ, власти, вліянія и благоденствія. Для Мишаткина—это безсмысленно-тяжкое иго и бремя неудобоносимое...

На дистанціи столь огромнаго размѣра, которая отдѣляетъ камеръ-юнкера Леонова отъ казака Петра Мишаткина, можно видѣть группы, не столь рѣзко отграниченныя въ своихъ жизненныхъ интересахъ и въ своемъ міросозерцаніи, но, тѣмъ не менѣе, далеко не сходныя между собой. Не говоря уже о многочисленномъ классѣ лицъ должностныхъ (нигдѣ столько чиновниковъ нѣтъ, какъ въ казачьихъ областяхъ, въ особенности въ станичномъ управленіи), пристроившихся къ жалованью и обязанныхъ «присягою» поддерживать незыблемость существующаго строя за извѣстное число сребренниковъ,—на этой дистанціи есть и «хозяйственные мужички» въ лампасахъ, казаки-торговцы, кулаки, ростовщики и обглоданный ими безлошадный казакъ, опустившійся и мечтающій о службѣ въ полицейскихъ стражникахъ, какъ о кладѣ; есть и казакъ-землеробъ, бьющійся на своемъ четырехъ-пяти-десятинномъ надѣлѣ (самая многочисленная категорія), и казакъ «ряженый», по терминологіи «старыхъ урядниковъ»,—казакъ-учитель, юристъ, врачъ, интеллигентный въ подлинномъ смыслѣ офицеръ и изрѣдка казакъ-священникъ или истинно-просвѣщенный дьяконъ.

Всѣ эти группы, даже спаянныя общей казарменно-полицейской спайкой, находясь подъ непрестаннымъ, въ теченіе цѣлаго вѣка, воздѣйствіемъ всякаго рода чиновныхъ самодержцевъ—большихъ и малыхъ,—всетаки разошлись въ своемъ пониманіи роли казачества и въ своемъ отношеніи къ освободительному движенію. Казакъ

въ галунахъ, т. е. отличенный начальствомъ отъ рядовой массы, занимающій должность или прицѣливающійся занять ее (какой только казакъ не прицѣливается къ этому), хозяйственный мужичокъ, камеръ-юнкеръ, кулакъ, ростовщикъ, — они составятъ и подпишутъ патріотическіе приговоры о готовности «ни передъ чѣмъ не останавливаться» по приказу начальства. Подпишутъ ихъ и простодушные, довѣрчивые люди, если имъ пообѣщать что-нибудь, хотя бы тѣ же галуны (производство изъ рядовыхъ въ урядники, какъ поощрительная мѣра, практикуется въ казачьихъ областяхъ не только въ строю, но и въ домашней жизни). Припоминается мнѣ одинъ древній старичокъ, выборщикъ Хоперскаго округа. Какъ-то зашелъ онъ ко мнѣ въ номеръ съ тетрадью въ рукахъ. Видъ у него былъ таинственный, заговорщицкій.

— Всю ночь, парень, не сплю, думаю: кого назначить въ Думу? Ты какъ думаешь?

— Кто изъ ораторовъ наиболѣе дѣльныя мысли выскажетъ, на того и положу.

— Не разберешь ихъ, парень, алатырей. Мнѣ вотъ дюже показался этотъ аблакатъ изъ Таганрога... У! сукинъ сынъ, говоритъ — какъ чешетъ! Рукой махнетъ, какъ молнья сверкнетъ!..

— Вотъ и отлично. И я на него положу.

— Нельзя! Говорятъ: жидъ. Наши ужъ дознали. Генералъ говоритъ: этого—Боже васъ упаси!..

— Ну, на этотъ разъ мы безъ генерала какъ-нибудь сообразимъ.

— Мм... да... Нѣтъ уже, супротивъ начальства не того... не гоже... Всякому лестно въ галунахъ домой вернуться. Наши вонъ поѣхали Голицына встрѣчать безъ галуновъ, а вернулись въ галунахъ. Лестно взглянуть. И намъ, можетъ, дадутъ...

На видъ этому старичку было не менѣе семи десятковъ. Прожилъ человѣкъ безъ галуновъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что жить безъ нихъ можно,—однако же, честолюбивая мечта объ этомъ отличіи даже у двери гроба властно диктовала ему необходимость угождать начальству. За время выборовъ я познакомился съ нимъ поближе. Человѣкомъ оказался онъ простымъ, безхитростнымъ и искреннимъ. Голосовалъ онъ, въ концѣ концовъ, за лѣвыхъ и галуновъ не получилъ, но уже не жалѣлъ объ этомъ: взгляды его рѣзко измѣнились въ теченіе четырехъ дней. Между прочимъ, рукопись свою, въ которой изложено было что-то въ родѣ его платформы, онъ пожертвовалъ мнѣ. Взгляды его—прямолинейно и, пожалуй, безкорыстно патріотическіе, и, мнѣ кажется, они типичны для казаковъ его имущественнаго положенія,—онъ изъ категоріи «хозяйственныхъ мужичковъ».

«Изъ даніе первая»,—такъ озаглавлена его рукопись, въ которой онъ имѣлъ въ виду изобразить «казачій бытъ и тяжелое ихъ обстоятельство». Вначалѣ онъ бросаетъ ретроспективный взглядъ

на прошлое казачества и затѣмъ сопоставляетъ его съ настоящимъ. Уже въ самомъ изображеніи этого прошлаго видно отраженіе оффиціально-патріотическихъ взглядовъ, утвержденныхъ въ головахъ казаковъ начальническими оффиціально-литературными опытами:

«Съ древняго нашего казачиства переходя къ настоящему оказалось что предки наши тогда было ихъ въ маломъ каличествѣ, они и заслужили своею вѣрною службой и кровію у своихъ древнихъ славныхъ вѣликихъ Государѣй великую славу честь и благодарствѣнныя грамоты, и кромѣ того въ постоянное свое вѣчное влоденіе идомачное хозяйствѣнное жительство вѣсь славный тихій донъ какъ воды такъ и слой его земли, совсеми его притоками и вершинами, А заселить его по своей малочисленности своимъ казачимъ на силѣніемъ незаселили, они тогда занимали жительство ближе къ теплому зимниму клеймату низы дона около озовскаго моря, и занимались болей скотоводствомъ мѣжду темъ и рыбаловлей,—это и самое найлучшая и любезная казачія хозяйство скотоводство»...

Бѣдствія настоящаго времени происходятъ, во-первыхъ, отъ размноженія коренного казацкаго населенія, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ, отъ «иногороднихъ русскихъ народовъ», которые «свободно между казаковъ съ жительствомъ поселились и самыя лучшія около казаковъ господскіе земелиные участки съ помощью казны крестьянскихъ банковъ на вѣчное покупили». Авторъ даже не задается вопросомъ, какъ появились «господскіе земельные участки», почему подъ ними оказались самыя лучшія земли, откуда взялись сами «господа» среди казаковъ. Всю тяжесть своего обвиненія онъ обрушиваетъ на «русскіе народы», ставя имъ въ вину даже и то обстоятельство, что они пользуются содѣйствіемъ Крестьянскаго банка, а казаки—нѣтъ. «Русскіе народы всѣ мѣры употребляютъ, дабы не дать возможность казаку распространиться въ изобиліе богатства, а къ тому же русскимъ народамъ казна деньгами помогаетъ, а казакамъ помощь отказана». И всетаки, несмотря на эту явную несправедливость отношенія «казны» — значитъ, правительства,— авторъ остается непоколебимо твердъ въ своемъ патріотизмѣ и старается особенно выдвинуть его теперь, когда «русскіе народы», по его мнѣнію, дѣлаютъ попытку «отобрать власть царя и правительства».

«Казаки, — говоритъ онъ, — лишаясь жизни всей душой и кровію верно Служатъ все подданнѣйше и по требованію на Службу взащиту Своего обожаемаго Монарха Государя Императора его пристола и отечиства и сохраняя все интерессы своей вѣликой державы, скоро и спешно пошли, остовляя свои семья безкуска хлѣба радосно на защиту своей имперій, вновь проливая свою казачію кровъ совнутринемъ врагомъ становясь вряды твердыми ногами на оплоты и богатырскими силами, і заслужили

отсвоего вѣликаго Государя благодарствѣнную грамоту, честь, и славу, а оставшеяся семьи казаковъ стесняются рускими народами проживающими среди казаковъ они т. с. рускія народы по неновисти къ казакамъ поповоду ихъ смугъ и бунтовъ порасеи имѣютъ великое зло на казаковъ за то что казаки твердо и непоколебимо защищають своего Государя престолъ иотечиство, и все интерессы росеи неновидятъ казаковъ и стремятся какъ бы истребить и стереть грозное имя казаковъ слица донской земли, они говорятъ небудь бы казаки стали взащиту мы бы тогда отобрали власть царя и провительства и распорядились бы посвоему. 29-го марта я былъ на станцій Панфиловой Ю. В. ж. д. гдѣ была группа рускихъ народовъ изъ нихъ крест. Селиверстъ Корнеевъ *), проживающій о нашу грань, высказалъ теперь наши мужики хотятъ сговорится какъ только указаковъ хлѣбъ поспейтъ и высохнитъ тогда хотятъ весь хлѣбъ выжечь огнемъ, въ виду такого ихъ злобнаго умысла и угрозъ, казаки: не желаютъ чтобы рускія народы болей проживали промежду и около казаковъ, А по поводу этого осмеливаются все подданнейше просить своего Государя императора, и свое правительство повозможности удалить иногороднія народы отъ жительства казаковъ въ свои росейскія места А что Селиверстъ высказывался подтвердитъ уряд. Федоръ Федосовъ».

Программа, выставленная блокомъ правыхъ партій въ первомъ областномъ избирательномъ собраніи въ гор. Новочеркасскѣ, въ пунктѣ объ иногороднихъ и о «бунтахъ», ничѣмъ не отличалась отъ мнѣнія хоперскаго выборщика. Послѣдній изложилъ лишь ее болѣе открыто и непосредственно, продолжилъ до логическихъ послѣдствій и, въ концѣ концовъ, отошелъ даже влѣво отъ камеръюнкеровъ, дворянъ и генераловъ. Въ вопросахъ торговли онъ проектировалъ образованіе станичныхъ потребительныхъ лавокъ съ обращеніемъ доходовъ отъ нихъ въ общественныя суммы, иногороднихъ же торговцевъ изъ станицъ устранить—«по поводу ихъ самоналоженныхъ цѣнъ дороговизны и ненависти ихъ къ казакамъ, по поводу ихъ смутъ и бунтовъ по Россіи».

Но въ своей аграрной программѣ, патріотически настроенны противъ бунтующихъ «русскихъ народовъ», выборщикъ заходит такъ далеко, что отъ частной земельной собственности ничего не остается. Онъ предлагаетъ «не замедлить произвести выкупъ по всей Донской области господскихъ земельныхъ участковъ»—за счетъ государства. По какой же оцѣнкѣ? Для установленія справедливой цѣны на землю онъ предлагаетъ «потребовать давнія земельныя условія покупателей по области на всѣ покупныя земли и посмотрѣть, за какія они цѣны покупали, за тѣ цѣны и произвести выкупы съ помощью казны государственнаго или областного

*) Имя мною измѣнено.

капитала и на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 17 октября для улучшенія жизни хозяйственнаго быта казаковъ Донского войска—всѣ принадлежащія (т. е. частновладѣльческія) земли на всегдашнее владѣніе опредѣлить въ добавленіе казакамъ». По его разсчету, стоимость десятины, подлежащей выкупу, такимъ образомъ, не превыситъ 25 рублей. Въ дальнѣйшихъ своихъ соображеніяхъ о выкупѣ частно-владѣльческихъ земель онъ предполагаетъ, въ случаѣ несогласія владѣльцевъ на эти условія, вычислить, «сколько они забрали денежныхъ доходовъ «за года» и взыскать съ нихъ эти суммы. Онъ предусматриваетъ и то обстоятельство, что аграріи вздумаютъ указывать на свою высокую миссію, неразрывно связанную съ владѣніемъ землей («патріотическій долгъ», по терминологіи г. Гурко), и не захотятъ никакъ разстаться съ своимъ выгоднымъ положеніемъ. Тогда ввести въ дѣйствіе принудительное выселеніе помѣщиковъ въ Сибирь: «А въ крайнемъ случаѣ воспротивятся и не будутъ согласны законно продавать въ пользованіе казаковъ преобретенныя ими по данской области земли по поводу ихъ неновисти къ казакамъ смутъ и бунтовъ (!), сдѣлать все возможныя меры приказать противящимся землѣ владѣльцамъ принадлежащимъ къ пиредачи казакамъ по данской области въ место которой такую же количество десятинъ отвѣсти взаменъ въ сибирской области изъ запасныхъ казенныхъ земель и определить вовладеніе таковыхъ и темъ улучшить такое положеніе и способнѣй и мѣньше растраты государствѣнной казны какъ на выкупъ земель и легчѣ переселить одного, какъ многихъ такимъ порядкомъ изъ менить растрату государственныхъ и областныхъ денежныхъ расходовъ».

Я остановилъ вниманіе на программѣ хоперскаго выборщика потому, что она характерна для той части казачества, которая подписываетъ патріотическіе приговоры, мечтаетъ о галунахъ, всерьезъ считаетъ себя оплотомъ «всѣхъ интересовъ своей великой державы» и во имя ихъ выражаетъ готовность «твердыми ногами» стать противъ «иногороднихъ русскихъ народовъ», ставя ихъ, между прочимъ, въ одну скобку съ представителями эксплуатаціи и капитала, наравнѣ съ мѣстнымъ дворянствомъ, захватившимъ лучшія казацкія земли. Вѣковой гипнотическій процессъ, возводящій полицейское холопство въ традицію, какъ завѣтъ доблестныхъ предковъ, отраженъ въ воззрѣніяхъ нашего автора какъ разъ такъ, какъ и во всей группѣ «хозяйственныхъ мужичковъ», къ которой онъ примыкаетъ. Патріотизмъ ихъ пока безкорыстенъ, но они хотѣли бы кое-что получить за него. Ибо они знаютъ, что они такое для правительства. Изъ нихъ именно вербуется та сѣрая вооруженная масса, которую натравляютъ на беззащитный народъ, развращаютъ безотвѣтственностью, попустительствомъ, одурманиваютъ рѣчами объ особой миссіи, науськиваютъ листками, въ которыхъ говорится о томъ, что «во всѣхъ жидами закуплен-

ныхъ газетахъ раздаются голоса о прививкѣ къ казачеству чумной болѣзни, чтобы ею имъ свести съ лица земли, покоренной предками казаковъ, истинныхъ слугъ Государевыхъ, истинную опору Вѣры Христовой и Отечества *).

Нынѣ въ мысляхъ этой сѣрой, темной массы произошла несомнѣнная эволюція, несмотря на всѣ усилія изолировать ее, обезсмыслить, озвѣрить въ цѣляхъ пользоваться ею, какъ живымъ механизмомъ устрашенія, истязанія, убійства. Случаи рѣзкихъ протестовъ, столкновеній съ командирами, суда, бѣгства изъ полковъ, забастовокъ — явленія въ мобилизованныхъ казачьихъ частяхъ болѣе частыя, чѣмъ въ регулярныхъ войскахъ, но не бросаются они въ глаза потому, что казачьи части разбиты на полусотни и взводы, перетасовываются постоянно, и жизнь въ этихъ дробныхъ частяхъ ускользаетъ отъ общественнаго вниманія.

— Мы давно сговариваемся: посѣдлать лошадей да уѣхать. Будетъ съ насъ,—послужили! Валяли дураковъ, старались, а теперь— будетъ!.. Сами дубочки стоимъ, кой что стали понимать. Господа офицеры намъ то «Русскую Рѣчь», то афишки ихнія принесутъ, а мы при нихъ же въ клочки ее... Не надо намъ, сами газеты покупаемъ, понятіе въ нихъ стали имѣть... узнали... Мы покажемъ имъ. Послужили и—достаточно. Есть у насъ тамъ человѣкъ двѣнадцать,—никакъ не хотятъ, боятся. Урядники тоже опасаются. А то у насъ одно: какъ соберемся вмѣстѣ, взять знамя и уѣхать. Демократическая партія намъ сейчасъ бы вагоны дала. Ну, какъ-то пока не союзно... побаиваются. И уходъ за нами теперь хорошій. Пища - прямо генеральская. Въ караулъ — никакъ. Лежимъ и только. По бунтамъ командиръ у насъ боится ѣздить: пригрозили убить, такъ онъ все прячется отъ насъ, замѣсто себя посылаетъ младшаго офицера. Да, если бы весь полкъ у насъ скомплектовался въ одно мѣсто, мы бы уѣхали. Взяли бы знамя и уѣхали...

Къ слову сказать, и знакомый мой хоперскій выборщикъ за какихъ-нибудь четыре дня выборной кампаніи радикально измѣнилъ свои взгляды. Въ концѣ его доклада, который лежитъ сейчасъ передо мной, другими чернилами приписано слѣдующее:

«Въ Думу войтить, прежде всего нужно утвердить Думу, и что Дума начнетъ дѣлать, чтобы никакая власть не имѣла права припятствовать ни полиція и ни воинская сила.

«Изъ браннники наши донской области! прошу преждѣ всего старайтесь, чтобы земли выкупы произвести незамедлить и необременить казаковъ платежомъ. Кромѣ того выправить права казакамъ въ г. Новочеркасскѣ самоуправленіе чтобы сами казаки распоряжались всеми доходами и расходами, и правительство избирали и жалованья всему правительству устонавляли сами казаки,

*) Листокъ. „Славному Казачеству—союзъ русскаго народа". Типографія Н. Генералова, Гороховая, 31.

по своему усмотренію затемъ питейныя винныя лавки сейчасъ отобраны въ доходъ государственной казны, незамедлить возвратить въ полное распоряженіе казаковъ, кромѣ того утвердить проэктъ, чтобы ежегодно отстаницы посылались представители въ г. Новочеркасскъ для проверки доходовъ и расходовъ по продаже войсковыхъ земель, все это къ полугодію года утвердить дабы къ осини все земли были проданы позаконнымъ ценамъ самими казаками или изъбранными этими же представителями, что гласится въ программѣ какъ будто бы коннозаводскія степи надолга запроданы въ Арендное содержаніе и по ценѣ 3 коп. за десятину, чтобы въновъ перепродать съ настоящаго полугодія»...

Требованія рѣшительныя и вполнѣ демократическія. О бунтующихъ «русскихъ народахъ» уже нѣтъ упоминанія. Патріотическое кликушество, вбиваемое казарменнымъ режимомъ, который тяготѣетъ надъ казакомъ всю жизнь,—исчезло безъ остатка отъ кратковременнаго соприкосновенія съ свободной мыслью, свободнымъ обсужденіемъ фактовъ подлинной дѣйствительности. Разбуженная мысль приняла направленіе какъ разъ противоположное тому, которое начальствомъ выдавалось, какъ традиція, завѣщанная славными предками. И та программа, которую теперь выставляютъ казаки, горько обманула чаянія камеръ-юнкеровъ, «старыхъ урядниковъ», истинно-русскихъ генераловъ и начальниковъ всякаго ранга. Изъ всѣхъ приговоровъ, наказовъ и проектовъ наибольшую тревогу и негодованіе начальства возбудилъ приговоръ Усть-Медвѣдицкой станицы, доставленный въ Государственную Думу подъесауломъ Мироновымъ и урядникомъ Коноваловымъ. Приговоръ этотъ, между прочимъ, остановилъ предполагавшуюся мобилизацію трехъ сводныхъ донскихъ полковъ. Его сущность сводится къ слѣдующему:

Слѣдя съ большимъ вниманіемъ и интересомъ за ходомъ великой борьбы русскаго народа съ полицейско-чиновничьимъ правительствомъ за свободу и развитіе гражданскаго самосознанія и самодѣятельности,—авторы наказа вспоминаютъ то счастливое прошлое казачества, когда все Донское войско за свои славныя заслуги передъ родиной дѣйствительно пользовалось правами, когда на Дону было широкое самоуправленіе, когда всѣ вопросы, касающіеся казачества, свободно разрѣшались войсковымъ кругомъ и когда все начальство, начиная съ войскового атамана и кончая хуторскимъ, выбиралось изъ достойнѣйшихъ своихъ природныхъ казаковъ, которые близко знали всѣ нужды и потребности своихъ станичниковъ. Сопоставляя это счастливое прошлое съ настоящимъ тяжелымъ, угнетеннымъ положеніемъ не только казаковъ, но и всего русскаго народа, вступившаго въ борьбу за право человѣка и гражданина, — они приходятъ къ заключенію, что въ этой борьбѣ должны принять участіе всѣ, кому дорога свобода, а потому постановили:

1) Въ войскѣ Донскомъ должно быть возстановлено прежнее

самоуправленіе казачества, долженъ созываться, по прежнему, войсковой кругъ изъ всѣхъ казаковъ-гражданъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ внутренней жизни казачества, какъ это было встарь.

2) Выборъ всѣхъ начальствующихъ въ войскѣ лицъ долженъ быть изъ среды своихъ же казаковъ, начиная съ войскового атамана.

3) Вся земля, заключающаяся въ границахъ области Войска Донского, какъ завоеванная самими казаками у кочевыхъ ордъ и добытая кровью нашихъ предковъ, должна всецѣло принадлежать казакамъ на общинномъ пользованіи, что было подтверждено грамотой Императрицы Екатерины II въ 1786 г. Но такъ какъ еще съ конца XVIII столѣтія на Дону, благодаря поощренію правительства, образовалась частная собственность на землю, съ одной стороны, путемъ захвата казацкими старшинами общинной войсковой земли и заселенію ея крѣпостными крестьянами (1.607,749 дес.), а съ другой—черезъ раздачу самимъ правительствомъ не принадлежащихъ ему участковъ офицерамъ и чиновникамъ (1.187,749 дес.), что составляетъ полное нарушеніе казачьихъ правъ на землю, то мы, съ своей стороны, находимъ справедливымъ поступить съ этой насильственно отнятой у насъ землей такъ: всю розданную офицерамъ и чиновникамъ землю выкупить на войсковой счетъ и возвратить казакамъ, что же касается помѣщичьей земли, захваченной казацкими старшинами, то, принимая во вниманіе, что она заселена съ давнихъ поръ крестьянами, прежде крѣпостными,— эта земля должна быть выкуплена на государственный счетъ и роздана означеннымъ выше крестьянамъ. Кромѣ выше означенныхъ земель, въ войскѣ есть земли такъ называемыя запасныя, которыми всецѣло распоряжаются назначенные правительствомъ чиновники; этими чиновниками, между прочимъ, сданы чуть не даромъ (по 3 коп. за десятину) земли частнымъ коннозаводчикамъ. Всѣ эти земли повернуть въ распоряженіе и пользованіе казаковъ.

4) Современное станичное коневодство, заключающееся въ обязательномъ содержаніи каждой станицей нѣсколькихъ жеребцовъ, какъ причиняющее прямой хозяйственный вредъ казачьему благосостоянію, должно быть упразднено.

5) Сдѣланный въ Государственной Думѣ запросъ военному министру о томъ: а) почему мобилизація казаковъ 2-й и 3-й очереди была совершена безъ требуемаго закономъ опубликованія Высочайшаго повелѣнія черезъ Правительствующій Сенатъ, б) почему казачьи полки употребляются для внутренней полицейской службы и в) когда ихъ намѣрены распустить, — мы признаемъ вполнѣ правильнымъ и съ своей стороны находимъ, что роспускъ полковъ 2-й и 3-й очереди въ настоящее время является необходимымъ, во-первыхъ, потому, что несеніе казаками полицейской службы противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ казачества, унижаетъ достоинство казака-воина и растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на нравствен-

ное чувство казаковъ и пониманіе ими воинской чести, и, во-вторыхъ, потому, что отвлеченіе молодыхъ рабочихъ силъ гибельно отражается на казачьемъ хозяйствѣ; дальнѣйшая же мобилизація полковъ 2-й и 3-й очереди не только вредно отразится на хозяйствѣ, но повлечетъ за собой окончательное и непоправимое разстройство его, и посылать ихъ отказываемся.

6) Къ выраженному Государственной Думой рѣшенію объ отмѣнѣ смертной казни, какъ акту не правосудія, а простого убійства, мы вполнѣ съ своей стороны присоединяемся и находимъ, что смертная казнь есть пережитокъ варварскихъ временъ и противорѣчитъ божескимъ и человѣческимъ законамъ.

7) Всѣ борцы за свободу, томящіеся въ тюрьмахъ, сосланные въ Сибирь и отдаленныя губерніи Россіи, должны быть немедленно освобождены и возвращены на родину».

Остальные пункты менѣе существенны. Большинство прочихъ приговоровъ и наказовъ въ существенномъ своемъ содержаніи не разнятся отъ усть-медвѣдицкаго приговора. Наказъ казаковъ Малодѣльской, Сергіевской и Березовской станицъ значительно радикальнѣе. Онъ удѣляетъ общимъ политическимъ требованіямъ больше вниманія и, вслѣдъ за требованіемъ амнистіи, говоритъ о землѣ и волѣ.

Всѣ безземельные и малоземельные крестьяне по требованію этого наказа должны быть надѣлены землею. А для этого необходимо отобрать всю землю у помѣщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и передать ее крестьянамъ. При этомъ помѣщичьи земли должны быть отобраны безъ выкупа. Помимо земли для безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, наказъ требуетъ, чтобы всѣмъ русскимъ гражданамъ даны были: свобода слова, устнаго и письменнаго, свобода собраній, свобода союзовъ, свобода вѣроисповѣданій и неприкосновенность личности. Наконецъ, самое главное требованіе наказа состоитъ въ томъ, чтобы немедленно же уничтоженъ былъ самодержавно-чиновничій правительственный строй (и установленъ такой строй), при которомъ всѣми дѣлами государства завѣдывалъ бы самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ представителей, посылаемыхъ въ Государственную Думу, министры же и всѣ чиновники были бы только послушными слугами Государственной Думы. Для того же, чтобы эти выборные представители защищали нужды трудящихся и нуждающихся людей, — наказъ требуетъ, чтобы они выбирались въ Думу посредствомъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Въ предъявленіи мѣстныхъ казачьихъ требованій наказъ повторяетъ пункты, выставленные станицей Усть-Медвѣдицкой, останавливаясь на нѣкоторыхъ болѣе подробно (напримѣръ, на вопросѣ о коневодствѣ), на другихъ—менѣе. И затѣмъ, переходя къ вопросу «какъ достигнуть того, чтобы всѣ эти требованія, предъявленныя къ правительству, были немедленно же исполнены» — наказъ не

останавливается даже передъ перспективой, въ случаѣ несогласія правительства, «съ оружіемъ въ рукахъ защищать свободу, бороться за землю».

Въ послѣднее время по станицамъ встрѣчается въ рукахъ казаковъ разосланный «Донской Казачьей Организаціей» проектъ программы, озаглавленный «Казачьи Нужды». Въ немъ ставится требованіе широкаго самоуправленія, возстановленіе казачьяго круга, члены котораго избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Войсковой атаманъ и другія выборныя власти избираются на одинъ годъ всѣмъ казачьимъ населеніемъ съ 20-ти лѣтняго возраста. — Въ отношеніи аграрнаго вопроса требованія «проекта» тоже очень радикальны: всѣ свободныя войсковыя земли, отведенныя подъ частное коннозаводство, подъ казенный Провальскій заводъ, подъ лагери войскъ и военныхъ училищъ, должны поступить въ распоряженіе войскового круга для удобнаго использованія ихъ населеніемъ. Земли, находящіяся во владѣніи монастырей и церквей, безъ выкупа отбираются и поступаютъ въ распоряженіе войскового круга. Каждому казаку станицы предоставляется право свободнаго выхода изъ общины съ выдѣленіемъ ему, въ случаѣ его желанія, земельнаго участка, экономически равнаго его паевому надѣлу. Отводъ участка въ натурѣ предоставляется общинѣ, а всѣ споры по этому вопросу разрѣшаются судомъ. Частновладѣльческія земли отбираются безъ выкупа и поступаютъ въ распоряженіе крестьянъ, заселившихъ издавна эти земли, обрабатывавшихъ ихъ какъ при существованіи крѣпостного права, такъ и послѣ таковаго. Покупка областнымъ правленіемъ земель у крупныхъ землевладѣльцевъ насчетъ войсковыхъ суммъ и т. под. операціи, совершаемыя безконтрольными чиновниками съ землями, «случайно попавшими въ руки помѣщиковъ» — должны быть немедленно прекращены. — Въ отношеніе казачьей службы проектъ требуетъ замѣны постоянныхъ армій милиціей, то есть вооруженіе всѣхъ гражданъ, обучаемыхъ для этого военному искусству въ срокъ, потребный для этого и при томъ на мѣстахъ ихъ жительства. — Распоряженіе войсковымъ капиталомъ должно быть передано войсковому кругу. Наконецъ, конноплодные табуны, какъ приносящіе населенію одни убытки, должны быть уничтожены.

Проектъ этотъ, въ особенности его аграрная программа, встрѣчаетъ существенныя возраженія со стороны казаковъ. Большинство отдаетъ предпочтеніе программѣ усть-медвѣдицкихъ казаковъ.

Во всѣхъ программахъ наибольшая доля вниманія отдается вопросу о самоуправленіи. Аграрный вопросъ для сознательной части казачьяго населенія области еще не такъ остръ и важенъ, какъ вопросъ о правахъ. Несомнѣнно, что при нынѣшнемъ способѣ земледѣльческой культуры—хищническомъ, варварски истощившемъ землю—кризисъ казачьяго хозяйства выразился уже въ очень яркихъ, краснорѣчивыхъ фактахъ. Это подробно отмѣчено печатью.

Хозяйственный кризисъ ставятъ въ связь, главнымъ образомъ, съ современной воинской повинностью казака, въ связи же съ этою воинской миссіей стоитъ вопіющее безправіе, темнота и грядущее конечное раззореніе казака.

Поэтому вопросъ о самоуправленіи есть самый острый вопросъ. Казачьи области—это огромныя казармы, съ казарменнымъ распорядкомъ, съ солдатской зависимостью отъ всякаго начальства, обязанностью строжайшаго чинопочитанія, неразсужденія и безусловнаго подчиненія. «Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ», высочайше утвержденное 3-го іюня 1891 года, единственный «законъ», дѣйствующій въ казачьихъ областяхъ, есть тотъ же дисциплинарный уставъ. Практика самодержавія чиновниковъ изобилуетъ здѣсь фактами, поражающими своей эпической простотой и первобытностью. Непосвященнымъ людямъ можетъ показаться страннымъ, напримѣръ, упоминаніе во всѣхъ казачьихъ программахъ о станичномъ коневодствѣ. Почему именно коневодство, а не овцеводство, свиневодство, разведеніе рогатаго скота, имѣющаго въ казачьемъ хозяйствѣ несравненно большее значеніе, чѣмъ лошади? Но стоитъ побывать въ любой казачьей станицѣ, чтобы услышать, какія проклятія несутся по адресу «казенныхъ» жеребцовъ, содержаніе которыхъ является неизбѣжною повинностью казаковъ. Цѣлый штатъ крупныхъ военныхъ чиновъ кормится и дѣлаетъ карьеру около этихъ жеребцовъ, налагаетъ штрафы, взыскиваетъ, продаетъ, облагаетъ казачье имущество. На Дону шутники говорятъ даже, что іерархическая лѣстница, долженствующая поддерживать «существующій строй», начинается войсковымъ жеребцомъ и кончается войсковымъ атаманомъ. Высочайше утвержденное 5 мая 1906 г. положеніе о станичномъ коневодствѣ или, какъ его назвали казаки, «законъ о жеребцахъ» (воспріявшій силу, разумѣется, безъ согласія народныхъ представителей) содержитъ, напримѣръ, статьи, вмѣняющія въ обязанность станицамъ выставлять опредѣленное число матокъ. На каждую матку вырѣзать изъ общественнаго земельнаго довольствія по 6 десятинъ; на 15 матокъ полагается одинъ жеребецъ (ст. 4). Недостающее число матокъ вмѣняется въ обязанность пріобрѣтать на станичныя суммы (ст. 22). На казака, не поставившаго матку, налагается штрафъ въ 5 руб., и станичный атаманъ пріобрѣтаетъ матку на его счетъ (ст. 24). За недоставку матки на смотръ въ опредѣленные сроки налагаются штрафы по 5 рублей за каждый разъ (ст. 24 и 25). Статьею 34-ю опредѣленъ размѣръ фуража на каждаго жеребца, съ возложеніемъ на станицы обязательства заготовить на общественный счетъ фуражъ заблаговременно. Фиксировано высокое жалованье смотрителямъ табуновъ, фельдшерамъ и табунщикамъ, которые отбываютъ обязанность за военную службу, но содержаніе получаютъ изъ станичныхъ суммъ. И завершеніемъ всего является запрещеніе

(ст. 44) станичникамъ сбывать приплодъ до $2^1/_2$ лѣтъ; за нарушеніе этой статьи виновные подлежать отвѣтственности по суду.

Чтобы понять ужасъ этого закрѣпощенія жеребцамъ и кобыламъ, а черезъ нихъ начальству въ густыхъ эполетахъ, надо перенестись мыслью въ обстановку казачьяго житья, съ его хроническими недородами, задолженностью, обнищаніемъ и тою безвыходностью, безпомощностью, невозможностью протеста, которыя создаются военнымъ режимомъ. Шесть десятинъ земли на кобылу въ то время, какъ на душу населенія не болѣе 3-хъ десятинъ, обязанность—несмотря на это, какъ показалъ опытъ, — большую часть года (не менѣе 8-ми мѣсяцевъ) содержать ее на сухомъ фуражѣ—въ то время, какъ цѣна сѣна уже не спускается ниже 60 коп. за пудъ, невозможность продать приплодъ, хотя бы онъ издыхалъ съ голоду, полная возможность произвола со стороны станичнаго атамана въ наложеніи штрафовъ и пріобрѣтеніи за счетъ «виновнаго» лошади (т. е. продажа съ молотка имущества несостоятельнаго казака) — это лишь одна страница изъ исторіи попеченія о казакахъ чиновныхъ самодержцевъ большого и малаго ранга. И при всемъ томъ разыгрывается комедія самоуправленія: станичнымъ обществамъ предписывается составить приговоры о добровольн мъ принятіи на себя расходовъ въ десятки тысячъ рублей на этотъ предметъ... И приговоры составляются.

Вотъ почему сознательная часть казачества, настроенная патріотически въ лучшемъ смыслѣ этого слова, мечтаетъ о дѣйствительномъ самоуправленіи, какъ о панацеѣ, какъ объ единственномъ средствѣ возродить и обновить казачество въ его благородныхъ и жизненныхъ сторонахъ. Эта мысль подробно развивается въ объяснительной запискѣ къ проекту устава «Казачьяго союза»:

«Казачество—говорится въ этомъ проектѣ, — не мирилось съ неволей, съ принужденіемъ, съ неправдой и безправіемъ. Люди, наиболѣе сильные духомъ протеста, убѣгали отъ такого государственнаго порядка въ вольныя степи, на добровольную нужду, на долгую борьбу съ врагомъ. Воля, независимость свободной, полноправной личности была для нихъ дороже всего. Борьба съ врагами стала первымъ условіемъ ихъ существованія. Враговъ было много. Всѣ, кто несъ стѣсненіе свободы личной, свободы вѣры, свободы общественныхъ порядковъ, основанныхъ на равенствѣ и братствѣ, были врагами казачества: и кочевыя орды съ ихъ ханами, и польскіе короли съ ихъ панами, и русскіе цари съ своими патріархами, воеводами, дьяками и подъячими. Каждая пядь земли, каждый день пропитанія — все пріобрѣталось борьбой. И въ этой борьбѣ, закаленные духомъ и тѣломъ, они создали оплотъ русской народности на окраинахъ.

«Итакъ, главнымъ свойствомъ казачества была любовь къ свободѣ, къ полной самостоятельности и независимости. И говоря о завѣтахъ предковъ, не слѣдуетъ забывать прежде всего этого.

Изъ исторической борьбы казачества за свободу и независимость вытекли и главнѣйшія права казачества: право на самое широкое самоуправленіе и право на всю землю, которую казачество кровью своей пріобрѣло»...

Объяснительная записка подробно разсматриваетъ оба вопроса и съ исторической, и съ современной точки зрѣнія, и заканчивается такъ:

«Говорятъ, казачество отжило свое время. Роль его кончилась вмѣстѣ съ ролью окраиннаго борца противъ внѣшнихъ враговъ. Нѣтъ! Не говоря уже о томъ, что прежняя его роль—борца противъ внѣшняго врага на окраинахъ, пока существуетъ внѣшній врагъ, не кончилась, нынѣ для него выясняется новая роль еще болѣе высокаго значенія. Наиболѣе славная и почетная его роль именно въ борьбѣ за лучшія формы государственности, противъ самовластія и произвола, въ борьбѣ за свободу и права не только свои, но и всѣхъ угнетенныхъ. Тутъ именно славные завѣты старины гармонически сочетаются съ завоеваніями человѣческой мысли въ новыя времена. Эта борьба будетъ упорной. И чѣмъ скорѣе пойметъ казачество свои интересы и свое значеніе, тѣмъ скорѣе оно повернетъ шансы на побѣду въ пользу народа, тѣмъ скорѣе проложится путь къ грядущему народному счастью. И когда русскій народъ завоюетъ себѣ право на свободный трудъ, на всестороннее развитіе, на осуществленіе народовластія, когда путь къ общему счастью, равенству и братству будетъ очищенъ отъ терній и шиповъ,—человѣчество убѣдится, что формы широкаго народоправства и свободнаго общежитія созданы были людьми борьбы за право личности еще раньше. И въ числѣ этихъ борцовъ за право не послѣднее мѣсто занимаетъ казачество».

Въ этихъ мечтахъ, конечно, много юнаго, романтическаго порыва, который всегда отличалъ казачью интеллигенцію. Трудно гадать, когда казачество напишетъ на своемъ знамени лозунги, провозглашенные «казачьимъ союзомъ». Но несомнѣнно одно, что тотъ «блескъ» кровопролитій, которымъ казаки, подъ руководствомъ нынѣшняго правительства, прославили себя въ послѣдніе два года, не остался безъ слѣда даже для самаго темнаго, самаго подавленнаго сознанія: заслужить дружную народную ненависть въ настоящемъ, перейти съ оплеваніемъ въ исторію, ради какихъ-то «незыблемыхъ» основъ и «священнаго права» собственности крупныхъ владѣльцевъ, не только погубить душу, но и потерять шкуру,—эти факторы оказались достаточными, чтобы повернуть мысль, державшуюся до сего времени по швамъ, въ сторону родныхъ когда то, но забытыхъ широкихъ перспективъ свѣта и простора.

Какъ ни трудно было пробить дорогу встревоженному сознанію въ такой предусмотрительно сдавленной и духовно ограбленной средѣ, но оно пробилось и теперь уже безостановочно растетъ

медленнымъ, но прочнымъ ростомъ. Теперь уже хозяинъ-бюрократія едва ли скажетъ съ прежней увѣренностью:

— Препоручаю тебѣ, Трезорка, всѣ мои потроха,—стереги! Принесите Трезоркѣ помоевъ!

Все чаще и чаще придется ему помахивать передъ Трезоркой замасленной рублевой бумажкой. Но покупательныя средства истощаются. До сихъ поръ казакамъ платили ихъ же деньгами—изъ войскового капитала. Теперь изъ $8^1/_2$ милл. осталось всего 525 тысячъ въ процентныхъ бумагахъ. Немного...

Будущее—въ туманѣ, и трудно угадать, какіе геніальные планы скрываетъ правительство за его густой пеленой. Предоставитъ ли оно всему казачеству исключительную привилегію на занятіе хорошо оплачиваемыхъ полицейскихъ должностей? Расквартируетъ ли регулярныя войска въ казачьихъ областяхъ? Нарѣжетъ ли «мордовскую землю»? Задумаетъ ли колонизовать казаками сѣверную половину Сахалина?..

Атмосфера неожиданностей и сюрпризовъ, въ которой мы живемъ, пріучила насъ въ достаточной степени къ фатальному равнодушію. Но въ массахъ за этимъ равнодушіемъ идетъ уже незримая работа, въ результатѣ которой тоже могутъ оказаться сюрпризы и неожиданности.

Ѳ. Крюковъ.

Локаутское движеніе.

Недавно было, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ далеко уплыло то время, когда «представители отечественной промышленности», всѣ эти бакинскіе нефтяники, уральскіе горнозаводчики, московскіе и петербургскіе фабриканты, заигрывали съ демократическими идеями и писали либеральныя записки «объ усовершенствованіи государственнаго порядка».

Теперь какъ-то даже не вѣрится, когда вспоминаешь такія вещи, какъ требованія россійскимъ капиталомъ всеобщаго избирательнаго права, свободы собраній союзовъ и стачекъ рабочихъ... Теперь капиталисты подобными «бреднями» не занимаются, и ихъ кулакъ уже не обматывается никакими либеральными ветошками: теперь дѣло ведется на чистоту.

Октябрьская революціи смела демократическій налетъ съ разглагольствованій капиталистовъ и обнажила сущность ихъ стремленій. Начавшійся съ прошлаго года упадокъ рабочаго движенія, затѣмъ усиленіе репрессій и окончательный разгромъ военно-поле-

вымъ режимомъ остатковъ октябрьскихъ свободъ окончательно «отрезвили» господъ капиталистовъ и помирили ихъ съ абсолютизмомъ. Отечественный капиталъ, подобно «помѣстному дворянству», занялъ опредѣленную позицію: въ политикѣ она выразилась въ хвалѣ московскому усмирителю Дубасову и всероссійскому успокоителю Столыпину, а въ экономикѣ—въ активномъ сопротивленіи всѣмъ стремленіямъ рабочихъ къ улучшенію соціально экономическаго быта.

Рабочій классъ, послѣ страшно напряженной борьбы, ослабѣлъ, массы сознательныхъ рабочихъ выбрасывались изъ фабрикъ и заводовъ на улицы, въ тюрьмы и ссылки, переходили въ кадры безработныхъ. Моментъ оказался настолько удачнымъ для наступленія капиталистовъ, что лучше и желать имъ было нечего. И капиталисты начали провоцировать забастовки, отнимая у рабочихъ тѣ улучшенія условій труда, которыя были добыты рабочими въ теченіе предыдущей борьбы. Власть всюду оказывалась на сторонѣ капиталистовъ, и рабочимъ ставился ультиматумъ: или возобновленіе работъ на условіяхъ, желательныхъ капиталистамъ, и выдача «зачинщиковъ забастовки», которыхъ ожидала высылка административнымъ порядкомъ, или общее увольненіе и массовыя высылки... Въ теченіе всего прошлаго года не прекращалась мелкая, частичная борьба рабочихъ съ хозяевами на экономической почвѣ. Борьба эта измельчала, распылилась, но число борющихся увеличилось: въ нее втянулись цѣлые кадры мелкой ремесленной арміи. Въ газетахъ прекратились сообщенія о крупномъ забастовочномъ движеніи, но запестрѣли извѣстія о спорадически вспыхивавшихъ большихъ и малыхъ частичныхъ забастовкахъ: втянутыми въ борьбу оказались портные, сапожники, булочники, офиціанты и другой мелкій трудовой людъ...

Сильно развивавшееся съ начала 1906 года профессіональное движеніе, организація профессіональныхъ обществъ и союзовъ не на шутку встревожили и капиталистовъ, и бюрократію. Бюрократія обрушилась на профессіональныя организаціи не менѣе энергично, чѣмъ на политическія партіи, и ведетъ съ ними до сихъ поръ ожесточенную борьбу.

Въ свою очередь капиталисты, увидѣвъ на практикѣ значеніе организованной рабочей массы въ экономической борьбѣ, рѣшили противопоставить рабочимъ не только силу капитала, но и силу организаціи. Сдѣлать это имъ тѣмъ легче, что въ то время, какъ рабочія организаціи жестоко преслѣдуются властью, организація капитала препятствій для себя не встрѣчаетъ.

И въ настоящее время мы присутствуемъ при невиданномъ еще въ Россіи походѣ капиталистовъ на рабочихъ. На всемъ пространствѣ страны, какъ грибы послѣ дождя, растутъ союзы и синдикаты заводчиковъ и фабрикантовъ съ спеціальной задачей борьбы съ рабочими: локаутъ—вотъ новое и страшное средство этой борьбы.

До прошлаго года у насъ имѣлось два-три кристаллизованныхъ синдиката: бакинскіе нефтепромышленники, горнопромышленники юга Россіи, сахарозаводчики. То тамъ, то здѣсь возникали промышленные союзы въ родѣ союза мукомоловъ, но всѣ они тщательно скрывали, что въ числѣ цѣлей ихъ организаціи была борьба съ рабочими. Они выдвигали впередъ скорѣе борьбу съ потребителемъ, нежели борьбу съ рабочими. Теперь возникъ и возникаетъ цѣлый рядъ союзовъ капиталистовъ спеціально на почвѣ борьбы съ рабочими путемъ локаута.

Успѣхъ лодзинскихъ фабрикантовъ, выбросившихъ на улицу сотню тысячъ рабочихъ и заставившихъ ихъ подчиниться всѣмъ требованіямъ капиталистовъ, имѣлъ большое психологическое значеніе. Лодзинскій локаутъ породилъ цѣлую локаутную эпидемію, которая продолжается вотъ уже больше полугода.

Цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ отраслей промышленности соединяется въ союзы: такъ, мы имѣемъ союзъ фабрикантовъ-щетинниковъ Царства Польскаго, союзъ кожевенныхъ заводчиковъ сѣверо-западнаго края, табачныхъ фабрикантовъ сѣверо-западныхъ городовъ, московскихъ типо-литографовъ, союзъ сахарныхъ заводовъ Польши, союзъ бѣлостокскихъ фабрикантовъ и, наконецъ, на дняхъ образовался огромный союзъ 19 суконныхъ фабрикъ раіона Волги съ капиталомъ въ 20 милліоновъ рублей. Кромѣ этихъ крупныхъ союзовъ, имѣющихъ сотни тысячъ рабочихъ, въ массѣ городовъ эпидемически возникаютъ ad hoc, на предметъ локаута, союзы портныхъ, сапожниковъ, булочниковъ и т. п., даже въ такихъ мелкихъ пунктахъ, какъ Житоміръ, Бѣлая Церковь, Елисаветградъ и т. п.

Чрезвычайно характерно, что локаутное движеніе начинаетъ захватывать, помимо заводской промышленности, и другую область — торговлю. Такъ, въ Минскѣ торговцы уже обсуждали способы борьбы съ приказчиками путемъ локаута и пока остановились на рядѣ примыкающихъ сюда мѣръ.

Какъ показываетъ практика локаутовъ, они преслѣдуютъ двѣ задачи: ухудшить условія труда рабочихъ и превратить рабочихъ въ неорганизованную, распыленную массу.

Ухудшеніе условій труда сводится къ удлиненію рабочаго дня, уменьшенію заработной платы, отмѣнѣ такихъ «льготъ», какъ «прогулъ» по болѣзни, и даже къ установленію неопредѣленности въ уплатѣ заработной платы. Такъ, напримѣръ, кожевенные заводчики Вильны, Бѣлостока, Двинска и Витебска поставили слѣдующее условіе рабочимъ: «платить будемъ не еженедѣльно, а когда будутъ деньги».

Стремленіе дезорганизовать рабочихъ и сдѣлать ихъ менѣе стойкими въ борьбѣ осуществляется путемъ требованій локаутчиковъ, чтобы рабочіе отказались отъ участія въ профессіональныхъ союзахъ, бюро, кассахъ и т. д. Это требованіе выставили объявившіе рабо-

чимъ локаутъ кожевенные заводчики сѣв.-зап. края и щетинники Польши. Табачные фабриканты Минска поставили рабочимъ требованіе объ уничтоженіи рабочаго бюро, имѣвшаго вліяніе на ходъ дѣлъ фабрикъ, рекомендовавшаго рабочихъ для найма и т. п. Варшавскіе фабриканты желѣзныхъ кроватей, кромѣ уменьшенія заработной платы и увеличенія рабочаго дня, заставляютъ рабочихъ подписать декларацію, что они безпрекословно должны подчиняться всѣмъ требованіямъ правленій фабрикъ и не имѣютъ права высказать свое одобреніе или неодобреніе относительно личнаго состава администраціи фабрикъ. Чрезвычайно характерно требованіе, предъявленное къ рабочимъ въ Житомірѣ. Соединившіяся въ союзъ сапожныя мастерскія потребовали отъ своихъ рабочихъ *помощи въ борьбѣ противъ* отказавшагося примкнуть къ союзу *владѣльца* мастерской, и, когда рабочіе отвергнули это предложеніе, союзные владѣльцы всѣхъ ихъ уволили.

Какъ показываетъ практика локаутовъ, правительственная власть смотритъ на нихъ весьма одобрительно, и мы не знаемъ еще ни одного случая, когда бы союзъ, поставившій своей задачей локаутъ, распался вслѣдствіе вмѣшательства власти. Были случаи, когда правительство отказывало въ регистраціи союзовъ капиталистовъ, вслѣдствіе внесенія въ уставъ параграфа объ обязательной активной борьбѣ съ рабочими. Но подобно тому, какъ въ уставѣ союза истинно-рускихъ людей нѣтъ параграфа объ обязательномъ устройствѣ погромовъ и убійствъ, что, однако, не мѣшаетъ имъ производить погромы и убійства на практикѣ, такъ же точно и союзы капиталистовъ производили и производятъ безъ помѣхи локауты на глазахъ власти при полномъ ея невмѣшательствѣ.

Содержаніе союзныхъ договоровъ капиталисты обыкновенно держатъ въ тайнѣ и, если оно попадаетъ иногда на столбцы газетъ, то, конечно, лишь случайно. «Рѣчь» приводила какъ-то содержаніе условій союза фабрикантовъ-щетинниковъ Литвы. Члены союза обязались: 1) поддерживать другъ друга при столкновеніяхъ съ рабочими; 2) брать другъ у друга рабочихъ, когда они приносятъ письмо отъ своего прежняго хозяина; 3) *не* принимать рабочихъ, уволенныхъ польскими фабрикантами во время локаута, и 4) присоединиться къ локауту въ Польшѣ.

Второй и третій пунктъ этого соглашенія ясно показываютъ, что союзъ преслѣдуетъ прямую цѣль закрѣпощенія рабочихъ.

Какъ зорко слѣдятъ союзные фабриканты за соблюденіемъ подобныхъ условій, показываетъ слѣдующій любопытный циркуляръ, разосланный членамъ союза кожевенныхъ заводчиковъ сѣверо-западнаго края отъ бюро этого союза. Приводимъ этотъ циркуляръ полностью, со словъ той же газеты.

«М. Г.

«Такъ какъ сувалкскіе фабриканты часто жалуются, что бастующіе рабочіе ихъ заводовъ принимаются на заводы въ дру-

гихъ городахъ и что заводчики другихъ мѣстъ продаютъ сувалкскимъ ремесленникамъ сырой товаръ, чѣмъ оказывается поддержка рабочимъ и уничтожается сила и значеніе локаута,—честь имѣю просить васъ озаботиться, чтобы въ вашемъ раіонѣ этихъ явленій не было, и если появится такой фактъ, примите всѣ возможныя мѣры къ устраненію его. Если эти мѣры не будутъ приняты, весь локаутъ потеряетъ все свое значеніе для сувалкскихъ фабрикантовъ, которыхъ необходимо поддержать.

«Съ почтеніемъ *Грилихенъ*».

Нечего, конечно, и говорить, что покровительство правительственной власти локаутамъ весьма содѣйствуетъ ихъ успѣху, тѣмъ болѣе, что, предоставляя полную свободу дѣйствій капиталистамъ, та же власть всячески препятствуетъ самозащитѣ рабочихъ. Капиталисты въ данномъ случаѣ прямые союзники бюрократіи. У нихъ одна общая цѣль: обезсилить и дезорганизовать враговъ абсолютизма и капитала. Однако, до послѣдняго времени локаутное движеніе носило скорѣе стихійный, случайный, чѣмъ организованный характеръ. Удачно проведенный хозяевами локаутъ въ одномъ городѣ почти всегда вызывалъ цѣлый рядъ вспыхивавшихъ одинъ за другимъ или сразу локаутовъ въ другихъ городахъ, или въ другихъ отрасляхъ производства.

Теперь же локауту, видимо, суждено стать систематизированнымъ средствомъ борьбы съ рабочими. Московскіе капиталисты выступили съ цѣлой *теоріей* локаута, какъ несокрушимаго оружія въ борьбѣ съ рабочими. Недавно газета «Новь» опубликовала чрезвычайно знаменательную «докладную записку» о московскомъ локаутѣ, исходящую изъ среды московскаго союза типографовъ.

Мы позволимъ себѣ остановиться на сущности этой записки— на проводимой въ ней локаутной теоріи.

До сихъ поръ,—говорятъ авторы записки,—средствомъ противодѣйствія рабочимъ со стороны союза типографовъ былъ *капиталъ*, но одного этого средства недостаточно. «Капиталъ, какъ *единственное* оружіе борьбы 1) не обезпечиваетъ успѣха союзу въ цѣломъ въ его борьбѣ съ рабочими, 2) не представляетъ прямыхъ выгодъ для каждаго члена союза въ отдѣльности, а грозитъ имъ большими убытками и даже возможностью раззоренія и 3) не обезпечиваетъ союзу необходимой сплоченности его членовъ, а даже грозитъ расколомъ среди нихъ».

Происходитъ это потому, что борьба посредствомъ одного капитала представляетъ собою исключительно *пассивную* оборону. «Чтобы борьба была успѣшна, а забастовки не истощили безрезультатно капитала союза, но прекращались бы очень быстро, *нужно болѣе сильное оружіе* и не пассивная, а *активная система* борьбы», которая заключается въ локаутѣ. Далѣе авторы записки доказываютъ неосновательность боязни нѣкоторыхъ капи-

талистовъ, будто локаутъ убыточенъ для хозяевъ, наоборотъ—онъ имъ выгоденъ.

Непобѣдимость локаута доказывается слѣдующимъ аргументомъ: «Посмотримъ, однако, ближе, во что можетъ обойтись союзу владѣльцевъ локаутъ. Предположимъ, что этотъ локаутъ осуществился. Сколько времени онъ можетъ продолжаться? Ровно столько, насколько у рабочихъ хватитъ средствъ. Предположимъ, что изъ 5000 рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ членовъ союза, 10% принадлежитъ къ низшей технической администраціи и имѣли возможность сдѣлать сбереженія, такъ что въ случаѣ локаута могутъ обойтись безъ помощи своего союза. Предположимъ далѣе, что еще 20%, т. е. 1000 человѣкъ, имѣютъ сбереженія въ сберегательныхъ кассахъ. Все-таки остается 70%, т. е. 3500 человѣкъ, которые не имѣютъ никакихъ вспомогательныхъ рессурсовъ, кромѣ своего заработка. Если считать дневной расходъ 50 коп. на человѣка (а съ семьей врядъ ли этого будетъ достаточно), то въ день рабочіе должны добыть 1750 руб., а въ 2 недѣли $1750 \times 14 = 24500$ руб. Предполагая, что заработокъ типо-литографскаго рабочаго въ среднемъ равенъ 35 рублямъ и что ими отчисляется ежемѣсячно 1% на забастовочный капиталъ, мы увидимъ, что рабочіе должны собирать эту сумму въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ $\left(\frac{24500}{0,35 \times 5000}\right)$ т. е. больше года и то при условіи аккуратнаго поступленія взносовъ. Врядъ ли союзъ рабочихъ допуститъ такую борьбу, потому что еще менѣе вѣроятно, чтобы ему удалось собрать такія деньги. Итакъ, предполагаемая продолжительность локаута въ ближайшемъ будущемъ *не можетъ быть больше 2 недѣль, по истеченіи которыхъ средства рабочихъ изсякнутъ*, и они должны будутъ идти на уступки. Удвоимъ изъ предосторожности эту цифру. Допустимъ, что рабочій съ семьей сможетъ просуществовать на 25 коп. въ день, и перерывъ въ работѣ продолжится не 2, а 4 недѣли. Естественно теперь возникаетъ вопросъ, окупится ли для владѣльцевъ этотъ 4-хъ недѣльный простой тѣми результатами, которые будутъ достигнуты локаутомъ». Сложными подсчетами авторы записки убѣждаютъ членовъ московскаго союза типографовъ, что «4-хъ недѣльный локаутъ приноситъ союзу владѣльцевъ меньше убытковъ, чѣмъ пониженіе рабочаго дня на одинъ часъ».

Въ заключеніе докладная записка говоритъ: «Такого рода организованный обязательный локаутъ представитъ собой оружіе, во много разъ болѣе дѣйствительное, нежели вспомогательный капиталъ, употребляемый на поддержку бастующихъ фирмъ, и болѣе сплотитъ союзъ. Соединеніе двухъ видовъ оружія: локаута и капитала—дастъ союзу въ цѣломъ возможность твердо стоять на ногахъ даже безъ помощи извнѣ. Присоединеніе же его впослѣдствіи къ союзу фабрикантовъ или къ всероссійскому союзу типо-лито-

графовъ, который долженъ образоваться рано или поздно, только укрѣпитъ эту самостоятельность».

Такимъ образомъ, теорія непобѣдимости локаута покоится на безсиліи рабочихъ, и главнымъ образомъ построена на томъ, что у рабочихъ никогда не хватитъ средствъ выдержать даже относительно длительную безработицу.

Посмотримъ теперь, какъ вели борьбу съ локаутомъ рабочіе.

Локаутное движеніе представляло для рабочихъ общую опасность. Сознаніе этой опасности нашло себѣ выраженіе не только въ моральной, но и въ матеріальной поддержкѣ жертвъ локаута со стороны рабочихъ. Рабочіе дѣлали отчисленія изъ своей заработной платы, пускали въ ходъ скромныя средства профессіональныхъ союзовъ, прибѣгали иногда и къ частной благотворительности; такимъ образомъ, нѣкоторое время выброшенные съ фабрикъ рабочіе могли выждать и не идти на уступки хозяевамъ. Цѣлый рядъ локаутовъ рабочимъ удавалось выигрывать однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Слабо организованные мелкіе союзы хозяевъ не выдерживали мало-мальски длительной пріостановки работъ и или отказывались отъ своихъ условій, или смягчали ихъ. Рабочіе же всюду боролись до послѣдней крайности и уступали только тогда, когда силы ихъ истощались и когда средства профессіональныхъ организацій оказывались исчерпанными, какъ, напримѣръ, въ Лодзи.

Кромѣ пассивнаго сопротивленія локауту, практика борьбы съ нимъ выдвинула и активный способъ самозащиты: бойкотъ, забастовки, а въ Польшѣ и террорь.

Террористическій способъ борьбы съ локаутомъ встрѣтилъ, однако, осужденіе со стороны рабочихъ и въ Варшавѣ, и въ Вильнѣ. Не достигая цѣли, онъ приноситъ несомнѣнный вредъ, такъ какъ вноситъ деморализацію въ рабочую среду, вызываетъ враждебное отношеніе въ широкихъ общественныхъ слояхъ и влечетъ безпощадныя репрессіи. Происходившая недавно «всероссійская конференція рабочихъ по металлу» отвергла и практику широкихъ забастовокъ на каждый отдѣльный локаутъ. Средствами противодѣйствія локаутамъ эта конференція признала: созданіе сильныхъ профессіональныхъ организацій и объединеніе ихъ въ областные и всероссійскіе союзы, а также полную согласованность дѣйствій экономическихъ и политическихъ организацій рабочаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ конференція полагала, что существующіе мѣстные союзы должны принять слѣдующія ближайшія мѣры: 1) озаботиться о возможно болѣе тщательной освѣдомленности объ общемъ положеніи данной отрасли производства; 2) всѣмъ своимъ выступленіямъ противъ предпринимателей придать возможно болѣе подготовленный и рганизованный характеръ; 3) тщательно взвѣшивать выставляемыя

требованія, руководясь при этомъ интересами союза въ цѣломъ и обезпечивая за союзомъ рѣшающій голосъ; 4) въ случаѣ возникновенія локаута проводить самый строгій бойкотъ на всѣ работы и заказы тѣхъ предпріятій, гдѣ разсчитаны рабочіе, и стремиться предотвращать притокъ мѣстныхъ рабочихъ въ эти предпріятія; 5) стремиться всесторонне использовать противоположность интересовъ между отдѣльными группами капиталистовъ, организующими локаутъ, и широкими слоями населенія.

Исходъ московской локаутной эпопеи, гдѣ, несмотря на усилія типографовъ, рабочіе одержали побѣду, благодаря своей организованности, показываетъ, что успѣхъ борьбы съ локаутомъ зависитъ отъ степени прочности и силы организаціи рабочихъ. Въ Москвѣ, впрочемъ, обстоятельства сложились благопріятно для рабочихъ: къ союзу типографовъ многіе владѣльцы типографій не примкнули, нѣкоторые вышли изъ союза, и дѣло окончилось третейскимъ судомъ, вынесшимъ полное пораженіе союзу типографовъ. Какъ сообщили газеты, судъ нашелъ, что конфликтъ начатъ и созданъ исключительно союзомъ владѣльцевъ типографскихъ предпріятій: вмѣсто того, чтобы обратиться за разрѣшеніемъ возникшаго недоразумѣнія въ смѣшанную коммиссію изъ представителей рабочихъ и хозяевъ, многіе члены союза владѣльцевъ совершенно произвольно отмѣнили установленную по общему соглашенію 8-ми часовую ночную смѣну, замѣнивъ ее 9-ти часовой. Въ виду этого, судъ призналъ союзъ владѣльцевъ обязаннымъ возмѣстить рабочимъ убытки въ суммѣ до 25 тыс. руб.

Подобно тому, какъ лодзинскій локаутъ имѣлъ несомнѣнное психологическое значеніе въ развитіи локаутной эпидеміи, такъ и московское пораженіе локаута, можетъ быть, произведетъ охлаждающее дѣйствіе на хозяевъ.

При разсмотрѣніи практики локаутной борьбы необходимо еще отмѣтить, какъ она протекала среди *ремесленныхъ* рабочихъ и хозяевъ. Ремесленные рабочіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ отраслей производства—сапожники, портные—оказывались въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно со своими фабричными собратьями: средства производства для ихъ отрасли ремесла часто оказывались настолько незначительными, что легко добывались коллективнымъ способомъ. Въ отвѣтъ на объявленіе локаута портные-рабочіе въ Житомірѣ составили свой кооперативъ: открыли мастерскую на артельныхъ началахъ. То же наблюдалось у парикмахеровъ и нѣкоторыхъ другихъ ремесленниковъ.

Въ общемъ, локаутная практика не всегда подтверждаетъ выработанную московскими капитальстами теорію локаута.

Успѣшности локаутовъ содѣйствуетъ, какъ мы уже указывали, политика власти,—при мало-мальски большей свободѣ рабочихъ организацій, при возможности легальныхъ способовъ добыванія средствъ на поддержаніе существованія жертвъ локаута,—словомъ, при не

призрачной, а дѣйствительной свободѣ собраній, союзовъ и стачекъ рабочихъ, сопротивляемость рабочихъ локаутамъ значительно повысится, и активное выступленіе капиталистовъ будетъ для нихъ гораздо болѣе рискованнымъ, чѣмъ теперь.

Что касается нынѣшняго локаутнаго движенія, то оно еще тѣснѣе сплачиваетъ рабочихъ и производитъ значительное вліяніе на распространеніе профессіональныхъ организацій среди тѣхъ слоевъ городского трудового населенія, которые доселѣ еще мало были затронуты профессіональнымъ движеніемъ, особенно въ глухой провинціи—въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ, большихъ промышленныхъ селахъ, гдѣ ремесленные рабочіе призваны къ той роли, которую играютъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ фабричные рабочіе.

Конст. Пономаревъ.

Политическая астрологія.

За послѣдніе мѣсяцы въ большой модѣ было слово: «осада», съ которымъ у меня невольно связывается нѣкоторое личное впечатлѣніе. Помнится, въ ноябрѣ прошлаго 1906 года мнѣ попалось одно изъ первыхъ предвыборныхъ воззваній к.-д. партіи; между прочимъ, оно было воспроизведено въ партійномъ «Вѣст. Нар. Своб.» (№ 39). Воззваніе перечисляло и подчеркивало труды и заслуги первой Государственной Думы. Перечень трудовъ и заслугъ оканчивался такимъ категорическимъ заявленіемъ:

«Это дѣлали люди, принадлежащіе къ партіи народной свободы. Они затѣмъ и шли въ Думу и... повели за собою остальныхъ».

И почти одновременно съ этимъ рѣшительнымъ заявленіемъ пришлось читать въ «Рѣчи» рядъ жалобъ на ту же первую Государственную Думу: оказывалось, она «не благоразумно» «пошла на штурмъ, вмѣсто того, чтобы вести правильную осаду» *); оказывалось далѣе, что эта неблагоразумная, ошибочная тактика была навязана к.-д. партіи посторонними, и, въ концѣ концовъ, въ первой Думѣ «людямъ, принадлежащимъ къ партіи народной свободы», «пришлось сыграть роль невольныхъ исполнителей одного изъ опасныхъ плановъ, постоянно подсовывавшихся со стороны» **).

---

*) См. „Рѣчь“, 8 ноября.
**) См. „Рѣчь“, 10 ноября.

Между тѣмъ, сама по себѣ, к.-д. партія считала и теперь считаетъ единственно правильнымъ и цѣлесообразнымъ путь «правильной осады».

Получалось впечатлѣніе, если не противорѣчивости, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторой несогласованности. Выходило какъ-то такъ, что, если не употреблять терминъ «осада», то «люди, принадлежащіе къ партіи народной свободы», несомнѣнно, идутъ своею дорогою и «ведутъ за собою остальныхъ»; а если обсуждать событія съ «осадной» точки зрѣнія, то тѣ же самые «люди», оказывается, идутъ на привязи и, «въ концѣ концовъ», противъ своей воли, «исполняютъ» чужіе и при томъ завѣдомо для нихъ опасные «планы».

Можно, конечно, введя самовольно рядъ существенно важныхъ оговорокъ и въ предвыборное воззваніе, и въ статьи «Рѣчи», придти къ заключенію, что тутъ нѣтъ ни противорѣчія, ни даже несогласованности. Можно, опять-таки самовольно введя рядъ существенно важныхъ оговорокъ, даже доказать, что воззваніе и статьи «Рѣчи» трактуютъ хотя и объ одномъ и томъ же предметѣ, но въ разныхъ плоскостяхъ. Но ввести эти оговорки предоставлялось самому читателю. Для читателя, который не считаетъ себя обязаннымъ дѣлать оговорки за чужой счетъ, оставалось лишь слово «осада», обладающее магическою силою моментально превращать генерала въ солдата,—ведущаго въ ведомаго.

Позже, повторяю, этому магическому слову, такъ сказать, посчастливилось. О необходимости вести «правильную осаду», а не штурмъ, много разъ писала «Рѣчь». На тему объ «осадѣ власти» напечатана цѣлая серія статей въ «Новомъ Времени». «Осадою» пестрѣли столбцы «Россіи», при чемъ этотъ анонимный листокъ г. Столыпина вполнѣ соглашался по существу и съ «Рѣчью», и съ «Новымъ Временемъ», что осада есть штука, весьма вредная, даже самая вредная для правительства. «Россія», помнится, однажды даже сочла нужнымъ въ установленный терминъ: «осада власти», внести грамматическую поправку, предлагая выраженіе: «осада Думы». Повидимому, эта поправка, по мысли ея авторовъ, должна означать, что не «власть» осаждаетъ Думу, а Дума осаждаетъ «власть». Но не будемъ углубляться въ эту оригинальную борьбу съ русскимъ языкомъ, нѣсколько напоминающую того художника, который назвалъ свою картину «стадомъ пастуховъ», а потомъ убѣждалъ, что стадо составляютъ не пастухи, а овцы. Оставимъ въ сторонѣ эти грамматическія тонкости. Остановимся только на существѣ вопроса.

По существу же, насколько можно понять изъ обмѣна мнѣній, дѣло стоитъ такъ. Первая Дума «пошла на штурмъ», и въ этомъ заключалась ея «роковая», какъ выразилась однажды «Рѣчь», ошибка, такъ какъ правительство не боится штурма, и штурмъ правительству не страшенъ. Иное дѣло «правильная осада». Этого

и только этого правительство боится. Это и только это приведетъ насъ къ побѣдѣ. И потому вторая Дума должна рѣшительно отказаться отъ штурма и вести только «правильную осаду». Таково, въ общихъ чертахъ, мнѣніе «Рѣчи». «Новое Время» и «Россія», въ свою очередь, заявляютъ: мы очень боимся осады, для насъ выгоднѣе было бы имѣть дѣло со штурмомъ. И этотъ отзывъ заинтересованной стороны, казалось бы, свидѣтельствуетъ, что разговоръ идетъ о вещахъ, очень важныхъ, о реальностяхъ рѣшающаго значенія. Но если вы захотите понять, какую же, собственно, реальность разумѣютъ «Рѣчь» и «Новое Время», то, боюсь, ровно ничего не поймете. Пожалуй, можно выразиться опредѣленнѣе. Порою мнѣ кажется, сама «Рѣчь» и само «Новое Время» не знаютъ, что у нихъ принято называть «штурмомъ», и что «правильной осадой». И, быть можетъ, только этимъ непониманіемъ собственной терминологіи слѣдуетъ объяснить, почему въ данномъ случаѣ «штурмъ» противополагается «правильной осадѣ». Вѣдь если держаться общепринятаго смысла словъ, то эти чисто военные термины вовсе не выражаютъ противоположныхъ понятій. Наоборотъ, штурмъ предполагаетъ необходимость въ нѣкоторыхъ осадныхъ дѣйствіяхъ. Осада, тѣмъ паче «правильная» осада, вовсе не исключаетъ подготовки къ штурму, а часто только къ этой подготовкѣ и сводится и только подготовленностью рѣшить борьбу однимъ ударомъ вынуждаетъ непріятеля къ капитуляціи.

Очевидно, чисто военные термины, примѣненные къ думской тактикѣ, по иниціативѣ «Рѣчи», имѣютъ какое-то особое, не общепринятое, произвольное значеніе. Но какое именно,—это секретъ той же «Рѣчи». Правда, «Новое Время», а за нимъ и «Россія» увѣряютъ, что имъ этотъ секретъ хорошо извѣстенъ. Но отъ этого, конечно, онъ не пересталъ быть секретомъ. И что удивительно,— «Рѣчь» ни разу не сочла нужнымъ объяснить, въ чемъ дѣло. За все время, какъ пошли толки объ «осадѣ» и штурмѣ, я помню только одну попытку дать объясненіе, да и та сдѣлана какъ будто невзначай, невольно и, къ сожалѣнію, страдаетъ въ одно и то же время и чрезмѣрной конкретностью, и чрезмѣрною неясностью. Вѣрнѣе, это даже не объясненіе, а лишь одинъ изъ примѣровъ того, что, по мнѣнію «Рѣчи», надо считать штурмомъ.

Если основываться на этомъ примѣрѣ, то, строго говоря, на первую Думу вовсе нельзя жаловаться, будто она пошла на штурмъ. Напротивъ, она все время вела «правильную осаду». И только въ послѣдніе дни вдругъ рѣшила обратиться съ «разъясненіемъ» къ народу. Вотъ это-то «разъясненіе» и есть единственный примѣръ «штурма» въ дѣятельности первой Думы. Это и есть «роковой» шагъ, который погубилъ ее. Это и есть тотъ «опасный планъ», который, если вѣрить «Рѣчи», былъ «подсунутъ» к.-д., и по отношенію къ которому к.-д.» сыграли такую же роль не-

вольныхъ исполнителей», о какой разсказывается въ шуточной пѣсенкѣ:

Безъ меня меня женили, я на мельницѣ былъ...

Повторяю, за все время былъ указанъ, насколько я могу помнить, только одинъ примѣръ «штурма». Должно быть, онъ считается особо убѣдительнымъ и особо нагляднымъ. Но мнѣ кажется, что ссылку на этотъ единственный примѣръ можно дѣлать или по недоразумѣнію, или въ разсчетѣ на обывательскую забывчивость.

Въ самомъ дѣлѣ,—припомните, при какихъ обстоятельствахъ появилось возмущающее нынѣ «Рѣчь» разъясненіе. Правительство «бойкотировало» первую Думу. Теперь этого никто не отрицаетъ. А «Рѣчь» на этомъ даже настаиваетъ. Одновременно Дума была подвергнута тѣсной блокадѣ. Въ напечатанныхъ государственной канцеляріей стенографическихъ отчетахъ, между прочимъ, приведенъ документъ, кратко излагающій исторію нѣкоего Никиты Бабкина. Никита Бабкинъ «былъ выбранъ обществомъ отвезти общественный приговоръ въ Думу;... въ Думѣ былъ 19 іюня; 26 сего іюня его арестовали и увезли куда-то». Какъ извѣстно, за обращеніе къ Думѣ «увезенъ куда-то» не одинъ Никита Бабкинъ. Пока Дума, подвергнутая правительственному бойкоту и правительственной блокадѣ, «разговаривала», «совѣтъ министровъ» издавалъ законы. Законодательную дѣятельность министерства Горемыкина также теперь никто не отрицаетъ. А «Рѣчь», сколько помнится, на нее даже указывала. Безсиліе Думы подчеркивалось правительствомъ съ развязностью, которую основательно называли издѣвательствомъ. Въ концѣ концовъ, полицейскіе просто начали бить депутатовъ. Между тѣмъ, Петербургъ исподволь наводнялся войсками всѣхъ видовъ оружія и постепенно принялъ видъ военнаго лагеря.

Все это, по схемѣ «Рѣчи», должно означать, что правительство было подвергнуто первою Думою «правильной осадѣ». На такое опредѣленіе, если бы оно появилось, напр., въ «Новомъ Времени», надо бы отвѣтить, какъ на злостное шутовство. Но «Рѣчь», поскольку я знаю, не склонна впадать въ шутовство, говоря о судьбѣ первой Думы. Будемъ пока считать, что эта газета просто черезчуръ увлеклась схемами и совершенно невольно впала въ злой и не совсѣмъ удобный сарказмъ надъ дѣйствительностью.

Ко второй половинѣ іюня прошлаго года «правильная осада» уже приближалась къ благополучному концу. Дума въ сущности не знала, что дѣлать. Депутаты горестно недоумѣвали, для какой, собственно, надобности они проживаютъ въ Петербургѣ и засѣдаютъ въ Таврическомъ дворцѣ. Наступалъ переломъ отъ радужныхъ надеждъ, съ какими первая Дума начала свою работу, къ безысходному отчаянію, какое звучало въ ея послѣднихъ засѣданіяхъ. Осажденная крѣпость чувствовала, что дни ея сочтены, что ея положеніе безвыходно. И какъ разъ во время этого перелома, 20 іюня

1906 г. въ «Правит. Вѣстн.» и въ «Нов. Вр.» появилось «правительственное сообщеніе» по аграрному вопросу, а вѣрнѣе—длинная и рѣзко-полемическая статья противъ Думы. Полемическій задоръ автора заходилъ такъ далеко, что Думѣ приписывалось намѣреніе отнять землю у крестьянъ и довести ихъ до голода и вѣчной нищеты. Тактическая цѣль, ради которой г-да Горемыкинъ и Столыпинъ такъ откровенно старались «раздразнить» Думу, ясна, какъ день. Даже г. Кузьминъ-Караваевъ, по его собственнымъ словамъ, «человѣкъ уравновѣшенный и уже не очень молодой, ... впалъ въ состояніе бѣшенства»...

«Я,—говорилъ онъ въ Думѣ,—никогда... не употреблялъ и не употребляю слова «провокація», но, когда я прочелъ правительственное сообщеніе 20 іюня, то я увидѣлъ, что нѣтъ границъ, нѣтъ такихъ словъ, которыхъ нельзя употреблять по отношенію къ министерству Горемыкина-Столыпина».

«Провокація»—терминъ, такъ сказать, гражданскій. Въ интересахъ чрезмѣрной корректности отъ него, пожалуй, можно отказаться. Можно прибѣгнуть къ терминологіи военной, представляющей тѣ удобства, что изъ нея тщательно вытравлена моральная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій, и потому она не кажется обидной и колючей. Можно сказать, что 20 іюня Горемыкинъ и Столыпинъ пошли въ атаку. Или, если ужъ придерживаться, подобно «Рѣчи», крѣпостной техники,—можно сказать, что правительство послѣ подготовительныхъ осадныхъ работъ противъ Думы съ 20 іюня предприняло штурмъ. Это именно и надо было сказать «Рѣчи», такъ какъ исторія думскаго «разъясненія» начинается именно съ 20 іюня. Однако, «Рѣчь» сочла почему-то своимъ долгомъ перепутать дѣйствующихъ лицъ, и на этомъ основаніи она утверждаетъ, что Дума съ 20 іюня «пошла на штурмъ» противъ правительства. Очевидно, при переходѣ на гражданскую терминологію, къ которой, по случаю правительственнаго сообщенія, рѣшился прибѣгнуть даже г. Кузьминъ-Караваевъ, Дума провоцировала Горемыкина и Столыпина, а Горемыкинъ и Столыпинъ оказались жертвами думской провокаціи. Исключительная трагичность событія, о которомъ намъ сейчасъ приходится говорить, заставляетъ меня удерживаться отъ заслуженно-рѣзкихъ и обидныхъ сравненій по адресу органа к.-д. партіи. Но фактъ самъ по себѣ достоинъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе. Передъ нами явленіе во всякомъ разѣ не шуточное. Не спроста, не зря, не случайно большая газета, руководимая, между прочимъ, такимъ крупнымъ человѣкомъ, какъ П. Н. Милюковъ, дѣла первой Думы называетъ совершенно не подходящими терминами. И не только называетъ, но и упорствуетъ въ этомъ своемъ очевидномъ заблужденіи.

Итакъ, 20 іюня Горемыкинъ и Столыпинъ начали штурмъ «правительственнымъ сообщеніемъ». По поводу этого сообщенія въ общее собраніе Думы былъ внесенъ запросъ, за подписью 116 депутатовъ.

Это и есть начальная стадія того «плана», который «Рѣчь» съ ноября прошлаго года объявила «опаснымъ» и «подсунутымъ со стороны». Какъ газета осторожная, она отдѣлывается крайне неопредѣленнымъ реченіемъ: «со стороны». Газеты, менѣе умныя и съ болѣе короткою памятью, пошли вслѣдъ за «Рѣчью», но значительно дальше. Не имѣю сейчасъ возможности справиться, гдѣ именно, но чуть ли не въ «Бирж. Вѣд.», мнѣ приходилось читать категорическое утвержденіе, что «планъ» былъ «подсунутъ» соціалъ-демократами. Въ числѣ 116 «соціалъ-демократовъ», подписавшихъ запросъ, были, между прочимъ, слѣдующія «постороннія», какъ увѣряетъ «Рѣчь», для к.-д. партіи лица:

Влад. Набоковъ, М. Винаверъ, Ив. Петрункевичъ, Г. Іоллосъ, М. Петрункевичъ, Ф. Родичевъ, Н. Карѣевъ, М. Герценштейнъ, кн. П. Долгоруковъ *), и другіе многіе изъ столь же «постороннихъ».

Запросъ впервые обсуждался въ Думѣ 26 іюня. Г. Кузьминъ-Караваевъ въ своей рѣчи рекомендовалъ:

«Передать запросъ въ коммиссію 33-хъ для перередактированія, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручить той же коммиссіи, или коммиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы,—постановленія или формы перехода къ очереднымъ дѣламъ, это все равно,—во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія, такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица Государственной Думы» **).

Я счелъ нужнымъ выписать это предложеніе дословно, такъ какъ автору его г. Кузьмину-Караваеву въ данномъ эпизодѣ изъ жизни первой Государственной Думы долгое время приписывалась вовсе не та роль, какую онъ въ дѣйствительности игралъ. Какъ видите, это даже не предложеніе, а нѣкоторая общая мысль съ неопредѣленными посылками и неопредѣленнымъ выводомъ. Неизвѣстно даже, въ какую коммиссію запросъ слѣдуетъ передать, и что, собственно, ей поручить? «Мотивированное ли, въ самомъ дѣлѣ, постановленіе», или «форму перехода къ очереднымъ дѣламъ»? И кто «распубликуетъ» эту «форму» или это «постановленіе»? Сама Дума? Или вся задача—лишь такъ проредактировать, напр., формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, что кѣмъ бы она ни была опубликована, а выйдетъ, будто отъ имени Думы. Столь загадочное предложеніе въ сущности нельзя было даже обсуждать. И выступившій вслѣдъ за г. Кузьминымъ-Караваевымъ членъ к.-д. партіи В. Е. Якушкинъ перенесъ вопросъ на дѣловую почву:

«Мы обязаны, — сказалъ онъ, — отвѣтить на это (правитель-

*) Фамиліи выписываю съ тѣми иниціалами, какія значатся въ оффиціальныхъ стенографическихъ отчетахъ (см. т. II, стр. 1755—6).

**) Ibid стр. 1751.

ственное) сообщеніе, которое смущаетъ народъ, такимъ же сообщеніемъ отъ Государственной Думы» *).

Затѣмъ членъ центральнаго комитета той же к.-д. партіи, г. А. А. Мухановъ внесъ письменное предложеніе:

«Передать запросъ для редактированія въ коммиссію 33-хъ и поручить аграрной коммиссіи представить проектъ сообщенія отъ Думы».

Дальнѣйшее въ стенографическихъ отчетахъ излагается такъ:

«*Предсѣдательствующій*. Г. Кузьминъ-Караваевъ, вы присоединяетесь къ этому (т. е. къ формулѣ Муханова)?

Кузьминъ-Караваевъ. Присоединяюсь».

Такимъ образомъ, на баллотировку была поставлена формула Муханова, каковая и оказалась принятою. Характерно, что объ авторскихъ правахъ г. Муханова «Рѣчь» не обмолвилась ни однимъ словомъ. Наоборотъ, какъ-то вышло, что газетами формула г. Муханова была приписана г. Кузьмину-Караваеву. И это совершенно ошибочное сообщеніе такъ и осталось не опровергнутымъ своевременно.

Какъ бы то ни было, но первоначально казалось, что Дума 26 іюня постановила обратиться къ народу и, слѣдовательно, дать рѣшительный отпоръ правительству, предпринявшему штурмъ. Эта рѣшимость достойно защищаться и отстаивать свой престижъ въ свое время надѣлала много шума. Газеты заговорили было о «переломѣ въ думской тактикѣ». Но вмѣсто «перелома», вмѣсто готовности защищаться, произошло, какъ извѣстно, нѣчто другое. 4 іюля аграрная коммиссія, предсѣдателемъ которой былъ, по ироніи судебъ, тотъ же г. Мухановъ, доложила проектъ «разъясненія», подъ заглавіемъ: «Отъ Государственной Думы». Аграрная коммиссія не просто замѣнила слово «сообщеніе» словомъ «разъясненіе». «Рѣчь» увѣряла, будто главная цѣль «разъясненія» заключается въ томъ, чтобы «побудить населеніе воздержаться отъ революціоннаго пути и найти въ себѣ силы еще подождать» **). Можетъ быть, конечно, аграрная комиссія ставила себѣ эту цѣль, или по крайней мѣрѣ, не ставила её вполнѣ сознательно и обдуманно. Но во всякомъ случаѣ выработанный ею проектъ воззванія не содержалъ готовности вступить въ борьбу съ непріятелемъ и призыва къ народу. Повидимому, среди большинства Думы первоначальное намѣреніе дать отпоръ тоже ослабѣло. И проектъ аграрной коммиссіи въ первомъ чтеніи былъ принятъ.

6 іюля г. И. И. Петрункевичъ, подъ видомъ поправки, внесъ новый проектъ «разъясненія», въ основу котораго была положена еще болѣе ясно подчеркнутая мысль—не сопротивляться и «побудить населеніе еще подождать». Съ этою «поправкою» «разъясне-

*) Ibid., стр. 1752.

**) „Рѣчь“, 5 іюля 1906 г.

ніе» и было поставлено на окончательную баллотировку. Противъ него подано 53 голоса: правые и соціалъ-демократы. Принципіально высказались противъ и воздержались отъ голосованія трудовики и польское коло, составившіе вмѣстѣ 101 голосъ. За разъясненіе съ поправкою г. Петрункевича подано 124 голоса, составленные почти исключительно представителями конституціонно-демократической партіи. «Разъясненіе» было объявлено принятымъ. И та же «Рѣчь», которая нынѣ считаетъ это «разъясненіе» «роковымъ и опаснымъ планомъ», 7 іюля 1906 г. торжествующе писала:

«Счастливо обойдены всѣ тактическія затрудненія. Послѣ *такого* голосованія Думѣ ничто не страшно».

Я вовсе не склоненъ преуменьшать жестокій смыслъ уроковъ, какіе преподаетъ всѣмъ намъ суровая судьба. Безспорно, уроки были слишкомъ тяжки. Буквально черезъ нѣсколько часовъ послѣ заявленія, что «Думѣ теперь ничто не страшно», Таврическій дворецъ былъ окруженъ войсками, и представителямъ именно той партіи, которая считала «всѣ тактическія затрудненія счастливо обойденными», пришлось взять на себя иниціативу по устройству поѣздки въ Выборгъ. За этимъ первымъ ударомъ слѣдовалъ рядъ другихъ, не менѣе жестокихъ. И вполнѣ естественно было оглянуться назадъ и оцѣнить свое поведеніе заново,—такъ или иначе за счетъ ошибокъ прошлаго вооружить себя горькимъ опытомъ для будущаго.

По моему личному мнѣнію, оцѣнивая думское «разъясненіе» заново, неизбѣжно было такъ или иначе считаться съ послѣдовательностью событій:

Когда мы рѣшили сопротивляться правительству, предпринявшему штурмъ,—Дума была цѣла. А когда мы отказались отъ сопротивленія, когда отступили,— правительство поняло, что мы просто боимся, что за нами нѣтъ силы, и насъ разогнали.

Допускаю, однако, что возможенъ и другой выводъ, не считающійся съ послѣдовательностью событій. При нѣкоторой подавленнности настроенія можно, напр., придти къ такому, приблизительно, рѣшенію:

Напрасно мы волновались, когда правительство начало насъ штурмовать. Лучше бы сидѣть смирно, какъ будто мы ничего не видимъ, и какъ будто ничего, достойнаго нашего вниманія, не случилось. Пусть бы, по крайней мѣрѣ, вся Европа видѣла, что правительство хищно, какъ волкъ, а мы задраны совершенно безвинно, какъ агнцы непорочные и беспомощные.

Съ моей точки зрѣнія, вынесенное первою Думою 26 іюня рѣшеніе сопротивляться было вполнѣ правильно, а неожиданно послѣдовавшій затѣмъ отказъ отъ сопротивленія—роковая ошибка. Но, повторяю, мнѣ понятна и другая точка зрѣнія, ставши на которую, надо признать, что Думѣ слѣдовало не отзываться на провокацію 20 іюня. Я понимаю, что вообще всякій отзывъ на

провокацію можно считать ошибкою. Понятно мнѣ и состояніе человѣка, который сознаетъ свою ошибку, но старается свалить ее на другихъ:

— Я—не я, и лошадь не моя, и Набоковъ не нашъ, и Мухановъ — чужой, и вся наша думская фракція, единственно голосовавшая 6 іюля за «разъясненіе», совсѣмъ не наша, а посторонняя.

Позиція: «я — не я, и лошадь не моя» не такъ ужъ красива; сидящіе на ней обыкновенно не блещутъ ни воинскими доблестями, ни гражданскими добродѣтелями, и едва ли могутъ снискать благодарность потомства и признательность современниковъ. И всетаки пребываніе на такой позиціи — дѣло житейское. «Человѣкъ слабъ, а бѣсъ силенъ»,—со многими это бываетъ. И попытка «Рѣчи» перенести личный долгъ к.-д. партіи цѣликомъ на чужой счетъ меня не удивляетъ. Такой способъ оправдываться, конечно, «отъ лукаваго». Но въ основѣ желанія оправдаться лежитъ все таки нѣчто чистое, человѣчное, «отъ Бога происходящее».

Хотя первая Дума была поставлена волею судебъ въ положеніе защищающейся стороны, а отнюдь не нападающей, но можно было бы, съ извѣстными оговорками, понять и предъявленное къ ней «Рѣчью» обвиненіе: «пошла на штурмъ». Это можно было бы понять, если бы Дума, хотя и въ цѣляхъ самозащиты, всетаки приняла рѣшеніе, по мнѣнію к.-д. органа, рѣзкое, революціонное, выходящее изъ конституціонныхъ рамокъ. Но нѣтъ, по словамъ самой «Рѣчи», «послѣ поправокъ Петрункевича роковое разъясненіе само по себѣ вовсе не сходило съ конституціонной почвы». «Въ данномъ случаѣ партія к.-д приняла всѣ мѣры, чтобы лишить этотъ послѣдній рискованный шагъ явно не конституціоннаго характера». А до этого «послѣдняго случая» во всѣхъ предшествовавшихъ случаяхъ та же партія к.-д. принимала тѣ же «всѣ мѣры», съ тою же цѣлью, и благополучно «провела Думу черезъ цѣлый рядъ подводныхъ камней» *).

Итакъ, прокуроры «Рѣчи» послѣ весьма тщательнаго разслѣдованія въ дѣятельности первой Думы нашли только одинъ эпизодъ, который, по ихъ мнѣнію, можетъ быть названъ «штурмомъ». Но и этотъ единственный эпизодъ, по отзыву тѣхъ же прокуроровъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается вовсе не штурмомъ, а простымъ отказомъ отвѣчать на непріятельскій штурмъ, во имя чисто платонической цѣли—строго стоять на почвѣ конституціоннаго права въ странѣ, гдѣ этого права нѣтъ, и гдѣ приняты всѣ мѣры, чтобы его не допустить. Столь упорная преданность не существующей конституціи однимъ можетъ показаться трогательной,

*) Всѣ эти цитаты беру изъ того же № „Рѣчи“ отъ 10 ноября, гдѣ „разъясненіе“ названо „опаснымъ планомъ“, „подсунутымъ со стороны“, а партія к.-д. его „ невольной исполнительницей“.

другимъ она напомнитъ воспѣтаго Кузьмою Прутковымъ барона фонъ-Гринвальдуса, который, какъ извѣстно, былъ отвергнутъ жестокой Амальей, и счелъ это достаточнымъ основаніемъ, чтобы сѣсть на камнѣ предъ замкомъ возлюбленной,—«сидѣть, принахмурясь, сидѣть и молчать».

Отъ замковыхъ оконъ
Очей не отводитъ
И съ мѣста не сходитъ;
Не пьетъ и не ѣстъ.
Года за годами...
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ,
Баронъ фонъ-Гринвальдусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позицьи
На камнѣ сидитъ...

По терминологіи «Рѣчи», это и называется «вести правильную осаду». Скрѣпя сердце, можно бы помириться съ такимъ названіемъ. Разъ людямъ очень хочется думать, будто они ведутъ «осаду», — пусть думаютъ. Всетаки тутъ есть нѣкоторая тѣнь сходства. Но когда вамъ говорятъ, что баронъ фонъ-Гринвальдусъ, хмуро сидя на камнѣ, производитъ штурмъ, то невольно задаешься вопросомъ, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія. Возможно вѣдь, что публицистамъ «Рѣчи», приходятъ въ голову сравненія, безподобныя для карикатуры, и «Рѣчь», по ошибкѣ, пользуется этими сравненіями для серьезныхъ статей.

II.

Я нѣсколько боюсь, что меня заподозрятъ въ желаніи придраться къ словамъ «осада» и «штурмъ» и, воспользовавшись неудачнымъ употребленіемъ этихъ словъ, построить тотъ или иной выводъ. Дѣло вовсе не въ словахъ, и не въ томъ, разумѣется, что они взяты изъ военнаго лексикона. Это довольно часто бываетъ, что именно люди, по темпераменту своему, не приспособленные къ военнымъ дѣйствіямъ, весьма любятъ прибѣгать къ военнымъ терминамъ. Помнится, въ началѣ прошлаго года нѣкоторые к.-д. сочли долгомъ публично заявить о своей неспособности пойти, напр., на баррикады. И если тѣ же к.-д. чувствуютъ тѣмъ не менѣе склонность называть свои дѣйствія либо штурмомъ, либо осадой,—то такъ оно и быть должно. Это въ порядкѣ вещей. Психологически неизбѣжно для человѣка чрезвычайную уклончивость поступковъ маскировать нарочитою рѣшительностью словъ. И не потому я остановился на этихъ словахъ, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Другое меня интересуетъ.

Такъ или нѣтъ, но руководящій органъ к.-д. партіи формули-

ровалъ обвиненіе въ штурмѣ и бросилъ его по адресу первой Думы. Косвенно этимъ достигнута цѣль едва ли желательная и для самой партіи, и для ея руководящаго органа: вѣдь заявленіе «Рѣчи» въ нѣкоторомъ родѣ оправдательный документъ для г. Столыпина. Документъ выданъ. Но если вы спросите, дѣйствительно ли «Рѣчь» убѣждена, что штурмъ былъ, то окажется, что «бабушка на-двое ворожила». Если вѣрить номеру этой газеты, отъ 8 ноября, то штурмъ, несомнѣнно, происходилъ, и первая Дума въ немъ повинна. А если вѣрить номеру отъ 10 ноября, то никакого штурма не было; наблюдались лишь отдѣльныя вспышки отдѣльныхъ депутатовъ, къ счастью, усиліями партіи к.-д. своевременно пресѣкаемыя. Значитъ, что же—была «правильная осада»? Но и касательно осады, «бабушка ворожила на-двое». Судя по ея словамъ отъ 10 ноября, первая Дума систематически занималась «осадой», ни разу не сходя съ «конституціонной почвы». Но 8-е ноября на бобахъ вышло, что вся Дума, а въ томъ числѣ и к.-д. фракція въ ней, «пошла на штурмъ, вмѣсто того, чтобы вести правильную осаду». Это—именно гаданье на бобахъ. И даже сама ворожея не можетъ разобрать, что собственно у нея выходитъ. Въ общемъ:

— Мм... знаете ли, нехорошо... «Ошибки»... Да-съ, были и ошибки... Были «опасные планы»... Да-съ, очень, очень опасные... Затѣмъ, «рискованные шаги». Чрезвычайно рискованные... Нехорошо-съ... Неблагоразумно.

Слѣдя за этими «неблагоразумно» и нехорошо, тщетно стараясь разгадать, о чемъ, собственно, идетъ рѣчь, невольно выносишь такое впечатлѣніе, будто передъ тобою вовсе не серьезный политическій органъ большой политической партіи; и слова у этого органа, въ концѣ концовъ, кажутся вовсе не политическими словами, а таинственными полузагадками—полунамеками, свойственными не то заклинателю, не то астрологу.

— Было въ вашей жизни неблагоразуміе. И большая вамъ оттого была непріятность. Многимъ вы въ вашей судьбѣ рисковали. И важной черезъ то опасности подвергались...

Когда такимъ стилемъ съ вами разговариваетъ цыганка, хиромантъ, астрологъ, профессоръ черной и бѣлой магіи, чревовѣщатель, изучившій всѣ тайны дѣвицы Ленорманъ,—вы, по крайней мѣрѣ, можете утѣшить себя сентенціей: «не любо—не слушай». А разъ пришелъ слушать, то будь подобенъ тому крестьянину, который, желая купить сала, купилъ мыла, но счелъ своимъ долгомъ скушать его безъ остатка:

— Бачили очи, що куповали,—пиньте, хоть повылазайте.

Но что вы скажете объ органѣ большой политической партіи, когда онъ объясняется съ вами на такомъ, напримѣръ, діалектѣ, который я воспроизвожу изъ той-же «Рѣчи»?

— «Были, конечно (въ первой Думѣ), предѣлы благоразумія и самой партіи народной свободы... Это была, быть можетъ, ошибка,

но ошибка неизбѣжная»... «Партія провела Думу черезъ цѣлый рядъ подводныхъ камней, грозившихъ крушеніемъ народнаго представительства на самыхъ первыхъ шагахъ»...

Позвольте, какіе «предѣлы»? Какого «благоразумія»? О какихъ «ошибкахъ» намъ говорятъ? Какіе «подводные камни» грозили чуть ли не разъ навсегда оставить Россію безъ народнаго представительства? Шутка ли,—оказывается, партія к.-д. въ буквальномъ смыслѣ слова спасла Россію. Россія, конечно, очень благодарна и своимъ спасителямъ воздвигнетъ монументъ, а если и не монументъ, то во всякомъ случаѣ вознаградитъ за спасеніе погибающихъ. Но когда же они ее спасали? При какихъ обстоятельствахъ?

Такіе вопросы можете ставить сколько угодно. Но едва-ли вы получите отъ кого-либо отвѣтъ. Передъ вами просто загадочныя слова и таинственныя формулы, которыя имѣютъ такое же отношеніе къ дѣйствительности, какъ и любой астрологическій символъ. Несомнѣнно, въ политической астрологіи есть свои свѣтила, свои сферы, свои методы наблюденія и изслѣдованія, свои символы... Для посвященныхъ во всѣ эти премудрости, быть можетъ, «предѣлы благоразумія» звучатъ чрезвычайно сильно и чрезвычайно убѣдительно. Но намъ, непосвященнымъ, они ровно ничего не говорятъ. Въ насъ они никакой мысли не возбуждаютъ. И на напоминаніе о «предѣлахъ благоразумія» мы можемъ отвѣтить лишь самымъ пустопорожнимъ общимъ мѣстомъ:

— Да, конечно, надо поступать благоразумно.

Въ политической астрологіи «подводные камни», быть можетъ, —символъ прямо таки трагическаго значенія. Но мы, непосвященные, можемъ сказать о немъ лишь столь же пустопорожнее общее мѣсто:

— Да, разбивать корабль о подводные камни нехорошо.

Сочетаніе «предѣловъ благоразумія» съ «подводными камнями» ничего не говоритъ ни нашему уму, ни нашему сердцу. По поводу этого сочетанія намъ даже пустопорожней общей мысли въ голову не приходитъ. Но оказывается, изъ этого сочетанія можно сдѣлать вполнѣ опредѣленный тактическій выводъ:

— Слѣдовательно, не должно быть штурма, а должна быть правильная осада.

Бѣда лишь въ томъ, что этотъ выводъ дѣлается не изъ простой любознательности, безотносительно къ условіямъ времени и пространства. Нѣтъ, это практическое указаніе, обязательное для большой политической группы. Это лозунгъ для второй Государственной Думы, съ которымъ необходимо такъ или иначе сводить счеты огромному кругу лицъ. Лозунгъ опредѣленъ, и нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ, прежде чѣмъ вторая Дума собралась, намъ старательно вколачиваютъ его въ голову: «осада, осада, осада, осада». Со дня открытія Думы намъ приходится шагъ за шагомъ наблюдать эту

«осаду» во-очію, не имѣя никакой возможности судить, что получается, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія астрологической.

Я лично одинъ изъ тѣхъ, кому совершенно непонятенъ логическій путь, по которому изъ посылки: «предѣлы благоразумія» слѣдуетъ выводъ: «не штурмъ, а осада». Для меня это тайна. Тѣмъ не менѣе, я вынужденъ наблюдать, какъ политическія группы, посвященныя въ эту тайну, съ 20 февраля воплощаютъ ее въ дѣло жизни, которое, по ихъ мнѣнію, должно быть выполнено второю Государственной Думой для блага Россіи. Газеты старательно увѣряютъ меня, что происходящее на моихъ глазахъ называется «осадой». Членъ Государственной Думы г. Струве такъ же убѣждаетъ меня, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ гражданъ, называть это «осадой». Можетъ быть, по астрологіи такъ именно и слѣдуетъ называть. Но я, повторяю, въ астрологическихъ тайнахъ ничего не смыслю. И на мой профанскій взглядъ, если это и осада, то, во всякомъ случаѣ, крайне оригинальная, пожалуй, даже единственная въ своемъ родѣ.

Она началась, собственно, еще до появленія Думы. И уже съ 17—18 февраля мы имѣли, между прочимъ, свѣдѣнія объ одномъ депутатѣ, посаженномъ въ тюрьму, о другомъ—избитомъ нагайками, третьемъ—сосланномъ въ монастырь. Впрочемъ, относительно перваго правительство сочло почему-то нужнымъ проявить любезность и отпустило заточеннаго на свободу. Другой, хотя и былъ избитъ, но не лишенъ способности явиться къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Третій—о. Григорій Петровъ, проведенный въ Думу какъ разъ к.-д., пылкими сторонниками «осады» до сихъ поръ остается сосланнымъ въ монастырь на покаяніе. Помнится, не то І. В. Гессенъ, не то П. Б. Струве, не то оба вмѣстѣ не устрашились обратиться къ петербургскому митрополиту Антонію съ почтительною просьбою: признать статью «основныхъ законовъ» о депутатской неприкосновенности и освободить заточеннаго. Но митрополитъ рѣшительно и даже, если вѣрить газетамъ, весьма иронически, отказался признать «статью основныхъ законовъ». И потому членъ Государственной Думы свящ. Григорій Петровъ продолжаетъ сидѣть въ монастырѣ. И въ оправданіе этому обстоятельству мнѣ приходилось даже слышать:

— Пусть сидитъ. Это для него интереснѣе.

Какой для о. Петрова интересъ сидѣть, я не знаю. Но Думѣ, повидимому, онъ вполнѣ понятенъ,—она не волнуется, не протестуетъ и какъ бы дѣлаетъ видъ, что ничего не случилось. Г. Столыпинъ тоже не волнуется, да съ его стороны это и понятно: всетаки «прецедентъ», которому въ любую минуту можно придать распространительное толкованіе. Правительство уже потребовало, чтобы Дума, не входя въ обсужденіе вопроса по существу, устранила депутатовъ Геруса, Кузнецова и Красилюка, какъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ. 30 марта требованіе это

Думою отвергнуто. Но вѣдь ни Герусъ, ни Кузнецовъ, ни Красилюкъ никакихъ особыхъ правъ, по сравненію съ о. Петровымъ, не имѣютъ. Дума не «устранила» ихъ; но, вѣдь, и о. Петровъ не устраненъ...

Исторія о. Петрова—«прецедентъ» грозный. Еще одинъ шагъ, и въ рукахъ г. Столыпина окажется средство измѣнять составъ Думы въ любую минуту и вести съ каждымъ отдѣльнымъ депутатомъ и со всѣми вмѣстѣ такую же игру, какую кошка ведетъ съ мышью. Однако, по словамъ «Рѣчи», «на Шипкѣ все спокойно». «Осадныя работы» благополучно продвигаются впередъ. Дума «неуклонно входитъ въ глубину государственнаго управленія, чтобы всюду и вездѣ утвердить свое господство, поднять свой флагъ, объявить своей территорію» *). «Товарищъ» также чрезвычайно доволенъ, что въ Думѣ идетъ «спокойная, планомѣрная работа, безъ уклоненій въ сторону (ужъ не намекъ ли это на участь о. Петрова?), но съ яснымъ сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей (въ кругъ которыхъ, повидимому, не входитъ защита депутатской неприкосновенности), и твердою готовностью стойко защищать свое достоинство».

Отзывы прекрасные, но если вѣрить имъ, то выходитъ такъ: разъ правительство спокойно и безъ протестовъ ссылаетъ депутатовъ, это доказываетъ, что оно осаждено парламентомъ.

«Правильная осада»... И намъ уже докладываютъ о результатахъ: вотъ-вотъ, и скоро, можетъ быть, «Дума всюду и вездѣ утвердитъ свое господство». И опять мы знали объ этомъ кое-что еще до открытія второй Думы. Передъ самымъ открытіемъ первой Думы были подписаны особыя правила о предоставленіи дворцовому коменданту диктаторской власти въ столицахъ и резиденціяхъ. Тогда г. Столыпинъ считался всего лишь бывшимъ саратовскимъ губернаторомъ и проходилъ извѣстный служебный искусъ. Нынѣ его правоспособность надо считать доказанной. И передъ самымъ открытіемъ второй Думы, 18 февраля, были изданы особыя правила, коими Таврическій дворецъ подчиненъ верховному надзору г. Столыпина. А самый дворецъ оказался приведеннымъ въ такое же, приблизительно, крѣпостное состояніе, какое нашли студенты въ петербургскомъ университетѣ къ началу 1905—1906 академическаго года. Далѣе, въ Таврической крѣпости оказался свой комендантъ—бар. Остенъ-Сакенъ, исполняющій обязанности какъ бы инспектора депутатовъ. Въ роли такого же инспектора депутатовъ выступали, впрочемъ, и другіе чины министерства внутреннихъ дѣлъ. А одинъ изъ этихъ сверхштатныхъ инспекторовъ, полицейскій надзиратель поручикъ Пономаревъ, въ короткое время заслужилъ даже большую извѣстность. Коменданту Таврической крѣпости подчиненъ особый штатъ недѣлей... Словомъ, состояніе петер-

*) „Рѣчь", 29, III, 1907.

бургскаго университета въ августѣ 1905 г. воспроизведено полностью.

Если припомните, судьба университетской крѣпости была весьма плачевна. Ее немедленно разоружили по требованію студентовъ, и университетъ въ короткое время принялъ нормальный видъ и даже получилъ «автономію». Но вѣдь то студенты, которые, не считаясь съ «предѣлами благоразумія», идутъ «на штурмъ», «вмѣсто того, чтобы вести правильную осаду». А тутъ «высокое мѣсто», даже не просто высокое, а «высочайшее», какъ любятъ выражаться нѣкоторые депутаты. Сюда спокойно во всякое время можетъ вломиться петербургскій градоначальникъ, чтобы закрыть бюро печати на томъ, видите ли, основаніи, что это «учрежденіе не легализовано» *). Завтра онъ можетъ «запечатать» комнаты думскихъ фракцій на столь же резонномъ основаніи, что здѣсь «происходятъ собранія безъ соблюденія правилъ 4 марта». Въ этомъ «высокомъ мѣстѣ» идетъ законодательная работа думскихъ коммиссій. И отсюда же въ охранное отдѣленіе поступаютъ «доносы шпіоновъ» о всемъ, происходящемъ въ комиссіяхъ **). И на основаніи ложныхъ шпіонскихъ доносовъ, г. Столыпинъ пишетъ предсѣдателю Думы замѣчанія по службѣ. Здѣсь агентамъ охраннаго отдѣленія отданъ строгій приказъ — ни въ коемъ случаѣ не пропускать приглашаемыхъ коммиссіями экспертовъ и свѣдущихъ лицъ. И что всего удивительнѣе, г. Столыпинъ оказывается уполномоченъ отдавать такіе приказы правилами 18 апрѣля объ охранѣ Таврическаго дворца. Здѣсь педеля и инспектора дѣлаютъ замѣчанія не только журналистамъ, но и депутатамъ. Этотъ нѣкогда дворецъ былъ конюшней, былъ оранжереей, былъ просто сараемъ. Теперь онъ оффиціально — зданіе парламента. Въ немъ уже обрушилась часть потолковъ. Другая часть продолжаетъ обрушиваться. Но въ томъ и сила правилъ 18 февраля, что они одновременно даютъ, во-первыхъ, возможность сохранять въ неприкосновенности «естественныя причины», отъ которыхъ значительная часть депутатовъ можетъ быть «распущена» на тотъ свѣтъ, а во-вторыхъ, право, подъ видомъ внѣшней охраны, лишать законодательное учрежденіе законныхъ гарантій.

Минувшей зимою печать много разъ негодовала противъ профессоровъ, недостаточно мужественно охранявшихъ академическую автономію отъ полицейскихъ покушеній. Къ Думѣ, повидимому, надо прилагать другую мѣрку. Выходитъ такъ, что если законодательное учрежденіе находится подъ систематическимъ надзоромъ шпіоновъ, если работа парламентскихъ коммиссій протекаетъ подъ наблюденіемъ подчиненныхъ департаменту полиціи служителей, то это и

*) „Рѣчь", 3, IV.
**) Ibid.

значитъ, что парламентъ ведетъ успѣшную осаду противъ правительства и скоро «всюду и вездѣ утвердитъ свое господство»...

Дума ведетъ «правильную осаду»... Ого, да еще какую! Вспомните, она еще не собралась, а уже буквально вся Европа была извѣщена «изъ Петербурга», что «рѣшено распустить». И потомъ, начиная съ 20 февраля, буквально не было ни одного дня, когда бы эти извѣстія «сверху» не повторялись съ различными варіаціями. Передо мною № «Рѣчи» отъ 3 апрѣля. Съ открытія Думы до выхода этого номера прошло, слѣдовательно, около 1$^1/_2$ мѣс. И подводя итоги за это время, газета радостно констатируетъ:

— Слава Богу, Дума еще не разогнана. «Дума живетъ».

И по случаю столь радостнаго событія, депутатамъ выражается даже своеобразное привѣтствіе:

— «Если Дума живетъ, это и есть сознательный плодъ вашихъ усилій. Это есть первый осязательный результатъ вмѣшательства вашей воли въ событія. Это и есть фактъ величайшей важности, есть исполненіе вами задуманнаго и проведеннаго плана» *).

Иначе говоря,—когда народнымъ представителямъ посылаютъ привѣтствія: «поздравляемъ васъ, что вы не разогнаны», это и значитъ, что парламентъ ведетъ правильную осаду противъ правительства и скоро «объявитъ своей территорію».

«Сознательный плодъ вашихъ усилій»... Такъ говоритъ «Рѣчь». И она имѣетъ право это сказать. Въ самомъ дѣлѣ, припомните споры по поводу министерской деклараціи; припомните резоны, въ силу которыхъ Дума не рѣшилась высказать министерству недовѣріе. «Рѣчь» и близкія къ ней сферы ставили вопросъ, приблизительно, такъ:

— Если въ конституціонной странѣ парламентъ выражаетъ министерству недовѣріе, то монархъ можетъ сдѣлать одно изъ двухъ: либо дать отставку министерству, либо распустить парламентъ. Конечно, страна вполнѣ согласится съ нами, если г. Столыпину будетъ выражено недовѣріе. И намъ никакъ невозможно выразить ему довѣріе. Положеніе, такимъ образомъ, трагическое. Выразимъ довѣріе—страна отъ насъ отшатнется. Выразимъ недовѣріе—насъ разгонятъ. А потому будемъ просто молчать и надѣяться, что страна истолкуетъ наше молчаніе, какъ знакъ недовѣрія, а правительство, увидѣвъ смиреніе наше, насъ не разгонитъ.

Въ концѣ концовъ, Дума молчала. Возможно, что «Рѣчь» права, что, благодаря именно такого рода «усиліямъ» депутатовъ, Дума осталась жить. Но, по терминологіи той же «Рѣчи», это имѣетъ такой смыслъ: если законодательное учрежденіе боится выразить министрамъ недовѣріе, значитъ—оно ведетъ «правильную осаду» противъ правительства.

---

*) „Рѣчь“, 3 IV.

Если и этотъ примѣръ васъ не убѣждаетъ, припомните какой-либо другой,—ну, хотя бы, напримѣръ, такъ называемые «бюджетные дебаты». Вопросъ о бюджетѣ сталъ передъ Думою уже послѣ молчанія по случаю министерской деклараціи. И если молчаніе серьезно считалось его авторами выраженіемъ недовѣрія, то оно серьезно и обязываетъ, — обязываетъ, между прочимъ, отказать правительству въ выдачѣ кредитовъ. Но какъ разъ именно «Рѣчь» выступила на защиту противоположной точки зрѣнія.

Оказывается, хотя мы и не вѣримъ правительству, но бюджетъ должны утвердить, ибо иначе насъ разгонятъ. А такъ какъ смѣта 1907 г. сводится, повидимому, съ дефицитомъ, то мы должны разрѣшить заемъ, ибо опять-таки иначе насъ разгонятъ. Характерно, что для вящщаго укрѣпленія этихъ доводовъ дѣлаются ссылки на «основные законы» и указывается на необходимость держаться «конституціонной почвы». Эта конституціонная почва поистинѣ удивительна. Она исправно появляется на сцену, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы правительству открыть кредитъ. Но она столь же исправно исчезаетъ, узнавши, что парламентъ находится подъ особымъ надзоромъ шпіоновъ, дѣлающихъ доклады охранному отдѣленію. Ее тычутъ намъ въ глаза, когда убѣждаютъ депутатовъ молчать. И она стыдливо ныряетъ куда-то въ подполье, когда явно пользующійся особымъ покровительствомъ начальства «союзъ русскаго народа» шантажируетъ Думу всеподданнѣйшими телеграммами объ ея разгонѣ. Конституціонная почва превосходно умѣетъ выскакивать на самое видное мѣсто, когда говорятъ: пожалуйста, не прекословьте,— иначе васъ разгонятъ. Но этой почвы нѣтъ, совершенно нѣтъ, когда надо рѣшать болѣе общій и при наличныхъ условіяхъ самый основной вопросъ: развѣ мыслима законодательная работа подъ ежедневными угрозами разгона. И, быть можетъ, отчасти благодаря такимъ чисто волшебнымъ свойствамъ этой странной почвы, результаты получаются прямо-таки поразительные: вліятельная и несомнѣнно оппозиціонная партія подъ страхомъ «разгона» убѣждаетъ дать правительству денегъ, разрѣшить заемъ, а ея органы увѣряютъ насъ,. что это именно и называется «правильной осадой». А органы явно правительственные спѣшатъ съ своей стороны· подтвердить:

— О да, это правильная осада. Очень правильная. Очень для насъ опасная. Мы очень ея боимся.

III.

Общеизвѣстна и элементарна воинская хитрость: тѣмъ или инымъ путемъ увѣрить непріятеля, будто боишься именно того, въ чемъ полагаешь свое спасеніе. И я готовъ понять, почему «Новое Время» и «Россія» съ удивительной настойчивостью обрабатываютъ тему объ «осадѣ власти». До нѣкоторой степени понятно мнѣ, по-

чему самый терминъ «осада» стоитъ внѣ времени и пространства, внѣ сферы земного притяженія, внѣ законовъ логики и при малѣйшей попыткѣ влить въ него фактическое содержаніе пріобрѣтаетъ сардоническій смыслъ. Это, повторяю, нѣчто символическое и даже астрологическое. Символъ: «Дума ведетъ правильную осаду», свободно можете замѣнить всякимъ другимъ символомъ такого же внѣфактическаго содержанія. Можете сказать, напр.:

— Дума родилась подъ знакомъ Дѣвы, и потому нравъ имѣетъ терпѣливый и женоподобный.

Или:

— Дума родилась подъ знакомъ Льва и Скорпіона, а рожденные подъ симъ знакомъ мужественны, встрѣчаютъ опасность на 20 году своей жизни, но, преодолѣвъ эту опасность, живутъ до глубокой старости.

Это—своего рода гороскопъ. Астрологу въ день зачатія Думы казались въ небѣ какіе-то «подводные камни», какіе-то «предѣлы благоразумія», «опасные планы», «роковые шаги» и прочія туманности, коихъ мы, непосвященные, не понимаемъ. Да и самъ астрологъ едва ли понимаетъ. Но по его наукѣ выходитъ, что сочетаніе этихъ туманностей даетъ въ суммѣ «знакъ осады». И онъ увѣряетъ, что знакъ поставленъ имъ правильно. И на требованіе дать этому знаку фактическое обоснованіе, можетъ отвѣтить:

— Сіе къ моей наукѣ не относится.

Несоотвѣтствіе между условіями жизни и политическими формулами, составленными астрологическимъ способомъ, повторяю, понятно. Гораздо труднѣе понять, почему цѣлая общественная группа, въ которую входятъ люди, привыкшіе оперировать съ точными фактами и точными понятіями, вдругъ перешла на такой типъ мышленія, который невольно напоминаетъ астрологію.

Вполнѣ резонно, что «Рѣчь», а съ нею вмѣстѣ и тѣ круги, настроеніе коихъ она отражаетъ, прежде чѣмъ высказать свой взглядъ на тактику, наиболѣе правильную во второй Думѣ, оглянулись назадъ и постарались взвѣсить тактическую позицію первой Думы. Это стремленіе, изъ опыта прошлаго почерпнуть руководящее указаніе для будущаго, въ основѣ своей правильно и безусловно заслуживаетъ одобренія. Вполнѣ резоненъ, далѣе, и выводъ «Рѣчи» относительно прошлаго: дѣйствительно, первая Дума строго стояла на конституціонной почвѣ; даже «разъясненіе», которымъ она закончила свою жизнь, безупречно съ конституціонной точки зрѣнія. Совершенно правильно и то, что стремленіе стоять на строго конституціонной почвѣ тамъ, гдѣ ея нѣтъ, гдѣ она оспаривается силою оружія, привело Думу къ разгону, страну къ военно-полевому кошмару. Дѣйствительно, жестокое краснорѣчіе фактовъ вынуждаетъ признать, что для второй Думы, очевидно, нужны были иные пути, иные методы дѣйствованія. Логика фактовъ повелительно указываетъ неизбѣжность путей, менѣе формальныхъ, болѣе политическихъ. И

«Рѣчь», несомнѣнно, совершила бы работу, поучительную для общества, полезную даже для себя, если бы, обратившись къ опыту прошлаго, старалась держаться фактической почвы и вскрыть желѣзную логику фактовъ. Но—увы!—она лишь оглянулась на прошлое и поскорѣе ушла прочь, бормоча что-то туманное и несуразное о какихъ то штурмахъ, о какой-то осадѣ, о чемъ-то, какъ будто похожемъ на какіе-то скалы и рифы...

Неудивительно, если чревовѣщатель или астрологъ выдумываютъ слова, подъ которыми можно скрыть фактическую неосвѣдомленность. На томъ и профессія эта зиждется, чтобы, ничего не зная, убѣждать, будто все знаешь. Но, вѣдь, передъ нами не чревовѣщатели же, въ самомъ дѣлѣ, и не астрологи. Передъ нами политическіе дѣятели, фактическая освѣдомленность которыхъ внѣ сомнѣнія. И языкъ фактовъ они какъ будто понимать умѣютъ. Зачѣмъ же они избѣгаютъ этого языка? Что онъ — очень невыгоденъ для нихъ? Или очень страшенъ? Или они очень испуганы той ролью, какую каждой общественной группѣ нынѣ и очевидно неумолимо навязываетъ исторія? И какъ понимать ихъ лепетъ о границахъ благоразумія, о штурмѣ, о правильной осадѣ? Перифразъ что ли это стариннаго заклинанія:

— Чуръ меня, чуръ меня, наше мѣсто свято, пронеси, Боже, грозу мимо?

Пусть «Новое Время» изображаетъ насмѣшливую фигуру страха, разсуждая объ «осадѣ власти». Но руководители «Рѣчи» — не «Новое Время». Для нихъ не секретъ, кто осаждалъ первую Думу, и кто осаждаетъ вторую. Нѣкоторые изъ нихъ на своихъ плечахъ вынесли тяжесть осады, а иные теперь ее выносятъ. Пусть «Новое Время» смѣется надъ осажденными, вообразившими, будто они осаждаютъ. Но передъ нами люди иного калибра. Они не смѣются. Не должны и не могутъ они смѣяться надъ осажденнымъ парламентомъ. Зачѣмъ же они упорно утверждаютъ, будто «мы ведемъ осаду?» Что это? желаніе утѣшить себя? ободрить другихъ? Или надежда, что желчь, если ее назвать медомъ, станетъ сладкой?

И вотъ что еще не просто удивительно, но и загадочно. Люди назвали себя конституціоналистами-демократами. Они, несомнѣнно, знаютъ толкъ въ конституціонномъ правѣ. Они умѣютъ понимать и дорожить конституціонными гарантіями. И они же, какъ мы видѣли, посылаютъ депутатамъ привѣтствіе:

— Поздравляемъ васъ, что вы сберегли Думу. Это ваша заслуга...

«Думу берегите»... «Думу сберегли». Отъ чего? отъ какой опасности? Въ зданіи парламента хозяйничаютъ квартальный надзиратель и охранный сыщикъ. Внутри парламента въ комнатахъ думскихъ фракцій производятся обыски. Оглушенные ежедневными угрозами разгономъ, депутаты смиренно смотрятъ и молчатъ. Намъ

незачѣмъ гадать, сумѣетъ ли Дума установить неприкосновенность частныхъ жилищъ. Но сбережена ли, защищена ли хоть неприкосновенность той «палаты», того «высокаго мѣста», гдѣ засѣдаетъ законодательное собраніе? «Думу сберегли», но неприкосновенность парламента, но одна изъ коренныхъ конституціонныхъ гарантій утрачена. «Думу сберегли», но право ссылать депутатовъ правительствомъ захвачено. «Думу сберегли», но отъ права выразить правительству недовѣріе пришлось отказаться. «Думу сберегли», но право приглашать свѣдущихъ лицъ у парламента отнято. «Думу сберегли», но право непосредственно сноситься съ мѣстными учрежденіями и установленіями потеряно. «Думу вы и впредь должны сберечь», но, пожалуйста, на сей разъ потеряйте право отказывать въ утвержденіи кредитовъ и въ разрѣшеніи займовъ.

— «Это и есть,—говоритъ «Рѣчь» депутатамъ — сознательный плодъ вашихъ усилій, это и есть исполненіе вами задуманнаго и проведеннаго плана».

Такія слова въ «Россіи» можно бы понимать, какъ злую насмѣшку, или какъ правительственную благодарность за отказъ отъ основныхъ правъ народнаго представительства. Такія слова въ уличной газеткѣ можно понимать, какъ плодъ невѣжества:

— Дума, слава Богу, собирается 4 раза въ недѣлю, а насчетъ разныхъ правъ—депутатамъ виднѣе, ибо мы люди не ученые.

Но вѣдь конституціоналисты-демократы не насмѣхаются. И не выражаютъ благодарности отъ имени правительства. И въ невѣжествѣ, свойственномъ уличной сплетницѣ, ихъ нельзя упрекнуть. Они вполнѣ искренно поздравляютъ депутатовъ съ утратою важнѣйшихъ правъ народнаго представительства, ради возможности собираться въ Таврическомъ дворцѣ. Что же это такое? Надежда ли, что въ будущемъ все «образуется?»

— Вотъ, молъ, будемъ все собираться во дворцѣ. И, Богъ дастъ, утраченное назадъ вернемъ. А, быть можетъ, и новое кое-что завоюемъ?

Или тутъ даже надежды нѣтъ? А просто люди, разъ ступивъ на путь политической астрологіи, окончательно запутались въ знакахъ политическаго зодіака, и до такой степени потеряли чувство дѣйствительности, что радуются, когда надо плакать, поздравляютъ, когда нужно выразить соболѣзнованіе, и имъ уже нельзя вмѣнять ни ихъ слова, ни ихъ поступки?

А. Петрищевъ.

Депутаты второй Думы.

Очерки и наброски.

IV.

Отецъ Тихвинскій.

Всѣ въ Думѣ знаютъ священника Тихвинскаго. Онъ сидитъ справа, на самомъ верху и на самомъ краю. Вмѣстѣ съ нимъ сидятъ еще нѣсколько депутатовъ-трудовиковъ. Съ мѣста своего священникъ Тихвинскій господствуетъ надъ Бобринскимъ, Пуришкевичемъ и даже надъ святыми отцами епископами. Ибо отцы Платонъ и Евлогій сѣли на самомъ низу, быть можетъ, соблюдая евангельское правило. Первые тамъ, да будутъ послѣдними здѣсь.

Отца Тихвинскаго знаютъ и въ странѣ. Рѣчь его по поводу военно-полевыхъ судовъ была перепечатана въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изданіяхъ и распространилась въ большомъ числѣ экземпляровъ. Она возбудила страстное сочувствіе «простого народа» и столь же страстную ненависть высокихъ сферъ. Бобринскій и Крупенскій были только выразителями этой ненависти, когда осыпали вятскаго священника неприличными ругательствами.

Черносотенная и рептильная печать старается представить о. Тихвинскаго опаснымъ революціонеромъ и чуть ли не атеистомъ. Нѣтъ ничего дальше отъ истины. «Бѣдный сельскій священникъ», какъ назвалъ самъ себя о. Тихвинскій, искренно вѣруетъ въ Бога и въ писаніе и уважаетъ авторитеты церковные и гражданскіе.

— Я не отрицаю святителей, они суть носители благодати.

Но когда вятскій епископъ упрекнулъ его:—Какъ можете вы, бѣдный рядовой священникъ, говорить такъ рѣзко, когда мы, святители, и то молчимъ,—то о. Тихвинскій отвѣтилъ:—Въ томъ-то и горе, что вы молчите. О, если бы вы говорили. Не нужно молчать!

Въ Думѣ есть республиканцы, въ томъ числѣ и крестьяне, но священникъ Тихвинскій стоитъ за монархію. Онъ говоритъ объ этомъ въ Думѣ, говоритъ и въ частной бесѣдѣ.

— О, если бы государь былъ въ согласіи съ народомъ, его на рукахъ бы носили, за Бога сочли бы. Далъ бы народу землю и волю, жили бы, какъ съ отцомъ...

Впрочемъ, за послѣднее время въ нижнихъ слояхъ русскаго народа монархизмъ пріобрѣтаетъ совершенно особые оттѣнки. Я видѣлъ одного стараго крестьянина, который исповѣдывалъ формулу: «царь и народъ», но понималъ ее слѣдующимъ обра-

зомъ: народу вся воля и вся земля, дворъ распустить, князей устранить, а на содержаніе выдавать по триста рублей въ мѣсяцъ. И все это—любя, отъ искренняго сердца.

Крестьяне скупы. На первомъ крестьянскомъ съѣздѣ самые «добромысленные» старики предлагали:

— Нельзя обижать помѣщиковъ. Дать имъ, сколько потребно для безбѣдной жизни культурнаго человѣка, триста рублей въ годъ...

А тутъ въ двѣнадцать разъ больше, триста рублей въ мѣсяцъ.

Бюрократія щедрѣе. Она даетъ столько же даже депутатамъ Думы, ненавистнымъ и крамольнымъ.

Во всякомъ случаѣ, священникъ Тихвинскій отнюдь не отрицаетъ властей.

— Но если на одной сторонѣ власть, а на другой евангеліе, я пойду за евангеліемъ,—прибавляетъ онъ твердо.

Подъ эгидой оффиціальнаго православія, мы совершенно забыли, что евангеліе есть книга демократическая и даже соціалистическая. Каждая строчка его запечатлѣна кровью мучениковъ...

Графъ Бобринскій изо всѣхъ словъ Христа запомнилъ только одно: повинуйтесь властямъ предержащимъ. Но развѣ первые христіане умирали лишь для того, чтобы освятить этотъ принципъ? Онъ стоялъ высоко безъ нихъ и противъ нихъ. И не за этотъ принципъ Іисуса Христа судили двойнымъ судомъ, консисторскимъ и военно-полевымъ, и распяли на висѣлицѣ.

Священникъ Серебрянскій на крестьянскомъ съѣздѣ сказалъ: «Христосъ былъ первый соціалистъ, если бы онъ пришелъ на землю, онъ былъ бы среди насъ». И его слова были ближе къ истинѣ.

Революція дохнула, и оживаютъ мертвыя кости, зеленѣютъ сухіе деревья. И въ нѣдрахъ православной церкви, рядомъ съ черными клобуками и финифтяными панагіями, возникаетъ новое теченіе, народолюбивое, демократическое. Оно родится въ селахъ и оттуда забрасывается въ города и достигаетъ столицъ.

У него есть свои тюремные сидѣльцы, ссыльные, раненые, даже убитые. Кто знаетъ, что изъ него выйдетъ. Можетъ быть, въ одно и то же время казенная церковь дастъ намъ черного патріарха, а внизу отъ стараго ствола отколется новая вѣтвь, какое-нибудь «духовное обновленіе» или «молодое православіе»...

Петръ Васильевичъ Тихвинскій уже не молодъ, ему 46 лѣтъ отъ роду. Онъ коренастъ и широкъ, съ большой бородой, большими сѣрыми, простодушными глазами. Несмотря на свое краснорѣчіе, онъ застѣнчивъ и мнителенъ. Ему все кажется: не такъ сказалъ, не достаточно сильно.

— Что придумаю, все забуду,—жаловался онъ.—Выйду на трибуну и говорю, какъ Богъ на душу положитъ.

Онъ много лѣтъ былъ миссіонеромъ для обращенія раскольниковъ, любилъ говорить проповѣди и поученія въ церкви. У него

всѣ манеры церковнаго проповѣдника и голосъ протяжный и поющій, немного въ носъ; вдобавокъ онъ пришепетываетъ.

— Я привыкъ говорить по церковному, иначе не умѣю...

Начнешь слушать, смѣшно, потомъ самая наивность эта обезоруживаетъ, хватаетъ за сердце и зажигаетъ его. Ибо отецъ Тихвинскій вѣритъ въ то, о чемъ говоритъ, просто вѣритъ, просто говоритъ и, если понадобится, также просто сядетъ въ тюрьму.

— Я священникъ села Чудинова, Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда,—разсказывалъ о. Тихвинскій,—раньше того былъ въ селѣ Байсѣ, Уржумскаго уѣзда. Перевели меня въ Уржумъ настоятелемъ собора, былъ назначенъ къ сану протоіерея, но увы и ахъ, вмѣсто того попалъ подъ полицейское слѣдствіе. Впрочемъ, о томъ не жалѣю. Въ нашемъ союзѣ духовнаго обновленія признано: уничтожить эту духовную чиновность. Священникъ такъ священникъ, а епископъ такъ епископъ.

— Въ селѣ Байсѣ прожилъ 17 лѣтъ, сроднился съ прихожанами, выступалъ противъ старообрядцевъ, но не силою, а словомъ убѣжденія. Въ городѣ Уржумѣ велъ бесѣды и чтенія на обще-христіанскія темы. Былъ я внутренне убѣжденъ, что лучше всего наша трехвостная плеть: православіе, самодержавіе, народность.

— Отъ интеллигенціи сторонился, но въ нижнихъ слояхъ былъ на хорошемъ счету. Никогда не былъ стяжателемъ, не прилѣплялся къ деньгамъ. Хотя не сознательно, держался бѣдныхъ, помогалъ.

— Перевернули меня «Московскія Вѣдомости» полемикой противъ прогрессивныхъ газетъ, сталъ чуять неправду, выдержки читалъ, заинтересовали меня. Съ молоду тоже интересовался, но не было литературы, и душа заскорузла. Теперь рѣшилъ, что нужно выслушать и противоположную сторону, выписалъ еще двѣ газеты, одну умѣренную—«Русское Слово» и другую прогрессивную—«Наши Дни».

— Простой народъ относился ко мнѣ очень довѣрчиво. Я проповѣди говорилъ въ защиту самодержавія. Въ то время сталъ духомъ неспокоенъ. Очень усумнился и возскорбѣлъ отъ синодальнаго посланія о японскомъ подкупѣ рабочихъ. Вѣдь это на мертвыхъ клеплютъ. И какъ будто въ душѣ что-то отломилось и упало. Думаю: пусть другіе говорятъ такое, я не стану.

— Однъ разъ была объявлена проповѣдь. Я сталъ обдумывать. Какъ говорить, если убѣжденіе исчезло? Всю ночь не спалъ. На утро укрѣпился духомъ. Такъ и не сказалъ проповѣди по этому направленію.

— Мало времени погодя сталъ мѣняться, говорить проповѣди въ другомъ направленіи.

— А прихожане не изумились?—спросилъ я.

— Они вѣдь тоже мѣнялись въ то время,—возразилъ о. Тих-

винскій.—Тутъ пришелъ манифестъ 17 октября. Онъ окончательно открылъ мнѣ глаза.

— Мы ждали этого, какъ движенія воды, весь народъ всколыхнулся до самаго дна. Намъ развязало умъ и языкъ.

—Мнѣ раньше было трудно, потому что я жилъ въ сторонѣ. Интеллигенты говорили о народномъ освобожденіи, я не довѣрялъ. Они подчеркивали атеизмъ. Если бы не подчеркивали, было бы другое дѣло. Теперь я понимаю, почему они подчеркивали; ибо церковные люди подчеркивали мракъ и отчужденіе отъ міра.

— Оттого на своемъ вѣку я мало учился. Когда пришло мое время, пришлось съ начатковъ знакомиться. Были кружки молодежи, собранія, студенты; читали, говорили. Я ходилъ, слушалъ, конечно, поверхностно. Соціализмъ меня заинтересовалъ, но какъ, священникъ и вѣрующій, желалъ согласить съ евангеліемъ, оттого пришелъ къ христіанскому соціализму. Сталъ книги читать, господина Булгакова, архимандрита Михаила и священника Петрова, но мало читалъ. Въ то время я былъ уже въ Уржумѣ, въ городѣ Сталъ вести борьбу противъ свободо-борцевъ, которые шли противъ манифеста 17 октября и не исполняли его. Называлъ ихъ евангельскими бѣсами и слугами дьявола, ибо идеи манифеста — идеи евангелія, а они борются, какъ бѣсы противъ евангелія.

— Кончилась моя борьба проповѣдью противъ смертной казни. Тутъ привлекли меня къ отвѣтственности по двойному доносу властей духовныхъ и свѣтскихъ. Губернаторъ прямо требовалъ, чтобы отрѣшить меня отъ должности и послалъ предложеніе объ этомъ нашему вятскому владыкѣ, а владыко передалъ въ консисторію.

— Губернаторъ ссылался, что по указу синода священникъ не имѣетъ права говорить проповѣди на политическія темы. Такая проповѣдь развращаетъ солдатъ. Быть можетъ, имъ придется исполнить смертный приговоръ, то они могутъ отказаться, не исполнить

— Консисторія сверхъ ожиданія отнеслась довольно корректно. Отвѣтила, что она не знаетъ такого указа синода, а отрѣшить священника безъ слѣдствія не находитъ возможнымъ. Назначили слѣдствіе, а мнѣ велѣли выѣхать изъ города въ село.

Въ то время шло пастырско-мірянское собраніе, сто человѣкъ отъ мірянъ и сто отъ духовенства. Я былъ членомъ, сообщилъ предсѣдателю, что мнѣ велятъ ѣхать. Собраніе обсудило и сказало: «ну лучше, ѣхать», но выразили сожалѣніе и даже почтили мою память вставаніемъ.

— Слѣдователемъ назначили священника Попова, квартиру отвели, поставили столъ съ краснымъ сукномъ, все по формѣ. Даже въ передней два полицейскихъ стоятъ.

— Я вечеромъ не постѣснялся, спросилъ: зачѣмъ вамъ, отецъ, эти драбанты съ пуговицами?—А какъ же,—говоритъ.—По исполненію должности. Послать, приказать...

— Пошло у насъ слѣдствіе: масса свидѣтелей. Какое впечатлѣніе производили мои проповѣди на населеніе? Полиція говоритъ: возбуждающее. Прихожане отозвались единогласно, что самое умиротворяющее.

— Другое обвиненіе: зачѣмъ входилъ въ сношенія съ политическими заключенными, хотя и чрезъ начальство, а жена моя приносила имъ милостыню?—Какъ во времена Нерона, даже милостыню не смѣй давать.

— Еще: зачѣмъ ходилъ мимо острога, шляпу снималъ и раскланивался? А тамъ были мои уржумскіе прихожане, восемь мѣсяцевъ томились въ уржумской тюрьмѣ, потомъ выслали ихъ въ кандалахъ въ Вятку, а вятскій прокуроръ отказался ихъ обвинять за отсутствіемъ состава преступленія.

— Огромное слѣдствіе составилось; триста листовъ, еще теперь не кончено. Послѣ Дума заодно будетъ отвѣтъ давать.

— Тутъ начались выборы. Форменно запросилъ консисторію, можно ли ѣхать? Написали: препятствій не встрѣчается. Было предвыборное собраніе землевладѣльцевъ, только три свѣтскихъ лица, а то все попы. Потому что у насъ дворянства нѣтъ. Выбрали меня единогласно, и еще четверыхъ выборщиковъ, но ихъ обязали подать голосъ за меня же. Я, стало быть, духовенствомъ избранъ въ первую голову, заодно съ крестьянами.

— Поѣхали въ Вятку на губернскіе выборы. А у нихъ ужъ тамъ лѣвый блокъ налаженъ и всѣ кандидаты намѣчены. Я блока ихняго ломать не захотѣлъ, но на предвыборномъ собраніи пришлось мнѣ выступить съ рѣчью. Крестьяне взбудоражились, потребовали дать мнѣ мѣсто.

— Тогда меня ввели въ ихній блокъ.

— Передъ тѣмъ, какъ мнѣ въ Петербургъ ѣхать, призвалъ меня нашъ владыка. Говоритъ:—Вы будете въ Думѣ. Я не стану васъ учить: стойте за правду,—потому знаю, вы и такъ будете стоять. Но только скажу одно: нельзя ли полегче?..

По воззрѣніямъ своимъ о. Тихвинскій является народникомъ, крестьянскимъ и христіанскимъ, романтическимъ и немного наивнымъ.

— Здѣсь я въ Думѣ состою въ фракціи крестьянскаго союза. По моему, будущее за крестьянскимъ союзомъ. Эс-эры и даже трудовики, все это временно. Эс-деки не русская партія, нѣмецкая кухня. Потому что Россія—крестьянская страна. Когда капиталъ начнетъ весьма сильно давить на крестьянство, организованное крестьянство сумѣетъ дать отпоръ. Оно втянетъ въ себя капиталъ, фабрики и заводы сдѣлаетъ своимъ достояніемъ. У него огромная сила. Эта сила все побѣдитъ мирнымъ, спокойнымъ путемъ, безъ обходовъ и кривыхъ дѣйствій. По моему такъ.

Между прочимъ, мнѣ разсказывали въ довольно живописныхъ

чертахъ о томъ, какъ о. Тихвинскій записался во фракцію крестьянскаго союза.

— Сперва пришелъ и говоритъ: покажите вашу программу. Сталъ разспрашивать. Спрашивалъ, спрашивалъ, мучилъ, мучилъ. Мы было подумали: для чего онъ придирается? Потомъ говоритъ: ну, Господи благослови.—Повернулся къ иконѣ, перекрестился.— Теперь давайте, подпишу.

Отецъ Тихвинскій принесъ въ Думу твердое настроеніе и не понижаетъ его. И поэтому онъ говоритъ прямо:

— Думское настроеніе мнѣ сейчасъ не нравится. Дума пошла бы на большія уступки. Напримѣръ, по земельному вопросу, если-бъ правительство стало давать, человѣкъ 50 изъ трудовиковъ, все крестьяне, сейчасъ перейдутъ на кадетскій законопроектъ, даже съ поправками.

— И то сказать, измучились, хоть что-нибудь получить... А ежели бъ сверху дали, хоть смѣшанное министерство, то будетъ наша Дума на все согласная.

— Развѣ это худо получить хоть что-нибудь?—спросилъ я.

— По моему надо идти по правдѣ,—сказалъ Тихвинскій.—Отъ нашего принципа мы не можемъ отступить: земля трудящимся, народу власть.

— А впрочемъ, пускай наши уступаютъ,—прибавилъ онъ, подумавъ.—Не выйдетъ ничего. Кажется, тѣ наверху не хотятъ никакихъ уступокъ.

— Чуется мнѣ, разгонятъ нашу Думу, запрутъ на замокъ, намъ, лѣвымъ, дадутъ каждому няньки по двѣ въ синемъ, пошлютъ насъ на желѣзную дорогу, перевезутъ въ свои мѣста, мѣсяцъ—другой подержать подъ надзоромъ, потомъ помаленьку расправу начнутъ. Такъ оно и будетъ.

— Богъ съ ними. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

— А что будетъ дѣлать населеніе?

— Кто-жъ его знаетъ. На двое. Либо въ апатію впадетъ, скажетъ: чортъ съ вами. Въ Сибирь побѣжитъ, въ Америку. Либо отвѣтитъ дикой анархіей.

— А вѣдь такъ легко могло бы все устроиться, если бы власть пошла заодно съ народомъ. Власть земная, заблуждающаяся. Вонъ все указываютъ текстъ: Нѣсть власти, аще не отъ Бога.

— Но Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи на апостола Павла говоритъ: Священны не носители власти, а самая власть, только принципъ. Ибо не всякаго вступающаго въ бракъ Господь благословляетъ, иные—корыстные, и мы не можемъ поставить это Богу въ вину.

— И еще говоритъ: Есть три зла. Одно зло—безначаліе, другое—неповиновеніе начальнику, третье—когда начальникъ золъ. Лучше не быть никѣмъ управляемымъ, чѣмъ злымъ управляемымъ. Если житія ради золъ, то это не твое дѣло. Если вѣры ради золъ,

то отрицайся его. Напримѣръ, если въ карты играетъ, пьянствуетъ, взятки беретъ,—то Богъ съ нимъ. Но если Столыпинъ говоритъ, чтобъ благословить убійство, то евангеліе этого не говоритъ.

— Конечно, графу Бобринскому ученіе Златоуста недоступно, но я ему укажу, что читается въ низшихъ школахъ, катехизисъ Филарета. Быть можетъ, онъ хоть это пойметъ:

— Что отвѣчать родителямъ и начальникамъ, если они требуютъ противное вѣрѣ и закону?—Должно сказать: лучше намъ послушать Бога, нежели васъ.

О. Тихвинскій принимаетъ близко къ сердцу новое теченіе въ духовенствѣ.

— Вся судьба православія зависитъ отъ народа, а не отъ начальства. Насъ кормитъ народъ. Мы, сельское духовенство, будемъ вмѣстѣ съ народомъ.

— Въ нашей Вятской губерніи крѣпостного права не было. Въ другихъ мѣстахъ драли крестьянъ, случалось, драли и попа. У насъ не драли никого. Оттого наше духовенство будетъ стоять за свободу. Какъ ни подавлено, не вся душа подавлена.

— Пусть наша церковная бюрократія пойметъ, какъ и свѣтская: если пойдутъ на уступки, то будетъ миръ и обновленіе; если станутъ держаться за старое,—рознь будетъ и новый расколъ.

— А еще хуже того, что они хотятъ идти по двумъ путямъ. Все ждутъ, принюхиваются, чья сторона возобладаетъ. Напримѣръ, съ церковнымъ соборомъ. Если Дума побѣдитъ, устроятъ соборъ по новому; а если реакція, по старому. Можно ли вождю духовному быть двойственнымъ?

— Но мы, что бы ни случилось, будемъ всегда съ народомъ.

V.

Пьяныхъ.

Когда просидишь въ думской залѣ часъ или два, послушаешь этихъ безсильныхъ и безпомощныхъ рѣчей, подышешь тяжелой атмосферой, можно сказать, насыщенной мыслью о неизбѣжномъ разгонѣ, то поневолѣ выскочишь въ кулуаръ, для того чтобы освѣжиться. Только что состоялся клоунскій выходъ Пуришкевича по поводу какого-нибудь неописуемаго звѣрства, и лѣвая Дума хохотала, и даже мы, журналисты, смѣялись заодно. Но послѣ этого смѣха во рту остался вкусъ, какъ будто выпилъ керосину.

Впрочемъ, и въ кулуарѣ мало утѣшенія. На красной бархатной скамейкѣ сидитъ темнолицый Крушеванъ въ ослѣпительно бѣлой сорочкѣ, какъ грибъ въ сметанѣ, и позируетъ для портрета. Онъ надуваетъ щеки и дѣлаетъ звѣрское лицо, а художникъ тщательно зарисовываетъ штрихъ за штрихомъ и любуется оригиналомъ.

Мимо проходятъ отцы Платонъ и Евлогій. У нихъ кроткіе

глаза и такія елейныя лица, какъ будто они живьемъ просятся на небо. И кажется, что епископъ Платонъ сейчасъ откроетъ свои благообразныя уста и томно воззоветъ: Господи, прости мужикамъ за то, что они желаютъ, чего не вѣдаютъ,—земли и воли... Въ центрѣ залы стоятъ Бобринскій и Крупенскій, оба высокіе, черные. Оба бывшіе кавалеристы. Они какъ будто выскочили изъ книги Щедрина.

Я отвожу душу въ бесѣдахъ съ крестьянами. Ихъ много въ Думѣ, они пришли изъ разныхъ губерній, и есть между ними немало яркихъ и сильныхъ людей, на зло тусклому налету общей думской жизни. Конечно, они въ Думѣ не верховодятъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать рѣчи по финансовому праву или по исторіи аграрнаго законодательства въ Англіи, но за то, какъ справедливо указалъ мнѣ симбирскій депутатъ Сытинъ:—крестьяне изъ Волыни, Подоліи и Кіева,—вы поговорите-ка съ ними.—Они не могутъ литературно, но чувства и мысли у нихъ такъ высоки, получше чѣмъ въ спинжакахъ. Только выразить могутъ мало...

Правда и то, что изъ многихъ мѣстъ народъ далъ имъ наказъ: не лѣзьте зря. Но кажется, что народъ понимаетъ этотъ умѣренный наказъ иначе, чѣмъ либеральные интеллигенты.

И для проведенія этого уступчиваго наказа, онъ выбралъ самыхъ строптивыхъ, неуступчивыхъ людей, такихъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ по шести и по десяти разъ, состарились въ своей неблагонадежности, какъ курскій Оводовъ, пріобрѣли у начальства репутацію прирожденныхъ смутьяновъ, какъ симбирскій Сытинъ, и многіе другіе.

Когда разговариваешь съ этими симбирскими, курскими и кіевскими мужиками, то сразу видишь, какой огромный, чисто стихійный размахъ пріобрѣло освободительное движеніе въ глубокихъ низахъ русскаго народа, именно въ послѣднее время, когда правящіе классы уклонились вправо, а интеллигенція встала на распутьи и спрашиваетъ устало: что же дальше?

— Русскій народъ сталъ, какъ кипящее масло. Сверху не паритъ, а попробуй, сунь руку, обожжешь до кости,—такъ сказалъ мнѣ одинъ старый крестьянскій депутатъ. И всѣ вмѣстѣ даютъ однообразные, какъ будто стереотипные отвѣты. Пусть *они* не утѣшаютъ себя, не будетъ успокоенія. Безъ воли, безъ земли не утихнетъ народъ. И даже одну землю безъ воли не возьмутъ.

— Выживутъ, изморомъ возьмутъ. Худая сноха въ домѣ заведется, и та жить не дастъ. А тутъ весь народъ. Не будетъ житья господамъ помѣщикамъ.

— Гдѣ войска будутъ, тамъ будутъ накладать, а гдѣ войска не будетъ, тамъ горе придетъ...

Предъ нашими глазами стоитъ ужасный призракъ Лодзи, братоубійственной и кровавой, какъ красное «memento mori». Въ виду безумнаго упорства командующихъ классовъ, я боюсь, чтобы

вмѣсто успокоенія вся Россія не превратилась въ одну огромную Лодзь.

Рептильная печать называла курскаго депутата Ивана Пьяныхъ опаснымъ революціонеромъ, точно такъ же, какъ и отца Тихвинскаго. На дѣлѣ, курскій депутатъ человѣкъ весьма кроткій, съ пріятнымъ лицомъ и тихимъ голосомъ.—Мухи не обидитъ,—по выраженію знающихъ его людей. Онъ средняго роста, съ маленькой русой бородкой и добрыми глазами, съ виду очень скромный и очень аккуратный. Ему 42 года отъ роду. У него 8 человѣкъ живыхъ дѣтей, да четверо умерло. Видалъ ли кто когда революціонера съ такой многочисленной семьей?

— Я отъ отца - матери остался сиротой, — разсказывалъ Пьяныхъ, — очення рано женился, 18 лѣтъ. Моему старшему сыну теперь 24 года.

— Только вы не подумайте,—прибавилъ Пьяныхъ,—хотя и сирота, но у меня были средства.—Стряпка была и работникъ, а я при нихъ. Два надѣла душевыхъ—20 десятинъ...

— Какъ два надѣла,—двадцать десятинъ?

— Да такъ и есть. Въ нашей деревнѣ огромный надѣлъ, десять десятинъ на каждую душу.

— Такъ намъ пришло — прибавилъ онъ, видя мое недоумѣніе.—Мы даже сами не знаемъ за чью доброту.

— А теперь у меня почти три надѣльныхъ души, да купленныхъ 10 десятинъ, всего на всего 38 десятинъ,—я живу зажиточно, трудами своими.

— А какой вы партіи?—спросилъ я не безъ задней мысли.

— Зовусь безпартійный,—живо отвѣтилъ Пьяныхъ,—но сочувствую эс-эрамъ.

— Терроръ, конечно, отрицаю, не признаю, ибо по взглядамъ своимъ исповѣдую не ветхозавѣтное ученіе, но Христа. Богъ далъ человѣку жизнь, ее нельзя отнять. За то одобряю эс-эровъ насчетъ земли. Пусть у меня меньше будетъ, только бы у всѣхъ поровну.

— А сосѣди ваши что говорятъ?

— И сосѣди всѣ согласны. У насъ село малое, дружное, 22 двора. Только одинъ черносотенецъ не согласенъ, у него купленной земли 50 десятинъ, не хочетъ отдавать.

— Онъ да попъ объявили себя шпіонами; теперь, говорятъ, мы что бы ни дѣлали, не будемъ ни за что отвѣтственны. Попъ у насъ, такой пронзительный, одинъ на всю округу. Дьяконъ былъ хорошій, дьякона выжилъ, псаломщикъ молодой, того тоже выжилъ. На родного брата Петра,—тоже священникъ въ сосѣднемъ селѣ,—доносы писалъ, да подавалъ.

— Вы, стало быть, стоите за соціализацію земли?

— Какъ же не стоять, когда кругомъ такая бѣдность? Аренда: яровое—до 27 рублей, озимое до 35 рублей. Въ покупкѣ приступа

нѣтъ. 250 рублей за одну десятину. Около насъ есть двѣ деревни. Они въ 1861 году получили надѣлъ. А черезъ десять лѣтъ помѣщикъ отобралъ двѣ трети. До сената доходило и до государя, а не вышло ничего. Пришлось имъ всего по ³/₄ десятины на душу. Сочтите, что у нихъ теперь выходитъ. Голодъ выходитъ. Какъ ни придетъ зима, сейчасъ въ кусочки идутъ.

— А что ваша жена скажетъ на передѣлъ земли?—спросилъ я шутя.

— Моя жена благотворительница,—возразилъ Пьяныхъ очень просто.—Наша семья существуетъ для того, чтобы бѣдныхъ одѣлять. Кому хлѣба, кому сѣна. Слава Богу, засѣваемъ озимого 14 десятинъ, есть изъ чего...

24 августа 1789 года французскіе дворяне отреклись отъ своихъ сословныхъ привилегій. У насъ въ началѣ революціи дворяне пробовали не то что отрекаться, а такъ вообще наводить либеральную тѣнь. Теперь, впрочемъ, они одумались и не только не отрекаются, но стараются еще пріобрѣсти.

Но въ лицѣ Ивана Пьяныхъ предо мной былъ богатый крестьянинъ, представитель зажиточнаго села. Эти крестьяне выражали готовность отречься не отъ привилегій, а отъ того, что люди всегда отдаютъ послѣднимъ,—отъ трудового имѣнія, отъ лишней земли. И по этому одному можно было судить, что порывъ, охватившій русское крестьянство, дѣйствительно глубокъ и стихіенъ.

— У насъ есть купцы и дворяне,—продолжалъ Пьяныхъ,—которые Бога не забыли, стоятъ за передѣлъ. Напримѣръ, купецъ Ш. часть земли своей продалъ крестьянамъ дешевой цѣной, другую часть хотѣлъ отдать имъ въ дарствіе, тогда повели противъ него слѣдствіе, что это агитація. Оттого поступился, отдалъ имъ въ аренду.

— И среди помѣщиковъ есть такіе, готовы съ землей развязаться, взять деньги, жить мирно.

— Но только большіе князья и графы, тѣ обижаются, не хотятъ уступать и даже другихъ не пускаютъ.

— А откуда у васъ такія идеи эс-эрскія?

— Самъ дошелъ,—живо сказалъ Пьяныхъ,—своимъ умомъ. Лѣтъ восемь тому назадъ я сталъ задумываться. Я человѣкъ не пьющій, даромъ Пьяныхъ, а въ ротъ не беру и запаха не люблю. Оттого у меня есть время досужное. Сталъ я думать, отчего все стоитъ навыворотъ? Напримѣръ, отечество. Мы всѣ вмѣстѣ, но я со средствами, а у другого бѣдственно, онъ идетъ на службу защищать вѣру, царя и отечество. А что у него за отечество? Развѣ воздухъ, которымъ дышетъ.

— И въ религіи кинулось въ глаза: напримѣръ, за 400 лѣтъ былъ пересмотръ служебниковъ. Сказали вселенскимъ соборомъ: кто двумя перстами креститея, тотъ анаѳема. А какъ же допрежъ того были святые, перстами двумя крестились?

— Да вы что, старообрядецъ?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Ни по-чемъ,—сказалъ Пьяныхъ,—сущій православный. Только такъ, вѣру испытываю.

— Напримѣръ, въ ветхомъ завѣтѣ сказано, Богъ сотворилъ міръ:—въ день первый—свѣтъ; въ день второй—воду отдѣлилъ отъ земли; въ третій день сотворилъ твердь; а въ четвертый—солнце, луну и звѣзды.

— Ежели все это не сказки, то зачѣмъ было два раза сотворять одно и то же: свѣтъ?

— Еще вопросъ: когда развратился весь родъ, то былъ потопъ на сорокъ локтей выше горъ. Всѣ люди потонули. А за морями есть Америка. Съ того времени мореплаванія не было и никто не переѣзжалъ. Соткуда же люди взялись?

— Или еще дворяне. Ясно, какъ бѣлый день. Съ перваго начала люди обгородили землю, сказали: мое. Собственность неприкосновенная. Потомъ сочинили уставъ о переходѣ по наслѣдству, купчія крѣпости и дарственную запись.

— А если мы вѣримъ писанію, то всѣ сотворены равными. Ежели хотимъ слѣдовать ученію Христа, то сказано у Христа: да не будетъ межъ вами неравныхъ. Самъ дошелъ до всего. На что ни посмотрю, все мнѣ хочется перемѣнить, какъ будто вывернуть и прямо поставить.

— Иной разъ думаю, кто у насъ сумасшедшій,—весь порядокъ міра кажется мнѣ сумасшедшимъ, а я, можетъ, начальнымъ, сильнымъ учительнымъ людямъ тоже кажусь сумасшедшимъ.

— Тутъ я узналъ про соціализмъ и сталъ соціалистомъ.

— А были у васъ столкновенія съ начальствомъ?

— До послѣдняго времени ничего не было. Я былъ судьей волостнымъ, судилъ народъ. Меня въ округѣ знаютъ хорошо. Если теперь арестуютъ, то, можетъ, народъ что-нибудь да скажетъ, я надѣюсь. Но до этого времени у насъ жили мирно.

— На прошлые выборы я не попалъ, вода не допустила. Было въ самый разливъ половодья. Если бы поспѣлъ къ тѣмъ выборамъ, то, можетъ, былъ бы и въ первой Думѣ. Въ этомъ году осенью, земскій начальникъ у насъ сущій гонитель и даже истребитель, пріѣхалъ на сходъ, предлагаетъ людямъ.—«Конечно, вы не хотите идти въ Государственную Думу? Это такое дѣло подлое. Сколько изъ ихняго брата попали въ тюрьму и въ ссылку».

— Одному говоритъ,—«Ну, ты какъ?»—«Да Богъ съ ими. Я не желаю».—«Ну, ну, смотри».

— Тутъ я отозвался:—Неужели, ваше благородіе, думаете до того запугали народъ, что ни одного честнаго человѣка не найдете? Да я первый съ радостью пойду служить на благо народу и страсть приму.—Послѣ того въ скорости уволилъ меня.

Пьяныхъ помолчалъ.

— Можетъ, теперь придется пострадать,—началъ онъ снова,—

то я не отрицаюсь. Я и съ женой простился, и дѣтей благословилъ, только одинъ маленькій, шести лѣтъ, онъ скорбитъ, ему отца жалко. Пускай наше имя запишется на историческихъ страницахъ. Изъ дому отрѣшиться не жаль. Развѣ я чего-нибудь худого хочу? Я терроръ отрицаю, но ваши полевые суды того пачe. Писаніе говоритъ: Богъ долго терпитъ кающаго. А вы какъ смѣете? Отъ вашей внезапной казни долженъ бѣднякъ идти нераскаянно въ адъ. Свободу я хочу, народу землю. За что я долженъ страдать? Но если нужно, я готовъ.

Въ голосѣ его была странная торопливость и во взглядѣ исканіе. Въ груди этого спокойнаго, немолодого, зажиточнаго мужика горѣла жажда подвига и готовность пострадать за идею. Такія настроенія свойственны только юному и пылкому возрасту. Но русская революція, какъ великая зараза, пошла отъ дѣтей и перешла къ отцамъ и даже къ дѣдамъ.

Я посмотрѣлъ на курскаго депутата и подумалъ: быть можетъ, вторая Дума обойдется смирно и просто. Но жизнь будетъ идти и послѣ Думы. Кажется, эта душа, наивная и упорная, не усидитъ подъ смоковницей и скоро отыщетъ свою историческую страницу.

— Пускай они не думаютъ,—началъ опять Пьяныхъ, какъ будто подслушавъ мои мысли.—Не вернется старое. У насъ эсъэрство, какъ море, разлилось, весь народъ сочувствуетъ. Признаютъ справедливымъ. Изъ этой Думы ничего не будетъ. Я не надѣюсь. Потому маленькой подачки народъ не возьметъ, а большого не дадутъ. Но послѣ того что будетъ, Богъ знаетъ. Что изъ того, что они сотни перехватали? Кто попадаетъ—изъ собственной неосторожности. Но въ писаніи сказано: шедше по пути научишься.

— Вотъ Святополкъ Мирскій сказалъ: крестьянство есть стадо безъ пастыря. Крестьянство есть не стадо, но левъ спящій. Не будите льва спящаго.

— Ежели собрать весь этотъ народъ и привесть въ Петербургъ, и и показать, какъ живутъ,—золотыя кареты, и рысаки, и брилліанты,—онъ сказалъ бы: вотъ царствіе небесное, на землѣ, не на небѣ. Варвары, отдайте мою часть.

— Слыхали мы: пугаютъ насъ отъ черносотеннаго имени, что ежели не усмирится народъ, то призовутъ иностранцевъ для нашего усмиренія. На это одни говорятъ: лучше намъ быть подъ вѣдѣніемъ чужого государства, ибо и нѣмцы живутъ свободнѣе, чѣмъ русскіе.

— А другіе говорятъ: вотъ возьмемъ вилы и къ чортовой матери вышибемъ весь корень нѣмецкій, вмѣстѣ съ чужими войсками. Довольно ѣздили на нашей шеѣ.

— Что будетъ, я не знаю. Все будетъ: поджогъ и разбойство, денной грабежъ, гдѣ исподтиха, а гдѣ силомъ, всякая забастовка, земля не нахаппая, поля не сѣянныя.

— Народъ не устанетъ, рано или поздно—народъ побѣдитъ.

VI.

Балло.

Рядомъ съ Иваномъ Пьяныхъ любопытно дать портретъ другого богатаго мужика изъ противоположнаго черносотеннаго лагеря. Это херсонскій депутатъ Андрей Балло. Ему тоже 42 года, и у него восемь человѣкъ дѣтей. Кромѣ надѣльной земли у него есть купленная, но только не десять десятинъ, какъ у Пьяныхъ, а 300 или 400. Точнѣе сказать нельзя, ибо Балло называетъ обѣ цифры. Онъ цѣнитъ свою землю въ 300 рублей за десятину, у него есть мельница, и племянной скотъ, и все имущество его стоитъ тысячъ полтораста.

Въ думскихъ кулуарахъ Балло довольно извѣстенъ. Какъ только Дума открылась, разныя думскія группы стали высылать въ кулуаръ агентовъ для уловленія душъ. Ловцовъ было много, но ловить оказалось некого, ибо почти всѣ крестьяне сразу распредѣлились по партіямъ, а безпартійныхъ не осталось и двадцати человѣкъ. Съ лѣвой стороны самымъ настойчивымъ ловцомъ былъ Хвостъ, черниговскій казакъ, а съ правой Балло. За неимѣніемъ добычи они постоянно натыкались другъ на друга и заводили разговоръ, я думаю, просто для практики. Оба они себѣ на умѣ, хитрые, а съ виду простодушные, настоящіе хохлы. Балло, впрочемъ, полугреческой крови, какъ многіе русскіе левантинцы съ береговъ Чернаго моря.

Хвостъ, молодой, довольно статный, въ вышитой сорочкѣ съ красной ленточкой, вмѣсто галстуха, говоритъ очень мягко, но въ его глазахъ играетъ довольно жесткій блескъ. Балло толстый, одутловатый, въ чесунчовой рубахѣ и сѣромъ глухомъ пиджакѣ. Онъ деревенскій богачъ, голосъ его часто переходитъ съ мягкихъ нотъ на рѣзкіе «хозяйскіе» выкрики.

Мнѣ случалось наблюдать забавныя сценки въ нижеслѣдующемъ родѣ.

Хвостъ и Балло ходятъ взадъ и впередъ, обнявшись, и испытываютъ другъ друга.

— Та мы-жъ оба крестьяне,—политично начинаетъ Балло,—то мы можемъ сговориться сами безъ тыхъ адвокатовъ. Ихнія выдумки не для нашей головы. Къ примѣру автономія. Та я думавъ надъ этимъ, ажъ чуть голова не лопнула.

— Автономія Украйны. Будемъ говорить къ примѣру такъ: Була коняка да сдохла. Обсѣли ее галки, стали клевать. Прилетѣлъ орелъ, галокъ отогналъ, самъ все съѣлъ. Коняка—Украйна, галки—ляхи, орелъ—москаль... Да вы слухаете?

— Эге, слухаю!—отвѣчаетъ Хвостъ съ хитрой улыбкой. — А развѣ той конякѣ легче, что ее орелъ склевалъ, а не галки?

Балло крякаетъ и молчитъ.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ та коняка была живая, а не дохлая, и ногами выбрыкивала...

Разговоръ переходитъ на землю.

— Ежели землю дѣлить, — говоритъ Балло, — то къ намъ на Черное море придутъ кацапы-лапотники, всю нашу землю себѣ заберутъ. Бо у насъ земля толстая, какъ черное сало, а у нихъ песокъ, да и того чортъ ма.

— Не имѣйте заботы, — возражаетъ Хвостъ, — у насъ на Украйнѣ тѣсно, жить негдѣ, то, можетъ, мы придемъ вмѣсто лапотниковъ.

Оба останавливаются и мѣряютъ другъ друга глазами.

— Ежели землю дѣлить,—начинаетъ Балло, — то надо все къ ряду дѣлить: фабрики, дома, деньги, капиталы.

— А что-жъ—безпечно возражаетъ Хвостъ.—Если по вашему надо, то я спорить не стану. У насъ нѣтъ ничего. Можетъ, при при этомъ раздѣлѣ якій шматокъ и намъ достанется.

— И жинокъ и дѣтей,—перечисляетъ Балло.

— А у васъ, чоловиче, яка жинка? — вкрадчиво спрашиваетъ Хвостъ.

— У мене стара да сердита,—усмѣхается Балло.

— То вы сберегите свою жинку для себя, а дѣлить будемъ таки землю.

— Чiю?—вспыхиваетъ Балло,—мою?—Не дамъ.

Онъ оставляетъ своего противника и переходитъ на другой конецъ залы, гдѣ стоитъ кучка дворянъ бессарабскихъ и херсонскихъ.

— Дѣлятъ,—жалуется онъ,—все дѣлятъ. Какъ имъ не надоѣстъ?..

Первая моя встрѣча съ Балло произошла въ буфетѣ. Я описалъ ее въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства». Вторая встрѣча была не лишена эффекта.

Надо замѣтить, что Балло любитъ разговаривать съ репортерами, спорить съ ними по поводу земли и политики и вообще втирать имъ всяческіе очки.

Я какъ-то подошелъ къ концу такого разговора.

— Сколько вамъ лѣтъ,—спрашивалъ Балло собесѣдника, юркаго, бритаго, въ сѣрыхъ очкахъ и съ копной волосъ на головѣ.

— Двадцать семь!

— А мнѣ сорокъ семь,—сказалъ Балло.—Я вдвое старше. Вы сперва поживите съ мое, а потомъ спорьте.

Мы отошли съ нимъ къ столу.

— А сколько вамъ лѣтъ?—спросилъ я почти машинально.

— Сорокъ два,—сказалъ Балло,—то я набрехалъ, прибавилъ пять годовъ, чтобъ его больше поразить.

Видя сомнѣніе на моемъ лицѣ, Балло поспѣшно прибавилъ.

—Но вамъ я брехать не буду. Стану говорить по всей правдѣ совѣсти.

Всетаки не мѣшаетъ подтвердить, что дальнѣйшія подробности остаются не на моей совѣсти, а на совѣсти Балло.

— Отецъ мой жилъ не очень богато,—разсказывалъ Балло,—почти по-крестьянски. Конечно, наши крестьяне и здѣшніе, то двѣ большія разницы: у нашихъ земли по $8^1/_2$ десятинъ, а земля какая, диво.

— Я сначала отцовскихъ телятъ пасъ, потомъ свиней. Съ восьми лѣтъ меня послали въ школу. Кончилъ первымъ ученикомъ, на золотой доскѣ, потомъ вернулся домой, сталъ хозяйничать, орать, сѣять. У меня сперва былъ только свой надѣлъ, восемь десятинъ съ половиной.

— Самоучкой дошелъ до всякой механики и до всякаго ремесла. Я слесарь и купецъ, бондарь и сапожникъ, такъ сдѣлаю, какъ никто не сдѣлаетъ.—Вы не думайте, что я прибавляю,—повторилъ онъ еще разъ.

— Днемъ пашу, а ночью мастерую. По два карбованца беру механику чинить, 25 рублей въ ночь вырабатывалъ. Спалъ четыре часа въ сутки. Въ зимнее время тоже замѣнялъ механика, машины починялъ. Машинистъ не понимаетъ. А я приду, поверну гайки,—25 рублей.

— Такъ я денегъ накопилъ умѣньемъ своимъ, купилъ 100 десятинъ земли по 40 рублей, двѣ тысячи имѣлъ наличныхъ, а на остальное та земля была въ банкѣ заложена. Послѣ того сталъ еще больше работать. Завелъ паровую молотилку. Скотъ племянной,—на выставкахъ медали получалъ, теленка продавалъ по 800 рублей и по тысячѣ. Еще земли прикупилъ. Имѣніе образцовое. Былъ бы капиталъ, да дѣтей учу. Всѣ въ гимназіи, на нихъ надо много тратить. Старшій кончилъ реальное училище, сталъ хозяйничать. Природа тянетъ его на землю. Я отдѣлилъ ему сорокъ десятинъ. Восьмеро дѣтей у меня. Да мы съ матерью двое. Если раздѣлить нашу землю по нашей семьѣ, то выйдетъ почти трудовая норма и отдавать не придется.

— Можетъ, и такъ былъ бы капиталъ, кабы не сожгли меня. Ригу и сѣно, сарай и амбаръ. Пришлось все порушить, продать, чортъ съ вами. Землю въ аренду сдалъ, только мельницу держу. Теперь земля мало даетъ дохода; мельница мелетъ всякому безъ разбора, приноситъ выгоду.

— А за что васъ сожгли?—спросилъ я.

— Да развѣ я знаю,—сказалъ Балло съ притворной безпечностью.—Меня крестьяне любятъ, я ихній батько.

— Агитаторы подбивали, студенты, евреи, газеты. Говорили, что надо жечь, за то крестьяне землю получать. А кто жечь не будетъ, ничего не получитъ. А ежели убить, то изъ казны плата идетъ. Половина убитой платы тому, кто убилъ.

Это были обычныя черносотенныя легенды. Впрочемъ, евреевъ въ Херсонской губерніи дѣйствительно убивали и въ большомъ

количествѣ. Но нельзя сказать съ увѣренностью, что изъ каямки шла плата за эти убійства.

— Теперь, какъ постегали ихъ нагайками,—продолжалъ Балло,— они стали какъ шелковые. Приходять на мельницу, говорятъ: «Отожъ мы дурни. Еще мало насъ бито. Чему повѣрили, якомусь манифесту»?..

— Я не спорю, по моему крестьянину надо дать не одної нагайки, но и земли,—но только гдѣ ее взять? Купите, только заплатите, сколько она стоитъ, полную цѣну, и деньги на столъ, тогда всѣ согласятся. Отдайте ее малоземельнымъ, гдѣ острая нужда. Торопитесь, пока есть охотники продавать.

— Чтожъ дѣлать. Ни въ одномъ государствѣ не бываетъ поровну богатство и у насъ не будетъ. Наврядъ ли мы покажемъ имъ примѣръ. Да они и не захотятъ. Мы съ иностранными государствами такъ тѣсно связаны, что они не позволятъ поравненія. Я самъ, напримѣръ, долженъ Германіи три тысячи рублей за машину, а Франціи тысячу рублей за камни. Они не позволятъ безчинствовать.

Балло съ своей точки зрѣнія искренне презираетъ дворянъ «за никчемность».—Мы настоящіе помѣщики, которые изъ крестьянъ,—говоритъ онъ съ гордостью.—У насъ вся культура. Мы работаемъ. Они не сѣютъ, не жнутъ и въ житницы не собираютъ. Изъ чужой житницы все больше получаютъ.

Тѣмъ не менѣе, въ политикѣ, охраняя свои триста десятинъ, онъ придерживается крайняго дворянскаго и черносотеннаго направленія. Недавно онъ переписался изъ фракціи монархистовъ въ группу умѣренныхъ - правыхъ, но сущность его души осталась одна и та же.

— Рано дано,—говоритъ онъ о русской конституціи,— пообождать бы надо. Теперь все сырое, незрѣлое. Нахватались брошюръ, прокламацій, съ ними и разговору нѣтъ.

— А впрочемъ, какая конституція? Я не признаю. Власть государя должна быть неограничена, а министры отвѣтственны только передъ нимъ, а не передъ нами. Думу надо не одну, а хоть десять, пока не согласятся.

— Насчетъ евреевъ, — такъ евреи тоже люди и жить хотятъ, равноправія требуютъ. Но только что дѣлать, народъ предубѣжденъ. Ежели дать имъ права, можетъ имъ же во вредъ послужитъ. Готовъ держать пари, что будутъ погромы.

— Поляковъ нужно держать въ крѣпкомъ кулакѣ, такъ чтобы сокъ не вышелъ. Какая автономія? Наше царство, но не мы его наживали, не мы имѣемъ право раздѣлять. Я такого мнѣнія, что ежели отецъ кому оставилъ, то сынъ долженъ прибавить къ наслѣдству, а не проматывать.

— А на счетъ всей вашей свободы, я вамъ разскажу анекдотъ. Былъ Александръ II, проводилъ реформы. Императрица по-

ѣхала въ Англію, матросъ трубку курилъ, а адъютантъ выхватилъ и въ море бросилъ. Велѣли адъютанта оштрафовать, а за трубку заплатить. Когда постарѣли, то одного капитана затаскали за то, что руку къ козырьку не такъ поднялъ, противно этикету. Такая разница.

— Съ молоду даютъ, а подъ старость отбираютъ. Можетъ, дастъ Богъ, и теперь такъ будетъ. Каковъ будетъ хозяинъ, такова будетъ и вотчина. Если дѣтей крѣпко держать, по лбу щелкать,— въ домѣ порядокъ и въ хозяйствѣ крѣпость. Бить ихъ надо, чего церемониться...

— Но главное дѣло земля. Хоть бей меня, хоть рѣжь меня, я своей земли во вѣки вѣковъ даромъ не отдамъ. Лучше собственный домъ самъ запалю, пусть никому не достанется. Умру, а не дамъ...

Поражаетъ противоположность настроеній депутата курскаго и херсонскаго. Одинъ говоритъ: умремъ, а добудемъ; другой говоритъ: умру, а не дамъ.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хроника внутренней жизни.

Новый аграрный проектъ к.-д. партіи. I. Партія идетъ назадъ. — II. Партія идетъ дальше.—III. Куда пришла к.-д. партія.

I.

«Нужно подойти къ вопросу прямо и просто. Тогда обезпеченъ положительный результатъ реформы. Такъ именно смотритъ на дѣло партія, къ которой я имѣю честь принадлежать,—партія народной свободы». Это говорилъ г. Кутлеръ, внося 19 марта въ Государственную Думу отъ имени к.-д. фракціи «проектъ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія». «Задача реформы—по его словамъ—ставится въ немъ просто и прямо. Рѣчь идетъ о расширеніи крестьянскаго землепользованія»...

«Расширеніе крестьянскаго землепользованія»... Но вѣдь это дѣлаетъ, если хотите, и нынѣшнее правительство, распродающее государственныя земли и скупающее по хорошимъ цѣнамъ помѣщичьи для перепродажи ихъ крестьянамъ. Ту же задачу можетъ разрѣшить и проектъ трудовой группы, который оспаривалъ въ своей рѣчи г. Кутлеръ. Черезъ данный пунктъ какъ разъ прохо-

дятъ двѣ, діаметрально противоположныя, дороги. По нимъ можно идти медленно или скоро, но, несомнѣнно, можно идти въ разныя стороны...

Куда же ведетъ новый проектъ к.-д. партіи?—въ сторону частной поземельной собственности или государственной? къ господству трудового хозяйства или капиталистическаго? Этимъ вѣдь и различаются двѣ дороги. Каждая изъ нихъ можетъ быть прямой или извилистой, но, если мы не желаемъ остаться на распутьи, то приходится идти въ ту или иную сторону.

Куда толкаетъ насъ жизнь,—мы знаемъ. Она привела насъ къ необходимости «расширенія крестьянскаго землепользованія». Ея велѣнія оказались столь властными, что даже г. Столыпинъ долженъ былъ взяться за это дѣло. Пуришкевичъ—«крайній правый, самый крайній правый изъ всей Думы и, кажется, изъ всего 130-милліоннаго русскаго народа»,—и тотъ находитъ, что «земля, которая можетъ быть передана... должна перейти въ крестьянскія руки, т. е. въ руки тѣхъ лицъ, которыя ею будутъ пользоваться» *). Съ другой стороны, даже соціалъ-демократы оказались вынужденными испортить свою догму сначала «отрѣзками», а потомъ «конфискаціей», и обѣщаютъ теперь крестьянамъ «всю землю». Обойти «расширеніе крестьянскаго землепользованія» невозможно. Но куда отъ этого пункта намѣрена идти к.-д. партія?

Присмотримся къ ея послѣднему шагу... Газеты сообщали, что въ средѣ самой к.-д. партіи онъ вызвалъ смущеніе. Куда, въ самомъ дѣлѣ, подвинулась на этотъ разъ партія? «Будутъ говорить—пишетъ теперь А. А. Чупровъ,—что формулировка проекта знаменуетъ собою поворотъ... Поворотъ, спора нѣтъ, она собою знаменуетъ. Вопросъ лишь, куда, въ какую сторону. Привычный критерій—«вправо», «влѣво»,—здѣсь «неумѣстенъ» **)... Можетъ быть, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ нужны другіе термины. Таковые, какъ извѣстно, имѣются: «впередъ» или «назадъ»—должны спросить мы—подвинулась на этотъ разъ к.-д. партія?

Сравнимъ проектъ, внесенный въ первую Думу, извѣстный подъ именемъ «записки 42-хъ», съ проектомъ, внесеннымъ въ нынѣшнюю, т. е. съ «проектомъ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія». Между ними имѣется несомнѣнная разница по обоимъ, указаннымъ мною, кардинальнымъ вопросамъ.

«Въ важномъ и спорномъ вопросѣ объ основаніяхъ отвода земли земледѣльческому населенію—читаемъ мы въ оффиціальномъ комментаріи къ новому проекту—онъ стоитъ значительно ближе къ идеѣ основной программы, чѣмъ предложенія, условно принятыя

*) Стенограф. отчетъ о засѣданіи Госуд. Думы 2 апрѣля.

**) «Русскія Вѣдомости», 4 апрѣля.

III съѣздомъ, и записка 42-хъ» *). А эта значитъ вотъ что. По проекту, внесенному въ первую Думу, «отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный запасъ», при чемъ «земли изъ государственнаго земельнаго запаса передаются въ долгосрочное пользованіе на срокъ, установленный подлежащими учрежденіями». Въ новомъ проектѣ о государственномъ земельномъ запасѣ уже не упоминается, а условія пользованія вновь надѣляемой землей опредѣлены такъ: «отводъ земли общинамъ, обществамъ съ подворнымъ владѣніемъ, товариществамъ и отдѣльнымъ владѣльцамъ производится въ постоянное пользованіе, сообразуясь съ особенностями существующаго землевладѣнія». Разница между двумя проектами въ этомъ отношеніи сводится, такимъ образомъ, къ исчезновенію «государственнаго запаса» и къ замѣнѣ «долгосрочнаго» пользованія «постояннымъ».

Куда въ этомъ случаѣ сдѣланъ шагъ, я думаю, ясно. Отъ государственной поземельной собственности хотя бы на вновь надѣляемыя только земли,—съ позиціи, которую партія заняла было на 3-мъ съѣздѣ,—она вернулась «ближе къ идеѣ основной программы». Куда же именно?

«Отчуждаемыя земли,—читаемъ мы въ «основной» программѣ,—поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе, личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи». Такимъ образомъ, исчезнувшій нынѣ «государственный фондъ» въ основной программѣ значился, но, какъ поясняетъ теперь г. Черненковъ, реальнаго значенія онъ не имѣлъ. «Какого-либо самостоятельнаго и постояннаго значенія,—какъ запаса земель, находящихся въ дѣйствительномъ владѣніи и распоряженіи государства, имъ временно отводимыхъ и къ нему возвращающихся,—очевидно, изложеннымъ пунктомъ основной программы государственному земельному фонду не придавалось»**). Другими словами: это была простона-просто словесность, будто бы нужная для того, чтобы «оттѣнить общегосударственный характеръ реформы». Дѣйствительная же идея основной программы,—по крайней мѣрѣ, въ теперешнемъ ея истолкованіи,—заключалась въ отсутствіи у государства правъ собственности на вновь надѣляемыя земли и въ передачѣ послѣднихъ въ общинное или личное, но во всякомъ случаѣ, *частное* владѣніе, «а если и въ пользованіе, то безъ опредѣленнаго ограничительнаго толкованія послѣдняго». Къ этой «идеѣ» и возвратилась теперь к.-д. партія. Правда, до «владѣнія» на этотъ разъ она какъ будто не дошла...

---

*) Н. Черненковъ. «Проектъ земельнаго закона к.-д. партіи». «Вѣстникъ Народной свободы», № 12.

**) «Вѣстникъ Народной Свободы», № 13.

Но, что такое «постоянное пользованіе», въ особенности, когда нѣтъ «государственнаго фонда», въ который могли бы возвращаться земли? Не будемъ страусами, которые, спрятавъ голову, думаютъ, что и сами они спрятались. Взглянемъ на вопросъ,—какъ и приглашаетъ насъ г. Кутлеръ—«прямо и просто». Кто будетъ владѣльцемъ земли? Вѣдь кромѣ права пользованія есть еще право отчужденія. Кому же будетъ принадлежать это послѣднее? Не думаетъ же, въ самомъ дѣлѣ, к.-д. партія, что «нынѣшнихъ земледѣльцевъ» можно навѣки привязать къ тѣмъ клочкамъ, которые имъ будутъ даны въ «постоянное пользованіе», а эти клочки на вѣки привязать къ тѣмъ земледѣльцамъ, которые ими будутъ удостоены? Ну а если кто пожелаетъ прекратить «постоянное пользованіе?» Куда дѣнется въ такомъ случаѣ отведенная ему земля? Или если жизнь потребуетъ, напримѣръ, чтобы Орловская губернія наполовину опустѣла, а Херсонская губернія несравненно гуще, чѣмъ теперь, населилась? Какимъ образомъ будетъ происходить эта мобилизація при институтѣ «постояннаго пользованія»?

Обратимся къ другому оффиціальному комментарію, — къ рѣчи г. Кутлера. «Проектъ трудовой группы,—говорилъ онъ,—предполагаетъ въ будущемъ, въ зависимости отъ измѣненія состава населенія, неодинаковаго прироста его въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, измѣнять тѣ надѣлы, которые будутъ отведены въ настоящее время, увеличивать или уменьшать ихъ, слѣдовательно, отрѣзать землю у однихъ крестьянъ и прирѣзать другимъ. Мы рѣшительно отказываемся отъ этой системы всеобщаго поравненія». Не лишне будетъ напомнить, что, по проекту трудовой группы, отрѣзать землю, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, предполагается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда количество ея превышаетъ трудовую норму. Допускаетъ въ тѣхъ же случаяхъ принудительное отчужденіе и к.-д. проектъ, но, очевидно, лишь для настоящаго времени. Другими словами: признавая «принудительное отчужденіе» для даннаго историческаго момента въ качествѣ революціоннаго средства, к.-д. партія рѣшительно отказывается допустить его въ качествѣ постоянной правовой нормы. Такимъ образомъ, активное участіе государства въ дальнѣйшей мобилизаціи земли она исключаетъ. Не вводитъ она въ свой планъ, какъ мы видѣли, и пассивнаго его участія въ этомъ дѣлѣ: государственнаго запаса, куда бы могли возвращаться отданныя въ «пользованіе» земли, по новому проекту не будетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мобилизація земли можетъ и должна будетъ происходить только частнымъ путемъ. Тѣмъ, кто будетъ имѣть право «пользованія», придется предоставить, стало быть, и право «отчужденія». Такова логика: «постоянное пользованіе» при указанныхъ условіяхъ значитъ, въ сущности, то же, что и «вѣчное владѣніе». Вѣчность», какъ извѣстно, въ такихъ случаяхъ можетъ быть очень непродолжительной...

Правда, к.-д. партія желаетъ, повидимому, удлиннить ее. Говорю: «повидимому», такъ какъ въ самомъ проектѣ никакихъ предположеній на этотъ счетъ не содержится. Замѣнивъ слово «владѣніе» словомъ «пользованіе» и проявивъ, такимъ образомъ, нѣкоторую стыдливость,—отступили, можно сказать, прикрывъ лицо руками,—творцы новаго проекта ни словомъ не обмолвились о томъ, какимъ же образомъ будетъ происходить мобилизація земли. Обратимся къ комментаріямъ.

«Партія народной свободы,—говорилъ г. Кутлеръ,—предлагаетъ передать землю не во временное пользованіе, а въ постоянное, предлагая ограничить только право отчужденія и залога, чтобы предупредить въ будущемъ широкое развитіе купли-продажи земли». «Ограничить» не значитъ «воспретить»; повидимому, это значитъ только поставить въ опредѣленные предѣлы, чтобы предупредить «широкое» развитіе мобилизаціи. Въ статьѣ г. Черненкова «постоянное пользованіе» противополагается «полной собственности», изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно означаетъ ту же собственность, но только ограниченную. Какія именно ограниченія предполагаетъ поставить к.-д. партія, мы не знаемъ. Возможно, что внутри нея самой по этому вопросу остается недоговоренность. Необходимо, однако, отмѣтить, что эти ограниченія ею предполагается поставить по отношенію лишь къ междуобщинной мобилизаціи земли. «Что касается условій пользованія землею въ предѣлахъ общины или общества,—говорилъ г. Кутлеръ,—то партія народной свободы полагала бы, что законъ не долженъ ничего предрѣшать, надо представить крестьянамъ самимъ устраиваться такъ, какъ имъ угодно. Законъ не призванъ учить и навязывать какія-либо теоріи, хотя бы онѣ и признавались законодателями совершенно основательными и правильными». Такимъ образомъ, «въ предѣлахъ общины или общества» крестьянамъ будетъ принадлежать «власть... исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться» землею; - другими словами, имъ будетъ принадлежать въ цѣломъ его видѣ «право собственности», какъ оно опредѣлено въ ст. 420 т. X нынѣ дѣйствующихъ россійскихъ законовъ.

Я не буду сейчасъ останавливаться ни на тѣхъ послѣдствіяхъ, какими неизбѣжно скажется такая постановка аграрной реформы, ни на тѣхъ соображеніяхъ, которыми руководится въ этомъ случаѣ к.-д. партія. Въ данномъ мѣстѣ мнѣ хотѣлось лишь съ возможною точностью установить направленіе, въ которомъ эта партія передвинулась въ своемъ новомъ проектѣ. Можетъ быть, я утомилъ читателей, но думаю, что послѣ произведенныхъ изысканій мы имѣемъ полное право сказать: отъ государственной поземельной собственности к.-д. партія передвинулась къ частной и, какъ думаетъ Н. Н. Черненковъ, подошла «ближе къ идеѣ основной про-

граммы», а можетъ быть, зашла и дальше, какъ заставляютъ думать даваемые теперь къ этой программѣ комментаріи.

Не менѣе характерное движеніе к.-д. партіи приходится констатировать и въ другомъ вопросѣ, опредѣляющемъ направленіе аграрной реформы. Къ сожалѣнію, оффиціальные комментаторы обходятъ это движеніе почти полнымъ молчаніемъ. Намъ придется поэтому не только вскрывать истинный смыслъ, но и устанавливать самый фактъ молчаливо произведеннаго отступленія.

Записка 42-хъ «руководящимъ началомъ земельной политики» провозгласила «передачу земли въ руки трудящихся». Этотъ принципъ былъ принятъ на 3-мъ съѣздѣ к.-д. партіи, и былъ принятъ не «условно», подъ каковымъ предлогомъ к.-д. лидеры считаютъ теперь возможнымъ отказаться отъ другихъ постановленій этого съѣзда, а въ совершенно категорической формѣ. Въ свое время это было рѣзкое движеніе—я не знаю, какой терминъ въ этомъ случаѣ «умѣстенъ»: влѣво или впередъ—к.-д. партіи,—движеніе тѣмъ болѣе замѣтное, что не далѣе, какъ на второмъ своемъ съѣздѣ, партія отказалась отъ принципіальной постановки программныхъ вопросовъ. Центральный комитетъ рѣшительно заявилъ тогда, что «въ программѣ политической партіи не мѣсто теоретическимъ принципамъ», такъ какъ «партія объединяетъ людей, отстаивающихъ соціальныя реформы, основываясь на разныхъ точкахъ зрѣнія». 3-й съѣздъ оказался вынужденнымъ, однако, сдѣлать уступку лѣвому крылу партіи и категорически признать одинъ изъ руководящихъ принциповъ въ аграрной реформѣ (допустимъ, что другой—относительно обращенія отчуждаемой земли въ государственную собственность—былъ принятъ, какъ утверждаетъ Н. Н. Черненковъ, «условно»).

И вотъ этого-то, безусловно принятаго и провозглашеннаго съ трибуны первой Думы, принципа мы вовсе не находимъ въ новомъ проектѣ. Чѣмъ объясняется его исчезновеніе? Къ сожалѣнію, въ партійныхъ комментаріяхъ нѣтъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Мы можемъ только догадываться. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что «предложеніямъ фракціи, какъ пишетъ Н. Н. Черненковъ, на этотъ разъ приданъ опредѣленный характеръ *законопроекта*, т. е. построенія, имѣющаго цѣлью уже не программное формулированіе взглядовъ и задачъ партіи, а опредѣленное практическое рѣшеніе, въ соотвѣтствіи съ этими взглядами и задачами, всѣхъ важнѣйшихъ конкретныхъ вопросовъ, связанныхъ съ проектируемой реформой». А. А. Чупровъ, если судить по аналогіи, видитъ, быть можетъ, въ самомъ принципѣ, ни больше, ни меньше, какъ «литературный орнаментъ—дань уваженія къ традиціямъ одного изъ крупнѣйшихъ теченій русской общественной мысли», а «въ отказѣ отъ этого лозунга—лишь шагъ на пути отъ романтизма общихъ декларацій къ реализму законодательной постановки вопросовъ». Нужно сказать, что въ этомъ именно смыслѣ истолковалъ и при-

вѣтствовалъ разницу между прежнимъ и новымъ к.-д. проектами В. С. Голубевъ,—наиболѣе, быть можетъ, послѣдовательный оппортунистъ изъ всѣхъ оппортунистовъ «Товарища».

Такъ или иначе, но «руководящее начало земельной политики» изъ проекта исчезло,—осталось лишь «практическое рѣшеніе конкретныхъ вопросовъ». «Въ этомъ направленіи перехода отъ *програмы* къ *закону*—пишетъ Н. Н. Черненковъ—партія могла въ настоящее время пойти значительно дальше, чѣмъ при открытіи первой Государственной Думы». Едва ли, однако, изъ этого слѣдуетъ, что надобность въ установленіи принциповъ реформы можно считать уже устраненною. Предложенія к.-д. фракціи, въ какую бы форму они ни были отлиты, представляютъ, въ сущности, проектъ не закона, а только «основныхъ положеній», или, какъ угодно было назвать ихъ авторамъ, «главныхъ основаній». Никакія конкретныя рѣшенія въ этой стадіи, казалось бы, не могутъ замѣнить «руководящаго начала», которымъ должно опредѣлиться все направленіе реформы.

Допустимъ, однако, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ ни больше, ни меньше, какъ съ техническимъ усовершенствованіемъ проекта, и что исключеніе «руководящаго начала» равносильно устраненію ненужнаго орнамента. Не лишне будетъ всетаки присмотрѣться къ рѣшенію конкретныхъ вопросовъ, какое даетъ имъ въ своемъ новомъ проектѣ к.-д. партія. Осталась ли она по этимъ вопросамъ на прежнихъ позиціяхъ или передвинулась и, если передвинулась, то въ какую сторону: въ сторону ли болѣе широкихъ завоеваній для трудового хозяйства, или въ сторону болѣе значительныхъ уступокъ хозяйству капиталистическому.

Чтобы не утомлять читателей, я отмѣчу разницу между прежнимъ и новымъ проектами лишь по двумъ пунктамъ.

Въ одномъ изъ нихъ говорится о земляхъ частнаго владѣнія, подлежащихъ «отчужденію безъ ограниченій». Въ «Запискѣ 42-хъ» было сказано: «для каждой мѣстности законъ долженъ опредѣлить высшій размѣръ землевладѣнія, при условіи веденія собственнаго хозяйства (своимъ скотомъ и орудіями), т. е. опредѣлить, больше чего никто не можетъ владѣть землей, и все, что окажется больше этого размѣра, подлежитъ отчужденію безъ какихъ-либо ограниченій». Въ свое время этотъ пунктъ поражалъ всѣхъ своею неопредѣленностью: какой, въ самомъ дѣлѣ, «высшій размѣръ землевладѣнія» предполагаетъ установить к.-д. партія? 100 десятинъ, 1000 или 10.000? Какими, по крайней мѣрѣ, основаніями долженъ руководиться законъ въ этомъ случаѣ? На эти вопросы не было отвѣта. Выходило такъ: помѣщики должны остаться, но въ силу какихъ соображеній—неизвѣстно; свои имѣнія они могутъ сохранить, но въ какихъ предѣлахъ—это партія предпочитала держать въ секретѣ.

Послѣ того въ направленіи «перехода отъ програмы къ за-

кону», партія сдѣлала, какъ мы только что слышали, значительные успѣхи. И дѣйствительно, сколько земли можетъ получить крестьянинъ, она опредѣлила; по крайней мѣрѣ, указала данныя, которыми необходимо, по ея мнѣнію, въ этомъ случаѣ руководиться. Но сколько земли можетъ остаться у помѣщика,—этотъ вопросъ опять оставленъ безъ отвѣта. И въ новомъ проектѣ основанія для опредѣленія «высшаго размѣра» землевладѣнія не указаны. Но надъ соотвѣтствующимъ пунктомъ партія всетаки работала. Теперь онъ имѣетъ такую редакцію:

«Подлежатъ отчужденію безъ ограниченій... б) земли, хотя и эксплуатируемыя за счетъ владѣльцевъ (или крупныхъ арендаторовъ) и ихъ инвентаремъ, но превышающія (не считая лѣса) высшій размѣръ владѣнія, устанавливаемый для каждой мѣстности въ законодательномъ порядкѣ по соображенію съ данными, представленными подготовительными земельными учрежденіями».

Новая редакція имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ прежней: статьѣ «приданъ опредѣленный характеръ законопроекта». А вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней сдѣланы и нововведенія: включены «крупные арендаторы», предусмотрѣны «мѣстности», сдѣлана ссылка на «подготовительныя земельныя учрежденія»... Составъ послѣднихъ, къ слову сказать, вовсе не указанъ въ проектѣ.. Предугадать, какія «данныя» они будутъ представлять, въ особенности, когда «руководящее начало» вычеркнуто,—совершенно невозможно. Вообще значеніе этого нововведенія опредѣлится лишь впослѣдствіи. Но одно изъ нововведеній уже теперь до извѣстной степени расшифровать можно. Я имѣю въ виду скромное прибавленіе въ видѣ трехъ словъ, заключенныхъ при томъ же въ скобки: «не считая лѣса»... Маленькая это прибавка, но она многаго стоитъ. На основаніи ея помѣщикъ получаетъ право оставить за собою «высшій размѣръ владѣнія», какой будетъ указанъ въ законѣ, плюсъ весь лѣсъ, какой есть въ его имѣніи. А лѣса на помѣщичьихъ земляхъ растетъ много. По разсчетамъ к.-д. статистиковъ—г. Кауфмана, напримѣръ,—изъ 75 мил. десятинъ частновладѣльческихъ земель 36 милліоновъ десятинъ покрыты лѣсомъ *). Нечего, я думаю, пояснять, что лѣса главною своею массою входятъ въ составъ крупныхъ имѣній, т. е. тѣхъ латифундій, которыя до извѣстнаго предѣла должны будутъ подлежать «отчужденію безъ ограниченій». И—кто знаетъ?—три слова въ скобкахъ равняются, быть можетъ, тремъ десяткамъ милліоновъ десятинъ.

Дѣлать такую уступку владѣльцамъ латифундій по проекту, внесенную въ первую Думу, не предполагалось. «Отчужденію безъ какихъ-либо ограниченій» тогда считалось необходимымъ подвергнуть, несомнѣнно, и лѣсныя угодія, каковыя въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсами, могли быть обращены «подъ земельное обезпе-

---

*) См. „Право“, 1906 г. № 1.

ченіе земледѣльцевъ», а въ прочихъ мѣстностяхъ должны были остаться «въ распоряженіи государства въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это требуется нуждою населенія въ лѣсныхъ матеріалахъ».

Куда передвинулась к.-д. партія въ рѣшеніи этого «конкретнаго вопроса», я думаю, ясно. Во всякомъ случаѣ, не въ сторону «передачи земли въ руки трудящихся»...

Другой пунктъ к.-д. проекта, на которомъ я позволю себѣ остановить вниманіе читателей, относится къ землямъ, «не подлежащимъ принудительному отчужденію».

Въ «Запискѣ 42-хъ» заключалось, между прочимъ, такое довольнотаки туманное положеніе: «не подлежатъ отчужденію... участки, которые центральнымъ землеустроительнымъ учрежденіемъ признано будетъ необходимымъ сохранить въ виду ихъ исключительнаго характера и общеполезнаго значенія». Многіе тогда старались разгадать, что это за рѣдкостные участки. Добросовѣстные комментаторы представляли себѣ дѣло такъ: шуваловскій паркъ, напримѣръ, — не отдавать же его въ надѣлъ парголовскимъ крестьянамъ... Теперь туманное положеніе получило «опредѣленный характеръ законопроекта». И вотъ что передъ нами вырисовалось.

«Не подлежатъ принудительному отчужденію... имѣнія или части имѣній, которыя землеустроительныя учрежденія признаютъ подлежащими сохраненію въ виду явной невыгоды, для интересовъ страны или самого трудового населенія, прекращенія существующаго въ нихъ хозяйства. Основанія для изъятій отъ отчужденія по настоящему пункту должны быть точно опредѣлены закономъ. Проектированіе этихъ основаній и производство необходимыхъ для того изслѣдованій возлагаются на мѣстныя подготовительныя земельныя учрежденія».

Не лишне будетъ, прежде всего, отмѣтить техническое усовершенствованіе, какое сдѣлано въ новомъ проектѣ сравнительно съ прежнимъ. Единственное число («центральное землеустроительное учрежденіе») замѣнено теперь множественнымъ («землеустроительныя учрежденія»). Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что въ силу этого только «сохранить» помѣщичьей земли удастся больше. Правда, «основанія для изъятій отъ отчужденій должны быть точно опредѣлены закономъ», но «проектированіе этихъ основаній... возлагается на мѣстныя подготовительныя учрежденія»,—неизвѣстнаго пока состава и призываемыя дѣйствовать, какъ мы знаемъ, безъ «руководящаго начала».

Впрочемъ, «руководящее начало» спеціально на этотъ случай указано въ проектѣ. Таковымъ должна считаться «явная невыгода» отъ прекращенія помѣщичьяго хозяйства,—«явная невыгода»: во-первыхъ, «для интересовъ страны» и, во-вторыхъ, «для самого трудового населенія». Г. Пуришкевичъ «явную невыгоду» для страны отъ прекращенія помѣщичьяго хозяйства видитъ въ слѣдующемъ:

«Крестьянинъ не сможетъ вывозить хлѣбъ за границу, потому что онъ въ настоящее время питается не въ достаточной мѣрѣ и излишнее долженъ будетъ потреблять самъ. Такимъ образомъ, экспортъ за границу совершенно прекратится».

А «явную невыгоду» для трудового населенія г. Пуришкевичъ видитъ въ слѣдующемъ:

«Можетъ ли крестьянинъ при передѣлѣ имѣть заработокъ? Ни въ коемъ случаѣ. Заработки являлись только въ случаѣ сосѣдства крестьянскаго хозяйства съ помѣщичьимъ. Разъ не будетъ помѣщичьей земли, и заработокъ этотъ совершенно будетъ уничтоженъ» *).

Въ чемъ видитъ «явную невыгоду» к.-д. партія, мы не знаемъ. Крайне характерно, однако, что въ своемъ движеніи «отъ программы къ закону» она уже вступила на путь признанія «общеполезности» помѣщичьяго хозяйства. Мудрено этимъ путемъ придти къ «передачѣ земли въ руки трудящихся»... Больше того: к.-д. партія допускаетъ возможность явной невыгоды «для самого трудового населенія» отъ принудительнаго отчужденія въ его пользу помѣщичьей земли. Это—уже готовность идти по одной дорогѣ съ г. Гурко... Правда, въ видѣ исключеній, въ видѣ «изъятій»... Но результаты уже имѣются: «участки исключительнаго характера» выросли и превратились въ глазахъ партіи въ «части имѣній» и даже въ цѣлыя «имѣнія». Куда въ данномъ случаѣ партія передвинулась, я думаю, опять-таки, ясно: увеличиваются въ глазахъ тѣ предметы, къ которымъ приближаются, а не тѣ, отъ которыхъ удаляются...

Мы согласились, что «руководящее начало», каковымъ на 3-мъ съѣздѣ партія признала «передачу земли въ руки трудящихся», устранено изъ новаго проекта въ качествѣ излишняго орнамента. Но, просмотрѣвъ только два пункта, мы должны опять усомниться. Убрать этотъ орнаментъ съ фронтона к.-д. проекта было, можетъ быть, необходимо. Послѣ перестроекъ, произведенныхъ въ самомъ зданіи и сдѣланныхъ къ послѣднему дополненій, этотъ орнаментъ слишкомъ рѣзалъ бы глаза, какъ далеко не вполнѣ подходящій къ общему стилю.

Чтобы уяснить себѣ, какою изъ двухъ діаметрально противоположныхъ дорогъ намѣрена идти к.-д. партія, мы рѣшили присмотрѣться, прежде всего, къ послѣднему ея шагу. «Поворотъ», несомнѣнно, былъ;—на этотъ счетъ не спорятъ сами к.-д. «Вопросъ лишь, куда, въ какую сторону». Если мы скажемъ, что к.-д. партія повернулась и пошла «назадъ», то никто, какъ я надѣюсь, не упрекнетъ насъ въ употребленіи неумѣстнаго термина. Если на 3-мъ съѣздѣ партія сдѣлала замѣтный шагъ отъ частной собствен-

*) Стенографич. отчетъ Спб. Т. А. о засѣданіи Государственной Думы 2 апрѣля.

ности къ государственной и отъ капиталистическаго хозяйства къ трудовому, то теперь она сдѣлала тоже достаточно замѣтный шагъ, но въ обратную сторону: отъ государственной собственности къ частной и отъ трудового хозяйства къ капиталистическому.

II.

Такой характеръ имѣло движеніе к.-д. партіи по двумъ важнѣйшимъ линіямъ, опредѣляющимъ направленіе аграрной реформы. Но партія и вообще подвинулась. Чтобы не вызывать спора на счетъ терминовъ, скажемъ просто: она пошла дальше...

Она произвела, напримѣръ, изысканія и нашла способъ, какъ опредѣлить «нормальные размѣры земельнаго обезпеченія». «Этотъ способъ,—говоритъ Н. Н. Черненковъ,—заключается въ обоснованіи нормъ не на какихъ-либо теоретическихъ, всегда очень сомнительныхъ, разсчетахъ о количествѣ земли, нужномъ для достаточнаго удовлетворенія главныхъ потребностей даннаго земледѣльческаго населенія, а на прямыхъ данныхъ дѣйствительности». Такимъ образомъ, и тутъ к.-д. партія нашла прямую дорогу. Не лишне, однако, будетъ къ послѣдней всетаки присмотрѣться. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за способъ нашла к.-д. партія?

«Нормальные размѣры земельнаго обезпеченія,—говорится во 2 ст. проекта,—проектируются... на слѣдующихъ основаніяхъ: въ основу исчисленій по каждой мѣстности полагаются дѣйствительные средніе размѣры землепользованія (на надѣльной, собственной и арендной землѣ) той части населенія, которая ведетъ самостоятельное земледѣльческое хозяйство, не нанимая и не отпуская изъ своего состава сельско-хозяйственныхъ рабочихъ (батраковъ)».

Способъ—хорошій, но только что при его примѣненіи получится? Когда я начинаю въ это вдумываться, у меня является желаніе сказать к.-д. прожектерамъ:

— Напрасно вы такъ пренебрежительно относитесь къ «теоретическимъ разсчетамъ, всегда очень сомнительнымъ». Немножко теоріи, хотя бы самой безобидной—статистической,—принять во вниманіе слѣдовало бы. Изъ этой теоріи вы узнали бы, что есть такіе статистическіе ряды, въ которыхъ средній выводъ вовсе не измѣнится или измѣнится очень мало, если вы откинете обѣ крайнія группы. То же и въ данномъ случаѣ. Зачѣмъ вамъ выдѣлять какую-то «часть населенія», откидывая, съ одной стороны, хозяйства, которыя отпускаютъ батраковъ, съ другой—которыя нанимаютъ ихъ? Возьмите все населеніе, подсчитайте нынѣшніе размѣры его землепользованія и объявите эти размѣры «нормальными». Способъ будетъ проще, а результаты получатся тѣ же.

Но к.-д. прожектеры не довѣряютъ теоретическимъ разсчетамъ. Обратимся, въ такомъ случаѣ, къ «прямымъ даннымъ дѣйствитель-

ности». Такія данныя въ статистической литературѣ имѣются. Но аграрная коммиссія к.-д. партіи, повидимому, не удосужилась заглянуть хотя бы въ «Сводный сборникъ» по Воронежской губерніи, составленный Ф. А. Щербиною. Заглянемъ мы. Сдѣлавъ нужныя выкладки, мы получимъ для 11 уѣздовъ Воронежской губерніи (за исключеніемъ Воронежскаго уѣзда, по которому нѣтъ данныхъ) такія цифры:

Приходится десятинъ пашни (надѣльной, собственной и арендной):	На 1 душу обоего пола
Въ хозяйствахъ, отпускающихъ батраковъ	0,80
» » нейтральныхъ	1,04
» » нанимающихъ батраковъ	2,21
Вообще въ крестьянскихъ хозяйствахъ	1,09

Согласно к.-д. проекту, количество земли, приходящееся на душу въ нейтральныхъ хозяйствахъ, т. е. въ хозяйствахъ, не отпускающихъ и не нанимающихъ батраковъ, слѣдуетъ считать «нормальнымъ размѣромъ земельнаго обезпеченія». Такимъ образомъ, если бы мы, руководствуясь к.-д. рецептомъ, опредѣлили «нормальный размѣръ земельнаго обезпеченія» для Воронежской губерніи. то онъ (1,04 дес.) оказался бы даже ниже теперешняго (1,09 дес.) Таковъ результатъ «извлеченія нормъ въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ изъ самой жизни», какъ рекомендуетъ свой способъ предсѣдатель к.-д. аграрной коммиссіи. Если идти этимъ путемъ, то никакого «расширенія крестьянскаго землепользованія» не получится.

Намъ могутъ, конечно, сказать, что получатъ прибавку до «нормы» хозяйства, отпускающія батраковъ, и что общіе размѣры крестьянскаго землепользованія, такимъ образомъ, увеличатся. Но сколько такихъ хозяйствъ? Въ 11 уѣздахъ Воронежской губерніи ихъ насчитывается 12°/o общаго числа дворовъ. Во многихъ другихъ губерніяхъ окажется и того меньше. Суть вѣдь въ томъ, что наше помѣщичье хозяйство до сихъ не поднялось на степень батрачнаго; землевладѣльцы —въ особенности, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ — предпочитаютъ другіе способы хозяйничанья, имѣя возможность болѣе выгоднымъ для себя способомъ эксплуатировать рабочую силу крестьянскаго населенія. Нужно сказать, что въ к.-д. проектѣ имѣется примѣчаніе, разсчитанное, повидимому, на эту особенность русской сельско-хозяйственной жизни, но оно редактировано такимъ образомъ:

«Въ мѣстностяхъ, гдѣ широко распространенъ отходъ или мѣстный наемъ на поденныя и сдѣльныя сельско-хозяйственныя работы, полученные указаннымъ способомъ средніе выводы должны быть повышаемы соотвѣтственно долѣ, какую составляютъ этого рода заработки въ доходахъ мѣстнаго населенія».

«Соотвѣтственно долѣ, какую составляютъ этого рода заработки

въ доходахъ мѣстнаго населенія»... Не правильнѣе ли, однако, было бы сказать: «соотвѣтственно кабалѣ, въ какой находится мѣстное населеніе»? Развѣ мы не знаемъ, въ самомъ дѣлѣ, что такое значатъ эти «поденныя и сдѣльныя сельско-хозяйственныя работы»?.. А «отработки»?—почему о нихъ ни словомъ не обмолвился проектъ к.-д. партіи? Можетъ быть, они подразумѣваются подъ сдѣльными и поденными работами... Но какъ въ такомъ случаѣ учесть долю, которую они составляютъ въ «доходахъ»? Мы знаемъ вѣдь, что крестьяне отрабатываютъ и за прогонъ, и за водопой, и за потравы (все равно, какъ лакеи въ ресторанахъ платятъ «за посуду»), и за грибы, и за ягоды?.. Если вычислить, какую долю въ доходахъ составляютъ грибы, и затѣмъ, соотвѣтственно этой долѣ, повысить средніе выводы, то, пожалуй, немного отъ этого увеличатся «нормальные размѣры земельнаго обезпеченія».

Пойдемъ, однако, далѣе. Всѣ ли хозяйства, хотя бы только отпускающія батраковъ, получатъ прибавку къ надѣлу, если дополнительное надѣленіе будетъ производиться по к.-д. плану? Даже и въ этомъ приходится усомниться. «При общинномъ владѣніи,—говорится въ 10 ст. проекта,—отводъ добавачнаго количества земли производится по разсчету на цѣлую общину». Въ послѣдней могутъ оказаться не только хозяйства, отпускающія батраковъ, но и хозяйства, нанимающія ихъ. Тѣ и другія хозяйства нейтрализуютъ другъ друга, и нынѣшніе размѣры землепользованія общины въ ея цѣломъ могутъ оказаться какъ разъ соотвѣтствующими «нормальнымъ размѣрамъ земельнаго обезпеченія».

Наконецъ, если хозяйства, отпускающія батраковъ, и получатъ прибавку, то, главнымъ образомъ, за счетъ крестьянскаго же, а не помѣщичьяго землепользованія. Чтобы яснѣе представить себѣ, какимъ образомъ пойдетъ надѣленіе по к.-д. плану, возьмемъ конкретныя данныя хотя бы той же Воронежской губерніи. Въ 11 уѣздахъ этой губерніи подворною переписью было насчитано 235.093 души обоего пола, входящихъ въ составъ хозяйствъ, которыя отпускали батраковъ. Для «обезпеченія» ихъ землей по выведенной выше нормѣ (1,04 дес. на душу) требуется 244.497 десятинъ; въ ихъ же пользованіи находилось 189.864 десятинъ, т. е. не хватало до нормы 54.633 дес. Допустимъ, что весь этотъ недочетъ будетъ покрытъ путемъ принудительнаго отчужденія помѣщичьей земли. Но въ составѣ помѣщичьихъ земель необходимо различать двѣ категоріи: а) земли, сдаваемыя крестьянамъ въ аренду и подлежащія, согласно к.-д. плану, «отчужденію безъ ограниченій», и б) земли, эксплуатируемыя экономическимъ инвентаремъ, которыя подлежатъ отчужденію лишь въ томъ случаѣ, если не достанетъ земель первой категоріи. Хватитъ ли ихъ въ данномъ случаѣ? Хватитъ и даже останется...

Дѣло въ томъ, что хозяйства, нанимающія батраковъ, какъ мы видѣли, имѣютъ въ пользованіи земли по разсчету на душу въ 2

слишкомъ раза больше, чѣмъ требуется по нормѣ. Всего душъ въ этихъ хозяйствахъ 133.572; для «обезпеченія» ихъ землею требуется 138.915 дес.; въ пользованіи же ихъ находилось 294.674 дес., т. е. на 155.759 дес. больше. Надо сказать, что своей земли (над. и купчей) у нихъ было какъ разъ почти столько, сколько требуется по нормѣ. Весь избытокъ падалъ на арендованную: изъ состава надѣльной и частновладѣльческую. Послѣдней у нихъ находилось въ пользованіи 84.385 дес. Эта земля, какъ уже сказано, будетъ отчуждена у помѣщиковъ безъ всякихъ ограниченій, но давать ее нынѣшнимъ арендаторамъ не придется, такъ какъ у нихъ и безъ нея земли имѣется достаточно. Эта земля и будетъ обращена на покрытіе недочета въ хозяйствахъ, отпускающихъ батраковъ. Ея не только хватитъ, но, если хотите, то и останется. Такимъ образомъ, трогать помѣщичьи земли второй категоріи, т. е. обрабатываемыя экономическимъ инвентаремъ, въ данномъ случаѣ вовсе не придется.

Я оперирую общими итогами и средними величинами, хотя понимаю, конечно, что въ отдѣльныхъ группахъ, въ отдѣльныхъ общинахъ и въ отдѣльныхъ семьяхъ возможны и даже неизбѣжны различныя отклоненія. Я не ввожу въ разсчеты и нѣкоторыхъ деталей к.-д. проекта. Для общей характеристики послѣдняго, какъ я думаю, достаточны суммарныя иллюстраціи. Суть въ томъ, что самый способъ опредѣленія «нормальныхъ размѣровъ земельнаго обезпеченія», какой принятъ въ к.-д. проектѣ, неправиленъ. Употребивъ его, мы неизбѣжно получимъ, что нынѣшніе размѣры крестьянскаго землепользованія какъ разъ и есть нормальные. Поэтому граница между помѣщичьимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ пройдетъ приблизительно тамъ же, гдѣ она проходитъ и теперь. Съ другой стороны, «нормальные размѣры земельнаго обезпеченія» будутъ тѣмъ ниже, чѣмъ меньше въ данной мѣстности находится въ настоящее время земли въ крестьянскомъ пользованіи. К.-д. проектъ, по скольку дѣло касается общихъ размѣровъ крестьянскаго земле*пользованія*, сводится въ сущности къ тому, чтобы фактъ возвести на степень закона... Припомнимъ общую характеристику, какая была дана этому проекту г. Кутлеромъ. «Задача реформы,—сказалъ онъ,—ставится въ немъ просто и прямо. Рѣчь идетъ о расширеніи крестьянскаго землепользованія». Но расширенія земле*пользованія* — въ видѣ общаго правила—какъ разъ и не послѣдуетъ *)...

*) Если оно и произойдетъ, то развѣ только за счетъ латифундій и земель, „эксплуатируемыхъ преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ“, каковыя подлежатъ отчужденію тоже „безъ ограниченій“. Но „высшій размѣръ владѣнія“, какъ мы видѣли, до сихъ поръ не опредѣленъ к.-д. партіей. Что касается земель, „эксплуатируемыхъ преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ“, то я считаю за лучшее ихъ не касаться, такъ какъ отъ этого выраженія вѣетъ еще „романтизмомъ об-

Увеличится крестьянское земле*владѣніе*. Въ этомъ будетъ заключаться главный и несомнѣнный, какъ я думаю, результатъ к.-д. реформы по новому проекту. Земли, арендуемыя крестьянами, будутъ надѣлены имъ... въ постоянное пользованіе. И на томъ, конечно, спасибо. Но... Timeo Danaos et dona ferentes. Во что обойдется крестьянамъ этотъ подарокъ? Не придется ли имъ черезчуръ дорого отдаривать?

Въ этомъ вопросѣ к.-д. партія тоже значительно подвинулась... Въ сущности, тутъ даже два вопроса: во-первыхъ, сколько придется платить за землю и, во-вторыхъ, кто будетъ платить за нее.

Въ «Запискѣ 42-хъ» такъ же, какъ и въ основной программѣ, было только упомянуто о вознагражденіи владѣльцевъ отчуждаемой земли по «справедливой оцѣнкѣ», но въ томъ и другомъ документахъ было всетаки ясно сказано, что выкупъ долженъ быть произведенъ «за счетъ государства». «Справедливая оцѣнка» получила теперь довольно опредѣленныя очертанія, но за то вопросъ о томъ, кто долженъ платить за землю, неожиданно затуманился. «Часть предстоящихъ расходовъ по принудительному отчужденію земель,—говорится въ новомъ проектѣ,—подлежитъ отнесенію на общія средства государства». Оказывается, такимъ образомъ, что государство заплатитъ только «часть». Кто же заплатитъ остальное?

«Представлять, что всѣ расходы могутъ быть покрыты изъ одного источника,—говорилъ г. Кутлеръ,—нельзя. Это было бы слишкомъ тяжело даже для самого народа: широкія массы населенія придется обложить значительною податью. Поэтому партія народной свободы и полагаетъ, что извѣстная часть расходовъ, предстоящихъ при земельной реформѣ, должна быть возмѣщена самими крестьянами примѣрно въ половинномъ размѣрѣ всей суммы».

Прежде всего въ этомъ разсужденіи поражаетъ логика. У к.-д. партіи она, несомнѣнно, какая-то особая. Въ самомъ дѣлѣ: земли для надѣленія крестьянъ по трудовой нормѣ не хватитъ; отсюда ею дѣлается выводъ, что, стало быть, нужно побольше оставить ея помѣщикамъ. Платить за землю для всего народа было бы слишкомъ тяжело; стало быть,—заключаетъ к.-д. партія,—одну часть населенія нужно обложить посильнѣе. И какую часть? О «широкихъ массахъ», будто бы, заботится партія. Но широкія массы—что же подъ ними разумѣть, если не крестьянство?—какъ разъ и окажутся наиболѣе отягченными. За то будутъ облегчены такіе классы, какъ помѣщичій и торгово-промышленный.

щихъ декларацій", и мы не знаемъ, сколько окажется этихъ земель, когда к.-д. партія перейдетъ къ „реализму законодательной постановки" этого вопроса.

Впрочемъ, платить крестьянамъ придется немного. «Если оцѣнка будетъ умѣренная, то, какъ я примѣрно прикидываю,—успокаивалъ г. Кутлеръ, — средняя стоимость десятины будетъ установлена въ предѣлахъ Европейской Россіи въ 80 руб.... Половина этой суммы могла бы быть отнесена на счетъ крестьянъ» — въ дополненіе къ той долѣ, прибавимъ отъ себя, какую они должны будутъ нести въ другой половинѣ.

40 рублей это, конечно, немного. Но, если принять въ разсчетъ сложную систему «процентовъ и погашенія», какою будутъ конечно, опутаны крестьяне, то въ конечномъ итогѣ имъ придется заплатить примѣрно рублей по 150 за десятину. Это—въ среднемъ. По отдѣльнымъ же губерніямъ и тѣмъ болѣе по отдѣльнымъ уѣздамъ, какъ пояснилъ потомъ г. Кутлеръ, будутъ, конечно, значительныя отклоненія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянамъ придется уплатить вдвое больше.

Но 80 рублей всетаки цѣна «умѣренная»,—«справедливая» цѣна. Это та самая «справедливая», «не рыночная» цѣна, которая такъ долго фигурировала въ к.-д. проектахъ и которая только теперь начала опредѣляться. Откуда взялъ ее г. Кутлеръ? Изъ оцѣнки, какую дало частновладѣльческой землѣ министерство финансовъ, основываясь на *рыночныхъ* цѣнахъ, если не ошибаюсь, въ 1902 или въ 1903 году, т. е. какъ разъ въ то время, когда рыночныя цѣны достигли такого максимума, при которомъ оставался только одинъ исходъ—революція. Правда, послѣ того цѣна на землю, если судить по оцѣнкамъ крестьянскаго банка, поднялась еще выше. Легко, однако, понять, что цѣны, которыя платитъ банкъ, совсѣмъ не рыночныя цѣны. Если бы онъ прекратилъ свои операціи, то неизвѣстно еще, какую цѣну могли бы помѣщики получить за свою землю на рынкѣ...

Долженъ признаться, что «не рыночная» цѣна въ к.-д. проектахъ всегда пугала меня. Сдѣлать эту оговорку к.-д. партію заставило, несомнѣнно, то соображеніе, что продажныя цѣны приходилось считать безусловно вздутыми; представлялось возможнымъ найти другіе, болѣе «справедливые» способы для оцѣнки. Вполнѣ возможно, однако, что «справедливая» цѣна окажется, въ концѣ концовъ, выше рыночной,—той рыночной, которая будетъ имѣть мѣсто въ моментъ реформы и которая опредѣлится, какъ результатъ революціи. Послѣдняя, какъ ни какъ, значительно вѣдь понизила доходность помѣщичьяго хозяйства и не менѣе значительно повысила величину учетнаго процента.

Эти опасенія начинаютъ пріобрѣтать теперь реальную форму. «Справедливая» цѣна, какъ «прикидываетъ» въ настоящее время г. Кутлеръ, можетъ оказаться не ниже очень высокой—быть можетъ, самой высокой—«рыночной». Какимъ же образомъ к.-д. партія будетъ опредѣлять «справедливую» цѣну.

Способъ ею для этого найденъ. Это—способъ «выручекъ и за-

тратъ». Цѣны на землю будутъ устанавливаться путемъ капитализаціи «нормальной частной доходности», при чемъ послѣдняя будетъ опредѣляться «по даннымъ о среднемъ количествѣ и средней цѣнѣ получаемыхъ продуктовъ, и о среднемъ размѣрѣ издержекъ на ихъ производство, при нормальныхъ условіяхъ сбыта продуктовъ и найма на сельско-хозяйственныя работы». Эта нормальная доходность будетъ исчисляться:

«а) для земель, эксплуатируемыхъ путемъ сдачи въ наемъ трудовому населенію и обрабатываемыхъ крестьянскимъ инвентаремъ—примѣнительно къ обычнымъ условіямъ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, и б) для земель, обрабатываемыхъ за счетъ владѣльцевъ собственнымъ ихъ инвентаремъ,—примѣнительно къ условіямъ частно-владѣльческаго хозяйства».

У непредубѣжденнаго человѣка прежде всего является вопросъ: если вы хотите купить землю, только землю, то зачѣмъ вамъ знать, какимъ инвентаремъ обрабатывалась эта земля? Оцѣнивайте самую землю, высчитывайте свои выручки и затраты, но зачѣмъ вамъ высчитывать чужія? Можетъ быть, эта земля пахалась плугомъ, а вы будете пахать ее сохой; можетъ быть, этотъ плугъ таскала пара арденовъ, а вашу соху будетъ таскать заморенная кляча; можетъ быть, продавецъ кормилъ своихъ рабочихъ капустой съ червями, а вы намѣрены варить для нихъ щи съ убоиной... Но, можетъ быть, вы желаете купить и инвентарь? Можетъ быть, вы желаете вознаградить прежняго владѣльца за его умѣнье кормить рабочихъ тухлой капустой? Да, к.-д. партія намѣрена купить не только землю...

Она намѣрена выкупить «нормальную чистую доходность». Легко понять, что въ составъ ея входитъ не только рента, но также процентъ на основной и оборотный капиталы и предпринимательская прибыль. Если бы партія хотѣла купить только землю, то она капитализировала бы одну ренту. Но она желаетъ выкупить также капиталъ и прибыль... Поэтому-то она и будетъ оцѣнивать землю примѣнительно: въ одной ихъ части — къ условіямъ крестьянскаго хозяйства, въ другой—къ условіямъ частновладѣльческаго.

«Примѣнительно къ условіямъ крестьянскаго хозяйства»... Этотъ способъ будетъ примѣненъ по отношенію къ землямъ, сдаваемымъ въ наемъ трудовому населенію и эксплуатируемымъ крестьянскимъ инвентаремъ. Стало быть, вмѣстѣ съ этими землями партія желаетъ выкупить капиталъ и прибыль. Но чей это капиталъ? И чья эта — поскольку она получается на арендуемыхъ земляхъ—прибыль? Конечно, крестьянскія...

Въ 1861 году крестьянъ вмѣстѣ съ землею заставили выкупать собственныя души. Теперь к.-д. партія желаетъ заставить ихъ выкупать собственный инвентарь и даже собственное умѣнье вести хозяйство. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ, весь при-

бавочный продуктъ будутъ получать помѣщики и ихъ законные наслѣдники.

Крестьянамъ же останутся «издержки производства», въ томъ числѣ, конечно, и заработная плата. «Нормальная» заработная плата... Чтобы опредѣлить эту нормальную плату, предполагается взять среднія цѣны на трудъ,—не тѣ цѣны, которыя установятся, быть можетъ, послѣ реформы въ новой Россіи, а тѣ, какія стояли въ старой. Не въ правѣ ли мы сказать, что и въ этомъ отношеніи, к.-д. проектъ можетъ привести къ тому, что фактъ будетъ возведенъ на степень закона.

Такъ «далеко» ушла к.-д. партія...

III.

Мы присмотрѣлись, куда шла по нѣкоторымъ линіямъ к.-д. партія. Теперь намъ предстоитъ дать общую оцѣнку тѣмъ позиціямъ, на которыхъ она остановилась въ новомъ своемъ проектѣ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, не лишне будетъ отмѣтить одно обстоятельство.

Съ позицій, которыя были заняты на 3-мъ съѣздѣ, партія, какъ мы видѣли, отступила. Между тѣмъ, «на этотъ разъ партійный съѣздъ,—какъ сообщаетъ намъ г. Черненковъ,—совершенно не могъ быть созванъ, и центральному комитету и думской фракціи пришлось дѣйствовать самостоятельно». Не наше, конечно, дѣло судить, насколько правомѣрно поступили центральный комитетъ и думская фракція, отказавшись отъ рѣшеній, которыя хотя бы «условно» были приняты партійнымъ съѣздомъ. Насъ интересуетъ другое, отмѣченное Н. Н. Черненковымъ въ связи съ этимъ, обстоятельство.

Теперешній «проектъ «Главныхъ основаній»,—какъ сообщаетъ онъ,—первоначально редактированный бюро аграрной коммиссіи, подвергся затѣмъ разсмотрѣнію въ центральномъ комитетѣ и въ думской фракціи и, съ нѣкоторыми частичными измѣненіями, былъ принятъ довольно единодушно, что и дало возможность внести его въ Думу отъ имени всей фракціи, а уже не отъ отдѣльной группы ея членовъ». Такимъ образомъ, прошлогодній проектъ, какъ оказывается, былъ проектомъ отдѣльной группы, а не партіи, каковымъ считали мы его; можетъ быть, и теперешній проектъ окажется потомъ не партійнымъ, а фракціоннымъ. Я всетаки разсматривалъ его, какъ проектъ партіи. «По отмѣченному довольно полному единодушію внутри центральнаго комитета и думской фракціи,—говоритъ Н. Н. Черненковъ,—можно думать, что проектированныя нынѣ «Главныя основанія» земельной реформы достаточно отвѣчаютъ преобладающему характеру воззрѣній и настроенія

всей партіи». Это предположеніе онъ считаетъ «основательнымъ», и на немъ вполнѣ успокоивается.

Но меня это единодушіе, какое вновь воцарилось въ к.-д. партіи, больше всего и пугаетъ. Ни для кого, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не тайна, что въ этой партіи, состоящей изъ людей, «отстаивающихъ соціальныя реформы, основываясь на разныхъ точкахъ зрѣнія», по аграрному вопросу имѣются не только существенно различныя, но и прямо противоположныя теченія. Можно было, однако, думать, что въ прошломъ году партія вытащила хотя бы лѣвую только ногу изъ трясины и ступила, наконецъ, на твердую почву. Вотъ-вотъ, казалось, и вся партія выберется на сушу. Поворчатъ, думалось, гг. Петражицкіе и другіе сторонники личной собственности, а потомъ и примирятся,—такъ же, какъ примирился, напримѣръ, г. Родичевъ съ принудительнымъ отчужденіемъ, противъ котораго онъ менѣе, чѣмъ два года тому назадъ, возставалъ со всею силою свойственнаго ему краснорѣчія.

— «Мы идемъ туда же, куда и вы...—еще не такъ давно говорилъ Н. Н. Черненковъ въ частномъ разговорѣ со мною. — Но нельзя же такъ, сразу...

Оказывается, однако, что правая нога такъ крѣпко застряла, что и лѣвую пришлось отдернуть. И вотъ опять по колѣна въ болотѣ стоитъ к.-д. партія. Даже надежду на то, что она выберется, приходится считать, пожалуй, утраченной. Въ самомъ дѣлѣ, не г. Кутлеръ же ее оттуда выведетъ,—не г. Кутлеръ, которому «кажется, что уничтоженіе частной земельной собственности явилось бы величайшею несправедливостью, покуда существуютъ другіе виды собственности»*)... И не г. Кауфманъ, который пишетъ и подчеркиваетъ въ своихъ статьяхъ, что «народная воля можетъ быть выработана не иначе, какъ въ результатѣ того или иного компромисса» **), въ виду чего и не зачѣмъ, стало-быть, вылѣзать изъ болота... И даже не г. Черненковъ, который съ такою легкостью, какъ мы видѣли, устранилъ «всегда сомнительную» теорію, чтобы очистить мѣсто стоящему, повидимому, для него внѣ всякихъ сомнѣній к.-д. практицизму...

Какъ бы то ни было, я считалъ нелишнимъ напомнить, въ силу какихъ, главнымъ образомъ, причинъ к.-д. партія попала на то мѣсто, гдѣ она остановилась въ новомъ своемъ проектѣ. Это—результатъ не столько вновь произведенныхъ ею изысканій, сколько вновь налаженнаго въ ея средѣ компромисса.

А теперь осмотримъ самое мѣсто... Читатели, быть можетъ, уже обратили вниманіе на то, какое большое значеніе въ к.-д. проектѣ придается тому, чтобы реформа была сообразована съ «существующими» «условіями и особенностями». И надо сказать, что въ этомъ

---

*) Стенографическій отчетъ о засѣданіи Госуд. Думы 19 марта.

**) «Самоуправленіе», № 16.

отношеніи к.-д. прожектеры достигли значительнаго успѣха,—быть можетъ, большаго даже, чѣмъ какимъ они задавались. Ничего новаго ихъ проектъ въ народную жизнь не привнесетъ и привнести не можетъ.

Припомнимъ то, что мы уже видѣли. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, институтъ «постояннаго пользованія» или «не полной собственности», какой предполагается установить на вновь надѣляемыя земли? Ни больше, ни меньше, какъ хорошо уже знакомый намъ институтъ надѣльнаго землевладѣнія,—не то частной, не то государственной собственности, которою ни государство, ни крестьяне свободно распорядиться не могутъ. Къ новымъ клочкамъ послѣдніе окажутся также привязанными, какъ они были привязаны къ старымъ, и такъ же, какъ прежніе, они должны будутъ купить ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ лишены права продать ихъ. Къ слову сказать, самый терминъ: «постоянное пользованіе» фигурировалъ уже въ актахъ освободительной эпохи примѣнительно къ временно-обязаннымъ крестьянамъ. «Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли,—говорится въ ст. 3 Общаго Положенія, — предоставляютъ за установленныя повинности въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную осѣдлость»... и т. д. Даже законъ о неотчуждаемости надѣльной земли к.-д. партія намѣчаетъ, повидимому, въ его нынѣшнихъ чертахъ: съ большимъ—даже полнымъ — просторомъ для мобилизаціи внутри общества и съ «ограниченіями»—быть можетъ, даже съ воспрещеніемъ—мобилизаціи внѣобщинной. *Юридическія отношенія* крестьянъ къ ихъ землямъ останутся, въ сущности, тѣ же, что и теперь.

И такъ же, какъ теперь, будутъ рядомъ существовать три института земельной собственности: личной, надѣльной и государственной (совсѣмъ упразднить послѣднюю, конечно, не предполагается). Измѣнится лишь количественное сношеніе между ними, но русская земля по прежнему останется перегороженной, и эти перегородки по прежнему будутъ затруднять свободное размѣщеніе на ней населенія. Убрать ихъ, хотя бы и не сразу — этою цѣлью вовсе не задается к.-д. партія. Можно, конечно, предполагать, что капиталъ окажется сильнѣе труда и, выдергивая колышекъ за колышкомъ, постепенно завоюетъ подъ частную собственность всю землю. Но, можетъ быть, придется ожидать новой революціи, которая и снесетъ, наконецъ, перегородки. До тѣхъ же поръ для загнаннаго въ надѣльное стойло трудового населенія, поскольку оно будетъ нуждаться въ расширеніи своего землепользованія, не останется другого исхода, какъ лѣзть въ капиталистическую петлю. И капиталъ, конечно, не упуститъ случая опять затянуть эту петлю,—въ видѣ ли арендныхъ и продажныхъ цѣнъ, въ формѣ ли отработковъ или кредита.

Потребность же въ расширеніи землепользованія для трудового хозяйства наступитъ немедленно. Задавшись цѣлью извлечь нормы

надѣленія «въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ изъ самой жизни», к.-д. проектъ, какъ мы видѣли, приведетъ къ тому, что нынѣшніе размѣры крестьянскаго землепользованія будутъ узаконены въ качествѣ нормальныхъ. Измѣнится лишь титулъ, по которому часть земли входитъ теперь въ составъ крестьянскаго хозяйства—вмѣсто «аренды» эта часть будетъ находиться въ «постоянномъ пользованіи». Но *экономическія отношенія* крестьянъ даже къ этой землѣ останутся прежними. Система выкупа, предположенная въ к.-д. проектѣ неизбѣжно приведетъ къ тому, что прибавочный продуктъ будетъ экспропріированъ у крестьянскаго населенія, и въ его распоряженіи останется только заработная плата. Мы уже имѣли на этотъ счетъ горькій опытъ, когда выкупали крестьянскія души, и не менѣе горькій опытъ насъ ждетъ, если мы станемъ выкупать по той же системѣ помѣщичьи доходы.

Въ 1861 году нормы надѣленія тоже вѣдь были извлечены «въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ изъ самой жизни, изъ фактическихъ среднихъ размѣровъ землепользованія соотвѣтствующимъ образомъ выдѣленной части населенія». Правда, теперь крестьянину придется выкупать не всю «норму», а только ту ея часть которая будетъ добавлена къ нынѣшнему надѣлу. Но за то эта норма даже съ той землей, какая уже имѣется у крестьянъ, будетъ значительно ниже той, какая была принята въ 1861 году. Правда, теперь на крестьянъ предполагается возложить не весь выкупъ, а лишь половину. Но за то эта половина будетъ вдвое больше всей тогдашней выкупной ссуды. Земля, которую получили при освобожденіи помѣщичьи крестьяне, была оцѣнена въ среднемъ около 20 руб. за десятину; теперь половина, которую придется оплатить крестьянамъ, составитъ по разсчету на ту же десятину 40 руб., какъ «прикидываетъ» г. Кутлеръ. Въ итогѣ же, что тогда получили крестьяне, то и теперь они будутъ имѣть послѣ к.-д. реформы,—во всякомъ случаѣ, не больше того, сколько нужно для удовлетворенія даннаго уровня потребностей при данномъ составѣ населенія. Такъ именно и ставитъ к.-д. проектъ задачу реформы. Нормы—извлеченныя ли прямо изъ жизни или подвергшіяся затѣмъ предусмотрѣннымъ въ проектѣ исправленіямъ—должны «соотвѣтствовать потребительнымъ нуждамъ населенія (потребностямъ въ продовольствіи, одеждѣ и жилищѣ)». Какіе-либо излишки сверхъ этого,—излишки, за счетъ которыхъ крестьяне могли бы совершенствовать свое хозяйство,—совсѣмъ не входятъ въ планъ реформы. Повторится, стало быть, исторія «обезпеченія быта».

Пореформенную жизнь крестьяне должны будутъ начать такъ же, какъ они начали ее послѣ реформы 1861 года. *Соціальныя отношенія* установятся тѣ же.

Останутся помѣщики, и земли у нихъ останутся,—правда, лишь тѣ, которыя обрабатываются экономическимъ инвентаремъ за счетъ владѣльцевъ... Но кромѣ инвентаря нужны вѣдь и рабочіе. Любо-

пытно бы знать, какъ представляетъ себѣ дальнѣйшее теченіе дѣлъ въ этомъ случаѣ к.-д. партія. Хозяйства, отпускающія батраковъ, будутъ по к.-д. проекту землей «обезпечены»; доля доходовъ, какую даютъ крестьянамъ отходъ и мѣстный наемъ на поденныя и сдѣльныя работы будетъ дополнительнымъ надѣленіемъ возмѣщена; работать на помѣщиковъ крестьянамъ, казалось бы, дальше не зачѣмъ,—развѣ только такъ, чтобы не пропадала силушка... Но вѣдь, имъ и отдохнуть послѣ пережитыхъ невзгодъ захочется. Кто же будетъ обрабатывать помѣщичью землю? — и при томъ не такъ, чтобы изъ прохвала, а въ «потѣ лица», какъ и подобаетъ это въ капиталистическомъ хозяйствѣ? Въ свое время былъ проектъ выписать для обработки помѣщичьихъ земель китайцевъ, но то былъ проектъ черносотенный, а к.-д. партія состоитъ изъ людей просвѣщенныхъ. Все ли ею разсчитано? Все ли предусмотрѣно? Какъ бы помѣщичьи земли не остались не обработанными? Нѣтъ! На этотъ счетъ безпокоиться нечего. Помѣщичье хозяйство не прекратится, а будетъ по прежнему вестись съ «явною выгодою» для трудового населенія.

Получивъ надѣлъ, разсчитанный лишь на то, чтобы на немъ жить, а отнюдь не на то, чтобы на немъ множиться, крестьянинъ почувствуетъ тѣсноту не позднѣе, какъ при появленіи перваго ребенка,—раньше, чѣмъ к.-д. землемѣры успѣютъ сложить свои цѣпи. Онъ немедленно почувствуетъ потребность вылѣзти изъ надѣльной загородки, и такъ же немедленно явится для него необходимость влѣзть въ капиталистическую петлю. Сразу почувствуется «надобность въ господинѣ—помѣщикѣ». И вновь крестьяне съ низкимъ поклономъ насчетъ «землицы» пойдутъ въ помѣщичьи усадьбы: и вновь помѣщики съ высокихъ балконовъ станутъ диктовать имъ свои условія. Земель у помѣщиковъ будетъ меньше, но они извлекутъ изъ нихъ, быть можетъ, даже больше. Нѣтъ! Не обработанными помѣщичьи земли не останутся.

Въ одномъ, быть можетъ, ошибается к.-д. партія. Она, повидимому, разсчитываетъ, что помѣщичьи земли будутъ обрабатываться экономическимъ инвентаремъ, и что на нихъ будетъ вестись высоко-интенсивное и поучительное для невѣжественныхъ крестьянъ хозяйство. Но эти разсчеты могутъ оказаться ошибочными,— и именно благодаря крестьянскому невѣжеству. Не поймутъ, вѣдь, крестьяне, что служить въ батракахъ для нихъ «выгоднѣе». Всѣми силами они будутъ стараться поддержать свое хозяйство и какую угодно согласятся заплатить цѣну, лишь бы получить недостающую для этого десятину. Да и лошадямъ не стоять же даромъ. Чтобы сохранить ихъ, чтобы было, чѣмъ обработать свои надѣлы, крестьяне согласятся обрабатывать помѣщичью землю своимъ инвентаремъ за самую дешевую плату. И — кто знаетъ? — подъ давленіемъ этой крестьянской нужды и этого крестьянскаго невѣжества—не сочтетъ ли помѣщикъ за лучшее спрятать свой инвен-

таръ въ сарай и самъ «прекратить» свое высокультурное хозяйство.

Не успѣемъ мы осмотрѣться, какъ передъ нами окажется старая, хорошо знакомая картина. Всѣ существующія «особенности и условія» сохранятся вѣдь въ цѣлости. Главное, конечно, въ томъ, что крестьянинъ останется на прежней соціальной позиціи,—въ положеніи батрака, имѣющаго лишь видимость самостоятельнаго производителя. Но и другія соціальныя грани не будутъ стерты к.-д. реформой.

Распредѣленіе населенія на территоріи не измѣнится. Да и какъ оно можетъ измѣниться, если кромѣ стѣны, которая по прежнему будетъ отдѣлять надѣльныя земли отъ частновладѣльческихъ, каждая деревня будетъ окружена заборомъ неотчуждаемости? Надежды на то, что трудящееся населеніе, хотя бы въ предѣлахъ надѣла, расположится свободнѣе и получитъ, такимъ образомъ, возможность захватить землю поглубже, питать не приходится.

Характеръ распредѣленія населенія между городомъ и деревней останется также прежнимъ. Да и какъ онъ можетъ измѣниться, если одна изъ важнѣйшихъ задачъ к.-д. реформы заключается въ томъ, чтобы не допустить «въ деревню массу народа, который нынѣ имѣетъ въ городѣ прочный заработокъ». «Практическая сторона дѣла,—говорилъ г. Кутлеръ,—заключается въ томъ, что, если вы будете давать землю только тѣмъ, кто ею занимается, то можете дать ее въ значительно большихъ размѣрахъ (оставивъ достаточно,—прибавимъ отъ себя,—и на долю помѣщиковъ), чѣмъ если будете раздавать всѣмъ желающимъ». Къ тому, чтобы выдѣлить, кто землею занимается, и были направлены всѣ усилія составителей проекта. «Соотвѣтствующимъ образомъ выдѣленная часть населенія»,—если припомнятъ читатели,—уже не разъ мелькала передъ нами въ к.-д. разсужденіяхъ. Но задавшись этою цѣлью, к.-д. партія неизбѣжно должна была придти къ тому, чтобы не давать земли больше, чѣмъ сколько ея теперь находится въ крестьянскомъ пользованіи. Иначе вѣдь это значило бы «привлечь въ деревню массу народа, который нынѣ имѣетъ въ городѣ прочный заработокъ». Прочный заработокъ, который опирается на массовую безработицу...

Картина, если осуществится к.-д. проектъ, въ однѣхъ частяхъ останется, въ другихъ очень скоро возстановится—повторяю—прежняя. Измѣнятся, какъ я уже сказалъ, нѣкоторыя количественныя отношенія, но качество ихъ останется прежнимъ. Въ другихъ случаяхъ измѣнятся титулы, но сущность останется та же. Соціальной реформы, во всякомъ случаѣ, не получится: просто-на-просто фактъ будетъ возведенъ на степень закона,—и только.

Мы хотѣли уяснить себѣ, въ какую сторону намѣрена идти к.-д. партія. Куда пошелъ бы Николай Николаевичъ Черненковъ,

я могу себѣ представить; могу вообразить и то, куда пошелъ бы Николай Николаевичъ Кутлеръ. Но разъ они связали себя другъ съ другомъ, то для нихъ, очевидно, не осталось другого выбора, какъ остаться на мѣстѣ...

Это мѣсто я уже назвалъ болотомъ. Трудно и, быть можетъ, даже невозможно выбраться изъ него к.-д. партіи. Но неужели же изъ-за нея погибать въ этомъ болотѣ цѣлому народу?

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. **Пушкинъ. Т. I.** Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1907.

Широкій замыселъ быстрыми шагами подвигается впередъ: изъ иностранныхъ великихъ писателей «Библіотека» уже подарила намъ роскошныя изданія Шиллера, Шекспира и Байрона. Для разнообразія она обращается теперь къ «солнцу русской поэзіи»—Пушкину. Почтенный редакторъ «Библіотеки» не закрываетъ глазъ на предстоящія ему огромныя трудности, на всю отвѣтственность этой новой работы, къ которой могутъ быть предъявлены требованія «особенной полноты, детальности и тщательности», и, тѣмъ не менѣе, онъ смѣло задается цѣлью представить «въ такой же степени собраніе сочиненій Пушкина, какъ и изслѣдованіе его жизни и творчества», т. е. дать своего рода «пушкинскую энциклопедію». Новое изданіе обѣщаетъ, прежде всего, рядъ критическихъ этюдовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ періодамъ и выдающимся моментамъ жизни великаго русскаго поэта, его друзьямъ и знакомымъ, а также писателямъ (какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ), сколько-нибудь вліявшимъ на его духовное и литературное развитіе; наконецъ, и каждому изъ его болѣе или менѣе значительныхъ произведеній. Всѣ мелкія стихотворенія также будутъ снабжены необходимыми комментаріями. Подобно изданіямъ Шиллера, Шекспира и Байрона, Пушкинъ, въ свою очередь, будетъ роскошно иллюстрированъ. Будутъ даны всѣ существующіе портреты самого поэта, равно какъ его друзей и современныхъ ему писателей; знаменитѣйшія картины на пушкинскіе сюжеты; портреты историческихъ лицъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Пушкина. Редакція обратитъ вниманіе даже на «стильность орнамента» изданія: виньетки, заставки и другія мелкія украшенія будутъ соотвѣтствовать духу той эпохи, которая отра-

ляется въ той или иной полосѣ творчества поэта. О томъ, въ какой степени цѣлесообразна или выдержана эта «стильность» въ вышедшемъ въ свѣтъ первомъ выпускѣ I тома, предоставляемъ судить спеціалистамъ; мы, профаны, позволимъ себѣ сдѣлать лишь одно маленькое замѣчаніе. Изданіе печатается *особо заказаннымъ шрифтомъ пушкинскаго времени*, т. е. 20-хъ, 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, но намъ кажется, что глазу современнаго читателя шрифтъ этотъ отнюдь не доставитъ особеннаго удовольствія своимъ сходствомъ съ печатью «Московскихъ Вѣдомостей» (вѣдь и типографское искусство сдѣлало же какіе-нибудь успѣхи за протекшія 75 лѣтъ!)...

Намѣченные редакціей размѣры изданія—шесть большихъ томовъ по 650 страницъ каждый. Настоящій выпускъ составляетъ лишь третью часть перваго тома. Цѣна (30 руб.), разумѣется, непосильно высока для большой публики, но если принять во вниманіе указанные размѣры изданія и его необычную для нашей литературы всестороннюю роскошь, то эту цѣну слѣдуетъ признать довольно умѣренной. Какъ замѣчаетъ сама редакція, у всякаго, кто пріобрѣтетъ роскошное изданіе Пушкина, конечно, уже имѣется какое-нибудь изъ изданій обыкновенныхъ; задача изданія Брокгауза-Ефрона—«углубить чисто-литературное знакомство съ Пушкинымъ историко-литературнымъ изученіемъ, къ впечатлѣнію эстетическому прибавить историко-литературный анализъ». Словомъ, это изданіе и по задачамъ своимъ не для большой публики.

Одна изъ главныхъ его особенностей, какъ мы уже говорили, возможно исчерпывающая полнота. Стремленіе, заслуживающее, разумѣется, всяческихъ похвалъ; нельзя, однако, не замѣтить, что иногда оно доходитъ до курьезнаго... На стр. 17 редакція даетъ портретъ Абрама Петровича Ганнибала, знаменитаго «арапа Петра Великаго», предка Пушкина. Съ большимъ любопытствомъ разсматриваетъ читатель благообразныя черты этого удивительно моложаваго старца-генерала «въ возрастѣ около 92 лѣтъ»,—кромѣ смуглаго цвѣта лица ничѣмъ рѣшительно не свидѣтельствующаго о своей принадлежности къ негритянской расѣ; а затѣмъ, съ удивленіемъ, читаетъ внизу примѣчаніе редакціи: «Полной увѣренности, что это дѣйствительно Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, нѣтъ. Не исключена возможность, что это сынъ его Иванъ Абрамовичъ. *Наконецъ, возможно, что это ни тотъ, ни другой*, въ виду того, что помѣщенныхъ на портретѣ орденовъ не было ни у Абрама Петровича, ни у Ивана Абрамовича». Другими словами: хотя ровно никакихъ данныхъ нѣтъ заключать о касательствѣ этого портрета къ роду Пушкина, но... онъ помѣщенъ въ собраніи его сочиненій, и у читателя возникаетъ невольное опасеніе, какъ бы, при такой щедрости на детали, почтеннаго редактора не постигла, въ концѣ концовъ, обычная его участь: въ 6-ти намѣченныхъ томахъ онъ не сможетъ умѣстить весь необходимый мате-

ріалъ и въ дальнѣйшемъ принужденъ будетъ лишить читателей какихъ-либо существенно-цѣнныхъ иллюстрацій и документовъ...

Будемъ, однако, надѣяться, что на сей разъ этого не случится.

Первый выпускъ даетъ рядъ интересныхъ этюдовъ: «Предки Пушкина» г. Модзалевскаго, «Дѣтство Пушкина» г. Сиповскаго, «Пушкинъ въ лицеѣ» г. Лернера, «Пушкинъ и Батюшковъ» г. Морозова. Изъ комментаріевъ къ отроческимъ стихотвореніямъ Пушкина, вошедшимъ въ настоящій выпускъ, отмѣтимъ интересную замѣтку самого редактора о необычайно популярномъ до сихъ поръ романсѣ «Подъ вечеръ, осенью ненастной». Справедливо отмѣчаетъ здѣсь авторъ всю предвзятость ходячаго пренебрежительнаго отношенія критиковъ къ этому стихотворенію, будто бы достойному услаждать лишь писарей и горничныхъ. «Конечно, бываютъ успѣхи,—говоритъ С. А. Венгеровъ,—доказывающіе только то, что на свѣтѣ много людей съ дурнымъ вкусомъ. Но это тогда, когда произведеніе дурному вкусу угождаетъ и потакаетъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда произведеніе идетъ въ разрѣзъ господствующему настроенію, не опускается до чужой банальности, а напротивъ—поднимаетъ ее до своего высокаго уровня. А несомнѣнно, что романсъ съ поразительной смѣлостью взялъ подъ свою защиту нѣчто такое, къ чему всѣ относились съ рѣзкимъ осужденіемъ и презрѣніемъ». Нельзя въ данномъ случаѣ не считаться съ успѣхомъ романса въ широкихъ народныхъ массахъ; и въ высшей степени характерно, что автору его было всего лишь 14 лѣтъ отъ роду!..

Намъ остается сдѣлать слѣдующее, быть можетъ, наиболѣе серьезное замѣчаніе. Новое изданіе Пушкина преслѣдуетъ, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, цѣль историко-литературнаго анализа. Разсматривая его съ этой именно точки зрѣнія, мы нисколько не удивляемся и не огорчаемся тѣмъ, что стихотворный текстъ то и дѣло прерывается прозаическими редакціонными комментаріями и порой какъ бы тонетъ среди нихъ,—тѣмъ болѣе, что вверху каждой страницы имѣются колонны цифръ, позволяющія быстро оріентироваться въ матеріалѣ и узнать, о какомъ именно періодѣ творчества Пушкина идетъ рѣчь. «Порядокъ нашего изданія,—говоритъ редакція,—строго хронологическій. Подраздѣленія на мелкія произведенія, эпическія, лирическія и т. д. слишкомъ произвольны и субъективны. *Мы задаемся цѣлью представить ходъ творчества великаго писателя въ его послѣдовательномъ развитіи*».

Рѣшеніе это можно только привѣтствовать. Но дальше редакція разсуждаетъ: «Въ силу этого же (?) послѣдовательнаго развитія, слѣдуетъ отдѣлить стихи Пушкина отъ прозы его, а прозу раздѣлить на нѣсколько группъ: повѣсти, журнальныя и историческія статьи, историческія изслѣдованія. Каждый изъ этихъ видовъ

Пушкинскаго творчества имѣетъ свою особую исторію и долженъ быть представленъ въ своей совокупности. Только тогда выяснятся объединяющіе ихъ идеи, пріемы и настроенія».

Признаемся, мы испытываемъ полное недоумѣніе... Между стихами и прозой Пушкина мы, съ своей стороны, не видимъ никакой художественной и, тѣмъ болѣе, *идейной* бездны. Если то и другое, стихи и прозу, въ обще-литературныхъ изданіяхъ правильнѣе и удобнѣе,—и на нашъ взглядъ,—давать читателямъ отдѣльно, то въ изданіи того типа, какъ сейчасъ разбираемое, мы находили бы менѣе всего искусственнымъ и болѣе всего полезнымъ порядокъ *сплошь хронологическій*. За каждый данный годъ читатель имѣлъ бы передъ глазами *все*, что было въ теченіе его написано Пушкинымъ: стихи, прозу, письма. Исторія душевнаго міра великаго поэта вставала бы во всей своей полнотѣ и многогранности.

Планъ редакціи С. А. Венгерова представляется намъ въ этомъ отношеніи не выдержаннымъ и, во всякомъ случаѣ, недостаточно обоснованнымъ.

Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ писателей. Ред. Н. А. Бѣлоусова. Изд. 2. Съ портретомъ и біографіей, составленной Н. А. Бѣлоусовымъ. Изд. „Знанія". Спб. 1906. XXVII+362 стр. Ц. 1 р.

Мы не войдемъ въ обсужденіе достоинствъ изданія и въ детальную оцѣнку стихотворныхъ переводовъ, вошедшихъ въ него, по той простой причинѣ, что ложной намъ представляется самая идея изданія. Переводить великую книгу скорби украинскаго поэта на русскій языкъ есть дѣло излишнее: человѣкъ, владѣющій русскимъ языкомъ, можетъ читать ее въ подлинникѣ съ малымъ напряженіемъ, а та доля непониманія, которая неизбѣжно будетъ сопровождать его знакомство съ подлиннымъ «Кобзаремъ», во всякомъ случаѣ гораздо менѣе важна, чѣмъ всевозможныя измѣненія, упрощенія и даже извращенія, вносимыя въ стихотворный переводъ всякимъ поэтомъ, хотя бы и выдающимся. Конечно, отдѣльный талантливый русскій поэтъ, увлеченный какимъ-нибудь чуднымъ стихотвореніемъ «Кобзаря»—ихъ такъ много въ этой замѣчательной «Книгѣ пѣсенъ»—можетъ испытать свои силы и попытаться передать его на близкомъ языкѣ родного племени; быть можетъ, ему даже удастся это. Но это будетъ исключеніе: не случайно редактору русскаго перевода «Кобзаря» пришлось наполнить сборникъ своими переводами: ему принадлежитъ цѣлая половина переводовъ; они не плохи, но они не нужны... Конечно, есть у него и настоящіе поэты—есть Мей и Суриковъ, есть Плещеевъ и Мих. Михайловъ, есть и другіе, третьестепенные; каждому принадлежитъ одно — два стихотворенія, которымъ онъ можетъ гордиться. А вѣдь Шевченко въ правѣ гордиться каждымъ: его неподражаемо нѣжный лиризмъ, его к...-

ритная выразительность, его глубочайшая связь съ нѣдрами народной души нашли выраженіе въ формѣ, настолько индивидуальной, что переводъ, разрушающій ее, разрушаетъ всю живую ткань поэтическихъ признаній. Дѣло, однако, не въ томъ, что Шевченко непереводимъ—всякій поэтъ непереводимъ, одинъ больше, другой меньше, и, однако, ихъ надо переводить; но Шевченко не нуждается въ русскомъ переводѣ. Онъ такъ безконечно много здѣсь теряетъ, изъ лирика поражающей интимности, какихъ немногія единицы во всей всемірной литературѣ, онъ становится въ русскомъ переводѣ такимъ холоднымъ и чужимъ, такимъ прозаичнымъ и ненужнымъ; трудность понять его въ подлинникѣ сравнительно съ наслажденіемъ, издаваемымъ, такъ ничтожна, что трудъ, затраченный на русскую передачу «Кобзаря», можно смѣло считать напраснымъ. Въ этомъ отношеніи творенія Шевченка значительно отличается отъ произведеній позднѣйшей украинской литературы, съ ея болѣе развитымъ языкомъ, полнымъ непонятныхъ—иногда намѣренно своеобразныхъ — неологизмовъ. Мы предпочли бы другое: изданіе «Кобзаря» въ оригиналѣ для русскихъ читателей съ русскими комментаріями, съ объясненіемъ менѣе понятныхъ русскому человѣку украинскихъ словъ и оборотовъ. Это будетъ для него гораздо болѣе полезно, болѣе поучительно и скорѣе приведетъ къ надлежащему пониманію сокровищъ украинской поэзіи и ея создателя.

Театръ Еврипида. Переводъ съ греческаго **И. Ѳ. Анненскаго.** Въ трехъ томахъ. Т. I. Спб. Стр. XII—628. Ц. 6 руб.

Русскій «театръ Еврипида»—или, какъ съ научной осторожностью выражается переводчикъ, «полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ»—представляетъ собою настоящее событіе въ нашей переводной литературѣ. Она бѣдна и неравномѣрна, она случайна и не культурна; въ ней много хорошаго, много идейнаго порыванія, но мало спокойнаго, глубокаго духовнаго интереса къ сокровищамъ иностранной художественной мысли. Правда, классики древности представлены въ ней достойнѣе, чѣмъ новыя европейскія литературы; но и здѣсь слишкомъ много не заполненныхъ пробѣловъ.

Среди нихъ полный «Еврипидъ» былъ, пожалуй, самымъ чувствительнымъ. Вліянія Еврипида такъ многосторонни, его перепѣвки такъ часты даже въ наше время, что читатель долженъ познакомиться съ первоисточникомъ. Самое разнообразіе воззрѣній на Еврипида можетъ быть разрѣшено только индивидуальнымъ сужденіемъ, самостоятельность коего замѣнитъ въ достаточной мѣрѣ недостижимую общеобязательность. «Отъ Аристотеля до Бернхарди и до нашихъ дней,—говоритъ переводчикъ,—Еврипидъ считался, то «самымъ трагическимъ» изъ поэтовъ, то «риторомъ»; его на-

зывали и безбожникомъ, и моралистомъ; для однихъ онъ былъ «сценическій философъ», для другихъ «поэтъ просвѣщенія», для третьихъ—«пѣвецъ охлократіи», а изъ мисогина Еврипидъ превратился какъ-то даже въ «глашатая женской эмансипаціи». Естественно, что предъ лицомъ этого противорѣчія мнѣній остается одно: имѣть свое; а для этого надо знать.

Обширный трудъ, начало котораго лежитъ теперь предъ нами, даетъ къ тому полную возможность. Субъективная по тону, работа г. Анненскаго хороша именно той строгостью научной мысли, которая никуда не хочетъ вести читателя, кромѣ какъ къ самостоятельному сужденію. Какъ переводъ, такъ и сопровождающія его объяснительныя статьи сдѣланы не только съ исчерпывающей основательностью широко образованнаго филолога, но и съ литературной умѣлостью писателя, хорошо владѣющаго матеріаломъ и знающаго тайны образнаго языка классической трагедіи. Здѣсь, конечно, нѣтъ привлекательной легкости Д. С. Мережковскаго, но за то здѣсь больше подлиннаго Еврипида, что довольно важно для читателей, желающихъ знать по преимуществу Еврипида. Объяснительныя послѣсловія къ каждой изъ шести пьесъ, вошедшихъ въ настоящій томъ, построены съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ, какъ въ формѣ, къ которой авторъ относится съ изысканнымъ вниманіемъ, такъ и въ содержаніи; вездѣ уяснено то, что нужно и умѣстно въ данномъ случаѣ, но нѣтъ мертвящаго шаблона обязательныхъ предисловій, которыя предпосылаются классическимъ произведеніямъ съ той же неизмѣнностью, съ которой обходитъ ихъ нашъ лѣнивый и нелюбопытный читатель. Вопросы культурной исторіи и трагической поэтики, индивидуальной психологіи и этическаго творчества, литературныя параллели и политическія указанія смѣняютъ другъ друга, обличая въ авторѣ новый типъ ученаго филолога, близкаго созидающему духу жизни и діаметрально противоположнаго традиціонному образу скучнаго педанта, умѣющаго внушить лишь тоскливое равнодушіе къ сокровищамъ классической древности.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Часть I. Съ 29 портретами. Спб. 1907. XLV.+297 стр. Ц. 3 руб.

Быстро идетъ въ наши дни русская жизнь: едва успѣла выйти въ свѣтъ эта книга, а событія уже сдѣлали анахронизмомъ первыя строки редакціоннаго предисловія: «8 января 1906 года шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать». Это заявленіе уже опровергнуто стараніями бдительнаго начальства: шлиссельбургская тюрьма существуетъ, и это показываетъ только, какъ своевременна прекрасная книга, посвященная страдальцамъ страшнаго мѣста заключенія.

Кромѣ двухъ общихъ вступительныхъ статей («Шлиссельбургская крѣпость» А. С. Пругавина и «Раскрытый тайникъ» Л. Мельшина) она заключаетъ тридцать біографическихъ очерковъ. Безъ тѣни преувеличенія надо сказать, что она читается съ захватывающимъ интересомъ. При всемъ разнообразіи манеры и содержанія отдѣльныхъ очерковъ, каждый изъ нихъ даетъ цѣнное и устойчивое впечатлѣніе, а всѣ они въ совокупности охватываютъ могучей атмосферой идейнаго подвижничества. Редакція, очевидно, предоставила составителямъ отдѣльныхъ очерковъ значительную свободу. Здѣсь и небольшія монографіи съ ученымъ аппаратомъ, посвященныя крупнымъ историческимъ дѣятелямъ, и основанныя на личныхъ воспоминаніяхъ коротенькія и бѣдныя фактическимъ матеріаломъ замѣтки о малоизвѣстныхъ узникахъ, успѣвшихъ только умереть за дѣло свободы; здѣсь и объективныя изслѣдованія. и лирическіе очерки, и широкія картины эпохи, отошедшей далеко въ прошлое, и индивидуальные портреты, писанные съ натуры. Среди послѣднихъ особенно выдаются художественно-творческія и тонко-наблюдательныя характеристики, посвященныя Вѣрой Н. Фигнеръ нѣкоторымъ изъ ея товарищей по многолѣтнему заточенію: Н. А. Морозову, М. Ф. Фроленко, П. Л. Антонову, М. В. Новорусскому, І. Д. Лукашевичу и Н. Д. Похитонову; привлекательный обликъ перваго и сложная психологическая фигура послѣдняго получили въ этихъ прочувствованныхъ и умныхъ портретахъ удивительно яркое освѣщеніе и какую-то особенную убѣдительность: не знаешь оригиналовъ, но чувствуешь, что изображенія вѣрны. М. В. Новорусскій далъ коротенькія, но трогательныя въ своей фактической бѣдности характеристики своихъ казненныхъ товарищей по процессу 1 марта 1887 г.: П. Я. Шевырева, В. Д. Генералова, И. Я. Андреюшкина, В. С. Осипанова. Изъ участниковъ этого дѣла несостоявшагося покушенія въ «Галлерѣ» охарактеризованы еще казненный А. И. Ульяновъ—очень содержательно и жизненно—его сестрой и М. Ф. Лаговскій, въ качествѣ бывшаго офицера наказанный съ чрезвычайной жестокостью почти за голый умыселъ.

Перу бывшихъ шлиссельбургскихъ заточниковъ принадлежатъ также портреты двухъ узницъ, пребываніе которыхъ въ крѣпости было такимъ живительнымъ источникомъ утѣшенія въ этомъ безмѣрномъ страданіи. Въ первыхъ и послѣднихъ строкахъ своей статьи о Л. А. Волкенштейнъ С. А. Ивановъ напоминаетъ объ извѣстныхъ обстоятельствахъ ея смерти отъ пули усмирителей, когда она 10 января 1906 года шла въ депутаціи отъ митинга къ владивостокскому коменданту. Авторъ оттѣняетъ ея доброту и видитъ благое въ ея судьбѣ, «избавившей ее, кроткую и мягкую, полную любви и состраданія ко всему страждущему и угнетенному, отъ ужаснаго зрѣлища тѣхъ кровавыхъ событій недавняго прошлаго и настоящаго, въ обстановкѣ которыхъ еще до сихъ поръ идетъ упорная борьба за народную свободу». Мы указали бы еще

на одну сторону этой свѣтлой смерти: на ея красоту, на ея внутреннюю логичность, на ея трагическую осмысленность, дѣлающія ее какъ бы законченнымъ художественнымъ произведеніемъ для мыслителя—и безконечно завиднымъ удѣломъ для всякаго чувствующаго человѣка. Къ обширному и увлекательному очерку біографической характеристики В. Н. Фигнеръ, данному С. А. Ивановымъ, С. Я. Елпатьевскій въ «попыткѣ біографіи» прибавилъ нѣсколько черточекъ, которыя могли быть подмѣчены и формулированы только художникомъ, лично пережившимъ въ молодости конецъ героической эпохи, связанной съ большимъ именемъ Вѣры Фигнеръ. С. Я. Елпатьевскій цитируетъ изъ воспоминаній Н. К. Михайловскаго одно замѣчаніе о В. Н. Фигнеръ—«никакихъ спеціальныхъ дарованій у нея не было»—и даетъ ему расширенное толкованіе: для него это отсутствіе спеціальныхъ дарованій есть слѣдствіе и символъ полной гармоніи личности, ея законченности. «Въ массѣ людей такая гармонія создаетъ средняго обывателя, средняго человѣка: когда же все это отпущено человѣку въ большомъ размѣрѣ,—получается большой, очень большой человѣкъ, получается та великая гармонія, изъ которой вытекаетъ великая красота человѣка. И великая мука для него...» Намъ кажется, что въ эту характеристику можно внести поправку. Здѣсь можно только намѣтить эту мысль, но даже тѣ скудныя данныя, которыя даетъ намъ опубликованная литература воспоминаній, позволяетъ сказать, что одна «индивидуальная яркая черта» есть у В. Н. Фигнеръ: это необыкновенно сильно выраженный нравственный характеръ; здѣсь ея «спеціальное дарованіе», ибо если она—выдающійся политикъ, умный человѣкъ и симпатичный поэтъ—въ чемъ нибудь дѣйствительно сильна, то это—въ области *моральнаго творчества*, которое тоже требуетъ спеціальныхъ дарованій, но рѣдко обрѣтаетъ ихъ.

Чтобы покончить со статьями, въ которыхъ мы находимъ цѣнный элементъ личныхъ воспоминаній, отмѣтимъ еще статью Н. Е. Кудрина о Герм. А. Лопатинѣ. Пластично и живо выступаетъ здѣсь эта исключительно яркая, сильная и разносторонняя фигура, психологическое богатство которой заставляетъ только присоединиться къ тому пожеланію, которымъ Н. Е. Кудринъ заканчиваетъ свой очеркъ: «Хотѣлось бы думать, что судьба сохранила намъ Г. А. Лопатина, между прочимъ, и для того, чтобы съ тѣмъ литературнымъ талантомъ, который обнаруживается въ его письмахъ,—порою, настоящихъ диссертаціяхъ,—и который приводилъ въ восторгъ Тургенева, самъ «удалый добрый молодецъ» изобразилъ намъ любопытный и вмѣстѣ глубоко идейный романъ своей жизни, романъ «рыцаря духа» на рубежѣ XIX и XX столѣтій».

Къ его предшественникамъ, къ старымъ «рыцарямъ духа» ведутъ насъ открывающія портретную галлерею статьи о декабристахъ И. И. Пущинѣ (В. Богучарскаго), Бестужевыхъ (С. А. Венгерова), Ч. В. Поджіо (В. И. Семевскаго), о выдающемся

украинскомъ дѣятелѣ, участникѣ кирилло-меѳодіевскаго общества Н. И. Гулакѣ (В. И. Семевскаго) о М. А. Бакунинѣ (Е. В. Тарле). Біографіи поляковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ—участника движенія двадцатыхъ годовъ Валеріана Лукасинскаго и дѣятелей «Пролетаріата» Варынскаго и Яновича—составляютъ вкладъ польскихъ писателей въ «Галлерею», богатое содержаніе которой мы здѣсь могли едва намѣтить. Къ сожалѣнію, редакція не опредѣляетъ состава этого интереснаго изданія, не указываетъ предполагаемаго содержанія дальнѣйшихъ томовъ. Намъ казалось бы, что содержаніе это должно ограничить дѣйствительными узниками Шлиссельбурга, то есть не включать въ «Галлерею» статей о тѣхъ не малочисленныхъ несчастныхъ, имя которыхъ имѣетъ лишь случайную и мимолетную связь съ Шлиссельбургомъ, которые не были здѣсь, ибо ихъ привезли сюда только затѣмъ, чтобы казнить. Центромъ «Галлереи» должны стать именно узники и даже по преимуществу ихъ жизнь въ заточеніи, чтобы изъ совокупности ихъ портретовъ выросъ единый образъ страшной темницы, занимающей собою цѣлый строй, цѣлое міровоззрѣніе.

П. Ж. Прудонъ. Что такое собственность? Переводъ съ новѣйш. франц. изд. Ѳ. Капелюша. Съ портретомъ автора. Книгоиздательство „Мысль". Спб. 1907. 253 стр. Ц. 1 р. 25 к,

П.-Ж. Прудонъ. Что такое собственность? Переводъ (и изданіе) Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1907. 267 стр. Ц. 75 коп.

Нѣкоторая фактическая свобода печати позволяетъ теперь русской читающей публикѣ, несмотря на жестокія преслѣдованія властей, знакомиться съ произведеніями великихъ западноевропейскихъ мыслителей, еще недавно считавшимися опальными и старательно державшимися подъ спудомъ цензуры. Въ этомъ смыслѣ современная эпоха представляется очень интересной, и надо ожидать въ ближайшемъ будущемъ очень любопытныхъ результатовъ этого непосредственнаго соприкосновенія, facies ad faciem, русскаго въ извѣстномъ смыслѣ свѣжаго, непочатаго ума и долгой коллективной работы европейской мысли. Слѣдствія этого соприкосновенія могутъ быть въ особенности любопытны еще и потому, что съ этой мыслью будутъ знакомиться не одни, собственно, такъ называемые «интеллигентные» читатели, но и широкія массы, огромные слои трудящихся, которые какъ разъ въ данный революціонный періодъ отличаются особой возбудимостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ необыкновенно быстрые успѣхи въ политическомъ и вообще умственномъ развитіи. Именно въ виду этого очень хотѣлось бы, чтобы великіе мыслители Запада появлялись въ достойныхъ оригинала русскихъ переводахъ. Мы позволимъ себѣ поэтому, прежде чѣмъ говорить о самомъ характерѣ сочиненія Прудона, предлагаемаго теперь нашей публикѣ въ двухъ перево-

дахъ, высказать наше мнѣніе о требованіяхъ, которыя должно было бы вообще предъявлять къ переводамъ такихъ замѣчательныхъ трудовъ.

Идеальнымъ переводчикомъ можетъ считаться лишь такое лицо, которое, при основательномъ знакомствѣ съ вопросами, затрагиваемыми авторомъ, одинаково бы хорошо владѣло двумя языками и обладало бы литературнымъ талантомъ. Только въ такомъ случаѣ переводы передавали бы словами чужого языка не только точный смыслъ, но и индивидуальность оригинала. Несомнѣнно, что за рѣдкими исключеніями такихъ идеальныхъ переводчиковъ не найти, если только за такой трудъ не примутся люди, являющіеся сами недюжинными спеціалистами въ извѣстной области и при томъ совмѣщающіе эрудицію съ писательской искрой божіей. вещь, на которую разсчитывать при современныхъ условіяхъ переводнаго рынка очень трудно. Приходится поэтому требовать, по крайней мѣрѣ, чтобы переводчикъ, кромѣ знакомства съ предметомъ переводимой работы, зналъ хорошо свой языкъ, а иностраннымъ обладалъ настолько, чтобы не допускать грубыхъ неточностей и искаженій въ передачѣ мысли; и лишь на второй планъ приходится ставить требованіе собственно такъ называемаго литературнаго вкуса.

Если приложить такой масштабъ къ двумъ лежащимъ передъ нами переводамъ знаменитаго трактата Прудона, то придется сказать, что они лишь удовлетворяютъ такимъ требованіямъ, но отнюдь не превышаютъ ихъ; а одинъ изъ нихъ, переводъ г. Капелюша, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оставляетъ желать довольно много. Логическія и литературныя трудности французскаго оригинала въ общемъ лучше побѣждены въ переводѣ гг. Е. и И. Леонтьевыхъ. Переводъ г. Капелюша грѣшитъ мѣстами не только вульгарностью тона («чепуха» на стр. 37 и 59, «огорашиваніе читателя» на стр. 41, «слоняться изъ территоріи въ территорію» на стр. 46, «страшенная артиллерія», на стр. 50, «давеча» на стр. 59), не только нѣкоторыми не совсѣмъ русскими или даже совсѣмъ не русскими выраженіями («сумѣю» въ смыслѣ «смогу», «буду въ состояніи» на стр. 39, «совершить этотъ даръ роду человѣческому» на стр. 12), но въ немъ встрѣчаются порою и серьезныя неточности, чтобы не сказать искаженія, смысла оригинала. Примѣръ слѣдующая фраза:

«Эта гипотеза объ уродованіи справедливости въ нашемъ пониманіи, а слѣдовательно, и въ нашихъ поступкахъ была бы установленнымъ фактомъ, если бы взгляды людей на понятіе справедливости и на ея примѣненія не подверглись перемѣнамъ въ разныя эпохи; другими словами, если бы не было прогресса идей» (стр. 18). Выходитъ, какъ будто Прудонъ высказалъ такую мысль: гипотеза объ извращеніи справедливости въ умахъ людей была бы несомнѣнно доказана, если бы... если бы этому не препятствовало

соображеніе о томъ, что въ области идей совершался прогрессъ. На самомъ же дѣлѣ Прудонъ, вѣрный своему понятію о вѣчной справедливости, говоритъ въ подлинникѣ какъ разъ обратное: у него гипотеза была бы вполнѣ доказанной, если бы оказалось, что въ исторіи совершался прогрессъ идей, т. е. что человѣчество, несмотря на извращенія, на отклоненія свои отъ чистой идеи справедливости, все же постепенно, путемъ прогресса понятій, возвращалось къ ней (ср. оригиналъ: cette hypothèse... serait un fait démontré... s'il y avait eu progrés dans les idèes). Гг. Леонтьевы переводятъ точнѣе: «эта гипотеза... была бы доказаннымъ фактомъ,... если бы идеи развивались» (стр. 25). И оба перевода въ сущности грѣшатъ тѣмъ, что передаютъ французское si словомъ «если бы», вмѣсто того, чтобы въ данномъ случаѣ передать его распространительно словами: «разъ оказалось бы, что» и т. д. Прудонъ говоритъ объ осуществившемся фактѣ, а не о воспрепятствовавшемъ ему явленіи.

Странно намъ также было встрѣтить въ переводѣ г. Капелюша слѣдующее произвольное пресѣченіе мысли Прудона, который, какъ и подобаетъ человѣку, поставившему впервые въ своемъ трудѣ о «Собственности» требованіе анархіи, рѣзко возстаетъ противъ всякой верховной власти, всякаго суверенитета, будь то монархическаго или народнаго (даемъ свой по возможности точный переводъ): «...Но что такое монархія? Верховная власть одного человѣка. А что такое демократія? Верховная власть народа или, лучше сказать, большинства націи. Но и здѣсь, и тамъ дѣло все-таки идетъ о верховной власти человѣка, поставленной на мѣсто верховной власти закона, о верховной власти человѣческой воли, поставленной на мѣсто верховной власти закона,—однимъ словомъ, о страстяхъ, замѣняющихъ право». Сравните теперь съ этой возможно близкой передачей текста Прудона переводъ г. Капелюша: «Но что была монархія? Суверенитетъ одного человѣка, а не закона, суверенитетъ воли, а не разума,—однимъ словомъ, страсть, а не право» (стр. 21). Куда же дѣвалась мысль знаменитаго анархиста о демократіи, которую онъ столь же мало щадитъ, какъ и монархію? Если это не простая торопливость, то это очень грубое искаженіе прудоновскихъ взглядовъ.

Неосвѣдомленность г. Капелюша въ области юридическихъ вопросовъ довольно ярко обнаружилась на самой обложкѣ книги. Здѣсь, дѣйствительно, фигурируетъ взятая Прудономъ въ эпиграфѣ къ своему сочиненію знаменитая формула двѣнадцати таблицъ: adversus hostem aeterna auctoritas esto, а вслѣдъ за нею такой переводъ: «Врагу вѣчная месть». Перевести эту цитату такъ, какъ это сдѣлалъ г. Капелюшъ, значитъ не знать одного изъ крупныхъ вопросовъ римскаго права и не подозрѣвать о существованіи многочисленныхъ комментаріевъ, касающихся какъ разъ этого мѣста. Auctoritas здѣсь значитъ гарантія противъ изгнанія со стороны

лица, владѣющаго даннымъ участкомъ, такъ что смыслъ этой цитаты таковъ: никакая давность фактическаго владѣнія римской землей не даетъ чужестранцу права собственности на нее, или, какъ переводитъ не совсѣмъ точно, но сильно Прудонъ: contre l'ennemi, la revendication est éternelle, т. е. по отношенію къ врагу вѣчно право востребованія. Такимъ образомъ, переводъ г. Капелюша долженъ быть цѣликомъ отнесенъ насчетъ его малаго знакомства съ юридическими терминами, что, несомнѣнно, требуется отъ переводчика «Что такое собственность», гдѣ такую роль играетъ анализъ правовыхъ понятій.

Не свободенъ отъ погрѣшностей и переводъ гг. Леонтьевыхъ. Такъ, roturier переводится черезчуръ русскимъ словомъ «разночинецъ» (стр. 28), la maitrise неточнымъ описательнымъ терминомъ «ограниченіе правъ быть мастеромъ» (стр. 34), antécédents факта называются его «предшественниками» (стр. 47); всѣмъ извѣстный афоризмъ сэнъ-симонистской школы: «каждой способности по ея дѣламъ» переиначивается почему-то въ «по ея произведеніямъ» (стр. 82), тогда какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 113) переводчики даютъ вѣрную версію изреченія, и т. д.

Несмотря на эти оплошности, все же оба перевода, въ особенности гг. Леонтьевыхъ, можно считать въ общемъ удовлетворительными, а мѣстами даже передающими, хотя отчасти, страстный и сильный языкъ подлинника. И мы привѣтствуемъ русскихъ читателей съ появленіемъ на русскомъ языкѣ одного изъ самыхъ оригинальныхъ и могучихъ произведеній Прудона. У насъ до сихъ поръ знаютъ о немъ, главнымъ образомъ, по отзывамъ Маркса и марксистовъ, что, конечно, не можетъ способствовать выработкѣ яснаго понятія объ авторѣ «Собственности», «Экономическихъ противорѣчій», «Справедливости въ государствѣ и церкви». А между тѣмъ, Прудонъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ очень тонкій и энергичный критикъ многихъ традиціонныхъ представленій, какъ блистательный діалектикъ и анализаторъ нѣкоторыхъ сложныхъ вопросовъ матеріальнаго и нравственнаго распорядка, какъ изъ ряду вонъ выдающійся полемистъ и политическій публицистъ, и даже, отчего не сказать и этого?—какъ неподражаемый виртуозъ софизма и какъ геніальный риторъ, умѣющій блескомъ и колючестью формы увлекать читателей даже тогда, когда они не соглашаются съ нимъ, даже тогда, когда они негодуютъ на него...

Однако, его трудъ о собственности наиболѣе обладаетъ его положительными качествами и страдаетъ наименѣе его недостатками. Надо, дѣйствительно, внимательно слѣдить здѣсь за ходомъ мысли Прудона, чтобы видѣть, съ какимъ мастерствомъ, съ какой всесокрушающей логикой, съ какой жаркой идейной ненавистью, съ какой глубокой ироніей и пропитаннымъ желчью сарказмомъ онъ вскрываетъ современныя юридическія опредѣленія собственности, сближаетъ ихъ съ нѣкоторыми фактическими результатами и об

наруживаетъ ихъ полнѣйшую несостоятельность и внутреннія противорѣчія. Конечно, это—главнымъ образомъ отвлеченный анализъ, считающійся не столько съ самими явленіями дѣйствительности (какъ то дѣлаетъ, напр., Марксъ въ фактической части своего «Капитала»), сколько съ правовыми формулами. Но какъ побѣдоносно Прудонъ, стоя на этой юридической почвѣ или, лучше сказать, искрещивая ее во всѣхъ направленіяхъ, разрушаетъ обычныя представленія о правѣ собственности. Заявляя на первой же страницѣ въ видѣ очень тонкаго рекламнаго пріема, но рекламнаго въ томъ смыслѣ, что онъ хочетъ во что бы то ни стало обратить вниманіе читателей на новизну и важность послѣдующихъ мыслей,—что «собственность есть кража», онъ прикрываетъ это ненавистное чудовище, этого, какъ выражается онъ въ одномъ мѣстѣ, апокалиптическаго звѣря, стальною сѣтью своихъ аргументовъ, завертываетъ его въ нихъ, душитъ ими, наноситъ ему раны смертоносным остріемъ своей критики... Ничто не спасаетъ собственность отъ этой губительной критики. Въ своемъ первомъ «мемуарѣ» о собственности, который представляетъ наиболѣе логическую и хорошо построенную часть книги, Прудонъ доказываетъ, что собственность нельзя вывести и оправдать ни изъ факта завладѣнія, ни изъ факта труда: и то, и другое можетъ создавать лишь простое владѣніе, тогда какъ сама собственность является ни болѣе, ни менѣе, какъ правомъ человѣкоубійственной эксплуатаціи, правомъ получать доходы безъ труда, правомъ грабить другихъ людей. Анализируя одно за другимъ практическія послѣдствія, вытекающія изъ этого священнаго учрежденія, Прудонъ показываетъ, что собственность подрываетъ самое себя, ибо она непомѣрно увеличиваетъ издержки производства, обрекаетъ рабочаго на невозможность путемъ обмѣна пріобрѣтать цѣликомъ произведенный имъ продуктъ, становится въ противорѣчіе съ основнымъ требованіемъ политическаго и гражданскаго равенства и должна быть разрушена и замѣнена режимомъ анархіи, т. е. организованной свободы, какъ примиренія коммунизма и частной собственности. Во второмъ «мемуарѣ», имѣющемъ форму длиннѣйшаго письма къ экономисту Бланки и въ противоположность систематическому характеру перваго, довольно хаотически и безъ всякихъ подраздѣленій и параграфовъ продолжающемъ войну съ собственностью, Прудонъ указываетъ на рядъ практическихъ мѣръ, мы бы сказали теперь, на программу-минимумъ, которая ведетъ къ осуществленію коренной задачи: уничтоженію частной собственности. По его мнѣнію, уровень процента долженъ быть пониженъ, крупная собственность выкуплена путемъ взноса пожизненной ренты собственникамъ и т. д...

Въ заключеніе одно чисто фактическое замѣчаніе по поводу переводовъ, упомянутыхъ въ нашей рецензіи: переводъ гг. Леонтьевыхъ не идетъ пока дальше перваго мемуара, тогда какъ переводъ г. Капелюша обнимаетъ обѣ части труда Прудона. Было бы

желательно, чтобы гг. Леонтьевы поторопились со второй частью своей работы, въ общемъ болѣе удовлетворительной, чѣмъ переводъ издательства «Мысль», украсившаго, кстати сказать, книгу очень плохимъ портретомъ Прудона.

Ренэ Штурмъ. Бюджетъ. Переводъ А. С. Изгоева съ пятаго изданія. Съ приложеніемъ статьи доцента **М. И. Фридмана: Наше законодательство о бюджетѣ.** Библіотека „Общественной пользы". Спб. 1907. 598 стр. Ц. 2 р.

Книга Ренэ Штурма (или Стурма, какъ произносятъ это имя французы) является какъ разъ кстати въ виду не только теоретическаго, но и практическаго интереса, который вопросы бюджета и бюджетнаго права возбуждаютъ въ современной Россіи, съ грѣхомъ пополамъ (и съ какимъ еще грѣхомъ и какъ еще пополамъ!) пріобщающейся къ семьѣ конституціонныхъ государствъ. Хотя до сихъ поръ у насъ нѣтъ дѣйствительнаго вліянія народа въ лицѣ своихъ представителей на выработку бюджета, все же участіе страны въ законодательной дѣятельности скоро, вѣроятно, выльется въ формы, несовмѣстимыя съ произвольнымъ хозяйничаньемъ бюрократіи, и при первомъ же возникновеніи истинно конституціоннаго правительства и появленіи на политическую арену отвѣтственнаго министерства, бюджетное право явится однимъ изъ могущественныхъ орудій воздѣйствія націи на направленіе внутренней и внѣшней политики.

Книга Стурма не представляетъ собою строго теоретическаго изслѣдованія въ родѣ извѣстныхъ трудовъ нѣмецкихъ писателей по финансовымъ вопросамъ, напр., Рау или Вагнера. Но она излагаетъ въ живой и порою забавной, а порою черезчуръ поверхностной формѣ техническую сторону предмета, т. е. показываетъ,— послѣ нѣсколькихъ страницъ общаго введенія о бюджетѣ и бюджетномъ правѣ,—кто составляетъ бюджетъ, и въ какое время года, и въ какомъ видѣ и при помощи какихъ пріемовъ и традиціонныхъ средствъ исчисленія и разнесенія по разнымъ рубрикамъ государственныхъ доходовъ и расходовъ; какъ вотируется бюджетъ, и какова при этомъ роль и парламентовъ вообще, съ ихъ верхними и нижними палатами, и парламентскихъ коммиссій; при помощи какихъ вѣдомствъ и органовъ администраціи взимаются и издерживаются бюджетныя суммы; кто и какъ контролируетъ бюджетъ, и т. д.

Нѣкоторыя историческія ссылки и политическія соображенія автора попадаютъ не въ бровь, а въ глазъ нашему теперешнему режиму и его вдохновителямъ и приспѣшникамъ. Вотъ, напр., наши правящія «сферы» и шипящія имъ въ униссонъ рептиліи съ необыкновеннымъ паѳосомъ распространяются о недопустимости для народныхъ представителей въ Думѣ отвергнуть бюджетъ, отказать

правительству въ согласіи на его финансовые пріемы драть съ одного вола по семи шкуръ. А вотъ что писалъ умѣренно-либеральный и архибуржуазный Жанъ Батистъ (а не Баптистъ, г. Изгоевъ!) Сэй, цитируемый Стурмомъ на стр. 345: «Законодатели, вполнѣ независимые и проникнутые святостью своихъ обязанностей, не побоялись бы отвергать представляемые имъ бюджеты всякій разъ... когда не позаботятся дать имъ всѣ желательныя гарантіи устраненія злоупотребленій! Пусть правительственныя креатуры не раздѣляютъ этого мнѣнія, пусть онѣ представляютъ эту мѣру, какъ ниспроверженіе государства... въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: но что лица, не принимающія никакого участія въ раздѣлѣ этой богатой добычи, смотрятъ на эту полезную стойкость, какъ на опасную крайность,—это слабость, которая покровительствуетъ хищенію и подкупности и служитъ пособницей гибели правительствъ!» Послѣднія строки написаны, впрочемъ, Сэемъ, какъ будто уже не для «истинно-русскихъ людей», а для нашихъ думскихъ конституціоналистовъ-демократовъ. Кстати сказать, самый подлинный ка-де. г. Фридманъ, въ своей статьѣ, служащей приложеніемъ къ книгѣ Стурма, отнюдь не относится отрицательно къ тактикѣ принципіальнаго отказа въ бюджетѣ,—а пишетъ даже слѣдующія многозначительныя строки: «Если въ настоящее время въ Западной Европѣ отказъ въ бюджетѣ не примѣняется и если, вообще говоря, примѣненіе его сопряжено съ тяжелыми жертвами для самого населенія, то изъ этого не слѣдуетъ вовсе, что въ Россіи, при современныхъ условіяхъ, нельзя воспользоваться этимъ опаснымъ, но и сильно дѣйствующимъ средствомъ. О юридической допустимости отказа въ бюджетѣ достаточно сказано выше. Что же касается нравственнаго оправданія, то и въ немъ невозможно отказать пользованію отказомъ въ бюджетѣ, какъ орудіемъ для завоеванія правъ народа. Когда идетъ рѣчь о такихъ высокихъ цѣнностяхъ, какъ свобода и самоопредѣленіе населенія, разумѣется, должны отойти на задній планъ матеріальныя соображенія экономической невыгодности тѣхъ или иныхъ пріемовъ борьбы, если, конечно, эти способы борьбы цѣлесообразны. И среди той анархіи, среди той неразборчивости въ средствахъ, которыя господствуютъ въ настоящее время у насъ, при томъ равнодушіи къ пролитію крови, къ казнямъ и убійствамъ, которое является неизбѣжнымъ результатомъ не прекращающейся, ожесточенной междуусобной войны, ужасаться дѣйствія такого способа борьбы, какъ отказъ въ бюджетѣ—не приходится. Въ современной атмосферѣ русской дѣйствительности, отказъ въ бюджетѣ есть одинъ изъ самыхъ мирныхъ, самыхъ законныхъ, самыхъ нравственныхъ способовъ для завоеванія лучшаго будущаго» (стр. 585).

Переводъ г. Изгоева отличается, говоря въ общемъ, добросовѣстностью и недурнымъ языкомъ, который лишь изрѣдка портится словечками въ родѣ «цѣлокупность» (стр. 6), «кровоточить» (стр. 25, прим. 3), «сособственность» (стр. 28, прим. 2,—вѣроятно, букваль-

ный переводъ французскаго слова *copropriété*). Попадаются и нѣкоторыя неточности или неудачно выбранные термины. Такъ, на стр. 11 вмѣсто «мелочной торговли» слѣдовало бы сказать «предметовъ мелочной торговли» (въ подлинникѣ, должно быть, стоитъ *mercerie*, и, конечно, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ). На стр. 35 «движимый налогъ» слѣдовало бы замѣнить «налогомъ на движимость» или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Кстати, почему г. Изгоевъ руссифицируетъ французскихъ королей Жановъ въ отечественныхъ «Ивановъ» (стр. 23 и др.) и повсюду французскому окончанію *ay* даетъ русскую транскрипцію *эй*, а не *э*, напр. Мезерэй (стр. 24—25, прим. 2) и т. п. Вѣдь у насъ, кажется, только Сэя да порою Ле-Плея и пишутъ на этотъ ладъ.

Юрій Битовтъ. Книга о книгахъ. Изд. Спиридонова. Москва 1907. Стр. 285. Ц. 80 коп.

Потребность въ указателѣ пособій для самообразованія у насъ громадна. Этимъ воспользовался г. Битовтъ, чтобы сдѣлать выгодное дѣло. Книга его по преимуществу книга развязная, совершенно не самостоятельная ни въ отзывахъ, ни въ выборѣ матеріала. Необходимо какъ можно настойчивѣе предостеречь отъ нея довѣрчивыхъ читателей. «За послѣдніе годы—говоритъ «составитель» въ предисловіи—появляется такая масса книгъ, что читатель почти безсиленъ разобраться въ этомъ небываломъ книжномъ потокѣ, и никогда, кажется, отсутствіе руководящихъ указателей не ощущалось имъ такъ остро, какъ теперь». Это, конечно, пустяки: указателей у насъ теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, и, какъ ни велика въ нихъ нужда, она меньше, чѣмъ когда-либо. Къ книгамъ «послѣднихъ годовъ» указатель г. Битовта почти не имѣетъ отношенія, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти книги его указателемъ, составленнымъ почти исключительно по извѣстнымъ пособіямъ для самообразованія, опущены. «Единственная въ нашей литературѣ и очень обстоятельная, для своего времени, работа спеціалистовъ, изданная подъ редакціей проф. Янжула *Книга о книгахъ* (Москва, 1872), сильно устарѣла и давно не имѣется въ продажѣ». И это, конечно, невѣрно. Послѣ появленія «Книги о книгахъ», — которая и въ свое время далеко не всѣми была признана обстоятельной и удовлетворительной, нашъ книжный рынокъ обогатился цѣлымъ рядомъ критико-библіографическихъ пособій для самообразованія. Нѣкоторыя изъ нихъ очень хорошо извѣстны г. Битовту. Правда, среди этихъ пособій онъ не укажетъ работъ Панова и Лебедева —зачѣмъ напоминать о конкуррирующихъ и болѣе серьезныхъ изданіяхъ,—но петербургскія и московскія программы самообразовательнаго чтенія ему извѣстны хорошо: онъ беретъ изъ нихъ цѣлые отдѣлы безъ упоминанія источника. Упоминаетъ онъ часто «Книгу о книгахъ», «изъ которой взято все,

что имѣетъ еще значеніе, а въ остальныхъ частяхъ работа эта составлена, главнымъ образомъ, по отзывамъ спеціалистовъ, выдержки изъ каковыхъ приводятся ко многимъ книгамъ». Это очень простой способъ: взять чужіе указатели, надергать изъ нихъ свѣдѣнія—ибо, чтобы критически разобраться въ этихъ свѣдѣніяхъ, надо быть спеціалистомъ,—прибавить къ нимъ случайныя выдержки изъ журнальныхъ рецензій и выдавать эту библіографическую кашу за пособіе для самообразованія. Г. Битовтъ назвалъ свой указатель толковымъ; вѣрнѣе было бы назвать его бестолковымъ. Одно исчисленіе его грубѣйшихъ пропусковъ, указаніе на сообщеніе о книгахъ, о коихъ онъ понятія не имѣетъ, примѣры непослѣдовательностей, невѣжества и т. д. заняли бы рядъ страницъ, хотя г. Битовтъ, не приложивъ къ книгѣ именного указателя, сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы затруднить провѣрку. Г. Битовтъ имѣетъ смѣлость прикрывать эту книжную спекуляцію идейными цѣлями: «такое крайне ненормальное положеніе, а также желаніе посильно облегчить въ выборѣ читателямъ (sic!) книгъ и были главными мотивами, руководившими мною при составленіи настоящаго указателя». Мы имѣемъ иное мнѣніе о его мотивахъ, не столь возвышенное, но болѣе оправдываемое свойствами его работы.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Л. Андреевъ. Мелкіе разсказы (томъ третій). Спб. 1906. Ц. 1 р.

Чистая математика съ общедоступнымъ изложеніемъ основъ высшаго анализа. В. Ранцова. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Петръ Вейнбергъ. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Плехановъ. Генрихъ Ибсенъ. Ц. 25 к. Изд. „Библ. для всѣхъ". О. Н. Рутенбергъ.

Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма. Перев. съ англійск. А. В. Погожевой. Изд. книг. „Дѣло". Спб. 1907. Цѣна 2 р.

Николай Тургеневъ. Россія и русскіе. Б-ка декабристовъ. М. 1907. вып. II.

Ю. Делевскій. Діалектика и математика. Книгоизд. „Трудъ и Борьба". Спб. 1906. Ц. 20 к.

М. Бакунинъ. Богъ и государство. Книгоизд. „Мысль". Спб. Лейпцигъ. 1906.

А. Т. Снарскій. Автономія или федерація? Спб. 1907. Ц. 25 к.

М. К. Цебрикова. Каторга и ссылка. Изд. „Библіотека Свѣточа". Спб. 1907. Ц. 20 к.

С. И. Сомовъ. Профессіональные союзы и соціалдемократическая партія. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Вильгельмъ Вейтлингъ. Евангеліе бѣднаго грѣшника. Изд. „Мысль". А. Миллеръ. Спб. 1907.

С. Р. Философская и общественная программа. Изд. газ. „Дневникъ Казани". Казань. 1907. Ц. 10 к.

М. Бакунинъ. Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ. Книгоизд. „Мысль". А. Миллеръ. Лейпцигъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Работы первой Государственной Думы. Подъ ред. С. И. Бондарева. Изд. комитета „Трудовой группы". Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Юрій Гончаренко. Вечерніе огни. Стихи. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Шебуевъ. Кронштадтскія письма Негативы. Книгоизд. А. Касаткина. Спб. 1904.

Евгеній Чириковъ. Томъ седьмой. Пьесы. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1907. Ц. 1 р.

М. Горькій. Томъ седьмой. Пьесы. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 1 р.

Л. Козловскій. Очерки синдикализма во Франціи. Книгоизд. „Свободная Мысль". М. 1907. Ц. 65 к.

П. Г. Мижуевъ. Документальная исторія одной стачки. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Гастонъ Мокъ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Изд. Е. П. Горской. Кіевъ. 1906. Ц. 70 к.

В. Лонгъ. Богатырь лѣсовъ и др. разсказы. Б-ка Горбунова-Посадова. М. 1907. Ц. 40 к.

В. Лонгъ. Маленькіе строители и др. разсказы. Б-ка Горбунова Посадовч. М. 1907. Ц. 30 к.

Г. В. Доброскокъ. „Крамольникъ". Разсказъ. Екатеринодаръ. 1907. Ц. 8 к.

М. Афанасьева - Уральская. Сказка о свободной. Спб. 1907. Ц. 40 к.

И. Анинъ. Національное освобожденіе и соціалистическія партіи. Книгоизд. „Трудъ и Борьба". Спб. 1906. Ц. 8 к.

А. Веселовъ. Знамя „земли и воли" и россійская соціалдемократія. ***В. Вадимовъ.*** Аграрная программа россійской соціалдемократіи. Книгоизд. „Трудъ и Борьба". 1906. Ц. 25 к.

Евгеній Чернобаевъ. Стихи Книгоизд. „Парма", Спб. 1907. Ц. 60 к.

Ачадовъ. Муниципализація промышленныхъ предпріятій, земельныхъ площадей. Б-ка „Самоуправленіе". М. 1907. Ц. 15 к.

Карлъ Марксъ. Теоріи прибавочной цѣнности. Изд. Е. П. Горской. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

И. К. Сухоплюевъ. Библіографическій обзоръ изданій по вопросу о обезпеченіи народнаго продовольствія. М. 1907. Ц. 50 к.

Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Состав. ***Н. Денисюкъ.*** Изд. А. С. Панафидиной. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Темный. Юбилей „Блохи". Разсказъ. Книгоизд. „Новый Міръ".

Г. Линдовъ. Великая французская революція. Изд. „Прометей". Спб. 1907. Ц. 50 к.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и сельское хозяйство. Изд. „Прометей". Спб. 1907. Ц. 50 к.

Библіотека «Просвѣщенія». Спб. 1907. Проф. ***В. Зомбартъ.*** Пролетаріатъ въ Америкѣ. Ц. 30 коп. — ***Г. Махъ.*** Постоянная армія и милиція. Ц. 55 к. — ***К. Фроме.*** Монархія или республика. Ц. 1 р. — ***Эм. Калеръ.*** Вильгельмъ Вейтлингъ. его жизнь и ученіе. Ц. 35 к.—Докторъ ***Г. Люксъ.*** Этъеннъ Кабэ и икарійскій коммунизмъ. Ц. 65 к. — Записки рабочаго. Съ предисл. К. Гере. Ц. 55 к.

В. Моррисонъ - Давидсонъ. Предшественники Генри Джоржа. Изд. „Посредникъ". 1907. Ц. 30 к.

Евгеній Лозинскій. Что же такое, наконецъ, интеллигенція? „Новый Голосъ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

К. Каутскій и ***Б. Шенланкъ.*** Основные принципы и требованія соціалъ-демократіи. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 15 к.

С. Харизоменовъ. Грѣхи интеллигенціи. М. 1906. Ц. 20 к.

Его же. Основы политической свободы. М. 1906. Ц. 20 к.

Вернеръ Зомбартъ. Пролетаріатъ Изд. „Вѣкъ". Спб. 1907 Ц. 22 к.

А. В. Мезіеръ. Турція. Очеркъ. Изд О. Н. Поповой. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Л. Кульчицкій. Анархизмъ въ Россіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Изданія «Міръ». Спб. 1907: ***Вильгельмъ Герцбергъ.*** Соціалдемократія и анархизмъ. Ц. 15 коп. — ***П. Кампфмейеръ.*** Современный пролетаріатъ. Ц. 20 к. — ***У. Оманъ.*** Великое крестьянское возстаніе въ Англіи. Ц. 50 к.

Изд. «Вѣкъ». Спб. 1907: ***Н. Рожковъ.*** Судьбы русской революціи. Ц. 50 к.—***Роза Люксембургъ.*** Соціальная реформа или революція. Ц. 35 к.

Женщины. Разсказы Омптеда, Терье, Фрапанъ, Альфена, Бредъ-Гарта. Изд. „Посредника". М. 1907. Ц 50 к.

Для всего крестьянства. Вып. первый. Изд. „Молодое крестьянство". М. 1906. Ц. 10 к.

Л. Ждановъ. Царь и опричники. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1907.

Л. Ждановъ. На зарѣ свободы (пѣсни смутныхъ дней). Изд. „Освобожденіе". Спб. 1907. Ц. 15 к.

Г. Гауптманъ. Ткачи. Драка. Изд. „Посредника". М. 1907. Ц. 15 к.

Мацубара Ивагоро. На днѣ Токіо. Перев. С. Н. Сыромятникова. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Л. Н. Толстой. Земля и трудъ. Изд. „Посредника". М. 1907. Ц. 10 к.

Борисъ Ивинскій. Разсказы. 1907. Ц. 50 к.

С. Сергѣевъ-Ценскій, 1. Изд. „Міръ Божій". Спб. 1907. Ц. 1 р.

Идалія Аничкова. Моимъ внучкамъ. Изд. „Книговѣдъ". Спб. Ц. 1 р.

Э. Пименова. Страна великихъ озеръ. (Канада). Изд. „Юнаго Читателя". Ц. 25 к.

Гаазе. Классовое правосудіе. Изд. С. Н. Гаврилова. М. 1907. Ц. 30 к.

Л. Н. Толстой Единственное возможное рѣшеніе земельнаго вопроса. Изд. „Посредникъ". М. 1907. Ц. 3 к.

В. Шулятиковъ. Изъ теоріи и практики классовой борьбы. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. М. 1907. Ц. 30 к.

Н. Н. Шульговскій. Идеалъ человѣческаго поведенія. Изд. „Право". Спб. 1907. Ц. 30 к.

Т. И. Тихоновъ. Земство въ Россіи и на окраинахъ. Изд. Перевозникова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Б. Веселовскій. Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи. Изд. „Зерно". Спб. 1907. Ц. 55 к.

П. И. Семенюта. Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Л. Н. Толстой. О просвѣщеніи-воспитаніи и объ образованіи-обученіи. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1907. Ц. 35 к.

Д-ръ *Гаазе*. Судъ въ классовомъ государствѣ. Изд. „Движеніе". М. 1807. Ц. 15 к.

Р. Люксембургъ. Всеобщая забастовка и нѣмецкая соціалъ-демократія. Изд. Е. Горской. Ц. 40 к.

Государство будущаго. Рѣчи Жореса, Вайяна и Клемансо. Изд. „Міръ". Спб. 1907. Ц. 12 к.

Н. Темный. Докладная записка. Изд. „Новый Міръ". Спб. 1907. Ц. 3 к.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Изд. „Юнаго Читателя". Спб. 1906. Ц. 25 к.

Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Т. I. Изд. „Библіотеки Декабристовъ". М. 1906.

П. Кампфмейеръ. Исторія общественныхъ классовъ въ Германіи. Соціально-историческая библіотека. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Н. А. Трубниковъ. Логика чистаго разума и женскій вопросъ. М. 1906. Ц. 50 к.

В. Чернышевъ. Законы и правила русскаго произношенія. Варшава. 1906. Ц. 30 к.

Его же. О программѣ будущей народной школы. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Михаилъ Пантюховъ. Тишина и старикъ. Повѣсть. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Анатоль Франсъ. Садъ Эпикура. М. Ц. 70 к.

Ив. Наживинъ. Менэ... Гэкэл... Фарес... Романъ. М. 1907. Ц. 2 р.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. 1906. Изд.-тво „Шиповникъ". 92 стр. Ц. 50 к.

А. Н. Александровскій. Дома и заграницей. Разсказы. Спб. 1906. Ц. 50 к.

А. Б. Петрищевъ. Очерки и разсказы. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Изданія „Знаніе": Спб. 1906 и 1907: *Энрико Ферри*. Эволюція экономическая и эволюція соціальная. Ц. 6 к.—*Жюль Гедъ*. Государственныя предпріятія и соціализмъ. Ц. 5 к.—*Атлантикусъ*. Государство будущаго. Ц. 35 к.—*Л. Клейнбортъ*. Подоходный налогъ. Ц. 10 к.—*Э. Вандервельде*. Промышленное развитіе и коллективизмъ. Ц. 30 к.—*Адольфъ Геннеръ*. Икарійцы въ Сѣверной Америкѣ. Ц. 10 к.—Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи. Ц. 20 к.—*Гекторъ Чикотти*. Психологія соціалистическаго движенія. Ц. 30 к.

Изд. „Сознаніе". Спб. 1907. *Артуръ Лабріола*. Синдикализмъ и реформизмъ. Ц. 10 к.

Изд. „Свободный Трудъ". Спб. 1907. Государство будущаго. Дебаты германскаго рейхстага. Ц. 1 р.

А. Лихтенберже. Соціализмъ и французская революція. Ц. 1 р.

Изд. „Міръ". *А. Паннкекъ*. Перевороты въ государствѣ будущаго. Пер. П. Гуревича. Ц. 8 к.—*Его же*. Этика и соціализмъ. Ц. 10 к. Спб. 1907.

Изд. „Новый Міръ". М. 1907. *Леонъ Кладель*. Мститель. Съ франц. И. Керчикеръ. Ц. 2 к.—*Фр. Штампферъ* и *Э. Вандервельдъ*. Соціалъ-демократія и религія.

Изд. „Зарница". *М. Энгельгардтъ*. Задачи момента. Ц. 10 к.—*С. Я. Свѣтловъ*. Задачи грядущаго. Ц. 10 к. Спб. 1907.

Изд. „Паллада". *Н. А. Рубакинъ*. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Спб. 1906. Ц. 80 к.

„Библіотека Свѣточа". Проф. *Н. И. Карѣевъ*. Теорія личности П. Л. Лаврова. Ц. 30 к. — *С. М. Степнякъ-Кравчинскій*. Штундистъ Павелъ Руденко. Спб. 1907. Ц. 1 р.

„Библіотека декабристовъ". Россія и русскіе. Николая Тургенева. Первое русское изданіе. 1907. Ц. 80 к.

„Вятское Товарищество": Военно-полевые суды. Отчетъ Государственной Думы. Спб. 1907. Ц. 12 к.—*Ал. Львовъ*. Новые земельные законы. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Изд. „Новое Товарищество": *Ѳ. Тищенко*. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Ц. 5 к.—*I. Бикерманъ*. Россійская революція и Государственная Дума. Ц. 10 к.—*Мироновъ*. У сторожки. Ц. 3 к.—*Борисъ Талинъ*. Кѣмъ и какъ управлялся русскій народъ. Ц. 20 к. Спб. 1907.

В. Звягинцевъ. Земельное переустройство въ городахъ. М. 1906. Ц. 4 к.

Изд. „Трудъ и борьба". Спб. 1907. Ц. 30 к.:—*Ю. Делевскій*. Экономическій матеріализмъ и исторія науки. Ц. 30 к.—*Его же*. Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. Ц. 25 к.- *Его же*. Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. Ц. 20 к.

Изд. „Свободный Трудъ". *Максимъ Леруа*. Старое и новое право. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Изд. „Свободная Россія". *Е. А. Звягинцевъ*. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы и нравы. М. 1906. Ц. 10 к.

Его же. О земствѣ и какъ его нужно устроить для пользы всего народа. Ц. 10 к.

Изд. „Свобода и право". *Ю. Лавриновичъ*. Итоги россійской конституціи. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Изд. „Сила". А. М. I. Усмирили. II. За что? Спб. 1907. Ц. 2 к.

Изд. „Перевалъ". *Я. Лещинскій*. Марксъ и Каутскій о еврейскомъ вопросѣ. М. 1907. Ц. 15 к.

Изд. „Прометей". *Г. Линдовъ*. Великая французская революція. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Серпъ. Сборникъ первый. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Изд. „Пчела". *А. Скорбинъ*. До Думы. При думѣ. Безъ Думы. Сатиры въ стихахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Е. Таг—инъ (Максим—истъ). Принципы трудовой теоріи. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Изд. „Движеніе". *В. Мечъ*. - *Череванинъ*.—*Вл. Горнъ*. Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи — Пролетаріатъ въ революціи. М. 1907. Ц. 60 к.

А. А. Корниловъ. Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Наше мѣсто въ вѣчности. Кіевъ. 1906. Ц. 50 к.

А. А. Исаевъ. Индивидуальность и соціализмъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Французская каторга „Бириби". Пьеса въ 3-хъ актахъ. Даріена и Лора. Перев. Экъ. М. 1907. Ц. 50 к.

И. Х. Озеровъ. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги? М. 1907. Ц. 1 р.

Изд. „Посредникъ". М. 1906 и 1907: *Викторъ Гюго*. Осужденный на смертную казнь. Ц. 15 к.—Пѣснь о рабочемъ народѣ. Состав. *И Горбуновъ-Посадовъ*. Ц. 25 к.—*С. Т. Семеновъ*. Призывной. Ц. 2 к.—*Е. Милицына*. Не по закону. Ц. 3 к.—I. В. Ф. Можно ли человѣку безъ работы. II. Послѣдній день. Сказаніе про князя, купца, музыканта и простого мужика. Ц. 2 к.—*Октавъ Мирбо*. На войнѣ. Ц. 3 к.—*Л. Н. Толстой* Что же дѣлать? Ц. 3 к.—*Его же*. За что? Ц. 8 к.—*Его же*. Голодъ. Ц. 10 к.—*Его же*. Въ чемъ моя вѣра? Ц. 40 к.—*Его же*. I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Ц. 35 к.—*Его же*. Изложеніе евангелія (безъ цѣны).—*Генри Джоржъ*. Что такое единый налогъ и почему мы его добиваемся. II. Программа ли единаго налога. Ц. 3 к.

Изд. Яковенко, душеприк. Павленкова. Спб. 1907. А. И. Герценъ. Крещеная собственность. Ц. 8 к.—*Его же*. Робертъ Оуэнъ. Ц. 12 к.—*Н. Николинъ*. Древній Міръ. Ц. 40 к.—*Его же*. Древнѣйшіе жители Европы. Ц. 20 к.—*Его же*. Древняя Греція. Ц. 40 к.—*Гергартъ Гауптманъ* Ткачи. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Ц. 25 к.—*Губертъ Лагарделль*. Всеобщая стачка и соціализмъ. Ц. 1 р.—*Бирманъ*. Коммунизмъ и анархизмъ. Ц. 40 к.

Изд. И. Д. Сытина. *С. Князьковъ*. Изъ прошлаго русской земли. Ц. 1 р. 50 к.—*П. Гере*. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Ц. 75 к.—*Б. П. Вейнбергъ*. Люди жизни, думайте о

грядущихъ поколѣніяхъ! Ц. 10 к. М. 1907.

Изд. „Харбинскаго Листка". Харб. 1906. *П. Ровенскій.* Собака. Ц. 15 к.—*Его же.* По Манчжуріи. Ц. 20 к.—*Его же.* Въ Нерчинской сатрапіи. Ц. 30 к.—*Петръ Булгаковъ.* Плачъ Портъ-артурца. Ц. 35 к.—*Его же.* Власть лукаваго. Ц. 40 к.—*Его же.* Гнилые люди. Ц. 35 к.

Изд. Л. И. Колеватова. Послѣдняя исповѣдь. М. 1907. Ц. 3 к.

Издан. С. Н. Гаврилова. *Гаазе.* Классовое правосудіе. М. 1907. Ц. 30 к.

Т. В. Петровъ. Основы общественной жизни по ученію евангелія. М. 1907. Ц. 30 к.

Б. В. Беръ. Сонеты и другія стихотворенія. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Башмаковыхъ. Спб. 1907. *Л. Я. Лясецкій.* Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Части I и II по 25 к., ч. III 35 к.

Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1907. *З. Бѣлосельскій.* Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ. Ц. 10 к.—*Мих. Лемке.* Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

У. Сендерлендъ. Священныя книги ветхаго и новаго завѣта. Изд. „Мысль". Лейпцигъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Маленькій Наполеонъ (По В. Гюго). Изд. *Л. И. Колеватова.* Н.-Новгородъ. 1907. Ц. 7 к.

Изд. „Сѣверная Россія". Народный сборникъ по современнымъ вопросамъ II. М. 1907. Ц. 17 к.

Изд. „Библіотеки Обществознанія". *Е. Кушвинская.* Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Возникновеніе партійной организаціи германской соціал-демократіи.

Э. Лесгафтъ. Отечествовѣдѣніе. Спб. 1907. Ц. 90 к.

Борисъ Грінченко. Передъ широким світомъ. У Киіві, 1907. Ціна 1 карб.

Изд. „Шиповникъ". *А. Лабріола.* Реформизмъ и синдикализмъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Габріэль Девилль. Капиталь. Изложеніе I т. капитала Маркса. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Изд. „Просторъ". *Октавъ Мирбо.* Стачка избирателей и прелюдія. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Г. Вяткинъ. Стихотворенія. Томскъ. 1907. Ц. 25 к.—Отзывы финляндскихъ газетъ по поводу нелѣпыхъ слуховъ „о вооруженіи Финляндіи". Спб. 1907.

П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Д-ръ В. Д. Ревеліоти. Учебникъ гигіены. М. 1907. Ц. 75 к.

В. И. Чернышевъ. Русское и дѣтское чтеніе. Спб. 1906. Ц. 60 к.

С. А. Ершовъ. Справочная книга земледѣльца. Ч. I. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и земледѣліе. М. 1907. Ц. 35 к.

Изд. В. М. Саблина. *И. И. Поповъ.* Дума народныхъ надеждъ. М. 1906. Ц. 85 к.

Н. Езерскій. Государственная Дума перваго созыва. Пенза. 1907. Ц. 80 к.

Іосифъ Матусевичъ. То были не крылья. Ц. 20 к.

Проф. Шейдъ. Химическіе опыты для юношества. Одесса. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Борисъ Демчинскій. Христосъ въ революціи. Фантазія. Спб. 1907. Ц. 80 к.

А. Наршинъ. Научный фундаментъ соціологіи. М. 1907. Ц. 2 р.

Изд. „Максималистъ" № 1. Прямо къ цѣли. Спб. 1906. Ц. 3 к.

Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. М. 1906. Ц. 25 к.

Изд. „Сѣверная Россія". Современные вопросы. Сборникъ I. М. 1907. Ц. 15 к.—Для народа. Статьи по современнымъ вопросамъ. М. 1907. Ц. 20 к.

П. Эль. Соціально - сатирическіе этюды. Спб. 1906. Ц. 80 к.

А. И. Лотоцкій. На поворотѣ. Спб. 1907.

Моррисъ Хилквитъ. Исторія соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1907. Ц. 90 к.

В. М. Грибовскій. Памятники русскаго законодательства XVIII стол. Вып. I.—Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ II. Кіевъ. 1906.—Изд. Русск. хирург. общества Пирогова. Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

В. Чернышевъ. Забытые труды К. Д. Ушинскаго. Спб. 1907. Ц. 20 к.

А. Волгинъ. Сила въ объединеніи. Кіевъ. 1907. Ц. 5 к.—Изд. „Трудовой союзъ". И. В. Майоровъ. Трудовое товарищество. (Кооперація). Спб. 1907. Ц. 6 к.

Л. Л—о. Надо знать не меньше... Конспекты лекцій. Спб. Ц. 1906. 25 к.

В. Д. К. Арабески изъ кавказскихъ событій. Спб. 1906.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1907. Ц. 2 р.

А. Ф. Волковъ. Защита правъ въ Англіи путемъ арбитра. Спб. 1907.

Сборникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Вып. IX. Спб. 1906.

Дѣятельность Спб. общества народныхъ университетовъ въ 1906 году. Спб. 1907.

И. Г. Тайновъ. Международные расходы съ основанными на золотѣ и переводныхъ векселяхъ арбитражами и паритетами. Спб. 1907. Ц. 5 р.

Ѳ. Сибирскій. Разсказы „Подъ знаменемъ". Екатеринодаръ. 1906. Ц. 10 к.

Изд. „Новый Голосъ". ***Евгеній Лозинскій.*** Итоги парламентаризма. Спб. 1907. Ц. 35 к.

„Библіотека Юнаго Читателя". М. Сафинина. Война и миръ въ царствѣ животныхъ. Спб. 1907. Ц. 15 к.

М. С. Уваровъ и ***Л. М. Лялинъ.*** Охрана жизни и здоровья работающихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены. М. 1907. Ц. 3 р.

Одесская городская психіатрическая больница. Отчетъ за 1905 годъ. Одесса 1906.

Заболѣваемость населенія Воронежской губерніи. Тома I и II.

Статистическій ежегодникъ 1906 г. Харьковъ 1906 г. Изд. И. Балашова.— ***Д.*** 1905 и 1906 годъ въ Петербургскомъ университетѣ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Генрихъ Шато. Оселъ, обезьяна и философъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Гр. Ф. де-Ла-Бартъ. Сказка не жизнь. Спб. 1907. Ц. 50 к.

А. И. Лебедевъ. Что читать крестьянамъ и рабочимъ и какъ завести библіотеку въ деревнѣ и на фабрикѣ. Нижн.-Новгородъ. 1907. Ц. 12 к.

Проф. Ив. Тиховъ. О госпитальныхъ клиникахъ Имп. Томскаго университета. Томскъ. 1906.

Изд. „Задачи соціалистической культуры". IX. ***Р. Кальверъ.*** Соціализмъ и массовая забастовка. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Изд. „Народное право". Земельное дѣло безъ Думы. М. 1906. Ц. 5 к.

А. Ѳ. Чернявскій. О вавилонскомъ столпотвореніи и смѣшеніи языка строителей. Кишиневъ. 1906. Ц. 25 к.

Изд. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

В. Е. Поповъ. Химія для самообразованія въ дешевой домашней лабораторіи. М. 1907. Ц. 60 к.

И. Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи. Томъ II Анархія. Безпл. прилож. къ „Вѣстнику Иностр. Литературы" за 1907 г.

Изд. В. С. Спиридонова. ***А. П. Постниковъ.*** Систематическій курсъ по общей химіи. М. 1907. Ц. 60 к.

Изд. С. Е. Коренева. ***Люціано Цукколи.*** Офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты. Спб. 1907. Ц. 70 к.

Ив. П. Сахаровъ. Ненормальное состояніе церковно-приходской школы и попытка учащихся расъединоститься. М. 1906. Ц. 30 к.

Д-ръ Цвіичъ. Замѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

П. Гензель. Налогъ съ наслѣдства въ Англіи. М. 1907. Ц. 3 р. 50 к.

В. И. Граціановъ. Краткій очеркъ исторіи императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. 1857—1907. М. 1907.

Борисъ Грінченко. На распутті. Повість. Ц. 75 к.—***Его же.*** Українські народні казки. Ц. 65 к.

Товариство просвіта. ***М. Драгомановъ.*** Про украіньских казаків, татар та турків. У Кыівы. 1906.—***М. Левицкий.*** Як ратуватися при наглих випадках та каліутвах. 1906.—Календарь просвіти. Рік перший. 1907.—Земельна справа въ Новій Зеландіі. 1906. — ***Б. Грінченко.*** Сам собі пан. Оповідання. У Кыиві. 1907.

Д'Олесь. З' журбою радість обнялась.. $1^1/_2$ руб.

К. Беккеръ. Самоучитель нѣмецкаго языка по новѣйшему методу. Ц. 50 к.

Видав Б. Грінченко. ***Н. Г.*** Ідея федералізму у декабристів. У Києві, 1907. Ц. 10 к.

Евгеній Чириковъ. Разсказы. Томъ шестой. Изд. „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 1 р.

Максъ Штирнеръ. Единственный и его собственность. Пер. съ нѣм. Г. Федера съ приложеніемъ статьи А. Горнфельда „Жизнь Штирнера". Спб. Изд. А. И. Яковенко. 1907. Ц. 80 коп.

Ѳедоръ Сологубъ. Стихи. Книга шестая. Змій. Спб. 1907. Цѣна 40 коп.

Артуръ Шницлеръ. Хороводъ. Пер. съ нѣм. п. р. О. Дымова. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Григорій Ландау. Безсиліе націоналистскаго творчества. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Библіотека перваго драматическаго передвижного теа-

тра. Серія 1905 г. 1. ***Осипъ Дымовъ***. Каинъ. 2. ***Генр. Ибсенъ***. Маленькій Эйольфъ. 3. ***А. Шницлеръ***. Фарисей. 4. ***С. Рафаловичъ***. Рѣка идетъ. 5. ***За первый годъ***. Отчетъ о дѣятельности передвижного театра. Спб. Ц. выпуска 20 к.

Александръ Галуновъ. Вереница этюдовъ. Москва. 185 стр. Ц. 1 р.

М. Кузьминъ. Крылья.

Ѳедоръ Сологубъ. „Мелкій Бѣсъ". Изд. Шиповникъ Спб. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Куртъ Эйснеръ. „Празднества обездоленнныхъ". Изд. Коллективистъ.

Углекопы.

Горнозаводская промышленность въ болѣе или менѣе крупномъ масштабѣ появилась въ Россіи уже давно, со временъ Іоанна Грознаго. Центромъ горнаго дѣла явилась Сибирь съ ея безконечными рудными богатствами. На безконечно-далекомъ отъ Москвы разстояніи, воеводы и служилые люди, находясь внѣ фактическаго контроля, хищнически эксплуатировали залежи минераловъ и металловъ, предоставляя и частнымъ лицамъ свободу разработки. Однако недостатокъ въ серебрѣ, желѣзѣ, необходимыхъ для веденія войнъ, заставилъ московскихъ царей обратить вниманіе на болѣе правильную постановку дѣла разработки нѣдръ земли, и съ этой цѣлью, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, издаются первыя законоположенія, собранныя, дополненныя и разъясненныя довольно подробно такъ называемымъ Бергъ-Регламентомъ, изданнымъ въ 1739 году. Бергъ-Регламентъ, согласно мысли законодателя, имѣлъ въ виду урегулировать горное хозяйство; впервые частнымъ лицамъ хотя и предоставлялась свобода эксплуатаціи нѣдръ земли, но только при соблюденіи извѣстныхъ правилъ. Бергъ-Регламентъ охранялъ такимъ образомъ интересы казны, государства. Но, умѣряя аппетиты горнозаводчиковъ, не разрѣшая имъ хищническаго веденія эксплоатаціи нѣдръ,—какъ Петръ I, такъ и преемники его цѣлымъ рядомъ указовъ поощряли горнозаводскую промышленность, ссужая промышленниковъ деньгами, отдавая имъ безплатно или за ничтожную плату «въ аренду» казенные заводы, предоставляя заказы на желѣзо, чугунъ, колокола, пушки.

Но въ то время, какъ интересы горнозаводчиковъ тщательно оберегались,—на положеніе рабочихъ горныхъ заводовъ и рудниковъ не обращалось почти никакого вниманія, такъ какъ по большей части это были каторжники, рабочіе-подневольные. Вѣроятно, по традиціи такой взглядъ и такое отношеніе къ горнымъ рабочимъ дошли почти до послѣдняго времени, т. е. до того дня, когда невыносимое положеніе понудило горнорабочихъ прибѣгнуть къ борьбѣ

за улучшеніе своей участи. Только тогда правительство спохватилось и стало издавать распоряженія, циркуляры и законы; о недостаткахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ придется говорить ниже.

А между тѣмъ,—какъ количество горнозаводскихъ рабочихъ, такъ равно и условія, въ которыхъ имъ приходится жить и работать, заслуживали бы, казалось, того, чтобы на рабовъ желѣза и угля обратили должное вниманіе.

Въ нашу задачу не входитъ освѣщеніе вопроса о работѣ и бытѣ рабочихъ *всѣхъ* отраслей горнозаводской промышленности; въ краткомъ очеркѣ мы попытаемся дать картину работы и жизни только углекоповъ, этихъ жертвъ дѣйствительно каторжнаго труда.

Еще недавно, всего десять лѣтъ тому назадъ, наша горная промышленность «процвѣтала». Усиленное желѣзнодорожное строительство, имѣвшее цѣлью, по рецепту Витте, осчастливить Россію, привлекло огромные иностранные капиталы. На безлюдныхъ степяхъ, гдѣ иногда лишь встрѣчались чумацкіе возы, стали возникать заводы и рудники. Всѣ они, безъ исключенія, строились на удовлетвореніе казенныхъ заказовъ. Какъ грибы послѣ дождя, появлялись заводы: иностранцевъ и русскихъ капиталистовъ прельщали ссуды, пособія, заказы, дававшіе огромный доходъ, и отсутствіе конкурренціи со стороны заводчиковъ Западной Европы, отъ которыхъ Витте отгородился стѣною высокихъ пошлинъ. Печать и частныя лица радовались, глядя на «расцвѣтъ» горной промышленности, а мужикъ кряхтѣлъ, отдавая послѣдніе гроши на предметъ процвѣтанія этой отечественной горной промышленности.

Но мужикъ «изсякъ»: выколотить изъ него уже ничего нельзя было, государственное казначейство опустѣло, желѣзнодорожное строительство замѣтно сократилось, а ссуды и пособія, казенные заказы и «поощренія» перестали щедро раздаваться,—и «процвѣтающую» горную промышленность охватилъ кризисъ. Ничего, кромѣ краха, и нельзя было ожидать отъ промышленности, разсчитанной не на потребности населенія, а исключительно на казенные заказы и «пособія».

Открытіе заводовъ и прокладка шахтъ привлекли тысячи человѣкъ, образовавшихъ огромную армію рабочихъ. Согласно официальнымъ даннымъ *), число горнопромышленныхъ рабочихъ увеличивалось у насъ чрезвычайно быстро; на горныхъ заводахъ и промыслахъ работало:

---

*) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи“ за 1900, 1901 и 1902 годы. Изданіе Горнаго Ученаго Комитета.

въ 1894 году	462.950	человѣкъ.
„ 1895 „	498.351	„
„ 1896 „	492.980	„
„ 1897 „	547.901	„
„ 1898 „	592.510	„
„ 1899 „	634.009	„
„ 1900 „	715.497	„

1900 годъ былъ послѣднимъ годомъ «процвѣтанія» горной промышленности. Затѣмъ число рабочихъ стало быстро падать: на горныхъ промыслахъ и заводахъ работало:

въ 1900 году	715.497	человѣкъ.
„ 1901 „	683.150	„
„ 1902 „	626.929 *)	„

Точныхъ данныхъ за послѣдующіе годы не имѣется, ибо трудно учесть количество рабочихъ при временныхъ прекращеніяхъ и сокращеніяхъ работъ, но такъ какъ «кризисъ» усиливается съ каждымъ годомъ, такъ какъ въ Донецкомъ бассейнѣ многіе рудники и заводы работаютъ крайне не регулярно,—надо думать, что число рабочихъ не превосходитъ въ настоящее время 500 тысячъ человѣкъ. Это сокращеніе числа рабочихъ оказалось и въ каменноугольной промышленности; число углекоповъ:

въ 1901 году	110.000	человѣкъ.
„ 1902 „	105.688	„

Мы не ошибемся, сказавъ, что въ 1905 г. углекоповъ въ Россіи было maximum 85 тысячъ человѣкъ: ибо по сравненію съ 1901 годомъ добыча угля въ 1905 г. сократилась на 20%.

Мѣстъ добычи угля у насъ нѣсколько; крупнѣйшими являются Донецкій и Домбровскій (въ Польшѣ) бассейны. Въ первомъ добывается 65% общаго количества угля (въ 1902 г. добыто угля во всей Россіи 1.005 мил. пуд., въ Донецкомъ бассейнѣ—671 мил. пуд.) и занято почти 75% всѣхъ углекоповъ Россіи (изъ 105.688 чел. за 1902 г. въ Дон. бас.—76.031 чел.). Посмотримъ же, какъ работаетъ и живетъ эта стотысячная армія.

Помимо крупныхъ, хорошо оборудованныхъ шахтъ, существуетъ у насъ множество «шахтенокъ», принадлежащихъ мелкимъ капиталистамъ, сплошь да рядомъ—крестьянамъ. Особенно много «шахтенокъ» имѣется въ Донецкомъ бассейнѣ, но о нихъ мы говорить не будемъ: мы намѣрены дать картину работъ въ шахтахъ «благоустроенныхъ», оборудованныхъ «по послѣднему слову техники», предпріятіяхъ многомилліонныхъ. И пусть тогда читатель пред-

*) Ibid., за 1902 годъ.

ставить, каковы условія работы на мелкихъ шахтахъ, гдѣ и до настоящаго времени господствуютъ еще «старые порядки».

Прежде, чѣмъ спуститься въ шахту, мы попадаемъ въ надшахтное зданіе. Грязное, закоптѣлое отъ дыма, оно наполнено людьми: къ клѣтямъ, поднимающимся снизу, одинъ за другимъ подбѣгаютъ рабочіе, берутъ вагонетки, наполненныя углемъ, и быстро катятъ ихъ по рельсамъ эстокадъ. Докативъ вагончикъ до опрокидывателя, который механически переворачиваетъ его, такъ что уголь летитъ внизъ, откатчикъ возвращается съ пустымъ вагончикомъ къ клѣти, беретъ другую вагонетку съ углемъ и катитъ ее по рельсамъ къ опрокидывателю.

Въ серединѣ надшахтнаго зданія находится глубокій колодезь; въ него и изъ него съ ужасающей быстротой несутся клѣти, прикрѣпленныя стальными или алойными канатами къ летучимъ подъемнымъ машинамъ, помѣщающимся внизу колодца. Стоящій у клѣти рабочій (рукоятчикъ) даетъ сигналъ «люди», и машинистъ, находящійся при машинѣ, начинаетъ медленно спускать клѣть: медленно, т. е. со скоростью 300—350 саж. въ минуту. Скорость подъема и спуска различна: «начальство» ѣдетъ медленнѣй, рабочіе и грузъ летятъ съ головокружительной быстротой. Черезъ минуту-полторы клѣть останавливается внизу, у ствола; «стволовой» даетъ сигналъ «грузъ», и на вашихъ глазахъ «на поверхность» мчится вагончикъ съ углемъ. Во время спуска въ шахту васъ обдаетъ пронизывающая сырость: подпочвенная вода просачивается сквозь землю и льется на дно колодца. Стоя у ствола, можно подумать, что идетъ сильный дождь, таковъ бываетъ этотъ «капежъ».

Итакъ,—мы подъ землей, въ царствѣ угля. Передъ нами основная ось шахты, и въ глубокой темнотѣ, съ лампочками въ рукахъ, мы вступаемъ въ нее. Если въ шахтѣ имѣется гремучій газъ, то лампочки системы Дэви, «предохранительныя», если газа нѣтъ—онѣ масляныя, чадящія, вонючія.

По рельсамъ, проложеннымъ въ квершлагѣ, несутся пустые и съ углемъ вагончики, мелькаютъ огоньки лампочекъ. Вотъ вынырнула черная, полуголая фигура, сверкнули бѣлки глазъ, краткое «здравствуйте», и человѣкъ исчезъ, слившись съ темнотой. Если вы впервые въ шахтѣ,—у васъ начинается головокруженіе: жарко, душно, чадитъ, невыносимая вонь... Шахта служитъ и отхожимъ мѣстомъ, и потому убійственный воздухъ мѣста работъ доводитъ свѣжаго человѣка до обморочнаго состоянія.

Пройдя нѣсколько минутъ, мы входимъ въ основную галлерею. Еще издали нашъ слухъ поражаетъ пронзительный свистъ. Онъ какъ бы влетаетъ въ квершлагъ, ударяется о потолокъ и, гремя, падаетъ на землю, наполняя шахту ужасомъ.

Узка и темна основная галлерея. По проложеннымъ въ ней рельсамъ ослѣпшія отъ вѣчной темноты лошади везутъ вагончики къ квершлагу. На переднемъ вагончикѣ, съ прикрѣпленной къ го-

ловѣ лампочкой, сидитъ «коногонъ», понукающій лошадь. Свѣтъ отъ лампочки очень слабъ, онъ освѣщаетъ путь всего на два-три шага, и коногонъ страшнымъ свистомъ предупреждаетъ идущихъ навстрѣчу:

— Не попадите подъ лошадь.

Мы прижимаемся къ стѣнкѣ, пропускаемъ лошадь, идемъ дальше, и съ каждой минутой все мрачнѣй и мрачнѣй дѣлается шахта, все плотнѣй и плотнѣй окутываетъ насъ темнота, охватываетъ чувство ужаса.

Мы доходимъ, наконецъ, до первой наклонной галлереи и поднимаемся въ продольный штрекъ. 13 аршинъ шириной, аршина полтора высотой штреки соединяютъ основную галлерею съ мѣстами работъ—«забоями». На четверенькахъ полземъ мы по продольному штреку и, наконецъ, влѣзаемъ въ забой.

Шахта разбивается на нѣсколько этажей, а каждый этажъ — на множество забоевъ, невысокихъ клѣтокъ, въ которыхъ забойщику, отбивающему уголь, нельзя выпрямиться во весь ростъ. Лежа на спинѣ, на боку, или сидя, — онъ размѣренными ударами кирки совершенно механически ломаетъ уголь. «Отгребщикъ» тутъ-же накладываетъ уголь въ ящикъ-«санки», а «саночникъ» спускаетъ ихъ внизъ, въ основную галлерею. Онъ ползетъ медленно, рискуя быть задавленнымъ санками, удариться о потолокъ штрека и разбить голову. Докативъ санки до основной галлереи, онъ нагружаетъ уголь въ вагонетку и опять ползетъ въ забой. А въ это время слѣпая лошадь везетъ уголь къ квершлагу, свиститъ коногонъ, и черныя тѣла сторонятся, давая дорогу «грузу».

Подъ грохотъ машинъ, подъ свистъ коногоновъ и ржаніе лошадей тысячи людей на глубинѣ трехъ-четырехсотъ саженей работаютъ въ воздухѣ, отравленномъ аммiакомъ, угольной пылью, чадомъ лампочекъ, ежесекундно рискуя быть затопленными водой, взорванными гремучимъ газомъ, задавленными обвалами.

Эти страшныя несчастья слишкомъ часты на нашихъ рудникахъ. Въ такихъ «случаяхъ» шахта превращается въ адъ: изъ забоевъ и штрековъ несутся крики гибнущихъ людей, галлереи стонутъ и молятъ о помощи, въ безумномъ отчаяніи черныя, голыя тѣла мчатся по ходамъ, разбиваютъ головы, падаютъ, задыхаются, раздавливаются сотнями ногъ. У клѣтей, поднимающихся на поверхность, идетъ сраженіе за мѣсто, и люди превращаются въ дикихъ звѣрей... Таковы эти обычныя драмы подъ землей... Но проходитъ недѣля-другая, шахта отливается, очищается, провѣтривается, и опять гремятъ кирки, несется свистъ коногона, да изъ забоя долетаетъ грустная пѣснь раба угля...

Помимо людей, занятыхъ подземными работами, много имѣется рабочихъ и «на поверхности». Это, какъ мы говорили уже,— откатчики, рукоятчики, глейщики, а также цѣлый штатъ стоя-

ровъ, плотниковъ и слесарей, занятыхъ въ мастерскихъ починкой клѣтей, пиленіемъ лѣса и т. д., и т. д. Самой трудной изъ всѣхъ этихъ работъ, несмотря на ея кажущуюся легкость, слѣдуетъ считать работу «глейщиковъ» (выборщиковъ). Доставляемый изъ шахты уголь содержитъ много примѣсей, какъ-то: кварцъ, мѣлъ, камень и др. Лишь немногіе рудники обзавелись сортировочными машинами, которыя выбрасываютъ примѣси; большинство-же рудниковъ «выбираютъ» уголь, т. е. очищаютъ его отъ примѣсей ручнымъ трудомъ десятковъ людей. Въ трескучій морозъ, въ палящій зной, подъ дождемъ приходится стоять, согнувшись, и медленно, одинъ за другимъ, выбрасывать куски примѣси. Къ головѣ приливаетъ кровь, дрожатъ ноги, какъ плети, висятъ руки, градомъ льется потъ... Надо ѣсть,—надо работать...

Какова-же продолжительность рабочаго дня углекопа и какъ оплачивается его каторжный трудъ?

На всѣхъ каменноугольныхъ рудникахъ для всѣхъ разрядовъ работъ существуетъ двѣнадцатичасовой *) рабочій день (двѣ смѣны въ сутки). Двѣнадцатичасовая работа — максимумъ рабочаго времени, допускаемый нашимъ горнымъ законодательствомъ для подземныхъ работъ. Въ эти двѣнадцать часовъ, согласно прим. къ статьѣ 2 отд. I «Правилъ 8 декабря 1897 года о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени на горныхъ заводахъ и промыслахъ»,—входитъ и время, «употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ или копь и на подъемъ изъ оныхъ». Въ дѣйствительности-же рабочій день значительно продолжительнѣй. Благодаря установившемуся на всѣхъ рудникахъ порядку, рабочій приходитъ за три четверти или $^1/_2$ часа до гудка «къ спуску»: надо записаться у табельщика, взять свой номеръ, ждать очереди у клѣти. То-же самое происходитъ и при поднятіи на поверхность; немудрено, что вслѣдствіе этой томительно-долгой процедуры спускъ въ шахту, работа и поднятіе занимаютъ не двѣнадцать, а тринадцать, тринадцать съ половиной часовъ въ сутки. Такимъ образомъ, какъ читатель видитъ, и сутки можно сдѣлать равными 26, 27 часамъ.

На поверхности рабочій день также равенъ двѣнадцати часамъ.

Такъ какъ работа глейщиковъ не требуетъ особой физической силы, то шахтовладѣльцы привлекли къ труду женщинъ и дѣтей, получающихъ значительно меньшую, чѣмъ мужчины, плату. Пользованіе трудомъ дѣтей регламентировано нашимъ законодательствомъ. Начиная съ 1882 года выходитъ цѣлый рядъ узаконеній, воспрещающихъ эксплуатацію труда дѣтей, не достигшихъ двѣнадцати лѣтъ. Малолѣтнихъ-же (отъ 12 до 15 лѣтъ) не разрѣшается до-

*) Исключеніе составляютъ лишь „бурильщики", „прокладывающіе" (прорывающіе) шахту. Имъ приходится стоять по горло въ водѣ и подвергаться опасности обвала въ любой моментъ. Эта трудная, отвѣтственная и опасная работа длится 8 часовъ.

пускать къ работамъ, «которыя, по своимъ свойствамъ, вредны для здоровья малолѣтнихъ или должны быть признаваемы для нихъ *изнурительными»* *) (Уст. Пром., ст. 111). Выборка угля безусловно относится къ числу работъ изнурительныхъ и вредныхъ для здоровья. У дѣтей, стоящихъ «на глею», замѣчается подергиваніе рукъ и головы, ломота въ поясницѣ, наконецъ, головная боль,—результатъ всякой изнурительной работы. И далѣе, законодательство наше ясно говоритъ, что нельзя заставлять дѣтей работать болѣе четырехъ часовъ кряду, въ сутки-же не болѣе восьми. А между тѣмъ, крошки въ десять-одиннадцать лѣтъ работаютъ по шести часовъ кряду (отъ 6 утра до 12 дня),—по двѣнадцати часовъ въ сутки!

Съ нѣжной юности дѣти попадаютъ въ атмосферу насилія, жестокости, разврата и гибнутъ физически и морально. Жители рудниковъ могутъ сообщить не мало фактовъ изъ области «нравовъ», царящихъ на шахтахъ, фактовъ, свидѣтельствующихъ, что рудники кишатъ тринадцатилѣтними «жрицами любви».

Системъ заработной платы и расплаты существуетъ на рудникахъ нѣсколько. Всѣ крупныя предпріятія стараются имѣть дѣло не съ отдѣльными рабочими, а съ подрядчиками, нанимающими отъ себя углекоповъ, изъ которыхъ они образуютъ артели. Обыкновенно въ артель входятъ забойщики, саночники и отгребщики. Остальные рабочіе, какъ-то: коногоны, откатчики, стволовые и др., не имѣющіе соприкосновенія съ самимъ забоемъ, получаютъ или мѣсячное жалованье, или «отъ упряжки», т. е. за число проработанныхъ смѣнъ: это такъ называемые «конторскіе» рабочіе. Ихъ заработокъ чрезвычайно незначителенъ; такъ, напримѣръ, мѣсячное жалованье коногона колеблется между двадцатью и двадцатью двумя рублями, верховыхъ и стволовыхъ—еще ниже, не превышая 20 рублей.

Лишь на немногихъ копяхъ забойщики получаютъ мѣсячный окладъ при условіи сдѣлать заданный «урокъ». Эта система оплаты труда забойщиковъ замѣнена уже почти всюду попудной и посаженной системами. Въ первомъ случаѣ количество пудовъ добытаго угля измѣряется числомъ вагонетокъ: забой № А подалъ, предположимъ, пятнадцать вагончиковъ по тридцати пудовъ въ каждомъ, итого—450 пудовъ, что составляетъ такую-то сумму.

При расплатѣ посаженной,—забой «замѣряется», т. е. по выработкѣ измѣряютъ длину и ширину его. Произведеніе изъ числа аршинъ длины на ширину и толщу пласта выразитъ число кубическихъ аршинъ добытаго угля.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ рабочій обсчитывается, особенно, если онъ работаетъ въ артели «отъ подрядчика». Производится обсчетъ слѣдующимъ образомъ: при попудной платѣ, какъ

*) Курсивъ нашъ.

сказано выше, количество добытаго угля считается по числу вагончиковъ. Послѣдніе вмѣщаютъ обыкновенно 31—32 пуда, но «для удобства» считаются въ 30. Такимъ образомъ, рабочій теряетъ отъ 3—5% своего заработка.

При посаженной расплатѣ, замѣрщикъ, этотъ фаворитъ администраціи, «натягиваетъ» по вершку съ длины и ширины и этимъ путемъ обсчитываетъ рабочаго на десятки пудовъ. И ничтожный заработокъ углекопа еще болѣе уменьшается, доходя до жалкой суммы, еле достаточной, чтобы просуществовать. Какъ малъ этотъ заработокъ, можно убѣдиться на слѣдующемъ примѣрѣ.

Трудъ забойщика оплачивается лучше труда всѣхъ другихъ разрядовъ подземныхъ рабочихъ; между тѣмъ, сильный, опытный забойщикъ при хорошей платѣ не выработаетъ болѣе 1 р. 50 к. въ смѣну. Заработокъ-же средняго забойщика не превышаетъ обыкновенно 1 р. 20, 1 р. 25 коп. въ день. Считая въ мѣсяцъ 22 рабочихъ дня (264 раб. дня въ годъ), мы видимъ, что мѣсячный заработокъ забойщика равенъ 27 р. 50 коп. (1,25×22). Слѣдовательно, не болѣющій, не «прогуливающій» и не штрафуемый аристократъ подземнаго труда зарабатываетъ всего 27 р. 50 к. Но и эта цифра взята нами для момента высокой платы, времени «расцвѣта» горной промышленности, когда ощущалась нужда въ рабочихъ рукахъ, и потому послѣднія расцѣнивались сравнительно высоко. Въ настоящее-же время заработокъ стоитъ гораздо ниже: цѣлый рядъ изслѣдователей опредѣляетъ заработокъ забойщика въ 23—25 рублей въ мѣсяцъ.

Еще ниже расцѣнивается трудъ рабочихъ, занятыхъ на поверхности; ни въ одномъ разрядѣ онъ не превышаетъ 20 рублей, опускаясь до 7—8 рублей въ мѣсяцъ. Таковъ заработокъ малолѣтнихъ глейщиковъ, получающихъ 30—35 копѣекъ въ день.

Это ли — не безсовѣстная эксплуатація труда?

. . . . .

Работа въ каменноугольныхъ копяхъ, по самымъ своимъ условіямъ и характеру ея, чрезвычайно опасна: обвалы, взрывы, затопленія слишкомъ часто свидѣтельствуютъ объ этомъ.

И уже давно въ Западной Европѣ обращено самое серьезное вниманіе на эти несчастья, и предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы обезопасить работу. Бдительный надзоръ горной инспекціи, правильная прокладка шахтъ и правильное-же веденіе въ ней работъ значительно уменьшили число несчастій.

Къ сожалѣнію, ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ нельзя похвалиться у насъ. Возьмемъ послѣдній отчетный годъ (1902) и посмотримъ, сколько людей и отъ какихъ причинъ было убито и ранено на угольныхъ копяхъ.

	Умерло.	Поправ.	Всего.
При обращеніи со взрыв. матер. . .	18	74	92
Обвалы	93	1776	1869
Паденія въ выработку	23	106	129
Ушибы, обжоги т. д.	56	2743	2799
Отъ вредн. газовъ и испорч. воз. . .	77	27	104

Всего умерло рабочихъ—267, поправилось—4,726; на 105,688 рабочихъ—4,993 несчастныхъ случая! Почти пять процентовъ! Между тѣмъ, процентъ несчастныхъ случаевъ за тотъ же годъ во Франціи былъ раненъ всего двумъ.

Оффиціальный статистическій сборникъ *) сухо замѣчаетъ: «На каждую тысячу рабочихъ, занимавшихся на каменноугольныхъ копяхъ, приходилось убитыхъ 2,52 человѣка, а каждые добытые 3.764.045 пудовъ угля стоили одной человѣческой жизни».

Эту цитату слѣдуетъ пополнить: «обращеніе со взрывчатыми матеріалами», обвалы, паденія въ выработку, удушеніе газами, т. е. всѣ почти случаи несчастій происходятъ въ *шахтѣ*, слѣдовательно, надо считаться только съ *подземными* рабочими: тогда получится ужасающая цифра: 4993 несчастія при 76031 рабочемъ, или—6,7%! И, добавимъ, каждые 200 тысячъ пудовъ угля стоятъ одного искалѣченнаго,—«поправившагося», по оффиціальной терминологіи.

Конечно, подчасъ не въ волѣ рудничной администраціи предугадать и предупредить несчастья,—столь внезапны и, на первый взглядъ, безпричинны бываютъ послѣднія! Но все же огромное большинство несчастныхъ случаевъ должно быть отнесено на счетъ нераспорядительности и незнанія дѣла, скаредности и преступной небрежности шахтовладѣльцевъ и управляющихъ рудниками; посмотримъ же, въ чемъ выражаются эти скаредность, небрежность и пр.

Наше горное законодательство опредѣленно говоритъ, что при производствѣ подземныхъ работъ должно быть «особое лицо, отвѣтственное за веденіе разработки» (Собр. Узакон., 441, I, ст. 13). Это лицо «должно обладать необходимыми въ горномъ искусствѣ познаніями», каковыя «удостовѣряются дипломомъ на званіе горнаго инженера, аттестатомъ объ окончаніи курса въ горномъ училищѣ или горнозаводскомъ отдѣленіи промышленныхъ училищъ или свидѣтельствомъ о выдержаніи испытанія» въ особой коммиссіи (Собр. Узакон., 441, I, ст. 2 и 3). И далѣе, если разработка признана опасною, то хотя-бы она и состояла въ общемъ управленіи,—на каждомъ отдѣльномъ рудникѣ «долженъ быть особый отвѣтственный руководитель работъ» (Тамъ же, ст. 8).

Казалось бы, ясность приведенныхъ статей не подлежитъ сомнѣнію, и самыя статьи не могутъ быть истолкованы «по желанію». Между тѣмъ, въ періодъ «оживленія» горной промышленности,

*) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи" за 1902 г., стр. LX.

когда на Югѣ Россіи ощущался недостатокъ въ штейгерахъ и инженерахъ, получавшихъ министерскіе оклады, создался слѣдующій порядокъ вещей. Незначительныя предпріятія, желая съэкономить 200—250 рублей въ мѣсяцъ (жалованье завѣдывающихъ шахтой), —предпочитали обходиться «собственными средствами». Работы производились подъ наблюденіемъ опытнаго рабочаго—десятника, а «для закона» приглашался съ сосѣдняго рудника штейгеръ, который «бралъ отвѣтственность», т. е. получалъ нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ за подпись бумагъ, не заѣзжая въ «подвѣдомственную» шахту по недѣлямъ. Такой порядокъ былъ на руку предпринимателямъ, сокращавшимъ статью расхода, и штейгерамъ, принявшимъ на себя нѣсколько «отвѣтственностей».

Мудрено ли, что работы подъ руководствомъ десятниковъ приводили къ несчастьямъ, что десятки людей гибли и сотни превращались въ калѣкъ? И нужно-ли говорить, что «вѣрный планъ разработки и производство работъ такъ, чтобы онѣ не представляли опасности для жизни и здоровья рабочихъ», какъ говоритъ объ этомъ горное законодательство, были не мыслимы, находясь подъ руководствомъ малограмотныхъ десятниковъ?

Съ другой стороны, правительственные чиновники—окружные горные инженеры, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за правильнымъ исполненіемъ шахтовладѣльцами горныхъ законовъ, при всемъ своемъ желаніи, не могли-бы помочь дѣлу и услѣдить за всѣмъ. Горный округъ состоитъ изъ сотенъ шахтъ и шахтенокъ, десятковъ заводовъ, и на весь округъ всего лишь два человѣка: окружной инженеръ и его помощникъ. Конечно, физически невозможно справиться съ дѣломъ надзора, особенно, если принять во вниманіе, что на окружномъ горномъ инженерѣ лежитъ еще масса канцелярской работы, надзоръ за жилищами, улаженіе конфликтовъ между рабочими и предпринимателями, установленіе таксъ и т. д., и т. д...

Такимъ образомъ, по существу надзоръ за рудниками очень слабъ, и господа шахтовладѣльцы дѣлаютъ, что имъ угодно. Какъ русскіе, такъ и иностранные капиталисты, въ погонѣ за большимъ дивидендомъ, «экономятъ» на всемъ, укорачивая и съуживая галлереи, дѣлая подъемы крутыми, отвратительно вентилируя шахты,—вплоть до неправильнаго ихъ устройства. У всѣхъ еще въ памяти катастрофа на рудникѣ Успенскаго въ 1902 году. Гибель десятковъ людей взбудоражила весь Донецкій бассейнъ, заставивъ «начальство» приступить къ тщательному разслѣдованію причины несчастья. «Разслѣдованіемъ обнаружено»: водоотливныя и воздушныя машины никуда не годятся, шахта устроена неправильно и, наконецъ, она не имѣетъ... запаснаго выхода, отсутствіе котораго лишаетъ права производства работъ. Не произойди эта страшная катастрофа,—рудникъ продолжалъ бы работу и по сей день.

Въ погонѣ за сокращеніемъ расходовъ, «экономіей» на самомъ

необходимомъ, шахтовладѣльцы даютъ для крѣпленія забоевъ и галлерей тонкій и гнилой лѣсъ; онъ не въ состояніи противостоять давленію породы, и въ шахтахъ происходятъ обвалы... Рудничная администрація сваливаетъ, конечно, вину на самихъ рабочихъ, «этихъ животныхъ», которые и т. д.., и горной инспекціи приходится довольствоваться показаніями этой администраціи, такъ какъ главные свидѣтели—рабочіе уже погибли, «наказанные по заслугамъ», какъ намъ пришлось слышать изъ устъ нѣкоего администратора, импортированнаго изъ Бельгіи...

Какъ же обезпечены пострадавшіе отъ несчастныхъ случаевъ рабочіе и ихъ семьи? Вѣдь ежегодно число «поправившихся» и умершихъ достигаетъ солидной цифры? Посмотримъ же, какъ обстояло дѣло до 1903 года и какъ обстоитъ оно въ настоящее время.

До 1903 г., т. е. до изданія закона объ увѣчныхъ, положеніе послѣднихъ ничѣмъ не было регламентировано. Крупныя предпріятія страховали обыкновенно жизнь рабочихъ въ тысячекратную сумму ихъ дневного заработка. На мелкихъ же шахтахъ семьѣ убитаго или увѣчному предоставлялось взыскивать съ шахтовладѣльца искомую сумму. Но и семьямъ застрахованныхъ, погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, т. е. семьямъ рабочихъ крупныхъ предпріятій, страховыя общества не выдавали денегъ, предлагая обратиться къ помощи суда.

Начиналась волокита. Прежде всего нужно было установить, что несчастье произошло не по винѣ рабочаго. Это—очень трудная задача, ибо всегда, какъ шахтовладѣлецъ, такъ и страховое общество могутъ сослаться на вину углекопа:

— Курилъ, плохо крѣпилъ забой,—и т. д., и т. д...

Полицейскій протоколъ о несчастьѣ диктуется обыкновенно предпринимателемъ, но объ этомъ ниже, когда мы будемъ говорить о роли полиціи.

Только послѣ доказательства, что несчастье произошло не по винѣ рабочаго, судъ входилъ въ разсмотрѣніе вопроса, какую сумму причитается получить увѣчному. Принималась во вниманіе степень инвалидности, т. е. непригодности къ работѣ, заработная плата, количество времени, въ теченіе котораго рабочій пробылъ на рудникѣ, возрастъ истца и сотни другихъ обстоятельствъ.

Шли мѣсяцы, увѣчный голодалъ и въ большинствѣ случаевъ «мирился» на сотнѣ-другой, не доводя дѣла до суда, который вѣдь могъ въ искѣ и отказать.

Но три четверти увѣчныхъ попадали къ адвокатамъ по увѣчнымъ дѣламъ. Заключалось условіе, и ходатаю выдавалась довѣренность на веденіе дѣла. При заключеніи условія, «увѣчный» адвокатъ ссужалъ рабочему двадцать пять рублей «на содержаніе»;

черезъ мѣсяцъ давалъ еще нѣсколько рублей, не забывая, конечно, получить отъ рабочаго расписки... А когда деньги съ шахтовладѣльца взыскивались по суду, увѣчному представлялся счетъ, изъ котораго «явствовало», что съ рабочаго «причитается» адвокату получить: «за содержаніе», проценты на выданныя деньги, гонораръ за веденіе процесса, итого... сумму, превышающую взысканную съ шахтовладѣльца. По часто «увѣчный» адвокатъ входилъ съ предпринимателемъ или страховымъ обществомъ въ сдѣлку, выступая въ благородной роли посредника... Львиная доля получаемой по соглашенію суммы попадала, конечно, въ руки безсовѣстнаго адвоката, а рабочій получалъ гроши.

Законъ 2 іюня 1903 года «О вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» имѣетъ значеніе только принципіальное —признаніемъ за увѣчными и семьями убитыхъ *права* на обезпеченіе. Съ точки зрѣнія «права на обезпеченіе» и долженъ онъ разсматриваться. Фактически же дѣло обезпеченія инвалидовъ и семей пострадавшихъ осталось въ положеніи, бывшемъ и до изданія закона 2 іюня; такъ не ясно, скажемъ больше,—такъ двусмысленно формулированъ этотъ законъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—до іюньской новеллы рабочій всегда имѣлъ возможность взыскать съ промышленника извѣстную сумму, если только былъ въ состояніи доказать, что несчастье произошло не по его (рабочаго) винѣ. Въ противномъ случаѣ, искъ оказывался несостоятельнымъ. Іюньская новелла только узаконяетъ прежній порядокъ вещей, ибо она освобождаетъ промышленниковъ отъ матеріальной отвѣтственности, когда причиной несчастья «былъ злой умыселъ или грубая неосторожность потерпѣвшаго». Врядъ-ли, конечно, найдется хотя бы одинъ шахтовладѣлецъ въ европейской и азіятской Россіи, который бы взялся доказывать, что рабочему оторвало руки или размозжило черепъ по причинѣ «злого умысла» пострадавшаго. Нелѣпость первой части этой статьи закона 2 іюня слишкомъ очевидна. Но сильнымъ оружіемъ въ рукахъ углепромышленниковъ служитъ вторая часть—«грубая неосторожность».

Въ любомъ несчастномъ случаѣ можно доказать, что потерпѣвшій совершилъ «неосторожность». Нѣтъ, повторяемъ, такого несчастья, которое нельзя было-бы свести къ «неосторожности», какую-бы отрасль труда мы ни взяли. А разъ виной является «неосторожность», ее всегда можно квалифицировать, какъ «грубую», согласно оффиціальной терминологіи; степени «грубый» и «негрубый» очень трудно разграничить въ примѣненіи ихъ къ несчастнымъ случаямъ.

Наконецъ, кто является свѣдущимъ въ опредѣленіи причины, несчастья? Вѣдь главные,—и по большей части единственные— свидѣтели, соединяющіе въ своемъ лицѣ и «свѣдущихъ» экспер-

товъ это—тѣ-же хозяева и администраторы... И потому несчастье всегда оказывается происшедшимъ по причинѣ «грубой неосторожности» рабочихъ.

Такимъ образомъ, практическое значеніе закона 2 іюня 1903 г. ничтожно, и положеніе увѣчныхъ и семей убитыхъ осталось такимъ-же, какимъ было и до изданія закона.

По-прежнему увѣчный рабочій бьется въ крѣпкихъ рукахъ алчныхъ углепромышленниковъ, безсовѣстныхъ «увѣчныхъ» адвокатовъ и не торопящихся платить деньги страховыхъ обществъ.

. . . .

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію условій, въ какихъ живутъ углекопы, намъ придется указать на роль, которую играютъ въ быту углекоповъ полицейскія власти.

Рудники находятся вдали отъ городовъ и другихъ населенныхъ пунктовъ; основываются они въ степи и уже съ теченіемъ времени образуютъ совершенно самостоятельныя населенныя мѣста. Такимъ образомъ, «надзоръ за поведеніемъ» рабочихъ со стороны властей сосѣднихъ городовъ не можетъ быть достаточно «бдительнымъ». А такъ какъ «искорененіе», «пресѣченіе» и «предупрежденіе» являются необходимыми условіями русской жизни и не могутъ обойтись безъ полиціи; такъ какъ администрація рудниковъ нуждается въ той-же полиціи для «успокоенія» углекоповъ, которые волнуются изъ-за такихъ пустяковъ, какъ обсчетъ или обмѣръ,—то правительство не замедлило милостиво даровать горнопромышленнымъ предпріятіямъ полицію.

«Расцвѣтъ» промышленности, въ частности горной,—ознаменовался основаніемъ многихъ поселковъ, и отъ правительства требовалась большая сумма на содержаніе полиціи.. Государственная шкатулка была по обыкновенію пуста, и правительство вступило съ промышленниками въ переговоры, закончившіеся къ общему удовольствію. Промышленникамъ было на-руку имѣть подчиненную имъ полицію, правительству было на-руку избавиться отъ расхода.

Результатомъ этого соглашенія, союза плети и рубля, явилось слѣдующее постановленіе: «Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется разрѣшать ходатайства общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ объ учрежденіи должностей исполнительныхъ полицейскихъ чиновниковъ внѣ городскихъ поселеній, съ возмѣщеніемъ на счетъ упомянутыхъ учрежденій, обществъ и лицъ издержекъ казны по содержанію такихъ должностей» (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г., стр. 642).

Затѣмъ появляется цѣлый рядъ «разъясненій» въ родѣ февральскаго 1899 года: «Отводъ земли или наемъ квартиръ съ отопленіемъ и освященіемъ для чиновъ фабрично-заводской полиціи возложить на обязанность подлежащихъ владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и горныхъ промысловъ». Всѣ расходы по содержанію (вплоть до прокорма) поли-

ція возлагаются на промышленниковъ; послѣдніе, помимо «извѣстныхъ», платили полиціи еще «неизвѣстныя» суммы: «въ награду», «на праздники», «за усердіе», «за распорядительность» и т. д. И не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ вся фабрично-заводская полиція оказалась въ полномъ подчиненіи у промышленниковъ. Зависимая въ матеріальномъ отношеніи отъ капиталистовъ, дорожащая доходнымъ мѣстомъ, знающая, что вліятельному промышленнику ничего не стоитъ избавиться отъ «неудобнаго» для него полицейанта,—полиція превратилась въ слугу «хозяина», въ угоду которому совершаетъ одно преступленіе за другимъ.

Достаточно рабочему намекнуть о прибавкѣ жалованья, нагрубить инженеру, наконецъ,—просто не понравиться,—какъ его выгоняютъ: полицейскому урядику (или надзирателю) «сообщаютъ», и онъ «выпроваживаетъ» углекопа. «Въ доброе, старое время», да, думаемъ, и теперь тоже, урядникъ выгонялъ рабочаго съ рудника въ одинъ день.

Если у рабочаго просроченъ паспортъ, а новый еще не «выправленъ», урядникъ, буде онъ получилъ инструкцію «избавиться», приглашаетъ къ себѣ углекопа,—начинается приблизительно такого рода бесѣда:

— Что-жъ это ты, с. с., по просроченному живешь!

— Не выправилъ еще, ваше благородіе, двѣ недѣли назадъ писалъ въ волость...

— Немедленно убирайся отсюда, чтобы не видѣлъ я тебя больше!

— Помилуйте, ваше благородіе... День-два погодите, отецъ старается...

— Ты еще разговаривать?! Сгною!...

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько «дружескихъ» пинковъ, матерная брань и энергичное: «Сейчасъ выѣхать!».

Можете быть увѣренными,—чрезъ нѣсколько часовъ углекопъ ѣдетъ уже «на родину»

Такого рода заявленіе очень выгодно для шахтовладѣльца, т. к. оно происходитъ «по предписанію» полицейскихъ властей, слѣдовательно, не влечетъ уплаты рабочему его двухнедѣльнаго заработка.

Промышленникъ умываетъ руки.

«Политику» вырываютъ на рудникахъ съ корнемъ. Горе рабочему, читающему газету! Царь и богъ рудника—полицейскій урядникъ усматриваетъ въ этомъ «крамолу» и засаживаетъ въ тюрьму.

И этотъ мелкій чиновникъ, состоящій на жалованьи у рудника, составляетъ протоколы о несчастныхъ случаяхъ, даетъ показанія на судѣ и окружному горному инженеру, рапортуетъ по начальству о всѣхъ событіяхъ рудничной жизни и даже можетъ вызвать на промыселъ войска... Огромная власть въ рукахъ ничтожнаго чело-

вѣка! Ниже мы будемъ говорить, какъ ею пользуются при разрѣшеніи, напримѣръ, квартирнаго вопроса.

Перейдемъ теперь къ послѣднему.

И въ Западной Европѣ однимъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ въ жизни рабочихъ является вопросъ жилищный. Но въ Россіи этотъ вопросъ осложняется еще чисто-русскими, нашими «отечествеными» причинами. Особенно остро поставленъ жилищный вопросъ въ каменноугольныхъ копяхъ.

Находясь вдали отъ населенныхъ пунктовъ, рудники, такъ сказать, не пускаютъ рабочихъ отъ себя, принуждая ихъ жить на шахтахъ. Послѣднія находятся на землѣ, или принадлежащей шахтовладѣльцамъ, или арендуемой ими долгосрочно. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ фактическими обладателями какъ нѣдръ, такъ и поверхности земли являются углепромышленники, и потому возведеніе на рудничной землѣ построекъ возможно лишь съ согласія администраціи предпріятія. Разрѣшая возведеніе построекъ подъ торговыя помѣщенія и квартиры для торговцевъ шахтовладѣльцы никогда не разрѣшаютъ частнымъ лицамъ строить жилища для рабочихъ: въ квартирномъ вопросѣ рудники не допускаютъ конкуренціи съ собой. Тѣмъ самымъ шахта закабаляетъ рабочаго и лишаетъ его возможности вести борьбу съ эксплуатаціей и безправіемъ.

На мелкихъ предпріятіяхъ рабочіе живутъ въ ужасныхъ помѣщеніяхъ, вырытыхъ прямо въ землѣ, тѣсныхъ, сырыхъ, вонючихъ, гдѣ спятъ вповалку и заражаютъ другъ-друга накожными болѣзнями, сифилисомъ, чахоткой.

На крупныхъ рудникахъ дѣло обстоитъ нѣсколько лучше. Для холостыхъ рабочихъ устраиваютъ такъ называемыя казармы, огромныя зданія коридорной системы: изъ корридора, раздѣляющаго каждый этажъ на двѣ симметричныя части, ведутъ двери въ отдѣльныя комнаты. «Постановленію 4 іюля 1894 года о мѣрахъ охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ, кромѣ соляныхъ»,—комнаты эти удовлетворяютъ, т. е. имѣютъ опредѣленный объемъ въ $1^1/_2$ куб. саж. Но никогда не вентилируемыя, узкія, непомѣрно высокія, загаженныя плевками, окурками, не подметаемыя, пропитанныя запахомъ угольной копоти, специфическаго запаха отъ углекопа,—эти комнаты-клѣтки поражаютъ своей грязью и нестерпимой вонью. Рабочему, утомленному двѣнадцатичасовой каторжной работой, положительно нѣтъ времени заняться уборкой комнаты: изнуренный, онъ возвращаясь съ работы, бросается на кровать и засыпаетъ тяжелымъ сномъ. Рудничныя-же поломойки успѣваютъ вымыть полъ комнаты лишь разъ въ двѣ недѣли.

Но еще хуже квартиры семейныхъ рабочихъ. Согласно цита-

рованному выше постановленію 4 іюля 1894 года, полагается на квартиру «не менѣе 3 куб. саж. на семью, состоящую не болѣе, какъ изъ двухъ взрослыхъ членовъ и двухъ дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста; для семей же большаго состава—по разсчету увеличивая на 1 куб. саж. содержаніе воздуха на каждаго взрослаго и на каждыхъ двухъ дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста».

§ 3 этого постановленія гласитъ: «Подвальныя помѣщенія и землянки должны быть уничтожены въ теченіе двухъ лѣтъ по вступленіи въ силу настоящихъ обязательныхъ постановленій». Съ тѣхъ поръ прошло уже двѣнадцать лѣтъ, а землянки существуютъ и до сихъ поръ во всемъ Донецкомъ бассейнѣ. И не только существуютъ, но такъ малы, что совершенно не удовлетворяютъ постановленію 4 іюля о количествѣ необходимаго воздуха.

«Землянки»—это маленькіе дома, на треть и больше уходящіе въ землю, съ земляными полами (опять-таки вопреки пункту 5 постановленія 4 іюля 1894 г.), не оштукатуренными стѣнами, сырыя, темныя, низкія, объемомъ въ 5—5$^1/_2$ куб. саж. Въ этомъ помѣщеніи живутъ семьи, состоящія сплошь и рядомъ изъ 7—8 человѣкъ. Если исключить пространство, занимаемое печью и «мебелью», врядъ ли объемъ комнаты превыситъ 4 куб. саж.

Блохи, мокрицы, тараканы вылѣзаютъ изъ половъ, стѣнъ, потолка, убійственная вонь изъ примитивно-устроенныхъ, находящихся въ десяти шагахъ отхожихъ мѣстъ вызываютъ у свѣжаго человѣка головокруженіе.

А тутъ еще этотъ отвратительный дымъ! Рудники предоставляютъ рабочимъ уголь безплатно. Рабочій—человѣкъ простой, ему все можно ѣсть, пить, всякой гадостью дышать; поэтому рабочимъ и даютъ «невыбранный» уголь, т. е. не очищенный отъ примѣси сѣры, кварца, земли, мѣла. Печи въ землянкахъ устроены такъ плохо, что дымъ не выходитъ черезъ трубу наружу, а наполняетъ комнату удушливый, вредный дымъ, которымъ приходится дышать дѣтямъ!

Въ такой-то «квартирѣ» живетъ человѣкъ, работающій 12 часовъ въ сутки, вдыхающій тамъ, подъ землей, копоть масляныхъ лампочекъ и угля.

И не хочется вѣрить,—а между тѣмъ это такъ!—отвратительное, хуже свиного хлѣва, жилище прикрѣпляетъ семейнаго углекопа къ шахтѣ. Вѣдь «квартира»—собственность рудника, предоставившаго ее въ безплатное пользованіе углекопа *на время работъ.* Разсчитывается шахтеръ,—онъ долженъ немедленно оставить землянку. Съ какой стати рудникъ будетъ давать безплатное помѣщеніе не работающимъ на ней людямъ?

И какъ бы ни было ничтожно жалованье семейнаго рабочаго, какъ бы его ни обсчитывали, ни обманывали,—онъ долженъ терпѣть, особенно въ зимнее время. Куда дѣться съ семьей? Не ночевать вѣдь съ женой и дѣтьми на улицѣ въ пятнадцати-градусный морозъ!

И рабочій терпитъ. Ибо, какъ только онъ «нагрубитъ», такъ немедленно получаетъ разсчетъ, а черезъ нѣсколько часовъ является урядникъ и приказываютъ очистить квартиру.

Когда расцвѣтъ горной промышленности закончился на югѣ полнымъ ея крахомъ, тысячи углекоповъ остались безъ работы.

Лопались заводы, пріостанавливалась работа на шахтахъ, рабочій людъ выбрасывался на улицу. Быстро, въ нѣсколько недѣль, въ Донецкомъ бассейнѣ образовалась армія безработныхъ. Рудничная администрація и полицейскія власти опасались безпорядковъ. Шахтовладѣльцы, кромѣ того, рѣшили избавиться отъ расхода по отопленію и ремонту занятыхъ безработными землянокъ.

Написали «въ губернію», оттуда по начальству доложили въ Петербургъ. На рудникахъ появились казаки, и начались «маленькія недоразумѣнія». Но затѣмъ правительство рѣшило избавить горнопромышленниковъ отъ голодныхъ людей и голоднаго бунта, который могъ возникнуть. И вышла «милость»: рабочихъ было приказано отправить на родину, туда, гдѣ и безъ нихъ умираютъ съ голоду. И довезти «безплатно»...

Голодныхъ, потерявшихъ силы и здоровье людей, усаживали въ вагоны. На платформахъ станцій, въ видѣ почетнаго караула, присутствовали казаки и полицейскіе...

Свистѣла сирена паровоза, грохотъ колесъ смѣшивался съ плачемъ и причитаніями женщинъ. Мрачная фигура углекопа грозила кому-то кулакомъ... Но поѣздъ скрывался. Отъѣздъ «на родину» прошелъ благополучно...

А въ это время служащіе рудника обходили опустѣвшія землянки и привѣшивали къ дверямъ замки...

Много горя и хлопотъ доставляетъ рабочимъ каменноугольныхъ копей и вопросъ о пищевомъ довольствіи.

На мелкихъ рудникахъ предприниматель лично торгуетъ всѣмъ необходимымъ. Рабочіе забираютъ товаръ «на книжку» по очень высокимъ цѣнамъ, а когда наступаетъ день мѣсячной или двухнедѣльной расплаты,—рабочій ничего не получаетъ, но еще сплошь и рядомъ остается должникомъ шахтовладѣльца. Законодательство наше ничего не можетъ подѣлать съ хищниками-предпринимателями, и послѣдніе обираютъ углекоповъ до нитки.

На крупныхъ рудникахъ эксплуатація рабочихъ лавками нѣсколько слабѣе. Многія предпріятія имѣютъ такъ называемые «продовольственные» магазины, гдѣ можно пріобрѣсти предметы потребленія и вещи первой необходимости, каковы: платье, обувь, мебель и проч.,—до нѣкоторой степени универсальные магазины.

Ст. 107—121 уст. промышленности требуютъ, чтобы на «предметы потребленія въ устраиваемыхъ заводскими и промысловыми управленіями лавкахъ цѣны были» не выше. утверждаемыхъ окруж

ными инженерами. Такимъ образомъ, на послѣднихъ (см. ст. 140, 141, 147 Уст. Пром., изд. 1893 г.) и ихъ помощниковъ возлагается «разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ». Окружные горные инженеры утверждаютъ таксы, но, будучи въ состояніи слѣдить за соблюденіемъ ихъ, ничѣмъ не могу избавить углекоповъ отъ обирательства лавокъ. Таксу всегда очень легко обойти, не нарушая формы. Напримѣръ, пусть въ таксѣ обозначено: «фунтъ бѣлаго хлѣба перваго сорта—четыре копѣйки». Никоимъ образомъ нельзя опредѣлить, что надо понимать подъ *бѣлымъ* хлѣбомъ; тутъ чисто субъективная оцѣнка. Далѣе—что такое, напримѣръ, «мясо перваго сорта»? Оцѣнка *качества* большинства предметовъ также не поддается объективному опредѣленію. И потому часто «бѣлый» хлѣбъ замѣняется сыроватой мякиной, а «первый сортъ» мяса имѣетъ подозрительный темный цвѣтъ и нѣсколько «странный» запахъ.

Можно и повысить цѣны на продукты, не обходя таксы. Позволяемъ себѣ привести примѣръ изъ ряда нарушеній таксы; его намъ пришлось наблюдать лично. Въ таксѣ было сказано: «Пачка (десять коробокъ) шведскихъ спичекъ—восемь коп.» Лавка не отпускала пачекъ, приходилось брать коробками по копѣйкѣ каждая: восемь коробокъ—восемь копѣекъ.

—А пачками не продаемъ, мало осталось спичекъ,—заявляли покупавшимъ.

Живущій не на рудникѣ, надзирающій за десятками предпріятій, окружной горный инженеръ лишенъ возможности услѣдить за всѣми нарушеніями таксы, изобрѣтаемыми хитроумными предпринимателями.

Рабочій, конечно, можетъ обратиться къ «окружному» съ жалобой на обирательство. Но всегда онъ окажется въ проигрышѣ. Предприниматель оправдается, а жалобщикъ немедленно будетъ представленъ къ разсчету и въ 24 часа изгнанъ, какъ дерзкій и бунтующій противъ власти. Остается, значитъ, терпѣть.

Что касается частныхъ лицъ, занимающихся на рудникахъ торговлей, — они поставлены въ условія, лишающія ихъ возможности конкуррировать съ рудничными лавками. Мы уже говорили, что администрація рудника, воспрещая частнымъ лицамъ постройку домовъ, квартиръ для рабочихъ, преслѣдуетъ этимъ запрещеніемъ цѣль—прикрѣпить углекоповъ къ руднику жилищемъ.

Той же политики придерживаются шахтовладѣльцы и въ вопросѣ продовольственномъ.

Всѣ сооруженія, возводимыя частными лицами на землѣ рудника, по истеченіи опредѣленнаго срока, переходятъ въ собственность предпріятія. Домъ, воздвигаемый подъ торговлю и квартиру для купца, долженъ, напримѣръ, перейти къ предпріятію черезъ двадцать лѣтъ, при чемъ постройка его обошлась въ 5,000 рублей. Слѣдовательно, ежегодно торговецъ уплачиваетъ руднику 250 руб. Эта сумма — представляетъ изъ себя какъ бы рентную сумму. Но

затѣмъ существуетъ и аренда, очень высокая, доходящая до тысячи рублей въ годъ. Такимъ образомъ, уплачивая руднику ежегодно огромную сумму, торговецъ волей-неволей долженъ продавать товаръ дороже рудничной лавки на 3, 4, 5, 10%—въ зависимости отъ годового оборота.

Конечно, за наличныя деньги или въ кредитъ на опредѣленную сумму углекопы берутъ изъ рудничныхъ лавокъ. Но, когда изсякаютъ деньги и кредитъ въ послѣднихъ, приходится обратиться къ частному торговцу, охотно отпускающему «на книжку».

А такъ какъ денегъ у углекопа почти никогда нѣтъ, такъ какъ кредитъ его въ рудничной лавкѣ ничтоженъ, —онъ всегда имѣетъ дѣло съ торговцемъ, обирающимъ своего кліента до нитки. Таковъ процессъ закупки углекопами пищевого довольствія и всѣхъ необходимыхъ вещей. Между тѣмъ, тяжелая работа требуетъ хорошаго питанія, которое могло бы возмѣстить трату организма.

Посмотримъ, сколько приходится затрагить на пищу холостому рабочему. Прежде всего воспользуемся оффиціальными разъясненіями на этотъ счетъ. Относительно питанія углекоповъ наше законодательство ничего не говоритъ, но оно регламентируетъ количество пищи для рабочихъ золотыхъ промысловъ,—рабочихъ приблизительно одного характера работъ съ углекопами. Постановленіями 16 — 23 февраля 1896 г. «О пищевомъ довольствіи рабочихъ, получающихъ по условіямъ найма пищу отъ нанимателя» для золотыхъ и платиновыхъ промысловъ полагается:

В ъ м ѣ с я ц ъ:

Муки ржаной 1 п. 35 ф. по 90 к. п. *)	1 р. 69 к.
Муки пшеничной 10 фунтовъ по 4 к. ф.	— р. 40 к.
Крупы 15 фунтовъ по 5 к. ф.	— р. 75 к.
Масла коровьяго 1 фунтъ по 35 к. ф.	— р. 35 к.
Сала скотскаго (топлен.) 1 ф. по 20 к. ф.	р. 20 к.
Соли 3 фунта по $1^1/_2$ к. ф.	— р. $4^1/_2$ к.
Чая кирпичнаго не менѣе 60 зол.	— р. 40 к.
Всего	3 р. $83^1/_2$ к.

Въ день. Мяса свѣжаго (или соленаго **)	
въ зимніе мѣс. $1^1/_4$ ф.	21 к.
въ лѣтніе мѣс. $1^1/_2$ ф.	24 к.

Если даже считать круглый годъ только по $1^1/_4$ ф. на человѣка,—то ежемѣсячный расходъ на мясо равенъ 21×30=6 р. 30 к.; всего, слѣдовательно, законодательство наше исчисляетъ мѣсячный расходъ горнаго рабочаго на ѣду равнымъ 3 р. $83^1/_2$ к. + 6 р. 30 коп. = 10 руб. 13 коп. Сюда надо добавить еще расходъ на сахаръ (2 ф.

*) Беремъ цѣны, существующія на эти предметы въ Донецкомъ бассейнѣ.

**) На югѣ, въ Донецкомъ бассейнѣ соленое мясо углекопами не потребляется.

по 16 коп.) = 32 коп. Итого мѣсячный расходъ на пищу равенъ 10 руб. 45 коп.

Таковы въ дѣйствительности издержки углекопа на ѣду.

Г. Пажитновъ *) принимаетъ минимальную трату углекопа, живущаго въ артели, въ:

	8 р. 20 к.
1/4 ф. чая	— р. 50 к.
Сахаръ	— р. 74 к.
Итого	9 р. 44 к.

Въ эту же сумму—отъ 9 до 10 рублей въ мѣсяцъ—оцѣниваетъ расходъ углекопа на пищу и г. Мехмандаровъ **). И, дѣйствительно, какъ данныя изслѣдователей, такъ и личные разспросы углекоповъ пишущимъ эти строки свидѣтельствуютъ, что «столовники», «нахлѣбники» платятъ за столъ 9—12 руб. въ мѣсяцъ.

Теперь посмотримъ, сколько надо тратить въ мѣсяцъ на ѣду семейнымъ углекопамъ.

Принимая во вниманіе среднюю семью, т. е. состоящую изъ 5 человѣкъ (мужъ, жена, трое дѣтей), расходъ на пищу выразится суммой ***):

Рабочій	7 р. 25 к.
Жена его	5 р. 45 к.
3 дѣтей	12 р. — к.
Итого	24 р. 70 к.

Итакъ, далекое отъ изобилія питаніе должно обходится семейному углекопу въ 24 — 25 р. Въ отдѣлѣ о заработной платѣ мы указывали, что наилучше оплачиваемый трудъ забойщика не превосходитъ 23 — 25 р. Такимъ образомъ, весь заработокъ долженъ расходоваться на пищу!

А вѣдь еще нужно одѣться, обуться, покупать массу необходимыхъ въ хозяйствѣ вещей...

Предлагаемъ читателю представить себѣ положеніе коногона стволового, рукоятчика, откатчика, имѣющихъ семью изъ 6 — 7 душъ и получающихъ двадцатирублевое жалованіе!

Нужно ли говорить, что углекопы, стараясь свести концы съ концами, прежде всего экономятъ на пищѣ, другими словами,— вѣчно не доѣдаютъ.

Это-то хроническое недоѣданіе, отвратительныя жилища, тяже-

*) К. А. Пажитновъ, «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», книгоизд. «Новый Міръ», 1906 г.

**) В. А. Мехмандаровъ, «Заболѣваемость рабочихъ на Югѣ Россіи». «Вѣстникъ Фабричнаго Законод. профессіон. гигіены», 1905 г., № 2.

***) Мы считаемъ, что семьѣ продукты и ихъ приготовленіе обходятся дешевле на 15%. Далѣе считаемъ потребленіе пищи женщиной равнымъ 3/4 мужского потребленія, дѣтей—въ зависимости отъ возраста.

лая работа, вдыханіе угольной копоти, чада лампочекъ, нестерпимая жара — всѣ эти многочисленныя причины тяжело отражаются на здоровьи углекоповъ.

Большинство рабочихъ страдаетъ эмфиземой и соединительнотканнымъ воспаленіемъ легкихъ, бронхитомъ, глазными болѣзнями, и всѣ поголовно—ревматизмомъ.

Проработавшій нѣсколько лѣтъ въ шахтѣ превращается въ старика, слабосильнаго, не пригоднаго ни къ какой работѣ,—полнаго инвалида. Рудничныя больницы биткомъ набиты страдающими вышеперечисленными болѣзнями и раненными.

Всасывая здоровье, силу и молодость, шахта выбрасываетъ остатки сильныхъ недавно людей. Она пожираетъ людей, какъ Минотавръ, и требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ: алтарь всемогущаго капитала вѣдь такъ нуждается въ людской крови!

Тяжелыя, подчасъ невыносимыя правовыя и экономическія условія, въ которыя поставлены углекопы, должны бы были, казалось, двинуть массы углекоповъ на борьбу съ полицейскимъ строемъ и хозяйскими притѣсненіями.

И дѣйствительно, уже съ давнихъ временъ въ старѣйшей горнозаводской мѣстности на Уралѣ рабочіе цѣлымъ рядомъ «бунтовъ» показали, что жизнь ихъ невыносима, и что только борьбой они могутъ добыть себѣ права.

Происходили волненія и въ Домбровскомъ, и въ Московскомъ, и въ Донецкомъ бассейнахъ, но всегда они носили характеръ стихійный и начинались «безъ плана», безъ подготовки, такъ какъ ни въ профессіональные союзы, ни, тѣмъ паче, въ партійныя организаціи рабочіе не соединены.

Отсутствіе профессіональныхъ союзовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что на Уралѣ и въ Донецкомъ бассейнѣ почти не существуетъ кадра профессіональныхъ углекоповъ. Въ Донецкомъ, напримѣръ, бассейнѣ, гдѣ добывается $65^0/_0$ общаго количества угля и гдѣ занято $75^0/_0$ общаго числа углекоповъ Россіи, кадры шахтеровъ состоятъ изъ крестьянъ центральныхъ губерній.

«Дома», «въ Рассеѣ»—земли нѣтъ. Неурожай — обычное явленіе. Голодъ и безземелье гонитъ на Донъ и на Кубань тысячи человѣкъ. Эта безконечная вереница голодныхъ людей направляется на Югъ въ глубокой увѣренности, что «тамъ» на всѣхъ хватитъ полевыхъ работъ.

Но «тамъ» и своихъ безземельныхъ, голодающихъ достаточное число. Да и слишкомъ велика «бродячая Русь»...

И вотъ начинается «отходъ». Многіе изъ заработавшихъ ничтожную сумму на сельско-хозяйственныхъ работахъ или не получившіе никакой работы, промаявшись лѣто, идутъ домой. По до-

рогѣ они застряваютъ на рудникахъ и тамъ осаживаются на четыре-пять мѣсяцевъ (октябрь—февраль).

Съ наступленіемъ весны, т. е. съ началомъ марта, большинство этихъ временныхъ углекоповъ бросаетъ рудники и длинной вереницей тянется на югъ и востокъ.

Другіе, успѣвъ цѣной лишеній и голодовокъ скопить нѣсколько десятковъ рублей,—уходятъ домой, «въ Рассею».

Такимъ образомъ, осѣдлыхъ углекоповъ въ Донецкомъ бассейнѣ почти нѣтъ. На это указываютъ и изслѣдователи послѣдняго времени. Г. Пажитновъ, говоря о «подвижности» рудничныхъ рабочихъ, приводитъ слѣдующій фактъ: на Кальміусо-Богодуховскихъ копяхъ «на 1,500 мѣстъ въ теченіе 1901 года уволилось 3,683 и вновь принято 3,549 человѣкъ» *).

Тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что «въ лѣтнее время большинство изъ нихъ (углекоповъ) уходили на полевыя работы» **), такъ какъ «почти весь составъ рабочихъ на копяхъ Донецкаго бассейна состоитъ изъ пришлыхъ рабочихъ-крестьянъ центральныхъ губерній» ***).

Что углекопы юга по большей части—крестьяне, уходящіе лѣтомъ на полевыя работы, можно заключить изъ того факта, что въ лѣтніе мѣсяцы, въ цѣляхъ обезпечить себя рабочими, шахтовладѣльцы повышаютъ заработную плату на 10—15°/₀. Она понижается въ осенніе и зимніе мѣсяцы.

Наконецъ, мы приведемъ статистическія данныя о сравнительной продуктивности труда углекоповъ Донецкаго и Домбровскаго бассейновъ; въ послѣднемъ углекопы—профессіоналы.

въ 1902 г. добыто угля	въ Донецкомъ бассейнѣ	—671 000 тыс. пуд.
	„ Домбровскомъ „	—259.270 „ „
въ 1902 г. было занято въ подземныхъ работахъ	въ Донецкомъ бассейнѣ	—54.229 чел.
	„ Домбровскомъ „	—12.375 „

Слѣдовательно, на одного подземнаго рабочаго приходилось добытаго угля:

въ Донецкомъ бассейнѣ—12 355 пудовъ.
„ Домбровскомъ „ —20.947 „

Принимая во вниманіе, что въ копяхъ Царства Польскаго рабочихъ дней больше, чѣмъ въ Россіи, на 10°/₀, все же остается избытокъ въ 67°/₀. Эти 67°/₀ излишней, по сравненію съ трудомъ углекопа юга, продуктивности работы шахтера Домбровскаго бассейна должны относиться за счетъ его опытности, являющейся результатомъ *постоянной* профессіональной работы (на углекопа Франціи приходится въ годъ свыше четырехъ тоннъ, углекопа Англіи—375—400 тоннъ и т. д.).

*) К. А. Пажитновъ. „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, стр. 251.
**) Ibidem. 252.
***) Ibid., 251.

Если мы такъ подробно остановились на вопросѣ, профессіональные или временные рабочіе-углекопы Россіи, то только съ цѣлью разсѣять существующее еще у нѣкоторыхъ мнѣніе, что углекопы, занятые въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, не могутъ не быть профессіональными, если можно такъ выразиться, пролетаріями.

Итакъ, шахтеры юга и отчасти Урала—пришлые крестьяне. Естественно, что они смотрятъ на свою работу, какъ на временную, не имѣютъ въ виду прочно основаться на рудникахъ, не имѣютъ, слѣдовательно, и тѣхъ *постоянныхъ*, однородныхъ интересовъ, которые являются цементомъ, сплачивающимъ трудящіяся массы.

Но, помимо этой причины, профессіональные союзы не могли образоваться вслѣдствіе полицейскихъ притѣсненій. Если рабочій преслѣдуется за чтеніе газетъ, если полицейскій урядникъ можетъ сгноить въ тюрьмѣ за «дерзость»,—кто будетъ помышлять объ организаціи профессіональнаго союза,—«незаконнаго сообщества»!

Почти немыслимо было проникнуть къ углекопамъ и членамъ соціалистическихъ партій: они «излавливались», не успѣвъ ничего сдѣлать.

Были еще причины, лишавшія рабочихъ возможности вести планомѣрную борьбу со своими притѣснителями. Таковы: боязнь лишиться квартиры и быть выброшеннымъ на улицу; опасеніе конкурренціи со стороны «тамбовцевъ», «пензенцевъ», «рязанцевъ» въ зимніе мѣсяцы, когда администрація рудника можетъ достать за безцѣнокъ любое количество рабочихъ рукъ; длинный рабочій день: до книжки ли и бесѣдъ, когда человѣкъ утомленъ и мечтаетъ только о снѣ?—И, наконецъ, невѣжество, полная тьма, въ которой прозябали крестьяне до послѣдняго времени.

Таковы главнѣйшія причины.

Но, повторяемъ, не надо думать, что такъ-таки все шло «тихо и благородно» въ царствѣ угля. Нѣтъ! То на одномъ, то на другомъ рудникѣ вспыхивали безпорядки, стихійные, дикіе, выливавшіеся въ форму грабежей, пожаровъ, убійствъ.

Масса углекоповъ—темная, неразвитая, не умѣла обобщать фактовъ и явленій. Такого-то начальника не любили за грубость и жестокость, такого-то за мошенничество, такого-то за «обсчетъ», «обмѣръ», «обвѣсъ»... Ненавидѣли такимъ образомъ опредѣленное лицо. Но понять, что эти наглые, развратные, вороватые «хозяева», «начальники» и чины полиціи созданы общими условіями, поддерживающими порядки и въ копяхъ,—углекопы не умѣли.

Существовала лишь одна общая ненависть, ненависть глубокая, какой только можетъ быть ненависть къ шахтѣ, этому темному, свирѣпому чудовищу, убивавшему и калѣчившему людей, поглощавшему здоровыхъ, выбрасывавшему мертвыхъ или ревматиковъ, чахоточныхъ, слѣпыхъ, безногихъ...

Въ праздничные дни шахтеръ «гулялъ»: пилъ, сквернословилъ,

дрался и въ дракѣ, по пустому поводу, всаживалъ товарищу ножъ въ бокъ.

Это былъ разгулъ людей, которымъ хочется хоть на часъ забыть о той жизни, въ которой они прозябаютъ. Шесть дней углекопъ работалъ и терпѣлъ, седьмой—пилъ и дрался.

Но, когда чаша терпѣнія переполнялась, когда обмѣръ, обсчетъ жестокое обращеніе до краевъ наполняли сердце жаждой мести,—она начиналась, эта страшная месть...

Затоплялись шахты, сжигались надшахтныя зданія, дома нелюбимыхъ начальниковъ и хозяевъ,—и толпа, измученная, доведенная страданіями до звѣрства, предавала разрушенію все, что могла...

За долгіе мѣсяцы мукъ, за море оскорбленій она метила, наслаждаясь испугомъ и страданіями насильниковъ...

А потомъ являлись войска...

Начиналась звѣрская расправа... Людей засѣкали плетьми, перебивали ребра ружейными прикладами, разстрѣливали...

И еще черезъ недѣлю, когда отливалась вода и все приводилось въ порядокъ,—рудникъ принималъ обычный видъ: подъ землей гремѣли кирки, пыхтѣли машины, неслся свистъ, гудѣла брань, а «на поверхности» шли обмѣръ, обвѣсъ, обсчетъ...

По прежнему обваливались забои, гибли люди... И по прежнему въ сердцахъ черныхъ отъ копоти людей накоплялась жажда мести...

Такого рода мѣстныя волненія уже много лѣтъ охватываютъ отдѣльныя мѣста Донецкаго бассейна, Московскаго и Урала.

Послѣдніе годы измѣнили характеръ волненій: широкимъ потокомъ хлынули на рудники газеты, листки, брошюры, появились новые люди и говорили новыя слова, простыя и всѣмъ понятныя. Углекопы очнулись, раскрыли глаза, уяснили себѣ «сущность» вещей и вступили въ борьбу со своими притѣснителями.

Мы закончимъ настоящій очеркъ описаніемъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Донецкомъ бассейнѣ прошлой осенью.

Агитація и пропаганда обѣихъ соціалистическихъ партій, чтеніе газетъ и брошюръ, атмосфера, насыщенная разговорами на тему: «такъ больше жить нельзя»—все это создало на югѣ боевое настроеніе. Съ мая 1905 года на рудникахъ и заводахъ, въ деревняхъ и селахъ Донецкаго бассейна начинаются митинги, на которыхъ присутствуютъ тысячи рабочихъ и крестьянъ.

Въ октябрѣ мы уже видимъ ихъ въ роли дѣйствующихъ лицъ въ борьбѣ. Въ Донецкомъ бассейнѣ мѣстныя и областныя организаціи блестяще провели забастовку, въ которыхъ участвовали рабочіе всѣхъ предпріятій.

Дождавшись «конституціи», углекопы (впрочемъ,—только ли одни углекопы?) были убѣждены, что всему полицейско-обирательскому строю положенъ конецъ.

Послѣдующія событія излѣчили углекоповъ отъ излишней до-

вѣрчивости, и начавшіяся репрессіи вызвали среди горнорабочихъ и крестьянъ Донецкаго бассейна вооруженное возстаніе...

Начался подготовительный періодъ: въ заводскихъ и рудничныхъ поселкахъ шли митинги; желѣзнодорожныя депо, рудники и заводы избрали совѣты рабочихъ депутатовъ, и стачечные комитеты, поѣзда, разукрашенные красными флагами, перевозили отъ одной станціи къ другой делегатовъ и ораторовъ. Подъ пѣніе марсельезы, подъ громкое «ура» тысячной толпы, проходили шествія на заводы и рудники.

Цѣлыми деревнями на митинги являлись крестьяне, приводя съ собой женъ и дѣтишекъ; наиболѣе многолюдные митинги происходили на узловыхъ станціяхъ: Гришинѣ, Дебальцевѣ, Авдѣевкѣ, Ясиноватой и въ крупнѣйшемъ рудничномъ поселкѣ Горловкѣ, при станціи того же названія.

Такимъ образомъ, объявленіе всеобщей декабрьской забастовки встрѣтило Донецкій бассейнъ готовымъ къ выступленію. Непрерывно, съ утра до вечера, шли митинги, и ораторы выясняли вопросъ о «правовомъ положеніи» русскихъ гражданъ и «необходимость» борьбы за право народа.

Наконецъ, углекопы приступили къ активнымъ дѣйствіямъ. Они разоружили низшія полицейскія власти (высшія—успѣли скрыться) и закрыли казенныя винныя лавки. Среди людей, собравшихся на рудники со всѣхъ концовъ Россіи, царила въ эти дни изумительная дисциплина. Рабочіе сознавали, что скоро наступитъ день, когда явятся войска, потому стали формироваться боевыя дружины. Огнестрѣльнаго оружія было мало, за то у всѣхъ рабочихъ, даже не причисленныхъ къ дружинамъ, имѣлось холодное оружіе.

Одновременно съ вопросомъ о вооруженіи занялись и вопросомъ, какъ поступить, чтобы не допустить подвоза войскъ изъ Екатеринослава. Телеграфъ и желѣзнодорожный путь находились въ рукахъ повстанцевъ, и потому послѣ долгаго совѣщанія рѣшили укрѣпить важнѣйшіе пункты. Съ этой цѣлью забаррикадировали ст. Гришино, установивъ на возвышенномъ мѣстѣ пушку, направленную дуломъ на линію желѣзной дороги. Сильно укрѣпили и ст. Авдѣевку, вооруживъ ее двумя пулеметами, которые повстанцамъ удалось перехватить.

Въ то же время шло дѣятельное обученіе дружинниковъ военному дѣлу: ежедневно происходили маневры, передвиженія отдѣльныхъ частей, учебная стрѣльба.

Къ 16 декабря жандармы и солдаты на всѣхъ станціяхъ Екатерининской желѣзной дороги были разоружены, мѣстныя власти частью удалены, частью сами удалились,—и весь горнозаводскій раіонъ подчинялся постановленіямъ комитетовъ.

При разоруженіи солдатъ, жандармовъ и полиціи надъ послѣдними не производилось насилій; только на ст. Ясиноватой былъ убитъ офицеръ, готовившійся стрѣлять въ рабочихъ, убитъ разъ-

яренной толпой, вопреки приказанію стачечныхъ комитетовъ и совѣтовъ рабочихъ депутатовъ ни надъ кѣмъ не чинить насилій.

10 декабря начались репрессіи, и въ тотъ же день было поднято вооруженное возстаніе, закончившееся горловскимъ боемъ. До десяти тысячъ человѣкъ рабочихъ со всѣхъ окрестныхъ рудниковъ и заводовъ принимали участіе въ этомъ боѣ... Повстанцы были разбиты, «взяты въ плѣнъ» и приведены къ присягѣ. 20 декабря въ Екатеринославской губ. было введено военное положеніе, и начались репрессіи. Въ Горловкѣ, Дебальцевѣ, Гришинѣ, по всѣмъ станціямъ сотнями арестовывали и, безчеловѣчно избивая, отправляли въ Таганрогъ, Лугапскъ, Бахмутъ, Юзовку, тюрьмы которыхъ переполнились.

Такъ закончилось это кровопролитное возстаніе. Нѣсколько недѣль все было тихо, но уже съ февраля Донецкій бассейнъ начинаетъ глухо волноваться: то тутъ, то тамъ объявляются забастовки, происходятъ столкновенія съ войсками... Съ марта на всѣхъ рудникахъ и заводахъ устраиваются уже митинги, и власти безсильны ихъ разогнать...

А съ іюня Донецкій бассейнъ охватываетъ сильное стачечное движеніе, и начинается «усмиреніе»...

Углекопы, доведенные до отчаянія, рѣшившіе лучше умереть, чѣмъ жить въ невыносимыхъ условіяхъ, вспоминаютъ старыя формы борьбы... И опять, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, затопляются шахты, сжигаются зданія; рабочіе мстятъ своимъ врагамъ...

И по настоящій день идетъ эта борьба. Привыкшіе безнаказанно эксплуатировать и обирать рабочихъ, углепромышленники, вмѣсто уступокъ шахтерамъ, обращаются къ содѣйствію штыковъ и нагаекъ... Они какъ бы не желаютъ понять, что если человѣку нельзя сносно жить, работая, онъ предпочитаетъ умереть, сражаясь

Когда въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ волненія углекоповъ приняли огромные размѣры, когда войска оказались не въ силахъ усмирить шахтеровъ, углепромышленники, не довольствуясь введеннымъ въ Донецкомъ бассейнѣ военнымъ положеніемъ, поручили совѣту съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи войти съ подлежащимъ «ходатайствомъ о введеніи особой охраны въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ» *).

О какой это «особой охранѣ» думаютъ горнопромышленники — трудно сказать. Одно лишь ясно: успокоить людей, доведенныхъ голодомъ и безправіемъ до рѣшенія умереть, врядъ ли возможно штыками, пулеметами, нагайками и другими «средствами», къ которымъ правительство такъ охотно прибѣгаетъ до настоящаго дня.

П. Я. Рыссъ.

*) «Рѣчь», № отъ 20 сентября 1906 г.

Случайныя замѣтки.

Князь Мещерскій—прогрессистъ! Все въ мірѣ относительно. Бываютъ положенія, когда даже князь Мещерскій является «прогрессистомъ». Для этого стоитъ только сравнить этого свѣтскаго ретрограда съ ретроградами духовными.

Когда-то, нѣсколько лѣтъ назадъ въ одной изъ статей нашего журнала предположительно высказывалась мысль о возможности такого страннаго положенія. Въ очеркахъ «Самозванцы духовнаго вѣдомства» *) говорилось о темной рати многоразличныхъ странниковъ, сборщиковъ, юродивыхъ-прозорливцевъ, эксплуатирующихъ сознательно или безсознательно религіозныя суевѣрія темнаго народа. Между прочимъ, авторъ останавливался на типахъ въ родѣ странника Антонія тобольскаго (одно время счастливаго соперника Іоанна Кронштадтскаго) или нѣкоего полу-юродиваго Пети изъ села Хрящевки, «толкователя священнаго писанія». Въ статьѣ выражалась увѣренность, что, «если бы была возможность свести Петю и князя Мещерскаго такъ, чтобы послѣдній призналъ въ Петѣ не только лѣниваго субъекта, имѣющаго неодолимую потребность въ поркѣ, но и человѣка, у котораго есть свои мысли, то оба вскорѣ отступили бы другъ отъ друга съ нѣкоторымъ ужасомъ. До такой степени князь, несмотря на свою проповѣдь невѣжества, показался бы Петѣ свободомыслящимъ, до такой степени Петя показался бы князю... отсталымъ!»

Мысль, что кн. Мещерскій можетъ кому-нибудь показаться слишкомъ свободомыслящимъ, въ то время имѣла видъ нѣсколько парадоксальный, но въ наши дни она подтверждается весьма наглядно. Князю не пришлось отправляться ни въ Хрящевку для личнаго свиданія съ юродивымъ Петей, ни въ тобольскія дебри, куда, побѣжденный въ состязаніи съ кронштадтскимъ Іоанномъ, укрылся носитель той же мудрости странникъ Антоній. Въ этомъ не представлялось ни малѣйшей надобности, такъ какъ въ настоящее время и Хрящевка, и тобольскія дебри водворились въ литературѣ. Юродивые Пети и лукавые странники Антоніи пишутъ статьи, въ которыхъ тина и отстои временъ почти до-историческихъ пользуются всею силою печатнаго станка и всѣми удобствами казеннаго покровительства. Теперь эта народная мудрость юродивыхъ и кликушъ распространяется лаврой Кіево-Печерской, лаврой Почаевской и разными другими учрежденіями, въ коихъ, подъ толстымъ слоемъ вѣковой пыли, хранятся пережитки старой и темной Руси.

*) „Русское Богатство“, 1896, май.

Князь Мещерскій рѣшительно выступаетъ противъ этихъ теченій. Правда, давно уже замѣчено, что настроенія и взгляды почтеннаго князя капризны, легко подвижны и такъ часто «переходятъ въ свою противоположность», что чуть не на каждое его положеніе не трудно найти соотвѣтствующую антитезу въ его же писаніяхъ. Однако, данное настроеніе сіятельнаго публициста длится уже довольно значительное время и, кажется, его слѣдуетъ считать сравнительно устойчивымъ.

Вызвано оно на сей разъ изступленнымъ кликушествомъ монаха Иліодора. Сей еще младый лѣтами инокъ сталъ уже знаменитъ, какъ редакторъ «Почаевскихъ извѣстій». Кто знакомъ съ этимъ замѣчательнымъ органомъ печати хотя бы по газетнымъ выдержкамъ, тотъ согласится, что не только XIX, но даже XVIII и XVII вѣка въ Европѣ не видѣли ничего подобнаго этому изувѣрству, внезапно вспыхнувшему въ Россіи, на зарѣ ея конституціи. «Почаевскія извѣстія» разносили по юго-западному краю такое откровенное человѣконенавистничество и такую нетерпимость, которыя соотвѣтствуютъ развѣ самымъ мрачнымъ временамъ средневѣковой инквизиціи. Когда, наконецъ, на дѣятельность почтеннаго «редактора», призывавшаго совершенно откровенно къ убійствамъ инако-мыслящихъ, было (изъ приличія) обращено вниманіе, то онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненій. Повидимому, объясненія велись въ самомъ дружескомъ тонѣ и признаны были вполнѣ удовлетворительными. Поѣздка чернеца Иліодора въ Петербургъ обратилась въ своего рода тріумфъ, не меньшій, чѣмъ знаменитое въ свое время путешествіе въ Кронштадтъ странника Антонія съ его мурмолкой, босыми ногами и шелепугою. И въ то самое время, когда свящ. Петровъ сидитъ въ заточеніи надъ пустыннымъ озеромъ Черемeнецкаго монастыря, монахъ Иліодоръ пользуется успѣхомъ въ «петербургскихъ сферахъ», а митрополитъ Антоній рекомендуетъ его, какъ юношу, нѣсколько увлекающагося, но все же одухотвореннаго самыми лучшими намѣреніями. Писанія свящ. Петрова признаны вредными. Мы ихъ знаемъ. Тѣмъ интереснѣе познакомиться съ писаніями Иліодора, въ которыхъ признаются «наилучшія намѣренія». Вотъ одна выдержка, съ которой насъ знакомитъ князь Мещерскій:

«Возьмемъ же этотъ (духовный?) мечъ,—выкликаетъ почаевскій отшельникъ,—и сокрушимъ имъ служителей сатаны и поборниковъ неправды, а свѣтскихъ властей *понудимъ вещественнымъ мечомъ безпрестанно* (sic!) *сѣкать головы* безбожниковъ крамольниковъ. Работа наша передъ нами. Во имя Бога (!), во имя святой вѣры, народа православнаго и всѣхъ его святынь, проснитесь, монахи, поднимитесь и отбейте упорное нападеніе сильнаго врага. Іеромонахъ Иліодоръ».

Цитата, дѣйствительно, замѣчательная. Сопоставьте эти «идеалы» смиреннаго монаха даже съ той дѣйствительностью, которая олице-

творяется полевыми судами, и вы увидите, что сія мрачная «свѣтская» дѣйствительность остается все-же далеко позади «духовныхъ мечтаній»; вѣдь даже полевые суды знаютъ нѣкоторыя передышки и изъятья. А смиренный инокъ требуетъ *непрестаннаго усѣкновенія* головъ своихъ грѣшныхъ соотечественниковъ. «Добрыя намѣренія» людей изъ «черной церкви» куда свирѣпѣе свѣтской—военной и штатской юстиціи... Приведя эту выдержку, князь Мещерскій восклицаетъ:

— Ну, и что же? Неужели ничего? Неужели представители церковной власти могутъ допустить возможность безотвѣтственности для такого воззванія? Ясно, что если церковная власть не прекратитъ этотъ скандалъ поруганія монахомъ своего служенія и своего сана,—она становится соучастницей въ преступныхъ противъ церкви дѣяніяхъ монаха Иліодора».

Вопросы и восклицанія князя намъ кажутся очень наивными. Мы не стали бы призывать даже на Иліодора духовно-административныхъ пресѣченій и запрещеній. Есть чернецы, которые такъ думаютъ... Пусть говорятъ, но если есть представители бѣлаго духовенства, которые думаютъ иначе, въ родѣ священника Григорія Петрова, то почему же на нихъ сыплются кары и запрещенія? Петровыхъ ссылаютъ въ монастыри, Тихвинскихъ безъ суда отрѣшаютъ отъ священнодѣйствія, какъ это сдѣлалъ на-дняхъ вятскій архіерей,—а на изувѣрные призывы Иліодоровъ смотрятъ, какъ на проявленіе отличныхъ намѣреній *). Тутъ ужъ дѣйствительно нельзя не сказать, что чернецы изъ синода проявляютъ такую долю сочувствія и терпимости къ чернецамъ изъ погромной рати, которая совершенно не соотвѣтствуетъ отношенію того же синода къ рѣчамъ и писаніямъ нѣкоторыхъ представителей бѣлаго духовенства. И это, конечно, кидаетъ тѣнь на всю отданную во власть монаховъ оффиціальную церковь, такъ что недоумѣнные вопросы кн. Мещерскаго о «соучастіи» имѣютъ очень большія основанія.

Объ этомъ, впрочемъ, можно бы сказать очень много, и, вѣроятно, мы еще вернемся къ этому предмету. Задача этой случайной замѣтки—гораздо скромнѣе. Намъ показалось просто любопытнымъ отмѣтить, что въ лицѣ князя Мещерскаго крайній предѣлъ свѣтскаго «консерватизма» протестуетъ противъ «консерватизма» церковнаго. И это, конечно, потому, что (цитируемъ изъ той же статьи «Русскаго Богатства», о которой говорили въ началѣ): «нѣтъ такого самаго консервативнаго, но всетаки современнаго государственнаго и общественнаго уклада, который бы юродивые Пети, лукавые странники Антоніи (и изступленные чернецы Иліодоры) признали соотвѣтствующимъ своимъ идеаламъ. И нѣтъ такого государ-

*) Интересно, что Иліодору никто не ставитъ въ вину „отсутствіе текстовъ и свѣтскій характеръ“ его погромныхъ призывовъ, что найдено предосудительнымъ для священника Петрова.

ственнаго порядка, который бы могъ довѣриться космогоническимъ и политическимъ представленіямъ Петей, Антоніевъ» (и Иліодоровъ).

Фигура нашего стараго знакомаго князя Мещерскаго, остановившагося въ недоумѣніи и испугѣ передъ мрачнымъ кликушествомъ почаевскаго чернеца, которому внемлютъ, сочувственно помавая клобуками, высшіе представители оффиціальной церкви,— является знаменательной и очень яркой иллюстраціей этой мысли *).

О. Б. А.

«Съ экзаменами... Безъ экзаменовъ... Съ экзаменами»... Новая «неожиданность» по министерству народнаго просвѣщенія,— циркуляръ министра о возвращеніи къ системѣ экзаменовъ въ средней школѣ, приводитъ пишущему эти строки на память небольшой эпизодъ конца 80-хъ годовъ. Если не ошибаюсь, это было именно въ 1889 году. Московское студенчество пошумѣло, и вслѣдствіе этого сотни полторы молодыхъ людей были препровождены въ бутырскую тюрьму. Туда же попало нѣкоторое количество студентовъ петербургскихъ, и, такимъ образомъ, составилось въ старой бутырской тюрьмѣ довольно многочисленное и шумное общество, для котораго пришлось сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ обычной дисциплины. Молодежи отвели цѣлый корридоръ, камеры не запирались, устраивались общія чтенія и даже издавалась ежедневная рукописная газетка.

Я имѣлъ случай тогда же видѣть нѣсколько №№ этого довольно веселаго органа гласности, издававшагося, правда, въ тюрьмѣ, но за то безъ всякой цензуры. Изъ этого болѣе или менѣе легковѣснаго литературнаго матеріала я запомнилъ особенно одно извѣстіе, въ которомъ непочтительная молодежь дала, по моему мнѣнію,—прямо замѣчательную характеристику нашей правительственной системы. Въ одномъ изъ номеровъ газеты, въ отдѣлѣ «Дѣйствія и распоряженія правительства», было сообщено «важное извѣстіе»: «Министерство народнаго просвѣщенія, снисходя къ назрѣвшимъ требованіямъ времени, провело важную реформу въ области средняго образованія. Отнынѣ, согласно циркуляру отъ такого-то числа за номеромъ такимъ-то, *уроки греческаго языка переносятся на часы уроковъ языка латинскаго и—наоборотъ: латинскій языкъ будетъ отнынѣ преподаваться въ часы, когда преподавался греческій»*.

Въ передовой статьѣ, написанной по этому поводу, говорилось, сколько могу припомнить, что эта скромная по виду реформа

---

*) Замѣтка была уже набрана, когда мы прочли въ газетахъ, что и Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ не одобряетъ ни почаевскаго чернеца, ни нѣкоторыхъ политическихъ оказательствъ высшаго духовенства („Бирж. Вѣд.“, 19 апр. веч. вып.).

имѣетъ, однако, значеніе важнаго событія: очевидно, министерство не защищаетъ застоя во что бы то ни стало, и этимъ первымъ «передвиженіемъ» классическихъ предметовъ «открываетъ обществу широкія перспективы дальнѣйшихъ, хотя осторожныхъ, но не менѣе плодотворныхъ реформъ»...

Однако, черезъ нѣкоторое, очень непродолжительное время въ томъ же отдѣлѣ «дѣйствій и распоряженій правительства» появилось новое извѣстіе, въ которомъ сообщалось, что «смѣлая реформа, произведенная министерствомъ народнаго просвѣщенія въ области преподаванія классическихъ языковъ, не дала желаемыхъ результатовъ: и юношество, и педагогическій персоналъ, и само общество оказались не подготовленными къ важной перемѣнѣ, которая могла бы быть благодѣтельной при болѣе высокомъ уровнѣ культуры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преждевременная реформа не только успѣла уже вызвать замѣшательство и осложненія самаго печальнаго свойства, но и грозитъ еще большими опасностями въ будущемъ. Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, признано за благо: уроки греческаго языка вновь перенести на мѣсто уроковъ латинскаго и—обратно»...

«Хотя такимъ образомъ,—говорилось въ новой передовицѣ,—все дѣло возвращено вновь въ первобытное дореформенное состояніе, однако, нельзя не видѣть въ дѣятельности нынѣшняго министра утѣшительныхъ признаковъ несомнѣнной чуткости къ запросамъ жизни. Нетерпѣливые люди, которые желаютъ во что бы то ни стало торопить ходъ исторіи, могутъ, конечно, при извѣстномъ попустительствѣ цензуры, писать что угодно. Въ одномъ, мы же надѣемся, даже и они не рѣшатся отказать нынѣшнимъ министрамъ, призваннымъ къ отвѣтственной работѣ самодержавною волею: министерство, которое на разстояніи столь короткаго времени провело въ жизнь двѣ столь важныя реформы, можетъ быть обвиняемо въ чемъ угодно,—только не въ косности и мертвенномъ застоѣ».

Я, къ сожалѣнію, не могу поручиться за полную точность въ передачѣ этихъ передовицъ. Боюсь даже, что я изложилъ ихъ нѣсколько вольно. Но самыя «извѣстія» прочно запали мнѣ въ память, и я никогда уже не могъ избавиться отъ этого воспоминанія при видѣ всѣхъ просвѣщенныхъ реформъ, которыми самодержавное правительство послѣдующихъ годовъ стремилось удовлетворить назрѣвающимъ потребностямъ времени. Приходили въ разныхъ видахъ и въ разныхъ областяхъ разныя «сердечныя попеченія», производили свою долю «замѣшательствъ» и—уходили. Расцвѣтали и отцвѣтали «эпохи довѣрія». Писались и отмѣнялись циркуляры, назначались и удалялись «новые люди»... Съ 1889 года прошло такъ много времени, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ обитателей бутырской тюрьмы успѣли навѣрное вернуться въ университетъ, сдать государственные экзамены, смѣнить студенческіе мундиры на

другіе и—кто знаетъ,—быть можетъ, теперь сами принимаютъ участіе въ «важныхъ реформахъ» по разнымъ вѣдомствамъ... Можетъ быть, они забыли и Бутырки, и свое пребываніе въ нихъ, и легкомысленную тюремную газетку... Но въ моей памяти при всѣхъ извѣстіяхъ о важныхъ реформахъ послѣднихъ десятилѣтій назойливымъ и неотвязнымъ лейтъ-мотивомъ звучитъ насмѣшливая телеграмма этого рукописнаго органа... «Важная реформа: уроки латинскаго языка переносятся на мѣсто уроковъ языка греческаго и—обратно»!..

Въ самые послѣдніе годы, когда шевельнулось уже не одно студенчество, но и вся народная жизнь всколыхнулась до дна,—явились кое-гдѣ дѣйствительныя, а не мнимыя только перемѣны. Кое въ чемъ пришлось-таки уступить и учебной администраціи... «Классическая система» ослаблена, упразднены экзамены, введена автономія университетовъ, на фактическую организацію студенчества приходится смотрѣть сквозь пальцы. Но все это опять-таки имѣетъ временный характеръ, терпится и попускается, но не признается искренно и безповоротно. А такъ какъ главная, основная причина русскаго неустройства не устранена и остается незыблемой, то понятно, что и во всѣхъ областяхъ жизни не можетъ наступить успокоеніе. И вотъ, при первомъ же случаѣ, подъ шумъ и грохотъ перестраивающейся современности, высшая бюрократія затягиваетъ все ту же пѣсню:

— «Ахъ, къ величайшему сожалѣнію, уничтоженіе экзаменовъ не уничтожило броженія въ средней школѣ. Ученики позволяютъ себѣ выражать недовольство по тому поводу, что ихъ братья и сестры судятся военно-полевыми судами, а въ отношеніяхъ къ нимъ самимъ учебной администраціи господствуетъ все тотъ же произволъ и пристрастіе. Всѣ эти печальныя явленія, невозможныя при болѣе высокой культурѣ, указываютъ на прямую необходимость... уроки греческаго языка вновь водворить на мѣсто уроковъ латинскаго и—vice versa».«Только возвращеніемъ къ системѣ экзаменовъ можно вновь вернуть учащуюся молодежь къ правильнымъ занятіямъ, къ дисциплинѣ и къ уваженію властей предержащихъ»...

Каковаго уваженія, впрочемъ, ни при классической системѣ, ни при системѣ экзаменовъ тоже не было...

Такъ и плетется у насъ это дѣло съ «важными реформами». Явился, наконецъ, и новый факторъ русской жизни: Государственная Дума. А жизнь ни съ мѣста... «Вводятся опять экзамены», и самую Думу хотятъ соблазнить перспективами: солидно и въ полномъ согласіи съ правительствомъ... переносить греческій языкъ на мѣсто латинскаго и—обратно.

Вл. Кор.

Птенецъ охраны. «Одного изъ стаи славныхъ», о которомъ я считаю нужнымъ сейчасъ сказать нѣсколько словъ, зовутъ Леонидъ Ермиловичъ Пономаревъ. Онъ — «сынъ отставного жандармскаго вахмистра», «состоялъ студентомъ горнаго института» и «въ первые годы своего студенчества» былъ близокъ къ «радикальной частью студенчества» *). Прошлое Пономарева, даже по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какими мы въ данное время располагаемъ, оказывается не бѣдно эпизодами, о которыхъ еще апостолъ Павелъ совѣтовалъ не говорить...

Еще въ 1901 г. и еще на студенческой скамьѣ Леонидъ Пономаревъ былъ, между прочимъ, обвиненъ въ шпіонствѣ. Онъ обидѣлся, когда его публично назвали шпіономъ, и особымъ письмомъ на имя одного изъ студентовъ просилъ:

«Собрать... нужное количество лицъ для разсмотрѣнія возникшей со мною непріятности.. Оставаться подъ гнетомъ такого тяжелаго и не заслуженнаго обвиненія, выше моихъ силъ. Я въ отчаяніи отъ всего случившагося» **)...

Начатое по просьбѣ самого Пономарева слѣдствіе собрало доказательства, что Пономаревъ «близокъ къ охранному отдѣленію»; попутно во время слѣдствія было открыто, что Пономаревъ, будучи въ качествѣ практиканта на Царицынскомъ металлургическомъ заводѣ, похитилъ секретные чертежи мартеновскихъ печей и торговалъ ими; слѣдствіемъ были, наконецъ, раскрыты подробности другой грязной исторіи съ организаціей обстановки бракоразводнаго процесса супруговъ С., въ которой г. П. принялъ дѣятельное участіе. Его задачей было добыть для г-на С. факты, доказывающіе виновность г-жи С., а также похитить компрометтирующіе г-на С. документы, находившіеся въ рукахъ жены. Первая задача не удалась г. Пономареву, вторую же онъ выполнилъ до конца. При чемъ, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ г-жи С., довелъ свое издѣвательство надъ ней до крайнихъ предѣловъ». Добытый слѣдствіемъ матеріалъ былъ провѣренъ студенческой судной коммиссіей, и на основаніи его студенческая сходка единогласно постановила: «удалить Пономарева изъ Горнаго института навсегда безъ права поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія». Это постановленіе было доложено министру, потомъ передано на разсмотрѣніе совѣта профессоровъ и 28 мая 1901 г. полностью утверждено совѣтомъ.

Затѣмъ наступаетъ почти пятилѣтній перерывъ, относительно котораго мы ничего не знаемъ. Что дѣлалъ Пономаревъ въ теченіе этого перерыва отъ насъ сокрыто. Намъ извѣстны лишь нѣкоторыя общія черты, суть которыхъ такова. Личныя качества Пономарева установлены твердо. Относительно этихъ качествъ государствен-

*) „Бирж. Вѣд.“, 9—IV, 1907.
**) „Бирж. Вѣд.“, 9—IV, 1907.

ная власть предупреждена и къ осужденію этихъ качествъ она присоединилась. И все это ведетъ лишь къ тому, что Пономаревъ становится «своимъ человѣкомъ» въ охранномъ отдѣленіи. Здѣсь онъ оказывается въ своей средѣ. Здѣсь онъ служитъ, получаетъ награды и повышенія. И по спеціальнымъ полномочіямъ отсюда создаетъ, между прочимъ, дѣло «одиннадцати лицъ, принимавшихъ участіе въ преступномъ сообществѣ, имѣвшемъ въ своемъ распоряженіи складъ оружія и поставившемъ своею цѣлью насильственное измѣненіе установленнаго законами основными образа правленія, для чего получали изъ Эйдкунена оружіе, револьверы и патроны къ нимъ, которые доставляли изъ Кибартъ въ Вильну, гдѣ въ заранѣе устроенныхъ притонахъ устраивали распродажу револьверовъ, снабжая ими членовъ революціонныхъ партій, что предусмотрѣно 2 ч. 102 ст. угол. улож.» *).

Дѣло это разсматривалось виленскимъ военно-окружнымъ судомъ 2—4 апрѣля н. г. И судя по тѣмъ даннымъ, которыя обнаружены на судѣ и которыя подтверждены даже начальникомъ вержболовскаго жандармскаго управленія подполковникомъ Мясоѣдовымъ, непрерывное участіе Леонида Пономарева въ работахъ охраннаго отдѣленія вовсе не случайность. Повидимому, тамъ нелишни тѣ качества, какія могъ предъявить г. Пономаревъ.

Недавно всѣ газеты, за исключеніемъ оффиціальныхъ и субсидируемыхъ правительствомъ, обошло характерное сообщеніе о томъ, какъ организовано добываніе русскимъ правительствомъ документовъ, долженствующихъ доказывать «крамольное состояніе умовъ» въ Финляндіи. Кому-то въ Петербургѣ нужно это доказывать. Ради этого кого-то чины охраннаго отдѣленія организовали покупку фальшивыхъ документовъ. А какая-то компанія интернаціональныхъ мошенниковъ и проходимцевъ организовала фабрикацію этихъ документовъ. Документы фабриковались частью въ Бельгіи, частью въ самой Финляндіи; и часть этихъ документовъ, окупленныхъ за счетъ государственнаго казначейства, использована въ качествѣ матеріала для статей «Новаго Времени». Съ какою цѣлью все это организовано, догадываться не будемъ. Можетъ быть, въ основѣ этого предпріятія лежатъ «общія политическія соображенія». А можетъ быть, это просто слѣдствіе тѣхъ личныхъ столкновеній, какія произошли между нѣкоторыми петербургскими сановниками, съ одной стороны, и генералъ-губернаторомъ, съ другой, по случаю убійства Герценштейна. Но во всякомъ случаѣ разъ такое пред-

*) „Рѣчь“, 7. IV, 1907. Отмѣчу и еще одно характерное обстоятельство. Спустя лѣтъ пять уже въ качествѣ офицера русской арміи за провокаторскую продѣлку, о которой рѣчь ниже, Пономаревъ былъ побитъ въ Эйдкуненѣ нѣмецкимъ торговцемъ Миллеромъ... На этотъ разъ онъ, повидимому, снова «впалъ въ отчаяніе отъ всего случившагося» и обратился къ начальству съ просьбой «передать эйдкуненскому коммиссару его жалобу за оскорбленіе чести русскаго офицера“.

пріятіе понадобилось, для выполненія его нужны люди именно того морального ценза, какимъ обладаетъ Леонидъ Пономаревъ.

Судя по даннымъ, установленнымъ виленскимъ военно-окружнымъ судомъ, предпріятіе, ради котораго Леонидъ Пономаревъ орудовалъ въ Вержболовѣ и Эйдкуненѣ, принадлежитъ къ разряду столь же сложныхъ и столь же деликатныхъ, какъ и новооткрытая фабрика фальшивыхъ политическихъ документовъ. По словамъ жандармскаго подполковника, Пономаревъ приступилъ къ созданію «дѣла одиннадцати» такимъ образомъ:

«Переодѣвшись въ штатское платье, онъ перешелъ русскую границу въ Эйдкуненъ, купилъ тамъ въ магазинѣ Миллера партію револьверовъ и патроновъ къ нимъ и вошелъ въ соглашеніе съ приказчикомъ этого магазина о водвореніи этого оружія контрабанднымъ путемъ въ Россію. Затѣмъ, узнавъ отъ этого приказчика, что тотъ исполнилъ его порученіе и уговорилъ совершить проносъ *таможеннаго чиновника Кудрявцева*, между 8—10 час. веч., Пономаревъ пригласилъ пограничнаго офицера Шестакова и задержалъ Кудрявцева съ оружіемъ» *).

Такъ сфабрикована и доказана политическая неблагонадежность чиновъ «таможеннаго вѣдомства». Легко впасть въ догадку, что это тоже результатъ нѣкоторыхъ междувѣдомственныхъ треній, подобныхъ тѣмъ, какія происходили нѣкогда между Плеве и Витте «по вопросу о фабричной инспекціи». Но благоразумнѣе воздержаться отъ такихъ догадокъ. Дѣло, повидимому, нѣсколько сложнѣе. Если вѣрить тому же подполковнику Мясоѣдову, въ задачу Пономарева входило доказать неблагонадежность не только чиновъ таможеннаго вѣдомства:

«Отъ нѣсколькихъ достовѣрныхъ лицъ подп. Мясоѣдовъ узналъ, что Пономаревъ подстрекалъ одно лицо подложить въ автомобиль, на которомъ подп. Мясоѣдовъ часто ѣздилъ въ Эйдкуненъ, револьверы и динамитъ съ тѣмъ, чтобы, произведя при возвращеніи его обыскъ, запутать и его, начальника жандармскаго отдѣленія, въ дѣло водворенія изъ-заграницы оружія для революціонныхъ цѣлей» **).

Разобрать, что здѣсь предпринималось по личной иниціативѣ Пономарева, что входило въ общій планъ,—нѣтъ возможности. Во всякомъ случаѣ, «дѣло 11-ти» было состряпано, таможенное вѣдомство въ него было замѣшано. И вслѣдъ за этимъ Леонидъ Пономаревъ получилъ быстрое движеніе по службѣ. Ко дню открытія второй Думы его назначаютъ помощникомъ начальника охраны Таврическаго дворца; онъ явно чувствуетъ подъ ногами твердую почву; онъ ведетъ себя настолько вызывающе и дерзко, «наблюдая за Думой», что на него невольно обращаютъ вниманіе и депутаты, и печать, и большая публика. Поручикъ Пономаревъ, котораго по-

*) „Рѣчь" 7. IV, 1907.
**) Ibid.

почему-то стали упорно называть «корнетомъ», въ короткое время пріобрѣлъ громкую извѣстность, сталъ на такомъ видномъ мѣстѣ, какое болѣе осторожные «дѣятели» съ его репутаціей не рисковали бы занимать. Прошлое «корнета Пономарева» при такихъ условіяхъ неизбѣжно должно было всплыть наружу. Оно выплыло, и получился европейскій скандалъ. Постъ помощника начальника охраны въ зданіи Государственной Думы оказался слишкомъ замѣтнымъ для агента-провокатора, уже уличеннаго въ воровствѣ и въ добываніи «фактовъ прелюбодѣянія». Назначеніе шпіона съ хорошо извѣстнымъ правительству и запротоколеннымъ прошлымъ на такой постъ было очевидной ошибкой г. Столыпина. Нынѣ ошибка исправлена. По газетнымъ свѣдѣніямъ, «корнетъ» Пономаревъ съ замѣтнаго мѣста уже убранъ. Но отсюда было бы смѣшно дѣлать выводъ, что ему не предоставлено другое мѣсто, быть можетъ, не менѣе важное, лишь не столь гласное.

Горькій опытъ достаточно убѣдилъ насъ, что правительство съ такими «способными» людьми, какъ г. Пономаревъ, разставаться не любитъ. Покойный Гринъ-варшавскій, былъ вѣдь уличенъ въ мошенничествѣ и даже приговоренъ къ арестантскимъ ротамъ. Но это не помѣшало назначить его начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Варшавѣ. Знаменитый «ротмистръ Коммиссаровъ» тоже уличенъ въ очень скверныхъ дѣлахъ, но это до сихъ поръ не препятствуетъ ему не только служить, но даже преуспѣвать по службѣ. Роль Курлова въ памятномъ избіеніи дѣтей въ Курскѣ достаточно выяснена. Но развѣ это помѣшало Курлову достигнуть степеней извѣстныхъ? Нынѣ о немъ говорятъ даже, какъ объ одномъ изъ кандидатовъ на министерскій постъ. Отношеніе генерала Каульбарса къ погромамъ въ Одессѣ засвидѣтельствовано имъ самимъ и запротоколировано въ отчетахъ о сенаторской ревизіи. Но развѣ это мѣшаетъ г. Каульбарсу оставаться властителемъ Одессы?

Коммиссаровъ послѣ прошлогоднихъ скандальныхъ разоблаченій кн. Урусова въ Государственной Думѣ тоже на время какъ бы исчезъ съ горизонта. Стыдливость была соблюдена. А затѣмъ Комиссаровъ оказался неизмѣннымъ предводителемъ вооруженныхъ отрядовъ, когда требовалось устроить въ Петербургѣ ночную атаку противъ той или другой высшей школы. Между прочимъ, одно изъ его послѣднихъ дѣлъ въ этомъ родѣ — облава въ Политехническомъ институтѣ. И, надо правду сказать, во время этой облавы складъ оружія и взрывчатыхъ снарядовъ «объявился» довольно аляповато. Но въ общемъ «доказательства» противъ бывшаго директора института князя Гагарина трудами Комиссарова найдены. Комиссаровскіе таланты понадобились. Нынѣ пришлось соблюсти стыдливость по случаю Пономарева. Но это не убѣждаетъ насъ, что пономаревскіе таланты оставлены втунѣ и не понадобятся.

Очень даже могутъ понадобиться. И возможно, что предъ нами

предстанетъ этотъ птенецъ охраны, «одинъ изъ стаи»,—не орловъ, конечно, и отнюдь не славныхъ орловъ, но, во всякомъ случаѣ, «одинъ изъ стаи» птицъ опредѣленнаго типа, способныхъ выступать для исполненія вполнѣ опредѣленныхъ служебныхъ обязанностей.

А. Петрищевъ.

Сорочинская трагедія.

(По даннымъ судебнаго разслѣдованія).

Годъ назадъ (въ апрѣлѣ 1905 года) газеты оповѣстили, что писатель Короленко и редакторъ газеты «Полтавщина», Д. О. Ярошевичъ, привлекаются къ судебной отвѣтственности «за распространеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній» о дѣйствіяхъ властей. Дѣло касалось моего открытаго письма къ ст. сов. Филонову по поводу его дѣйствій въ качествѣ руководителя карательнаго отряда. 18 января, этого же года Филоновъ какъ извѣстно, былъ убитъ въ гор. Полтавѣ. Я тогда же заявилъ, что прекращаю съ своей стороны всякую полемику по этому поводу, въ ожиданіи судебнаго приговора. Это не помѣшало, однако, газетамъ извѣстнаго лагеря и оффиціозамъ осыпать меня въ теченіе года цѣлымъ градомъ инсинуацій и клеветъ, которыя проникли, наконецъ, на столбцы «Россіи», высоко-оффиціознаго органа премьеръ-министра, и были повторены депутатомъ Шульгинымъ съ высоты парламентской трибуны. Теперь слѣдствіе по моему дѣлу закончено, и самое дѣло прекращено, *такъ какъ изложенные мною факты подтвердились*. Съ этимъ провѣреннымъ матеріаломъ въ рукахъ я отдаю на судъ общества рѣшеніе вопроса: на чьей сторонѣ «распространеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній» и кто въ дѣйствительности апеллировалъ къ праву и правдѣ.

I.

Сорочинцы, Устивица. Кривая Руда.

23 декабря 1905 года я вернулся изъ Петербурга въ Полтаву. Въ городѣ въ это время разсказывали ужасы о мрачной трагедіи, только что разыгравшейся въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, прославленныхъ нѣкогда веселыми разсказами Гоголя.

Въ мѣстной газетѣ («Полтавщина» №№ 310 и 314) были помѣщены извѣстія объ этихъ событіяхъ. Въ первой корреспонденціи сообщалось, что въ ночь на воскресеніе, 18 декабря въ Сорочин-

цахъ былъ арестованъ (въ административномъ порядкѣ) мѣстный житель Григорій Безвиконный. «Въ отвѣтъ на это,—предлагаетъ корреспондентъ,—19 декабря, съ общаго согласія крестьянъ, былъ задержанъ сорочинскій приставъ, находившійся въ это время въ волостномъ правленіи. Крестьяне думали такимъ образомъ — ускорить освобожденіе Безвиконнаго». Вслѣдъ за приставомъ арестовали и урядника Котляревскаго.

Это было въ разгаръ волненій, какими охвачена была вся Россія послѣ забастовки и объявленія манифеста. Въ Сорочинцахъ, подъ вліяніемъ событій, а также рѣчей заѣзжаго «оратора», въ эти дни господствовало страшное возбужденіе, звонили въ набатъ, собирались толпами съ косами и вилами... Въ Полтавской губерніи подобныя вспышки были уже въ другихъ уѣздахъ, при чемъ, повидимому, толпа была особенно чутка къ арестамъ въ административномъ порядкѣ лицъ, читавшихъ и объяснявшихъ манифестъ народу. Такъ, въ гор. Зеньковѣ послѣ ареста такого толкователя Никольскаго, толпа, около 2 тысячъ человѣкъ, двинулась къ тюрьмѣ Стражники стрѣляли, но это не помогло. Толпа расла, увеличиваясь пришельцами изъ деревень. На слѣдующій день прибылъ освобожденный Никольскій и успокоилъ народъ, «обнадеживъ его милостью высшаго начальства», которое (по его словамъ) не оставитъ безнаказаннымъ опрометчивый поступокъ исправника, повлекшій за собой кровавыя жертвы... Толпа разошлась, при чемъ ни грабежей, ни другихъ безпорядковъ больше не было, и столкновеніе разрѣшилось на этотъ разъ безъ дальнѣйшихъ несчастій *)

14 декабря такое же волненіе было вызвано въ Лохвицѣ административнымъ арестомъ мѣстнаго жителя И. П. Бедро. Толпа арестовала помощника исправника и повела его къ волости. Отрядъ драгунъ освободилъ его, и въ толпу было дано три залпа. Оказались раненые, въ томъ числѣ трое тяжело **).

Въ мѣстечкѣ Ковалевкѣ (Пирятинскаго уѣзда) такое же впечатлѣніе произвелъ арестъ крестьянина Оправхата...

Очевидно, народъ «слишкомъ непосредственно» принималъ обѣщанія манифеста о «неприкосновенности личности» и «отвѣтственности лишь по суду», считая эти обѣщанія уже вошедшими въ силу. Между тѣмъ, администрація, особенно уѣздная, не желала отказаться отъ привычныхъ способовъ дѣйствія. Понятно, что всякая возбуждающая агитація на этой почвѣ встрѣчала въ народѣ воспріимчивое и отзывчивое настроеніе. Столкновенія становились неизбѣжными, и въ Сорочинцахъ они разыгрались особенно бурно ***).

---

*) „Полтавщина", 20 декабря 1905 г., № 307. Корреспонденція изъ Зенькова.

**) Ib. № 308 (корресп. изъ Лохвицы).

***) Очень любопытно въ этомъ отношеніи показаніе сорочинскаго урядника Котляревскаго судебному слѣдователю: „Обсуждая событія 19 де-

19 декабря, т. е. на слѣдующій день послѣ ареста пристава, часовъ въ 11 утра въ мѣстечко прискакалъ изъ Миргорода помощникъ исправника Барабашъ съ сотней казаковъ. Населеніе собралось по набату на площадь; многіе были вооружены вилами, косами, дрючками и т. д. Какъ оказалось впослѣдствіи,—толпу возбуждалъ въ предыдущіе дни неизвѣстный молодой человѣкъ, называвшійся «ораторомъ Николаемъ». Между прочимъ, онъ указывалъ на примѣры въ другихъ мѣстахъ, гдѣ администрація уступала. Барабашъ просилъ крестьянъ пропустить его къ приставу. Крестьяне согласились на это и проводили Барабаша къ «плѣннику», но на требованіе освободить пристава отвѣтили отказомъ, требуя въ свою очередь предварительнаго освобожденія Безвиконнаго. Барабашъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ самое худшее, что только могъ сдѣлать: послѣ переговоровъ онъ сначала уѣхалъ съ своимъ отрядомъ, а потомъ вновь вернулся къ торжествующей и ободренной этимъ отступленіемъ толпѣ. Здѣсь во время новыхъ переговоровъ произошелъ, между прочимъ, слѣдующій инцидентъ. Какая-то женщина ткнула длинной палкой въ морду коня начальника отряда, полковника Бородина. «Ее застрѣлилъ урядникъ Кожевниковъ *). Можно предполагать съ большой вѣроятностью, что именно этотъ выстрѣлъ, раздавшійся среди страшнаго напряженія еще до сигнальнаго рожка («когда я уговаривалъ толпу») и убившій женщину,—послужилъ сигналомъ для послѣдовавшей за нимъ свалки, которая разразилась стихійно и ужасно. На мѣстѣ остались смертельно раненый Барабашъ и 8 человѣкъ сорочинскихъ жителей; 12 другихъ были тяжело ранены и убиты въ разныхъ мѣстахъ, на дворахъ и улицахъ мѣстечка» **).

За этимъ послѣдовала черезъ два дня экспедиція статскаго совѣтника Филонова, открывшая новый рядъ трагическихъ эпизодовъ. Изложеніе ея подробностей и послѣдствій читатель найдетъ ниже, въ моемъ открытомъ письмѣ ст. сов. Филонову и въ другихъ главахъ настоящей статьи.

Здѣсь я долженъ сказать еще слѣдующее.

кабря,—говоритъ онъ простодушно и очень мѣтко,—я долженъ сказать, что въ м. Сорочинцы сравнительно все было спокойно, и начались волненія съ введенія усиленной охраны, когда появились слухи о производящихся арестахъ". Арестъ Безвиконнаго и послужилъ „предлогомъ для начала смуты". (Слѣдств. производство по моему дѣлу. Показ. урядника Котляревскаго листы дѣла 24—28).

*) Показаніе полковника Бородина. Листъ дѣла 50 и послѣдующіе. Одиночный выстрѣлъ *до залпа* слышалъ также старшина Копитько (листъ дѣла 30-й).

**) Старшина „отправилъ трое саней съ ранеными изъ двора Орлова (показ. Копитько), раненые и умирающіе были также на дворѣ Орлова (ур. Котляревскій). На полковника Бородина этотъ случай произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что съ нимъ случилось нервное разстройство. Передаютъ, что ему все чудится какая-то баба...

Трагическая смерть Барабаша и нѣсколькихъ сорочинскихъ жителей произошла 19-го декабря. 20-го въ переполненной больницѣ подають помощь раненымъ и нѣсколько человѣкъ умираютъ. 21-го въ Сорочинцы вступаютъ казаки съ двумя пушками, и г. Филоновымъ во главѣ. 22-го, по распоряженію Филонова, казаки сгоняютъ, безъ разбора, на площадь передъ волостью, причастныхъ и непричастныхъ къ событіямъ жителей. Здѣсь Филоновъ ставитъ тысячную толпу на четыре часа на колѣни въ снѣгъ и производитъ другія истязанія надъ колѣнопреклоненными и, значитъ, совершенно уже усмиренными жителями *)... 23 декабря все это оглашается въ газетѣ «Полтавщина».

Итакъ, вернувшись въ Полтаву, я засталъ въ городѣ ужасающіе и, какъ всегда, во многомъ еще преувеличенные разсказы... Мнѣ присылали письма, ко мнѣ являлись лично возмущенные и взволнованные люди, прося и требуя вмѣшательства печати.

Я нѣкоторое время медлилъ. У меня была своя спѣшная работа, я считалъ, что вѣроятно, многое въ этихъ разсказахъ преувеличено, наконецъ, я указывалъ на то, что о дѣйствіяхъ Филонова появились уже корреспонденціи, и можно надѣяться, что губернаторъ, которому земскій начальникъ Даниловскій представилъ докладъ,—отзоветъ своего старшаго совѣтника съ мѣста этихъ дѣйствій. Наконецъ, было также извѣстно, что почетный мировой судья Лукьяновичъ, имѣніе котораго находится по сосѣдству съ Устивицей, 31 декабря послалъ оффиціальное подробное описаніе событій полтавскому прокурору. Слѣдовало, значитъ, ожидать также вмѣшательства судебной власти.

Всѣ эти ожиданія не оправдывались. Филоновъ вернулся на нѣсколько дней въ Полтаву и отсюда получилъ новую командировку. Повидимому, его образъ дѣйствій встрѣтилъ одобреніе **), и вскорѣ въ Полтаву пришли извѣстія о новыхъ жестокостяхъ, совершенныхъ въ Кривой Рудѣ, Хорольскаго уѣзда, *гдѣ уже не было никакихъ безпорядковъ*.

На этотъ разъ погромъ былъ вызванъ забастовкой на хуторѣ земскаго нач. Надервеля. Отправляясь туда, Филоновъ распорядился, чтобы староста *села Кривой Руды*, черезъ которую только лежалъ путь на хуторъ земскаго начальника, заготовилъ (безплатно) обѣдъ для казачьяго отряда и созвалъ полный сходъ. Жители Кривой Руды, не допускавшіе въ своемъ селѣ никакихъ беззаконій, считали и себя, въ свою очередь, состоящими подъ охраной законовъ и потому отказали старшинѣ въ безплатной выдачѣ припасовъ, а сходъ, собравшись въ полномъ составѣ, ждалъ съ утра до

*) „На другой день (т. е. 20-го) все уже было спокойно",—показаніе урядника Котляревскаго.

**) А земскому начальнику пришлось оставить должность.

8 часовъ вечера. Видя, что отряда нѣтъ, старшина счелъ себя въ правѣ распустить усталыхъ и озябшихъ людей по домамъ.

Этого для Филонова было достаточно, чтобы повторить въ мирномъ селѣ все то, что онъ произвелъ въ Сорочинцахъ, гдѣ все-таки было вооруженное столкновеніе. Пріѣхавъ вечеромъ, онъ прежде всего потребовалъ къ себѣ старшину, сорвалъ съ него знакъ, избилъ палкой по лицу, затѣмъ принялся за писарей, которыхъ таскалъ за бороды изъ одного конца комнаты въ другую. Среди холода и темноты наскоро былъ согнанъ сходъ изъ 200—300 человѣкъ, ничего не понимавшихъ и ни къ какимъ забастовкамъ непричастныхъ (многіе изъ попавшихъ на этотъ сходъ сами имѣютъ годовыхъ рабочихъ, —прибавляетъ корреспондентъ). Выйдя на крыльцо, Филоновъ закричалъ: «Шапки долой, на колѣни, мерзавцы! Выдавай виновныхъ!» Толпѣ не было объяснено даже, кто виновенъ, и въ чемъ виновенъ, и кого слѣдуетъ выдавать... Въ это время казаки привели къ крыльцу отставного земскаго фельдшера Багно. Увидавъ его, Филоновъ закричалъ: «Долой шубу». Съ больного старика сорвали шубу, закатили пиджакъ, два казака нагнули за волосы и за бороду, а два начали бить, пока онъ свалился на землю. Послѣ этого его заперли въ арестантскую и принялись за толпу по очереди. «Выбирать не выбирали, а просто били по порядку, кто ближе стоялъ на колѣняхъ»... Тогда, подъ вліяніемъ ужаса (все это, напомнимъ, происходило въ темнотѣ и среди полнаго недоумѣнія о причинахъ нападенія), кто-то въ толпѣ поднялся, чтобы бѣжать. Толпа послѣдовала этому примѣру... Люди побѣжали въ безпорядкѣ. Казачій эсаулъ крикнулъ: «руби!» «Никто не успѣлъ опомниться—все смѣшалось. Каждый видѣлъ передъ собою только смерть. Ночь безлунная, хотя и звѣздная, наводила еще большій ужасъ на души суевѣрныхъ и беззащитныхъ крестьянъ... Бѣжали прямо подъ шашки, топча и давя другъ друга» *)...

Къ этой картинѣ, которой мнѣ приходится дополнить свое «письмо», прилагаемое ниже, считаю необходимымъ прибавить здѣсь же слѣдующую оговорку: она заимствована мною изъ корреспонденціи газеты «Полтавщина», напечатанной долго спустя **), такъ какъ редакція подвергла ее предварительно самой тщательной провѣркѣ. По этому поводу губернаторъ, князь Урусовъ (къ сожалѣнію, слишкомъ поздно) командировалъ чиновника, г-на Устимовича, для провѣрки газетныхъ свѣдѣній о дѣяніяхъ своего «старшаго совѣтника», а, вѣроятно, также на предметъ возбужденія новаго дѣла противъ газеты. Но г. Устимовичъ счелъ своей обязанностью сдѣлать правдивый докладъ, *подтвердившій свѣдѣнія, сообщенныя корреспондентомъ.* Въ пріобщеніи къ моему дѣлу этого доклада мнѣ

*) Изувѣченныхъ и раненыхъ оказалось, по словамъ корреспондента, болѣе 40 человѣкъ (22-мъ была оказана медицинская помощь).

**) Въ апрѣлѣ 1906, № 23.

было отказано, но самый фактъ командировки и ея результатовъ установленъ показаніемъ старшаго совѣтника губернскаго правленія г. Ахшарумова, который,—правда въ очень смягченной формѣ,—призналъ въ своемъ показаніи по моему дѣлу, что дознаніе Устимовича дѣйствительно было и что Филоновъ «при исполненіи служебныхъ обязанностей, примѣнялъ по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ репрессивныя мѣры, граничащія съ физическимъ воздѣйствіемъ, *почему судебнаго преслѣдованія противъ газеты за означенную корреспонденцію возбуждено не было»* *)... «Мѣры, граничащія съ физическимъ воздѣйствіемъ»—это, конечно, выраженіе очень изящное, въ чисто канцелярскомъ стилѣ, но за то окончаніе изящной фразы вполнѣ опредѣленно: газета не была привлечена къ отвѣтственности, не смотря на готовность администраціи, потому что ея свѣдѣнія подтвердились. А она говорила не о мѣрахъ, «граничащихъ съ воздѣйствіемъ», а о такихъ мѣрахъ, которыя далеко перешли границу, отдѣляющую простыя «воздѣйствія» отъ *истязаній,* и примѣнялись къ мирнымъ жителямъ, ничѣмъ, съ своей стороны, не нарушившимъ существующихъ законовъ...

Извѣстія объ этихъ и другихъ дѣяніяхъ филоновской экспедиціи быстро приходили въ городъ, приносимые частью бѣглецами, которые бѣжали съ мѣстъ при извѣстіяхъ о приближеніи знаменитаго «отряда» **).

Что всего хуже, дѣятельность особо командированнаго «старшаго совѣтника» не могла остаться безъ вліянія на подчиненныхъ полицейскихъ чиновниковъ, и вскорѣ оказалось, что Филоновъ находитъ подражателей. Такъ, изъ Хорольскаго уѣзда сообщали, что послѣ «усмиренія» на хуторѣ Дубовомъ, исправникъ для производства дознанія, собралъ жителей и крикнулъ: «На колѣни, крамольники»! «Крамольники», стояли въ лужѣ, но, окруженные казаками, стали на колѣни въ ледяную воду и простояли два часа. «Крамолу из-

---

*) Показанія по моему дѣлу старш. сов. губ. правленія Ахшарумова. Листъ 247 и слѣд.

**) Картину такой паники очень ярко рисуютъ и нѣкоторыя свидѣтельскія показанія по моему дѣлу. Такъ учительница Крапивина изображаетъ бѣгство жителей Устивицы при извѣстіи о приближеніи Филонова: «я наблюдала сцены чистой паники... Люди куда-то шли изъ центра мѣстечка и вели съ собой дѣтей, шли оторванныя отъ предпраздничной работы женщины, запачканныя въ мѣлъ, такъ какъ онѣ мазали хаты“ (показанія учит. Крапивиной. Листъ 209 и слѣд.). Сторонній свидѣтель, воспитанникъ учит. семинаріи Кремянскій, показывалъ то же: „прибытіе казаковъ нагнало панику... Многіе кинулись убѣгать даже съ дѣтьми, куда глаза глядятъ; были такіе, что прятались въ лѣсу или въ сосѣднихъ селеніяхъ» (листъ дѣла 178 и послѣд.). А вотъ описаніе перваго момента по вступленіи казаковъ (Кремянскій): «поднялась въ Устивицѣ суматоха». Свидѣтель взлѣзъ на колокольню и видѣлъ, что казаки (нѣсколько человѣкъ) бѣгаютъ по улицамъ, гоняясь за какими-то людьми не то мужчинами, не то женщинами». Невдалекѣ отъ волости онъ же «встрѣтилъ двухъ конныхъ казаковъ, которые гнали какого-то старика, подгоняя его нагайками», и т. д.

гнали,—прибавляетъ корреспондентъ, а ревматизмовъ пріобрѣтено не мало» *).

Итакъ, это уже превращалось въ какую-то эпидемію беззаконныхъ жестокостей и насилій надъ усмиренными уже, стоявшими на колѣняхъ, часто даже и совсѣмъ ни въ чемъ неповинными жителями, и эта эпидемія разливалась все шире по нашему несчастному краю. И не видно было «законной власти», которая бы захотѣла и смогла положить этому предѣлъ и напомнить объ отвѣтственности не только обывателей, но и должностныхъ лицъ... Администрація, очевидно, не желала. Судъ, вѣроятно, не могъ.

Оставалась печать, и я чувствовалъ угрызенія совѣсти, что не сдѣлалъ ничего тотчасъ же по полученіи извѣстій о сорочинской катастрофѣ. Я надѣялся на послѣдствія фактическихъ газетныхъ корреспонденцій и на оффиціальныя сообщенія поч. мирового судьи. Но за ними послѣдовали только истязанія ни въ чемъ неповинныхъ криворудскихъ жителей. Очевидно, нужно было сказать что-нибудь болѣе яркое и болѣе сильное, чѣмъ фактическія корреспонденціи провинціальной газеты. Мысль, что независимая печать могла бы еще сдѣлать что-нибудь для прекращенія этихъ ужасовъ и беззаконій и что въ данныхъ обстоятельствахъ эта обязанность ложится на меня,—не давала мнѣ возможности думать о другихъ работахъ, пока не будетъ исполнена эта задача. Разумѣется, наиболѣе благодарнымъ матеріаломъ для ея исполненія являлся криворудскій эпизодъ, не осложненный никакими «безпорядками», гдѣ *явное беззаконіе, съ начала и до конца было на одной только сторонѣ*. Но это требовало, разумѣется, новой тщательной провѣрки, а дни уходили, разнося ужасъ и панику, подавляя всякія надежды на законный исходъ, принося, быть можетъ, новыя экспедиціи и новыя жестокости. Между тѣмъ въ это именно время въ Полтаву пріѣхали 12 человѣкъ сорочинскихъ жителей, которые сами пожелали дать для печати свѣдѣнія о происшествіяхъ въ ихъ селѣ, принимая отвѣтственность за правильность сообщеній... Я по очереди опросилъ ихъ, записалъ ихъ показанія, сопоставилъ ихъ другъ съ другомъ и исключилъ все, что возбуждало хоть въ комъ-нибудь изъ нихъ сомнѣніе и не подтверждалось двумя - тремя человѣками.

Такъ былъ полученъ матеріалъ для нижеслѣдующаго письма, которое я привожу цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій. Читатель увидитъ, надѣюсь, что картина, въ немъ изображенная,—блѣднѣе той, которая рисуется слѣдственнымъ матеріаломъ... И если при этомъ мнѣ приходится повторять о мертвомъ то, что я писалъ, призывая къ суду живаго; если мнѣ придется дополнить картину его

*) «Полтавщина», 1906 г., № 8. Были и другія извѣстія такого же рода изъ другихъ уѣздовъ, вызывавшія порой возраженія, но, къ сожалѣнію, не вызывавшія оффиціальнаго и судебнаго разслѣдованія.

дѣйствій новыми подробностями, доставленными запоздалымъ оффиціальнымъ разслѣдованіемъ, то пусть вина въ этомъ падетъ на тѣхъ, кто въ теченіе цѣлаго года, пользуясь моей сдержанностію въ ожиданіи суда,—продолжали извращать факты, извѣстные цѣлому краю, не останавливаясь при этомъ даже передъ подлогами отъ имени покойнаго Филонова.

Истина имѣетъ свои права, и я защищаю свое доброе имя...

II.

Открытое письмо Статскому совѣтнику Филонову *).

Г. статскій совѣтникъ Филоновъ!

Лично я васъ совсѣмъ не знаю, и вы меня также. Но вы чиновникъ, стяжавшій широкую извѣстность въ нашемъ краѣ походами противъ соотечественниковъ. А я писатель, предлагающій вамъ оглянуться на краткую лѣтопись вашихъ подвиговъ.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ происходили собранія и говорились рѣчи. Жители Сорочинецъ, очевидно, полагали, что манифестъ 17 октября далъ имъ право собраній и слова. Да оно, пожалуй, такъ и было: манифестъ дѣйствительно далъ эти права и прибавилъ къ этому, что никто изъ русскихъ гражданъ не можетъ подлежать отвѣтственности иначе, какъ по суду. Онъ провозгласилъ еще участіе народа въ законодательствѣ и управленіи страной и назвалъ все это «незыблемыми основами» новаго строя русской жизни.

Итакъ, въ этомъ отношеніи жители Сорочинецъ не ошибались. Они не знали только, что, на ряду съ новыми началами, оставлены старыя «временныя правила» и «усиленныя охраны». Правда, администрація приглашалась сообразовать свои дѣйствія съ духомъ новаго основного закона, но... у нея были и старые циркуляры, и новыя внушенія въ духѣ прежняго произвола.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ высшая полтавская администрація колебалась между этими противоположными началами. Въ городѣ и въ губерніи происходили собранія, и народъ жадно ловилъ разъясненія происходящихъ событій. Конечно были при этомъ и рѣзкости, быть можетъ излишнія, среди разныхъ мнѣній и заявленій были и неосновательныя. Но мы привыкли оцѣнивать явленія по широкимъ результатамъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что въ самые бурные дни, когда отовсюду неслись вѣсти о погромахъ, убійствахъ, усмиреніяхъ, — въ Полтавѣ ничего подобнаго не было. Не было также тѣхъ рѣзкихъ формъ аграрнаго движенія, которыя

*) „Полтавщина". 12 января 1905, № 8.

вспыхивали въ другихъ мѣстахъ. Многіе, и не безъ основанія, приписывали это, между прочимъ, и сравнительной терпимости, которую проявила высшая полтавская администрація къ свободѣ собраній и слова. Подъ ихъ вліяніемъ стихійныя страсти народа умѣрялись, сознаніе расло, ожиданія вводились въ закономѣрное русло, надежды обращались къ будущимъ закономѣрнымъ учрежденіямъ страны. Казалось, еще немного, и народное мнѣніе сложится и прояснится, какъ проясняется вино послѣ шумнаго и мутнаго броженія. А затѣмъ ему предстояла окончательная переработка въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны...

Теперь это уже только прошлое. Съ 13 декабря полтавской высшей администраціи угодно было перемѣнить свой образъ дѣйствій. Результаты тоже налицо: въ городѣ дикій казачій погромъ, въ деревнѣ—потоки крови. Вѣра въ значеніе манифеста подорвана, сознательныя стремленія сбиты, стихійныя страсти рвутся наружу, или, что гораздо хуже—временно вгоняются внутрь, въ въ видѣ подавленной злобы и мести *)...

Зачѣмъ я говорю вамъ все это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ? Я, конечно, хорошо знаю, что всѣ великія начала, провозглашенныя (къ сожалѣнію лишь на словахъ) манифестомъ 17 октября 1905 года, вамъ и не понятны, и органически враждебны. Тѣмъ не менѣе, это уже основной законъ русскаго государства, его «незыблемыя основы». Понимаете-ли вы въ какомъ чудовищно-преступномъ видѣ предстали бы всѣ ваши дѣянія передъ судомъ этихъ началъ?

Но я буду «умѣренъ»... Я буду болѣе чѣмъ умѣренъ, я буду до излишества уступчивъ... Поэтому, г-нъ статскій совѣтникъ Филоновъ, я примѣню къ вамъ лишь обычныя нормы старыхъ русскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ до 17 октября.

Факты.

Въ Сорочинцахъ и сосѣдней Устивицѣ происходили собранія безъ формальнаго разрѣшенія. На нихъ говорились рѣчи,—принимались резолюціи. Между прочимъ, постановлено закрыть винныя монополіи. Составлены приговоры и, не ожидая оффиціальнаго разрѣшенія, монополіи закрыли, на дверяхъ повѣсили замки...

18 декабря, на основаніи усиленной охраны, т. е. въ порядкѣ внѣ-судебномъ, арестованъ одинъ изъ сорочинскихъ жителей, Безвиконный. Односельцы потребовали, чтобы его предали суду, а до суда отдали имъ на поруки. Такія требованія о судебномъ раз-

---

*) Напомнимъ цитированное выше показаніе сорочинскаго урядника „въ Сорочинцахъ все было спокойно до введенія усиленной охраны и до появленія слуховъ объ арестахъ“. Самому уряднику Котляревскому грозили: „чтобы не крали людей по ночамъ“ (показ. ур.). „Мы знаемъ, зачѣмъ существуетъ полиція: чтобы красть людей“ (показ. пристава Якубовича. Листъ дѣла 70 и послѣд.).—Всѣ примѣчанія къ этому письму дѣлаются теперь. В. К.

слѣдованіи, вмѣсто ненавистнаго административнаго усмотрѣнія,— становятся общими, имѣли мѣсто въ разныхъ селахъ и мѣстечкахъ нашей губерніи и сопровождались кое-гдѣ успѣхомъ. Сорочинцамъ было отказано. Тогда они, въ свою очередь, арестовали урядника и пристава.

19 декабря помощникъ исправника Барабашъ пріѣхалъ въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ. Онъ видѣлся съ арестованными и, какъ говорятъ, уступая ихъ убѣжденіямъ, обѣщалъ ходатайствовать объ освобожденіи Безвиконнаго и отошелъ съ отрядомъ. Но затѣмъ, къ несчастью, онъ остановился на окраинѣ, раздѣлилъ свой отрядъ, сдѣлалъ обходное движеніе, и опять подъѣхалъ къ толпѣ. Произошло роковое столкновеніе, подробности котораго установитъ судъ. Въ результатѣ смертельно раненъ помощникъ исправника, смертельно ранено и убито до 20 сорочинскихъ жителей...

Извѣстно ли вамъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли эти двадцать человѣкъ? Всѣ они убивали исправника? Нападали? Сопротивлялись? Защищали убійцъ?

Нѣтъ. Казаки не удовольствовались разсѣяніемъ толпы и освобожденіемъ пристава. Они кинулись за убѣгавшими, догоняли и убивали ихъ. Этого мало: они бросились въ мѣстечко и стали охотиться за жителями, случайно попадавшимися на пути.

Такъ именно около дома г-на Малинки убитъ сторожъ *Отрешко*, мирно обметавшій снѣгъ около хозяйскаго крыльца *). Такъ *Евстафій Гарковенко* «смыкалъ» для скота сѣно изъ стога, въ своемъ дворѣ, за версту отъ волостного правленія. Казакъ прицѣлился, и раненый Гарковенко упалъ ранѣе, чѣмъ могъ замѣтить злодѣя. Такъ, старикъ аптекарь Фабіанъ *Перевозскій* возвращался съ сыномъ изъ почтоваго отдѣленія. Около дома Орлова ихъ настигъ убійца-казакъ, который застрѣлилъ сына на глазахъ у отца. Такъ Сергѣй Ивановичъ *Ковтунъ* убитъ въ шести саженяхъ отъ своихъ

---

*) Показанія: *свящ. Греченко* (листъ дѣла 215) :„Казакъ перегнулся черезъ заборъ и выстрѣлилъ". Показ. *дворянина Малинки* (листъ 245 и слѣд).: „Отрешко былъ раненъ подъѣзжавшимъ казакомъ изъ-за забора въ то время, какъ онъ былъ во дворѣ". Показаніе *старшины Копитько* (листъ 214), *старосты Поззика* (листъ 216), *урядника Котляревскаго* (листъ 216—217)и др. Интересно указаніе дворянина Малинки, что серія выстрѣловъ, отъ которой между прочимъ погибъ Отрешко, раздалась долго спустя послѣ залповъ у волостного правленія. Урядникъ Котляревскій слышалъ, что это стрѣляли казаки, возвращавшіеся изъ больницы, куда они отвезли Барабаша. Объ *одномъ* такомъ запоздаломъ выстрѣлѣ говоритъ и полковникъ Бородинъ (листъ 50 и послѣд.). По этому поводу онъ производилъ разспросы, но кто стрѣлялъ—узнать ему не удалось. Сотникъ Щетихинъ (листъ 108),наоборотъ,утверждаетъ, что онъ доложилъ полковнику, что выстрѣлъ былъ данъ по собравшейся толпѣ „исключительно вооруженныхъ людей", и говоритъ еще объ одномъ выстрѣлѣ. Фактъ тотъ, что были выстрѣлы долго спустя послѣ разгона.

воротъ. Такъ, *женщина* жена крестьянина *Маковецкаго,* убита въ самыхъ воротахъ. Такъ, у *дѣвушки Келеповой* прострѣлены пулей обѣ щеки *). Я могъ бы вамъ перечислить, при какихъ условіяхъ и гдѣ именно убиты всѣ погибшіе въ Сорочинцахъ. Но я считаю достаточнымъ сказать, что 8 человѣкъ убиты у волостного правленія и въ непосредственной близости, двѣнадцать же пали на улицахъ, у своихъ домовъ и въ глубинѣ дворовъ **)...

Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я позволю себѣ спросить: одно ли преступленіе совершено въ Сорочинцахъ 19 декабря, или ихъ совершено много? Думаете ли вы, что драгоцѣнна только кровь людей въ мундирахъ, а кровь людей въ свиткахъ и сермягахъ, кровь Отрешка, Гарковенка, Ковтуна, Маковецкой, Келеповой и имъ подобныхъ можно лить безнаказанно, какъ воду? Не кажется ли вамъ, что, если необходимо изслѣдовать, кто и при какихъ обстоятельствахъ убилъ несчастнаго Барабаша, то не менѣе необходимо, чтобы правосудіе занялось и тѣмъ, кто, вооруженный, убивалъ на улицахъ, на дворахъ, въ огородахъ безоружныхъ, простыхъ людей, не нападавшихъ, не сопротивлявшихся, не бывшихъ на мѣстѣ рокового происшествія, не знавшихъ о немъ и умершихъ въ этомъ незнаніи.

О, да! Мнѣ нѣтъ никакой надобности примѣнять къ этой трагедіи великія начала новаго, основного закона... Для этого достаточно любого закона, любой страны, имѣющей хоть самыя несовершенныя понятія о законѣ писанномъ или обычномъ. Отправьтесь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въ страну полудикихъ курдовъ, на родину башибузуковъ. И тамъ любой судья отвѣтитъ вамъ: «У насъ,—скажетъ онъ безъ сомнѣнія,—тоже много вооруженнаго разбоя, опозорившаго нашу страну передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но и наши несовершенные законы признаютъ, что кровь людей въ простой одеждѣ такъ же взываетъ къ правосудію, какъ и кровь убитаго чиновника».

---

*) Объ Евстафіи Гарковенко есть показанія, что онъ раненъ не во дворѣ, а на площади. *Ковтунъ* найденъ въ 20 саженяхъ отъ своихъ воротъ (показанія: *урядника Котляревскаго,* листъ 216 и слѣд.; *старосты Повзика,* л 216, *Кіяшко,* л. 217 и слѣд., *старшины Копитько,* л. 214, и др.). *Келепова* не ранена, а убита у женской школы, а у *Маковецкой* прострѣлены щеки въ 100 саженяхъ отъ ея воротъ (*урядникъ Котляревскій,* кр. *Кіяшко,* староста *Повзикъ, свящ. Гречепко* и др.).

**) Фактъ установленъ показаніями кр. *Кіяшко* (217). На его глазахъ стрѣляли въ женщинъ, убѣгавшихъ по улицѣ. Женщины шли не отъ волости, а иныя стояли у своихъ воротъ. *Анна Сорока* (218) видѣла, какъ казаки стрѣляли въ лежавшую на снѣгу дѣвушку. Въ нее (сороку) тоже стрѣляли, когда она перебѣгала улицу (далеко отъ волости). *Гриценко* (217) и урядникъ *Котляревскій* (216) слышали, что это дѣлалъ отрядъ, возвращавшійся изъ больницы, куда отвезли Барабаша (ср. съ примѣчаніемъ выше). Фактъ погони и убійствъ на улицахъ признанъ опредѣленіемъ суда по моему дѣлу.

Рѣшитесь ли вы, открыто и гласно, отрицать это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ?

Навѣрное—нѣтъ! И, значитъ, мы оба согласны, что представителю власти и закона, отправлявшемуся въ Сорочинцы впервые послѣ трагедіи 19 декабря, предстояла суровая, но и почетная и торжественная роль. Въ это мѣсто, уже охваченное смятеніемъ, печалью и ужасомъ, онъ долженъ былъ внести напоминаніе о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ, справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страсти данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы, но также (замѣтьте это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ), *не допускающемъ и мысли о кастовой мести со стороны чиновничества всему населенію*...

Ему предстояло еще показать народу, что прежніе законы въ Россіи не перестали дѣйствовать, но что и гарантіи правосудія, торжественно обѣщанныя царскимъ манифестомъ,—тоже не мертвая буква и не нарушенное обѣщаніе. Но объ этомъ мы уже условились не говорить съ вами, г. статскій совѣтникъ Филоновъ... При томъ же, если бы эта послѣдняя задача имѣлась въ виду, то, конечно, ее возложили бы не на васъ.

Между тѣмъ, къ удивленію многихъ въ Полтавѣ, именно на васъ возложена тяжелая, трудная и почетная роль представителя «законной» власти въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ послѣ 19 декабря.

Какъ вы ее поняли? И какъ выполнили?

Факты.

21 декабря изъ Сорочинецъ увезли тѣло несчастнаго Барабаша, умершаго въ больницѣ. Еще не стихъ печальный перезвонъ церковныхъ колоколовъ, какъ вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въѣхали въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ *).

Были ли въ то время какіе-нибудь признаки возмущенія? Было ли вамъ оказано сопротивленіе? Построили вамъ навстрѣчу баррикады? Собрались съ оружіемъ? Мѣшали вашимъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ?

Нѣтъ, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ, которые бы говорили о сопротивленіи и противодѣйствіи.

Жители были подавлены страшнымъ несчастіемъ 19 декабря, разразившимся надъ ними неожиданно, стихійно и такъ ужасно **). Они понимали, что теперь неизбѣжно вмѣшательство правосудія и,

---

*) Не точно: тѣло Барабаша увезено 22-го декабря утромъ. Отрядъ Филонова прибылъ еще наканунѣ, 21-го, и уже въ ночь были произведены аресты. Это показываетъ еще яснѣе, что въ Сорочинцахъ къ этому времени не было никакихъ признаковъ бунта, если уже наканунѣ экзекуціи можно было не только арестовывать (показаніе подъесаула Сичокова), но и истязать арестованныхъ. Показаніе старшины Копитько (л. 214 и слѣд.): „21-го въ 4 ч утра потребованъ Филоновымъ въ волость и видѣлъ тамъ арестованныхъ Готлиба и Герасима Муху. Они были избиты до того, что ихъ трудно было узнать“.

**) „На слѣдующій день все было спокойно“ (показаніе урядника).

если бы въ село прибылъ судебный слѣдователь, вооруженный только закономъ, то и онъ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. А если бы съ нимъ и были казаки, то они знали бы, что ихъ роль—только охрана должностнаго лица и его законныхъ дѣйствій, а не наказаніе еще не обвиненныхъ людей, не буйство, не истязанія, не насилія, которыя, въ свою очередь, караются закономъ.

Да, это несомнѣнно было бы такъ, тѣмъ болѣе, что отъ судебной власти жители ждали бы правосудія и для себя, за кровь своихъ близкихъ...

Но въ Сорочинцы былъ посланъ не судебный слѣдователь, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ (старшій совѣтникъ губернскаго правленія), и на васъ падаетъ вина въ томъ, что вооруженный отрядъ, отданный въ ваше распоряженіе, изъ охранителей силы закона превратился въ его нарушителей и насильниковъ.

Вы сразу стали поступать въ Сорочинцахъ, какъ въ завоеванной странѣ. Вы велѣли «согнать сходъ» и объявили, что, если сходъ не соберется, то вы разгромите все село, «не оставивъ отъ него и праха» *). Мудрено ли, что послѣ такого приказанія и въ такой формѣ, казаки принялись выгонять жителей по своему. Мудрено ли, что теперь въ селѣ, называя имена, говорятъ о цѣломъ рядѣ вымогательствъ и даже изнасилованій, произведенныхъ отрядомъ, состоявшимъ въ вашемъ распоряженіи **)?

Для чего же вамъ понадобился этотъ сходъ и какія законныя слѣдственныя дѣйствія производили вы въ его присутствіи?..

Прежде всего, вы поставили ихъ *всѣхъ на колѣни,* окруживъ казаками съ обнаженными шашками и выставивъ два орудія. Всѣ покорились, всѣ стали на колѣни, безъ шапокъ и на снѣгу...

---

*) „Филоновъ говорилъ, что навѣрное по мѣстечку придется открыть огонь" (показаніе подъесаула Ончокова, л. 116 и слѣд.). „Филоновъ объявилъ, что, если бы отрядъ вновь былъ встрѣченъ набатомъ, то мѣстечко могло бы быть сожжено" (показаніе подъесаула Чернявскаго, л. д. 118).

**) Показанія о грабежахъ въ Сорочинцахъ и Устивицѣ: *урядника Котляревскаго*: многіе, въ особенности евреи *заявляли мнѣ* объ ограбленіи (л. д. 216—217). Поч. миров. судьи *Лукьяновича* (со словъ урядника Бокитько, л. д. 124). *Урядникъ Бокитько*: казаки забирались въ частные дома „Мнѣ заявляли, что *они просто грабили*" (л. 211 и слѣд.); *Кремянскій* (воспит. учит. сем. л. д. 178). „стражникъ Балакшій подтвердилъ. что забирались въ дома и сказалъ: мы сами ихъ отгоняли". Свящ. *Станиславскій* подтвердилъ, что были грабежи, но приписывалъ ихъ не казакамъ (л. 208). Старшина *Луценко* (Устивица): по приказанію исправника собиралъ заявленія потерпѣвшихъ, но затѣмъ исправникъ приказалъ заявленія уничтожить, а свою (исправника) бумагу вернуть ему обратно (л. 209). Есть еще показаніе старшины Повзика (л. 216), Анны Сороки (грабежъ въ присутствіи пристава, Юровскаго 219), Герасима Мухи (л. 59), Авр. Готлиба (л. 68). Существованіе упорныхъ слуховъ о насиліяхъ надъ женщинами подтверждаетъ Кремянскій, Гриценко (л. 217), Сура Готлибъ (220), Кіяшко (л. 217) и др.

Только часа черезъ два вы спохватились, что въ этой колѣнопреклоненной толпѣ есть два георгіевскихъ кавалера. Вы ихъ отпустили. Потомъ отпустили новобранцевъ и малолѣтнихъ. Остальныхъ, подъ угрозой смерти, вы держали, такимъ образомъ, въ теченіе $4^1/_2$ часовъ, даже не подумавъ о томъ, что въ этой беззаконно истязуемой вами толпѣ могутъ быть лица, еще не похоронившія невинно убитыхъ 19 декабря братьевъ, отцовъ, дочерей, передъ которыми другіе должны бы стоять на колѣняхъ, вымаливая прощеніе—въ убійствѣ *)...

Эта толпа нужна была вамъ, какъ фонъ, какъ доказательство вашего совѣтницкаго всемогущества, величія и... презрѣнія къ законамъ, ограждающимъ личность и права русскихъ гражданъ отъ безразсуднаго произвола. Дальнѣйшее «дознаніе» состояло въ томъ, что вы вызывали отдѣльныхъ лицъ, по заранѣе составленному списку.

Для чего? Для допроса? Для установленія степени вины и отвѣтственности?

Нѣтъ, едва вызванный раскрывалъ ротъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, объясниться, быть можетъ, доказать полную свою непричастность къ случившемуся, какъ вы, собственной совѣтницкой рукой съ размаха ударяли его по физіономіи и передавали казакамъ, которые, по вашему приказу, продолжали начатое вами преступное истязаніе, валили въ снѣгъ, били нагайками по головѣ и лицу, пока жертва не теряла голоса, сознанія и человѣческаго подобія...

Такъ именно поступили вы, напримѣръ, съ Семеномъ Гриценко, у котораго, какъ вамъ донесли, ночевалъ одинъ изъ «ораторовъ». Укажите мнѣ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, такой законъ, по которому человѣкъ, пріютившій другого на ночь, отвѣчалъ бы за всѣ его слова и дѣйствія, самая преступность которыхъ тоже еще не доказана? И однако, едва Гриценко открылъ ротъ для объясненій, какъ вы принялись бить его по лицу, а затѣмъ передали для побоевъ казакамъ. Избитаго разъ, его посадили въ холодную, этого показалось мало: вы опять его вызвали, опять не дали говорить, опять били сами и передали казакамъ для вторичнаго истязанія... Такъ же поступили вы еще съ Герасимомъ Мухой, у котораго хранился ключъ отъ закрытой обществомъ «монополіи», только этого вы еще ударили ногою въ животъ. Такъ же (два раза) били вы Василія Покрова, потомъ истязали Аврама Готлиба, Семена Сорокина, Семена Коверко. Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ

*) О томъ, что толпа была поставлена въ снѣгъ на колѣни—единогласно говорятъ всѣ, начиная съ полковника Бородина и кончая казаками и урядниками. Разно опредѣляютъ только время: *Хорунжій Дюжинъ* (112—114) и *подъесаулъ Очаковъ* опредѣляютъ время въ 3 часа. Старшина *Копитько* (214), *староста Повзикъ* (216) и *урядникъ Котляревскій* отъ 4 до $1^1/_2$ ч. Въ Устивицѣ 2—$2^1/_2$ часа.

двадцать человѣкъ, которыхъ вы били собственными руками, лягали ногами и приказывали бить еще нагайками *). Упомяну еще только студента Романовскаго...

Студентъ Романовскій лицо «привилегированное» и потому вы не посмѣли бить его собственноручно. Вы даже не сразу приказали бить его и казакамъ; вы только отправили его въ холодную. Тогда кто-то изъ казаковъ сказалъ: «Почему же не подъ нагайки»...

Вы нашли, что спросившій правъ. Всѣ равны передъ закономъ. Вы здѣсь творили вопіющія беззаконія, почему же не уравнять всѣхъ передъ беззаконіемъ? Студента вызвали изъ холодной. Едва онъ вышелъ на крыльцо — его толкнули на снѣгъ и избили... Къ счастью, какой-то сердобольный человѣкъ посовѣтовалъ ему предварительно обернуть голову и лицо башлыкомъ **)...

Но и этого всего вамъ показалось недостаточно, и потому, оглядѣвъ толпу, стоявшую на колѣняхъ передъ вашимъ совѣтницкимъ величіемъ, вы вдохновились на новый актъ изысканной жестокости. Вы велѣли евреямъ отдѣлиться отъ православныхъ, поставили ихъ на колѣни отдѣльно и приказали казакамъ бить ихъ всѣхъ, безъ разбора. Вы объяснили это тѣмъ, что «евреи — умны и что они—враги Россіи». Казаки ходили среди колѣнопреклоненной толпы и хлестали направо и налѣво, мужчинъ, подростковъ, сѣдыхъ стариковъ. «Якъ вівчаръ-вівці» — (какъ овчаръ овецъ) по картинному выраженію одного изъ очевидцевъ. А вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, глядѣли на это избіеніе и поощряли бить сильнѣе ***).

---

*) Относительно собственноручной расправы Филонова и дальнѣйшихъ побоевъ нагайками свидѣтели показываютъ единодушно. Привожу наиболѣе характерныя показанія: *хорунжій Дюжинъ*: „нѣкоторыхъ изъ наиболѣе главныхъ зачинщиковъ Филоновъ самъ вытаскивалъ, давая тумаки“ (л. 112 и слѣд.); подъ-эсаулъ *Овчаковъ* (114 и слѣд.): „Филоновъ своими руками выхватывалъ подлежащее экзекуціи лицо и приказывалъ идти въ волость, въ арестантскую, и его по дорогѣ принимала экзекуц. команда и била нагайками“. Свящ. *Греченко* (215) видѣлъ, какъ „Филоновъ какого-то человѣка толкалъ ногами, когда тотъ не въ состояніи былъ встать“. Священникъ два раза уходилъ со схода, чтобы не видѣть этого. Гер. *Муха* (л. 59): Филоновъ ударилъ его ногой въ животъ и т. д., и т. д.

**) Эпизодъ со студ. Романовскимъ единогласно подтверждаютъ всѣ свидѣтели казаки, утверждая только, что по головѣ вообще не били.

***) Этотъ фактъ тоже установленъ многочисленными свидѣт. показаніями. Особенно характерны: *подъэсаулъ Овчаковъ* (116—118): „ Короленко написалъ неправду, будто били толпу. Дѣйствительно былъ такой эпизодъ: мѣстные евреи были поставлены отдѣльно на колѣни. Когда Филоновъ подошелъ къ нимъ, и они „загалдѣли“, начали вставать съ колѣнъ, то Филоновъ приказалъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ проучить нагайками“. То же показали: *подъ-эсаулъ Черняевскій* (119), *сотникъ Ивановъ* (119) прибавляетъ: „давали 10—15 ударовъ не болѣе“. —„экзекуція была легкая“. *Староста Повзикъ* (216): „всей толпы поголовно казаки не били, а лишь избили выдѣленную толпу евреевъ“ Кр. *Кіянко*“ (217): „Всей толпы не били, евреевъ же колотили всѣхъ поголовно“.

Г. статскій совѣтникъ Филоновъ! Повѣрьте мнѣ: я усталъ, излагая только на бумагѣ всѣ беззаконныя истязанія и звѣрства, которымъ вы, подъ видомъ яко бы законныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, подвергали безъ разбора жителей Сорочинецъ, не стараясь даже уяснить себѣ, - причастны они, или не причастны къ трагедіи 19 декабря... А между тѣмъ, вы производили все это надъ живыми людьми, и мнѣ предстоитъ еще разсказать, какъ вы отправились на слѣдующій день для новыхъ подвиговъ въ Устивицу... А за вами, какъ за тріумфаторомъ, избитые, истерзанные, изстрадавшіеся, тащились ваши сорочинскіе плѣнники, которымъ мѣсто было только въ больницѣ...

Такъ ѣхали вы въ Устивицу возстановлять силу закона...

Въ дальнѣйшеемъ я буду кратокъ.

Что было въ Устивицѣ до вашего появленія? Тамъ не было ни бунта, ни ареста пристава, ни убійства исправника, ни столкновеній. Тамъ только жители постановили приговоръ о закрытіи монополіи и привели его въ исполненіе ранѣе полученія оффиціальнаго разрѣшенія. Замокъ на дверяхъ монополіи одинъ только свидѣтельствовалъ о томъ, что жители села рѣшили «самовольно» прекратить у себя пьянство *).

Они сдѣлали это съ нарушеніемъ законныхъ формъ... Да это правда. Ну, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, вы—чиновникъ и слуга закона! Сами вы соблюдали «законныя формы» при совершеніи вашего злого дѣла?

Здѣсь я скажу только, что, мстя на этотъ разъ лишь за права казенной винной продажи, вы прежде всего избили старосту, съ котораго сорвали знакъ и бросили въ снѣгъ. Затѣмъ вы поколотили писаря, котораго били не только руками, но изломали на немъ счеты, послѣ чего писарь не могъ уже составлять протоколовъ и писать приговоры. Тутъ же избитъ вами Діонисій Ив. Бакало, пришедшій въ правленіе за справками, котораго вы колотили по головѣ «исходящей книгой»... **) Жителей Устивицъ вы такъ же

*) Показ. свящ. А. А. Троцыны: жители еще въ октябрѣ ходатайствовали о закрытіи винной лавки. Когда пріѣзжалъ чин. Коноваловъ, они повторили просьбу, и онъ обѣщалъ ходатайствовать (л. 175).

**) Показанія: *старшины Луценко* (л. 209—211): Филоновъ началъ бить людей у чернаго входа въ волость... Досталъ откуда-то простую палку и началъ бить находившихся въ корридорѣ людей. Его (старшину) началъ бить сразу, сорвалъ знакъ, разбилъ губы и велѣлъ еще бить казакамъ.— Писарь Волошинъ, избитый Филоновымъ „теперь (іюнь 1906) еще въ больницѣ въ Полтавѣ.—*Ур. Бокитько* (211—213): при немъ Фил. побилъ старосту Кирьяна, судью Панкова, и писаря Волошина (послѣдняго билъ счетами и канцел. книгами). Фил. посылалъ его разыскивать учительницу и, по словамъ казачьяго сотника, „хотѣлъ ее для примѣра сильно выпороть".— Учит. *Крапивина* (209): *Филоновъ* кричалъ въ волости: „подайте мнѣ эту бабу, я ее проучу".—*Терещенко* (177): Дениса Бокала 9 казаковъ били 3 раза; „я думалъ, его убьютъ".—*Свящ. Троцина*: (188): Фил. избилъ старшину и писаря. Сходъ былъ поставленъ на колѣни (2 часа). Свидѣтель

поставили въ снѣгъ на колѣни, такъ же казаки били ихъ нагайками и также суду, если таковой состоится, предстоитъ рѣшить, правильны ли ужасающіе разсказы жителей объ изнасилованіяхъ, которымъ подвергали устивицкихъ женщинъ казаки, находившіеся въ вашемъ распоряженіи *)... Вы поймете, конечно, что имена жертвъ въ этихъ случаяхъ не такъ легко поддаются оглашенію.

Толпу вы держали и здѣсь на колѣняхъ два часа, вымогая у нея, какъ и въ Сорочинцахъ, имена «зачинщиковъ» и требуя приговора о ссылкѣ непріятныхъ администраціи лицъ. Вы забыли при этомъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, что пытка отмѣнена еще Александромъ I-мъ, что тѣлесное наказаніе, *даже по суду*, отмѣнено для всѣхъ манифестомъ отъ 11 августа 1904 года, а приговоры, добытые подобными, явно преступными, пріемами, не имѣютъ ни малѣйшей силы...

Я кончилъ. Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я буду ждать.

Я буду ждать, что, если есть еще въ нашей странѣ хоть тѣнь правосудія, если у васъ, у вашихъ сослуживцевъ и у вашего начальства есть сознаніе профессіональной чести и долга, если есть у насъ обвинительныя камеры, суды и судьи, помнящіе, что такое законъ или судейская совѣсть, то кто-нибудь изъ насъ долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и понести судебную кару: Вы или я.

Вы,—такъ какъ вамъ гласно кинуто обвиненіе въ дѣяніяхъ, противныхъ служебному долгу, достоинству и чести, въ томъ, что вы, подъ видомъ слѣдственныхъ дѣйствій, внесли въ Сорочинцы и Устивицу не идею правосудія и законной власти, а только свирѣпую и беззаконную месть чиновничества за чиновника и за ослушаніе чиновникамъ.

Месть даже не виновнымъ,—для ихъ установленія нужно было разслѣдованіе. Нѣтъ, вы принесли слѣпую и дикую грозу истязанія и насилія надъ людьми безъ разбора, въ томъ числѣ и надъ завѣдомо невинными!..

А если вы можете отрицать это, то я охотно займу ваше мѣсто

сталъ заступаться, доказывая, что старшина и писарь не виновны, а на сходѣ по большей части находятся люди, непричастные къ закрытію винной лавки. Тогда Филоновъ велѣлъ людямъ встать съ колѣнъ, и потомъ вновь поставилъ на колѣни и заставилъ извиняться передъ старшиной, за то, что онъ, Филоновъ, наказалъ его невинно, за людей. Сторожъ Галайдичъ разсказывалъ свидѣтелю, что у него въ хатѣ казаки 23 декабря избили его чахоточнаго сына солдата, вернувшагося раненымъ съ войны за то, что, будто бы, онъ не хочетъ идти на сходъ. *Бережной* (учит. мин. шк.) 176. У избитаго Филоновымъ Панкова видѣлъ кровь на лицѣ.

*) *Кремянскій* (воспит. дух. уч.) л. 178: Мѣстная жительница, молодая, красивая женщина еле отдѣлалась отъ любезностей казаковъ, которые гонялись за нею, и такъ перепугалась, что нервно заболѣла.

на скамьѣ подсудимыхъ и буду доказывать, что вы совершили больше, чѣмъ я здѣсь могъ изобразить моимъ слабымъ перомъ... Я докажу, что, называя васъ истязателемъ, насильникомъ и беззаконникомъ, я говорю лишь то, что непосредственно вытекаетъ изъ совершенныхъ вами дѣяній. Потому что вы, несомнѣнно, производили истязанія, насилія и беззаконія. Вы попирали всѣ законы, старые и новые, вы подрывали въ народѣ не только уже вѣру въ искренность и значеніе манифеста, но и самую идею закона и власти. А это значитъ, что вы и подобные вамъ толкаете народъ на путь отчаянія, насилія и мести.

Я знаю: вы можете сослаться на то, что вы не одинъ, что дѣянія, подобныя вашимъ, можетъ быть, превосходившія ваши,— остаются у насъ безнаказанными... Это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ—пока печальная истина.

Но это не оправданіе для васъ. Къ вамъ же я обращаюсь потому, что живу въ Полтавѣ, что она полна живыми образами вашихъ насилій, что до меня доносятся стоны и жалобы вашихъ жертвъ...

А если и вы, какъ другіе вамъ подобные, останетесь безнаказаннымъ, если, избѣгнувъ всякаго суда по снисходительности начальства и безсилію закона, вы вмѣстѣ съ кокардой предпочтете носить клеймо этихъ тяжелыхъ публичныхъ обвиненій, то и тогда я вѣрю,—что это мое обращеніе не пройдетъ безслѣдно.

Пусть страна видитъ, къ какому порядку, къ какой силѣ законовъ, къ какой отвѣтственности должностныхъ лицъ, къ какому огражденію правъ русскихъ гражданъ зовутъ ее два мѣсяца спустя послѣ манифеста 17 октября».

Я нарочно снабдилъ текстъ своего письма подробными примѣчаніями, извлеченными изъ дѣла «о писателѣ Владимірѣ Галактіоновичѣ Короленко и бывшемъ редакторѣ газ. «Полтавщина», Дмитріи Осиповичѣ Ярошевичѣ», обвинявшихся въ распространеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній. Изъ этихъ примѣчаній читатель можетъ видѣть, насколько «ложны» эти свѣдѣнія и въ какой степени слѣдственный матеріалъ смягчаетъ картину тѣхъ дѣяній, по поводу которыхъ мы взывали къ суду. Общее заключеніе сдѣлано полтавскимъ окружнымъ судомъ въ опредѣленіи, которымъ прекращено наше дѣло. Къ этому интересному опредѣленію мнѣ придется еще, быть можетъ, вернуться, когда я буду говорить о роли суда въ мрачной трагедіи безправія и насилія, центромъ которой явилась дѣятельность покойнаго Филонова. Здѣсь же я приведу лишь ту часть утвержденнаго судомъ заключенія г-на полтавскаго прокурора, которая прямо относится къ дѣлу:

«Обращаясь засимъ къ тѣмъ частямъ письма Короленко,— говорится въ этомъ документѣ,—гдѣ изложена чисто фактическая

сторона событій съ момента столкновенія толпы съ казаками, нельзя не признать ее въ общемъ соотвѣтствующей дѣйствительности. Несомнѣнно есть и въ этой части «ошибки и неточности», по выраженію свидѣтелей, но это всегда возможно при полной правдивости автора, когда приходится излагать событія, передаваемыя со словъ другихъ, да еще потерпѣвшихъ людей. Какъ выяснилось на предварительномъ слѣдствіи, нѣкорыя лица были убиты въ м. Сорочинцахъ далеко отъ волости, а сторожъ г. Малинки, Отрешко, ни въ чемъ неповинный, былъ убитъ дѣйствительно во дворѣ. Что касается «корреспонденціи изъ Устивицы», то всѣ изложенные въ ней факты нашли себѣ полное подтвержденіе на предварительномъ слѣдствіи. Не подтвердилось лишь сообщеніе о грабежахъ и насиліяхъ казаковъ надъ жителями, хотя по этому поводу въ м. Устивицы, какъ и въ мѣст. Сорочинцахъ ходили упорные слухи» *).

Въ виду этого, судъ призналъ, что привлеченіе къ отвѣтственности писателя Короленко и бывшаго редактора Ярошевича «не можетъ имѣть мѣста». Что же касается до освѣщенія событій, и извѣстной «пристрастности», которую суду угодно было усмотрѣть въ моемъ отношеніи къ дѣяніямъ уже наказанныхъ свыше мѣры сорочинскихъ жителей, съ одной стороны, и продолжавшаго свою дѣятельность ст. сов. Филонова съ другой, то и самый судъ находитъ — совершенно справедливо, — что, во-первыхъ, «освѣщеніе является не наказуемымъ» (и значитъ не подлежавшимъ оцѣнкѣ суда?), а во-вторыхъ «можетъ быть результатомъ просто точки зрѣнія и настроенія автора». Послѣднее соображеніе представляется уже совершенно непререкаемымъ. Дѣйствительно, «освѣщеніе событій» объясняется главнымъ образомъ, моей точкой зрѣнія, которую я и постараюсь изложить въ дальнѣйшихъ главахъ этого скорбнаго очерка и въ оцѣнкѣ которой полтавскій окружный судъ никакой спеціальной авторитетностію не обладаетъ.

III.

Чего я добивался?

Для всякаго безпристрастнаго человѣка это ясно: цѣль моего письма выражена заключительными словами,—обращенными къ ст. сов. Филонову:

---

*) Позволимъ себѣ напомнить извлеченія изъ показаній официальныхъ лицъ: урядниковъ Котляревскаго и Бокитько, старшинъ Луценко и Копитько и др. сельскихъ властей, которые говорятъ не только о слухахъ, но и о прямыхъ *заявленіяхъ потерпѣвшихъ.* Суду не угодно было также обратить вниманіе на то, *какъ* было прекращено уже начатое дознаніе и уничтоженъ уже составленный списокъ потерпѣвшихъ (см. выше, въ показ. урядника Бокитько, старшины Луценко, и поч. миров. судьи Лукьяновича). Можно ли при такихъ условіяхъ считать эти слухи «не подтвердившимися»?

«Я буду ждать, что, если есть еще въ нашей странѣ тѣнь правосудія... то кто-нибудь изъ насъ долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ. Вы или я».

Теперь доказано, что ст. сов. Филоновъ совершилъ все то, о чемъ я писалъ, и что набросанная мною картина явилась неполнымъ, но правдивымъ изображеніемъ его дѣйствій. Между тѣмъ, за вину сорочинскихъ жителей 20 человѣкъ изъ нихъ было убито, 10 ранено, сотни подвергнуты жестокому истязанію, нѣкоторые еще теперь ожидаютъ въ тюрьмѣ судебнаго возмездія Итакъ, одну сторону настигла жестокая административная кара. И судебная репрессія, которая еще ждетъ многихъ сорочинскихъ жителей, явится лишь запоздалымъ придаткомъ къ неправосудной расправѣ.

Я добивался суда и для другой стороны.

Далѣе: много, конечно, Филоновыхъ на Руси, и много ихъ дѣяній остается безнаказанными. Но Филоновъ полтавскій продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, заражая примѣромъ беззаконныхъ расправъ и личной жестокости подчиненныхъ полицейскихъ агентовъ. За Сорочинцами послѣдовала Устивица, за Устивицей—погромъ разразился надъ непричастной къ волненіямъ Кривой Рудой, и въ Полтаву приходили слухи о новыхъ предпріятіяхъ въ разныхъ мѣстахъ, откуда въ паникѣ бѣжали жители, совершенно такъ, какъ это описывали свидѣтели устивицкой паники, г. Кремянскій и г-жа Крапивная. При этомъ мнѣ невольно приходила въ голову горькая мысль, что, если бы я написалъ свое письмо тотчасъ послѣ сорочинскихъ событій, то, быть можетъ, не было бы истязаній въ Кривой Рудѣ.

Итакъ,—вторая моя задача, непосредственная и повелительная, диктовалась нѣкоторой надеждой на то, что громко сказанное слово еще можетъ остановить разливающіяся все шире беззаконія и жестокость.

Наконецъ,—и, быть можетъ, это всего важнѣе,—у меня была еще одна цѣль. Еще недавно въ Сорочинцахъ царило почти эпидемическое возбужденіе, и вся толпа была во власти одного загипнотизировавшаго ее человѣка. Черезъ два дня та же толпа стояла на колѣняхъ передъ другимъ человѣкомъ, окружившимъ ее казаками и пушками и гипнотизировавшаго ее, въ свою очередь, ужасомъ беззаконныхъ насилій.

Когда я добивался преданія суду Филонова, то меня все время не оставляло представленіе объ этихъ двухъ полюсахъ, между которыми колебалось настроеніе толпы.

Я хотѣлъ вызвать въ ней другое, болѣе здоровое настроеніе, достойное сознательныхъ гражданъ обновляющейся страны. Я думалъ, что свободный и смѣлый голосъ печати можетъ поднять этихъ людей съ колѣнъ и напомнить, что и у нихъ есть законное право, котораго они должны добиваться. Я хотѣлъ также напомнить суду о его важной роли среди смятенія и тревоги обновляющейся страны.

Съ той поры, когда мы имѣли бы возможность огласить въ газетѣ первые рѣшительные шаги въ этомъ направленіи со стороны администраціи и суда,—я считалъ бы свою задачу оконченной или говорилъ бы о дѣяніяхъ Филонова съ гораздо большимъ «спокойствіемъ».

Была ли какая-нибудь надежда на то, что ясная цѣль моего письма будетъ достигнута и что Филоновъ дѣйствительно будетъ привлеченъ къ отвѣтственности?

Я знаю, какія улыбки вызоветъ мой отвѣтъ послѣ всего, что произошло и послѣ того, какъ самъ я (не смотря на очевидную и *завѣдомую* правдивость всего мною изложеннаго) цѣлый годъ состоялъ подъ слѣдствіемъ и въ подозрѣніи. И тѣмъ не менѣе, я всетаки отвѣчу, что эта надежда не была лишена нѣкоторыхъ основаній.

Мое письмо было воспроизведено, частью цѣликомъ, частью въ значительныхъ выдержкахъ, на страницахъ многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Затѣмъ переводы и выдержки появились въ заграничной прессѣ. Я получалъ изъ-за границы письма, съ просьбой о сообщеніи дальнѣйшихъ судебъ этого дѣла.

Тяжба была поставлена широко, и въ этой тяжбѣ между независимой печатью и произволомъ, казалось, не можетъ быть проигрыша для дѣла, которое я отстаивалъ. На глазахъ у всей страны были указаны факты вопіющаго беззаконія въ то самое время, когда она призывалась къ законности, и характеръ репрессіи явно не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ: уже въ Сорочинцахъ толпа стояла на колѣняхъ; въ Устивицѣ картина еще менѣе осложнялась незначительными волненіями и закрытіемъ винной лавки. Криворудскій погромъ не осложнялся уже ничѣмъ, и вопіющія стороны «карательныхъ пріемовъ» Филонова выступали не прикрытыя и беззащитныя передъ самымъ элементарнымъ правосудіемъ. Къ тому же, я оставался на мѣстѣ, готовый поддерживать свое обвиненіе или отвѣчать за него. Такимъ образомъ, типичная картина усмиреній была поставлена, точно подъ стеклянымъ колпакомъ, на виду у русской и заграничной печати. Оставалось довести ее до конца, освѣщая весь ходъ этого дѣла и каждый шагъ правосудія.

Осужденіе Филонова явилось бы и осужденіемъ его «системы дѣйствій». Приговоръ суда сказалъ бы внушительное Quos ego не однимъ только мелкимъ, но страшнымъ по своей многочисленности подражателямъ Филонова въ нашей и другихъ губерніяхъ. Онъ создавалъ бы то, что въ другихъ странахъ называютъ «прецедентомъ». Если бы дружными усиліями независимой печати удалось вывести самонадѣяннаго чиновника изъ-за окоповъ «служебной гарантіи» на свѣтъ гласнаго суда и осужденія, то это было бы первымъ еще фактическимъ осуществленіемъ «на мѣстахъ» тѣхъ «новыхъ началъ», которыя и до сихъ поръ остаются только словами, ничего не измѣнившими на всей поверхности русской жизни.

Вотъ для чего я рѣшился замѣнить безличныя корреспонденціи своимъ «открытымъ письмомъ», начинавшимъ планомѣрную кампанію. Какъ бы ни были слабы шансы успѣха, возможный всетаки результатъ тѣмъ дороже, что онъ былъ бы достигнутъ на почвѣ борьбы вполнѣ закономѣрной, къ которой призывалось также и само населеніе.

Сдавленныя чувства людей, покорно стоявшихъ на колѣняхъ въ снѣгу, подъ ударами нагаекъ и жерлами пушекъ,—плохая почва для «общественнаго спокойствія», не говоря уже о «новыхъ началахъ» и ихъ гарантіяхъ. Гораздо надежнѣе со всѣхъ точекъ зрѣнія напоминаніе «о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ и справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страстей данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы» *), но также устанавливающемъ равновѣсіе между виной и наказаніемъ и не допускающемъ мысли о безграничномъ произволѣ... однимъ словомъ о законѣ, какимъ онъ *долженъ быть*, къ которому *необходимо стремиться*.

И я считалъ и считаю теперь, что, если бы эта борьба завязалась и жители Сорочинецъ, Устивицы, Кривой Руды присоединились бы къ усиліямъ печати, мужественно отстаивая передъ судомъ, который готовится судить ихъ односельцевъ, также и свое право, попранное и нарушенное другой стороной,—то это было бы именно моментомъ, идущимъ въ направленіи закона и истиннаго «общественнаго порядка» **).

У меня есть нѣкоторое, косвенное, правда, но довольно убѣдительное доказательство того, что положеніе полтавской администраціи въ эти дни было дѣйствительно очень затруднительно, и что въ ея средѣ существовали колебанія, пошатнувшія служебную неприкосновенность ст. сов. Филонова. Это я заключаю изъ той позиціи, которую послѣ моего открытаго письма занялъ офиціозный органъ мѣстнаго чиновничества «Полтавскій Вѣстникъ» (редакторъ его, г. Иваненко, чиновникъ, совмѣщающій съ редактированіемъ «Вѣстника» также и должность редактора «Губернскихъ Вѣдомостей»).

Въ одной изъ статей, которыми отозвалась эта газета на мое открытое письмо, она *не отрицаетъ*, а только *заподазриваетъ* вѣрность сообщенныхъ мною фактовъ. Далѣе говорится о нашемъ вре-

*) Цитата изъ моего письма.

**) И я долженъ сказать, что это стремленіе отстаивать на законномъ пути свое право уже зарождалось: я получалъ прямыя и косвенныя заявленія отъ запуганныхъ и озлобленныхъ жителей злополучныхъ Сорочинецъ, которые соглашались поддержать открытое выступленіе печати. Мнѣ предлагали сотни свидѣтельскихъ показаній на случай суда, и даже двѣ женщины, потерпѣвшія тяжкія оскорбленія, соглашались разсказать о своемъ несчастіи, если дѣйствительно состоится судъ надъ Филоновымъ или надо мною.

мени, когда «разные агитаторы заставляютъ толпу ходить съ красными флагами, пѣть безсмысленныя пѣсни, звѣрски мучить животныхъ (sic), пускаютъ по міру ни въ чемъ неповинныхъ людей», при чемъ «зарево пожаровъ освѣщаетъ путь озвѣрѣлой толпы». Еще далѣе идутъ не особенно тонкіе намеки на то, что именно писатель Короленко своей литературной дѣятельностью поощряетъ и вызываетъ всѣ эти ужасы, что именно по его внушеніямъ мучатъ ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ и освѣщаютъ путь пожарами, и, наконецъ, высказывается предположеніе, что «открытое письмо» вызвано ничѣмъ инымъ, какъ мученіями совѣсти, которая по всѣмъ этимъ причинамъ терзаетъ писателя Короленко. Все это, разумѣется, совершенно въ порядкѣ вещей и не выходитъ изъ обычнаго тона полтавскаго оффиціоза. Не совсѣмъ обычно только окончаніе статьи:

«Г. Короленко не прочь сѣсть на скамью подсудимыхъ, если на ней не сядетъ Филоновъ. Лучше всего, если сядутъ *оба рядомъ*,—писатель Короленко и статскій совѣтникъ Филоновъ—и свободно выскажутся одинъ противъ другого—можетъ быть тогда яснѣе станетъ, насколько каждый изъ нихъ праведникъ и насколько грѣшникъ... И окажутся писатель и статскій совѣтникъ *одной цѣны»* *).

То что сказано о «писателѣ Короленко», разумѣется, никого удивить не можетъ. Но когда небольшой мѣстный чиновникъ рѣшается въ субсидируемой газетѣ поставить «старшаго совѣтника губернскаго правленія» на ряду съ такимъ жалкимъ субъектомъ, какъ писатель Короленко... когда онъ позволяетъ себѣ даже высказывать ужасное предположеніе, что старшій совѣтникъ губернскаго правленія *одной цѣны* съ авторомъ «открытаго письма» и достоинъ занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, то, мнѣ кажется, есть большія основанія думать, что положеніе старшаго совѣтника Филонова очень пошатнулось и что, значитъ, достиженіе той цѣли, которой я добивался своимъ письмомъ, становилось уже вѣроятнымъ. Я думаю и теперь, что статскій совѣтникъ Филоновъ, въ тѣ дни, когда г. Иваненко позволялъ себѣ ставить его на одну доску съ писателемъ Короленко, былъ, по крайней мѣрѣ, на распутьи между безнаказанностью и скамьей подсудимыхъ, пожалуй даже ближе къ послѣдней.

Къ сожалѣнію теперь все это осталось въ области предположеній, которыя многими признаются слишкомъ оптимистическими. Объективные факты, видные на поверхности жизни, говорили другое. 12 января появилось мое письмо, а 14-го, по телеграммѣ генералъ-адъютанта Пантелѣева, «водворявшаго порядокъ» въ губерніяхъ юго-западнаго края, газета «Полтавщина» была пріостановлена. Всѣ видѣли въ этомъ отвѣтъ администраціи на непріятныя разоблаченія.

Судъ хранилъ таинственное молчаніе и, хотя было извѣстно, такъ сказать, «подъ рукой», что прокурорскій надзоръ производилъ

*) „Полтавскій Вѣстникъ“, 15 января 1905 г. № 955.

какое-то негласное дознаніе, но не только результаты, а и самый фактъ дознанія сохранялся въ секретѣ, точно это не была обязательная закономѣрная функція судебной власти, сопряженная съ опросомъ разныхъ лицъ, а какое-то тончайшее дипломатическое предпріятіе...

Между тѣмъ, смятенная жизнь, полная темноты и безправія, готовила одну изъ своихъ рѣзкихъ неожиданностей, которая сразу устранила гласную тяжбу, начатую въ Полтавѣ независимой печатью противъ незаконныхъ репрессій...

Раннимъ утромъ съ 16-го на 17-го января Филоновъ вернулся въ Полтаву, съ трудной задачей объяснить и оправдать свои дѣйствія, обсужденіе которыхъ вышло за предѣлы мѣстныхъ канцелярій и мѣстной печати... А 18-го, въ 10 часовъ утра на людной улицѣ, неизвѣстный молодой человѣкъ убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера и скрылся.

Сложное и сомнительное положеніе, въ которомъ оказалась администрація, вынужденная всетаки считаться съ широкими разоблаченіями,—было разрѣшено. Филоновъ сразу былъ превращенъ въ «мученика служебнаго долга», а гласная и закономѣрная кампанія во имя «для всѣхъ равнаго» закона была сразу смята, уничтожена и снята съ очереди... Вмѣсто противника, который долженъ былъ защищаться, и которому мы приготовились отвѣчать новыми фактами, вполнѣ провѣренными и неопровержимыми,—на аренѣ начатой дуэли оказался трупъ внезапно убитаго человѣка.

Въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», получающемъ свѣдѣнія о происшествіяхъ изъ непосредственныхъ полицейскихъ источниковъ,—самое убійство описано слѣдующимъ образомъ:

> «Покойный только наканунѣ (т. е. 17 января) возвратился изъ служебной командировки, чувствовалъ себя усталымъ, почти больнымъ, и предполагалъ нѣсколько дней не выходить изъ дому. Но вчера, утромъ, *въ обычное время* *) отправился на службу. Шелъ *обычной дорогой* по Александровской улицѣ. Какъ говорятъ очевидцы, за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, шла какая-то женщина, по виду торговка, а за ней молодой человѣкъ. Поровнявшись съ открытыми воротами во дворъ Варшавскихъ **), молодой человѣкъ забѣжалъ впередъ и выстрѣлилъ въ лицо Филонову.. Затѣмъ онъ побѣжалъ въ дворъ дома Варшавскихъ и скрылся» ***).

---

*) Курсивы мои В. К.

**) Этотъ дворъ проходной. В. К.

***) „Полтавскій Вѣстникъ“ 20 января 1906.

А на другой день газета прибавила слѣдующія, довольно существенныя соображенія:

> «Преступникъ, *видимо, изучилъ ранѣе дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу*,—поджидалъ его вблизи воротъ дома В—скихъ где помѣщается чиновничье собраніе, и, прогуливаясь тамъ, разсматривалъ магазинныя витрины» *)...

Дальше идетъ то же описаніе убійства, какое приведено выше Въ книгѣ «Къ убійству Ф. В. Филонова», изданной родными покойнаго, воспроизведены газетныя извѣстія и статьи, вызванныя этой трагедіей, къ сожалѣнію,—съ извѣстнымъ тенденціознымъ подборомъ. Интересно, что, воспроизведя первую замѣтку, издатели совершенно обошли молчаніемъ вторую. И это понятно. Неизвѣстный убійца «*видимо ранѣе изучилъ дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу*»—и выбралъ мѣсто у проходнаго двора. Но Филонова не было въ Полтавѣ въ то время, когда появилось мое письмо, и вплоть до 17 января онъ былъ въ командировкѣ, а на службу явился въ самое утро убійства... Итакъ, *изучить обычную дорогу*, взвѣсить всѣ ея удобства и неудобства можно было только во время, предшествовавшее появленію открытаго письма, въ тѣ дни, когда Филоновъ вернулся изъ командировки въ Сорочинцы и еще не уѣхалъ въ Кривую Руду.

А это значитъ, конечно, что убійство было взвѣшено и обдумано ранѣе, чѣмъ появилось мое письмо, и не могло явиться его послѣдствіемъ...

Эти соображенія, справедливость и огромная вѣроятность которыхъ била въ глаза, издатели упомянутой книги и сама редакція «Полтавскаго Вѣстника» сочли болѣе удобнымъ забыть на будущее время, когда противъ писателя Короленко былъ предпринятъ продолжительный походъ, поддержанный чуть не всѣми оффиціозами провинціальной и столичной Россіи... Открытъ онъ въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» непосредственно послѣ появленія письма, но сначала неувѣренно. «Писатель Короленко» признавался только равнымъ ст. сов. Филонову, которому все же отводилось мѣсто *на скамьѣ подсудимыхъ*. Вслѣдъ за убійствомъ Филоновъ выставляется уже «вѣрнымъ царскимъ слугой», а Короленко—«сознательнымъ подстрекателемъ» и «моральнымъ убійцей»...

Я не стану утомлять читателей изложеніемъ всѣхъ этихъ статей замѣтокъ, обвиненій, инсинуацій и клеветъ, но на нѣкоторыхъ чертахъ этого похода считаю необходимымъ остановиться.

*) „Полт. Вѣстникъ", 19 января 1906 г. Въ книгѣ эта замѣтка *не воспроизведена*.

IV.

«Посмертное письмо ст. сов. Филонова писателю Короленко».

Письмо это появилось при торжественной обстановкѣ, въ самый день похоронъ Филонова, когда его тѣло переносили изъ собора на кладбище, въ сопровожденіи войскъ, оффиціальнаго персонала, сослуживцевъ, знакомыхъ и толпы народа. Въ это самое время, то есть въ разгаръ разносторонняго возбужденія, вызваннаго быстро смѣнявшимися событіями, ходилъ по рукамъ № «Полтавскаго Вѣстника», въ которомъ покойный чиновникъ обращался къ писателю съ рядомъ отвѣтныхъ обвиненій-упрековъ... Очевидно, и редакція «Полтавскаго В-ка» и ея непосредственные вдохновители, обвинявшіе писателя Короленко въ томъ, что его письмо имѣло значеніе подстрекательства, не особенно считались съ обстановкой, при которой сами они выпускали «Посмертный отвѣтъ». Указываю на это лишь какъ на нѣкоторую непослѣдовательность. Важна, однако, не она, важно рдугое: *фактическая правильность* моихъ сообщеній теперь поставлена внѣ сомнѣній... Посмотримъ, что представляло собой это отвѣтное письмо изъ-за могилы? Была ли это правда, которую, конечно, можно печатать при всякихъ обстоятельствахъ?

Прежде всего, въ немъ было бы совершенно напрасно искать опроверженія приведенныхъ мною ужасающихъ фактовъ. Авторъ (или вѣрнѣе авторы) «письма» не пытаются противупоставить прямое отрицаніе моимъ утвержденіямъ. Они не говорятъ, что толпа не стояла на колѣняхъ въ снѣгу, что надъ колѣнопреклоненными (хотя бы и евреями) не производились массовые побои, что ст. сов. Филоновъ не расправлялся собственноручно и т. д. Единственное мое положеніе, которое «письмо Филонова» пыталось пошатнуть, состоитъ въ томъ, что къ прибытію Филоновскаго отряда ни въ Сорочинцахъ, ни въ Устивицѣ уже не было бунта и, значитъ, всѣ жестокости, произведенныя 21, 22 и 23 декабря, являлись уже не актомъ «необходимости», а актомъ безсуднаго наказанія и мести.

Хотя картина тысячной толпы, стоящей на колѣняхъ, уже сама по себѣ является неопровержимымъ доказательствомъ фактическаго «усмиренія», тѣмъ не менѣе, авторы письма утверждаютъ, что бунтъ все таки былъ, и, значитъ, насиліе надъ тысячной толпой (въ томъ числѣ и надъ непричастными къ безпорядкамъ), оправдывалось необходимостью ея усмиренія. Признаки бунта они усматриваютъ, во 1-хъ, въ томъ, что «тѣло Барабаша валялось въ грязномъ сараѣ»; во 2-хъ, что «неоднократныя мольбы родственниковъ о выдачѣ тѣла успѣха не имѣли», въ 3-хъ, что «никто изъ «мирныхъ» жителей Сорочинецъ не хотѣлъ дѣлать гроба»; въ 4-хъ, что священники, страшась «справедливаго народнаго гнѣва», отказывались

служить панихиды. «И только благодаря моему (т. е. Филонова) воздѣйствію, подкрѣпленному казаками, удалось добиться, чтобы несчастной жертвѣ служебнаго долга былъ отданъ послѣдній долгъ».

Къ этимъ «фактическимъ сообщеніямъ» прибавляется еще, что статскій совѣтникъ Филоновъ прибылъ въ Сорочинцы не въ день экзекуціи, а еще наканунѣ, т. е. 21-го декабря.

Не трудно видѣть, до какой степени дѣтски безпомощны и несостоятельны всѣ эти возраженія. Всѣ онѣ доказываютъ и усиливаютъ именно то, что высказывалъ я. Въ самомъ дѣлѣ, если статскій совѣтникъ Филоновъ прибылъ въ Сорочинцы «еще накануне», то значитъ уже наканунѣ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго противудѣйствія, онъ могъ убѣдиться въ отсутствіи бунта. Дѣйствительно, уже въ ночь 21 числа были не только арестованы «зачинщики», но и подвергнуты страшнымъ побоямъ, слѣды которыхъ установлены медицинскими осмотрами спустя нѣсколько мѣсяцевъ *). И при этомъ никто въ селѣ не выступилъ на защиту арестуемыхъ и избиваемыхъ. Далѣе, всѣ жители не могли дѣлать гроба, значитъ и въ этомъ отрицательномъ «бунтѣ» могли принимать участіе развѣ только плотники **). Въ концѣ концовъ, гробъ сдѣланъ, панихиды отпѣты и тѣло съ честью проводили въ Миргородъ. Итакъ,—не очевидно ли, что этотъ удивительный бунтъ прекратился уже наканунѣ дня «усмиренія» и экзекуціи.

Но и помимо этого соображенія, все это мѣсто письма фактически совершенно невѣрно. Черезъ нѣсколько дней въ томъ же «Полтавскомъ Вѣстникѣ» появилось опроверженіе мѣстнаго врача, завѣдывающаго больницей, изъ котораго совершенно очевидно, что тѣло покойнаго Барабаша, доставленное казаками въ больницу, никогда во власти толпы не находилось и въ грязномъ сараѣ не валялось. При больницѣ просто нѣтъ еще часовни, и всѣ умершіе ставятся въ особую «комору» (горницу), куда было вынесено и тѣло Барабаша, вмѣстѣ съ кроватью и постелью, на которой онъ умеръ. Что касается родственниковъ, «умолявшихъ выдать имъ тѣло», то опять-таки въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, когда, кѣмъ и къ кому обращались эти мольбы и кто въ нихъ отказывалъ. Очевидно даже, что ничего подобнаго быть не могло, такъ какъ тѣло не находилось ни въ чьей власти, кромѣ администраціи больницы. Что эпизодъ этотъ совершенно фантастиченъ, — доказывается и прямымъ свидѣтельскимъ показаніемъ. Такъ, приставъ Якубовичъ, бывшій «въ плѣну» у толпы,—говоритъ, что, по

---

*) См. листы дѣла 90, 92, 94. Истязанія, которымъ подверглись арестованные, установлены многочисленными свидѣтелями, въ томъ числѣ вполнѣ благонамѣреннымъ старшиной Копитько: „Герасимъ Муха и Аврамъ Готлибъ были избиты до того, что ихъ трудно было узнать“ и это было именно наканунѣ экзекуціи (л. д. 214).

**) Въ дѣлѣ я не нашелъ никакихъ указаній на то, къ кому именно обращались за этимъ.

пріѣздѣ въ Миргородъ онъ сообщилъ о происшедшемъ несчастіи женѣ покойнаго, «которая такъ была убита горемъ, что не знала, что дѣлать, и *поручила ему* распорядиться относительно доставленія тѣла въ Миргородъ» *). И дѣйствительно, тѣло было доставлено въ сопровожденіи полиціи, а за село его провожали съ хоругвями...

Мнѣ приходится, такимъ образомъ, отрицать правдивость прямыхъ фактическихъ сообщеній, которыя заключаются въ письмѣ, подписанномъ именемъ Филонова. Впрочемъ, я долженъ сказать, что доля участія въ этомъ «отвѣтѣ», которая по справедливости можетъ быть отнесена на счетъ покойнаго,—весьма сомнительна.

Черезъ нѣсколько дней въ редакцію газеты «Полтавщина» явился одинъ изъ родственниковъ Филонова и выразилъ желаніе и даже требованіе, чтобы газета, во имя справедливости, перепечатала отвѣтъ Филонова на тѣхъ же столбцахъ, съ которыхъ раздались обвиненія. Редакторъ, Д. О. Ярошевичъ, отвѣтилъ на это готовностью помѣстить «письмо», выразивъ только желаніе видѣть оригиналъ, подписанный самимъ Филоновымъ, такъ какъ въ городѣ упорно говорили, что письмо подложное, и что составлено оно не умершимъ Филоновымъ, а его живыми единомышленниками и защитниками.

Родственникъ г-на Филонова обѣщалъ поискать оригиналъ и удалился. *Оригиналъ доставленъ не былъ.*

Затѣмъ, когда возникло наше «дѣло» и я былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то я просилъ, между прочимъ, о пріобщеніи къ дѣлу оригинала, съ котораго газета «Полтавскій Вѣстникъ» печатала «посмертное письмо». Я мотивировалъ эту просьбу тѣмъ, что это единственное показаніе по настоящему дѣлу самаго участника, что оно важно для меня, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакихъ возраженій по существу сообщенныхъ мною фактовъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я считалъ необходимымъ *установить его подлинность* и при этомъ я выразилъ увѣренность, что, если не редакція, то родственники покойнаго, безъ сомнѣнія, сохранили его послѣднюю рукопись.

По требованію судебнаго слѣдователя, редакція прислала «оригиналъ», служившій для набора, и препроводительное письмо въ редакцію, подписанное г-жей Филоновой. Я просилъ подвергнуть эти документы оффиціальному осмотру, результаты котораго не явились для меня неожиданностью. Оказалось:

Во-первыхъ, что *письмо писано не рукой Филонова.*

Во-вторыхъ, что *подпись въ концѣ письма сдѣлана не Филоновымъ.*

Въ-третьихъ, что *всѣ имѣющіяся на рукописи поправки тоже сдѣланы не филоновскимъ почеркомъ* **).

---

*) Показаніе пристава Якубовича.

**) Одна изъ этихъ поправокъ особенно характерна. Письмо начинается

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, сослуживецъ и замѣститель Филонова, нынѣшній старшій совѣтникъ губ. правленія, Л. И. Ахшарумовъ призналъ, что форма изложенія тоже не филоновская, «такъ какъ покойный не отличался литературными дарованіями» *).

Обстоятельства, при которыхъ могло (или не могло) быть написано это письмо, тоже очень выразительны. Въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» по этому поводу есть двѣ замѣтки. Въ первой сообщается, что «Филоновъ былъ въ командировкѣ и не могъ отвѣтить на обвиненія Короленко. Вернулся онъ 17-го и въ разговорѣ съ знакомыми сообщилъ, что *вечеромъ въ тотъ же день займется составленіемъ отвѣта* на письмо Короленко. На другой день онъ былъ убитъ» **).

Въ другой (редакціонной) статьѣ говорится: «Наканунѣ покойный, только возвратившись изъ поѣздки, на минуту забѣгалъ къ пишущему эти строки и говорилъ, что *вечеромъ этого дня и слѣдующій* онъ посвятитъ *исключительно* на отвѣтъ и защиту себя противъ обвиненій, какія въ его отсутствіе были брошены ему въ извѣстномъ письмѣ Короленко. *Но ему самому себя защитить не судилось*,—вчера онъ убитъ» ***).

Итакъ, «Полтавскій Вѣстникъ», напечатавшій письмо, въ которомъ не было ни одного слова (не исключая и подписи), написаннаго покойнымъ Филоновымъ, самъ даетъ два свидѣтельскихъ показанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что Филоновъ лишь собирался писать свой отвѣтъ, но *написать* его *не успѣлъ* (въ письмѣ около половины печатнаго листа).

Въ дополненіе мы имѣемъ еще показаніе вдовы покойнаго, которая утверждаетъ, наоборотъ, что черновикъ письма былъ написанъ ея мужемъ еще въ уѣздѣ, затѣмъ письмо переписано начисто 17-го января т. е. уже въ самый день пріѣзда Филонова, и доставлено ея мужу однимъ изъ чиновниковъ губернскаго правленія.

Однако, тотъ же старшій совѣтникъ губернскаго правленія Л. И. Ахшарумовъ, спрошенный по этому поводу, заявилъ категорически, что «въ числѣ чиновниковъ губернскаго правленія нѣтъ лицъ, пишущихъ такимъ почеркомъ». Самъ онъ въ первый разъ увидѣлъ письмо у слѣдователя. При этомъ оказалось однако, что препроводительное письмо въ редакцію «Полтавскаго Вѣстника» писано рукою самого г-на Ахшарумова. Обстоятельство это онъ

словами: Я *третьяго дня* вернулся въ Полтаву. Затѣмъ „третьяго дня“ зачеркнуто и чьей-то рукой написано: „Я *только что* вернулся“... Филоновъ вернулся 17-го, убитъ 18-го. „Третьяго дня“ онъ могъ написать только мертвый...

*) Показаніе Л. И. Ахшарумова (л. д. 247). Г. Ахшарумовъ допускаетъ возможность чьей-либо редакціи, что очень трудно, какъ увидимъ ниже.

**) См. книгу „Къ убійству Филонова“, стр. 17.

***) „Полтавскій Вѣстникъ“. 19 января 1906 г. Воспроизведено въ книгѣ „Къ убійству Филонова“ стр. 17—18.

объяснилъ тѣмъ, что «во время похоронъ Филонова», братъ его вдовы подошелъ къ нему и просилъ совѣта, отъ чьего имени послать въ редакцію «отвѣтное письмо» Филонова. Г. Ахшарумовъ далъ совѣтъ и согласился написать черновикъ письма въ редакцію.

Вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе то обстоятельство, что въ день похоронъ «посмертное письмо» *уже было напечатано...*

Наконецъ, что касается отсутствія самого оригинала, то г-жа Филонова дала по этому поводу слѣдующее объясненіе, которое прибавляетъ послѣдній и самый замѣчательный штрихъ къ этой любопытной исторіи: «18-го января,—говоритъ она въ своемъ письменномъ показаніи,—мужъ мой отправился въ губернское правленіе, имѣя въ лѣвомъ карманѣ сюртука записную книжку, въ которой были замѣтки по поводу сорочинскихъ событій, а также вышеупомянутые клочки бумаги и черновикъ письма... Въ тотъ день онъ былъ убитъ, при чемъ *убійца захватилъ ту книжку,* а *также черновикъ письма»...*

Я далекъ отъ того, чтобы винить бѣдную женщину въ томъ, что дѣлали ея именемъ въ эти дни ея растерянности и горя. Читатель согласится, однако, что появленіе письма таинственно и странно и что вѣроятность его подлинности не превышаетъ вѣроятности того изумительнаго факта, что убійца, только что застрѣлившій человѣка среди бѣлаго дня и на людной улицѣ, заботится не о своемъ спасеніи, а о какихъ-то черновикахъ никому еще невѣдомаго письма въ лѣвомъ карманѣ убитаго...

Таковъ этотъ якобы «посмертный отвѣтъ», появившійся при торжественной обстановкѣ похоронъ, и открывшій кампанію, которая продолжалась цѣлый годъ въ тонѣ, совершенно достойномъ этого «начала». Быть можетъ, мы еще вернемся къ ея подробностямъ, а пока упомянемъ только, что, за нѣкоторыми исключеніями, ее вели субсидируемые органы и прямые оффиціозы. Даже высоко-оффиціозный органъ его высокопревосходительства, предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, счелъ возможнымъ и достойнымъ своей оффиціозной роли украсить свои столбцы безоглядным утвержденіемъ, будто «травля Филонова, произведенная г. Короленко, имѣла прямою цѣлью убійство даннаго лица» *).

Это неслыханное въ сколько нибудь культурной печати бездоказательное чтеніе въ душѣ явилось, разумѣется, достойнымъ продолженіемъ кампаніи, начатой въ Полтавѣ съ прямого подлога. Наконецъ, все это завершилось широко оглашеннымъ эпизодомъ въ Государственной Думѣ 12 марта 1907 года. Депутатъ отъ Волынской губерніи г. Шульгинъ, при обсужденіи вопроса о военно-полевыхъ судахъ, выразилъ пожеланіе, чтобы казнямъ подвергались «не тѣ, несчастные сумасшедшіе маніаки, которыхъ посылаютъ на

*) „Россія“.—Цитирую изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ 16 сентября 1906 г. № 228.

убійство другіе люди, а тѣ, которые ихъ послали, интеллектуальные убійцы, подстрекатели, умственныя силы революціи, которые пишутъ и говорятъ передъ нами открыто... Если будутъ попадать такіе люди, какъ извѣстные у насъ писатели убійцы...

Голосъ: Крушеванъ?

Деп. Шульгинъ: Нѣтъ, не Крушеванъ, а гуманный и дѣйствительно талантливый писатель В. Короленко, убійца Филонова!

Голоса: Довольно! вонъ!

Предсѣдатель: Прошу не касаться личностей, а говорить о вопросѣ.

Шульгинъ: Слушаюсь *).

Тогда, когда г. Шульгинъ стоялъ на трибунѣ Государственной Думы и беззаботно кидалъ обвиненіе, всю тяжесть котораго, очевидно, не способенъ даже понять,—телеграммы уже сообщили, что дѣло писателя Короленко направлено къ прекращенію, такъ какъ изложенные имъ факты подтвердились.

Выше я привелъ эти факты... И я имѣю возможность отвѣтить депутату Шульгину и нападавшимъ на меня оффиціозамъ.

Когда-то Людовикъ XIV потребовалъ объясненія у одного изъ своихъ генераловъ, который проигралъ битву, потому что не пустилъ своевременно въ дѣло артиллерію.

— Государь,—отвѣтилъ генералъ,—у меня есть тысяча причинъ. Первая: не было пороху...

— Довольно,—отвѣтилъ король,—можно не излагать остальныхъ.

Я отвѣчаю то-же моимъ обвинителямъ: у меня было много причинъ написать мое письмо, но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка достаточно одной: покойный Филоновъ дѣйствительно совершилъ тѣ ужасающія насилія, молчать о которыхъ было-бы преступленіемъ со стороны печати...

Правда, наше время—ужасное время, когда каждое слово падаетъ, какъ искра, въ умы возбужденные всѣмъ, что совершается кругомъ, среди грохота и шума тяжело перестраивающейся жизни. Однако,—слѣдуетъ-ли изъ этого, что печать должна замалчивать факты беззаконій и насилія? Оглянитесь кругомъ и посмотрите на ваши собственныя дѣйствія.

Вотъ вы, со столбцовъ высоко-оффиціозныхъ печатныхъ органовъ и съ высоты парламентской трибуны считаете возможнымъ заявлять, что писатель Короленко—сознательный подстрекатель и убійца.

Думаете-ли вы о томъ, что и ваши слова тоже падаютъ какъ искра въ возбужденные умы вашихъ приверженцевъ?

Вы скажете, конечно, что вы въ правѣ обсуждать дѣйствія писателя, который, по вашему мнѣнію, совершилъ преступленіе, не

*) См. стенографическій отчетъ.

предусматривая и не считаясь съ разными косвенными послѣдствіями вашихъ обвиненій...

Это справедливо. Но тогда и писатель Короленко имѣлъ такое-же нравственное право сказать свое мнѣніе о дѣяніяхъ чиновника, истязавшаго толпу, которая стояла передъ нимъ на колѣняхъ въ снѣгу!

Нѣтъ, не оглашеніе такихъ фактовъ, а самые факты мучатъ, терзаютъ, доводятъ до отчаянія, обезцѣниваютъ жизнь, приводятъ къ этому ужасному самопожертвованію и не менѣе ужаснымъ самосудамъ. И если бы еще печать замолчала, то жизнь была бы отдана всецѣло во власть стихійныхъ страстей и ихъ необузданной ярости. Тогда, среди мрачнаго молчанія, раздавались бы только выстрѣлы съ одной и другой стороны, какъ это мы уже видимъ въ Лодзи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа...

Нѣтъ выходъ не въ молчаніи, а въ правдѣ. Я доказалъ, что говорилъ правду, не выдумывая и не искажая фактовъ и освѣщая ихъ по своему разумѣнію и совѣсти. А вы... можете ли вы доказать то, что говорите? И понимаете ли вы все значеніе вами сказаннаго?

Писатель, который, открыто взывая къ гласности и суду, въ дѣйствительности стремился бы только подстрекнуть другого на убійство,—совершилъ бы величайшую низость, какую только возможно совершить при помощи пера и печатнаго станка...

Но если такъ (а это несомнѣнно такъ!), то каковъ же долженъ быть нравственный и культурный уровень среды, для которой возможны обвиненія въ такой низости безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ того, что писатель сказалъ суровую правду о насиліяхъ, совершенныхъ чиновникомъ.

И при томъ обвиненія, раздающіяся со столбцовъ высоко-оффиціозныхъ органовъ конституціонаго министерства и съ парламентской трибуны!

. . . .

Мнѣ много еще остается сказать по этому предмету, но я чувствую, что на этотъ разъ я долженъ кончить.

Не для г. Шульгина и не для «оффиціозной министерской газеты», а для людей, способныхъ искренно и честно вдуматься въ современное положеніе, я хочу закончить эти очерки небольшимъ эпизодомъ.

На второй день послѣ убійства Филонова ко мнѣ прямо изъ земскаго собранія явился крестьянинъ, мнѣ незнакомый, и съ большимъ участіемъ сообщилъ, что онъ случайно слышалъ въ собраніи разговоръ какого-то чиновника съ кучкой гласныхъ. Чиновникъ сообщалъ, будто состоялось уже постановленіе объ арестѣ писателя Короленко. И мой незнакомый посѣтитель пришелъ, чтобы предупредить меня объ этомъ.

Я поблагодарилъ его и затѣмъ спросилъ:

— Послушайте, скажите мнѣ правду. Неужели и вы и ваши думаете, что я дѣйствительно хотѣлъ убійства, когда писалъ свое открытое письмо?

Онъ уже прощался и, задержавъ мою руку въ своей мозолистой рукѣ и глядя мнѣ прямо въ глаза, отвѣтилъ съ тронувшимъ меня деликатнымъ участіемъ:

— Я знаю... и много нашихъ знаетъ, что вы добивались суда. А прочіе думаютъ разно... Но...

Онъ еще глубже заглянулъ мнѣ въ глаза и прибавилъ:

— И тѣ говорятъ спасибо.

Впослѣдствіи не въ однихъ Сорочинцахъ при разговорахъ съ крестьянами объ этомъ событіи мнѣ приходилось встрѣчать выраженіе угрюмой радости...

— Ничего,—говорилъ мнѣ молодой крестянинъ, у котораго еще лѣтомъ болѣли распухшія отъ ревматизма ноги.—У меня ноги не ходятъ, а онъ не глядитъ на божій свѣтъ...

Таковъ результатъ двухъ факторовъ: стоянія на колѣняхъ и мести за безнаказанныя насилія...

Но это не то дѣло, которое начато было въ Полтавѣ независимой печатью. Мы вызывали эту толпу, еще недавно стоявшую на колѣняхъ, къ дѣятельному, упорному, сознательному и смѣлому отстаиванію своего права прежде всего законными средствами. Она получила иное, болѣе сильное и трагически мрачное удовлетвореніе...

Мы потерпѣли неудачу. И я, быть можетъ, болѣе искренно, чѣмъ многіе сослуживцы покойнаго Филонова, былъ огорченъ его смертью. Не изъ личнаго сочувствія, —послѣ всего изложеннаго я считалъ его человѣкомъ дурнымъ и жестокимъ... И не потому, что для меня съ этой смертію былъ связанъ рядъ волненій и опасностей, что за ней послѣдовалъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго я былъ мишенью безчисленныхъ клеветъ, оскорбленій и угрозъ... Не потому, наконецъ, что эта кампанія, начавшись подложнымъ письмомъ въ Полтавѣ, перешла на столбцы правительственнаго органа и на парламентскую трибуну... А потому, что выстрѣлъ, погубившій Филонова, разрушилъ также то дѣло, которое было начато независимой печатью, которое я считалъ и считаю важнымъ и плодотворнымъ... Такъ какъ, сколько бы ни предстояло еще потрясеній и испытаній нашей родинѣ на пути ея тяжкаго обновленія,—всетаки окончательный выходъ изъ смятенія лежитъ въ той сторонѣ, гдѣ свѣтитъ законность и право, для всѣхъ равное:—и для избитаго на сорочинской улицѣ человѣка въ сермягѣ, и для чиновника въ мундирѣ, для рабочаго одинаково, какъ и для министра.

Въ дѣлѣ Филонова независимая печать звала именно на эту дорогу. Она исполнила свою обязанность... Если бы другіе закономѣрные факторы жизни исполняли свою, тогда не было бы ни мрачной

филоновской трагедіи, ни сорочинскихъ набатовъ, ни изступленія и загипнотизированной толпы, ни убійства Барабаша, ни карательныхъ экспедицій, когда (какъ въ Кривой Рудѣ), «въ безлунныя ночи» люди рубятъ другъ друга безъ смысла, безъ вины и безъ цѣли.

Не было бы надобности и русскимъ писателямъ выступать съ «открытыми письмами» и съ тяжелыми очерками, которыми я въ настоящее время терзаю читателя...

Влад. Короленко.

Петербургъ, 15 апрѣля 1907.

Политика.

Польскій вопросъ.—Финляндскіе выборы.

I.

Польское «коло» Государственной Думы внесло законопроектъ объ автономіи Царства Польскаго, заслуживающій самаго серьезнаго вниманія. Проектъ не касается ни Литвы, ни западной Руси, ни вообще правъ поляковъ въ Россіи. Онъ строго ограничивается Царствомъ Польскимъ, какъ оно создано вѣнскимъ конгрессомъ, а затѣмъ дарованной Царству Александромъ I конституціей и автономіей. Сравнительно съ этою автономною конституціею 1815 года, законопроектъ 1907 года дѣлаетъ значительныя уступки: отказывается отъ отдѣльной арміи и отъ коронованія царей польскихъ особо-польскою короною въ Варшавѣ. Такимъ образомъ, политическая автономія проводится въ проектѣ не вполнѣ. Сравнительно съ финляндскою автономіею, проектируемая польская автономія удерживаетъ больше связи съ Россіей: Финляндія имѣетъ свою таможню, свои косвенные налоги, свою монетную систему, свою почту и нисколько не участвуетъ въ общихъ расходахъ. Поляки согласны сохранить общность съ Россіей по всѣмъ указаннымъ сторонамъ государственной жизни. Эта уступчивость сравнительно съ автономною конституціею 1815 года и сравнительно съ финляндскою конституціею, нынѣ функціонирующей, обнаруживаетъ въ польскомъ коло искреннее желаніе мирнаго сожительства съ русскимъ народомъ. Отмѣтивъ это обстоятельство, приведемъ теперь текстъ польскаго проекта.

«Ст. 1. Территорія Царства Польскаго составляетъ край, существующій подъ этимъ названіемъ въ границахъ, опредѣленныхъ въ 1815 г.

Ст. 2. Царство Польское, составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства.

Ст. 3. Для внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго установляются особые: сеймъ, казна и роспись, административное управленіе съ намѣстникомъ во главѣ, судебныя учрежденія съ сенатомъ Царства Польскаго и особый въ совѣтѣ министровъ министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго.

Ст. 4. Изъ вѣдѣнія сейма Царства Польскаго изъемлются слѣдующія дѣла: a) содержаніе членовъ императорскаго дома, а равно дѣла и учрежденія императорскаго двора; b) дѣла православной церкви; c) иностранныя дѣла; d) армія и флотъ, а также всѣ принадлежащія военному и морскому вѣдомствамъ пути сообщенія и сооруженія; e) монетное дѣло; f) таможенное и акцизное законодательство; g) почтовое, телеграфное и общегосударственное телефонное законодательство, а также тарифы международнаго и общегосударственнаго почтоваго, телеграфнаго и телефоннаго сообщенія; h) желѣзнодорожные тарифы международнаго и прямого внутренняго съ имперіей сообщенія; i) законодательство, касающееся товарныхъ знаковъ и привилегій, а также литературной и художественной собственности; k) уголовное законодательство по дѣламъ о бунтѣ противъ верховной власти, государственной измѣнѣ, смутѣ, нарушеніи постановленій о воинской повинности, о подѣлкѣ монеты, цѣнныхъ бумагъ и знаковъ, о нарушеніи карантинныхъ, таможенныхъ, акцизныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ уставовъ; e) общегосударственные займы и обязательства.

Ст. 5. Вѣдѣнію сейма подлежатъ: a) законодательство по всѣмъ дѣламъ края съ изъятіями, указанными въ ст. 4 настоящаго устава; b) установленіе всякаго рода налоговъ, податей, пошлинъ, сборовъ и повинностей, за исключеніемъ акцизныхъ и таможенныхъ сборовъ; c) разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной росписи и смѣты доходовъ и расходовъ казны Царства Польскаго, а равно отчета контроля Царства Польскаго по исполненію росписи; d) разсмотрѣніе и одобреніе ежегоднаго отчета по управленію Царствомъ Польскимъ.

Ст. 6. Одобренные сеймомъ Царства Польскаго законопроекты представляются на высочайшее утвержденіе черезъ министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. Утвержденные такимъ образомъ законопроекты, за скрѣпою министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ Дневникѣ Законовъ, издаваемомъ въ Варшавѣ.

Ст. 7. Сеймъ Царства Польскаго собирается ежегодно въ Варшавѣ по высочайшему повелѣнію, скрѣпляемому министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго. Роспускъ сейма, а также перерывъ его занятій происходятъ по правиламъ, установленнымъ на сей предметъ для Государственной Думы, съ тѣмъ,

что подлежащіе акты верховной власти скрѣпляются министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго. Каждая сессія сейма продолжается не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

Ст. 8. Способъ и порядокъ его созыва опредѣляется особымъ о немъ положеніемъ, съ тѣмъ, что этотъ сеймъ избирается населеніемъ края на началахъ всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія.

Ст. 9. Исполнительная власть въ Царствѣ Польскомъ, съ изъятіями, указанными въ ст. 12 сего устава, принадлежитъ особому управленію края, съ намѣстникомъ во главѣ. Намѣстникъ назначается верховною властью. Намѣстникъ не можетъ состоять одновременно командующимъ войсками.

Ст. 10. Отношеніе намѣстника къ сейму, устройство судебныхъ учрежденій края и самоуправленія, кругъ ихъ вѣдомства, порядокъ ихъ подчиненности и отношенія ихъ къ сейму, къ министру по дѣламъ Царства Польскаго и къ намѣстнику будутъ опредѣлены сеймомъ Царства Польскаго въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 5 и 6 настоящаго устава.

Ст. 11. Министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Ц. П. назначается верховною властью изъ числа поляковъ гражданъ Ц. П. порядкомъ, установленнымъ для назначенія министровъ. Министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Ц. П.: а) представляетъ на Высочайшее усмотрѣніе одобренные сеймомъ Ц. П. законопроекты и всѣ относящіяся до Ц. П. дѣла, подлежащія высочайшему усмотрѣнію; в) скрѣпляетъ и направляетъ по принадлежности исходящія отъ верховной власти назначенія, относящіеся къ Ц. П.; с) участвуютъ во всѣхъ дѣлахъ совѣта министровъ, въ частности же по обсуждаемымъ въ совѣтѣ министровъ общегосударственнымъ дѣламъ, до Ц. П. относящимся (ст. 4 и 12), представляетъ совѣту свои заключенія.

По дѣламъ общегосударственнымъ министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Ц. П. отвѣтственъ на общемъ съ другими членами совѣта министровъ основаніи, по дѣламъ же Ц. П. отвѣчаетъ передъ сеймомъ въ предѣлахъ вѣдомства послѣдняго.

Ст. 12. Изъ числа дѣлъ общегосударственныхъ, поименованныхъ въ ст. 4 настоящаго устава, подлежатъ непосредственному вѣдѣнію центральныхъ исполнительныхъ установленій всѣ дѣла министровъ императорскаго двора, иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морского, а также святѣйшаго синода. Завѣдываніе въ предѣлахъ Ц. П. остальными общегосударственными дѣлами, поименованными въ ст. 4 настоящаго устава, принадлежитъ мѣстнымъ установленіямъ Ц. П. съ тѣмъ, что сіи установленія по всѣмъ этимъ дѣламъ, дѣйствуютъ на точномъ основаніи общегосударственныхъ законовъ.

Ст. 13. По всѣмъ доходамъ, поступающимъ въ казну Ц. П., а также по всѣмъ производимымъ ею расходамъ какъ мѣстнымъ, такъ и общегосударственнымъ (ст. 14 и 15), составляется одна общая смѣта и роспись и одинъ общій отчетъ.

Ст. 14. Въ казну Ц. П. поступаютъ: а) всѣ взимаемые въ предѣлахъ края прямые и косвенные налоги, подати, пошлины и сборы; в) доходы отъ общегосударственныхъ правительственныхъ регалій въ предѣлахъ края; с) доходы отъ всѣхъ имуществъ, капиталовъ и предпріятій казны Ц. П.

Таможенныя пошлины, взимаемыя въ предѣлахъ Ц. П. съ транзитныхъ товаровъ, отправляемыхъ въ губерніи Имперіи, перечисляются въ общегосударственный доходъ; равнымъ образомъ пошлины, взимаемыя въ предѣлахъ Имперіи съ транзитныхъ товаровъ, отправляемыхъ въ предѣлы Ц. П., перечисляются въ доходъ казны Ц. П.

Ст. 15. Казна Ц. П., пропорціонально численному отношенію населенія края къ населенію всего государства, участвуетъ въ нижеслѣдующихъ государственныхъ расходахъ: а) по содержанію членовъ императорскаго двора и по министерству императорскаго двора; b) по погашенію государственныхъ займовъ и обязательствъ и уплатѣ по онымъ процентовъ, съ тѣмъ, что обязательства по гарантіямъ въ пользу частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ обременяютъ казну Ц. П. лишь настолько, насколько эти гарантіи касаются желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ предѣлахъ Ц. П.; с) по центральнымъ законодательнымъ учрежденіямъ; d) по собственной его величества канцеляріи; е) по совѣту министровъ; f) по министерству иностранныхъ дѣлъ; g) по военному и морскому министерствамъ; h) по государственному контролю; i) по центральному вѣдомству желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Сверхъ того, казна Ц. П. участвуетъ въ расходахъ по вѣдомству православнаго исповѣданія, пропорціонально численному отношенію православнаго населенія края къ православному населенію всего государства.

Ст. 16. Размѣръ упадающей на казну Ц. П. доли по всѣмъ, поименованнымъ въ ст. 15 сего устава, общегосударственнымъ расходамъ опредѣляется согласно даннымъ переписи народонаселенія, производимой каждыя 10 лѣтъ. Въ теченіе каждаго десятилѣтія пропорціональная доля участія въ расходахъ остается безъ измѣненія. Подлежащая уплатѣ сумма возмѣщается взаимно обѣими казнами въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня утвержденія окончательнаго отчета за истекшій годъ подлежащими центральными учрежденіями.

Порядокъ взаимныхъ разсчетовъ между общегосударственными учрежденіями и казною Ц. П. опредѣляется особыми правилами.

Ст. 17. Въ собственность казны Ц. П. переходитъ находящееся въ предѣлахъ края, принадлежащее нынѣ казнѣ и правительственнымъ учрежденіямъ, все движимое и недвижимое имущество, въ томъ числѣ казенныя желѣзныя дороги, а также капиталы и права, за исключеніемъ имуществъ, капиталовъ и правъ, принадлежащихъ министерству императорскаго двора, военному и морскому вѣдомствамъ.

Ст. 18. Высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ краѣ состоитъ сенатъ Ц. П., имѣющій свое присутствіе въ Варшавѣ. Въ кругъ вѣдомства сената Ц. П. входятъ: a) отмѣна и пересмотръ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, а также возобновленіе уголовныхъ дѣлъ; b) разрѣшеніе всѣхъ споровъ и пререканій между судебными и административными учрежденіями, а также между отдѣльными административными установленіями; c) дѣла по жалобамъ на дѣйствія всѣхъ административныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ края, не исключая высшихъ мѣстныхъ установленій.

Учрежденіе сената Ц. П. и кругъ его вѣдомства будутъ опредѣлены ближе сеймомъ Ц. П., порядкомъ, указаннымъ въ ст. 5 и 6 сего устава.

Ст. 19. Все производство законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ установленій и казенныхъ учебныхъ заведеній Ц. П., а равно преподаваніе въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ на польскомъ языкѣ. Сношенія всѣхъ означенныхъ учрежденій съ правительственными установленіями въ Имперіи, а также и дѣйствующими въ Ц. П. правительственными мѣстами и должностными лицами вѣдомства министровъ: императорскаго двора, иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морского и святѣйшаго синода, происходятъ на русскомъ языкѣ. Въ уставахъ, опредѣляющихъ внутреннее устройство Царства Польскаго (ст. 10 сего устава), будутъ обезпечены права языка литовскаго и малорусскаго населенія въ судебныхъ, административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Права языковъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частныхъ обществахъ и въ дѣлахъ исповѣдныхъ не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ. Русскіе имѣютъ право обращаться на русскомъ языкѣ съ прошеніями, жалобами и заявленіями во всѣ административныя и судебныя установленія края и требовать отвѣтовъ и документовъ на томъ же языкѣ. Для русскаго населенія будутъ учреждены среднія и низшія учебныя заведенія.

Ст. 20. Общія гарантіи гражданской и политической свободъ, установленныя общегосударственнымъ законодательствомъ, распространяются на Ц. П. съ тѣмъ, что мѣстнымъ законодательствомъ Царства онѣ могутъ быть расширяемы, и что тому же мѣстному законодательству принадлежитъ изданіе правилъ о ихъ примѣненіи къ Ц. П. и сообразованіи съ нуждами и условіями края.

Ст. 21. Въ общегосударственномъ представительствѣ жители Ц. П. участвуютъ посредствомъ представителей, избираемыхъ на общихъ съ населеніемъ Имперіи основаніяхъ.

Ст. 22. Пререканія и споры относительно предѣловъ вѣдомства между общегосударственными учрежденіями и особыми установленіями Ц. П. разрѣшаетъ окончательно постоянная коммиссія, состоящая изъ 24 членовъ и предсѣдателя. 12 членовъ этой коммиссіи избираются общегосударственными представительными учре-

жденіями изъ ихъ среды, а 12 сеймомъ Ц. П. изъ его-же среды. Предсѣдатель назначается верховною властью. Члены коммиссіи избираются въ началѣ каждой сессіи. Предсѣдатель и члены коммиссіи исполняютъ свои обязанности впредь до избранія новаго ея состава. Порядокъ дѣйствія коммиссіи и ея сношеній какъ съ общегосударственными, такъ и съ особыми установленіями Ц. П., опредѣляется наказомъ, утверждаемымъ самой коммиссіей.

Ст. 23. Никакія измѣненія въ настоящемъ уставѣ безъ одобренія сейма Ц. П. не допускаются.

Ст. 24. Впредь до изданія сеймомъ Царства Польскаго особаго устава о внутреннемъ устройствѣ и управленіи края, Ц. II. будетъ управляться на основаніи временнаго положенія о примѣненіи настоящаго устава.»

Таковы пожеланія представителей Польши въ русскомъ парламентѣ. Вчитываясь въ нихъ надо признать ихъ не только примирительными, но и цѣлесообразными, разумными. Это не значитъ, чтобы они не подлежали критикѣ и поправкамъ.

Прежде всего, почему держаться границъ автономной Польши 1815 года? Еще недавно поляки требовали границъ 1772 года. Это была утопія. Не только украинцы и бѣлоруссы, но и литовцы не желаютъ этого возсоединенія съ Польшей, а поляковъ хотя и много въ тѣхъ краяхъ, но все же много меньше, чѣмъ малороссовъ, бѣлоруссовъ и литовцевъ. Можно только поздравить поляковъ, что они отрѣшились отъ «исторической» Польши 1772 года, включавшей въ свои предѣлы много не польскихъ земель. Однако, они историческую Польшу 1772 года замѣнили не національною, а всетаки историческою же, только нѣсколько болѣе позднею, именно 1815 года! Зачѣмъ эта приверженность къ архивамъ? Правда, историческая Польша 1815 года довольно близко подходитъ къ національной Польшѣ (въ предѣлахъ Россіи), но всетаки имѣются отступленія, и довольно значительныя, способныя создать даже въ недалекомъ будущемъ внутреннія затрудненія и въ Польшѣ, и въ Россіи.

Разворачиваю второй томъ «Общаго свода по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія, произведенной 28 января 1897 года» и нахожу, что въ Гродненской губерніи говорятъ въ семьѣ по-польски—172 тыс. человѣкъ. Эти поляки сосредоточены преимущественно въ Бѣльскомъ и Бѣлостокскомъ уѣздахъ, пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ. Въ этихъ уѣздахъ поляки составляютъ большинство. Зачѣмъ ихъ не включить въ предѣлы автономной Польши?

Изъ того же источника извѣстно, что въ Сувалкской губерніи на литовскомъ языкѣ говорятъ 304 тыс. человѣкъ, преимущественно въ сѣверной части, пограничной съ Ковенскою губерніей. Зачѣмъ этихъ литовцевъ включать въ Польшу, быть можетъ, насильно? Во всякомъ случаѣ ихъ надо бы спросить объ этомъ.

Упомянутый источникъ показываетъ еще 196 тыс. малороссовъ

въ Люблинской губерніи и 107 тыс. въ Сѣдлецкой. Это такъ называемая Холмская или Забужская Русь.

Не сомнѣваемся, что центральный статистическій комитетъ не поддѣлывалъ этихъ цифръ, но не знаемъ, насколько свободными чувствовали себя насильно обращенные въ православіе, когда вносили въ статистическія опросныя карты свои показанія. Если не всѣ, то часть могла опасаться заявить себя говорящими по-польски. Поэтому въ сужденіи объ этомъ вопросѣ надо быть нарочито осторожнымъ. Надо его выяснить на мѣстѣ и того желающія волости выдѣлить изъ Царства и присоединить къ Имперіи. Это необходимо для самой Польши, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ для Россіи. Сохраненіе въ предѣлахъ Польши сплошного малорусскаго населенія вызоветъ въ Россіи самое внимательное слѣженіе за его судьбами и при малѣйшемъ недоразумѣніи можетъ создать конфликтъ Польши съ Россіей. Оставлять для того открытую возможность было бы очень непредусмотрительно. Паства епископа Евлогія можетъ преднамѣренно создавать недоразумѣнія и ихъ раздувать, а съ другой стороны нельзя ручаться, что автономныя польскія власти никогда не дадутъ повода и къ справедливымъ нареканіямъ. Вспомнимъ недавнюю университетскую исторію во Львовѣ. Во всякомъ случаѣ, лучше отъ огня подальше. Создавая автономную конституцію, не слѣдуетъ вкладывать въ нее элементы разложенія и зародыши конфликтовъ съ имперіей, тѣмъ болѣе опасныхъ, что, какъ пограничный край, Польша будетъ всегда оккупирована многочисленною русскою арміей.

Итакъ, исправленіе границъ Царства Польскаго на основахъ дѣйствительнаго распредѣленія народностей является первою настоятельно необходимою поправкою къ польскому законопроекту объ автономіи русской Польши. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ указать, какъ на пробѣлъ, на совершенное отсутствіе постановленій о католической церкви. Теперь католическая церковь объединена въ царствѣ и имперіи, имѣя митрополита въ Петербургѣ, до извѣстной степени подчиненнаго *русскому* правительству. Удобно ли это будетъ при автономіи? Назначеніе епископовъ дѣлается по соглашенію папы и русскаго же правительства. Оно же и удаляетъ, и санкціонируетъ дѣлаемыя ими назначенія. Въ Петербургѣ же находится и католическая духовная академія. Удобно ли сохраненіе всѣхъ этихъ порядковъ и впредь при автономіи?

Совершенная экстерриторіальность военнаго вѣдомства и православной церкви представляется тоже очень опаснымъ элементомъ. Степень подчиненія этихъ вѣдомствъ намѣстнику должна быть точно опредѣлена. Иначе будутъ неизбѣжны конфликты между гражданскою властью края съ одной стороны и военною администраціей или православнымъ духовенствомъ съ другой стороны. Если бы проектъ предлагалъ постановленіе о томъ, чтобы намѣстникъ былъ непремѣнно гражданиномъ Царства Польскаго, тогда указанныя изъятія были бы

понятны. Надо думать, однако, что это совершенно цѣлесообразное желаніе не скоро осуществится, а намѣстниками будутъ православные генералы. Такимъ образомъ, теперь уже уменьшать препятствія для назначенія намѣстниками природныхъ поляковъ безполезно. Напротивъ того, необходимо въ извѣстной мѣрѣ подчинить намѣстнику военное вѣдомство и вѣдомство синода. Экстерриторіальность такихъ обширныхъ организацій всегда чревата столкновеніями. Вѣроятно, въ тѣхъ же видахъ расчистить дорогу къ посту намѣстника для природныхъ поляковъ, включено въ уставъ постановленіе, что намѣстникъ не можетъ быть главнокомандующимъ войсками. Излишнее это ограниченіе, создающее въ краѣ военную власть, равную по рангу власти намѣстника, только усиливаетъ шансы конфликта.

Проектъ предполагаетъ, что казна Царства Польскаго участвуетъ въ нѣкоторыхъ спеціально перечисленныхъ общегосударственныхъ расходахъ и дѣлаетъ это «пропорціонально численному отношенію населенія края къ населенію *всего* государства». Тутъ прежде всего редакціонная ошибка: *все* государство включаетъ въ себя и Царство Польское, и Великое княжество Финляндское, чѣмъ доля Россіи въ этихъ расходахъ значительно повышается. Вмѣсто «всего государства» можно поставить «Имперіи». Однако, и эта редакція не будетъ справедливою, потому что въ имперію входятъ и обширныя азіятскія владѣнія, столь же полезныя населенію Царства, какъ и населенію Россіи, но вносящія въ общую казну меньше, нежели стоитъ ихъ управленіе. Полезны же они въ трехъ отношеніяхъ: какъ мѣсто сбыта продуктовъ промышленности, какъ мѣсто, гдѣ находятъ себѣ работу выходцы изъ европейской части государства и какъ территорія для колонизаціи. Все это одинаково полезно и необходимо русскимъ и полякамъ, а, слѣдовательно, и доплата за владѣніе азіятскими территоріями должна падать на тѣхъ и другихъ. Вѣдь это просто расходы на «министерство колоній», какъ они называются въ бюджетахъ западноевропейскихъ государствъ. Значитъ надо сказать: «къ населенію Европейской Россіи».

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на двухъ пробѣлахъ: во-первыхъ, о правѣ гражданства и взаимныхъ отношеніяхъ гражданства въ Россіи и Польшѣ; и во-вторыхъ, о равноправіи гражданъ. Если отсутствіе перваго является только пробѣломъ (хотя и важнымъ), то отсутствіе второго — уже прямо промахъ, способный произвести нехорошее впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Между тѣмъ, общественное мнѣніе и является главнымъ союзникомъ польскихъ автономистовъ. Конечно, все это еще исправимо и надо надѣяться, что будетъ исправлено, а пока мы можемъ пожелать, чтобы примирительная и болѣе чѣмъ умѣренная иниціатива польскаго коло Государственной Думы встрѣтила и въ парламентѣ и въ правительствѣ благожелательное отношеніе и внимательную разработку. Не будемъ забывать, что польская ав-

номія есть единственное рѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи. Сорокалѣтній опытъ обрусенія доказалъ свою непригодность, какъ и безнравственность.

II.

Въ Финляндіи впервые по новому избирательному закону происходили выборы въ преобразованный сеймъ. Всеобщее избирательное право, участіе женщинъ въ голосованіи, пропорціональная система—такова сущность новаго избирательнаго закона. Преобразованный сеймъ имѣетъ одну палату, вмѣсто четырехъ сословныхъ палатъ прежняго сейма (дворяне, духовенство, горожане, крестьяне). Въ палатѣ 200 членовъ. 15 (2) и 16 (3) марта происходило голосованіе. Результаты оно дало слѣдующія:

Избраны:	Соціалъ-демократы	80
	Старофинны	58
	Младофинны	25
	Шведы	24
	Аграріи	11
	Христіанская рабочая партія	2
		S = 200

Женщинъ избрано—19, въ томъ числѣ 9 соціалъ-демократокъ.

Въ старомъ сеймѣ существовало сначала двѣ партіи, шведская и финская. Дворянская палата была вся шведская, въ городской преобладали шведы, а духовная и крестьянская палаты имѣли финское большинство. Компромиссами между двумя шведскими и двумя финноманскими палатами вершились дѣла Финляндіи. О реформахъ никто не думалъ: жили патріархально; младшіе слушались старшихъ, пахали, работали, платили налоги и ренту; старшіе тратили доходы, получали жалованье, служили въ княжествѣ и въ имперіи, были преданы правительству и отечеству... Эта мирная спячка, вѣроятно, продолжалась бы еще неопредѣленно долгое время, если бы не страшный историческій шквалъ, набѣжавшій на страну въ лицѣ Бобрикова и Плеве. Онъ разбудилъ финскій народъ. Для защиты конституціи и свободы надо было оставить національные счеты. Шведы и передовая часть финновъ соединились для общей борьбы. Это раскололо финноманскую партію на младофинновъ, которые соединились съ шведами, и старофинновъ, которые продолжали враждовать со шведами и соглашались даже поддерживать политику Бобрикова, лишь бы онъ вытѣснилъ отовсюду шведовъ. Извѣстно, что все это кончилось революціей 1905 года, торжествомъ оппозиціи и вышеупомянутыми реформами избирательнаго закона и сеймоваго устава. Въ 1906 году эти реформы проведены черезъ старый сеймъ. Въ 1907 году они находятъ осуществленіе.

Изъ другихъ выше перечисленныхъ партій сейма слѣдуетъ отмѣтить аграріевъ. Только по имени они сближаются съ аграріями Германіи или Австріи. Это фракція младофинномановъ, которая ввела въ свою программу широкое покровительство земле-

дѣлію, преимущественно крестьянскому. Соціалъ-демократы и христіанская рабочая партія вполнѣ соотвѣтствуютъ одноименнымъ партіямъ Западной Европы. Кромѣ партій, представленныхъ въ настоящемъ сеймѣ, существуютъ еще нѣсколько партій въ Финляндіи, которыя будучи слабы въ настоящее время, могутъ пріобрѣсти больше значенія въ будущемъ. Таковы консерваторы, именующіе себя христіанскимъ избирательнымъ союзомъ и евангелическо-лютеранскимъ союзомъ. Таковы также умѣренные прогрессисты, умѣренные соціалисты (реформисты) и радикалы.

По свѣдѣніямъ корреспондента «Руси», голоса избирателей распредѣлились по партіямъ слѣдующимъ образомъ:

Соціалъ-демократы	328.569
Старофинноманы	243.742
Младофинноманы	122.100
Шведоманы	110.858
Аграріи	46.785
Христіанская рабочая партія	13.625
Христіанскій избират. союзъ	4.610
Евангел.-лютер. союзъ	5.971
Умѣренные прогрессисты	2.609
Nuupala (реакціонная)	1.246
Соціалисты-реформисты	217
Радикалы	141
Безпартійные	5.097
	S = 885.570

Всѣхъ поданныхъ голосовъ было около милліона, такъ что около ста тысячъ здѣсь не распредѣлены. Это голоса Улеаборгской губерніи и захолустныя мѣста другихъ губерній. Относительное распредѣленіе голосовъ и депутатовъ явствуетъ изъ слѣдующей таблички:

	Голосовъ. %	Депутатовъ. %
Соціалъ-демокр.	37,23	40,00
Старофинны	27,65	29,00
Младофинны	13,80	12,50
Шведоманы	12,41	12,00
Аграріи	6,30	5,50
Христіанская рабочая партія . . .	1,60	1,00

Такимъ образомъ, распредѣленіе депутатскихъ мѣстъ очень близко къ распредѣленію избирателей. Пропорціональная система выборовъ вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее ожиданія. Финляндія сдѣлала первая опытъ примѣненія этой системы, какъ она же первая въ Европѣ даровала избирательное право женщинамъ. И это дарованіе оправдало возлагавшіяся на него ожиданія. Честь и слава финскому народу, сумѣвшему занять мѣсто въ авангардѣ европейской культуры, въ авангардѣ политической справедливости. Можно только пожелать, чтобы новый сеймъ сохранилъ за своимъ отечествомъ эту благородную позицію и чтобы его законодательная дѣятельность обезпечила финскому народу дальнѣйшіе успѣхи демократіи и цивилизаціи. Крупныхъ соціальныхъ реформъ отъ этого сейма ждать нельзя (соціалисты сост:

вляютъ меньшинство), но и затѣмъ остается очень много задачъ, не выполненныхъ раньше, частью благодаря тормозившему ихъ правительству, частью благодаря старому сейму, гдѣ феодальные классы могли тоже тормозить всякую демократическую инициативу. Теперь послѣдній тормазъ совершенно упраздненъ. Значеніе же перваго выяснится въ первой же сессіи новаго сейма.

Въ иностранныхъ газетахъ настойчиво сообщаютъ отъ времени до времени, что стягиваемыя къ Петербургу войска предназначаются для оккупаціи Финляндіи, такъ какъ тамъ выборы обнаружили огромную силу революціонеровъ. Будемъ надѣяться, что эти зловѣщія прорицанія не оправдаются, и мы не будемъ присутствовать при завоеваніи Финляндіи и уничтоженіи ея свободы и ея культуры. А на всякій случай не мѣшаетъ помнить слѣдующія неблагополучныя сообщенія изъ Сѣверной Америки («Трудъ и Право»).

«Движеніе въ пользу протеста и даже активнаго вмѣшательства правительства Соединенныхъ Штатовъ противъ жестокостей, творимыхъ «конституціоннымъ» русскимъ правительствомъ въ его борьбѣ противъ русскаго народа, принимаетъ тамъ, за океаномъ, размѣры и характеръ широкаго общественнаго движенія.

«И знаменательно то, что въ движеніи этомъ принимаютъ горячее участіе люди, которые недавно можетъ быть относились, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, дружественно къ русскому правительству. Подъ петиціями къ президенту и конгрессу можно прочесть имена людей, занимающихъ солидное общественное положеніе, людей, пользующихся громаднымъ вліяніемъ на широкіе слои населенія Соединенныхъ Штатовъ.

«На публичныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ теперь по всей странѣ обществомъ «друзей русской свободы», выступаютъ ораторы съ громкими, извѣстными всей странѣ именами.

«Такъ, на одномъ такомъ собраніи, въ громадной залѣ Auditorium въ Чикаго, собравшемъ свыше 7 тысячъ человѣкъ, предсѣдательствовалъ извѣстный вождь демократической партіи William Jenings Bryan, котораго прочатъ опять въ кандидаты на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ.

«Въ своей вступительной рѣчи Брайанъ сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Общественное мнѣніе націй рано или поздно дѣлается закономъ страны. Общественное мнѣніе въ наше время играетъ гораздо большую роль, чѣмъ когда-либо.

«Мое мнѣніе, что наша нація имѣетъ право высказываться по вопросамъ, не только касающимся непосредственно насъ самихъ, но и по вопросамъ, имѣющимъ несомнѣнное значеніе для всего человѣчества и имѣющимъ отношеніе къ какой бы то ни было странѣ. Это право обязываетъ, однако, къ извѣстному долгу, и наша страна не исполнила бы этого долга, если она свой голосъ и вліяніе, не колеблясь при этомъ ни минуты, не употребитъ въ пользу дѣла свободы.

«Если гдѣ-либо и какой-либо народъ борется за свободу, то нашъ долгъ освѣдомить его, что наши симпатіи всецѣло на его сторонѣ.

«Мы измѣнили бы нашей собственной приверженности къ идеямъ конституціоннаго образа правленія, если бы мы не оказали поддержку тѣмъ, которые борятся за установленіе такого правленія въ своей странѣ. Мы не должны дать повода другимъ націямъ изобличить насъ въ томъ, что мы измѣнили традиціямъ нашей страны, нашимъ убѣжденіямъ и нашимъ надеждамъ».

Еще энергичнѣй звучалъ призывъ извѣстнаго епископа Поттера на томъ же собраніи.

«Принято думать, — заявилъ епископъ, — что одна нація не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла другой. Но въ исторіи человѣчества наступило уже давно время, когда интересы всѣхъ націй такъ тѣсно переплетены между собою, что не можетъ быть терпимо и допустимо въ какой-либо отдѣльной изъ нихъ существованіе такихъ условій, которыя являются наглымъ вызовомъ человѣчеству и цивилизаціи.

«Развѣ нельзя признать, что другія страны имѣютъ право и обязаны вмѣшаться во внутреннюю политику страны, если эта политика ведется ею такъ, что она является позорнымъ клеймомъ на всемъ человѣчествѣ.

«Какое, спрашивается, право имѣли Соед. Шт. вмѣшаться въ дѣла Кубы? Тѣмъ не менѣе мы пошли въ терзаемый тогда произволомъ островъ и дали свободу народу. Если Испанія въ то время потеряла право невмѣшательства другихъ странъ, то Россія въ тысячу разъ больше потеряла это право».

«Соед. Шт. должны дѣйствовать. Таково настроеніе американскаго общества по отношенію къ нашему конституціонному правительству».

Стыдно читать эти извѣстія и, казалось бы, дальше идти униженію нашей несчастной родины некуда, но можетъ случиться, что она бѣдная приведена будетъ и къ худшему... Покорная, она будетъ завоевывать свободную страну и увидитъ, какъ отъ нея будутъ освобождать и ограждать, какъ было прежде только въ Турціи... Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ имѣть въ виду эти возможности тѣмъ, кто подстрекаетъ и будетъ подстрекать къ финляндскому походу, сопровождаемому партизанскими отрядами карательныхъ экспедицій. Не мѣшаетъ помнить, что это подстрекательство подготовляетъ не только позоръ и униженіе Россіи, но и ея расчлененіе.

С. Южаковъ.

Ред.-изд. *В. Г. Короленко.*

В. Бронштейна—40 р.; отъ студента I. Шліомкиса, изъ Керчи—6 р. 50 к.; черезъ студента Я. Рудицкаго, собран. со студенч. вечера въ гор. Мстиславлѣ—94 р.

Итого . . . . 464 р. 65 к.

А всего съ прежде поступившими . . . . 1315 р. 19 к.

Передано, черезъ Н. Ѳ. Анненскаго, въ комитетъ по оказанію помощи голодающ. при В. Э. О. . . . . 1000 р.

Остается въ конторѣ . . . . 315 р. 19 к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ М. Ефремова, изъ Ялты—20 р.; отъ С. Ющинскаго, изъ Гродно—13 р.; отъ неизвѣстнаго, въ память Льва Яковлева—3 р.; отъ пастора И. Шепетиса, изъ Линкова — 5 р.; отъ М. Чеботарева, изъ Орла—10 р.; отъ д-ра А. Николаева, изъ Шлиссельбурга—5 р.; отъ подписчицы „Р. Б.“ № 8215—2 р.; отъ А. Б., В. Ш., С. Р.—10 р.; черезъ учителя Д. Семена — 8 р. 55 к.; отъ казаковъ: Я. С. Дергача—2 р. и М. М. Золотарева — 1 р.; отъ Д. Волчкова, изъ Пензы—3 р.; отъ А. С.—3 р.; отъ Н. Рентельнъ, изъ г. Велижа—6 р. 60 к.; отъ Ефремова, изъ Ялты — 29 р. 95 к.; отъ неизвѣстной, черезъ „Современ. Міръ“—35 р.; отъ Нижне-Волжскаго землячества студент. при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ—75 р.; отъ Е. Пушечниковой, изъ Орла — 10 р.

Итого . . . . 242 р. 10 к.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ I-го призыва: отъ М. Ефремова, изъ Ялты—10 р.

Въ пользу дѣтскихъ столовыхъ въ голодающ. губ.: отъ подписчицы „Р. Б.“ № 8215—4 р.; отъ у-въ и у-цъ С. Ново-Алексѣевки, Тавр. губ.—4 р. 50 к.; отъ Е. Хитровой, изъ Харькова—5 р. 25 к.

Итого . . . . 13 р. 75 к.

А всего съ прежде поступившими . . . . 38 р. 75 к.

Въ фондъ имени Г. Б. Іоллоса по изданію политической литературы: черезъ д-ра Кащенко, собран. служащ. Алексѣевской психіатрич. больницы въ Москвѣ—8 р. 37 к.

Въ фондъ имени Г. Б. Іоллоса при литерат. фондѣ: отъ Ефремова, изъ Ялты—10 р.

Въ пользу шлиссельбургскаго комитета: отъ Митропольскаго, изъ Новочеркасска, черезъ „Соврем. Міръ“—1 р.

Въ пользу рабочихъ, пострадавшихъ отъ локаута въ г. Лодзи: отъ херсонскихъ учащихся, черезъ В. Бронштейна—40 руб.

Widener Library
3 2044 098 427 305